

Екатеринбург. 1919 г. (документы 1—33)

Генерал-лейтенант Дитерихс М. К. Письмо Прокурору Екатеринбургского окружного суда, 31 мая 1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 52—53. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв; [Т.] VIII).

Секретно

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

М. К. ДИТЕРИХС

Мая 31 дня 1919 года

№ 77

Екатеринбург.

г. прокурору Екатеринбургского

окружного суда

Даю знать Вам, г(осподин) прокурор, что представленные Вами мне сведения о намерении горного инженера Ипатьева продать свой дом, где держалась в заключении Августейшая Семья, мною сего числа были лично доложены господину Верховному правителю. Верховный правитель повелел мне приказать Вам объявить Ипатьеву, что он запрещает Ипатьеву продавать кому-либо этот дом впредь до дальнейших о сем Его, Верховного правителя, распоряжений.

Прилагая при сем шесть тысяч рублей, прошу выдать их г. Ипатьеву, как плату за аренду его дома из расчета по тысяче рублей в месяц, считая началом аренды день очищения дома от Управления начальника инженеров армии.

Расписки Ипатьева в объявлении ему воли Верховного правителя и в получении шести тысяч рублей аренды за шесть месяцев вперед поручаю Вам представить мне.

Генерал-лейтенант Дитерихс

Прокурор Екатеринбургского окружного суда Иорданский В. Письмо Генерал-лейтенанту Дитерихсу М. К., 27 мая 1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 52. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв; [Т.] VIII).

Секретно

М. Ю.

ПРОКУРОР

ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО

ОКРУЖНОГО СУДА

27 мая 1919 г.

№ 68 с

Екатеринбург

Его превосходительству

генерал-лейтенанту

М. К. Дитерихсу

Несколько времени тому назад лично Вы сообщили мне о том, что Правительство намерено приобрести в собственность находящийся в городе Екатеринбурге дом, в коем находился в заключении бывший Император Николай II с Семьею и в коем он затем и был убит.

По имеющимся у меня точным сведениям собственник того дома горный инженер Ипатьев в настоящее время ведет переговоры о продаже этого дома Русско-чешской торговой палате, причем вопрос о продаже уже решен в положительном смысле и, как мне известно, дело задерживается за отсутствием в данный момент у Русско-чешской торговой палаты средств. Продажа должна состояться в непродолжительном времени.

Полагая, что в случае перехода этого дома в собственность Русско-чешской торговой палаты вопрос о выкупе его должен значительно осложниться, о вышеизложенном я счел своим долгом довести до сведения Вашего превосходительства на предмет принятия соответствующих мер.

Прокурор Иорданский

Секретарь Богословский

Генерал-лейтенант Дитерихс М. К. Письмо Начальнику Штаба 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса, 17 мая 1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 26—27. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

СОСТОЯЩИЙ

В РАСПОРЯЖЕНИИ

ГЛАВКОВЕРХА

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

М. К. ДИТЕРИХС

17 мая 1919 г.

№ 42

Начальнику Штаба

1-го Средне-Сибирского армейского корпуса

Верховным правителем возложено на меня собрать все вещи, драгоценности и документы, принадлежавшие убитым членам б(ывшей) Царской Семьи.

По имеющимся у меня от прокурора Пермского окружного суда сведениям, некоторые вещи

были сданы на хранение во вверенный Вам штаб бывшим начальником военного контроля полковником Никифоровым, а некоторые — нынешним начальником военного контроля в Перми¹³.

Если сведения эти правильны, то прошу Вашего распоряжения препроводить все вещи мне, в Екатеринбург, через прокурора Екатеринбургского окружного суда, сопроводив их указаниями, где каждая вещь была найдена или взята.

Генерал-лейтенант Дитерихс

Генерал-лейтенант Дитерихс М. К. Письмо Верховному правителю Колчаку А. В., 10 мая 1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 26. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Сов(ершенно) секретно

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

М. К. ДИТЕРИХС

10 мая 1919 г.

№ 40

Его высокопревосходительству

Верховному правителю

(А. В. Колчаку)

Согласно разрешения Вашего высокопревосходительства, судебный следователь Н. Соколов, 9-го сего мая, имел разговор с г. Ипатьевым, владельцем дома, где проживала в г. Екатеринбурге б(ывшая) Царская Семья, по вопросу о найме этого дома казной.

Г. Ипатьеву частными лицами предлагалось за наем его дома 14 000 рублей в год и отопление за счет нанимающих. Г. Ипатьев согласен уступить казне дом за 12 000 рублей в год без отопления. При этом, оставаясь жить в нижнем этаже дома, г. Ипатьев принимает на себя внутреннюю охрану дома. Для наружной охраны в ночное время надо учредить один наружный милицкий пост (будка у дома имеется). Для поддержания дома зимой в должной температуре потребуется в год 24 сажени дров.

Таким образом, наем дома казною обойдется в год около 25 000 рублей.

Генерал-лейтенант (Дитерихс)

[Соколов Н. А., Дитерихс М. К.] [Протокол о предъявлении судебному следователю по особо важным делам Н. А. Соколову следственного производства Сергеева об убийстве Великих Князей в г. Алапаевске, 9 февраля 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 18—19. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1919 года февраля 9 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном

суде Н. А. Соколов, прибыв сего числа к генерал-лейтенанту Дитерихсу, предъявил ему подлинный ордер г(осподина) министра юстиции от 7 сего февраля за № 2437, находящийся в деле № 20 об убийстве отрешившегося от престола Государя Императора Николая Александровича и членов Его Семьи, и просил выдать подлинное следственное производство члена Екатеринбургского окружного суда Сергеева об убийстве Великих Князей в г. Алапаевске.

Генерал-лейтенант Дитерихс предъявил подлинное следственное производство названного Сергеева, озаглавленное: “Дело об убийстве бывших Великих Князей в Алопаевске”. В деле этом оказалось сто двадцать четыре пронумерованных, прошнурованных, припечатанных сургучной печатью Екатеринбургского окружного суда и скрепленных подписом Сергеева листа. Кроме того, в деле вшиты копия требования генерал-лейтенанта Дитерихса от 23 января 1919 года за № 119 на имя Сергеева и подлинное постановление сего последнего от 25 того же января о передаче названного дела генерал-лейтенанту Дитерихсу на двух листах.

На нахождение у себя дела генерал-лейтенант Дитерихс предъявил подлинный приказ Верховного правителя от 17 января 1919 года за № 36.

Судебный следователь Н. Соколов

Генерал-лейтенант Дитерихс

[Удостоверение генерала-лейтенанта М. К. Дитерихса, 9 февраля 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 18. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ВОЕННЫЙ МИНИСТР

9 февраля 1919 г.

№ 507

УДОСТОВЕРЕНИЕ

По повелению Верховного правителя, все военные и гражданские должностные лица обязываются оказывать полное содействие, предъявителю сего, Генерального Штаба, генерал-лейтенанту Дитерихсу, при проезде его в своем поезде для выполнения особо возложенного на него поручения.

Что подписью с приложением казенной печати удостоверяется.

Генерального Штаба, генерал-майор (Степанов)

Начальник Главного Штаба, Генерального Штаба,

генерал-майор (Марковский)

Прокурор Екатеринбургского окружного суда Иорданский В. Письмо Главнокомандующему Западным фронтом Дитерихсу М. К., 24 января 1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 14—15. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

М. Ю.

ПРОКУРОР

ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО

ОКРУЖНОГО СУДА

24 января 1919 г.

№ 66

Екатеринбург

Господину Главнокомандующему

Западным фронтом

(М. К. Дитерихсу)

Согласно приказания от 23 января 1919 года за № 120, основанного на повелении Верховного правителя, подлинные следственные производства по делам об убийстве бывшего Государя Императора Николая II, Его Семьи и других членов Царского Дома должны быть выданы Вашему превосходительству, причем, однако, розыскная и следственная деятельность должна продолжаться по “копиям необходимых документов”.

Считаю своим долгом доложить, что успешное продолжение розыскной и особенно следственной работы по этим делам может быть только при условии, если в руках следователя будут находиться копии со всего следственного производства по каждому из упомянутых дел. Между тем, снять таковые копии в столь краткий срок времени сдачи дел не представляется возможным.

По первому из упомянутых дел — об убийстве бывшего Государя Императора Николая II в самом ближайшем времени предстояло составление постановления о привлечении в качестве обвиняемых целого ряда изобличенных в этом преступлении лиц, каковой акт может быть выполнен при наличии копии с следственного производства. Что касается второго дела — об убийстве в гор. Алапаевске членов бывшего Царского Дома — Великих Князей — то дело это, находящееся в производстве того же члена суда И. А. Сергеева, согласно определения общего собрания отделений Екатеринбургского окружного суда от января 1919 года, основанного на требовании господина министра юстиции, подлежит передаче для дальнейшего следствия члену окружного суда Ф. И. Михновичу, каковое распоряжение исходило из тех соображений, чтобы каждый из членов суда, производящих следствие по этим делам, мог сосредоточить на них неослабное внимание.

Между тем, продолжение следствия по этому последнему делу без наличия у производящего таковое члена суда Михновича, который не знаком с этим делом, копии со всего следственного производства, представляется особенно затруднительным.

Ввиду сего, продолжая свою дальнейшую деятельность по расследованию этих дел, я, вместе с тем, считаю своим долгом ходатайствовать перед Вашим Превосходительством о том, чтобы последовало распоряжение о безотлагательном снятии копий со следственных производств по этим делам на предмет передачи их производящим следствие членам суда.

Прокурор В. Иорданский

Секретарь Богословский

Главнокомандующий Западным фронтом Дитерихс М. К. Письмо прокурору Иорданскому В., 23 января 1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 14.

23 января 1919 г.

№ 118

Прокурору

Всех задерживаемых по подозрению в участии и в причастности к убийству бывшей Царской Семьи и прочих членов Дома приказываю содержать в тюрьмах закованными.

Ген(ерал)-лейт(енант) Дитерихс

[Протокол допроса Е. Н. Эрсберг, 6 июля 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 135—148. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года июля 6 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, и она показала:

Елизавета Николаевна Эрсберг, 40 лет, сословного происхождения своего не знаю, постоянное теперь местожительство имею в Тюмени, по Тобольской, 4, православная, грамотная, в деле чужая, не судилась.

В продолжение 16 лет я состояла на службе при Августейшей Семье в качестве помощницы няни Александры Александровны Теглевой.

В момент переворота Августейшая Семья вся, кроме, конечно, Государя, находившегося тогда в Ставке, жила в Царском. Дети в это время болели корью.

Я не знаю, от кого и каким именно способом осведомилась Императрица о перевороте. Об отречении Государя Она, вероятно, узнала из Манифеста Его, напечатанного в газетах.

Она была очень выдержана и держала себя в руках. Она, видимо, не теряла надежды на лучшее будущее. Я помню, что, когда Она увидела меня плачущей после отречения Государя, Она меня утешала и говорила, что “народ одумается, призовет Алексея и все будет хорошо”. Я не могу ничего Вам рассказать про приезд к нам Корнилова. Знаю я только, что Корнилов приезжал арестовать Императрицу. Все, кто согласился быть с Ними после этого, также считались арестованными. Но мне пришлось видеть Императрицу в один из моментов, когда Корнилов был еще у Нее. Я видела Ее в это время плачущей, и Она принимала валерьяну. Сама я ничего не слышала от Императрицы относительно приезда к нам Корнилова и не могу рассказать, как к этому относилась Императрица и как держал себя с Нею Корнилов.

Я помню сцену приезда во дворец Государя. Эта сцена была тяжелая. Государь подъехал к воротам на автомобиле. Ворота были заперты. Часовые Его не пропускали. Я эту сцену наблюдала в окно. Тогда вышел бывший в охране какой-то прапорщик (фамилию я его забыла), такой грубый и грубым жестом приказал: “Пропустите”. Тяжело было видеть эту сцену. Государь сначала прошел к Императрице. Я сама не видела Их встречи. Но Анна Степановна Демидова, личная девушка при Государыне, нам говорила, что Они Оба плакали. Потом Государь прошел к Детям. Он старался быть спокойным.

Жизнь внутри дворца в Царском мало изменилась после переворота. Уклад жизни был тот же.

Ограничена была Августейшая Семья в свободе передвижения: Она была арестована и, как арестованная, Она не могла никуда выходить, кроме некоторых отведенных для этого мест парка. Всегда в это время за Ними следовали по пятам офицер и солдат. Все письма, вообще, всякая корреспонденция читалась комендантом.

Душе же Их, конечно, за это время было тяжело. Однажды Государь поздоровался с солдатами, как всегда, Солдаты Ему не ответили на Его приветствие. Был в отряде один офицер. Я забыла его фамилию и не знаю, какой воинской части он был. Но помню, он бывший студент. Он имел особое усердие следить за Ними и, когда он шел за Государем на прогулках, чуть не наступал на Его пятки. Был один или несколько случаев, когда Государь остался с протянутой рукой: офицер не подал Ему руку. Когда Государыня была в парке, к Ней подсел однажды какой-то солдат, непринужденно развалился и завел с Государыней разговор. Отобрали однажды у Алексея Николаевича ружье. Алексей Николаевич очень был этим огорчен. Это ружье потом Кобылинский по частям переносил и передавал Алексею Николаевичу. В нижнем коридоре дворца солдаты вели себя цинично: бранили Государя, называя Его “Николашкой” при прислуге, которая была предана Семье и долго находилась при Ней.

Не могли Они не страдать также еще и от проявления чувств неблагодарности к Ним со стороны некоторых лиц. В эти тяжелые для Них дни около Них были граф Бенкендорф, князь Долгорукий и доктор Боткин. Затем еще были жена Бенкендорфа, мать Долгорукого и старуха Нарышкина. Многие другие повели себя недостойно. Ни разу к Ним не явился сын Нарышкиной свитный генерал Нарышкин. Убежал от Них начальник конвоя граф Граббе. Ушел граф Апраксин. Ушел командир сводного Его Величества полка Рессин. Я думаю, Им неприятно было поведение гвардейского экипажа. Когда экипаж уходил, многие матросы, считавшиеся преданными Семье, те самые матросы, которые находились при “Штандарте” и “Полярной Звезде”⁶⁴, грозили оставшемуся при Семье Нагорному. Ни разу к Ним не пришел и ушел от Них старший офицер гвардейского экипажа флигель-адъютант Николай Павлович Саблин. Изменил Им считавшийся преданным дядька Алексея Николаевича Деревенько⁶⁵. Он оказался вором и после переворота проявил даже злобные чувства к Алексею Николаевичу. Относительно Керенского я могу сказать следующее. Я видела его или в первый раз, когда он приезжал во дворец, или в одно из первых его посещений дворца. Лицо у него было надменное, голос громкий, деланный. Одет он был неприлично: в тужурку, без крахмаленного белья. Вероятно, общение с Августейшей Семьей, в которой он не мог не почувствовать хороших людей, повлияло на него к лучшему, и он, вероятно, потом изменился в отношениях с Семьей. Я не помню, от кого, но мне пришлось слышать, что перед отъездом Семьи в Тобольск он, разговаривая с Государем, говорил Ему, что он из добрых побуждений переселяет Семью из Царского в Тобольск, как удаленный от железных дорог, тихий и спокойный город, где Им будет лучше; что он, Керенский, надеется, что Государь не усмотрит в его действиях “ловушки”. Государь ему ответил, что он верит Керенскому.

Перед отъездом в Тобольск Государь один виделся с Михаилом Александровичем. Керенский, как я слышала, отошел от Них в это время на некоторое расстояние.

Переезд наш в Тобольск протекал в хороших условиях. Мы ехали в удобных вагонах; наш поезд следовал, принаровляясь к нашим удобствам. Августейшая Семья, когда желала, выходила и шла вдоль полотна, а поезд шел медленно за Ней. Настроение было хорошее. Дети были веселы. Сама поездка, конечно, создавала такое настроение, в особенности, быть может, после жизни в Царском, где было беспокойно в последнее время. Однако я не могу забыть одной шутки тогда Алексея Николаевича. Играя с нами в карты, Он, шутя, сказал: “Э, братцы, стойте! И от тюрьмы не уйдем”.

Приехав в Тобольск, мы некоторое время прожили на пароходе “Русь”, на котором мы прибыли туда. В это время дом приводился в порядок. После этого мы перешли в этот дом. Государыня ехала туда с Алексеем Николаевичем в экипаже. Все остальные шли пешком. Разместились в двух домах: в губернаторском доме и в доме Корнилова. В последнем находились: Татишев.

Долгорукий, Боткин, Деревенко, Гендрикова, Шнейдер, Буксгевден (прибывшая после нас) и Гиббс. Августейшая Семья и все остальные лица, прибывшие с Ней, поселились в губернаторском доме.

Дом губернаторский был удобный во всех отношениях: теплый, светлый, достаточно просторный, и комнаты были удобно расположены.

Уклад жизни в Тобольске был тот же, что и в Царском. Мария Николаевна, Татьяна Николаевна и Анастасия Николаевна вставали в 8 часов. И Алексей Николаевич вставал в это же время. Ольга Николаевна вставала в 9. Государь тоже вставал в 9. Императрица просыпалась рано, но обыкновенно Она до завтрака оставалась в кровати, занимаясь чем-либо. Государь пил чай у себя в кабинете с Ольгой Николаевной. Императрица пила утренний кофе всегда в постели. Все остальные пили чай в общей столовой. После чая Государь обыкновенно читал у себя в кабинете. Дети, кроме Ольги Николаевны, имели уроки до 11 часов. С 11 до 12 у них была перемена. В 12 часов Им подавались бутерброды и молоко. В это время к Детям всегда приходил закусывать и Император. От 12 до 1 часа тоже были уроки. В час был завтрак. После завтрака Дети и Государь шли гулять. Очень редко выходила гулять Императрица, сидевшая иногда на балконе. В 5 часов был вечерний чай, который Семья пила всегда в кабинете у Государя. После чая Дети занимались опять. Если же не было уроков, занимались чем-либо: рисовали, вышивали. В 8 часов был Медицинское отделение Красного Креста в Харбине.

Медицинское отделение Красного Креста в Харбине. 1905 г. В центре сидит Евгений Сергеевич Боткин

обед. После обеда Дети играли или вообще свободно проводили время. В 11 часов был чай в гостиной Императрицы.

Стол был хороший: супы, мясные и рыбные блюда, сладкое. Обед был такой же, как и завтрак.

Население города относилось к Ним хорошо. Много разных приношений из провизии присылалось Им. Многие продукты присылал монастырь. Народ оказывал почтение Семье. Когда проходившие мимо дома видели кого-либо в окнах дома из Августейшей Семьи, кланялись и даже крестили. А раз одна старушка, проходя мимо дома, ругательски ругала солдат: “проклятые, прохвосты”, за то, что они держат под арестом Царскую Семью.

Жили Они простой семейной жизнью, как все люди, и Им было на первых порах Их пребывания в Тобольске лучше, чем в Царском: покойнее.

Там хоть разные петроградские газеты не могли Им доставлять удовольствия, а здесь Они были вдали от всего этого.

Многие солдаты из нашего караула относились к Ним хорошо. Такие жалели и на словах и на делах Семью. Помню, особенно хорошо к Ним относился солдат 1-го полка стрелок Мель. Он весьма старался, от души старался устроить в доме, как лучше для Них, когда мы приводили его в порядок. Хорошо относились офицеры Зима, Малышев, Пыжев. В высшей степени хорошо, душевно относился к Ним Кобылинский. Он Их любил, и Они хорошо все относились к нему. Он был весьма предупредителен к Ним и заботился о Них. Но ему было очень тяжело ладить с распущенными солдатами и приходилось быть весьма осмотрительным. Он однако проявлял большой такт. Не будь около Них Кобылинского, я уверена, много худого Они могли бы пережить при ином человеке.

Сначала, когда мы приехали в Тобольск, никаких комиссаров при нас не было. Месяца через два прибыл комиссар Панкратов с помощником Никольским. Панкратов был хороший, честный, добрый человек. Он хорошо в душе относился к Ним и, как заметно было, жалел Их. Особенно он любил Марию Николаевну. Однажды Она зашибла себе глаз: упала. Он, услышав об этом,

сейчас же прибежал и заметно беспокоился из-за этого. Так же он относился к болезням Алексея Николаевича. Он и к Государю относился внимательно. Иногда он приходил к нам и любил рассказывать Княжнам и Алексею Николаевичу о своей ссылке в Сибири. Они любили его слушать. Никольский был страшно грубый и недалекий. Он худо относился не только к Ним, но и к нам. Он нас заставил сняться, чтобы не мог посторонний пробраться в дом. Когда ему кто-то заметил о бесцельности этого, он сказал, приблизительно, так: “Нас заставляли, ну, пусть теперь они (т. е. не Они а “мы” в действительности) почувствуют”. Нам с разрешения правительства было прислано в ящиках из Царского лекарственное вино: “Сен-Рафаэль”. Никольский, как увидел это, вскочил на ящики, давай их рубить и все вино уничтожил. Его даже солдаты за это ругали “идиотом”. Увидел однажды он, что Алексей Николаевич выглянул, кажется, через забор и в грубой форме сделал Ему за это замечание. Алексея Николаевича самая форма замечания обидела. Кобылинский имел тогда с ним, кажется, объяснение по этому поводу.

Оба они, Панкратов и Никольский, были ссыльные и были партийные люди. Никольский, кажется, был с более сильным характером, чем Панкратов. Вероятно, он влиял на него, и они стали читать солдатам “лекции”. После этого солдаты стали разлагаться, и худые из них стали вести себя хуже с нами. Однажды Государь обратился к одному из солдат: “Здорово, стрелок”. Тот ему ответил: “Я не стрелок, а товарищ”. Я помню, что об этом мне передавали, кажется, Дети. Этот солдат потом был в числе тех, которые от нас ездили провожать Государя при перевозе Его из Тобольска и, вернувшись назад, стал совсем другой: его, кажется, проучили большевики в Екатеринбурге. Однажды они вырезали на доске качелей, которыми пользовались Княжны, нехорошее слово. Они из озорства срыли, т. е. перерыли, вообще привели в негодный вид ледяную гору, единственное развлечение для Детей в Тобольске. Они заставили Государя снять погоны. Они запретили Им ходить в церковь, и при богослужениях, которые после этого стали совершаться на дому, стал присутствовать солдат. Они в конце концов выселили из Корниловского дома всех находившихся там лиц в губернаторский дом и всех их считали арестованными.

После ухода от нас Панкратова с Никольским к нам был назначен какой-то комиссар, кажется, из Омска. Но мы его ни разу не видали, и он себя ничем не проявлял.

Большевистский переворот отразился на материальном благополучии Царской Семьи. Содержание от казны было прекращено, и Они были посажены на солдатский паек. Было тогда же уволено 10, кажется, человек прислуги, и вообще произошли урезки. Изменился стол. Но все-таки было все это сносно, пока еще терпимо.

Потом приехал к нам комиссар Яковлев. Я видела Яковлева, когда он шел с Государем по дому. Он был вежлив с Государем и производил впечатление человека сравнительно интеллигентного. Такое же впечатление он производил, как мне известно, и на других. Я не видела встречи Яковлева с Государем и Императрицей в зале и не слышала их разговора. Цель приезда к нам Яковлева заключалась в том, что на него большевистским правительством было возложено поручение увести Государя из Тобольска. Все тогда знали, что Яковлев приехал из Москвы и распоряжается по уполномочию из Москвы. Княжны передавали мне со слов, конечно, Родителей, что Яковлев везет Государя в Москву. И Государь и Государыня, по словам Княжен, думали, что большевики хотят перевезти Его в Москву, чтобы Он заключил мирный договор с немцами. Из-за этого Государыня и страдала. Она знала слабый характер Государя. Алексей Николаевич болел. Значит, на Государя там они и могли подействовать в желательном для себя направлении, угрожая Ему благополучием Сына и оставшихся с Ним. Вот почему Императрица и решила ехать сама с Государем, думая, что Она может воздействовать на Него в таком направлении, как это лучше для Их блага. Вот такой смысл носили разговоры мои с Княжнами по поводу увоза Государя, цели этого увоза.

Уехали Они втроем: Государь, Императрица и Мария Николаевна. С Ними же уехали Боткин, Долгорукий, Чемодуров, Седнев и Демидова. Условия переезда их были уже совсем не те, что раньше, когда мы ехали в Тобольск. Они поехали в откатываемых тележках без всяких

рынке, когда мы ехали в Тобольск. Они лежали в стратегических местах, для всяких удобств.

Некоторое время мы совершенно не знали, что делается с Ними. Потом пришла телеграмма, где значилось, что Их остановили в Екатеринбурге. Я, впрочем, хорошо не помню, была ли телеграмма. Почему-то это не удержалось в моей памяти. Возвратившиеся назад офицеры и солдаты, ездившие провожать Их, говорили, что Яковлев из Тюмени поехал на Екатеринбург, но вынужден был вернуться дорогой назад, так как получил сведения, что Екатеринбург Их не пропустит. Тогда он снова из Тюмени поехал по направлению к Омску. Однако и здесь его не пропустили. Тогда, переговорив откуда-то по прямому проводу с Москвой, он отвез Их в Екатеринбург.

Здесь, как рассказывали солдаты и офицеры, Государь с Государыней и Марией Николаевной сначала были отведены в какое-то помещение, а уже потом Они были доставлены в дом Ипатьева.

Спустя некоторое время приехали и за Детьми. К нам пришел в дом комиссар Хохряков, а потом появился Родионов. Главным считался Хохряков. Но он ничем себя не проявлял. Он был похож на простого матроса. А Родионов был не похож на простого, не интеллигентного человека. По моему мнению, это был по всем приемам жандармский офицер, а не солдат. Он худо относился к нам, грубо. Он в грубой форме запретил Ольге Николаевне затворять на ночь двери и предупредил, что иначе он сломает дверь. Он обыскал Нагорного и придирался к нему за то, что увидел у него в кармане записку от Коли Деревенко к Алексею Николаевичу. Как увидел, должно быть, преданного Алексею Николаевичу человека, так и начал его преследовать. Отношение его к Княжнам было такое, что как будто бы он вызывал Их гнев. Он обыскал монахинь, когда они пришли к нам на богослужение, и поставил около священника во время службы красноармейца. Он с видимым удовольствием говорил нам, что в Екатеринбурге режим другой, и прибавлял при этом: “Я устанавливал”. Хохряков держал себя совсем иначе. Он понравился Алексею Николаевичу. Этого Родионова узнал Татищев, и Татищева узнал Родионов.

Татищев ему сказал, что он его знает. Родионов ответил, что и он его знает. Тогда Татищев спросил его: “Интересно знать, при каких условиях я вас видел”. Родионов ему ответил: “Об этом не стоит вспоминать”. Но после этого он стал предупредительным с Татищевым и проявлял ему знаки внимания: велел наклеить ярлычки на чемоданы Татищева для выделения их из общей массы других вещей.

Кажется, 6—7 мая по старому стилю мы выехали из Тобольска и через несколько дней прибыли в Екатеринбург. Дорогой Родионов также худо держал себя с нами. Он не позволял в грубой форме, с придирами затворять Княжнам Их каюты. Алексея Николаевича с Нагорным он запер снаружи на ключ, и Нагорный нарочно разбудил его ночью, требуя выхода.

Утром, когда мы были в Екатеринбурге, в наш вагон (я находилась с Детьми) явилось двое. Один был Заславский, другого я не знаю⁶⁶. Мне тогда говорили, что это Заславский, но кто говорил, я теперь не помню; там же около вагона говорили. Другого я не знаю и не помню. Фамилии Белобородова я тогда не слышала. Они потребовали от Детей, чтобы Они выходили. Были поданы извозчики. На одном с Ольгой Николаевной сел Заславский. На другом Хохряков с Алексеем Николаевичем, а на третьем Татьяна Николаевна с Анастасией Николаевной. Другой из прибывших в вагон куда-то исчез. Родионов же оставался тут около вагонов. Потом, спустя некоторое время, явился снова Заславский и потребовал Татищева, Гендрикову и Шнейдер. Он сам их куда-то увел. После этого Родионов сказал нам: “Ну, через полчаса и ваша судьба решится. Только ничего страшного не бойтесь”. После этого, кажется, тот же самый, который приходил в вагон с Заславским, увел Труппа, Харитонову, маленького Седнева, Нагорного и Волкова. Хорошо, однако, я не помню этого. Я помню, что тогда же было известно, что Трупп едет сменять Чемодурова, который должен был получить отпуск. Мы все остальные были объявлены свободными и уехали в Тюмень. До выезда в Тюмень я с Теглевой и Буксгевден хопила в горол и вилела лом. где была помещена Семья. Весь лом был обнесен забором.

поднимаясь перед ним, и видела дом, где была помещена семья Боткина, дом был обнесен забором,

закрывавшим и ворота: ничего не было видно. Родионов нам тогда же объявил, что мы не имеем права оставаться в Екатеринбурге и должны уехать. Поэтому мы и уехали. Было разрешено остаться только Дервенко.

Я вижу предъявленные мне Вами фотографические изображения: рамочки для портретов, серьги, раздавленной жемчужины, бус, разломанных частей украшения из золота, трех образков, пальца, челюсти, бриллианта, креста, двух пряжек от туфель, пряжки от пояса мальчика, корсетных планшетонок с застежками, стекол от пенсне и очков, пуговиц с гербами, 4 больших пуговиц от дамского пальто, медной пряжки от мужского пояса, двух тоненьких железных пластинок, трех металлических пряжек, пуговиц, петель, крючков, кнопок, обломка от сумочки или портмоне, блузки, платка, сумочки и георгиевской ленты (предъявлены фотографические изображения сих предметов, описанных в пунктах “а” 1—3, 4—8, “в”, “г” протокола 10 февраля сего года л. д. 10—13 об., том 2-й; в пунктах 2, 4—17, 21—22 протокола 15—16 того же февраля, л. д. 45—49 об., том 2-й; 3, 4, 5, 8 протокола 14 марта сего года, л. д. 147, том 3-й) и могу сказать следующее:

Таких складных портретных рамок было много у Княжен. Это были Их дорожные рамочки, которые Они брали с собой всегда в дорогу.

Серьга — это безусловно серьга Государыни. Это были Ее любимые серьги, с которыми Она не расставалась и, по-моему, Она в них и уехала из Тобольска. Мы их не зашивали. Они в Тобольске не оставались.

Раздавленные части жемчужины — это жемчуг от другой парной с этой серьги Ее.

Такие бусы — от ожерельев Княжен. Они все носили их. Они были у них взяты с собой.

Одна из частей разломанного украшения — это, по-моему, и есть часть серьги Государыни.

Про образки я могу сказать, что у Них у всех были такие маленькие образки, которые Они брали с собой в дорогу. Один из них: образ Николая Чудотворца я узнаю. Это образ Ольги Николаевны. Остальные тоже Княжен, но которой и чей именно, я не могу сказать.

Палец напоминает мне палец Государыни и Ольги Николаевны.

У Боткина, я знаю, была искусственная верхняя, кажется, челюсть, но я ее не видела.

Бриллиант — это от кольца Императрицы. Их было несколько таких. Вот их мы и зашивали вместо пуговиц в кушаки Княжен у синих костюмов из шевиота.

Такого креста я у Них не видела.

Пряжки от туфель две — это пряжки или от туфель Императрицы или от туфель Княжен.

Медная пряжка от пояса мальчика — пряжка от пояса Алексея Николаевича. Это Его пряжка.

Такие именно пряжки на подвязках были у Княжен. Корсеты носили все: Государыня и Княжны. Государыня не любила, когда Они ходили без корсетов. Носила всегда корсет и Демидова.

Про очки и пенсне я могу сказать следующее. У доктора Боткина было пенсне с золотой оправой только на переносице. Государыня в Тобольске носила за работой очки. Ей их назначил тобольский врач.

Я ничего не могу сказать про пуговицы с гербами. Дамские пуговицы могли быть только от верхних костюмов Марии Николаевны и Императрицы.

Также ничего не могу сказать про большую пряжку от пояса.

Две какие-то металлические пластинки могут принадлежать к пальто Княжен или Императрицы. Такие пластинки вкладывались в Их костюмы, чтобы они не поднимались кверху.

Такие пуговицы, кнопки, крючки, петли вполне могли быть у Их костюмов.

Обломок от сумочки или портмоне также может относиться к одной из Их вещей.

Медные монетки могут принадлежать Алексею Николаевичу. Он любил собирать такие вещи.

Блузка, платок и сумочка, по-моему, принадлежат Демидовой, а георгиевская ленточка может принадлежать всем Им: и Государю, и Государыне, и Алексею Николаевичу, и Княжнам.

Я вижу предъявленные мне Вами вещи: ботинок, крышку от коробочки с зубным порошком и осколок блюда (предъявлены вещи, найденные 23 мая около костра вблизи тропы). Это не Их вещи. Таких вещей у Них не было.

Я вижу предъявленные мне Вами перчатки (предъявлены перчатки, найденные около Красной казармы 23 мая). Это перчатки не Государя и не Алексея Николаевича. Они вообще не любили носить перчаток, ни Государь, ни Алексей Николаевич. Алексей Николаевич считал это бабьей прихотью и любил, чтобы руки у Него были грубые. Может быть, это Боткина перчатки, но я положительно не знаю, чьи они.

Я вижу предъявленный мне Вами клочок белой и защитной материи (предъявлены кусочки материи, найденные 24 мая на дорожке л. д. 41 об., том 5). Белая материя — простая. Такой не могло быть и у Демидовой. А защитная — может быть от кармана Алексея Николаевича.

Осколки посуды, которые я вижу (предъявлены осколки чашки, блюда, стаканов, найденные 25 мая на поляне вблизи глиняной площадки, л. д. 41 об., том 5), это от простой посуды, не Их посуды.

Я вижу три предъявленные мне Вами кусочка войлока и кусок материи, замазанный глиной (предъявлены эти вещи, найденные 25 мая вблизи костра на глиняной площадке, л. д. 41 об., том 5). Возможно, что это от шинели Государя или Алексея Николаевича, а кусок материи, замазанный глиной, — подкладка от Их шинели.

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: обгорелые куски обуви и материи, корсетные кости с проволокой, осколок зеленого флакона, 14 осколков какого-то предмета и 4 осколка белого стекла (предъявлены эти предметы, найденные 26 мая на глиняной площадке вблизи костра, л. д. 41 об., том 5). Я могу сказать про них следующее. Я не думаю, чтобы материя, попадающаяся в обгорелых кусках, была частью этих кусков, видимо, являющихся обувью. Эти кусочки, вероятно, при сжигании материи и обуви слились с обувью. Материя эта весьма напоминает шевиот на костюмах Княжен, но только она потеряла цвет от огня. Самый же ее характер весьма напоминает материю Их костюмов. Проволока может быть от фуражки Государя или Алексея Николаевича. У Них была проволока в фуражках. Осколки зеленого флакона — это от флакона с английскими солями, какой был у Анастасии Николаевны. Белое стекло — простое от бутылки. У Них могла быть с собой святая вода.

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: кусочки материи, застежку подвязок, две пуговицы, кнопки и колечки от них же (предъявлены эти предметы, найденные у костра у старой березы 26 мая, л. д. 42, том 5). Материя эта может быть от Их каких-либо костюмов. Среди этих кусочков есть шелковые. Все остальные вполне могут принадлежать Их же костюмам.

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: 5 топазных бус, 1 осколок рубина, 7 осколков от

белого флакона, кусочки свинцовой бумаги, осколки зеленого флакона, 5 осколочка белого стекла (предъявлены эти предметы, найденные 26 мая на глиняной площадке, л. д. 42, том 5). Бусы — это безусловно от Их ожерелий. Рубин, мне думается, скорее всего от перстня Анастасии Николаевны. Осколки белого флакона — это, скорее всего, от флакона с английскими солями, которые были у Княжен. Осколки белого стекла — это от их портретных рамок. Свинцовую бумагу всегда, бывало, собирал Алексей Николаевич и набивал себе ею карманы.

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: 1 осколок толстого стекла желтого цвета, 22 осколочка белого стекла, 6 топазных бус, 2 бриллиантовых камня, тоненькую золотую цепочку, 11 круглых жемчужин, 2 маленьких топазных бусинки, 2 осколочка от жемчуга, 2 осколочка сапфира, 1 рубина, 2 осколочка изумруда (предъявлены эти вещи, найденные 27 мая на глиняной площадке, л. д. 42, том 5). Все они, кроме осколочка толстого стекла (вероятно, это простая бутылка), могут быть от вещей Августейшей Семьи. Стекло белое от флаконов и от рамок Их. Бусы — это Княжен. Тоненькая золотая цепочка — это от браслета одной из Княжен или от цепочки, на которой был крест у одной из Них. Такие круглые жемчужины были у Них. 2 осколочка от жемчуга — это осколочки от серьги Государыни: тот же жемчуг. Рубин или от кольца или от броши одной из Княжен. К чему могли принадлежать изумруды, затрудняюсь сказать. Сапфир это от перстня Государя. Его перстень был кабошон и такого же совершенно цвета камни. Это кольцо Государь носил вместе с обручальным и никогда не снимал.

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: 2 гвоздя, 2 фестоны, 1 петлю, 1 пуговицу и бриллианты в оправе, 2 кусочка стекла, 2 осколочка эмали (предъявлены вещи, найденные 28 мая на глиняной площадке, л. д. 42 т. 5). Я ничего не могу сказать про гвозди. 2 фестоны — это от корсетов. Петля — от юбки. Пуговица — от мужского нижнего белья. Оправа с бриллиантами — это часть какого-либо украшения Императрицы, вероятно, того же колье. 2 кусочка стекла — от рамок, эмали — от икон.

Я вижу предъявленные мне Вами вещи: малую жемчужину, обрывок золотой цепочки, обломок золотого украшения, крючок, петелку, осколочки белого и зеленого стекла, осколок стекла фиолетового цвета, 1 пуговицу от дамского пальто, 1 перламутровую пуговицу, кусочки материи темно-зеленого цвета (предъявлены эти предметы, найденные 1 июня на глиняной площадке, л. д. 42 об., том 5). Такая жемчужина уже встречалась ранее. Цепочка и золотое украшение — это части браслета. Крючок и петелка — это, вероятно, от юбок. Осколки белого стекла от рамок, синего — от флакона с солями. Большая пуговица — весьма напоминает пуговицы на пальто Императрицы, а малая перламутровая — на кофточках Княжен у рукавов. Кусочки материи, вероятно, от костюма Демидовой.

Оправа, которую я вижу (предъявлена оправа от пенсне, найденная 27 мая, л. д. 42 об., том 5), по моему, от пенсне Боткина. Шнурок не его. У него не было шнурка на пенсне. Это ручной работы шнурок, от чего, не знаю.

Я вижу предъявленный мне Вами флакон с солями (предъявлен флакон с солями, найденный 17 июня, л. д. 43, том 5). Это флакон Императрицы.

Именно Ее это флакон. У Ее Величества был совершенно такой. У Княжен были такие же флакончики, но меньше.

Я вижу предъявленную мне Вами рамочку и обломки рамок (предъявлены эти вещи, найденные 26—27 июня, л. д. 48, 52 об., том 6). Рамочка от иконы, безусловно, это Их вещь, но чья именно, точно не скажу. Рамочки, обломки которых я вижу, были у Княжен. В таких рамочках были у Них образочки.

Я вижу платок (предъявлен платок, найденный 12 июня, л. д. 47, том 6). Это не платок Княжен, и я не могу сказать, принадлежит ли он кому-либо из Них.

Я видела собачку, которую Вы мне предъявляли. Это, безусловно, Джемми Анастасии Николаевны. Она ее носила на руках. Это была очень маленькая собачка, которых всегда носят на руках, так как они настолько малы, что они не могут долго двигаться сами.

Я могу сказать следующее про лиц Августейшей Семьи.

Ольге Николаевне было 22 года. Она была среднего роста, стройная, худенькая блондинка. У Нее были голубые продолговатые глаза, красивые, добрые; хорошие зубы. Характером Она была вспыльчивая, но отходчивая. Она была простая русская девушка. Хорошо Она играла на пианино, любила поэзию и литературу. Я не слышала, чтобы Она писала стихи. Стихи, кажется, писала Гендрикова. Хозяйства и вообще дамских таких интересов Она не переваривала и в жизни была не практична.

Татьяне Николаевне было 20 лет. Она была выше Ольги Николаевны, худенькая, бледная. Она была темнее Ольги Николаевны. Глаза Ее были светло-карие. Она была энергичная, замкнутая, самостоятельная, деловая. Она любила страшно рукоделия. Хорошо играла по нотам на пианино. Она была ближе всех к Императрице.

Марья Николаевна имела 18 лет. Она была такая же блондинка, как и Ольга Николаевна, волосы Ее вились. Глаза Ее были громадные, светло-голубые. Она была красивая. Характер у Нее был приветливый, ласковый. Она была попроще других и любила страшно возиться с ребятами. Анастасия Николаевна была “толстушка”. Она была весельчак и хорошо играла комические роли в любительских спектаклях.

Императрица сильно постарела за революцию. Она похудела и поседела. Стан Ее согнулся. Как женщина Она еще сохранилась. Менструаций Она не потеряла. Но на вид Она была старуха. Она была властная, с сильным характером. Но для нас Она была весьма доступна и простая. Государя Она покоряла своим характером. Он уступал Ей. Она любила Его и только Его одного. Это ясно было видно всем. Она была очень религиозна и верила в силу молитвы. Распутин Она таким и считала. Я видела у нас Распутина раза два-три. Каждый раз я его видела около больного Алексея Николаевича. На этой почве он у нас и появился: Государыня считала его праведником и верила в силу его молитв.

Государь был проще Императрицы. Он был очень простой и добрый. Он любил простой народ, и Его любили многие солдаты, которые с Ним соприкасались. В Тобольске Он любил зайти в караульное помещение к солдатам и поиграть с ними в шашки, поговорить. То, что случилось с Россией после Его отречения, Его сильно трогало. Это заметно было по Его настроению. Однажды Он читал какую-то газету. Там была какая-то большевистская заметка: “Корнилов изменник”. Он тогда сильно возмутился этой статьей за генерала Корнилова. Он с горечью сказал: “Это Корнилов-то изменник”? Он сильно любил Семью и был по натуре редкий семьянин.

Алексей Николаевич был прекрасный мальчик: остроумный, веселый, ласковый. Он был очень хорошенький. Его все любили.

Татищев говорил нам, что он встречал Родионова где-то в Берлине. Кажется, Буксгевден говорила, что она видела его где-то на границе с Германией: он служил там жандармским ротмистром и отбирал у нее паспорт.

Драгоценности мы зашивали в костюмы Княжен. Я сама зашивала только в серые костюмы Княжен и в синие из шевиота. Для этого я спорола пуговицы на серых костюмах и у кушаков на синих костюмах (у синих костюмов пуговиц больше не было, кроме еще пуговиц на рукавчиках), а также у рукавов; обернула драгоценности ватой, обшила шелком, и все это пришила вместо пуговиц. Какие именно драгоценности я так заделывала, я не помню. Это лучше всех знает Тютельберг.

Все остальные драгоценности зашивала она и Теглева.

Больше я ничего показать не могу.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Елизавета Эрсберг

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол допроса А. А. Теглевой, 5—6 июля 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 118—135. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года июля 5—6 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, и она показала:

Александра Александровна Теглева, 35 лет, потомственная дворянка Петроградской губернии, живу в настоящее время в г. Тюмени, Тобольской губернии, по Тобольской улице, в доме № 4, православная, грамотная, в деле чужая, не судилась.

Я служила при Августейшей Семье 17 лет в должности няни при Детях. Состояла я при всех Детях. Когда я поступила на службу, Ольге Николаевне было 6 лет, Татьяне Николаевне — 4 года, Марии Николаевне — 2 года и Анастасии Николаевне — несколько месяцев, приблизительно, месяца 4.

Мы жили в Царском, когда произошел переворот в Петрограде. Государь находился в Ставке. Я не знаю, кто и каким образом известил Ее Величество о событиях в Петрограде. Мне думается, что Она не придавала серьезного значения этим событиям и не ждала того, что произошло. Когда около дворца появились солдаты, городовые, охранявшие нас, Государыня говорила нам: “Не беспокойтесь! Это в Петрограде “бунт”.

Это пройдет”. Видимо, Она думала, что это обыкновенные беспорядки. Я не могу Вам вообще рассказать в подробностях о событиях, которые происходили во дворце до прибытия Государя из Ставки, так как мы всецело были поглощены одним: болезнью Детей. Все Дети тогда болели корью, а у Анастасии Николаевны и Марии Николаевны тогда было еще воспаление легких. Я не могу Вам также сказать, каким образом узнала Императрица об отречении Государя. Мне помнится, что до обнародования еще Манифеста слухи об этом были во дворце. Слухи были неопределенные. Но, конечно, они создавали тревогу. Потом был объявлен манифест Государя, где Он отрекся за Себя и за Сына. Государыня этого, видимо, не ожидала. Весьма выдержанная, страшно собой владевшая, Она плакала. Однако Она и тогда не впадала в отчаяние. Она говорила Елизавете Николаевне Эрсберг, когда та плакала по поводу отречения Государя, что “народ одумается и будет просить на царство Алексея Николаевича”. Потом приехал генерал Корнилов и объявил Ее Величеству об аресте Ее и всех остальных, кто останется при Ее Величестве. Государыня объявила об этом нам сама. Она была взволнована арестом Ее, но Она

не впадала в отчаяние, держала Себя в руках, хотя и плакала временами, и не теряла, видимо, надежды на лучшее. Сообщая нам об аресте, Она сообщила только о самом факте. Никаких враждебных ноток лично к генералу Корнилову я у Нее не заметила.

Потом приехал Государь⁵³. Он виделся сначала с Императрицей в Ее комнатах внизу дворца. После этого Он прошел к Детям. Здесь я тогда впервые и увидела Государя после отречения. Меня поразило Его спокойствие. Но Анна Степановна Демидова, когда я высказала ей это свое удивление, мне ответила, что это не так. Она сказала, что сцена Их встречи была потрясающая: Ее Величество плакала, Государь был очень потрясен, когда происходило это Их свидание.

После посещения дворца Корниловым мы были действительно арестованы. Дворец был оцеплен солдатами. Мы могли выходить только в парк. Августейшая Семья могла выходить в парк только в определенные часы, и гулять можно было не по всему парку, а только в определенных местах его. По пятам Семьи следовал офицер и солдат. Если Семья работала в парке, стража стояла недалеко. Все корреспонденция, которая получалась и которая отправлялась, проходила через цензуру коменданта.

Во всем остальном наша жизнь после переворота текла так же, как и раньше.

Первым комендантом дворца был Коцебу, потом Коровиченко, потом Кобылинский, он же и начальник гарнизона. Коцебу был недолго, и я про него ничего не могу сказать. Коровиченко Они не любили. Он был невоспитанный и не умел себя держать. Мне кажется, что он был грубоватый. Спросите Волкова, камердинера Ее Величества. Он Вам расскажет, как невоспитанно однажды он приветствовал Государыню. Просто он, должно быть, не бывал в высоком обществе и не умел себя держать. Кобылинский хорошо, душевно относился к Августейшей Семье, и Они к нему относились также хорошо. Но ему, конечно, было трудно: солдаты тогда были распушены, и ему, вероятно, приходилось тяжело с ними. Иногда приходилось слышать, что он, вероятно, выходя из себя “кричал” на солдат.

Я была невольной свидетельницей первого прибытия к нам Керенского и его первого приема Государем. Он был принят тогда Их Величествами в классной комнате в присутствии Алексея Николаевича, Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны. Я как раз застряла тогда в ванной, и мне нельзя было пройти в первое время. Я видела лицо Керенского, когда он один шел к Их Величествам, препротивное лицо, бледно-зеленое, надменное. Голос искусственный, металлический. Государь ему сказал первый: “Вот моя Семья. Вот Мой Сын и две старшие Дочери. Остальные больны, в постели. Если Вы хотите, Их можно видеть”. Керенский ответил: “Нет, нет. Я не хочу беспокоить”. До меня донеслась сказанная дальше им фраза: “Английская Королева справляется о здоровье бывшей Государыни”. Дальнейшего разговора я не слышала, так как я удалилась. Я видела лицо Керенского, когда он уходил, важности нет, сконфуженный, красный; он шел и вытирал пот с лица. Целью его первой поездки к нам было, между прочим, назначение комендантом Коровиченко. Он приезжал потом. Дети высказывали мне Их общее впечатление о приездах Керенского. Они говорили, что Керенский изменился в обращении с Ними. Он стал относиться к Ним гораздо мягче, чем в первый раз, проще. Он справлялся у Них, не терпят ли Они каких притеснений, оскорблений от солдат, высказывая готовность все это устранить.

Конечно, Августейшая Семья не могла не испытывать чувства горечи и в этот период Ее заключения, Царскосельский. Многие изменили Им: командир сводного полка Рессин, граф Апраксин ушел от Них, убежал начальник конвоя граф Граббе. Забыл Их близкий Государю человек свитный генерал Нарышкин, ни разу Их не навестивший в Царском.

Бывали случаи проявления хулиганства со стороны солдат и даже некоторых офицеров. Я знаю, что однажды один или два офицера отказались как-то подать руку Государю, не приняли Его руки, когда Он протянул им Свою руку. Об этом мне передавали с чувством глубокого возмущения Дети. Солдаты из любопытства окружали Семью, когда Она во время прогулок работала. А однажды, когда Ее Величество сидела в парке на скамейке, к Ней подошел какой-то

работала. А однажды, когда Ее Величество сидела в парке на скамейке, к ней подошел какой-то солдат, развалился непринужденно, закурил и повел с Ее Величеством разговор. Никак не называя Ее Величества, он стал Ей предлагать разные вопросы. Я своими глазами видела эту сцену. Государыня занималась рукоделием в это время. Она улыбалась и отвечала на вопросы солдата. Такая “беседа” продолжалась довольно долго, Государыня потом говорила по этому поводу, смеясь, что Она не желает, чтобы подобные разговоры повторялись часто. Однажды Государь обратился к какому-то солдату: “Здорово, стрелок”. Стрелок ответил Его Величеству: “Я не стрелок, а товарищ”. Детям позволено было кататься на пароме. Солдаты тоже катались на этом пароме, зная, кому он принадлежит.

Я думаю, что Им тяжело было читать всю бессмысленную нелепицу, которой тогда полны были все русские газеты про Них. Однажды Государыня сказала мне по этому поводу: “Знаете, такие ужасы, такие гадости пишут. Мне бы не хотелось, чтобы это читали Дети”.

Я забыла сказать, что тогда проявил преданность Им офицер сводного Его Величества полка Лазарев. Он сильно тогда убивался и, когда он приходил проститься с Государыней, он сильно плакал.

Больше я ничего не имею Вам показать про Царскосельский период нашего заключения. В общем, жизнь за этот период можно обрисовать так. Жизнь внутри дворца протекала так же, как и до переворота. Государь не показывал вида от перемены положения. Также старалась держаться бодро и Ее Величество. Они были ограничены в передвижении и в праве корреспонденции. Солдаты и офицеры иногда позволяли себе недостойные выходки по Их адресу. Я указывала Вам эти случаи и забыла еще отметить следующее. Было установлено, что офицеры караула каждый день должны были видеть всю Семью. Это бывало перед завтраком, когда вся Семья выходила к столу. Однажды какой-то караульный офицер увидел в руках у Алексея Николаевича маленькое ружье. Он отобрал его у Алексея Николаевича и очень тем Его огорчил. Но Кобылинский, узнав об этом, отобрал ружье у офицера и по частям перенес его к нам и отдал Алексею Николаевичу.

1-го, кажется, августа мы выехали в Tobольск, уехали в этот день из Царского. Мне говорили Дети, что причиной нашего переезда в Tobольск послужило опасение Правительства за наше благополучие. Правительство опасалось ожидавшихся тогда беспорядков. Я помню, что в день отъезда у Государя был Великий Князь Михаил Александрович. Был в это время и Керенский. Дети мне передавали, что Керенский был “настолько любезен”, что отошел в сторону, когда Государь беседовал с Михаилом Александровичем.

Ехали мы с удобствами, в хороших вагонах и без приключений. Только один раз нас где-то остановили и, кажется, не хотели пропускать, но все обошлось благополучно. Поезд не останавливался на больших станциях, а на промежуточных. Семья выходила иногда из вагонов и шла пешком, кроме Императрицы. Поезд следовал медленно за Ними.

Из приближенных к Августейшей Семье лиц за ними последовали в ссылку, князь Василий Александрович Долгорукий, генерал Илья Леонидович Татищев, графиня Гендрикова, гофлектрисса Екатерина Адольфовна Шнейдер, баронесса София Карловна Буксгевден и два гувернера, швейцарский подданный Петр Андреевич Жильяр и англичанин Сидней Иванович Гиббс.

Из всех этих лиц Татищев не был придворным. Он до того бывал только на приемах. Я не могу сказать, почему именно на него пал выбор Государя. Но это был человек, преданный Государю, и, не в пример многим, решивший отдать себя Августейшей Семье, как и два иностранца, Жильяр и Гиббс, свободно имевшие возможность, как иностранные подданные, уехать от Августейшей Семьи, но не пожелавшие сделать этого. Гиббс же в особенности: он не был допущен к нам во дворец после нашего ареста, но тем не менее он сам приехал в Tobольск впоследствии. Впоследствии также приехала в Tobольск Буксгевден, болевшая во время нашего отъезда.

Прибыв в Tobольск, мы несколько дней пробыли на пароходе “Рига” на котором мы переехали

прибыв в Тобольск, мы несколько дней провели на пароходе «Гусь», на котором мы приехали, так как губернаторский дом⁵⁴, где мы должны были жить, был не готов. Потом мы перебрались в дом. Императрица с Алексеем Николаевичем и одной из Княжен ехала в экипаже. Все остальные шли пешком.

Вот кто поселился в Тобольске при Августейшей Семье: 1) Илья Леонидович Татищев, 2) Василий Александрович Долгорукий, 3) доктор Евгений Сергеевич Боткин, 4) доктор Владимир Николаевич Деревенко, 5) Анастасия Васильевна Гендрикова, 6) София Карловна Буксгевден, 7) Екатерина Адольфовна Шнейдер, 8) Петр Андреевич Жильяр, 9) Сидней Иванович Гиббс, 10) Елизавета Николаевна Эрсберг, 11) Мария Густавовна Тутельберг, 12) Анна Степановна Демидова, 13) воспитательница Гендриковой Викторина Владимировна Николаева, 14) прислуга при Гендриковой Паулина Межанц, 15) прислуга Шнейдер Екатерина Живая и Маша (фамилии не знаю), 16) камердинер Государя Терентий Иванович Чемодуров, 17) его помощник Степан Макаров, 18) камердинер Государыни Алексей Андреевич Волков, 19) лакей при Княжнах Иван Дмитриевич Седнев, 20) человек при Княжнах Михаил Карпов, 21) дядька при Алексее Николаевиче Клементий Григорьевич Нагорный, 22) лакей Жильяра Сергей Иванов, 23) лакей при Татищеве и Долгоруком Тютин, 24) официант Франц Журавский, 25) лакей Алексей Трупп, 26) лакей Григорий Солодухин, 27) буфетчик Дормидонтов, 28) лакей Киселев, 29) лакей Ермолай Гусев, 30) повар Иван Михайлович Харитонов, 31) повар Кокичев, 32) повар Верещагин, 33) поварской ученик-мальчик Леонид Седнев, 34) кухонный служитель Сергей Михайлов, 35) кухонный служитель Франц Пюрковский, 36) кухонный служитель Терехов, 37) писец Кирпичников, 38) парикмахер Дмитриев, 39) заведующий погребом Рожков и 40) я. Августейшая Семья и почти все из указанных лиц, кроме Долгорукого, Татищева, Боткина, Деревенко, Гендриковой, Шнейдер, Гиббса и Буксгевден, поселились в губернаторском доме. Эти же указанные лица поселились в Корниловском доме, но Буксгевден солдаты потом выселили и она уехала на частную квартиру. Распорядок дня был такой же, как и в Царском. Утренний чай был в 8 часов 45 минут. Государь с Ольгой Николаевной пили чай в Его кабинете. Государыня — у Себя. Алексей Николаевич и остальные Княжны пили чай в общей столовой. Государь после чая часов до 11 читал обыкновенно у себя в кабинете. Дети после чая занимались: у них были уроки. Государыня занималась у Себя. С 11 до 12 у Детей была «перемена», и они обыкновенно гуляли. В 12 Они опять занимались до часа, когда подавался завтрак. В 12 часов после перемены Детям подавались бутерброды. К Ним обыкновенно заходил и Государь и закусывал вместе с Ними. После завтрака обыкновенно шли гулять во двор и занимались физическим трудом. Государь пилил и рубил дрова. В этом принимали участие и Княжны. Они сделали на оранжерее площадку, где Они любили сидеть на солнечной стороне. Если не занимались физическим трудом, просто гуляли. Это было единственное Их развлечение. Больше ничего нельзя было делать Им и нечем развлекаться. В сумерки шли домой. В 5 часов подавался чай. За час до чая Государь иногда преподавал Алексею Николаевичу историю. Чай в 5 часов Они пили своей Семьей в кабинете Его Величества. После чая Государь читал. Государыня шла отдыхать и отдыхала до обеда. Дети садились опять за занятия и занимались до 7, имели уроки, а от 7 до 8 Они готовили уроки. В 8 часов был обед. Чаще всего Государыня с Алексеем Николаевичем обедали в комнате Ее Величества: Ей тяжело было ходить по лестнице, и поэтому Она чаще всего обедала у Себя. Государь, Княжны и свита обедали в общей столовой. После обеда чаще всего разговаривали, играли в какие-нибудь игры. Алексей Николаевич скоро ложился спать. В 11 часов был чай у Ее Величества в гостиной. После этого расходились спать.

Стол был хороший. Обыкновенно был суп, рыба, жаркое и сладкое. Обед был повторением завтрака. Фрукты подавались, но какие же собственно фрукты? С собой не было привезено ничего, а в Тобольске только и можно было доставать плохие яблоки. Вот это и были фрукты. В общем жизнь была сносная. Первое время было лучше, чем в Царском, покойнее. Но было скучновато. Сидели узниками и были оторваны от России и даже от города.

Про солдат я могу сказать вот что. Все они разделялись на две партии. Одна партия относилась к Семье хорошо, другая худо. С этими Кобылинскому приходилось плохо. Когда дежурили хорошие солдаты, Государь ходил к ним в их караульное помещение, где помещались дежурные

солдаты, разговаривал с ними и играл в шашки. Ходил туда к ним и Алексей Николаевич и Княжны тоже ходили с Государем. Плохие — хулиганичали. Однажды они вырезали какие-то нехорошие слова на доске качелей, которыми пользовались Княжны. Однажды они перерыли широчайшей канавой ледяную гору, которую собственноручно делала Августейшая Семья при помощи свиты и прислуги. Этим они лишили Ее в сущности единственного развлечения на воздухе. После многолетия, провозглашенного в церкви диаконом Их Величествам, солдаты перестали пускать Их в церковь⁵⁵. Богослужения совершались на дому, причем на богослужении присутствовал представитель от солдат. В конце концов Государь принужден быть снят с себя погоны⁵⁶.

Я бы сказала, что жизнь наша постепенно ухудшалась, она постепенно делалась все хуже и хуже, т. е. солдаты все более и более распускались. Кобылинскому приходилось туго. Он однажды потерял надежду справиться с ними и заявил об этом Государю. Государь просил его остаться, и он остался. Я должен сказать про него, что он явно был на стороне Августейшей Семьи, делал для нее все, что мог, хорошее и всячески боролся с хулиганскими проявлениями солдатского настроения.

Сначала, когда мы приехали в Тобольск, никаких комиссаров при нас не было. А потом, месяца через 11/2 — 2 появился Панкратов и его помощник Никольский⁵⁷. Про Панкратова я должна по совести сказать, что он был человек по душе хороший. Он был социалист и был в ссылке где-то в Сибири. Он был человек добрый и сердечный. К Семье, в особенности к Княжнам и особенно к Марии Николаевне, он относился хорошо. Марию Николаевну он любил больше всех. Государь при встрече разговаривал с ним. Никольский же был груб и непорядочен. Он был противоположность Панкратову. Панкратов проявлял заботу о Семье, как мог. Никольский держал себя совсем по-другому, и не будь около нас Кобылинского, он бы, пользуясь слабохарактерностью Панкратова, наделал бы нам много плохого. Однажды, например, он, взрослый человек, имел глупость и терпение долго из своей комнаты через окно наблюдать за Алексеем Николаевичем и, увидев, что Он выглянул через забор, поднял целую историю из-за этого. Вот со времени появления их около нас солдаты и стали распускаться. Это происходило оттого, что Панкратов с Никольским “просвещали” их разговорами о политике.

Сначала, когда произошел большевистский переворот в России, на нас это не отражалось. Но потом, уже в начале 1918 года, мы это почувствовали.

Пришла из Москвы или из Петрограда от большевистского правительства какая-то бумага, где нам приказывали жить на свои средства. Больше от казны нам денег было решено не давать. Тут режим нашей жизни пришлось менять. Уволено было несколько человек. Пришлось изменить стол. Стало готовиться только два блюда, без сладкого, и не было уже за столом кофе, сливок, масла. Сахар отпускался по карточкам. Потом солдаты переселили всех, живших в Корниловском доме, в дом губернатора и подвергли аресту.

До появления Яковлева никаких комиссаров, кроме Панкратова и Никольского, около нас не было. Их потом те же самые солдаты прогнали. Я слыхала, что приехал какой-то комиссар из Омска, но я не знаю его фамилии, и он у нас в доме ни разу не появлялся⁵⁸.

Первый комиссар, который появился у нас после большевистского переворота, был Яковлев. Его приезда ждали. Об этом говорили солдаты, ездившие зачем-то в Москву до приезда к нам Яковлева. Его появления у нас в первый раз я не видела. Я его видела как-то потом, когда он приходил в детскую, где находился Алексей Николаевич, тогда болевший. Около Алексея Николаевича в то же время находилась и Императрица. Пришел он в сопровождении какого-то блондина в солдатском платье, не интеллигентного, видимо, человека. Сам Яковлев производил впечатление человека полуинтеллигентного. Он держал себя с Государыней вполне прилично. Когда он вошел к нам, он сказал: “Я извиняюсь. Я еще раз хотел посмотреть”, не называя Алексея Николаевича. Молча он посмотрел на Алексея Николаевича и ушел. Ее Величество

Яковлеву подавала руку. Руки Ее Величества он, конечно, не целовал, но все-таки он был приличен с Ней. Этому же другому Она руки не давала. Я не видела свидания Яковлева с Государем и Государыней. Я не знаю, как это происходило. Знаю же о цели прибытия Яковлева от Детей. Они говорили мне, что Яковлев приехал из Москвы с полномочиями от московских большевиков и увозит куда-то Государя, что с Государем решила ехать и Императрица, что с Ними же едет и Мария Николаевна, причем этот вопрос о поездке именно Марии Николаевны был решен самими Детями. Дети передавали мне как Их убеждение, что Яковлев увозит Их в Москву. Ни слова тогда не говорилось про Екатеринбург. Были тогда разговоры, что Яковлев недели через три возвращается и перевозит всех остальных Детей. Императрица сильно убивалась в это время. Она плакала. Я не могу Вам определенно и точно ответить на вопросы, что Ее убивало и заставляло страдать, только ли разлука с больным Алексеем Николаевичем или же еще иные какие-либо подозрения и опасения в связи с намерениями увоза Его Величества и, в частности, Государя из Тобольска.

Видно было, что не по себе и Государю. Он сдерживался, но Он был бледен и молчалив.

Яковлев же страшно почему-то торопился и говорил, что не надо брать много вещей, видимо, желая поскорее уехать. Числа Их отъезда я не помню⁵⁹. Уехали Они рано утром в простых тележках, только одна из тележек была с верхом, в ней поехала Императрица с Марией Николаевной. С Ними же уехали Боткин, Долгорукий, Чемодуров, Демидова и Седнев.

Несколько дней мы не получали известий о Них. Знали только по кратким сообщениям, одно из которых было доставлено одним из кучеров, что Они едут благополучно, что Они проехали Тюмень. Вдруг была получена от кого-то, вероятно, Кобылинским, телеграмма, что Их “задержали” в Екатеринбурге. Это было для всех полной неожиданностью. Никто этого не ожидал и никто ничего не понимал. Потом стали приходить письма. Были получены письма от Государыни и Марии Николаевны на имя Княжен и мной от Марии Николаевны и Демидовой. Из этих писем можно было понять, что им живется худо. Мария Николаевна писала, что Они спят в одной комнате, что Они все (вместе с прислугой) обедают вместе, что Им Седнев варит только одну кашу и что обед Они получают из “советской” столовой. Демидова мне писала: “Уложи, пожалуйста, хорошенько аптеку и посоветуйся об этом с Татищевым и Жильяром, потому что у нас некоторые вещи пострадали”. Мы поняли тогда, что пострадали у Них некоторые ценные вещи, и решили, что это Императрица дает нам приказание позаботиться о драгоценностях. Впоследствии мы и поступили с ними таким образом. Мы взяли несколько лифчиков из толстого полотна. Мы положили драгоценности в вату, и эту вату мы покрыли двумя лифчиками, а затем эти лифчики сшили. Таким образом, драгоценности, значит, были зашиты между двумя лифчиками, а сами они были с обеих сторон закрыты ватой. В двух парах лифчиков были зашиты драгоценности Императрицы. В одном из таких парных лифчиков было весом 4 1/2 фунта драгоценностей вместе с лифчиками и ватой. В другом было столько же весу. Один надела на себя Татьяна Николаевна, другой — Анастасия Николаевна. Здесь были зашиты бриллианты, изумруды, аметисты. Драгоценности Княжен были таким же образом зашиты в двойной лифчик и его (не знаю, сколько в нем было весу) надела на себя Ольга Николаевна. Кроме того, Они под блузки на тело надели много жемчугов. Зашили мы драгоценности еще в шляпы всех Княжен между подкладкой и бархатом (шляпы были черные бархатные). Из драгоценностей этого рода я помню большую жемчужную нитку и брошь с большим сапфиром (не помню, кабошон или нет) и бриллиантами. У Княжен были верхние синие костюмы из шевиота. На этих костюмах (летних, в которых Они и поехали) пуговиц не было, а были кушаки и на каждом кушаке по две пуговицы. Вот эти пуговицы мы отпорол и вместо пуговиц вшили драгоценности, кажется, бриллианты, обернув их сначала ватой, а потом черным шелком. Кроме того, у Княжен были еще серые костюмы из английского трико с черными полосками; это были осенние костюмы, которые Они носили и летом в плохую погоду. Мы отпорол на них пуговицы и также пришили драгоценности, так же обернув их ватой и черным шелком.

Хохряков, а потом Родионов появились у нас в доме незадолго до нашего отъезда. Они, как я понимаю, специально и прибыли к нам, чтобы нас перевозить в Екатеринбург. Комиссаром тогда

был Хохряков, а Родионов был начальником отряда, который заменил наших солдат⁶⁰. Это был отряд красноармейцев. Он был, отчасти, из русских красноармейцев, отчасти, из нерусских, но какой именно национальности, я не могу определить и не знаю, латыши это были или мадьяры. Про Хохрякова я не могу сказать ничего плохого. Он и не играл значительной роли. Заметно было, что главным лицом был не он, а именно Родионов. Это был гад, злобный гад, которому, видимо, доставляло удовольствие мучить нас. Он это делал с удовольствием. Между ним и Яковлевым была такая же разница в обращении с нами и с Детьми, как между небом и землей. Он явился к нам и всех нас “пересчитал”, как вещи. Он держал себя грубо и нагло с Детьми. Он запретил на ночь даже запира́ть комнаты Княжен, объясняя, что он имеет во всякое время право входить к Ним. Волков что-то сказал ему по этому поводу: девушки, неловко. Он сейчас же помчался и в грубой форме повторил свой приказ Ольге Николаевне. Он тщательно обыскал монахинь, когда они приходили к нам петь при богослужении, и поставил своего красноармейца у престола следить за священником. Когда мы укладывались, и я, убрав кровать, собиралась спать на стуле, он мне сказал: “Это полезно. Вам надо привыкать. Там совсем другой режим, чем здесь. Я сам там его устанавливал”. Этого Родионова узнали Татищев с Гендриковой или Буксгевден. Татищев говорил, что видел его в Берлине. Гендрикова или Буксгевден — в Вержболове при поездке за границу.

Из Царского были взяты, кроме платья, обуви и мелких вещей, лишь столовая чайная и умывальная посуда, ковры, походные постели, лампы и некоторые картины. Из обстановки же ничего взято не было, кроме кушетки и коляски для Императрицы и Алексея Николаевича. Обстановка в Тобольске вся была губернаторская. Я удивляюсь, что они все это “тащили”. Они положительно все взяли из обстановки. Хохряков при этом сказал какую-то странную фразу по поводу увоза обстановки: “Это в наших интересах”. У Родионова же с Алексеем Николаевичем вышел спор по этому поводу. Алексей Николаевич сказал ему, что они напрасно берут для Них чужие вещи. Родионов ответил Ему: “А Вы укажите хозяина этих вещей”. Алексей Николаевич сказал: “Эти вещи принадлежат губернатору. Вероятно, ими и будет пользоваться новый губернатор, когда он будет”. На это Родионов ему ответил: “Ну, это не известно, будет ли еще губернатор, или нет”. В частности, про кровати Их я могу сказать, что у Них у всех эти привезенные в Тобольск походные кровати были одинаковые. Они были никелированные и имели вместо сетки натянутый тик из белых и красных полосок, как часто это бывает на диванах в вагонах, а матрасы на них были обтянуты замшей. У всех у Них было по кровати. Когда Государь, Государыня и Мария Николаевна уезжали, Они взяли с собой три кровати, а потом, когда уезжали Дети с нами, все Их кровати также были взяты.

До Тюмени мы ехали на пароходе, том же самом, на котором мы ехали и в Тобольск. Родионов запретил Княжнам запира́ть на ночь Их каюты, а Алексея Николаевича с Нагорным он запер снаружи замком. Нагорный устроил ему скандал и ругался: “Какое нахальство! Больной мальчик! Нельзя в уборную выйти!” Он вообще держал себя смело с Родионовым, и свою будущую судьбу Нагорный предсказал сам себе⁶¹. Потом, когда мы приехали в Екатеринбург, он мне говорил: “Меня они, наверное, убьют. Вы посмотрите, рожи-то, рожи-то у них какие! У одного Родионова чего стоит! Ну, пусть убивают, а все-таки я им хоть одному-двоим, а наколочу морды сам!” В Тюмени мы пересели в вагоны. Детей поместили в классный вагон первого класса. С Ними ехали Татищев, Гендрикова, Шнейдер, Деревенко, Буксгевден, Нагорный, Эрсберг. Все остальные ехали в теплушке.

Прибыв ночью в Екатеринбург⁶², мы утром были передвинуты куда-то за город, и Детей увезли. Я только в щель вагона видела, как Татьяна Николаевна сама тащила тяжелый саквояж с подушкой, а рядом с Ней шел солдат, ничего не имея в руках. Из числа нас были увезены в дом Нагорный, маленький Седнев, Трупп и Харитонов. Затем из нас взяли Гендрикову, Шнейдер и Татищеву. Нам же Родионов объявил, что мы свободны.

В числе 18 человек мы, спустя некоторое время, уехали в Тюмень, откуда и разъехались по разным местам, по большей части, в Тобольск.

Больше, собственно, я ничего не могу рассказать по делу. Я могу удостоверить, что, когда Яковлев увозил Государя с Государыней и Марией Николаевной, их провожало несколько человек наших солдат и два офицера: Матвеев и Набоков. Возвратившись, они рассказали нам всем, что из Тюмени Яковлев повез Их в Екатеринбург, но вернулся, так как получил сведения, что Екатеринбург Их не пропустит. Тогда он повез их в Омск и довез Их до самого Омска. Однако и Омск их не пропускал. Там, в Омске, Яковлев говорил по прямому проводу с Москвой и получил приказание оставить Их в Екатеринбурге, что он и сделал⁶³.

Вы спрашиваете меня, как относилось население к Августейшей Семье в Тобольске? Относилось оно хорошо. Когда народ проходил мимо дома, многие кланялись, некоторые крестили дом. Много присылалось разных продуктов Семье. Хорошо относились монахини к Ним. Они мыли прекрасно Их белье, присылали Им кое-какие продукты, варенье.

Я вижу предъявленные мне Вами фотографические изображения: рамочки для портрета, серьги, раздавленной жемчужины, бус, тоненьких пружиночек, разломанных частей золотого украшения, топазов, застежки от дамской сумочки, трех образков, пальца, челюсти, бриллианта, креста, двух пряжек от туфель, медной пряжки от пояса мальчика, корсетных пластинок и пряжек с крючками, стекол от пенсне и очков, пуговиц с гербами, 4 больших пуговиц от дамского пальто, медной пряжки от мужского пояса, двух тоненьких железных пластинок, трех металлических пряжек, пуговиц, колечек, петель, крючков, обломка от сумочки, блузки, платка, сумочки, георгиевской ленточки (предъявлены фотографические изображения сих предметов, описанных в пунктах “а” 1—3, 4—8, “в”, “г” протокола 10 февраля сего года, л. д. 10—13 об., том 2-й; в пунктах 2, 4—17, 21—22 протокола 15—16 того же февраля, л. д. 45—49 об., том 2-й; 3, 4, 5, 8 протокола 14 марта сего года, л. д. 147 том 3-й) и могу относительно этих вещей сказать следующее.

Рамочка — это одна из многочисленных рамок Княжен, где у них были разные портреты.

Серьга и осколки от нее — это, безусловно, серьги Государыни, которые Она очень любила. Я только не помню, были они зашиты, или Она в них уехала.

Бусы — это от ожерелий Княжен. Это бусы горного хрусталя. Они были разной величины на ожерельях. Их мы не зашивали, а они просто были у них в ридикюлях.

Про застежку от дамской сумочки я затрудняюсь сказать что-либо определенное.

Образки — это Княжен. Они висели у Них на кровати, а на дорогу Они всегда надевали их на себя. Из них образок Николая Чудотворца — это Ольги Николаевны, а Ангела Хранителя — Анастасии Николаевны, чей третий и какой был у четвертой Княжны, не помню.

Палец никоим образом не Государя: Он не занимался никогда маникюром. Он мне напоминает больше всего палец Императрицы, но только он как будто бы здесь на снимке распух, а у Нее пальцы были тонкие.

Про челюсть я ничего сказать не могу. Боткин носил пенсне. Государыня от слез стала жаловаться в Тобольске на глаза, и к Ней в Тобольске приглашался какой-то доктор, который Ей и прописал очки. В них Она и работала.

Бриллиант — это подвес от какого-то Ее ожерелья, колье. Мы из него сделали пуговицу на кушаке синего костюма одной из Княжен.

Креста такого я никогда ни у кого из Них не видела.

Две пряжки от туфель — это пряжки от туфель одной из Княжен. У Них всех были такие пряжки на туфлях. Такие же, впрочем, пряжки были и на туфлях Императрицы.

Пряжка от пояса мальчика — это, безусловно, пряжка от пояса Алексея Николаевича. Корсетные планшетки и застежки, конечно, я опознать не могу. Но я удостоверяю, что Императрица и Княжны, и Демидова всегда носили корсеты. Только Государыня иногда снимала с себя корсет, когда надевала капоты. Вообще же Она этого требовала от Княжен и говорила, что не носить корсета — это распушенность.

Пуговицы с гербами — это от шинели Государя.

4 большие пуговицы — это пуговицы с верхнего платья Императрицы.

Медная пряжка от пояса мужчины похожа на пряжку пояса Государя.

Две тоненьких пластинки — это могут быть от пальто Государыни, куда они были положены для тяжести, как это часто делается на дамских пальто.

Одна из трех пряжек — от туфель или Императрицы или одной из Княжен, у Них были такие на туфлях.

Другая пряжка, как мне кажется, от пояса Демидовой, а третья — это мужская, от помочей.

Мужские пуговицы похожи на пуговицы от брюк Алексея Николаевича, такие дамские пуговицы были на блузках Княжен, кнопки были на юбках Княжен. Блузка и сумочка — это Демидовой, а платок — детский.

Георгиевские ленточки были и у Императрицы, и у Княжен.

Я вижу предъявленный мне Вами ботинок, коробочку от зубного порошка и осколок блюда (предъявлены эти вещи, найденные 23 мая около костра у тропы). Таких ботинок никогда не было ни у кого из лиц Августейшей Семьи. Они никогда не носили ботинок на шнурках: терпеть этого не могли. Для Демидовой он мал. Зубного порошка Они не имели в коробочках. Он насыпался для Них в стеклянные баночки с крышками. Осколок от блюда — это от простой чашки.

Я вижу предъявленный мне Вами обрывок белой материи (предъявлен обрывок белой материи, найденный 24 мая на дорожке, л. д. 104 об., том 5) — это не от Их белья и не Демидовой. Это крестьянское белье.

Ничего не могу сказать про обрывок защитной материи (предъявлен кусочек этой материи, найденный там же, л. д. 104 об., том 5). Возможно, что это от кармана шинели или брюк Алексея Николаевича.

Осколки посуды (предъявлены осколки чашек, блюда и стакана) — это не Их посуда. Это простая посуда. У Них такой не было.

3 кусочка войлока, которые Вы мне показываете (предъявлены три кусочка войлока, найденные 25 мая на глиняной площадке, л. д. 105 об., том 5), — это, по-моему, кусочки шинели, возможно, Государя или Алексея Николаевича.

Материя, покрытая глиной, возможно, что и от подкладки шинели. Я вижу предъявленные мне Вами осколки зеленого флакона (предъявлены осколки флакона, найденные 26 мая на глиняной площадке, л. д. 107, том 5) — это осколки от флакона с английскими солями, которые у Них были.

Я вижу предъявленные мне Вами осколки белого стекла (предъявлены осколки белого стекла, найденные 26 мая, 27 мая, 28 мая, 1 июня, 4 и 5 июля, л. д. 107, 109, 109 об., 110, 110 об., 112, 113 об., 114 об., том 5). Одни из них, по-моему, от простой бутылки (возможно, Они взяли с

собой святую воду), другие от рамок, а третьи мне напоминают осколки маленьких флаконов с солями, которые были у Них у всех и которые Они обязательно взяли бы с собой, если бы куда-либо поехали.

Я вижу предъявленный мне Вами флакон с такими солями (предъявлен флакон с солями, найденный 17 июня на дне старой ямы, л. д. 115, том 5). Вот от такого флакона и есть некоторые среди этих осколков.

Я вижу предъявленные мне Вами кусочки материи и кнопки (предъявлены кусочки материи и кнопки, найденные у старой березы 26 мая, л. д. 107 об., том 5). Это кусочки материи, вероятно, от юбок Княжен, где они были подшиты в области кнопок. Такие кнопки могли быть у Их юбок.

Я вижу предъявленные мне Вами бусы (предъявлены бусы, найденные 26 мая, 27 мая на глиняной площадке, л. д. 109—111, том 5). О них я уже говорила Вам ранее по снимкам. Вот такие у Них и были на Их ожерельях.

У Них было много вещей с рубинами. Было у одной из Княжен, как я помню, колечко с рубином (предъявлены осколки рубина, найденные на глиняной площадке 26 и 27 мая, л. д. 109—111 об., том 5).

Кусочек оловянной бумаги или свинца мог быть в кармане у Алексея Николаевича (л. д. 110, том 5). Я помню, Он собирал свинцовую бумагу.

Я вижу предъявленные мне Вами малые жемчужины (предъявлены 11 жемчужин, найденных 27 мая на глиняной площадке, л. д. 111, том 5). Из таких жемчужин у всех Княжен были нитки, которые Они носили на шее. Бриллиантовые камни, которые я вижу (предъявлены бриллианты, найденные там же и того же числа, л. д. 111, том 5), дорогие и прекрасные. Они могли быть от очень многих Их украшений.

Я вижу два обрывочка тоненькой золотой цепочки (предъявлены два обрывочка золотой цепочки, найденные 27 мая и 1 июня там же, л. д. 111—112 об., том 5), вероятно, от браслетов Княжен. У Них были такие цепочки при браслетах. 2 осколка сапфира — от перстня Государя. Именно такой сапфир был у Него в перстне, который Он носил на одном пальце с обручальным кольцом и говорил, что не может его снять (предъявлены два осколка сапфира, найденные 27 мая на той же площадке, л. д. 111 об. том 5).

Часть украшения с бриллиантиками (предъявлено это украшение, найденное 28 мая на глиняной площадке, л. д. 112, том 5), по моему мнению, от того же кольца, что и большой бриллиант.

Совершенно такие вот пуговицы, как та, которую Вы мне показываете (предъявлена пуговица, найденная 1 июня на глиняной площадке, пункт 96 л. д. 113, том 5), — были у Княжен на рукавах Их блузок.

Одна большая пуговица от дамского пальто (предъявлена такая пуговица, найденная там же и тогда же, пункт 97 л. д. 113, том 5), по-моему, от пальто Императрицы.

Оправа от пенсне (предъявлена оправа, найденная 27 мая около шахты в яме, л. д. 114, том 5) совсем такая же, как и у пенсне Боткина.

Я вижу предъявленную мне Вами рамочку и обломки рамочки (предъявлены эти предметы, найденные 26—27 июня, л. д. 48—52, том 5), скорее всего от образа Государыни, который Она носила на груди, а пластинки — от образов, которые носили на груди Княжны, когда ехали в дорогу.

Я видела собаку, извлеченную из шахты. Это положительно Джимми, маленькая собачка Анастасии Николаевны. Это была Ее собачка. которая почти не могла хопить. так как она не

Анастасия Николаевна была очень доброй, но она не могла подняться, так как она не могла, например, совершенно подниматься по ступеням даже лестницы внутри дома. Ее Анастасия Николаевна всегда носила на руках.

Я 17 лет жила при Августейшей Семье. Вот что я могу сказать про Них.

Ольга Николаевна была старшая из сестер. Ей было 22 года в момент отъезда из Тобольска. Она была среднего роста, не полная и не худая, блондинка пепельного оттенка. У Нее были большие, глубокие, ясные глаза, очень добрые. Это Ее красило больше всего, черты Ее лица не имели правильных линий, но лицо Ее было очень милое. Она любила чтение и музыку. Она любила поэзию и много переписывала стихов. Но я не знаю, чтобы Она писала стихи. Стихи, как я слышала, писала Гендрикова. Она импровизировала на пианино. В жизни Она была не практична, хозяйства, будничной жизни не любила. Она была добрая, но не ровная: вспыльчивая, однако отходчивая.

Татьяна Николаевна моложе Ее на два года. Она была выше Ольги Николаевны, темнее Ее. Она была очень худа, но крепкая, сильная. Ее синеvато-голубые глаза были несколько широко расставлены. Ее характер был ровный, но замкнутый и властный. Она была более горда, чем все Ее сестры. Она была очень исполнительная, аккуратная, самая обстоятельная и серьезная. Она хорошо играла на пианино и любила рукоделия.

Мария Николаевна имела 18 лет. Она немного была пониже Татьяны Николаевны. Ее волосы были светлее волос Татьяны Николаевны и у одной из всех вились. Глаза Ее были большие, голубовато-серые. Она была самая добродушная, простая и откровенная. Она очень любила детей и, если к Ней попадался ребенок, это Ей доставляло большое удовольствие: нянчиться с ним.

Анастасия Николаевна была 16 лет. Это была низенькая толстушка. Она особенно пополнила в Тобольске и имела вид “кубышки”. Никак нельзя Ее было назвать гармоничной, пропорционально сложенной. Нос Ее не имел никакой горбинки. Она была светлее Марии Николаевны. Ее глаза были светло-серые. Она была с ленцой. Она любила читать, но не любила готовить уроков. Она очень любила животных.

И Мария Николаевна, и Анастасия Николаевна играли на пианино, но не особенно хорошо.

Алексею Николаевичу было 14 лет. Он был высокий, вытянутый, худенький и болезненный. Он страдал болезнью Гессенских, очевидно, переданной ему Государыней. Врачи говорили, что это с возрастом должно было у Него пройти. Он был живой, любознательный и любил общество. Он слушался Государя и, как заметно было, составлял слабость Императрицы.

Государыня была высокого роста, средней полноты. Она была раньше очень красива, но в последнее время, особенно после революции, Она сильно постарела. У Нее появилось в Тобольске очень много седых волос, и Она здесь утратила прямоту своего стана: в Тобольске Она согнулась. Она была властна. Но Она была добра и весьма доступна. К Ней можно было пойти всегда и Ей можно было сказать все. Она была сердечна. Она всегда казалась Императрицей. Только в детской Она была проста. Она много молилась и была очень религиозна. Я не видела никогда никого столь религиозного человека. Она искренно верила, что молитвой можно достичь всего. Вот, как мне кажется, на этой почве и появился во дворце Распутин. Она верила, что его молитвы облегчают болезнь Алексея Николаевича. Вовсе он не так часто бывал во дворце. Я сама лично, например, видела его только один раз. Он шел тогда в детскую к Алексею Николаевичу, который тогда болел. Она была больна сердцем и часто лежала. Она очень много занималась разными рукоделиями и имела талант к рисованию. Любила Она только одного Государя. Это ясно было каждому, кто жил при Них. Женщиной Она сохранилась до отъезда Ее из Тобольска. Я знаю, что она не потеряла менструаций.

Государь был добрый, очень простой. Он страшно любил свою Семью. Он сильно любил родину.

Я знаю, что Ему на первых же порах Керенский предлагал отъезд за границу. Но Они все боялись этого больше всего. В Тобольске, по мере хода и “углубления” революции, заметно было, что Он страдал за Россию.

Я не слышала никогда отзывов Государя или Государыни об Императоре Вильгельме. Княжны Его терпеть не могли. Однажды, когда в шхерах Ольга Николаевна получила от Него подарок — брошь. Она тотчас же подарила мне ее и сказала: “Я ничего от Него не хочу иметь”. Я знаю взгляды Княжен на революцию. Они, конечно, выражали взгляды Родителей. Они говорили, что она есть порождение Германии, которая действовала для развала России через большевистских главарей, преимущественно евреев.

Прочитано.

А. Теглева

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

Екатеринбург. 1919 г. (документы 1—33)

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года июля 1 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Екатеринбурге в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Сидней Иванович Гиббс — сведения о личности см. л. д. 131, том 5.

До 1916 года я состоял приходящим преподавателем английского языка Великим Княжнам и Алексею Николаевичу. С Великими Княжнами Ольгой Николаевной, Татьяной Николаевной и Марией Николаевной я стал заниматься с 1908 года. Потом, когда подросла Анастасия Николаевна, я занимался и с Нею. С Алексеем Николаевичем я начал занятия в 1914 году. В 1916 году я был назначен гувернером к Алексею Николаевичу. В этом году я получил квартиру в Екатерининском дворце. В 1917 году обязанности гувернера при Алексее Николаевиче делились между мною и Жильяром.

Государственный переворот застал Августейшую Семью в Царском. Здесь была Государыня Императрица и все Дети. Сам же Государь был в Ставке. В момент переворота дети болели. У них была краснуха, которой сначала заболел в январе или феврале Алексей Николаевич, потом она перебрала и Дочерей.

Я сам не был свидетелем того, как Императрица реагировала на известия о перевороте. Мне приходилось слышать от кого-то из близких к Ней, что Она плакала. Я же сам, как и наблюдал Ее и сколько я знаю Ее, могу сказать, как мое убеждение, что Императрица не ожидала его. Она думала, как мне кажется, что придется сделать некоторые уступки. Того же, что случилось, и отречения Государя Она не ждала. Все это было для Нее ударом, и поэтому Она страдала и, будучи очень выдержанной, Она тем не менее плакала.

Императрицу и Семью арестовал генерал Корнилов³⁸. Меня в это время во дворце не было. Я не могу сказать, как это произошло. Я знаю, что Корнилов был принят Ее Величеством и объявил Ей о Ее аресте. Императрица мне говорила об этом событии. Она мне не рассказывала

подробностей. Она мне так, в общих чертах, говорила об этом и, между прочим, сказала, что Она приняла сухо Корнилова и не давала ему руки. После объявления Корниловым Ее Величеству о Ее аресте я не был пропущен в дом. На мое ходатайство об этом был получен отказ. Временное Правительство не позволило мне быть при Них. Отказ, я очень хорошо это помню, имел подписи пяти министров. Я не помню теперь, каких именно, но я помню, что именно пяти министров, причем из моего ходатайства было видно, что я преподавал науки Детям. Я не помню, была ли среди подписей министров и подпись министра народного просвещения. Мне, англичанину, это было смешно. Так я и не был при Детях в период Царскосельского Их заключения, и я сам ничего не видал и не наблюдал, как Они жили.

Потом в Тобольске мне приходилось узнавать, что не все было хорошо. Были грубы с Ними солдаты и некоторые офицеры. Сам Государь мне в Тобольске говорил, что однажды какой-то офицер не подал руки Государю и сказал, что он, офицер, — караульный и руки подавать не может. Государь мне немножко рассказывал про Керенского. Он мне говорил, что Керенский очень нервничал, когда бывал с Государем. Его нервозность однажды дошла до того, что он схватил со стены нож столовой кости для разрезывания книг и так его стал вертеть, что Государь побоялся, что он его сломает, и взял его из рук Керенского. Государь мне рассказывал, что Керенский думал про Государя, что Он хочет заключить мирный сепаратный договор с Германией, и об этом с Государем говорил. Государь это отрицал, и Керенский сердился и нервничал. Производил ли Керенский у Государя обыск, я не знаю. Но Государь говорил мне, что Керенский думал, что у Государя есть такие бумаги, из которых было бы видно, что Он хочет заключить мир с Германией. Я знаю Государя и я понимал и видел, что, когда Он рассказывал, у Него в душе было чувство презрения к Керенскому за то, что Керенский смел так думать. Керенский вообще очень нервничал и в день Их отъезда был неприличен: он ночью звонил по телефону министру путей сообщения, требуя, чтобы он явился в Царское, а министр в это время уже был в постели.

Больше я ничего не знаю про Царскосельский период.

Я приехал в Тобольск сам. Я хотел быть при Семье, так как я Им предан. Я добился этого через инженера Макарова, который Их отвозил в Тобольск. В Тобольск я приехал в первых числах октября. От Тюмени мы туда ехали вместе с Клавдией Михайловной Битнер. Два дня я прожил в Корниловском доме³⁹, а на третий день я был принят Государем. Это было в час дня. Я был принят Государем в Его кабинете, где была Императрица и Алексей Николаевич. Я очень рад был Их видеть. Они рады были меня видеть.

Императрица в это время уже понимала, что не все, которых Она считала преданными Им, были Им преданы. Им не оказался преданным полковник Рессин и начальник конвоя граф Граббе. Граббе убежал от Них на Кавказ во время революции⁴⁰.

Мы жили в Тобольске неплохо. Я не вижу ничего плохого в нашей жизни. Не было прошлого, и были разные мелочи, но это мелочи, с которыми можно было мириться.

Мы усиленно занимались. Императрица преподавала Детям богословие. (Из Детей учились все, кроме Ольги Николаевны, которая кончила курс наук в 1914 году.) Немножко Она занималась немецким языком с Татьяной Николаевной. Сам Государь преподавал историю Алексею Николаевичу. Клавдия Михайловна Битнер преподавала Им математику и занималась по русскому языку с Марией Николаевной, Анастасией Николаевной и Алексеем Николаевичем. Гендрикова занималась по истории с Татьяной Николаевной. Я преподавал им английский язык, Жильяр — французский.

Наши уроки начинались в 9 утра и продолжались до 11. От 11 до 12 был свободный час, и Дети гуляли. С 12 до часу опять были занятия. В час был завтрак. После завтрака был кофе. Алексей Николаевич, по совету врача, должен был немножко лежать на диване. Или я или Жильяр что-нибудь читали Ему. Потом приходил Нагорный, одевал Его и мы были во дворе до 4 или до 5.

После гулянья Государь преподавал ему историю. После этого Алексей Николаевич очень, очень любил играть в “тише едешь, дальше будешь”. Мы делились на две стороны: с одной стороны, Алексей Николаевич и кто-нибудь из нас двоих: или я, или Жильяр, а с другой стороны, Долгорукий и Шнейдер. Так всегда бывало, и Алексей Николаевич очень, очень любил эту игру. Шнейдер всегда играла “сердцем” в эту игру и ссорилась немножко с Долгоруким. Это было очень весело. Почти каждый день мы играли, и почти каждый день Шнейдер говорила, что она больше играть не будет. От 6 до 7 с Алексеем Николаевичем занимались или я, или Жильяр, или кто другой. От 7 до 8 готовились уроки. В 8 часов был обед. После обеда семья собиралась наверху. Иногда играли в карты: я с Шнейдер в двойной пасьянс, Татищев, Ольга Николаевна, Боткин, Шнейдер, Жильяр, Долгорукий — в бридж. Дети, Императрица иногда играли в безик. Иногда Государь читал вслух.

Иногда после обеда Ольга Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна шли в комнату Демидовой, где обедали Тутельберг, Эрсберг и Теглева. Иногда туда приходили: я, Жильяр, Долгорукий, Алексей Николаевич. Сидели немножко, очень смеялись, шутили.

Государь вставал рано. В 9 Он всегда пил чай у себя в кабинете и читал до 11. Затем он шел гулять во двор, где всегда почти занимался физическим трудом. В Тобольске Он часто пилил дрова. Он при помощи других устроил на оранжерее площадку, куда вела сделанная общими усилиями лестница. На этой площадке Они любили посидеть на солнце. Я вижу фотографическую карточку, которую Вы мне показываете (предъявлена фотографическая карточка, имеющаяся в распоряжении судебного следователя). На этой площадке Они и любили сидеть. До 12 Государь гулял. Потом Он шел всегда в комнаты Дочерей, где в это время подавались бутерброды, и Он любил немножко покушать бутерброды. Потом Он шел к себе и занимался до завтрака. После завтрака Государь шел во двор и гулял или трудился физически до сумерек. После этого Семья в 5 часов пила чай. После чая Государь читал в кабинете до ужина.

Императрица вставала позже других, в разное время. Иногда Она вставала, как и Все, но долго не была готова для выхода к посторонним.

Она иногда выходила только к завтраку. В это время у себя Она иногда занималась с Детьми, что-нибудь работала. В хорошую погоду Она выходила гулять во двор. Она занималась чаще всего ручной работой: вышивала или же рисовала. Когда никого не было в доме и Она оставалась одна, Она играла на пианино.

Завтрак и обед был хороший. За завтраком было в первые дни суп, рыба, мясо и сладкое. После завтрака наверху был кофе. Обед был такой же, как и завтрак, но подавались еще фрукты.

За обедом, если обедала Императрица, сидели так. Посредине стола Государь, а против Государя Императрица. Справа от Государя Гендрикова, а рядом с ней — Мария Николаевна. Слева от Государя сидела Шнейдер, дальше Долгоруков. Справа от Императрицы — Алексей Николаевич, а рядом с ним — Ольга Николаевна. Слева от Императрицы — Татищев, а рядом с ним — Татьяна Николаевна. На углу стола сидел Жильяр, а против него — я и Анастасия Николаевна. Если Императрица обедала у Себя, то Ее место занимала Ольга Николаевна.

Обедал с Семейей всегда Боткин. Он завтракал у себя в семье, а обедал с Августейшей Семейей. Так он делил себя между своей семейей и Ими. Он сидел между Ольгой Николаевной и Алексеем Николаевичем. По праздникам иногда приглашался доктор Деревенко и его сын Коля.

Обед готовил повар Харитонов. Стол был хороший и всего было довольно.

Кроме обеда и завтрака, два раза был чай. Утренний чай Государь пил у себя в кабинете с Ольгой Николаевной. Вечерний чай всегда был в кабинете Государя, где пила чай только Семья.

Когда я приехал в Тобольск, там были комиссары: Панкратов и Никольский. Панкратов был не

плохой, но он был слабый, и на него влиял Никольский.

Панкратов не делал нам никаких стеснений. Государь разговаривал с ним, и Панкратов рассказывал Ему много интересного про Сибирь, куда он был сослан. Государь относился к нему немножко с иронией и называл его “маленький” человек: он имел маленький рост. А Никольский был грубый, и Они его не любили. Я не помню, причинял ли Никольский Им стеснения, и не помню, плакал ли однажды и по какому поводу от него Алексей Николаевич. Никаких комиссаров к нам не пускалось при большевиках. Кажется, какие-то комиссары приезжали, но солдаты их не признавали⁴¹. Первый комиссар, который был у нас в доме, был Яковлев⁴².

Большевистский переворот в первое время у нас не замечался: про нас, должно быть, забыли. Но потом вспомнили и нам перестали давать денег. Нам дали солдатский паек и велели жить на свои деньги, чтобы каждый мог проживать в неделю 150 рублей, а больше нельзя. Тогда несколько человек было уволено, настал другой стол. Было только два блюда: суп и мясо⁴³.

Я не говорил с Государем про Брестский договор. Но я замечал, что Он страдал после большевистского переворота⁴⁴. Государь отрекся от Престола, потому что думал, что так будет лучше России. А вышло хуже. Он этого не ожидал. И от этого Он страдал. Когда мы получали известия, что дела в России плохи, Государь два раза был очень невесел и долго молчал. Личное положение Его не огорчало. Он его переносил без всякого ропота.

Яковлев к нам приехал в начале апреля, когда Алексей Николаевич был болен. Я дежурил у Него. Пришел в нашу комнату Государь с Яковлевым и еще каким-то человеком, кажется, своим помощником. Он смотрел на Алексея Николаевича. Государь сказал Яковлеву: “Мой сын и Его воспитатель”. Яковлев не показался мне интеллигентным человеком, а интеллигентным матросом. А другого я не помню. Яковлев внимательно смотрел на Алексея Николаевича, и они ушли. Потом Государь опять пришел с ним без другого. Он смотрел на Алексея Николаевича и ничего не говорил. Через несколько дней я опять дежурил около Алексея Николаевича.

Он был очень болен и страдал. Императрица обещала после завтрака прийти к Нему. Он все ждал, ждал, а Она все не шла. Он все звал: “Мама, Мама”. Я вышел и посмотрел через дверь. У меня сохранилось впечатление, что среди зала стояли Государь, Императрица и Яковлев. Я не слышал, что они говорили. Я опять пришел к Алексею Николаевичу. Он стал плакать и все звал: “Где Мама?”. Я опять вышел. Мне кто-то сказал, что Она встревожена, что Она поэтому не пришла, что встревожена; что увозят Государя. Я опять стал сидеть. Между 4 и 5 часами Она пришла. Она была спокойна. Но на лице Ее остались следы слез. Чтобы не беспокоить Алексея Николаевича, Она стала рассказывать “с обыкновенными манерами”, что Государь должен уехать с Ней, что с Ними едет Мария Николаевна, а потом, когда Алексей Николаевич поправится, поедет и все мы. Алексей Николаевич не мог спросить Ее, куда Они едут, а я не хотел, чтобы не беспокоить его. Я скоро ушел. Они собирались в дорогу и хотели быть одни. Они все тогда обедали одни наверху. Вечером мы все были приглашены в будуар Государыни (красная комната), где был чай. Разговор был “дорожный”: о вещах. В 2 часа ночи были поданы “кареты” (коробки?), а одна с верхом. Я с Ними прощался в передней. Государь сел с Яковлевым, а Государыня с Марией Николаевной. Потом Они уехали. С Ними уехал Боткин, Чемодуров, Долгорукий, Демидова и Седнев. Мы не знали, куда Они уехали. Мы никто не думали, что Их везут в Екатеринбург. Мы все думали, что их везут или на восток или в Москву. Так думали и Дети.

У нас была тревога. Мы не знали, что с Ними. Старшим оставался Татищев, а из Семьи старшей оставалась Татьяна Николаевна, а не Ольга Николаевна.

Алексей Николаевич поправлялся, но очень медленно. Первое известие было получено через “извозчика”, который Их возил. Там сообщалось, что благополучно проехали Тюмень. Потом от кого-то пришла телеграмма, что Их “задержали” в Екатеринбурге⁴⁵. Это нас всех поразило.

Яковлев совсем не говорил про Екатеринбург, и я слышал от кого-то, что он был посланный из

Москвы, а вовсе не из Екатеринбурга. Это безусловно так.

Потом к нам пришел Хохряков. Он, кажется, до этого недолго был в Тобольске, но мы его в доме не видали. Он считался посланным Яковлева. Он приходил и смотрел Алексея Николаевича. Он, должно быть, не верил Его болезни, потому что, посмотрев Его, он ушел, но тут же вернулся, думая, должно быть, что Он после его ухода встанет. Дня за три наш караул был распущен и заменен красным отрядом. Начальником отряда был какой-то Родионов. Он мне “давал не очень хорошее впечатление”. Но он был нахал. Он нас очень интересовал. Его Татищев знал, но он не мог припомнить хорошо, кто он такой и где он его видел. Его также знала и Гендрикова. Татищев думал, что он видел Родионова в Берлине, а Гендрикова — в Вержболове. Татищев состоял при императоре Вильгельме и думал, что он видел Родионова в русском посольстве в Берлине. Татищев его спрашивал, чем он занимался раньше. Но Родионов не желал говорить и отвечал: “Я забыл”. Нам было это очень интересно. Татищев так и шутил и называл Родионова “мой знакомый”. А я помню случай такой. В 1916 году я был в Петрограде у своего знакомого Дитвейлера, кажется, еврея, русского подданного, который служил в кабельном заводе. Я имел с ним разговор и спросил его, где он был. Он мне сказал, что он был у такого-то, которому фамилию я теперь забыл. Я Дитвейлера спросил, кто он такой. Он мне сказал: “Должно быть, германский шпион”. При этом он мне сказал, что там же был офицер Родионов.

Родионов не позволял нам никому на ночь запира́ть двери. Потом мы уехали на пароходах в Тюмень⁴⁶. За несколько дней до отъезда Хохряков сказал, что он не знает, пустят ли всех в дом, где находится Государь, Императрица и Мария Николаевна. Родионов сказал, что будет нам хуже, а не лучше. В Тюмени в классный вагон поместили Детей, Гендрикову, Шнейдер, Татищеву, Буксгевден, Нагорного и Волкова. Всех остальных вместе с прислугой поместили в вагон с теплушкой. Мы приехали в ночь на 9 мая. Было холодно. Нас гоняли всю ночь по путям. Около 7 часов утра наши вагоны передвинули за город. Были приготовлены извозчики, и я видел, как увозили Детей. Я проститься с Ними не мог — не пустили. Около 10 часов утра нас передвинули к платформе и увели из вагона Татищеву и Шнейдер, а Гендрикову я что-то не заметил⁴⁷. Потом пришел Родионов и сказал, что маленький Седнев⁴⁸ и Трупп должны ехать в дом. Они уехали. Потом приходил Нагорный, и брал и увозил с собой вещи и кровати для Детей. Когда уезжал Государь, тоже были взяты несколько кроватей. Все кровати были одинаковые: походные, никелированные, образца кровати Александра II во время турецкой кампании, удобные, но тяжелые. Потом приходил Родионов и нам всем говорил: “Господа, вы свободны. Можете ехать куда угодно”.

Я остался в Екатеринбурге. Дня через два-три я шел по Вознесенскому проспекту с Деревенко и Жильяром. На двух извозчиках отъезжали от дома Нагорный и Седнев, окруженные солдатами. Мы за ними следили. Их увезли в тюрьму.

Потом бывший первый министр князь Георгий Евгеньевич Львов, который сидел в это время в Екатеринбурге в тюрьме, мне говорил, что Нагорный и в доме ссорился с большевиками из-за Алексея Николаевича. Они оставляли Ему одну пару сапог. А Нагорный настоял, чтобы оставили две пары, потому что мальчик больной и может промочить ноги и Ему не будет других сапог. Потом они взяли от постели Алексея Николаевича золотую цепочку, длинную, на которой у Него всегда висели образки. Нагорный с ними имел объяснения. Я тогда понял, что его расстреляли.

Потом, когда большевиков не было в Екатеринбурге, ко мне Чемодуров приходил. Он говорил: “Слава Богу, Дети спасены”. Но я его плохо понимал. Он потом опять меня же спрашивал: “Как Вы думаете? Они спасены?” А дней за 10 до своей смерти он мне прислал письмо и спрашивал, есть ли надежда, что Они живы?⁴⁹ Чемодуров мне говорил, что здесь Им было плохо: с ними обращались грубо. Он говорил, что на Пасху у Них был маленький кулич и пасха. Комиссар пришел, отрезал себе большие куски и съел. Он вообще говорил про грубости, но мне трудно было его понимать. Он говорил, что у Княжен не было кроватей, а Деревенко говорил, что были.

Потом я был в доме Императора и его видел. В доме ничего не было. Он был раздетый. В палату

потом я был в доме Князьева и его видал. В доме ничего не было. Он был разгромлен. В печал было очень много Их вещей сожжено. Я видел много мелких сожженных вещей: портретных рамок, разных щеток, корзиночку, в которой у Алексея Николаевича сохранялись щетки. Очень мало было разных мелких вещей, брошенных. А так ничего не было из Их вещей. Я вижу фотографические изображения: портретной рамки, серьги, топазов, образков, пальца, челюсти, поддержки для галстука, подвеса бриллиантового, креста, двух пряжек от туфель, маленькой пряжки от пояса, стекол от пенсне и очков, пряжки от большого пояса и вещи: осколки рубинов, два осколочка сапфира и осколки синего флакона с английской надписью (предъявлены фотографические изображения рамки, описанной в пункте “а” 1 протокола 10 февраля 1919 года, л. д. 10, том 2-й; серьги, описанной в том же пункте, топазов, описанных в пункте “а” 2 того же протокола, л. д. 10 об., том 2-й; образков, описанных в пунктах 4—6 того же протокола, л. д. 11 об. — 12, том 2-й; пальца, описанного в пункте 7 того же протокола л. д. 12, том 2-й; челюсти, описанной в пункте 8-м того же протокола, л. д. 12, том 2-й; поддержки для галстука, описанной в пункте 13-м того же протокола, л. д. 12 об., том 2-й; бриллианта и креста, описанных в пунктах “в” и “г” того же протокола, л. д. 13 об., том 2-й; двух пряжек от туфель, описанных в пункте 2-м протокола 15—16 того же февраля, л. д. 45, том 2; пряжек от поясов, описанных в пунктах 4 и 16 того же протокола, л. д. 45 об. и 48, том 2-й; стекол, описанных в пунктах 12 и 13 того же протокола, л. д. 47 об., том 2-й, и предъявлены осколки рубинов, два осколочка сапфира и осколки от флакона с английской надписью, найденные 26 и 27 мая 1919 года на глиняной площадке у шахты) и могу сказать следующее. Таких рамок, как эта, у Них было много. Серьгу эту и бриллиант, а также и челюсть мне показывали раньше: серьгу и бриллиант Сергеев, а палец и челюсть генерал Дитерихс. Про палец я затрудняюсь сказать что-либо. Серьга безусловно Государыни. Это Ее были любимые серьги, и Она часто их носила. Бриллиант — это от Ее жемчужного украшения подвес. Челюсть — доктора Боткина. Из таких топазов у Княжен были ожерелья. Чаше других их носила Ольга Николаевна. Креста такого я никогда у Них не видал. Малая пряжка — безусловно от пояса Алексея Николаевича, а большая весьма вероятно, что от пояса Государя, офицерского образца. Про стекла я затрудняюсь сказать что-либо. Боткин носил пенсне, а Государыня в Тобольске за работой имела очки. У Княжен были на туфлях пряжки, похожие на эти. Про образки и про поддержку для галстука я ничего сказать не могу. Я вижу фотографическое изображение предъявленных мне Вами пуговиц (предъявлены пуговицы, описанные в пункте 14 протокола 15—16 февраля 1919 года, л. д. 48 том 2-й). Такие пуговицы были на шинели Государя и Алексея Николаевича. Государь носил офицерского образца брюки, заправленные в сапоги, часто починенные, китель или гимнастерку. Алексей Николаевич — брюки защитного цвета, заправленные в сапоги, и гимнастерку.

Что касается предъявленных мне Вами рубинов, то я могу сказать, что у Них было много таких вещей. У Ольги Николаевны была брошь с такими рубинами. Ее подарила Ей наша королева Виктория.

Сапфиры же весьма похожи на осколки камня в перстне Государя. Также кабошон и совершенно такого же цвета, как и эти. Я думаю, что здесь полнейшее сходство. Государь носил этот перстень на одном пальце с обручальным кольцом и говорил, что снять его не может⁵⁰. Возможно, что осколки от флакона — это осколки от флакона с солями аммония. В таких бутылочках он продается у нас в Англии. Лично про каждого в отдельности из Особ Августейшей Семьи я могу сказать следующее.

Ольга Николаевна имела, кажется, 23 года. Блондинка, самая светлая из всех.

После болезни Она сильно похудела. У Нее были чудные глаза: голубые, и Она вся была видна в Ее глазах. Она была справедливая, прямая, честная, простая, добрая, откровенная. Она была вспыльчива и имела несколько жесткие манеры. В Ней чувствовался честный человек. Она была отличный музыкант. В этом она имела способности. Она импровизировала. Я не думаю, чтобы Она писала стихи. Стихи, как мне кажется, писала Гендрикова, имевшая к этому способности. Ольга Николаевна была очень скромная. Она любила скромность и в костюмах и не занималась собой или мало занималась. Душой Она больше походила на Отца. Она была очень религиозна.

Она, как мне кажется, больше любила Отца.

Татьяна была очень худенькая, как редко видишь, 21 года, высокая, темнее всех, элегантная. Глаза ее были темно-серые. Своими глазами Она отличалась от всех своих сестер. У тех вся душа была видна в глазах. У Нее — нет. Она была замкнутая, гордая, не откровенная. Но Она была самая обстоятельная. Она была также религиозна. Но у Ольги Николаевны религия была в душе, а у Татьяны Николаевны: так надо, от чувства долга. Она была всегда озабоченная и задумчивая. Но нельзя было понять, о чем Она думала. Она играла на пианино. И Она играла лучше всех, но лучше технически, а не душой. В ее игре был слышен техник, но не Ее душа. Она хорошо рисовала и вышивала. Она была самой доверенной дочерью у Матери, и Мать, вероятно, любила Ее больше других, как и Она больше всех любила Мать. Если нужно добиваться чего-либо, то тогда нужно было делать это через Татьяну Николаевну.

Марья Николаевна была сложена из широкой кости. Она была очень сильная и меня, например, Она поднимала с земли. Она была светлее Татьяны и темнее Ольги (у Ольги Николаевны волосы были коричневые с золотистым оттенком, а у Марии Николаевны — с светлым). У Нее были очень красивые, светло-серые глаза. Она была очень красивая, но сильно похудела после болезни. Она имела большой талант к рисованию и всегда рисовала.

Играла Она на пианино, но плохо. Она была менее способная, чем Ольга и Татьяна. Она была нетребовательная, простая. Это была бы хорошая жена и мать. Она очень любила детей. Она была несколько с ленцой. В Тобольске Ей нравилось, и Она мне говорила, что в Тобольске она с удовольствием бы осталась. Я затрудняюсь сказать, кого Она больше любила: Отца или Мать.

Анастасия Николаевна имела 16—17 лет, была низенькая, полная и, одна из всех, не грациозная. Она была немного светлее Марии Николаевны, но волосы Ее не были волнистыми и мягкими, а прямыми и спереди несколько как бы стояли. Ее глаза были серые, красивые, нос не имел никакой горбинки. Если бы Она выросла и похудела, Она была бы самая красивая. Она была очень тонкая, удивительно остроумная, весьма сдержанная. Она была настоящий комик. Всех Она смешила. Сама никогда не смеется. Только глаза блестят. Болезнь на Ней нехорошо отразилась. Она как бы остановилась в развитии, и Ее способности несколько потускнели.

Она играла на пианино и рисовала. Но Она находилась в периоде обучения. Неможно Она была с ленцой.

Алексей Николаевич для своего возраста был высокий, очень худенький, болезненный, много страдавший мальчик. Болезнь Его — известная болезнь Гессенская⁵¹. В Тобольске Ему было хуже, потому что не было тех способов лечения, как в Царском. Он был веселого нрава, резвый мальчик. Он очень любил животных и имел доброе сердце. На Него можно было действовать, действуя, главным образом, на Его сердце. Требования мало на Него действовали. Он подчинялся только Императору. Он был умный мальчик, но не особенно любил книги. Мать любила Его безумно. Она старалась быть с Ним строгой, но не могла, и Он большую часть своих желаний проводил через Мать. Неприятные вещи Он переносил молча, без ропота. Он был добрый и в последнее время один из всех любил дарить что-либо. Имел некоторые фантазии: собирал в Тобольске старые гвозди: пригодится на что-нибудь.

Княжны знали хорошо английский язык и французский, плохо немецкий. Алексей Николаевич по-немецки совсем ничего не знал. Его не учили немецкому языку. Отец говорил с Ними по-русски. Мать — по-английски, по-французски.

Государыня была раньше очень красивая, грациозная. Но Она имела больные ноги. Я очень удивился, когда увидел Ее в Тобольске: Она сильно постарела и у Нее было очень много внизу головы седых волос. У Нее были замечательно мягкие, серые глаза. Она была умная. Но Она издали казалась умнее, чем вблизи. Она была самоуверенная. Она не была гордая, в грубом значении этого слова, но Она постоянно сознавала и никогда не забывала своего положения. Поэтому Она всегда казалась Императрицей. С Ней я никогда не мог чувствовать себя просто

поэтому Она всегда казалась Императрицей. С Ней я никогда не мог чувствовать себя просто, без стеснения. Но я очень любил быть с Ней и говорить. Она была добрая и любила добрые дела.

Без цели Она никогда не работала. Она любила “домашние тайны”: что-нибудь приготовить в виде подарка, чтобы раньше этого не знали. Немку в Ней я чувствовал: Она была более бережлива, чем англичанка. Она любила Россию и считала себя русской. Больше всего Она боялась потерять Россию. Сколько раз за царствование Императора Она была в Германии? Про Императора Вильгельма я от Нее не слышал отзывов. Она была искренне религиозна по-православному и искренне веровала. Для Нее самое дорогое было — семья, а потом православная церковь. Религиозность Ее была вообще нормальна, а не питалась истеричностью Ее. Характер у Нее был более властный и твердый, чем у Императора, и Она Его подчиняла. Но Она так сильно и глубоко Его любила, что, если только Она заранее знала, что Его желание иное, Она всегда подчинялась. Я никогда не видел борьбы между Ними. Очевидно было, что Она была против отречения Его от Престола. Она никогда Его за это не упрекала. Она любила Его, как мужа и отца и любила только одного Его. Это совершенно ясно было каждому, кто был близок к Ним. И в голову никому не могло прийти, чтобы Она способна была стать Ему неверной женой. Это была идеальная пара супругов. Они никогда не расставались, и редко встретишь, особенно в России, такую пару супругов, которые бы так скучали друг по другу, когда Им приходилось расставаться. Государь поэтому и брал с собой Алексея Николаевича в Ставку: это было заменой Жены и вообще Семьи.

Государь был очень хорошо воспитан. Он говорил правильно по-английски (и писал), по-французски и, не могу судить, как, хорошо или плохо, по-немецки. Он был очень аккуратен и терпеть не мог, чтобы у Него переставляли Его вещи.

У Него была великолепная память. Он не особенно любил легкие книги и много читал по общественным наукам, в особенности по истории. Он производил по своей сущности впечатление человека глубоко честного. Он был очень добрый и сердце Его было жалостливо. Он любил животных и они Его. Он был очень простой, но сдержанный. Фамильярности Он не любил. Характером Он был веселый и любил разные игры. Любил Он побеседовать и заходил для беседы с солдатами в дежурную комнату, где просто сидел с солдатами и разговаривал. Он глубоко любил Родину и страдал за нее в период революции. После большевистского переворота ясно чувствовалось, что Он страдает не за Себя лично, а за Россию⁵². Он был охотник и любил охоту, но я не знаю, какие ее виды. Это была идеальная в отношении друг к другу семья, совершенно редкая. Они не нуждались в других и были довольны быть вместе. Наиболее близкими к Ним были: из флигель-адъютантов Дмитрий Павлович, Мордвинов и Саблин. К Государыне ближе всех была Анна Александровна Вырубова.

Что касается Распутина, то Государыня верила в его праведность, в его душевные силы, что его молитва помогает. Вот только так Она к нему и относилась. Распутин вовсе не так часто бывал во дворце, как об этом кричали. Его появление, кажется, объясняется болезнью Алексея Николаевича. Сам я видел его один раз. Он был понят мною вот как: умный, хитрый, добрый мужик.

Больше показать я ничего не могу. Показание мое, мною прочитанное, записано правильно.

Августейшая Семья три раза пила чай. Третий чай был около 11 часов вечера в гостиной Императрицы.

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол допроса Н. С. Зыкова, 29 июня 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос.

Архив, 1998. — С. 102—103. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 29 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на разъезде № 120 в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля и он показал:

Николай Степанович Зыков, 24 лет, кр(естьяни)н д. Коптяков, Верх-Исетской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, состою солдатом в гарнизонной караульной команде г. Екатеринбурга, православный, грамотный, в деле чужой, не судился.

После Петрова дня вскоре (дня не могу припомнить, но на середине недели) я ехал в Екатеринбург с матерью и женой. Выехали мы тогда рано, часа в 3 (по старому времени). Ехали мы в коробке. Я сидел на козлах, а мать с женой на сиденье. Рудник мы проехали и первую своротку, которая к нему ведет, если ехать от Четырех братьев, проехали. Гляжу я, — впереди нас встречь нам едут: впереди верховые вооруженные, а сзади две телеги, самые обыкновенные, в две лошади каждая запряжена, а в телегах что-то лежит, покрытое пологами. Не больно высоко что-то лежало в телегах. А пологов я хорошо не заметил, какие именно они. В первой телеге в корню лошадь была карая, а на пристяжке рыжая. А какой масти лошади были в другой телеге, я не заметил. Телеги ехали шагом. В каждой из них сидело по одному человеку. Оба они были, как мне показалось, в длинных курточках, из солдатского серого сукна, как рабочие носят; что у них на головах было, не заметил. Людей этих я не разглядел. Только показалось мне, что это люди простые, не господа. Который сидел на передней телеге, сидел к востоку лицом, а другой на обратную сторону. Не доехали мы до них сажен 25. Вдруг двое из верховых, которые впереди ехали (еще там было несколько верховых, кроме этих), подлетели к нам и кричат: “Заворачивайтесь”. Грубо так закричали. Я испугался и стал заворачивать круто лошадь. А баба которая-то и обернулась. Один, как это увидел, вынул револьвер, на мать наставил и орет: “Не оглядывайтесь, граждане, ... вашу мать! Не оглядывайтесь!” У меня лошадь вскачь скакала, а они нас верхами провожали около версты и все одно кричали: “Не оглядывайтесь!”. Мне показалось, по верховым судя, что это войско идет красное. А войско идет, значит, будет бой у Коптяков. Я так мужикам тогда и сказал. Оказалось, что тут мимо рудника в город два или три дня пускать не стали. А потом пускали. Не пропустили тогда Федора Зворыгина. Он кого-то вез в город в этот день, и я его встретил на большом покосе. Не пропустили Катерину Бабинову. Больше никого указать не могу. Что-то я не помню, были ли в тот день выстрелы от гранат у рудника слышны или нет. Больше по этому делу показать я ничего не могу.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Один из верховых был в матросской одежде, бритый, с черными усами, тот самый, карточку которого Вы мне сейчас показываете (предъявлена карточка Ваганова), по фамилии Ваганов.

Прочитано.

Зыков

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол допроса П. Ф. Алферова и С. И. Бабинова, 28 июня 1919 г.] // Н. А. Соколов.

Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 98—102. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 28 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов при разъезде № 120 в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей и они показали:

Гаврил Егорович Алферов, 44 лет, кр(естьян)н д. Коптяков, где живу, Верх-Исетской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, православный, неграмотный, в деле чужой, не судился.

После Петрова дня в среду рано утром я был на улице: хотел на покос идти. Гляжу я, едет по улице Николай Зыков в коробке? с матерью и своей хозяйкой. Едет и кричит и рукой машет: “Убегайте, убирайтесь из Коптяков! Там орудия везут, сюда и войско идет. На трех лошадях чего-то покрыто пологами везут”. Я хорошо помню, что он вот так и говорил: “На трех”, говорит, “лошадях чего-то покрыто пологами везут”. Тут он лошадь остановил. На его слова народ выбежал, стали его спрашивать. Помню, тут был брат мой Степан, Николай Папин тут же был, Василий Андреев Логунов, Степан Иванов Бабинов, Николай Васильев Логунов. Больше никого не помню. Стали мы доспрашивать Николая, что такое он говорит? Он как стал рассказывать и объяснил: “Только мы, — говорит, — большой покос проехали, к Четырём братьям стали подъезжать, а нам встречь трое верховых”. Кричат: “Заворачивайтесь, заворачивайтесь!!” “Я, — говорит, — стал коробок заворачивать, а бабы назад оглядываются. Один кричит: “Не оглядывайтесь!” А там по дороге орудия везут: на трех лошадях что-то покрыто пологами”. Они шибко лошадь погнали, а те их даже несколько проводили по дороге и все не позволяли им оглядываться. Тут мы и не знали, что подумать. Николай Швейкин, Папин Николай да Зубрицкий Петр трое и пошли поглядеть. Вернувшись, они стали рассказывать, что войска они никакого не видали, а на повертышке к руднику, первой от Четырех братьев, видали какого-то человека, и он им сказал, что ездить по дороге потому нельзя, что они обучение там у рудника производить будут. Так мы с тем и остались. Я тут на покос ушел и больше ничего в этот день не слышал. Вот только разрывы два я слышал. Разрывы были здоровые, как бы от гранат, и слышно их было от рудника. Как наших трое на разведку пошли, тут скоро, как им до ям дойти, они и взорвались. А больше я разрывов в тот день не слышал, потому мой покос далеко за озером. Кто к нам приезжал за молоком в деревню в тот день, ничего не знаю: на покосе я был. И в другие дни кто приезжал, также не знаю. Три дня, по моему, так, мнению, пути не было в город: не пускали. Вот кого не пропустили: Михаила Васильева Бабинова из Верх-Исетского не пропустили, Степана Иванова Бабинова, Федора Николаева Зворыгина. А у меня на квартире дачник стоял Василий Федорович Сеногоев (он в ту пору у Агафурова служил), так тот как-то пробрался. Какие комиссары приезжали в эти дни к Зворыгину, я не знал: ничего про это не слышал. Прошло несколько времени, собрались наши мужики на рудник идти глядеть, что там такое красноармейцы делали. Всех нас пошло восемь человек: я, Николай Папин, Михаил, Павел и Яков Алферовы, Николай и Александр Логуновы и Михаил Бабинов. Вышло-то это так. Папин Николай в город в субботу ездил и сказал в Верх-Исетске в штабе, что красные у нас у рудника чего-то такое делали. Вернувшись, он мне и сказал: “Пойдем, — говорит, — на рудник. Нынче белые придут смотреть, что красные на руднике делали”. Ну, я говорю: “Пойдем”. Мы на лошадях и поехали, взяли с собой веревки, багор, все, как быть. Первой от нас сверткой от Коптяков мы свернули и выехали к Ганиной яме. Тут мы двоих людей застали: один Хромцов из Верх-Исетска, а другого не знаю. Они в балагане у Ганиной ямы находились и сено тут косили. Пошли мы пешком к шахте. Стали туда глядеть. Мы только в большой колодец глядели. До воды было, пожалуй, сажени 1 1/2. Спустили мы туда Бабинова. Он нам стал рассказывать, что там есть.

Шестом он пощупал и говорит: “Ребята, лед. А вот тут, — говорит, — в уголку немного пробито”. “А там, — говорит, — опять вода пошла”. Мы ему больше щупать-то не велели: не равно еще взорвется там какая штука и его и нас убьет. Вытащил он конец веревочки. Веревочка была новая, отрезанная, один конец у ней в петлю был пропущен, а толщиной в мизинец. Прямо видать, это от ящичка упаковка была. Больше мы тут ничего, кажись, не нашли. Глядим, недалеко от шахты накоп. Мы его поковыряли, а там костер. Костер был большой: поперек четвертей на шесть, а то и больше и, видать, разметен был и раскидан. Угольков в нем было совсем мало. Стали мы его ковырять, а там и пошло: кости от корсетиков (я хорошо знаю, к чему они), пуговицы, кнопки разные, подбор от каблука, стекла от очков, разные крючки с петлями, пряжки разные, одна пряжечка с гербом и с застежкой как раз к ней, а потом и крест драгоценный объявился. Ну, как только крест объявился, Папин Николай и сказал: “Ребята, больше ничего, как здесь Николая сожигали. Это его, Николаев, крест. А вот пряжечка с гербом — это Наследникова Алексея Николаевича”. Я-то ничего не понимаю, а Папин солдат. Ему как не знать? Они народ ученый. Посмотрели мы тут еще в костре у старой березы. К ней от шахты пешая тропа была проложена. Мы по ней и пошли. Там кострище поменьше, как у шахты, но все же большое и не раскиданное и не засыпанное. В нем мы маленько посмотрели, нашли, кажись, крючки, петли и ушли потихоньку.

Дорожку, по которой сюда красные приезжали, я издали глядел. От шахты видать было, что след на ней здоровый. Прямо, укатана она была. А не догадался я тогда поглядеть, ездили на автомобиле аль нет. Больше никуда колесный след не шел; здесь он у самой почти шахты и кончался. Кругом по полянке все было истолочено, а в лес троп не было и по руднику троп не видать было.

Нашли мы тогда еще две носилки сосновые. Они валялись в траве по разрезу недалеко от шахты. Они были с вершок толщиной и сажень, пожалуй, длиной. Недалеко от дорожки против шахты, можно сказать, совсем недалеко от дорожки к шахте видал я несколько дощечек разбитого ящичка. Хорошо заметно было, что это от ящичка дощечки. Они были белые и нестроганные, как обыкновенно у ящичков бывает. Я вижу предъявленные мне Вами вещи и карточку (предъявлены вещи, описанные в протоколе 15—16 февраля сего года, л. д. 45—49, том 2-й и фотографическое изображение креста, описанного в пункте “г” протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 об., том 2-й). Эти самые вещи мы в ту пору и нашли. Все вещи, которые мы нашли в кострах и в шахте, мы взяли с собой. А носилок и разбитого ящичка не взяли. Больше ничего не знаю.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Я неграмотный.

А вот каблука, который мы тогда нашли, я в Ваших вещах не нахожу.

Прочитано.

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

Степан Иванович Бабинов, 44 лет, кр(естьян)н д. Коптяков, где живу, Верх-Исетской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, православный, грамотный, в деле чужой, не судился.

В Екатеринбурге торговые дни бывают в среду и в субботу. Не помню я теперь, в какой точно день, в среду или в субботу, а только вскоре после Петрова дня собирался я ехать в город с рыбой. Сiju я в избе и вижу: Николай Зыков гонит назад, а он должен был в этот самый день в город ехать. Я его спрашиваю: “Ты чего, Николай?” Он мне кричит: “Не езд, дядя Степан! Там войско идет. Стреляют”. Поехал он дальше. Кто его таким видал, каждый спрашивал, и он всем рассказывал. что он лругим сказывал. я не слыхал. а мне он вот то и сказал. что я Вам сказал.

Ничего я не слышал от него про то, что на трех лошадях что-то покрытое пологами везли. Может быть, он это еще кому сказывал, а мне он не говорил, да я и мало с ним говорил. Тут Швейкин, Папин и Зубрицкий ходили по дороге, но никакого войска не видали, и народ успокоился.

Я уехал рыбачить на озеро и ничего не знаю, что в этот день на дороге Коптяковской происходило. На другой день я пошел на покос к Федору Александровичу Горбунову. Идем мы с ним и еще с нами был Николай Васильев Алферов, отошли версты две, а нам навстречу едет какой-то конный красноармеец. Мы его стали спрашивать, что такое не пропускают наших людей? Он нам объяснил, что они ищут тут какую-то “банду” и потому не пропускают. Мы дальше и пошли. Наш покос был в лесу, близко к руднику: по прямому направлению не дальше полуверсты. Весь день мы косили и весь день на руднике стрельба была. И из ружей палили и гранаты рвали. Я, конечно, не солдат, а все-таки понимаю, что граната, а что пуля. А Горбунов солдат. Он тогда и говорил, что это гранаты рвутся. Сколько их, таких разрывов было, я сказать не могу, а все-таки много было. Не на память мне, виден ли был дым от костров у рудника, пахло ли чем горелым, например, мясом жженым. Что-то не пришло тогда мне на ум это. Сколько времени было оцепление, я не знаю. Когда красных не было, к нам приезжала какая-то комиссия. Меня тогда за кучера брали. До этого я на шахту не ходил. Я могу сказать, что дорожка, по которой сюда красные приезжали, шла как раз та, которая ближе всего к Четырем братьям выходит к Коптяковской дороге: первая от них свертка к руднику. Она была сильно накатана. Но я не догадался тогда взглянуть, был тут след автомобиля, аль нет. След езды от колес тут у шахты и кончался и больше никуда не шел. Полянка около шахты была истолочена. Видал я тогда два кострища. Одно было у шахты, а другое у старой березы. Костер у шахты был большой, а какой, определить боюсь; у березы был поменьше. Стала комиссия копаться в кострах, поковыряла и ушла. Я стал рыться в костре у березы и в сторонке от самого огнища, но все же ближе огнища увидал, что-то блестит, затоптанное в землю. Я поковырял пальцем и нашел большой драгоценный камень. Вижу я, — вещь хорошая, и говорю: “Вот, господа, я вам хорошую, очень прекрасную вещь нашел”. Ко мне подошел какой-то военный и взял у меня эту вещь, а мне сказал: “Ну, спасибо, старик, что не утаил. Пятьдесят тысяч в руках держал”. Я вижу снимок, который Вы мне показываете (предъявлен фотографический снимок с изображением бриллианта, описанного в пункте “в” протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 об., том 2-й). Вот этот камень, какой изображен на снимке, я и нашел тогда в кострище. В огне этот камень не был. Он был затоптан в землю и в огне не находился. Больше я ничего не знаю.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Есть у меня знакомый в Верх-Исетске Федор Александрович Уфимцев. Он живет в Верх-Исетске на выезде у дач. Я раз с ним встретился в городе (тогда город еще за красными числился, и я в торговый день, как оцепление было снято, и попал в город-то; это, должно быть, и было, когда только что оцепление сняли, в субботу; я тогда ту самую рыбу и возил продавать, которую не повез в тот день, когда Николая вернули), а он меня и спрашивает: “Что это у вас за оцепление там было?”. Я ему сказал, что знал. Он мне и говорит: “Что за диковина такая? Мимо меня тогда все автомобили гоняли, что-то все закрытое пологами возили. Да чего! Нас, как 8 часов настанет, из домов не выпускали: уходи из дома”. Вот это он мне сказывал.

Прочитано.

Бабинов

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

протокол допроса м. п. Бабинова, п. Ф. Алферова и п. А. Зворыгина, 27 июня 1919 г.] п. п. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А.

Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 92—98. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 27 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на разъезде № 120 в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Михаил Игнатьевич Бабинов, 42 лет, кр(естьян)н д. Коптяков, где живу, Верх-Исетской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, православный, неграмотный, в деле чужой, не судился.

После Петрова дня в первую среду³⁷ — я хорошо помню, что в этот именно день — Настасья Зыкова поехала рано утром в город с сыном Николаем и его женой. Мы все тогда рано встали, потому что нам нужно было на покосы идти. Настасья Зыкова — я сам ее тогда видел и говорил с ней — была сильно испугана. Она сказывала, что ее за большим покосом к руднику, сажен в триста от рудника встретили двое конных красноармейцев и прогнали назад. Я не помню, называла ли она тогда фамилию Ваганова. Она говорила, что ей грозили конные красноармейцы оружием, провожали назад, когда она уже ехала к Коптякам, и не позволяли оглядываться. Я не слыхал тогда, ходили ли наши мужики проверять, что рассказывала Настасья. Ну, тут ничего такого особого не было. Часа в три дня я слыхал три разрыва гранат. Они слышались от рудника. В тот же день приезжало к нам в Коптяки несколько человек красноармейцев конных. Я их видел в лица. Были они все молодые, в солдатской одеже. Примет их я теперь уже не помню. Чьи были они, откуда, не знаю. А только они русские были. Они спрашивали у меня молока. У меня молока не было, и они уехали дальше по деревне. У кого они тогда взяли молока, не знаю. На другой день в четверг поехала с рыбой в город моя жена Екатерина Андреевна. Она поехала часа в 4 утра и тут же вернулась.

Сказала она мне, что у большого покоса за гатью к руднику ее не пропустила застава. Я поехал с ней сам. Доехали мы до большого покоса, проехали гать, стали подниматься в горку, там на дороге стоит конный красноармеец и кричит нам, чтобы мы заворачивали. Мы дальше не поехали. В этот же день еще Степана Алферова не пропустили. Еще в тот же день Настасью Зыкову не пропустили. Не ту, про которую я сказывал, а другую Настасью. Муж у нее Василий Иванович — наш коптяковский. Он около нас покос имеет. Он как-то в тот самый день, когда Настасью Зыкову с сыном и снохой не пропустили в город, приехал к нам со своей женой Настасьей. Сам он на покосе остался, а Настасья по ягоды приезжала: ягод набрала и хотела в четверг уехать домой одна. Так вот, ее тоже тогда не пропустили.

В четверг часов в 9 утра я был в ограде, у нашего коптяковского Федора Палладиева Зворыгина. Я увидел, что к нему проехало в коробке? двое людей. Я подумал, как же это они проехали, когда в город никого не пускают? Мы с женой до этого ездили к большому покосу, и нас не пустили. А как она хотела продавать в городе рыбу, а я боялся, что рыба пропадет, то я и пошел поэтому к Зворыгину узнать от приехавших к нему людей, каким же манером они приехали? Приезжие сидели у Зворыгина в ограде у стола. Перед ними стояла крынка с молоком и тарелка с земляникой. Из стаканов они пили молоко и ели землянику каждый деревянной ложкой. Один из этих людей был в черном кожаном пиджаке, другой был в солдатской гимнастерке. Первому было лет так 25, худощавый, среднего роста, нос тонкий, прямой, усы маленькие, черноватые, борода бритая, глаза карие. Другому было на вид тоже лет 25 или 27, роста среднего, полнее первого, но не толстый, усы маленькие, рыжеватые, борода бритая, нос широкий, небольшой, лицо полное, красноватое. Оба они были в фуражках. Но все-таки из-под фуражек видать было, что волосы у них на головах коротко стрижены. Я их спросил, кто они такие? Черненький мне ответил: “Мы — комиссары”. Я их спросил опять: “А почему вы в город не пропускаете?” Он

мне ответил: “У нас тут занятия происходят. Мы боимся, чтобы кого-нибудь из вас не убило”. У Зворыгиных дома в это время была его жена Вера Федоровна. Самого же Зворыгина я не видал тогда. Ну, тут я и ушел.

В пятницу часов в 6 утра приехал к нам в Коптяки конный красноармеец и объявил народу, что ехать в город можно. Жена моя тут же в этот день и поехала в город. (Сам я тогда этого конного красноармейца не видел. Об этом мне кто-то из людей сказал.) Вернулась жена домой в пятницу же. Никакого разговора у меня с ней не было про то, какая дорожка с Коптяковской дороги к руднику была наезжена. Сам я тут в город не ездил. Это воскресенье прошло. А в воскресенье меня позвал Михаил Алферов ехать к руднику и глядеть, что там такое делали красноармейцы. Нас поехало 8 человек: я, Николай Папин, Михаил, Яков, Павел и Гаврил Алферовы, Николай и Александр Логуновы. Мы поехали на лошадях. Свернули мы с Коптяковской дороги к руднику по первой от Коптяков поворотке и выехали к Ганиной яме. Тут мы лошадей оставили и пошли к руднику пешком. У шахты был след. Он, этот самый след, был на дорожке, которая идет сюда от Четырех братьев. Я эту самую дорожку хорошо знаю. И вот я положительно и говорю Вам, что эта дорожка была очень сильно накатана и трава была по ней положена в волок. В самой колее дорожки были следы колес каких-то экипажей, но тут же был и след автомобиля. Этот след был около колей дорожки, но он был шире их. Я этот след, впрочем, больше разглядывал на повороте автомобиля. Автомобиль пришел сюда, где открытая шахта, по дорожке и тут на лужайке против шахты заворачивался назад. Вот на этом завороте я и видал его след. След имел рубчики от шин автомобиля. Больше никуда от этого места следы экипажей не шли. Была проторена тропа пешая к старой березе, где и оказался один из костров. Была легкая пешая тропа к Ганиной яме. Была истолочена трава на самой лужайке против шахты. По самому разрезу от открытой шахты никаких следов не было. Другой костер был на глиняном бугорке недалеко от шахты. Больше мы никаких костров не видали.

Меня спустили в большой колодец. Вода в нем стояла аршин на 6 от земли. Самой воды было с аршин, а потом шел слой льда. Лед в одном углу был пробит. Сам я льда не пробивал и шесток подо льдом не щупал. В этом большом колодце я нашел отрезок веревки, толщиной в мизинец, как бы упаковку от ящика, и большую саперную лопату. Больше мы тут ничего не нашли. В малый колодец мы не глядели. Стали мы тут рыться в кострищах. Костер, который был ближе к шахте, был засыпан землей. Сам он, как заметно было, был сначала разбросан, а потом засыпан. Он был продолговатый и имел в длину четвертей пять, а в ширину с аршин. Угольков в нем было очень мало. Другой костер около старой березы был несколько поменьше, также разбросан, но не засыпан. В этих кострах мы и стали находить разные пуговицы, кости от корсетов, пряжек очень много разных, стекла от очков, а потом нашли крест. Я сейчас вижу все эти вещи (предъявлены вещи, описанные в протоколе 15—16 февраля сего года, л. д. 45—49 том, 2-й) и изображение креста (предъявлен фотографический снимок креста, описанного в пункте “в” протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 об., том 2-й). Я утверждаю, что их именно мы и нашли. Ну, как стали мы их находить, тут мы сразу и догадались, зачем сюда большевики никого не пускали. Мы так и поняли, что тут Государя Императора они сожигали; по вещам видать было, что так это. Тут мы и пряжке маленькой место нашли, которая герб имеет; видать, что Наследника, потому что малая она. Как мы это увидели, мы собрали все вещи, которые нашли, и ушли. Больше я ничего по этому делу не знаю. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Я вижу предъявленные мне Ваши снимки людей (предъявлены фотографические карточки Юровского, Голощекина, Белобородова, Сахарова и Сафарова). На этих снимках один (свидетель указал на Сафарова) похож на того черненького, который со мной разговаривал у Зворыгина. Коробок, в котором они приезжали, был плетеный и на длинных дрожинах, самый обыкновенный. А лошади я что-то не помню.

Прочитано. Я неграмотный.

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов.

Павел Филаретович Алферов, 30 лет, кр(естьян)н д. Коптяков, где и живу, Верх-Исетской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, православный, неграмотный, в деле чужой, не судился.

В те дни, когда на Коптяковской дороге была застава и народ не пропускали по этой дороге, я дома не находился. Я тогда работал на железной дороге на станции Исеть. Работал я до 25 июля по новому стилю, как раз до того самого дня, когда Екатеринбург взяли. Тогда большевики из города стали бежать, а мы от них с Исети в Коптяки убежали. Когда я вернулся домой, тут я и узнал, что около рудника была застава: не пропускали туда ни от Коптяков, ни от полотна железной дороги. Было у нас по этому поводу рассуждение, что это означать может? Почему большевики эту местность оцепляли и никого не пропускали? В первое же воскресенье меня Николай Папин позвал сходить туда и поглядеть, что там такое есть. Мы думали, что там большевики не иначе как спрятали что-нибудь. Нас собралось 8 человек: я, Николай Папин, Михаил, Яков и Гаврил Алферовы, Николай и Александр Логуновы и Михаил Бабинов. Все мы поехали на лошадях к руднику.

Выехали мы к руднику первой от Коптяков сверткой, которая идет к Ганиной яме. Сюда мы выехали и здесь лошадей оставили. Отсюда мы пешком пошли к руднику. Шли мы к руднику не по дорожке, которая идет от него к Ганиной яме, а прямо так целиком. Я видал, что дорожка эта (я хорошо знаю эту свертку: она первая от Четырех братьев идет к руднику) сильно наезжена, и след кончился как раз почти против шахты. Была она наезжена как бы зимой от полоза хорошего. А только я тогда не догадался посмотреть, был здесь автомобиль или же нет. Ну, первым делом мы кинулись к шахте. Стали мы смотреть большой колодец и спустили туда Бабинова. Вода стояла на уровне многих аршин, а скольких, точно не скажу. Бабинов взял с собой шест. Шестом стал он прощупывать воду и достал слой льда. В одном углу льда он нашел отверстие небольшое. Из самой шахты он вытащил саперную большую “возимую лопатку” и веревку. Вережка имела на одном конце петлю, и конец ее был пропущен в эту петлю. Она была толщиной в мизинец и как бы вроде укупорки от ящика. Она была новая. Не помню я, был ли тогда найден обрывок от палатки. Больше мы ничего тогда не нашли. Около шахты, видать, земля была в одном месте вскопана и насыпана на другое место. Стали мы это насыпанное место разрывать. Там оказался костер. Костер был в длину четвертей пять и в ширину четверти четыре. Он был разбросан и потом засыпан. Углей в нем было совсем мало. Нашли мы и другой костер у старой березы. К нему вела пешая тропа. Этот костер у березы был поменьше несколько и засыпан не был. Угольков в нем было мало. Нашли мы еще две сосновых носилки, длиной аршина два с половиной и толщиной с вершок. Они обе валялись в траве по разрезу от шахты. Стали мы в кострах копаться и нашли там много пуговиц, костей очень много от корсетов, крючков, несколько стекол от очков, пряжек разных и крест. Все это было обожженное. Как мы нашли эти вещи, видим, что вещи эти не простые, а от богатых одежд. А как крест нашли, мы сразу подумали, что тут Николай погиб от большевиков. И пряжечка малая тоже с гербом, должно быть, мальчика. Мы тогда же подумали на Наследника Алексея Николаевича. Ну, собрали мы все эти вещи (носилки только не взяли) и ушли с этого места.

Больше я ничего по этому делу не знаю. Мы, крестьяне, так себе думаем. Если они это место оцепляли столько времени, значит, они Их трупы или в шахтах схоронили, или же сожгли. Больше им девать Их было некуда. А дальше к озеру везти и там с Их трупами что-нибудь делать они никак не могли: там постоянно народ, и застав там в эти дни никаких не было.

Прочитано. Я неграмотный.

Я вижу предъявленные мне Вами вещи (предъявлены вещи, описанные в протоколе 15—16 февраля сего года, л. д. 45—49, том 2-й) и фотографический снимок креста (предъявлен фотографический снимок креста, описанного в пункте “в” протокола 10 февраля сего года л. д. 13 об., том 2-й). Эти самые вещи мы тогда и нашли в кострах. Крест был несколько в стороне от

костра, в мусоре от костра.

Прочитано. Неграмотный.

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов.

Петр Алексеевич Зубрицкий, 42 лет, кр(естьян)н Верх-Исетского завода, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, православный, грамотный, в деле чужой, не судился.

Через несколько дней после Петрова дня, в какой именно день, не скажу, наша Коптяковская баба Настасья Зыкова поехала с сыном Николаем в город. Зачем они поехали, я хорошо не знаю. Поехали они рано и скоро вернулись. Я сам видел в то время Николая. Он рассказывал, что их вернули с дороги за большим покосом каких-то двое верховых красноармейцев. Рассказывал он, что и войско идет по дороге. Мы по этому случаю забеспокоились: думали, что бой будет. Однако мы пождали-пождали, ничего нет. Тогда трое нас: я, Папин и Швейкин удумали сходить в то место и поглядеть, где же войско? Пошли мы Коптяковской дорогой. Подходим мы к большому покосу, там человека четыре австрийцев косят.

Мы стали их спрашивать, не видали ли они войска? Австрийцы нам сказали, что войска они никакого не видали, а подъезжали к ним двое казаков, и гнали их с работы, а они не пошли. Чей тот покос, где австрийцы работали, я не знаю. Кажется, покос этот Логинова из Верх-Исетска, но точно не знаю. Про войско же австрийцы ничего не слыхали. Мы пошли дальше и дошли до Четырех братьев. Когда мы шли мимо рудника, слышно было, что около него кони ржали. Против Четырех братьев есть балаган Ивана Степановича Масленникова. Там он сам был с внуком Митюшкой. Мы ему рассказали сами, как вернули Зыковых, и стали его спрашивать, не видал и он как войско шло? Он нам сказал, что сам он ничего не видал, а Митюшка рано утром выходил из шалаша и видел, что по дороге в коробка?х много народу враз проехало.

Пошли мы от него и вышли на Коптяковскую дорогу. Тут к нам Шереметевский поспел. А из Верх-Исетска едет Василий Иванович Зыков с женой своей Настасьей. Мы его стали спрашивать, не видал ли он чего? Он сказал, что ничего не видел; никто его не обгонял, и он никого не обгонял.

Он от нас уехал, а мы все отправились дальше. Еще когда мы шли от Коптяков к Четырем братьям, мы обратили внимание на свертки к руднику. Все свертки были, как и раньше: почти что незаметны. А одна, которая ближе всех к Четырем братьям, прямо как зимой проложена. Уехал от нас Зыков, стоим мы и калякаем: “Давайте посмотрим, куда это так проехали”. Так мы стоим и слышим, кони опять у рудника ржут. Пошли мы к этой свертке и хотели по ней идти. Вдруг по этой свертке от рудника к нам выехал верховой. Он был молодой, с маленькими усиками, бритый. Больше я его примет никаких не знаю: не помню. Он был в шинели солдатской и фуражке. При себе он имел винтовку, револьвер, шашку, две гранаты за поясом. Он сам нас спросил: “Что за люди?!” Мы ему сказали все, как наших копяковских вернули, что войско идет и что мы боимся. Он нас стал успокаивать и стал нам говорить, чтобы мы не боялись: “Мы тут практические занятия с бомбочками производим и поэтому местность оцепили, чтобы никого не убило”.

Так мы с ним постояли немного и пошли. Прошли мы сажень 50, как один за другим раздались два взрыва от гранаты. Они слышались от рудника. Я думаю, что в это время, когда мы шли, конный красноармеец, с которым мы разговаривали, успел бы доехать до шахты, где потом трупы искали. Входим мы в село, еще таких же три взрыва также от рудника раздались. Ну, тут мы и пошли по своим делам. Я слыхал, что оцепление было и на другой день, а на третий день,

как мне помнится, уже все свободно проезжали. Я слышал, что в эти дни приезжали к нам в Коптяки красноармейцы насчет молока, но я только знаю, что они брали молоко у Пелагеи

Горбуновой. Сам я их видал издали, когда их несколько человек приезжало, но я их не разглядел. Знакомых среди них ни одного не было. Больше я ничего не знаю. Я не слышал, чтобы к нам приезжал красноармеец и говорил бы, что путь свободен. Был ли на той свертке к руднику, где мы разговаривали с конным красноармейцем, след от автомобиля, я не знаю: не заметил.

Прочитано.

Погода тогда была сухая, но была роса. На дорожку, которая идет от Четырех братьев к плотинке, мы тогда не обратили внимания.

Прочитано.

Петр Алексеев Зубрицкий

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол допроса М. А. Волокитина, П. Ф. Алферова и П. А. Зубрицкого, 21 июня 1919 г.] //
Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 90—92. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 21 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на разъезде № 120 в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Михаил Александрович Волокитин, 33 лет, крестьянин Верх-Исетского завода, той же волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, живу в Верх-Исетском заводе, по 4 Опалихинской улице, в доме № 8, православный, в деле чужой, не судился.

В прошлом году я арендовал покос в районе горнозаводской линии вблизи 120 разъезда. Я хорошо помню, что после Петрова дня в первых числах июля месяца я шел в город той дорогой, что идет из Коптяков в Верх-Исетский завод. На этой дороге между разветвлением Коптяковской дороги перед двумя переездами и переездом № 184 я встретил троих всадников, ехавших верхами на седлах. Два из них, как мне показалось, были мадьяры. Они были в австрийской военной солдатской одежде с австрийскими или мадьярскими военными шапочками на головах. Третий был Юровский, которого я хорошо знал. В руках Юровского я видел простой плотничий топор. Встреча эта произошла у нас часа в два дня. Ехали они, направляясь дорогой прямо к переезду № 184. Юровский еще перекинулся со мной несколькими словами, спросил меня, много ли ягод. Я не могу припомнить, какого именно числа произошла эта моя встреча с Юровским, но я убежден, что это было еще тогда, когда я не слышал об убийстве Государя Императора, и незадолго до того дня, когда большевики объявили об этом официально в газетах. В то же время, когда я встретил Юровского, я никак не мог связать эту встречу с ним с убийством Государя. Через день-два после этого я опять шел домой по той же дороге и как раз в том месте, где с Коптяковской дороги идет свертка, направляющаяся в д. Палкино и к озеру Мелкому, я встретил легковой автомобиль. В автомобиле сидело несколько человек. Среди них, я это хорошо разглядел, был опять Юровский. Остальных же я совершенно не успел заметить и

...он не заметил даже одежды их. Автомобиль их шел в том же направлении на Коптяки, т. е. к одному из двух переездов около разъезда № 120. Это я говорю потому, что свертку на д. Палкино и к озеру Мелкому он прошел и пошел дальше по Коптяковской дороге. Эта вторая встреча произошла, приблизительно, часов в 5—6 вечера. Я затрудняюсь точно сказать, но все же думаю, что и вторая встреча моя с Юровским, когда он ехал в автомобиле, произошла еще до объявления большевиками в газетах об убийстве Государя Императора.

С Юровским я лично знаком не был, но я его знал. До революции он ничем не выдавался положительно в городе Екатеринбурге. Просто был фотограф. Я был раз у него в фотографии. На меня он не произвел впечатления интеллигентного человека, а так: полунинтеллигент. Революция его застала в солдатской шинели, и он был, как я себе представляю, военным фельдшером. Вот тут-то он и обозначился. В первые же дни революции на первом собрании “комитета общественной безопасности” он выступал с жалобами на какого-то командира какой-то воинской части, обвиняя его в утеснениях солдат: не пускает их на митинги, и тогда уже в нем чувствовался будущий большевик. Потом при большевиках он уже играл большую роль, и имя его было весьма известно в среде большевистских деятелей. Я затрудняюсь сказать, какие именно он нес при них обязанности, но, как говорили, он играл большую роль в “чрезвычайке”. По Верх-Исетску я знал Петра Ермакова. Он родом из Верх-Исетского завода. Он партийный человек, неразвитой, грубый, способный на преступление. До революции он подвергался преследованиям за свои деяния (я не могу Вам сказать, какие именно преступления он совершал), был арестован и, кажется, находился в ссылке или скрывался. После революции он прибыл в Верх-Исетск и стал выдвигаться в партийных собраниях.

При большевиках он был военным комиссаром в Верх-Исетском заводе. Имел ли он какое-либо отношение к “чрезвычайке”, я не знаю. По моему мнению, оба эти лица, и Юровский, и Ермаков, на убийство способны. Василия Ивановича Леватных я не знаю. Алексея Сергеевича Партина я знаю. Он большевик убежденный. Какую он при них играл роль, я не знаю. Ушел он с ними. Однако я не считаю его способным на убийство. Мне кажется, что у него не такая натура и вряд ли бы хватило на это характера. Больше показать я ничего не могу.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Михаил Волокитин

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол допроса Д. А. Малиновского, 18 июня 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 82—90. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 18 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на разъезде № 120 в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали*:

Дмитрий Аполлонович Малиновский сведения о личности см. л. д. 88 том 5-й.

29 июля (по новому стилю) когда я находился в штабе гарнизона я услышал что откупля-то

...иногда (по повелению старшего), когда я находился в штабе гарнизона, я услышал, что откуда-то принесли какие-то ценные вещи, которые наводят на размышления относительно благополучия Августейшей Семьи. Вещи эти были тогда у районного коменданта капитана Владимира Артуровича Гирша, помещавшегося тогда в том же здании, где и наш штаб.

Это было часов в 5 вечера. Я сейчас же отправился к коменданту. (От кого тогда я услышал об этом, теперь положительно не могу припомнить.) В одном свертке я увидел следующие вещи: три топаза, две пряжки с драгоценными камнями, видимо, от хороших дорогих туфель, тоненькие какие-то пружинки, которые я тогда объяснил, как обгоревшую принадлежность какого-то дамского костюма, пряжка от пояса мальчика (малого образца) с застежкой к ней, с гербом, 6 пар передних планшетонок от корсетов, много костей корсетов; пряжки от хлястиков жилетов или брюк, разбитые стекла от пенсне и стекло, как мне показалось, от лорнета, несколько металлических пуговиц с гербами, большие пуговицы, видимо, от дамских пальто, модная пряжка от пояса, две какие-то тоненькие пластинки, американский ключ, две медные монеты, пряжки или от мужских помочей или от женских поясов, пуговицы, какие-то маленькие колечки, кнопки, крючки, какая-то часть металлическая от сумочки или портмоне, кажется, еще был патрон от револьвера и какие-то обгорелые части какого-то предмета, сцепленные одна с другой тоненькой проволокой. Я вижу все предъявленные мне сейчас эти предметы (предъявлены предметы, описанные в протоколе 15—16 февраля сего года, л. д. 45—49, том 2 й). Все их я тогда видел. Вот только не помню хорошо что-то патрона и пряжки большой, офицерского образца, от пояса (п. 16 и 23 того же протокола, л. д. 48 и 49, том 2-й). Затем в числе этих же вещей был еще драгоценный крест из изумрудов и мелких бриллиантов. Это тот самый крест, фотографическое изображение которого Вы мне сейчас показываете (предъявлено фотографическое изображение креста, описанного в пункте “г” протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 об., том 2-й). Все эти вещи я тогда и видел в одном свертке в руках капитана Гирша. Все они были сильно обгоревшие. Разговоры же были такие. Где-то за городом, верстах, приблизительно, в 12 в лесу в кострах найдены крестьянами, кажется, эти вещи, и там же находятся обгорелые трупы. Так именно тогда говорили. Удалось выяснить, что вещи эти привез в город офицер Шереметевский. Кто-то посылал за находившимися тогда в Екатеринбурге камердинером Государя Чемодуровым и доктором Деревенко. Как вел себя Деревенко, я что-то не помню. Я только помню, что он, кажется, опознал все-таки какие-то вещи. Чемодуров же удостоверил, что такие кресты, как тот, который был у нас в руках, носили все Княжны. Он опознал пряжку малого образца как принадлежащую к поясу Алексея Николаевича, а две пряжки с драгоценными камнями как принадлежащие к туфлям одной из Княжен. Что он говорил про остальные вещи, не помню. Возможно, что ему и не задавалось таких вопросов относительно других вещей, а спрашивали только про такие вещи, которые бросались в глаза нам, спрашивавшим об этом. Вещи все эти так и оставались у Гирша. Ко мне они не попадали. Они, как мне помнится, были сданы Гиршем, кажется, в штаб гарнизона и хранились там в нестогоремом шкафу. Я начал тогда же искать Шереметевского, искал его часа два, нашел. Шереметевский сказал мне, что все эти вещи он получил от каких-то крестьян, а крестьяне нашли их в местности около д. Коптяков, оцеплявшейся большевиками как раз в скором времени после убийства Государя, в кострах. В тот же день я получил официальное предписание от начальника гарнизона Шериховского произвести при участии судебных властей расследование по поводу нахождения этих вещей. Был нами для этого приглашен в штаб гарнизона судебный следователь по важнейшим делам Наметкин. Инициатива приглашения его принадлежала мне, потому что мне его указали. Наметкин же был именно потому приглашен, что он был следователем по важнейшим делам, а разве это дело не важнейшее? Вот почему мы его и пригласили. Он нам сказал, что он не может ничего делать без предложения прокурора суда. Я начал искать тогда прокурора Кутузова, но его в городе не было. Он тогда был в Шарташе. Я стал туда посылать телефонограммы, но добиться ничего не мог. 30 июля утром нас собралась компания: я, капитан Ярцов, ротмистр Бертенев, штабс-капитан Бафталовский, капитан Политковский, штабс-ротмистр Ивановский, капитан Сумароков, ротмистр Матвеев, Шереметевский, Чемодуров и Деревенко. Нам был подан маленький автомобиль и несколько экипажей. Всей компанией мы отправились к судебному следователю Наметкину. Он еще спал. Я попросил его разбудить. С двумя офицерами, из которых один был Сумароков, мы вошли к

Наметкину. Я предложил ему ехать с нами. Он опять стал говорить, что не может ехать с нами без предложения прокурора. Тогда я сказал ему: “Теперь вся власть в руках военных. Ваша

власть гражданская еще не сорганизовалась. Начальник гарнизона требует, чтобы Вы, как следователь по важнейшим делам, отправились бы туда с нами, где найдены вещи Августейшей Семьи”. Он снова стал отказываться. Тогда я сказал ему, что нас здесь 12 вооруженных офицеров и мы особенно его просить не станем. Он, вероятно, мой намек понял, собрался и поехал. Я тут помню только одно: была среди нас какая-то группа, собиравшаяся тогда прямо из города ехать, вероятно, на этом же автомобиле на место. Я помню, что тогда были об этом разговоры. Но ездила ли она на автомобиле и кто именно ездил, я этого совершенно теперь не помню. Я же вместе с другими поехал из города по железной дороге до станции Исеть. Высадившись на станции Исеть, мы переехали Исетское озеро на лодках, дошли до Коптяков пешком, а от Коптяков поехали к месту, куда мы стремились, на лошадях. Лошадей нам дали в Коптяках. С нами ехали какие-то коптяковские крестьяне, правившие лошадьми, и два-три крестьянина, кажется, те самые, которые нашли вещи. Ехали мы к месту из Коптяков большой дорогой, которая ведет в город Екатеринбург. К этому же месту мы поехали первой от Коптяков сверткой. Я помню, что она имела вид слегка проезженной дорожки: эта свертка. Как будто бы по ней раз проехали на колесах. Но особой утолоченности на ней я не видел. Выехали мы по ней как раз к Ганиной яме. Проехав еще немного от Ганиной ямы, мы остановились и пошли пешком туда, куда вели нас крестьяне. Мы пришли к открытой шахте. Она имела два колодца, один побольше, другой поменьше. Заглянули мы в колодцы.

В них виднелась вода, стоявшая от поверхности почвы, приблизительно, на 7—8 аршин. Мы стали прощупывать шестом воду. Я помню, что в большом колодце, приблизительно на аршин, под водой был слой льда. Тогда в этот колодец спустился капитан Бафталовский и стал исследовать колодец. Слой льда был толщиной меньше четверти. Под ним снова шла вода. Шестом Бафталовский стал прощупывать лед. В одном из углов колодца во льду было отверстие, величиной около аршина. Форму этого отверстия я описать не могу, так как сам его не видел. По описанию же Бафталовского, свободное пространство в слое льда занимало площадь в квадрате или в окружности около аршина. Под слоем льда снова шла вода, глубиной сажени две. Дальше шест не шел, упираясь в какое-то дно, сверх которого, как он говорил, был лед. В малый колодец шахты никто не спускался. Вода в нем стояла на таком же уровне. Также мы прощупывали малый колодец и, как мне помнится, в нем под водой на таком же уровне был слой льда. Думаю я, что так было, но точно удостовериться, что лед был и в малом колодце, я не могу. Может быть, я и забыл. Вообще я должен сказать, что мы на состояние малого колодца почему-то обратили мало внимания. Около этой шахты был костер. Величиной он был, приблизительно, аршина полтора. Костер был круглой формы. Он произвел на себя вот какое впечатление: он был сначала разбросан, а затем засыпан землей, которую кто-то раскопал и слегка тоже разбросал. Другой костер был подальше несколько от шахты около березы с надписью, где была дата 11 июля 1918 года и фамилия Фесенко.

Стали мы рыться в этих обоих кострах. Я помню, что в присутствии капитана Политковского одним из крестьян, приехавших с нами, в костре около березы был найден большой камень бриллиантовый, фотографическое изображение которого Вы мне сейчас показываете (предъявлено фотографическое изображение бриллианта, описанного в пункте “в” протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 об., том 2-й). Кроме этого бриллианта, тогда же было найдено в кострах этих и около них: один осколочек жемчуга и два осколка изумруда, много кусков обгорелой ткани от одежды, кнопки от дамских, несомненно, костюмов, обрывок кружева, также обгорелый, какие-то принадлежности корсетов (теперь не помню, какие именно), пряжки, кажется, от подтяжек мужских (не помню, сколько именно). Нахождения обгорелой дамской сумочки не помню. Хорошо помню, что один лоскуток одежды, кажется, по цвету серый, пах сильно керосином. Нахождения в глине около самой шахты осколка ручной бомбы не помню. Кроме найденных и указанных мной вещей, Бафталовский извлек из стенки большого колодца один осколок ручной гранаты. Он его выковыривал тогда чем-то из дерева и говорил, что такими осколками стенки колодца избиты. Я помню, что из большого же колодца Бафталовский тогда

же вытащил кусок материи защитного цвета, видимо, от палатки. Я слышу протокол судебного следователя Наметкина об осмотре шахты (прочтен акт судебного следователя по важнейшим

делам Наметкина от 17—30 июля 1919 года, л. д. 5-й, том 1-й). Он соответствует действительности, но я не представляю себе, что он называет в нем “черными блестящими обломками” и, мне кажется, что он ошибается, указывая малый колодец, как место нахождения кусочка от палатки. Этот кусочек, как мне помнится, был найден в большом, а не в малом колодце шахты. Нахождения списка с телефонными адресами советских деятелей я не помню. Нам, военным, не пришлось тогда в голову посмотреть, какой именно дорожкой сюда приезжали люди и в каком виде была эта дорожка. Я почему-то тогда полагал, что, если сюда привозили Августейших Особ, то их и привозили именно той дорожкой с Коптяковской дороги, которой прибыли с Коптяков мы. А про нее я уже Вам сказал, что она имела след от колесного экипажа, но не сильно укатанный, а слегка. Больше тут мы никаких дорожек не осматривали. В частности мы тогда совсем не видели дорожки, на середине которой была бы широкая яма с лежащим на дне ее бревном. Третьего костра именно около этой ямы мы тогда не видели. Были мы тогда на месте часа три и уехали в Коптяки. У меня из осмотра осталось полное убеждение, что здесь около шахты в кострах была сожжена одежда Августейшей Семьи. Вот только тогда мы не обратили как следует внимания на состояние дороги и проглядели следы на них. Я совершенно теперь не могу Вам сказать, где именно у шахты были следы экипажей, где они кончались, до какого места доезжали люди, которые были здесь. Я только помню, что местность около шахты была сильно истолчена пешими следами людей: высокая трава была сильно помята. Уезжая с места, я полагал, что теперь начнется следствие, и Наметкин будет допрашивать свидетелей. Он там на месте у шахты что-то себе писал в книжечку. Когда же мы прибыли в Коптяки и все пошли дальше, чтобы таким же путем ехать в город, собрался уезжать и он. Я удивился этому и указал на это Ярцову, как старшему среди нас. Решено было, что останусь я сам. Со мной остались тогда Матвееenko и Сумароков. Мы решили сами производить следствие, раз судебный следователь не хочет. Я помню, что я в тот же день допрашивал двух лиц: каких-то крестьян. Один крестьянин рассказал мне, что в одну из этих ночей, когда существовало оцепление местности (как я помню, в ночь с 16 на 17 июля по новому стилю), он поехал из Коптяков в город и дорогой не был пропущен. Ему было приказано ехать назад. Я не помню, ехали ли с ним бабы. Баб я тогда не допрашивал. Другой крестьянин рассказал мне в тот же вечер, когда я допрашивал и первого крестьянина, что в ту же ночь, про которую мне говорил и первый крестьянин, он слышал в районе рудника разрывы гранат и револьверную стрельбу. Сам я допрашивал тогда только двоих свидетелей, Матвееenko и Сумароков также тогда допросили несколько человек. Все показания этих лиц записывались карандашом. Сущность показаний тех лиц, которых допрашивали Матвееenko и Сумароков, сводилась к тому именно, что в течение нескольких дней, именно в эти дни 16—18 июня по новому стилю, местность около рудника со стороны Коптяков была оцеплена, и за оцепление никого из Коптяков не пропускали. Сущность показаний свидетелей, которых мы допросили, именно в этом и заключалась. Они сами не видели, чтобы что-либо везли по дороге, и они бы это видели. Такими свидетелями мы тогда не располагали. Кто-то из крестьян указал нам тогда же на жену какого-то комиссара, проживавшую в то время в Коптяках. Это и была Евдокия Тимофеевна Лобанова (см. л. д. 7, том 1-й). Она находилась тогда в Коптяках с сыном, лет 6—7. Я сначала побеседовал с ним и от него узнал, что они с матерью недавно приехали из города. Я стал допрашивать ее. Это была жена какого-то большевистского казначея, служившего в каком-то большевистском учреждении, помещавшемся в здании оружного суда. Она как раз ехала из города в то время, когда оцепление уже существовало. На одном из переездов, ближайшем к руднику, ее не пропустили дальше. Там было оцепление и был какой-то автомобиль. Она ночевала тогда на переезде и утром уже смогла только проехать в Коптяки. После допроса всех указанных лиц (показание Лобановой я записывал сам) мы втроем на двух экипажах в сопровождении двоих каких-то крестьян, бывших у нас кучерами, отправились опять в шахту. С нами шла еще телега с несколькими рабочими, которые везли веревки, лопаты, корзинку и топор. Подъехали мы к шахте опять той же сверткой, как и в первый раз, т. е. опять со стороны Ганиной ямы. Матвееenko снова полез в большой колодец шахты. Мы уничтожили там слой льда и вытаскали его корзиной. Больше мы никаких работ над шахтой не производили. Побыв там некоторое время, мы втроем поехали к

тому переезду через линию железной дороги, где была Лобанова задержана. Здесь я сам допрашивал жену сторожа, который жил в будке около переезда, и ее сына, лет 6—7.

Сторожиха вертелась в показаниях, видимо, боясь выдать их. Существенное значение имело показание этого мальчика. Он говорил, что 16 июля днем по дороге из города проехали по Коптяковской дороге какие-то верховые красноармейцы и тут же вернулись. Очевидно, это была разведка. В тот же день к вечеру проехал грузовой автомобиль с пешими красноармейцами и несколько конных красноармейцев. Тут же и было установлено оцепление со стороны переезда. (Я думаю, что тут же оно было установлено и от Коптяков.) В эту же ночь мальчик видел, что по дороге от города проехал к Коптякам целый обоз: шли коробки, запряженные лошадьми и, кажется, была одна телега. Все это охранялось вооруженными пешими красноармейцами, окружавшими экипажи, и все это в молчании медленно двигалось по дороге. Никого не пропускали в эту ночь на Коптяки, весь следующий день, всю следующую ночь, а наутро весь этот кортеж проследовал обратно. Показание мальчика подтверждала в некоторых частях и его мать-сторожиха, но она все-таки, в общем, вертелась и, видимо, боялась что-либо говорить. Самого же сторожа я не допрашивал в то время, ввиду его отлучки. Показание мальчика я также записал карандашом. Все произведенное нами троими следствие осталось у меня. Из вещественных доказательств Наметкин взял в то время себе бриллиант, два осколка изумруда и осколок жемчуга. Все же остальные предметы, которые были найдены нами в первый же день осмотра нами костров, были у меня. Потом пошли работы на месте по исследованию шахты и Ганиной ямы. Работы эти вел Шереметевский со своим братом. Я оказывал ему содействие по добыванию машин, орудий, рабочих. Мне время от времени доставлялись вещи, которые были найдены там у шахты во время работ Шереметевского. Я помню, что там были найдены и мне переданы такие вещи: портретная рамка и клочки какой-то фотографической карточки (по клочкам было видно, что на карточке была изображена целая группа лиц и, мне кажется, что эта карточка была снята где-то за границей: не русские, видимо, люди были изображены на ней, но я не мог по обрывкам определить, кто именно на ней изображен), одна или две части жемчужины, какая часть была найдена и при осмотре нами в первый раз шахты, топаз с осколков, несколько частей какого-то золотого украшения, из коих одно, кажется, было с бриллиантиками, пуля в оболочке, простая запонка, застежка от какой-то, как мне думается, дамской вещи, пряжка от подвязок, один образок, крючки, кнопки, петли, пуговицы, гвоздики, видимо, от обуви. Все это было обгорелое. Относительно образков я могу сказать, что мне был представлен только один образок с разбитым изображением святых, на подушечке с кольцом, очевидно, для ношения его на шее.

Я вижу предъявленные мне Вами фотографические изображения: портретной рамы (предъявлено фотографическое изображение портретной рамки, описанной в пункте “а” 1 протокола 10 февраля сего года, л. д. 10, том 2-й), топаза с осколком, частей украшений, пружинок, застежки, пряжки и еще украшения (предъявлены фотографические изображения сих предметов, описанных в пунктах “а” 2—3 того же протокола, л. д. 11 об. 11, том 2-й) и трех образков (предъявлено фотографическое изображение трех образков, описанных в пунктах 4—6 того же протокола). Все эти вещи, которые изображены на этих снимках, и были мне представлены, а из образков один из изображенных на этом снимке, как он здесь и изображен. Остальных вещей, как, например, подковки для сапога, осколков флакона, я что-то не помню. Все акты нашего следствия и все вещи, которые были у меня, я потом передал капитану Ярцову. Он их потом передал капитану Сотникову, а Сотников, как мне потом приходилось слышать, передал их все Сергееву, который был назначен производить следствие вместо Наметкина.

Был я тогда же и в доме Ипатьева. Мы там были во время осмотра дома Наметкиным. Во время нашего осмотра дома я там был раза три. В первый раз мы пришли туда, кажется, 2 августа. Я вижу предъявленные мне Вами фотографические снимки комнат верхнего этажа этого дома (предъявлены фотографические снимки комнат дома Ипатьева, находящиеся на л. д. 215—217, том 3-й) и показываю следующее. Комендантская комната, изображенная на снимке, была в таком именно виде, но матрас на кровати и подушки на диване были не разбросаны, как это изображено на снимке, а лежали в порядке; это уже мы их перевернули. За этим самым диваном,

который виден на снимке, я и нашел деревянные четки с крестами. Они там лежали на полу. Я их оттуда и взял. Бывший при осмотре Чемодуров удостоверил, что эти четки принадлежат

Государыне Императрице. Все другие комнаты правильно изображены на снимках. Только вот относительно комнаты Княжен я скажу, что мусор из печей, который виден на снимках, мы извлекли из печей, и ночной горшок был не там, где он стоит: он был дальше засунут под зеркалом, а на снимке он вытащен к середине комнаты. Это мы его, вероятно, вытащили. Я удостоверяю, что нигде положительно в верхнем этаже дома я не видел ни одной кровати. Я это хорошо помню. Горшок, например, так и стоял под зеркалом. Кажется, ему удобнее было бы быть под кроватью. Я категорически утверждаю, что нигде не было кроватей в верхнем этаже, кроме комендантской комнаты, где была одна кровать. Не было в доме никаких вещей из одежды и обуви. Мы вытаскивали мусор из печей. Печи были набиты золой от сгоревших вещей. Мы просеивали пепел. Установить главную массу сгоревших вещей мы не могли: вещи превратились в золу, но иногда можно было понять, что зола представляла собой сожженную ткань одежды. Было очень много сожжено фотографических карточек. Это прямо бросалось в глаза. Много было сожжено портретных рамок, всевозможнейших мелких вещей домашнего обихода, вещей из хорошей обстановки. Много было сожжено различных принадлежностей туалета, например, головных и зубных щеток. Много было обгорелого и расплавленного стекла. Впечатление, какое я вынес из осмотра верхнего этажа дома, было то, что здесь, за отсутствием обитателей квартиры, все разгромили: сожгли преимущественно и бросили, оставили не уничтоженной мелочь. Были мы и в нижних комнатах дома. Я обратил внимание на одну комнату, где мы видели следы пуль в стенах и полу. Эта комната и изображена на снимках, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены фотографические снимки комнаты дома Ипатьева, находящиеся на л. д. 220—223, том 3-й). Пол этой комнаты носил следы замывки. На стенах этой комнаты на обоях я видел около пулевых каналов брызги крови, как это и отмечено у Вас на снимке (л. д. 220—221).

Я помню, что в нижнем этаже в одной какой-то комнате мы видели какую-то тряпку, на которой были следы крови: как будто бы кто-то брал ее окровавленными пальцами.

В результате моей работы по этому делу у меня сложилось убеждение, что Августейшая Семья жива. Мне казалось, что большевики расстреляли в комнате кого-нибудь, чтобы симулировать убийство Августейшей Семьи, вывезли Ее по дороге на Коптяки, также с целью симуляции убийства, здесь переодели Ее в крестьянское платье и затем увезли отсюда куда-либо, а одежду Ее сожгли. Так я думал в результате моих наблюдений и в результате моих рассуждений. Мне казалось, что Германский Императорский Дом никак не мог бы допустить такого злодеяния. Он не должен бы был допускать его. Я так думал. Мне и казалось, что все факты, которые я наблюдал при расследовании, — это симуляция убийства. Больше показать по этому делу я ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Я не помню, был ли в момент осмотра нами дома Ипатьева ключ от двери комнаты Княжен в столовую, или же его не было. Двери из Их комнаты в комнату, где помещались Государь с Государыней и Наследником, не было. Свидетельницу Лобанову я и указал по допросе ее мною Наметкину. Я помню, что мне тогда же был доставлен золотой брелочек с колечком с инициалами Государя Императора. Он был мною сдан в числе других вещей. Кажется, была также мне представлена и мною сдана Сотникову (через Ярцова) брошь, но хорошо этого не помню и самой броши не помню. На Дону я был в январе месяце 1918 года. Про кровати я не спрашивал Чемодурова, были ли они у Августейшей Семьи. Вообще же он рассказывал, что жилось Ей плохо. Стол был общий с прислугой. Иногда, как он говорил, во время обеда приходили красноармейцы и лазили своими ложками в общую миску. Были в обиходе только две деревянные ложки и их не хватало. Одно время их было только пять, и приходилось есть по очереди. Был такой случай, когда за обедом какой-то комиссар (фамилии его не помню) навалился плечом на Государя, черпая своей ложкой суп. Он говорил, что, когда Августейшие Особы проходили куда-либо мимо часовых, те всегда умышленно щелкали затворами винтовок, нервируя Их. Про Государя Чемодуров говорил, что Он как бы окаменел и не выдавал своего

состояния, Государыня страдала и все молилась. Княжны нервничали. Алексей Николаевич большую часть времени в Екатеринбурге болел.

Прочитано.

Гвардии капитан Малиновский

Судебный следователь Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. А. Соколов

[Протокол допроса Г. В. Ярцова и Д. А. Малиновского, 17 июня 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 76—82. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 17 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на разъезде № 120 в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

Георгий Владимирович Ярцов, 29 лет, подполковник, начальник Екатеринбургской учебной инструкторской школы, православный, в деле чужой, не судился.

В июле месяце 1918 года я находился в г. Екатеринбурге, слушая лекции на старшем курсе Николаевской Военной Академии, перешедшей тогда в марте месяце в Екатеринбург³⁵. За день или за два до взятия Екатеринбурга чехами я бежал к ним из Екатеринбурга и возвратился туда по освобождении его от власти большевиков.

В скором времени после освобождения Екатеринбурга я узнал от капитана Малиновского, что в нескольких верстах от Екатеринбурга — где-то вблизи д. Коптяков в середине июля месяца (по новому стилю) в течение трех дней у большевиков была оцеплена определенная местность, куда они никого не пропускали и где они что-то делали. Сведения эти были тогда получены от офицера Шереметевского, проживавшего в то время в Коптяках. Я помню, что тогда же говорили, что местные крестьяне после ухода большевиков исследовали эту оцепленную ими местность и нашли там какие-то обгорелые вещи, свидетельствовавшие об уничтожении ими одежды с мужчин и женщин. Тогда же эти факты связывались с убийством большевиками Государя Императора и Его Семьи.

Я теперь не могу припомнить, видел ли я тогда сам эти найденные крестьянами вещи. Было решено отправиться в эти места и осмотреть их. Я помню, что тогда ездили следующие лица: я, капитан Малиновский, ротмистр Бартенев, штабс-капитан Бафталовский, капитан Политковский, штабс-ротмистр Ивановский, капитан Сумароков, капитан Дамишхан, прапорщик Мартынов, судебный следователь Наметкин, камердинер Государя Чемодуров, доктор Деревенко и поручик Шереметевский. Я не помню, что мы бы разделялись на две партии и ехали: одни на автомобиле из города, а другие по железной дороге. Мы, как я помню, все тогда выехали из города по железной дороге до станции Исеть; отсюда мы на лодках переплыли Верх-Исетское озеро и заехали в Коптяки, а из Коптяков мы поехали к руднику, где было оцепление и где были найдены вещи. Я не могу Вам сказать, какой именно сверткой мы ехали с Коптяковской дороги к руднику, но я помню, что мы сначала выехали к Ганиной яме: небольшому озеру, наполненному водой. Отсюда мы пешком прошли к двум шахтам, около которых в кострах были найдены

вещи.

Один из этих костров был в расстоянии нескольких аршин от шахты на глиняной площадке. Другой несколько подальше вблизи березы, где имелась надпись, сделанная каким-то карандашом, с упоминанием имени “горного инженера Фесенко” с датой, кажется, 11 июля 1918 года. Костры были небольшие: около шахты, приблизительно, аршина полтора, около березы — приблизительно, аршин с четвертью. В них ничего не было, кроме золы, и я не помню, были ли в них угли. Ничего странного я при рассмотрении этих костров не заметил и другие также. Я, например, не заметил никакого воздействия в кострищах на землю или на какие-либо предметы кислот.

При осмотре костров были найдены тогда следующие предметы: большой бриллиант-подвесок в серебре, кажется, изображение которого Вы мне сейчас показываете (предъявлено фотографическое изображение бриллианта, описанного в пункте “в” протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 об., том 2-й), шнурки от ботинок, осколок изумруда и медная пуговица, малого размера. Где были найдены все остальные вещи, кроме бриллианта, я не помню. Бриллиант же был найден каким-то крестьянином³⁶, приезжавшим с нами, как проводник из Коптяков, в присутствии Политковского, в костре около березы с надписью “Фесенко”.

Я не помню, был ли тогда обследован малый колодец шахты. В большой же колодец шахты спускался штабс-капитан Бафталовский. Я представляю себе тогда состояние шахты, т. е. этого большого колодца в таком виде: воды никакой в колодце не было. Бафталовский встал на пол. Пол был чем-то или пробит или нескольких половиц в нем не было. Через это отверстие в полу Бафталовский пропускал шест, и шест дальше упирался во что-то твердое. Вот я так себе представляю состояние большого колодца. Воды я не видел в нем и не мог видеть, потому что колодец был глубокий, и ничего там ко дну не было видно. Помню я, что в этом колодце, кажется, на стенках, Бафталовский нашел осколки от какой-то гранаты, но какой именно, я сказать не могу и осколков теперь себе не представляю.

А также не могу ничего сказать про состояние дорожек, идущих там в районе этой шахты по направлению к Коптяковской дороге. Общее впечатление было то, что здесь были люди, исходили местность, так как в траве были тропы. Я тогда видел только два костра и третьего костра дальше по разработке, как Вы говорите, я не помню. Не могу также сказать, был ли там след от автомобиля и где именно. Я не помню ямы на дороге с бревном в яме, которым бы поправляли оборвавшийся автомобиль.

На месте шахты мы были тогда часа два и уехали той же дорогой, которой и приезжали. Решено было исследовать эти шахты, так как у нас тогда было представление, что трупы, должно быть, брошены в эту именно шахту, а на кострах только сжигалась одежда. Производство этих работ было поручено Шереметевскому. Производство же дознания было поручено тогда начальником гарнизона Голицыным Кирсте. Я помню, что тогда в начале же своей работы Кирста говорил однажды в моем присутствии и Голицыну, что он, Кирста, не сомневается в том, что Государь жив, что Он увезен из Екатеринбурга, и говорил о каких-то имеющихся у него сведениях об этом. Впоследствии Кирста был арестован. Арестован он был, как мне говорил Голицын, тогда за то, что однажды в Управлении Голицына, в ожидании приема у него, Кирста написал какую-то записку, которую подняла какая-то дама. В этой записке Кирста писал, что дело принимает “уголовный характер”. Мысль тогда самого Голицына, когда он мне об этом рассказывал, была та, что эту записку он связывал с делом об убийстве Августейшей Семьи и в поступке Кирсты усмотрел нехорошее. За это тогда он и был арестован Голицыным. Больше по настоящему делу показать я ничего не могу. Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

За время пребывания в Екатеринбурге Августейшей Семьи, когда дело стало приближаться к освобождению Екатеринбурга, было в городе две версии. Одни говорили, что перед подписанием Брестского договора Гофман обусловил подписание договора сохранением жизни Семьи. Другие говорили, что Семья будет убита при приближении чехов. Было среди нас, офицеров, пять

человек, с которыми я говорил тогда вполне откровенно по вопросу о принятии каких-либо мер к спасению Семьи. Это были: капитан Малиновский, капитан Ахвердов, капитан Делинсгаузен, капитан Гершельман. В этих целях мы постарались через Делинсгаузена достать план квартиры Ипатьева, где содержалась Августейшая Семья. Это удалось сделать ему через доктора Деревенко, который на словах и сообщил ему о расположении комнат. Впоследствии я сам был в доме Ипатьева и видел, что эти сведения, сообщенные Деревенко, были верны. В этих же целях мы старались завести сношения с монастырем, откуда доставлялось молоко Августейшей Семье. Ничего реального предпринять нам не удалось: этого совершенно нельзя было сделать благодаря, с одной стороны, охране, которая была установлена большевиками над домом Ипатьева, а, с другой стороны, благодаря слежке за нами. Я помню, что 16 июля я был в монастыре. Заведующая фотографическим отделением монахиня Августина именно в этот день сказала мне, что в этот день от них носили молоко в Ипатьевский дом и там какой-то красноармеец сказал монахине, приносившей молоко: "Сегодня возьмем, а завтра уже не носите. Не надо". Я точно не могу припомнить, какие именно вещи были найдены при осмотре нами шахты, кроме тех, которые я указал. Все эти вещи были тогда взяты на хранение капитаном Малиновским.

Прочитано.

В октябре месяце прошлого года, когда я находился на фронте, мне приходилось беседовать со многими офицерами, которым удалось пробираться к нам из совдепии. Я их спрашивал про Августейшую Семью. Они говорили мне, что большевики пишут в своих газетах, что Государь Император расстрелян, а Семья Его находится где-то около Перми.

Прочитано.

Подполковник Ярцов

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

Дмитрий Аполлонович Малиновский. 26 лет, капитан гвардии, помощник начальника Екатеринбургской учебной инструкторской школы, православный, не судился.

В составе лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады я участвовал в Европейской войне, находясь преимущественно на Юго-западном фронте. 2 раза я был ранен. Ввиду развала армии после установления большевистского режима, я ушел на Дон. В Новочеркасске я встретил генерал-адъютанта Н. И. Иванова, с которым я был лично знаком. Он посоветовал мне, как петроградцу, ехать в Петроград и заняться вербовкой офицеров для отправки их на Дон. Пробыв на Дону дней десять, я уехал в Петроград с письмом от Иванова к некоторым его знакомым и с письмом из штаба Добровольческой армии к полковнику Хомутову, находившемуся в Петрограде и связанному с Добровольческой армией. Доставить, однако, письма полковнику Хомутову я не мог, так как он в это время был арестован. Помотившись несколько дней без дела, я через некоторых своих знакомых вошел в организацию генерала Шульгина. Эта организация, состоявшая из офицерских элементов, имела ввиду свержение власти большевиков, установление военной диктатуры и созыв земского собора для установления образа правления в Единой, Великой России. Я бы сказал, что это была чисто русская организация, ориентировавшаяся на свои силы: русские. Средства она получала от местных финансовых кругов, хотя, как мне кажется, была в этом отношении связана и с посольствами: шведским и английским. Этой организацией я был отправлен в первых числах мая месяца в г. Екатеринбург для выяснения условий, в которых находится здесь Августейшая Семья, ознакомления по этому вопросу нашей организации и принятия мер к облегчению участи Августейшей Семьи вплоть до увоза Ее отсюда. Здесь я поступил на старший курс Академии Генерального Штаба, находившейся тогда в Екатеринбурге. Разобравшись несколько в окружающих меня людях, я сошелся ближе с

следующими офицерами, бывшими в Академии: капитаном Ярцовым, капитаном Ахвердовым, капитаном Делинсгаузенем и капитаном Гершельманом. Я поделился с ними своей задачей. Мы

решили узнать как следует те условия, в которых содержалась здесь в Ипатьевском доме Августейшая Семья, а в дальнейшем действовать так, как позволят нам обстоятельства. Получали мы сведения эти, как могли. Мать капитана Ахвердова Мария Дмитриевна познакомилась поближе с доктором Деревенко и узнавала от него, что было можно. Деревенко, допускаясь время от времени к Августейшей Семье, дал ей план квартиры верхнего этажа дома Ипатьева. Я не знаю собственно, кто его начертил. Может быть, чертил его Деревенко, может быть, сама Ахвердова со слов Деревенко, а может быть, и Делинсгаузен. Я же его получил от последнего. Там значилось, что Государь с Государыней жил в угловой комнате, два окна которой выходят на Вознесенский проспект, а два на Вознесенский переулок. Рядом с этой комнатой была комната Княжен, отделявшаяся от комнаты Государя и Государыни только портьерой. Алексей Николаевич жил вместе с Отцом и Демидова жила в угловой комнате по Вознесенскому переулку. Чемодуров, Боткин, повар и лакей все помещались в комнате с аркой. Больше этого, т. е. кроме, вот, плана квартиры и размещения в нем Августейшей Семьи мы ничего от Деревенко не имели. Нас интересовало, конечно, в каком душевном состоянии находится Августейшая Семья. Но сведения эти были бледны. Я не знаю, почему это так выходило: Ахвердова ли не могла получить более выпуклых сведений об этом от Деревенко, или же Деревенко не мог сообщить ничего ценного в этом отношении и, если не мог, то я не отдаю себе отчета и теперь, почему это было так: потому ли, что Деревенко не хотел этого делать, или же потому, что не мог дать никаких ценных сведений, так как за ним за самим следили и при его беседах с лицами Августейшей Семьи всегда присутствовали комиссары. Повторяю, сведения эти были какие-то бледные. Знали мы от него (вернее, — от Ахвердовой через него), что Августейшая Семья жива. Припоминаю, между прочим, вот что. Я помню, по сведениям Деревенко, выходило, что у Княжен были в комнате четыре кровати. Между тем, когда я потом попал в дом Ипатьева, я не видал там в этой комнате никаких кроватей, не только в комнате Княжен, но и в комнате Государя и Государыни. А попал я туда один из первых. Может быть, впрочем, кровати увезли большевики? Ахвердова же, получавшая сведения от Деревенко, относилась сама к нему с доверием. Кем-то из нашей пятерки были получены еще следующие сведения о жизни Августейшей Семьи. Какой-то гимназист снял однажды своим фотографическим аппаратом дом Ипатьева. Его большевики сейчас же “залопали” и посадили в одну из комнат нижнего этажа дома Ипатьева, где жили, вероятно, красноармейцы. Сидя там, этот гимназист наблюдал такие картины. В одной из комнат нижнего этажа стояло пианино. Он был свидетелем, как красноармейцы ботали по клавишам и орали безобразные песни. Пришел сюда какой-то из начальствующих лиц. Спустя некоторое время к нему явился кто-то из охранников и с таким пренебрежением сказал, прибегая к помощи жеста по адресу Августейшей Семьи: “просят гулять”. Таким же тоном это “начальствующее лицо” ответило ему: “пусти на полчаса”. Об этом этот гимназист (я совершенно не могу его назвать и указать, где он живет) рассказал или своим родителям или тем лицам из старших, у которых он жил. Сведения эти дошли каким-то образом до нашей пятерки. (Но кто мне их передавал, я не помню.) Был случай разрыва гранаты где-то около дома Ипатьева. Деревенко передавал Ахвердовой, что это дурно отразилось на душевном состоянии Наследника. Проходя мимо дома Ипатьева, я лично всегда получал тяжелые переживания: как тюрьма древнего характера: скверный частокор с неровными концами. Трудно было предполагать, что Им хорошо живется. Источником, чрез который получались нами сведения, был еще денщик Ахвердова (имени и фамилии его не знаю, впрочем, кажется, по фамилии Котов). Он вошел в знакомство с каким-то охранником и узнавал от него кое-что. Я осведомлял нашу организацию в Петрограде посылкой условных телеграмм на имя капитана Фехнера (офицер моей бригады) и есаула сводного казачьего полка Рябова. Но мне ответа ни разу прислано не было и не было выслано ни единой копейки денег. Ну, что же можно было сделать без денег? Стали мы делать, что могли. Уделяли от своих порций сахар, и я передавал его Ахвердовой. Кулич испекла моя прислуга из хорошей муки, которую мне удалось достать. Я его также передал Ахвердовой. Та должна была передать эти вещи Деревенко для доставления их Августейшей Семье. Она говорила мне, что все эти вещи дошли по назначению.

Это, конечно, так сказать, мелочи. Главное же, на что рассчитывала наша пятерка, — это был предполагаемый наш увоз Августейшей Семьи. Я бы сказал, что у нас было два плана, две цели.

Мы должны были иметь группу таких людей, которые бы во всякую минуту, на случай изгнания большевиков, могли бы занять дом Ипатьева и охранять благополучие Семьи. Другой план был дерзкого нападения на дом Ипатьева и увоз Семьи. Обсуждая эти планы, пятерка посвятила в него семь еще человек, офицеров нашей же Академии. Это были: капитан Дурасов, капитан Семчевский, капитан Мягков, капитан Баумгарден, капитан Дубинин, ротмистр Бартенев; седьмого я забыл. Этот план держался нами в полном секрете, и я думаю, что большевикам он никоим образом известен не мог быть. Например, мадам Ахвердова совершенно об этом не знала. Однако, что бы мы ни предполагали сделать для спасения жизни Августейшей Семьи, требовались деньги. Их у нас не было. На помощь местных людей нельзя было рассчитывать совершенно: все было подавлено большевистским террором. Так с этим у нас ничего не вышло, с нашими планами за отсутствием денег, и помощь Августейшей Семье, кроме посылки кулича и сахара, ни в чем еще ином не выразилась. За два дня до взятия Екатеринбурга чехами я в числе 37 офицеров ушел к чехам и на другой день после взятия города чехами утром я пришел в город.

Когда я прибыл в Екатеринбург, я был назначен на довольно ответственную должность: начальника оперативного отделения штаба гарнизона. Я знал, что дом Ипатьева взят под охрану, как только сформировался штаб гарнизона. Кажется, полковник Лабунцов, помощник Шериховского, первого начальника гарнизона, распорядился тогда сделать это. В самый же день взятия Екатеринбурга дом Ипатьева, как у меня сложилось представление, не был никем охраняем. По прибытии в Екатеринбург я знал, что дом Ипатьева пуст, что Августейшей Семьи в доме нет. Но я совершенно не думал тогда, что Они убиты. Еще до оставления Екатеринбурга по городу пошли слухи, что Государь убит. Я помню, что Ахвердова рассказывала нам, что она была тогда на митинге и там комиссар Голощекин объявил всенародно о “расстреле” Государя. Были тогда и объявления особые об этом. Сам я такого объявления не читал, но слышал об этом и мне передавали содержание такого объявления. Там говорилось о расстреле Государя. Именно можно было понять, что большевики, как носители тогда власти, взяли на себя такое дело и “казнили” Императора. Про Семью же в объявлении сообщалось, что Она вывезена. Ни на одну минуту я тогда этому не поверил. Я совершенно не доверял тогда этому. Вы меня спрашиваете, почему же я не верил сообщению большевиков? Я так сам себе объяснял тогда этот вопрос. Я как военный, офицер, как участник Европейской войны, вынес то впечатление от нашей революции, что ею воспользовались немцы. Я думаю, что наша революция в значительной степени носит характер искусственности, подготовленности ее откуда-то извне. Чьих рук это дело, я судить не могу. Но мне казалось все время и я сейчас убежден, что все дальнейшее, что привело Родину к настоящему ее положению, это дело рук немцев. Они стали нас разваливать после переворота, после отречения Государя Императора от Престола и воспользовались для этого, как орудием, господином Лениным, Троцким и другими подобными господами. Для меня большевизм — это порождение Германии, это орудие в борьбе с нами. Смотря на большевиков, как на слуг Германии, я не мог и сейчас не могу себе представить, чтобы власть в Германской Империи не приняла бы никаких мер к спасению жизни Императрицы, немки по крови, связанной узами родства с Германским Императорским Домом, а через Нее и Императора и Их Семьи. В то время Германия была сильна, и я представлял себе, что просто-напросто вывезли Августейшую Семью куда-либо, симулировав Ее убийство.

В первые дни по возвращении в Екатеринбург я в дом Ипатьева не попал, занятый оперативными делами.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Дальнейший допрос был прерван ввиду позднего времени.

Гвардии капитан Малиновский

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол допроса А. А. Шереметевского, 13 июня 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 73—75. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 13 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на разъезде № 120, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Александр Андреевич Шереметевский сведения о личности см. л. д. 158 том 2-й.

Я подтверждаю свои показания, которые я дал уже по настоящему делу члену суда Сергееву³⁴, и дополнительно могу показать следующее:

Я не был в районе Коптяков до освобождения Екатеринбурга от большевиков. Прибыл я тогда в Коптяки 27 июля уже после взятия Екатеринбурга чехами. Поэтому сказать, что там происходило 17—19 июля прошлого года, я не могу.

На меня было возложено, за отсутствием брата, наблюдение за работами по откачке шахты и Ганиной ямы, что мной и делалось. Шахту я нашел в таком виде. Уровень воды в обоих колодцах шахты стоял одинаково: до воды свободного пространства было мало совершенно. Затем шла вода на 13 аршин глубиной. Большой колодец отличался от малого в том отношении, что в нем под водой, приблизительно, на глубине полу-аршина от уровня воды был слой льда, толщиной, приблизительно, в четверть аршина. Льда не было в малом колодце, в нем была одна вода. Слой льда в большом колодце был цельный, а не в виде кусков. Это был остаток слоя льда, не успевшего еще растаять; края этого слоя были примерзшими к срубу шахты. В северо-западном углу колодца лед был пробит. Отверстие, образовавшееся от пробития слоя льда, составляло, приблизительно, квадратный полуаршин. В малом колодце на поверхности плавали маленькие палочки, не обратившие на себя нашего внимания. В большом колодце в воде подо льдом (а вовсе не в малом колодце) нами было найдено одно звено от рукава насоса, при помощи которого, очевидно, раньше при разработке шахты откачивали из нее через большой колодец воду. Больше ничего при наружном, так сказать, исследовании шахты обнаружено не было.

Мы начали вести откачивание воды из шахты 2 августа и продолжали нашу работу до 11 августа. С 11 августа до 15 августа в нашей работе произошел перерыв, ввиду того, что в это время красные вели наступление на медный рудник, отстоящий от шахты, где мы вели работы, в 6 или 10 верстах. 15 августа наши работы возобновились. Красные не проникали к нашей шахте в этот период времени, и она охранялась особой охраной. 19 августа мы шахту откачали. Дно малого колодца шахты оказалось выше дна большого колодца. Дно малого колодца — земляное, твердое. На нем мы ничего не нашли. Дно большого колодца шахты представляло собой настилку из бревешек, видимо, прямо на почву. На этом деревянном полу был слой ила из глины, толщиной, приблизительно, с пол-аршина. Этот ил мы промыли и нашли в нем следующие предметы: человеческий палец и отдельно два кусочка человеческой кожи, жемчужную серьгу с маленьким бриллиантом, искусственную золотую челюсть, застежку от галстука и саперную лопатку, малого образца, так называемую “носимую”, а также несколько осколков французской гранаты. Что касается пальца, то он мне казался принадлежащим интеллигентному человеку. Я вижу предъявленное мне Вами фотографическое изображение пальца (предъявлено

вижу предъявленное мне Вами фотографическое изображение пальца (предъявлено фотографическое изображение пальца, описанного в пункте 7 протокола 10 февраля сего года, л. д. 12, том 2-й). Вот такой палец мы тогда и нашли. Я не обратил тогда внимания на то,

принадлежал ли он человеку, имеющему привычку оттягивать и подрезывать у пальцев у корня ногтей кожу (я не знаю, что значит “маникюр”), но я обратил внимание на ноготь этого пальца: ноготь пальца был отрезан правильно: полукругом, и он был длинный, выдаваясь над оконечностью пальца. Теперь у него почему-то вид ногтя не такой: теперь ноготь у него короче окончания пальца. Я вижу предъявленные мне Вами фотографические изображения серьги, челюсти, застежки от галстука, лопаты и осколков гранаты (предъявлены фотографические изображения серьги, описанной в пункте “а” 1 протокола 10 февраля сего года, л. д. 10 об., том 2-й; челюсти, описанной в пункте 8 того же протокола, л. д. 12 том 2-й; застежки для галстука, описанной в пункте 13 того же протокола том 2-й; лопаты, описанной в пункте “б” того же протокола, л. д. 13 об., том 2-й, и осколков гранаты, описанных в пункте 14 того же протокола, л. д. 13 об. том 2-й) и удостоверяю, что такие вещи, какие изображены на этих снимках, нами и были тогда найдены при промывке ила на дне шахты. Что касается лопаты, то она была найдена при выемке самого ила с деревянного пола. Там лопата была на самом иле, т. е. сверху ее был слой льда и она не видна была под илом; на какой глубине она была под илом, я затрудняюсь определить.

Откачав Ганину яму, мы исследовали дно баграми, шестами, а в некоторых местах брали ил и промывали его, но ничего там не нашли.

Около шахты было два костра. Один был ближе к ней, другой дальше. Величина их была, как мне казалось тогда, одинакова: около аршина. Костры, как заметно было, были раньше разбросаны. Углей в них было очень мало. Угли были небольшие и, как мне кажется, представляли собой куски дерева, сгоревшего в огне костра, и местность около них была нами исследована. Кроме того, мы брали землю с кострищ и промывали ее.

При промывке земли с костров и около них мы нашли, как я помню, вещи, фотографические изображения которых Вы мне сейчас показываете (предъявлены фотографические изображения: трех частей жемчужины, трех частей украшений, топаза с осколком, пружинок, описанных в пункте “а” 2 протокола 10 февраля сего года, л. д. 10 об., том 2-й). Про пулю и запонку (пункт тот же того же протокола, л. д. 11, том 2-й) я что-то забыл и не помню теперь, где их нашли. При промывке костров были найдены застежка, пряжка, часть еще какого-то украшения, возможно, что серьги, фотографическое изображение которых Вы мне сейчас показываете (предъявлены фотографические изображения названных предметов, описанных в пункте “а” 3 того же протокола, л. д. 11, том 2-й). Я помню, что были найдены еще осколки от синего флакона с пробкой-коронкой (пункт 10 того же протокола, л. д. 12, том 2-й). Я не помню ничего про железку-предохранитель для сапога и не помню, была ли таковая где найдена (пункт 11 того протокола, л. д. 12 об., том 2-й). Затем было много найдено обгорелых пуговиц, фестонов, гвоздиков, кнопок, петель, крючков и разных пряжек от одежды. Все эти предметы своим видом ясно свидетельствовали, что они от мужской и женской одежды, видимо, сожженной в огне. Кроме этих предметов, были еще найдены в разных местах недалеко от шахты в траве: портретная рамка и три иконки, изображения которых Вы мне сейчас показываете (предъявлены фотографические изображения портретной рамки и трех иконок, описанных в пункте “а” 1, 4—6 протокола 10 февраля сего года, л. д. 10, 11 об. 12 того же протокола, том 2-й). Одна из икон, как это и изображено на карточке, была с подушечкой и имела кольцо, очевидно, для ношения на груди.

В наших работах мы имели, главным образом, целью найти трупы Царской Семьи. В шахте, которую мы откачивали, мы их не нашли, и их там безусловно нет. Разработка рудника связана с малым колодцем шахты. Проход из него в разработку был мной пройден на некотором расстоянии. Дальше шел обвал, видимый и снаружи. Обвал этот, безусловно, старый. Где могут находиться трупы, сказать трудно, так как таких старых, заброшенных шахт в этой местности вообще много, и какие-либо результаты в этом отношении могут дать только раскопки. Больше

показать я ничего не могу.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно. Все вещи, найденные при промывке шахты, были мной лично переданы товарищу прокурора Кутузову. Некоторые вещи как, например, иконы я передал члену суда Сергееву. Большинство же вещей было мной передано брату Андрею, а кому их передал он, я не знаю.

Я помню, что вблизи костров был найден обгорелый каблук от какой-то обуви, но я затрудняюсь определить, от какой именно. Затем, я прекрасно помню, была найдена продолговатой формы тонкая брошь с красноватыми камешками, застегивающаяся сзади булавкой. Она была найдена недалеко от шахты на глиняной площадке. Ее я передал также брату. Помню, что был найден еще брелок, как мне кажется, из золота с монограммой “Н. А.”.

Прочитано.

Александр Шереметевский

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол допроса Н. М. Швейкина и Н. В. Папина, 10 июня 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 66—72. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 10 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на разъезде 120 в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

Николай Михайлов Швейкин, 43 лет, крестьянин д. Коптяков, Верх-Исетской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, где и живу, православный, неграмотный, не судился.

По-моему, это было в среду, 4 июля по старому стилю. Рано утром в этот самый день Настасья Зыкова поехала с рыбой в город. Они тогда с сыном Николаем рыбачили и поехали, значит, рыбу продавать в город. А в городе в этот день, хотя базара и нет, а все как-то считается день как бы вроде торговым. Поехали они рано, часа в 2 утра, как стало светло, и тут же вернулись назад: совсем без ума они были, здорово испугавшись. Мы все тогда уже встали: самая страда была: покосы. Мы и собирались на покосы идти. Как Настасья приехала, весь народ взбулгачила: войско идет. Сказывала она, что у самых Четырех братьев (так у нас называются старые сосновые пни, где от двух пней раньше росли четыре сосны), как только они доехали до них, им попало войско. Войско, говорит, идет, а сзади чего-то везут в автомобиле. Так она и сказывала про автомобиль. Подлетел к ним матрос Верх-Исетский Ваганов и закосерил их матерно, чтобы скорей гнали назад. Они здорово испугались и повернули назад. Кто-то из них, не знай сама она, не знай, Николька, обернулся, а Ваганов опять подлетел, револьвер к самому рылу сует, матерится за это и кричит: “Не оглядывайтесь”. Ну, они совсем испугались. Давай гнать, и лошадь чуть не загнали: лошаденка у них плохонька. Все это Настасья нам рассказывала на улице при всем собрании. Мы, мужики, забеспокоились. Каждому надо на покос, а тут войско идет. Войско идет, значит, бой будет. Ждали мы, ждали, нет никакого войска. Ну, думаю я себе: надо сходить к Четырем братьям узнать, где войско. Пошел я к соседу Николаю Папину, говорю ему: “Так и так. все равно помипать. что сейчас. что потом. Пойдем. по крайности. узнаем. что

ему: “Так и так, все равно покосить, не сено же, не по сенокосам, не прикосом, у нас же, там за войско, когда придет, а то на покос надо”. Ну, Папин не убоился. Зубрицкий еще Петр надумал с нами идти. Пошли мы. Вдоль Коптяковской дороги у нас все покосы идут. Тут, не

доходя, пожалуй, так с версту до поворток с нашей Коптяковской дороги к руднику, у нас есть покос. Он называется “большой” покос. Доходим мы, значит, до него, там австрийцы работают, сено косят. Мы спрашиваем их: “Паны не видали войска?” Они нам сказали, что к ним по Коптяковской дороге совсем рано, когда они еще не работали, подъехали “русские казаки”. Это они называли так, значит, конных красноармейцев. Подъехали и давай их гнать. А паны им говорят: “Мы ни за что не уйдем. У нас деньги вперед взяты. Мы отработать должны. А нам дела до вашего дела никакого нет”. Те, значит, от них и отстали. И уехали они от них назад по Коптяковской дороге по направлению, значит, к руднику. Нас охота пуще берет узнать, в чем дело. Идем мы и слышим, у рудника в стороне от дороги кони ржут. Мы себе дальше идем. Нам тогда охота была дойти до покоса, где Масленников старик косил. Его покос у самых Четырех братьев, и в стороне в леске у него там избушка есть. Пришли мы к нему в избушку. Он еще спит. Мы его спрашиваем: “Не видал ли чего? Войска не прогоняли?” Он нам говорит: “Слышал, как будто по дороге кто-то гонял, а кто и чего не знаю”. Так мы и от него путного ничего не добились.

Выходим мы от избушки Масленникова на дорогу, а к нам от города едет наш коптяковский Василий Иванович Зыков со своей бабой. Он наш, а живет в Верх-Исетске. Ехал он тогда к нам сено косить. Мы его спрашиваем: “Не видал ли чего?” Он однако же ничего не видал. Да и где же ему видать? Настасья Зыкова совсем рано на них напоролась, а мы-то сами попали туда часа в четыре. Ну, мы пошли назад. Идем это мы от Четырех братьев к Коптякам. Только мы стали доходить до первой повортки с Коптяковской дороги к руднику от Четырех братьев, как к нам и выезжает верховой. Ему было лет 30, из морды белый, усы, как бы, не большие, а остального ничего не на память. Было на нем: винтовка, шашка, револьвер “леган” такие называются, две ровно как гранаты за поясом висели. Мы как увидели его, так и обробели и остановились. Когда мы только от Масленникова на дорогу вышли, как раз на этот самый раз к нам Андрюха Шереметевский верхом и подъехал. Мы все тут вместе и были. Ну, этот самый конный нас спрашивает, куда мы? Мы говорим: “Так и так, у нас народ волнуется. Говорят, войско идет. Ты, товарищ, нам объясни”. А он говорит: “Не бойтесь. Ничего такого нет. Все хорошо обойдется. Тут в нескольких местах наш фронт проникли. Разведка тут у нас. Мы практику делаем. Будут выстрелы, не бойтесь. Все хорошо обойдется”. Покурили мы с ним тут, постояли и пошли себе дальше. Отходим мы несколько, а она и ударила, вроде как бы, значит, гранаты. Я того не понимаю, где она разорвалась: на земле аль под землей. Ты про это товарища Папина спроси. Он солдат и в этом толк должен понимать. Несколько еще отошли, а она опять ударила. Пришли мы домой, народ успокоили. С соседом Папиным пошли мы на свой покос. Идем мы на покос и встречаем у самой деревни этого самого конного, с которым мы в леске разговаривали. Мы его спрашиваем: “Что, товарищ, к нам едете?” А он говорит: “Да, успокоить народ еду, чтобы не беспокоились”. Мы тут с Папиным ушли на покос и целый день там были. Выстрелов больше мы около рудника в этот день не слышали. (Рудник от нашего покоса верстах в 3 будет.) И никого больше мы не видали из подозрительных.

А шурин мой Николай Васильевич Алферов работал тогда на своем покосе с версту аль полторы от рудника и слышал выстрелы. Только я не знаю, какие он слышал выстрелы, от гранаты, аль еще от чего.

Не пропускали наших в город, по-моему, три дня. Первый день и был этот самый, когда мы ходили в лес. Раньше никаких препятствий не было.

Как бы нам об этом не знать, кабы что было! А то, видишь ты, какие, значит, они попрепятствовали, мы сразу узнали. Как нам не узнать! Кто еще тогда ездил в город и кого не пускали, я теперь забыл. Меня ведь уж спрашивал какой-то по этому делу. Призывал он меня в Коптяках вместе с Папиным и Зубрицким и писал что-то в книге. Я ему все сказывал, как и тебе. А кто такой это был, не знаю. Говорили, что — следователь³⁰. Он меня на завалинке в деревне

спрашивал у Николая Алферова. Одного припомнил: Степан Егорыч Алферов ездил в город с рыбой на другой день после нас. Он полдня стоял на большом покосе. Его не пропускали и все ему сказывали: “Вот погоди. Вот сейчас. Вот через час”. Он так и не дождался и уехал назад. А больше никого не могу припомнить.

Я очень даже хорошо сказать могу, что след был здоровенный и по Коптяковской дороге и по той свертке с Коптяковской дороги, по которой к нам красноармеец выехал. След с Коптяковской дороги так и пошел по этой поворотке. Он хорошо был замечен по поворотке. Видать было, что недавно только что перед нами проехали. Я так определяю, что это был след от автомобиля: больно он был здоровый: и широкий и глубокий и траву как есть всю по свертке в улок положил... А больше следов я в ту пору нигде никаких не видел.

Потом, когда шахту откачивали, и я был одни сутки на работе. При мне тогда две вещицы славных нашли: “медаль” золотую и брошку золотую. Медаль была с пятирублевый золотой, и на ней были слова написаны: “Николай Александрович”. Я ее сам видал. Ее, эту “медаль”, нашел старичок рабочий с Верх-Исетского завода. А брошка была длинная как бы вроде булавки. Я сам-то не знаю, что это такое, а сказывали, что брошка, ну и я тебе сказываю. А потом еще нашли “портсигар с дырой” для “портрета”, вот точь-в-точь как ты мне сейчас показываешь (предъявлено фотографическое изображение портретной рамки, описанной в пункте “а” 1 протокола 10 февраля сего года, л. д. 10, том 2). Медаль с брошкой нашли в глиняном бугорке около шахты, а портсигар нашли около бугорка в траве. Эти все предметы взял себе Андрей Шереметевский.

Про местность я тебе ничего сказать не могу. Все около рудника было истолочено. Вся трава около шахты была измята во все стороны. Видать, тут у них было логовище, и следы были к Ганиной яме: трава была измята. Видать, и туда ездили. Костров я видал два. Один был у шахты, а другой был подальше к березе на дорожке. Были ли какие следы по этой дорожке туда дальше к дорожке, которая на плотину идет, не заметил. Больше я ничего показать не могу. Показание мое мне прочитано, записано правильно.

Конный, вроде того, как бы не русский был. Говор у него не походит как-то на наш.

Прочитано, я неграмотный.

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов Николай Васильевич Папин, 36 лет, крестьянин деревни Коптяков, где и живу, Верх-Исетской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, православный, грамотный, не судился.

В скором времени после Петрова дня³¹, через несколько дней, более точно определить время положительно не могу, поехал наш коптяковский Николай Зыков с матерью Настасьей в город Екатеринбург. Поехал он не с рыбой, как мне помнится, а по тому случаю, что его тогда мобилизовали красные. Он тогда ехал с матерью и с женой. (Как звать его жену, забыл.) Скоро он вернулся назад, и пошел по селу слух, что их не пропустили в город, что по дороге из города идут войска и обоз. Нам нужно было на покосы тогда всем идти. И мы с Швейкиным и пошли к Николаю узнать от него толком, в чем дело? Николай нам сказал, что около Четырех братьев их встретило “войско”, что им угрожали, над головой у матери кто-то револьвер держал, грозил и требовал, чтобы они не оглядывались. Был он сильно испуган, весь черный, и ничего больше от него мы добиться не могли. Тогда Швейкин предложил сходить к Четырем братьям и посмотреть, что там делается? Решили мы с ним идти. С нами еще пошел Петр Алексеев Зубрицкий. Дорогой на большом покосе мы увидели австрийцев, бывших здесь на покосе. Сам я с ними не разговаривал, а разговаривали товарищи Швейкин и Зубрицкий. Они сказали мне, что

спрашивали они австрийцев, не видели ли те чего, и австрийцы им оудто бы сказали, что к ним подъезжали “казаки и гнали их отсюда, но они не пошли: сено им нужно было косить”. Пошли мы дальше. Идем мы мимо рудника по Коптяковской дороге, слышим — в стороне у рудника —

кони ржут. Мы прошли дальше на покос Масленникова. Его покос около Четырех братьев. Сам он в это время еще в караулке своей находился. Мы его стали спрашивать: “Иван Степанович, не видали ли чего по дороге?” Он нам сказал, что “гоняли какие-то по дороге в коробкаа?х”³², но путного, однако, ничего не мог он нам объяснить. Мы пошли от него на Коптяковскую дорогу. В это время к нам подъехал по дороге от Верх-Исетска Василий Иванович Зыков, а от Коптяков Андрей Андреевич Шереметевский. Мы спросили Зыкова, не видал ли он чего? И Зыков нам сказал, что ничего не видал. Тут он и уехал к Коптякам. Мы же все четверо отправились дорогой к Коптякам. Идем мы и смотрим, — след с Коптяковской дороги идет по правой от Четырех братьев поворотке к руднику. След был весьма торный. Дорога по этой поворотке была укатана, как будто бы здесь несколько раз проехало несколько колесных экипажей. Трава на ней была прямо вся положена, и маленькие деревца были кое-где погнуты. Я, однако, не берусь точно ответить, от какого именно экипажа был этот след, — автомобиля или еще от какого экипажа. Тогда мне казалось, что по этой дороге только что сейчас проехало несколько простых колесных экипажей. Мы несколько прошли даже этой дорожкой, думая посмотреть, кто же это по такой глухой дорожке проложил такой след? Но только что мы по ней несколько сдались в лесок, как к нам навстречу выехал верховой. Из себя этот верховой был здоровый, рыжеватый, волосы у него на голове были курчавые, загибались на лбу кверху, как это было видно из-под сдвинутой у него набекрень фуражки, усы большие, рыжеватые, борода бритая. По моему мнению, он был русский. Но кто он был такой, положительно не знаю. Никогда раньше я этого человека нигде не видел. Я первый обратился к нему с вопросом: “Товарищ, скажите, пожалуйста, в чем дело? У нас весь народ волнуется. Говорят, войска идут. В чем дело?” Он нам ответил: “Видите ли, товарищ, у нас чехословаки фронт проникли. Мы сюда в разведку пришли. И, между прочим, у нас тут практические занятия будут. Вы идите и успокойте народ”. Действительно, тут же раздались вскоре один после другого два взрыва гранат. Они неслись от рудника, к которому и вела та дорожка, на которой мы были. По моему мнению, надо бы этим гранатам разрываться было на земле, а не под землей. Звук был сильный, явственно слышный. Его слышали у нас и в Коптяках. Моя жена Александра Ивановна принялась даже голосить обо мне, услышав эти взрывы. Тут мы и пошли домой. Я знаю все остальные поворотки с Коптяковской дороги к руднику и к Ганиной яме. Никаких следов на них тогда не было. Пришли мы домой. Спустя некоторое время мы с Швейкиным пошли на наш общий покос и около деревни мы встретили этого самого красноармейца, который выезжал к нам из леса. Он нас сам спросил: “Что, успокоили народ?” Мы ему сказали, что успокоили, и пошли по своим делам.

Больше ничего в этот день особого не произошло. Мне кажется, что охрана на Коптяковской дороге была три дня. Я не могу указать всех, кто тогда ездил в город и был остановлен. Но припоминаю, что в первый же день охраны не пропустили в город Федора Палладиевича Зворыкина. Накануне этого дня уехал в город Михаил Васильевич Бабинов. Когда же он ехал назад в первый день охраны, его не пропустили со стороны железной дороги.

После взятия Екатеринбурга чехами я был по своим делам в городе. Там со мной были Михаил Дмитриевич Алферов, его жена Анна Игнатьевна, Марья Варфоломеевна Логунова, моя сестра Пелагея Васильевна Подмогина. Были мы в городе по своим делам. Возвращаясь назад, я еще тогда заехал в Верх-Исетск в штаб и сказал там какому-то человеку, что у нас около Коптяковской дороги у рудника большевики что-то делали. Потом мы поехали домой. И в город и из города мы ехали времянкой, и не через Порошенков лог. Я, вообще, не обращал тогда внимания на состояние Коптяковской дороги и не знаю, были ли на ней следы автомобилей. Доехали мы, возвращаясь из города, до первой от Четырех братьев поворотки на рудник, где мы встретили красноармейца, и пошли втроем пешком по этой поворотке к шахтам. Нас пошли трое: я, Алферов и моя сестра Пелагея. Остальные все ждали нас на дороге Коптяковской. Вот мы и пошли по дорожке. Дорожка была сильно потолочена именно от езды. Я думаю, что то были следы колес экипажей. Не могу, конечно, отрицать, что не ездили тут на автомобилях, но я тогда не думал об этом, и мне казалось, что там просто ездили на экипажах, запряженных лошадами. И

не думал об этом, и мне казалось, что там просто сдвинули на экипажах, запряженных лошадьми. И след езды прямо шел до открытой шахты с колодцами. Здесь он и кончался. Дальше шахты езды на экипажах уже не было. Это я категорически утверждаю. Трава тогда была очень высокая.

Вокруг шахты местность была утолочена, но только была не от экипажей, а от пеших людей или верховых. Были такие проторенные тропы пешими людьми к Ганиной яме и в стороны от шахты в лес. Остальные повороты на Коптяковскую дорогу от рудника не были наезжены. Около самой шахты есть глиняная площадка. Она давнего происхождения. Она образовалась в то время, когда при разработке шахты выбрасывали глину. Тогда этой глиной и насыпали эту площадку. Так вот, на этой площадке сажень в двух от самой шахты был какой-то бугорок свеженасыпанной земли. Мы заглянули в большую шахту и видим, до воды — аршин 7. Плавают в воде какие-то дощечки и плавает на воде какая-то веревка. Вода была покрыта набросанными в колодец сосновыми ветками. Стало тут нам почему-то жутко. Решили мы собраться, как следует, народом и идти. Тут же мы, ничего не трогая, ушли.

Тут мы вышли на Коптяковскую дорогу прямо лесом, оставив Ганину яму слева, и кричали наших. Сели и поехали. Я помню, что было это в субботу. Решили мы в тот же день идти завтра к руднику и как следует поглядеть, что там такое есть. Собралось нас на другой день восемь человек: я, Михаил Дмитриевич Алферов, Яков Дмитриевич Алферов, Павел Филаретович Алферов, Гавриил Егорович Алферов, Николай Васильевич Логунов, Александр Васильевич Логунов и Михаил Игнатьевич Бабинов. Взяли мы веревки, багры и пошли к руднику.

Стали мы осматривать шахту. Туда мы спустились на веревке Бабинова. Он там взял веревку, которую мы видели накануне. Она была длиной не более аршина, толщиной с мужской палец, на конце у нее была завязана петля. Эта веревка безусловно от палатки, как у нас, у солдат, бывало, такие употреблялись. Дощечки мы почему-то не достали. Вынул еще из шахты Бабинов лопату. Лопата была большая, саперная, как их называют у нас, у солдат, “возимая”, в отличие от малых, “носимых” солдатами у поясов. Больше ничего мы в шахте не нашли. Пощупали мы шестами шахту. Воды было в колодцах от уровня четвертей на 7, а потом шло что-то твердое: лед или пол. Мы не стали особенно пробовать. Стали мы разрывать горку из насыпанной около шахты на глиняной площадке земли, — здесь оказался костер. Костер был большой, продолговатый, аршина 2, не меньше. Хорошо было заметно, что костер был сначала разбросан, замечен и потом засыпан. Углей в нем было совсем мало, потому что они также были разбросаны; редкие угольки попадались в кострище. Тут же около костра валялись березовые ветки, которыми, видимо, и заматался этот костер. Стали мы в этом костре рыться. Михаил Алферов первый нашел пуговку от нижнего белья, заметно обожженную. Потом стали находить и другие вещи.

Находили их или в самом костре, или около костра: видать, их разбрасывали вместе с костром. Все эти вещи были сильно обгорелые. Копаясь в костре, я вдруг заметил какой-то блестящий предмет. Выкопал его и вижу — хороший, дорогой из драгоценных камней крест. Ну, тут я догадался, в чем дело, и говорю своим: “Ребята, это дело не простое. Тут, похоже, Николая сжигали”. Ничего, как есть ни от кого я не слыхал до этого про убийство Государя, а тут как только я крест этот самый нашел, планшетки разные от корсетов, пуговицы с орлами, пряжки разные, как вспомнил, сколько здесь дней большевики работали и как места эти охраняли, так все и стало понятно. Собрали мы все вещи, какие нашли, и ушли с этого места домой. Вещи же все были у Алферова Михаила. Я вижу все вещи, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены вещи, описанные в пунктах 1 — 24 протокола 15 — 16 февраля сего года л. д. 45 — 49 том 2-й), и удостоверяю, что именно все эти вещи мы тогда и нашли около шахты в двух кострах и около них. Один костер — тот именно, о котором я Вам сейчас говорил. Другой был около старой березы на дорожке. Этот костер был несколько, кажется, поменьше. Он также был раскидан, но не засыпан. В них и около них мы и нашли все эти вещи.

Я вижу фотографическое изображение креста, которое Вы мне сейчас показываете (предъявлен фотографический снимок креста, описанного в пункте “г” протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 и об., том 2-й). На нем изображен именно тот самый крест, который я и нашел. В этот же самый день к нам в Коптяки приезжала из гопола какая-то “Следственная комиссия”. Она

...осматривала эти вещи и переписывала их. Что это была за Комиссия, не знаю³³.

Я думаю, что среди тех вещей, которые Вы мне сейчас показали, нет каблука от обуви. Я помню, что мы еще нашли каблук обожженный в костре у шахты. А его здесь нет. Веревка с лопатой также были у Алферова. Я вижу изображение лопаты, которое Вы мне сейчас показываете (предъявлен фотографический снимок лопаты, описанной в пункте “б” протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 об., том 2-й). Это не та лопата. Эта лопата малая “носимая”, а та была большая, “возимая”, которую мы нашли.

Я не обратил внимания, когда был на шахтах, в каком состоянии была яма, что находится недалеко от шахты на той дорожке, по которой выехал к нам красноармеец и по которой мы сами подходили к шахте. Не могу сказать, были ли там следы срыва экипажа и было ли в яме бревно, которым бы поднимали экипаж или автомобиль. Больше я ничего показать не могу.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Папин

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол допроса А. А. Шереметевского, 9 июня 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 55—65. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 9 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов на разъезде № 120, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Андрей Андреевич Шереметевский — сведения о личности см. л. д. 10 том 1-й.

Я офицер 1-го Сибирского Его Величества полка. Я участвовал в Европейской войне. В 1914 году в боях под Варшавой я был ранен и эвакуирован в город Уфу. По излечении я снова вернулся в свой полк и вторично был ранен в боях под Барановичами. Это было в 1916 году. После вторичного ранения я был эвакуирован в Екатеринбург, где и был зачислен, после выздоровления, в 126 запасный полк. Здесь меня застала революция. После переворота я уехал на фронт и находился в Финляндии в составе Свеаборгского полка, снова участвуя в боях с немцами. После большевистского переворота я возвратился в Екатеринбург.

Мой отец уже многие годы состоит преподавателем в Екатеринбургской мужской гимназии. Лето он всегда проводит на даче в деревне Коптяках. Это маленькая деревенька с хорошей природой, где обыкновенно живет по летам несколько семейств дачников. Все места от города Екатеринбурга к Коптякам я хорошо знаю. Я знаю их хорошо потому, что я издавна, проживая здесь на даче, исходил их во всех направлениях, как охотник по птице и зверю.

После возвращения домой мне, как офицеру, сразу же пришлось скрываться от большевиков. Меня хорошо знали и Екатеринбургские большевики и Верх-Исетские, в район которых входили Коптяки. Поэтому я, имея базой Коптяки, укрывался после возвращения домой в лесах около

Коптяков, на островах. Местные крестьяне прекрасно знали, конечно, что я скрываюсь от большевиков в их местах и прекрасно относились ко мне. Кажется, это было 17 июля по новому стилю. Рано утром в этот день, так, приблизительно, часов в 5—6 к нам на дачу прибежала коптяковская баба Павла Бабинова, большая пройдоха, и предупредила меня, чтобы я скорее утекал. Бабинова рассказала мне, что в этот день утром поехала в Екатеринбург с сыном Николаем коптяковская баба Настасья Зыкова. Когда она стала подъезжать к тому месту, где с коптяковской дороги идут свертки к руднику, к ней подлетает известный в этих местах большевик с Верх-Исетского завода Ваганов и, угрожая ей и сыну револьвером, заставил их ехать назад, запретив им при этом оглядываться. По словам Павлы, передавшей мне все это со слов Зыковой, сзади по дороге из города шел какой-то обоз, везли будто бы артиллерию. Я понял тогда рассказ Бабиновой в том смысле, что большевики отступают от города и идут к Коптякам, выбирая позицию для боя. Чтобы лучше видеть местность, я ушел на Коптяки на горку, но дождал некоторое время и вернулся назад, так как никакого движения войск не было. Я тогда решил сходить по Коптяковской дороге и посмотреть, что там делается. Со мной надумали отправиться туда же коптяковские крестьяне Николай Швейкин, Николай Папин и Петр Зубрицкий. Я решил ехать верхом, а они пошли пешком. Пока я седлал лошадь, они ушли вперед, и я догнал их уже в лесу между той дорожкой, которая идет от сосновых пней, известных под названием Четырех братьев, к плотинке, и первой от этих же Четырех братьев сверткой к руднику. Почти в то же время, как я их догнал, нам навстречу попался крестьянин с Верх-Исетского завода Алексей Зыков. Он ехал из Верх-Исетского завода в Коптяки. Мы его спросили, не видел ли он дорогой чего подозрительного. Должен сказать, что Настасья Зыкова, взбулгачив своим рассказом Коптяки, наговорила и не знай что про артиллерию, обоз и т. п. У нас тогда в голове и было, не хотят ли красные драться в этих местах с чехами и казаками. Смысл наших расспросов Зыкова в этом и заключался. Он сказал нам, что подозрительного он ничего не видел. Подробно же, не обгонял ли его кто дорогой, а в частности, не видел ли он проезжавшего по Коптяковской дороге автомобиля, мы его не расспрашивали. Поговорив немного с нами, Алексей ударил лошадь и быстро поехал на Коптяки. Мы постояли немного на месте и тоже отправились на Коптяки. Я совершенно не обратил в это время внимания на состояние Коптяковской дороги и не могу Вам сказать, были ли на ней в это время следы автомобиля. Когда мы поравнялись с первой повороткой на рудник от Четырех братьев, к нам на Коптяковскую дорогу выехал какой-то конный красноармеец. Я помню, ему было на вид года 22, блондин, с маленькими беловатыми усами, бритой бородой, тонким прямым длинным носом. Я не могу описать Вам остальных его примет, но его физиономия врезалась мне в память, и я его узнал бы безошибочно, если бы увидел. Он был вооружен “до зубов”, как это любили большевики: с винтовкой, револьвером, шашкой и двумя русскими гранатами на кольцах. Лошадь под ним была саврасой масти с черной гривой. Он сказал нам, что дальше следовать нельзя. Смысл его запрета сводился к тому, что нельзя идти дальше по Коптяковской дороге, а не по той, на которой он стоял сам. Мы стали ему говорить, что мы — коптяковские крестьяне и что нам нужно домой, что мы недавно прошли уже по этой дороге. Красноармеец особенно не протестовал, видимо, склонившись на наши доводы. Тогда я его спросил, в чем дело, почему они установили кордоны на дороге? Он сказал нам, что они здесь обучаются метанию бомб и поэтому установили кордоны. Как бы в подтверждение его слов, действительно тут же раздался взрыв гранаты. Он был несколько глухой, и я сказал бы, что он слышался не с поверхности земли, а как бы из-под земли. Звук несся по направлению от рудника, но откуда именно, я определить не берусь. Мы пошли дальше по Коптяковской дороге и через некоторое время снова услышали такой же звук от разрыва гранаты. Он несся оттуда же, что и первый. Мы продолжали свой путь дальше до Коптяков. Дорогой мы никого не встречали и никаких других кордонов больше не видели.

И в это время, возвращаясь обратно в Коптяки, я не обратил внимания на большую Коптяковскую дорогу и не могу сказать, были ли на ней следы автомобилей. Погода в это время стояла сухая, но была роса. След можно было бы хорошо заметить, если бы я знал тогда, на что следует обратить внимание. Вот что я хорошо помню, так это ту именно поворотку с Коптяковской дороги к руднику, по которой к нам выехал красноармеец: эта дорожка, до того

глухая, заросшая травой, как обыкновенно это бывает с заброшенными глухими лесными дорожками, была в тот момент накатана. По ней хорошо заметно было, что тут, по этой свертке к руднику с Коптяковской дороги какие-то экипажи проехали. Следы от экипажей были свежие,

и на меня произвело впечатление, что здесь проехало несколько экипажей, но я не могу определить свойства их: я тогда не обратил на то достаточного внимания. Я при этом должен сказать, что я несколько не исключаю возможности, что здесь проехали и автомобили.

Все остальные свертки с Коптяковской дороги к руднику и к Ганиной яме не имели такого характера, как эта свертка. Они мне, по крайней мере, не бросились в глаза, и я не заметил на них никаких следов.

Нас, конечно, ждали в Коптяках, когда мы вернемся и какие принесем сведения, потому что крестьяне опасались, как бы не было боя около деревни. Наши сведения носили успокаивающий характер. Поэтому собравшиеся на улице мужики ругнули Настасью Зыкову за болтовню. В это время я и сам ее расспрашивал, что именно видела она на дороге. Добиться от нее толку было трудно. Несет глупая баба, сильно струхнувшая, про обоз, про артиллерию. Только и можно было понять от нее, что что-то “везли” по дороге к Коптякам по направлению от города, а что везли, на чем везли и как везли, она ничего не видела.

В этот день было еще несколько взрывов гранат. Приблизительно их было до 5, и они слышались по направлению все от того же рудника. В этот день поздно вечером или даже в ночь на следующий день поехала с рыбой в город баба коптяковская Екатерина Бабинова. Ее также не пропустили в город и сказали ей, что пропустят “завтра”. Я утверждаю, что охрана Коптяковской дороги длилась два дня: тот самый день, когда я встретил красноармейца, и следующий, а на третий день охраны уже не было²⁵. В эти же дни несомненно многие и другие пытались проехать в город и не были пропущены, но я теперь уже никого не могу припомнить.

Пока было оцепление рудника, красноармейцы приехали в Коптяки за молоком. Я сам видел одного-двоих из них. Помню, один был такой толстомордый. Между прочим, брали они молоко, платя деньги, у Павлы Бабиновой.

После путешествия по Коптяковской дороге и встречи с красноармейцем мне приходилось быть уже начеку. Мне говорили (теперь уже не помню, кто именно мне об этом говорил), что, приезжая за молоком, красные спрашивали обо мне. Поэтому я 19 июля счел более благоразумным скрыться на острова. После моего ухода на острова к нам и приезжал на дачу известный верх-исетский большевик, бывший, конечно, каторжник, вернувшийся домой после революции, Ермаков. Он меня искал, произвел у меня обыск и отобрал разные мои вещи. Так я скрывался до освобождения Екатеринбурга от большевиков, т. е. до 25 июля. Я удостоверяю, что в это время никаких боевых действий по дороге Екатеринбург — Коптяки и вообще в районе этой дороги не было. Красные здесь не бежали, 25 июля, узнав об освобождении города, я сейчас же отправился туда. Я ехал тогда в экипаже, не помню — с кем именно. Ехал я тогда обыкновенной Коптяковской большой дорогой, а когда доехал до полотна железной дороги, то дальше я ехал “временкой”, а не через Поросенков лог. На состояние Коптяковской дороги и свертки с нее к руднику я не обращал в эту поездку внимания, торопясь в город, и не могу сам сказать, были ли на дорогах следы автомобилей.

Прибыв в Екатеринбург, я явился к начальнику гарнизона полковнику Шериховскому, первому начальнику гарнизона после освобождения Екатеринбурга. Я просил Шериховского дать мне людей, чтобы отправиться на станцию Исеть и отобрать брошенное там красными оружие. Получив в свое распоряжение роту чехов и 6 человек казаков, я 26 июля отправился с ними по железной дороге на станцию Исеть, сделал там, что было нужно, и в тот же день поехал с казаками в Коптяки. У меня в то время была мысль съездить на рудник, который охранялся красными, и пошарить там: я подозревал, не расстреляли ли они там заложников. Когда я был в эти дни 25 и 26 июля в Екатеринбурге, я слышал о “расстреле” Государя. Про остальную Августейшую Семью говорили, что она вывезена.

Признаться, я ни на одну минуту не доверял слухам об убийстве Государя, и никто положительно этому не верил. В городе все были убеждены, что Августейшая Семья вывезена. Когда я приехал в Коптяки со станции Исеть, мне кто-то сказал, что сейчас из Коптяков ушли на город красные. Я кинулся с казаками их догонять. Но эти сведения оказались ложными. Я опять вернулся в Коптяки. В это время ко мне пришел крестьянин Михаил Алферов и, показывая мне сверток с вещами, сказал: “А мы были на шахтах. Вот, посмотри-ка, что мы там нашли”. Я, как поглядел на эти вещи, так и ахнул. Я увидел среди этих вещей Кульмский обгорелый крест, и именно сразу же припомнился мне случай, памятный в моей жизни. Я учился во 2-й Петергофской школе прапорщиков. 1-го октября 1916 года к нам в школу приезжал Государь Император. С Ним тогда приезжала Великая Княжна Татьяна Николаевна. Я помню прекрасно, что на Ней был тогда совершенно такой же крест, какой был в руках Алферова. Я хорошо в то время разглядел этот крест на Татьяне Николаевне. Он был приколот у Нее на левой стороне Ее груди и бросался в глаза своим блеском. Этот случай посещения нашей школы Августейшими Особами вообще запечатлелся в моей памяти, и живо представляю себе детали его. Тогда Татьяна Николаевна обронила белую лайковую перчатку. Я ее поднял и взял себе, как дорогую для меня по памяти вещь. Так она и поныне у меня.

Вид всех вещей, бывших в руках у Алферова, ясно говорил о несчастье, постигшем Августейшую Семью, о злейшем злодеянии над Ней большевиков. В вещах были принадлежности женских и мужских костюмов: планшетки и кости от корсетов, пряжки от туфель, застежки от дамских подвязок, пуговицы, крючки, топазные бусы, две пряжки от мужских поясов военного образца, стекла от пенсне и очков или медальона. Все эти вещи были сильно обгорелые. На мои расспросы, откуда взяты эти вещи, Алферов объяснил мне, что они найдены им и ходившими с ним на рудник другими крестьянами около костра или костров вблизи шахты.

Я вижу, г. судебный следователь, вещи, которые Вы мне сейчас показываете (свидетелю были предъявлены следующие вещи: крест, описанный в пункте “г” протокола 10 сего февраля, л. д. 13 об. том 2-й; три бусы, описанные в пункте 1-м протокола 15—16 того же февраля, л. д. 45; две пряжки от туфель с камнями, описанные в пункте 2-м того же протокола, л. д. 45 том 2-й; 7 тоненьких пружин, описанных в пункте 3-м того же протокола, л. д. 45 об. том 2-й; медная пряжка от пояса уменьшенного образца с застежкой, описанная в пункте 4-м того же протокола л. д. 45 об. том 2-й; шесть парных планшетонок от корсета, описанных в пункте 5-м того же протокола, л. д. 45 об. том 2-й; 17 металлических пластинок от корсета, описанных в пунктах 6, 7, 8 того же протокола, л. д. 45 об. том 2-й; 17 пряжек, описанных в пунктах “а” — “и” того же протокола, л. д. 46—47 том 2-й; 15 металлических пряжек с крючками, описанных в пункте 10 того же протокола, л. д. 47 том 2-й; 7 мужских пряжек, описанных в пункте 11 того же протокола, л. д. 47 об. том 2-й; стекла от пенсне и очков, описанные в пунктах 12—13 того же протокола, л. д. 47 об. том 2-й; шесть пуговиц с гербами, описанных в пункте 14 того же протокола, л. д. 48 том 2-й; четыре пуговицы от женских костюмов, описанные в пункте 15 того же протокола, л. д. 48 том 2-й; медная пряжка от пояса, описанная в пункте 16 того же протокола, л. д. 48 том 2-й; две тоненьких пластинки из железа, описанные в пункте 17 того же протокола, л. д. 48, том 2-й; три больших металлических крючка от мужской одежды, описанные в пункте 18 того же протокола, л. д. 48 об. том 2-й; металлический американский ключ, описанный в пункте 19 того же протокола, л. д. 48 об., том 2-й; две медные монеты, описанные в пункте 20 того же протокола, л. д. 48 об., том 2-й; три металлических пряжки, описанные в пункте 21 того же протокола, л. д. 48 об. том 2-й; 12 пуговиц, 10 колец, 4 кнопки, 3 крючка с двумя петлями, металлический обломок, описанные в пункте 22 того же протокола, л. д. 48 об. — 49 том 2-й; обгорелые части щетки, описанные в пункте 24 того же протокола, л. д. 49 об. том 2-й), и удостоверяю, что именно все эти вещи и были в руках у Алферова, как найденные им, по его словам, у шахты. Что касается патрона от револьвера, который Вы мне сейчас показывали (свидетелю был предъявлен патрон от револьвера, описанный в пункте 23 того же протокола, л. д. 49 том 2-й), то я не могу хорошо припомнить, был ли он среди этих вещей.

Алферов мне сказал, что все эти вещи были им и его товарищами, ходившими вместе с ним на шахту, найдены около шахты в двух кострах, из которых один вблизи шахты, а другой — подальше.

Больше ни про какие костры он мне не говорил. Схватил я эти вещи и поскакал в город. Всем этим вещам, взятым мною у Алферова, я составил опись и, подписав ее, передал ее Алферову. Самые же вещи я вручил полковнику Шериховскому при коменданте 9-го района г. Екатеринбург, каком-то капитане, фамилию которого я забыл. С Шериховского же я расписки не взял, постеснявшись спросить с него расписку. 29 июля меня потребовал к себе капитан Малиновский, действовавший тогда по поручению полковника Шериховского. Я явился к нему 30 июля. Вещи, полученные мною от Алферова и переданные полковнику Шериховскому, были у капитана Малиновского. Малиновский сказал мне, что нужно ехать на шахту и посмотреть, что там такое делали большевики. В тот же день на одном легковом автомобиле мы и отправились целой компанией к шахтам. Другая группа поехала туда по железной дороге до станции Исеть, далее на лодках до Березового мыса, куда было подано несколько подвод из Коптяков, а отсюда уже на лошадях. Я сейчас не помню, кто и как ехал. Помню, что ездили тогда со мной следующие лица: капитан Малиновский, штабс-ротмистр Матвеев, капитан Дамишхан, подполковник Румша, военный летчик капитан Политковский, капитан Соболев, капитан Сумароков, капитан Ярцев, штаб-ротмистр Бертенев, лакей Государя Чемодуров и доктор Деревенко. Может быть, и другие лица еще ездили, я забыл их. В этот раз мы ехали уже через Поросенков лог. Я прекрасно помню, что в этом логу мы проезжали через мостик, набросанный из шпал. Этот мостик и соорудили “товарищи” как раз в то время, когда они производили свои таинственные работы у рудника. Раньше этого мостика не было. Я хорошо знаю эти места и утверждаю, что именно в то время он и появился. Да и кто же мог бы взять с полотна шпалы и открыто тут же в полверсте от полотна воспользоваться ими, кроме “товарищей”?²⁶ Проехав мостик и далее через переезд, мы поехали большой Коптяковской дорогой и свернули к руднику по первой же поворотке от Четырех братьев, т. е. как раз именно по той дорожке, по которой к нам выезжал красноармеец. Я опять могу сказать, что эта дорожка была сильно укатана, как и тогда, когда к нам выезжал по ней красноармеец. Но я и в этот раз не обратил внимания, были ли на ней следы автомобилей. Не производили мы осмотра той ямы на этой дорожке, где дорога раздваивается на две, обходя эту яму. И не помню я никакого бревна около этого места. Совершенно не могу сказать, было ли тогда такое бревно. Вот здесь мы тогда и остановили свою машину, считая, что дальше мы не проедем в автомобиле. Можно было действительно тут проехать или же нельзя, я этого сказать не могу: мы не пробовали проезжать, просто решив, что дальше пойдем пешком. Костер около этой ямы мы тогда же заметили, но не обратили на него никакого внимания. Поэтому я совершенно не могу сказать Вам, какое именно он занимал пространство, много ли было в нем углей и не бросились ли в глаза самые угли: были ли они результатом воздействия на дерево огня или же каких-либо кислот. Все наше внимание было поглощено в тот момент шахтой и теми двумя кострами, где мужики нашли вещи. Проторенная дорожка шла прямо к шахте с колодцами. Здесь она кончалась, и дальше накатанного следа уже не было. Тогда была очень высокая трава. Она вся была истолочена вокруг шахты во все стороны. Такие тропы шли и к Ганиной яме. Все остальные поворотки от шахты и Ганиной ямы были не тропы колесами.

Стремилась мы все компанией, главным образом, к тем двум кострам, про которые мне сказал Алферов. Первый из этих костров был сажень в двух от шахты, другой — подальше на дорожке около большой березы. Первый был, приблизительно, в диаметре с аршин. Угольков в нем было немного. Видно было, что они были раскиданы. Второй костер был, по моему мнению, больше первого: аршина в полтора в диаметре. Видно было, что и он был разбросан, и угольков в нем было мало. Стала наша компания рыться в кострах и в костре, что около березы, капитан Политковский нашел большой бриллиантовый камень, видимо, прекрасных свойств, фотографическое изображение которого Вы мне сейчас показываете (свидетелю был предъявлен фотографический снимок бриллианта, описанного в пункте “в” протокола 10 февраля сего года,

л. д. 13 об., том 2-й). Помню, что еще тогда нашли в кострах некоторые вещи, но не могу припомнить, какие именно. После осмотра костров меня и Матвееенко спустили на веревках в большую шахту. Шахта тогда представлялась в следующем виде. До уровня воды в колодце было

аршин восемь, затем аршина на два шла вода, под водой слой льда вершка в три, а потом опять шла вода. Что означало подобное состояние шахты, я не понимаю. Лед в большом колодце шахты в северо-западном направлении в углу был чем-то пробит. Мы мерили палками глубину большого колодца шахты через образовавшееся во льду отверстие, но не могли прощупать дна. Все это я говорил Вам про состояние большого колодца в шахте. Что касается малого колодца в шахте, служившего, видимо, для спуска людей в шахту, то там, насколько мне помнится, совсем не было льда. В малой шахте в лежащем положении, опираясь на стенки колодца, было одно из колец ручного насоса. В большой шахте (т. е. я хочу сказать — в большом колодце шахты) на стенках ее мы с Матвееенко нашли несколько впившихся в дерево осколков русской ручной гранаты. Их мы выковыривали ножами. В этой же шахте мы нашли лист бумаги, на котором при помощи пишущей машины были обозначены телефонные адреса некоторых из большевистских деятелей города Екатеринбурга, но каких именно, я не знаю. В этот же раз был найден в одном из колодцев шахты, не помню теперь, в каком именно, кусок от палатки: брезент, защитного цвета, “с кольцом”, т. е. отверстием для веревки при постановке палатки. Побыли мы на руднике часа полтора-два и уехали в Коптяки.

Решено было искать трупы Августейшей Семьи здесь, у этого рудника. Возложены были эти работы на меня по приказанию полковника Шериховского. Капитан Малиновский должен был производить розыски в городе. Так мы с ним и распределили тогда нашу работу. 2-го августа мы начали откачивать воду из шахты и работали до 11-го августа. С 11-го числа мы принуждены были работы прекратить, т. к. рабочие, ввиду наступления красных, разбежались. Вновь работы были возобновлены с 15 числа, и шахта была откачана 18-го августа. Была откачана также Ганина яма. Эта работа производилась с 20 по 30 августа. По откачке шахты под водой оказался деревянный пол из круглых бревешек, между которыми имелись щели, некоторые из которых были около вершка. (Это я говорю про большой колодец шахты.) Под этим полом шла уже почва. Пол был покрыт слоем глины, приблизительно, в поларшина. Эта глина была промыта, и там в ней было найдено: человеческий палец с двумя кусочками кожи, золотая верхняя челюсть взрослого человека, серьга из жемчуга с бриллиантом, застежка от галстука, малая саперная лопата, известная у нас военных под именем “носимой”, и осколки от французской гранаты. Я вижу, г. судебный следователь, предъявленные мне Вами фотографические изображения всех названных мною сейчас предметов (предъявлены фотографические изображения серьги, описанной в пункте “а”, 1 протокола 10 февраля сего года, л. д. 10 об. том 2-й; пальца, описанного в пункте 7 того же протокола, л. д. 12 том 2-й; челюсти, описанной в пункте 8 того же протокола, л. д. 12 том 2-й; застежки от галстука, описанной в пункте 13 того же протокола, л. д. 12 об. том 2-й; лопаты, описанной в пункте “б” того же протокола, л. д. 13 об. том 2-й) и удостоверяю, что именно предметы, изображенные на этих снимках, и были найдены на дне большого колодца шахты.

Должен сказать, что в момент нахождения всех этих вещей я сам лично как раз отсутствовал. Но тогда меня заменял на работах мой брат Александр. По уговору со мной он сейчас же сам лично привез все эти вещи в город и представил их мне, объяснив, где именно они были найдены. Я категорически поэтому и утверждаю, что в числе всех этих вещей именно на дне шахты и лежала лопата. Но я не могу Вам ответить на вопрос, где она там была: сверху или под илом на деревянном полу. В ту же ночь брат Александр передал все эти вещи товарищу прокурора Кутузову. На утро я сам ездил и смотрел шахту. Я совершенно не помню, что представлял собой малый колодец шахты. Почему-то мы тогда на него не обращали такого внимания, как на большой, где и были найдены указанные мною вещи. Поэтому, я не могу Вам сказать, что представляло собой дно малого колодца шахты. Дно же большого колодца и было в том именно состоянии, как я Вам его описал. В сторону выработки из большого колодца можно было пройти только аршина два. Дальше шел уже обвал. Его мы не исследовали. Дно Ганиной ямы мы осматривали и ил промывали, беря его по всему дну, в некоторых местах и глубиной,

приблизительно, в пол-аршина. Затем мы еще брали золу и почву в двух кострах: около шахты и у березы и промывали все это. При промывке костров было обнаружено: три части жемчужины, безусловно, от серьги, парной с серьгой, найденной на дне шахты, три части какого-то золотого

украшения, топаз с осколком, три тоненьких пружинки, пуля с усеченным концом, как мне кажется, от нагана, запонки для воротничка, осколки от какого-то флакона, обрывки фотографической карточки, пуговицы, металлическая застежка, вероятно, от дамской какой-то сумочки, пряжка от дамских подвязок, часть какого-то украшения с маленькими бриллиантами. Я вижу предъявленные мне сейчас Вами фотографические изображения части из только что названных мною вещей (предъявлены фотографические изображения частей жемчужины, топаза с осколком, трех частей золотых украшений и пружинки, описанных в пункте “а”, 2 протокола 10 февраля сего года, л. д. 10 об. том 2-й; застежки, пряжки и части украшения с бриллиантами, описанные в пункте “а”, 3 того же протокола, л. д. 11 том 2-й) и удостоверяю, что эти вещи и были найдены тогда при промывке земли.

На дне шахты были найдены осколки французской гранаты, вот эти самые, изображения которых Вы мне сейчас показываете (предъявлены фотографические изображения осколков гранаты, описанные в пункте “а”, 14 протокола 10 февраля сего года, л. д. 13, том 2-й).

Запонка была та самая, фотографическое изображение которой Вы мне сейчас показываете (предъявлено фотографическое изображение запонки, описанной в пункте “а”, 2 протокола 10 февраля сего года, л. д. 11, том 2-й). Осколки русской гранаты, которые мы с Матвеевко вырезывали из стен большого колодца шахты, те самые, изображения которых Вы мне сейчас показываете (предъявлено фотографическое изображение осколков, описанных в пункте “а”, 12 того же протокола, л. д. 12 об., том 2-й). Что касается кольца, которое изображено на предъявленном Вами фотографическом снимке (предъявлен фотографический снимок кольца гранаты, описанного в пункте “а”, 12 л. д. 12 об., том 2-й), то я помню, что это кольцо было найдено при работах, но где именно, я положительно теперь не могу припомнить. Во время работ при мне найдены рамка от портрета, фотографический снимок которой я вижу (свидетелю было предъявлено фотографическое изображение портретной рамки, описанной в пункте “а”, 1 протокола 10 февраля сего года, л. д. 10, том 2-й), и три иконки, фотографическое изображение которых я вижу (свидетелю был предъявлен фотографический снимок трех икон, описанных в пунктах 4, 5, 6 протокола 10 февраля сего года, л. д. 11 об., том 2-й). Рамка и три иконы были найдены, приблизительно, в одном месте: в высокой траве около глиняной площадки в восточном направлении от площадки и в расстоянии от нее непосредственной близости. Я помню, что где-то около шахты были найдены осколки от какого-то флакона, зеленого цвета, с пробкой-коронкой (пункт 10 протокола 10 февраля сего года, л. д. 12 том 2-й). Где была найдена железка от сапога (пункт 11 того же протокола, л. д. 12 об., том 2-й), я не помню. Еще при промывке костров было найдено много обгорелых пуговиц, кнопок, фестоновых крючков, петель, гвоздики, видимо, от обуви (пункт “а”, 15 протокола 10 того же февраля, л. д. 13, том 2-й). Но среди предъявленных мне Вами вещей я вижу не все вещи, найденные тогда около шахты. Нет, во-первых, обгорелого каблука от дамского туфля; во-вторых, нет золотого брелка с инициалами “Н. А.” в виде монограммы, причем буквы эти были переплетены одна с другой; в-третьих, нет двух кусков какого-то сплава, обгорелого, величиной каждый с куриное яйцо. Все эти предметы были найдены тут же у шахты. Что представлял собой этот сплав, я не знаю, но мне он напоминает обожженные кости. Затем, помнится мне, что было найдено несколько брошек золотых, внешнего вида коих я, однако, не помню. Все эти вещи, которые мы находили при промывке, по мере их нахождения передавались капитану Малиновскому. Много было найдено у шахты и около костров всевозможных обрывков разной материи и черной и цветной, видимо, шерстяной. Все эти вещи также были переданы Малиновскому. Я совершенно не представляю, когда был у рудника судебный следователь Наметкин и какие при нем были найдены вещи.

Больше я ничего по настоящему делу показать не могу. Все то, что я Вам сейчас показываю, я в свое время показывал и Наметкину²⁷. Но на меня он производил такое впечатление, что он как будто бы боялся работать по этому делу. Дознание тогда вел начальник уголовного розыска

какой-то Кирста²⁸, человек весьма для меня подозрительный. Он потому мне казался подозрительным, что он не считался с фактами. Он приехал как-то к руднику и стал открыто осуждать нас за попытки найти трупы. Видимо, наша работа для него была неприятна. Я поручил

одному человеку (фамилию его я забыл) последить за ним. Однажды, когда Кирста был в управлении начальника гарнизона, он там оставил записку для одной дамы, следующего содержания: “Дело принимает уголовный характер. Необходим подкуп свидетелей”. Эта записка относилась совершенно к другому делу, но я хочу сказать, в руках какого господина было дознание по настоящему делу. Я тогда лично передал эту записку Голицыну, и Кирста был арестован.

К Вашему сведению еще сообщаю, что на днях мне передавал бухгалтер Волжско-Камского банка Волокитин, что он 17 и 18 июля несколько раз встречал на Коптяковской дороге Юровского и даже разговаривал с ним²⁹. Встречал он его, как я понял, вблизи полотна железной дороги.

Показание мое, мне прочитанное, записано с моих слов правильно.

Поручик Шереметевский

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

Судебный следователь по особо важным делам округа Омского окружного суда Соколов Н. А. Письмо генерал-лейтенанту Дитерихсу М. К., 2 июня 1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 54—55. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Совершенно секретно

М. Ю.

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

по

ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ

при

Омском Окружном Суде

Н. А. СОКОЛОВ

Июня 2 дня 1919 г.

№ 99

Екатеринбург

Господину генерал-лейтенанту

Дитерихсу

По имеющемуся в моем производстве делу об убийстве отрекшегося от престола Государя Императора Николая Александровича и Его Семьи у меня имеются совершенно точные

сведения, что у бывшего преподавателя французского языка покойному Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу г. Жильяра имеется несколько сот (приблизительно до 900) негативов и отпечатков, имеющих громадное значение для вышеуказанного дела.

Это значение их имеет не только исторический характер, но и криминальный для данного дела: снимки доказывают тождество вещей, находящихся на Особах Августейшей Семьи, как Их изображают снимки, с теми вещами, которые найдены ранее и теперь в месте погребения трупов; эти снимки образно, наглядно изображают весь уклад жизни Августейшей Семьи со времени Ее заточения. Для каждого уголовного дела настоятельно нужным представляется выяснение вопроса о личности потерпевшего от преступления. Тем более выяснение этого вопроса представляется необходимым по данному делу.

В силу тех соображений, о которых я имел честь лично докладывать Вашему превосходительству, я, с первых же шагов начала предварительного следствия, признал возможным самый вопрос о получении от г. Жильяра нужных для дела снимков поставить только в плоскости полуофициальных с ним отношений. Получение же от него снимков путем применения к нему норм устава уголовного производства я и раньше и теперь признаю неудобным, за силой именно тех соображений, о коих мною было доложено Вашему превосходительству лично. В бытность генерала Жанена в г. Екатеринбурге и осмотра им дома Ипатьева*, я лично просил Жанена оказать в этом отношении мне содействие, чему генерал Жанен выразил желание пойти навстречу.

Полагая Вас лицом, призванным волей Верховного правителя к сохранению всего, что имеет для настоящего дела исторический интерес, могущим в этом отношении помочь к разрешению вышеприведенной задачи предварительного следствия, я о вышеизложенном сообщаю Вашему превосходительству на надлежащее с Вашей стороны распоряжение.

К сведению докладываю Вашему превосходительству: а) что г. Жильяр и поныне состоит при генерале Жанене; б) что, в целях получения от него сих, имеющихся у него снимков, я, под честным словом нераспространения, передал ему несколько снимков с дома Ипатьева, где пала жертвой злодеяния Августейшая Семья.

Судебный следователь Н. Соколов

[Иорданский В.] [Протокол об объявлении повеления Верховного правителя адмирала А. В. Колчака в отношении дома Ипатьева, 1 июня 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 53. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1919 года июня 1 дня в г. Екатеринбурге прокурор Екатеринбургского окружного суда составил настоящий протокол в следующем.

Вызванному сего числа в камеру мою капитану в отставке инженерных войск Н. Н. Ипатьеву в присутствии секретаря моего Б. В. Богословского было объявлено повеление Верховного правителя адмирала А. В. Колчака о том, что ему, г. Ипатьеву воспрещается впредь до особого распоряжения Верховного правителя продавать кому-либо принадлежащий ему дом, в коем находился в заключении б(ывший) Государь Император Николай II с Августейшей Семьей, и что с момента очищения дома Управлением начальника инженеров армии он переходит в арендное пользование Правительства в лице генерал-лейтенанта Михаила Константиновича Литерихса из

расчета по тысяче руб. в месяц.

Вслед за объявлением сего г. Н. Н. Ипатьеву мной, прокурором суда, были вручены шесть тысяч рублей, как арендная плата вперед за шесть месяцев.

После сего г. Н. Н. Ипатьев дал нижеследующую собственноручную подписку:

“Я, капитан в отставке инженерных войск, Николай Николаевич Ипатьев сим обязуюсь впредь до последующего распоряжения никому не продавать принадлежащий мне в г. Екатеринбурге по улице Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка дом, который я предоставляю в аренду генерал-лейтенанту Михаилу Константиновичу Дитерихсу с платой по тысяче рублей в месяц, каковую сего числа я получил от прокурора Екатеринбургского окружного суда Иорданского вперед за шесть месяцев: то есть всего шесть тысяч рублей; при этом я оставляю за собой право жить в нижнем этаже этого дома в таких же условиях, как я помещался в нем и до настоящего времени. Николай Николаевич Ипатьев 1 июня 1919 г.”

Прокурор Екатеринбургского окружного суда В. Иорданский

Секретарь Богословский

[Соколов Н. А., Дитерихс М. К. Иорданский В.] [Протокол об осмотре пути, ведущего к руднику, в районе которого были обнаружены вещи Августейшей семьи, 23 мая 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 27—51. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года мая 23 дня — июня 17 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в порядке 315—324 ст. ст. уст. угол. суд., в присутствии генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса, прокурора Екатеринбургского окружного суда В. Ф. Иорданского и других, нижеподписавшихся в сем акте лиц, производил осмотр пути, ведущего к руднику, в районе которого были обнаружены вещи Августейшей Семьи, сего рудника и окружающей его местности.

По осмотру найдено следующее:

Рудник, в районе которого были найдены вещи Августейшей Семьи, расположен в лесной даче, бывшей до 1910 года во владении наследников графини Надежды Алексеевны Стенбок-Фермор, а ныне принадлежащей акционерному обществу “Верх-Исетских горных механических заводов, бывших Яковлева”.

Дорога, которой можно попасть из города Екатеринбурга к этому руднику, идет из города через Верх-Исетский завод на д. Коптяки, отстоящую от Екатеринбурга в 18 верстах¹⁴.

По выходе из Верх-Исетского завода, дорога идет, приблизительно, около версты лугами, а затем входит в лес, принадлежащий вышеупомянутому акционерному обществу, и идет этим лесом до самых Коптяков.

На этом ее луговом протяжении от Верх-Исетского завода она проходит мимо лесного кордона, принадлежащего к упомянутой лесной даче, проходит через охраняемый железнодорожным сторожем и запирающийся при помощи шлагбаумов переезд железной дороги, идущей от Екатеринбурга на Пермь, и идет мимо другого лесного кордона, принадлежащего Верх-

Исетскому сельскому обществу.

Оба эти кордона и этот переезд отмечаются на прилагаемом к сему акту чертеже местности.

Войдя в лес, дорога идет им в северо-западном направлении, являющемся для нее основным на всем ее протяжении до Коптяков. Лес обступает дорогу и тянется по обе ее стороны, иногда подходя к ней почти вплотную, иногда уходя от нее на 10—12 сажен, лес — чистый, сосновый бор, лет около 60—80, лишь изредка прерываемый группами чернолесья.

Так она идет на протяжении 7 1/2 верст. Грунт ее твердый, хорошо накатанный, и самая площадь ровная: нет ни гор, ни оврагов, которые могли бы препятствовать или затруднить движение по дороге в любом экипаже или автомобиле. Встречаются по ней колдобины и рытвины, обычные для русских даже полевых дорог.

На этом протяжении дороги, приблизительно через 3 версты от полотна Пермской железной дороги, от нее отделяется и идет в западном направлении дорога на озеро Мелкое и деревню Палкино.

При исходе 9-й версты дорогу пересекает железнодорожная линия, идущая от Екатеринбурга на Тагил. Приблизительно на расстоянии полторы версты от полотна этой линии, не доходя до нее, дорога делится на два разветвления, идущие к двум разным переездам через полотно этой линии. Одно из разветвлений меняет основное направление дороги и уклоняется в северо-восточном направлении, другое сохраняет это основное направление. Первое из разветвлений идет к переезду № 185, второе — к переезду № 184. Первое разветвление, пройдя переезд № 185, идет вдоль полотна железной дороги и у переезда № 184 вновь соединяется с разветвлением, перешедшим через переезд № 184. Его путь, когда оно идет вдоль полотна железной дороги, имеет местное название “временки”, т. е. временной дороги, образовавшейся во время постройки железнодорожной линии. Таким образом, из этих двух разветвлений, видимо, разветвление, идущее к переезду № 184 и сохранившее основное направление дороги, является основной дорогой на Коптяки.

Прилагаемый к сему акту чертеж отмечает эти расхождения дороги и их соединения. На нем также отмечаются оба переезда № 184 и № 185.

В момент разветвления основного пути Коптяковской дороги на два местность сохраняет свой прежний характер, какой она имела на всем протяжении дороги около 7 1/2 верст от Верх-Исетского завода.

Верхний фотографический снимок, находящийся на листе дела 4515 за сим актом, передает вид Коптяковской дороги*, как она идет лесом на протяжении 7 1/2 верст от Верх-Исетского завода, и два разветвления этой дороги в 1 1/2 верстах от полотна железной дороги на Тагил. Направо уходит в лес разветвление, идущее к переезду № 185, налево — разветвление, идущее к переезду № 184.

Вскоре после разветвления дороги начинает изменяться характер местности: сосновый бор сменяется чернолесьем, и начинаются лесные покосы, которыми местами проходят оба разветвления.

Путь разветвления, идущего к переезду № 185, ухудшается: на нем встречается много рытвин, колдобин, значительно портящих дорогу. В дождливое время езда по этой дороге сопряжена с неудобствами. Однако этот путь до самого переезда нигде не имеет никаких непреодолимых препятствий для движения в любом экипаже, а также и в автомобиле. Вдоль полотна железной дороги этот путь (временка) носит чисто луговой характер. Но он значительно лучше того пути, которым идет дорога до переезда № 185.

Разветвление, идущее к переезду № 184, имеет своим протяжении от начального момента

разветвления, идущее к переезду № 184, имеет своим продолжением от наивысшего момента разветвления дороги до переезда 2959 средних шагов взрослого человека. На этом направлении дорога в скором времени после разветвления проходит через небольшой ложок с канавкой. Край ложка совершенно пологий. Самое его дно, где проходит дорога, как раз является тем пунктом, от которого начинаются по обе стороны дороги два лесные овражка, обращенные вершинами к дороге и уходящие в лес в стороны от дороги. Уровень дна ложка, где проходит дорога, значительно выше уровня овражков в лесу. Таким образом, этот ложок, через который проходит дорога, никоим образом не может создать препятствий для движения по дороге даже и в ненастное время, так как воды должны стекать из ложка в эти овраги. В дни осмотра, несмотря на сильные дожди, ложок ни разу не наполнялся водой. В сухое время он мало даже заметен при езде по дороге.

Нижний фотографический снимок, находящийся на листе дела 45, передает вид этого ложка. Ложок находится как раз между вторым от зрителя телефонным столбом и группой сосен, занимающих середину пути между раздвоением дороги около этой группы.

По выходе из этого ложка дорога идет, то повышаясь, то понижаясь до большого лога, имеющего местное название Поросятков лог. На этом ее протяжении до Поросяткова лога она проходит через два понижения и три канавки. В дождливое время здесь бывает грязно, но даже не топко. В сухое время эти понижения и канавки совершенно не заметны.

Верхний фотографический снимок на л. д. 46 передает вид дороги в одном из таких понижений.

Большой лог начинается от переезда в расстоянии 864 шагов. При выходе к нему уровень дороги сильно понижается. Самый лог представляет собой лесное сенокосное болото, покрытое местами небольшими кочками с водой. Дойдя до этого лога, дорога сворачивает в сторону и, обходя болото, идет опушкой леса, окаймляющего лог в северо-восточном направлении. В расстоянии 414 шагов от переезда на полотне дороги в наиболее низком по уровню дороги месте, набросан мостик. Он состоит из нескольких сосновых бревешек, толщиной вершка в 3—4, и старых железнодорожных шпал. Шпалы и бревешки положены прямо на полотно дороги.

Нижний снимок на л. д. 46 передает вид этого большого лога, а верхний снимок на л. д. 47 передает вид этого мостика¹⁶.

У переезда № 184 в момент осмотра лежали остатки шпал, совершенно таких же, как и шпалы, из которых набросан этот мостик.

Оба переезда № 184 и № 185 не охраняются и не имеют запоров на заграждениях через переезд. Но около них имеются будки, в которых живут сторожа. Около обоих переездов прибиты надписи, одинакового содержания: “берегись поезда... Переезд не охраняется”. Самые же заграждения-шлагбаумы находятся у этих переездов в таком виде: у переезда № 184 шлагбаумы имеются (их два), но ни один из них не имеет цепей и вообще приспособлений для затвора. У переезда № 185 имеется только один шлагбаум, но и тот поломан.

Нижний фотографический снимок на л. д. 47 передает вид переезда № 185, верхний снимок на л. д. 48 передает вид переезда № 184.

После соединения обоих разветвлений за переездом № 184 Коптяковская дорога идет 70 шагов луговой полянкой, а затем входит в лес, обступаящий ее с обеих сторон.

Нижний фотографический снимок на л. д. 48 передает этот момент соединения разветвлений. В чащу леса уходит “временка”. На левой стороне снимка видна дорога, перешедшая через переезд № 184, а между ними обоими (разветвлениями) идет дорога, здесь, на полянке, отделившаяся от первой и вышедшая на вторую, т. е. соединившая обе. Тут же за видимой на снимке группой леса, находящейся слева от временки, дорога, находящаяся на левой стороне снимка, выходит на временку.

Пройдя лесом на протяжении 53 шагов, дорога снова выходит на небольшую полянку, образованную отхождением леса в западном направлении. С западной стороны за полянкой дорогу окружает березовый лес, с восточной — сосновый.

Верхний фотографический снимок на л. д. 49 передает эту полянку и за ней опушку леса, куда уходит дорога за полянкой.

Пройдя полянкой 168 шагов, дорога входит в лес и идет им на протяжении 115 шагов. Затем уровень почвы заметно понижается, и дорога выходит к мокрому кочковатому лугу, открывающему дорогу в западном направлении. Через этот луг проложена гать, сделанная из бревешек, толщиной в 3—4 вершка.

Все протяжение дороги до гати представляет собой хорошую, удобную дорогу. Сообщение же по гати лишает дорогу этих свойств. Гать положена прямо на полотно дороги. Некоторые из бревешек сгнили, и в таких, преимущественно, местах образовались колдобины и рытвины. Благодаря этому, движение по гати в дождливое время не может представлять удобств, но гать в то же время и не создает никаких непреодолимых препятствий для движения по ней даже в ненастное время в любом экипаже, хотя бы и в автомобиле.

Нижний фотографический снимок на л. д. 49 передает вид этой гати.

Гатью дорога идет 331 шаг. Тут же за гатью уровень почвы повышается и дорога идет на прежнем уровне на протяжении 716 шагов. Ее на этом протяжении с западной стороны окружают удалившиеся несколько от нее лесные покосы, а с восточной стороны — сосновый лес. Путь на этом протяжении дороги хороший, удобный. В расстоянии 566 шагов от гати, с левой стороны от дороги имеется небольшая загородка из сосновых слег, прибитых гвоздями к стволам деревьев. За загородкой в стороне от дороги виднеется пашня, обнесенная слегами, занимающая пространство около 2 десятин, видимо, некогда к этой пашне вела с Коптяковской дороги дорожка-свертка, которую и закрыли этой загородкой.

Пройдя от гати возвышенным местом 716 шагов, дорога спускается в небольшой ложок, которым она идет на протяжении 50 шагов. Уровень почвы в этом ложке довольно низкий, и здесь в ненастное время автомобиль может несколько вязнуть. Но все же путь здесь вполне проходим для автомобиля.

Поднявшись из ложка на прежний уровень, дорога идет, окруженная лесом и с запада и с востока на протяжении 1300 шагов. На всем этом ее протяжении путь вполне хороший.

Через 1300 шагов уровень почвы опять начинает понижаться и дорога выходит на лесную сенокосную полянку, коей она идет на протяжении 218 шагов. В ненастное время дорога в этой ее части должна быть неизбежно грязноватой и несколько вязкой для автомобиля, однако никаких непреодолимых препятствий и в этой части дороги не существует для движения по ней, хотя бы и в автомобиле. На этой полянке имеются две свертки-дороги. Одна из этих сверток идет от дороги в северном направлении и приводит к хутору-заимке крестьянина Зубрицкого, отстоящему от Коптяковской дороги приблизительно в одной версте. Другая же свертка идет от дороги в западном направлении и приводит к открытой большой лесной поляне, имеющей местное название “Красной казармы”. На этой поляне имеется старый заброшенный рудник, отстоящий от Коптяковской дороги приблизительно в 3/4 версты. Здесь на этой лесной поляне имеются остатки жилья для рабочих, представляющие собою стену разобранной избы, и имеется шалаш из тонких сосновых и березовых жердей с земляной крышей. В шалаше имеется печь, около шалаша у самой дорожки, от которой шалаш отстоит в 4-х шагах, имеется старое, видимо, прошлогоднее кострище. В нем ничего, кроме обыкновенных углей, не имеется.

Прилагаемый к акту чертеж отмечает обе дорожки сверток, хутор Зубрицкого и Красную

прилагаемый к акту чертеж отмечает все дорожки-свертки, хутор Зурицкого и красные казармы.

Пройдя сенокосную полянку, дорога опять поднимается и идет, закрытая лесом на протяжении 614 шагов. В этой части дороги путь хороший. На этом протяжении дороги в расстоянии от нее 80 сажен имеется старый заброшенный рудник, видимый и с дороги.

Через 614 шагов дорога выходит на небольшую лесную полянку, образованную отхождением леса в западном от дороги направлении.

На этой полянке в расстоянии от нее 15 шагов стоят два старых сосновых пня. Один из них и до сего времени сохранил двойной ствол двух сосен, росших от одного корня. По преданию, так же две сосны росли и от корней другого пня. Эти четыре уничтоженные сосны назывались “Четырмя братьями”. Название сосен перешло к оставшимся от них пням, а от них и ко всему урочищу вблизи этого места. Пни покрыты надписями, сделанными людьми, видимо, пожелавшими отметить свое здесь пребывание. Из надписей читается одна: “Евгений Смирнов”, вырезанная на одном из пней, видимо, ножом.

Прилагаемый к акту чертеж передает эти сосновые пни.

Против пней по другую сторону дороги и в расстоянии от нее 138 шагов находится в лесу шалаш-землянка. Она, видимо, принадлежит владельцу лесного сенокоса, находящегося как раз в этом месте по другую сторону дороги против Четырех братьев.

Этот шалаш-землянка также отмечается на чертеже, прилагаемом к сему акту.

Верхний фотографический снимок на л. д. 50 передает вид Четырех братьев, а нижний снимок на л. д. 50 передает вид этого шалаша.

В расстоянии 25 шагов от Четырех братьев от Коптяковской дороги отделяется в западном направлении дорога, идущая в северо-западном основном ее направлении. Она кончается выходом на дорогу, идущую из деревни Коптяков к плотине у Исетского озера, и имеет местное название дороги “на плотинку”.

Она отмечается на прилагаемом к акту чертеже.

Верхний фотографический снимок передает общий вид этой дороги, когда она отделяется от Коптяковской дороги в западном направлении — л. д. 51.

Первая дорога-свертка к руднику идет от Коптяковской дороги в расстоянии 574 шагов от Четырех братьев. Она начинается почти под прямым углом к Коптяковской дороге и сразу же входит в чащу молодого осинника, закрывающего дорогу с обеих сторон. Если идти по Коптяковской дороге, эту дорогу-свертку заметишь только тогда, когда поравняешься с ней.

Она отмечается на прилагаемом к акту чертеже.

Нижний фотографический снимок на л. д. 51 передает эту дорогу в тот момент, когда она, свернув с Коптяковской дороги, входит в чащу леса.

В расстоянии 220 шагов от этой первой свертки к руднику идет к нему же вторая свертка, в расстоянии от второй 30 шагов — третья, в расстоянии от третьей 34 шагов — четвертая, в расстоянии от четвертой 112 шагов — пятая. Все эти свертки однообразны и по характеру леса и сами по себе.

Эта часть Коптяковской дороги от Четырех братьев до последней свертки однообразна: путь здесь хороший.

Указанные 4 свертки отмечаются на прилагаемом к акту чертеже.

Верхний фотографический снимок на л. д. 52 передает вид второй от Четырех братьев свертки к руднику в момент ее вхождения в лес в сторону рудника. На снимке видна сосна, мимо которой и идет эта свертка.

Далее, приблизительно около одной с половиной версты, Коптяковская дорога идет в северном от последней свертки к руднику направлении, проходя преимущественно лесными полянами-сенокосами, а затем поворачивает в западном направлении и идет на протяжении приблизительно двух — двух с половиной верст до деревни Коптяков старым сосновым лесом в возрасте приблизительно 100 лет.

На расстоянии $3/4$ версты — 1 версты от пятой свертки к руднику (считая эти свертки от Четырех братьев) Коптяковская дорога выходит к мокрому кочковатому сенокосному лугу с проложенной через него гатью. Этот луг носит местное название “большого покоса”.

Луг этот отмечается на прилагаемом к чертежу акте.

Дорога “на плотинку”, уйдя от Четырех братьев, почти тут же входит в область лесных сенокосных полей. В расстоянии 560 шагов от Четырех братьев в области этих сенокосных полей, от дороги “на плотинку” отделяется в западном направлении тропа, идущая в северо-западном направлении и скоро переходящая в глухую лесную дорожку, видимо, обслуживающую сенокосы.

Дорога “на плотинку”, после отделения от нее тропы-дорожки, скоро удаляется от сенокосных полей и входит в молодой лес, в возрасте 30—40 лет, обступающий ее с обеих сторон и преимущественно в восточном направлении. Этим лесом дорога “на плотинку” идет на протяжении 600 шагов. В этот момент она идет, образуя с Коптяковской дорогой острый угол, имея от себя рудник, к которому повели с Коптяковской дороги пять описанных свертков в северо-восточном направлении, так что рудник находится как раз между двумя дорогами: Коптяковской дорогой и дорогой “на плотинку”, причем как от той, так и от другой он закрыт чащей леса и совершенно не заметен с этих дорог.

Далее, то выходя в область сенокосов, то уходя в лес, дорога идет, имея от себя рудник в юго-восточном направлении, и выходит к большому лугу с проложенной через него гатью, имеющей местное название Березовая стлань. Этот луг есть часть урочища Большой покос, через который проложена гать на Коптяковской дороге, протянувшегося от Коптяковской дороги в юго-западном направлении. Далее дорога “на плотинку” уходит в северо-западном направлении и кончается у дороги из Коптяков к плотине у Исетского озера.

Эта дорога “на плотинку” отмечается на прилагаемом к акту чертеже, на коем также отмечается и урочище Березовая стлань.

Отделившаяся от нее тропа-дорожка идет сенокосными полянами. В расстоянии 110 шагов от ее начала, у самой почти тропы, в старых соснах обнаружено старое, не ранее 1918 года, кострище, круглой формы, имеющее в диаметре около $1\frac{1}{4}$ аршина. Около кострища вбиты колышки, видимо, для кипячения воды на огне.

Нижний снимок на л. д. 52 передает общий вид этого места с кострищем, обозначенным красными чернилами.

Далее, эта тропа, перейдя уже в дорожку, идет сенокосными полянами в северо-западном направлении и параллельно дорожке “на плотинку”. В расстоянии 480 шагов от описанного кострища вблизи тропы находятся два шалаша, выстроенные из хвороста и тонких слег, покрытые старым сеном. Шалаша древнего происхождения и обслуживают, видимо, пухляки

покрытые старым сеном. шалаши давнего происхождения и обслуживают, видимо, нужды крестьян при уборке сена. Около этих шалашей местами валяются скорлупы от яиц.

Через 1160 шагов от этих шалашей вблизи тропы в старых соснах имеется старое кострище.

Пройдя сенокосами некоторое расстояние, тропа-дорожка начинает убывать от лугов в сторону леса. На расстоянии 600 шагов по тропе от последнего кострища в восточном от тропы направлении в сосновой вырубке сгоревшего лесного участка имеются два старых шалаша. Они находятся на возвышенном месте: бугорке и представляют собой прекрасный наблюдательный пункт за окружающей местностью и, в частности, за сенокосными местами. Отсюда тропа-дорожка круто уходит в лес в восточном направлении и через 650 шагов от шалашей выходит на дорогу “на плотинку”, почти у самой березовой стлани.

Эта тропа-дорожка с кострами и шалашами на ней и вблизи нее отмечается на прилагаемом к акту чертеже.

Первая дорога, идущая с Коптяковской дороги к руднику, пройдя чащей леса 159 шагов, выходит на небольшую лесную полянку. Как раз на самом полотне дорожки на этой полянке имеется старая круглой формы яма, не глубокая, препятствующая дальнейшему следованию по полотну дорожки. По обеим сторонам этой ямы идут две колеи дорожки, обходящей яму с обеих сторон. Колея обоих обхождений достаточно широкая для проезда хотя бы и в автомобиле. Но колея, идущая от ямы в северо-восточном направлении, идет по самому гребню ямы и имеет след как бы срыва колеса экипажа или автомобиля на гребне ямы. В яме на расстоянии одного аршина от этого срыва и концом к нему лежит старое сосновое бревно, длиной 6 аршин и толщиной 6 вершков. Конец его, обращенный к дну ямы, трухлявый. Он несколько расщеплен, видимо, от удара. Другой же конец бревна, обращенный к срыву, имеет следы как будто бы нажима на дерево частей автомобиля. Таких следов на конце бревна — 7, причем на дне самого крайнего к концу бревна нажима имеется полоска беловатой массы, как будто бы напоминающей своим видом тонкий слой резины, расплавившейся на дереве под действием лучей солнца. В расстоянии 10 шагов от этой ямы лежат на лужайке два других сосновых бревна, а рядом с ними усматривается в земле некоторое вдавление и примятость старой прошлогодней травы по длине и форме этого лежащего в яме бревна.

Впечатление, получаемое от осмотра этой местности то, что здесь проходил какой-то экипаж на широком ходу. Его колесо слегка сорвалось по гребню ямы, и экипаж поднимался при помощи бревна, лежащего в 10 шагах от места срыва¹⁷. Обращают на себя внимание еще два молодых сосновых деревца: они находятся как раз против срыва и в непосредственной близости к одной колее этого следа, обходящего яму, ближайшей к лесу: оба эти деревца, как это явственно видно, подрублены выше корня топором и повалены в сторону от колеи по направлению к лесу, видимо, для того, чтобы экипаж шел дальше, не задевая за эти деревца.

Верхний снимок на л. д. 53 передает вид этой ямы, срыва, колеи и бревна, лежащего на дне ямы и обращенного концом, где имеются нажимы, к срыву.

В расстоянии трех шагов от этой ямы имеется старое кострище, круглой формы в диаметре 1 1/4 аршин. Около него молодая, тонкая, сломленная сосенка. Костер этот обращает на себя внимание в сравнении со всеми другими, встречавшимися при осмотре ранее, в том отношении, что в кострище имеются обуглившиеся деревянные части, мало напоминающие действие на них огня. Ткань некоторых из сосновых частей дерева, нося изменение от ожогов, цела. Создается впечатление, что как будто бы здесь в этом кострище части дерева подвергались действию не огня, а каких-либо кислот. В непосредственной близости с кострищем лес несколько отодвинулся в сторону и образовал небольшую лесную полянку в несколько шагов, как бы открывая возможность бросить сюда из костра некоторые предметы. При обследовании этой полянки под прошлогодней упавшей травой найдено 5 сосновых палочек, имеющих совершенно такие же ожоги, как и встречающиеся сосновые части в самом кострище¹⁸.

Нижний фотографический снимок на л. д. 53 передает вид этого кострища.

В дальнейшем продолжении дорожки в восточном от нее направлении идет от самой дорожки небольшая лесная полянка. На ней у опушки леса стоит старый сосновый пенёк, единственный в данном месте и весьма удобный для сидения. Он отстоит от дороги в 8 шагах.

Верхний снимок на л. д. 54 передает вид этой полянки и соснового пня на ней. Фигура военного отмечает нахождение этого пня.

В дальнейшем следовании дорожка выходит через 53 шага на небольшую довольно лесную поляну. На этой поляне к востоку от дорожки явственно видны остатки бывшего здесь некогда жилья для рабочих во время разработки рудника. В северном направлении площадки уцелели и остатки бани.

Нижний фотографический снимок на л. д. 54 передает вид этой поляны. Человек в штатском стоит на дорожке, которая вышла на полянку от полянки с сосновым пнем.

Почти против места нахождения бывшего барака в западном направлении находится та самая шахта, которая описывается судебным следователем по важнейшим делам Наметкиным в акте его от 17—30 июля 1918 года (л. д. 5 том 1-й)¹⁹. Дорожка идет далее этой шахты, проходит к Ганиной яме, идет за нее в северо-западном направлении и теряется в лугах, окружающих Ганину яму в северо-восточном, северном и северо-западном направлениях.

Три свертки с Коптяковской дороги (вторая, третья и четвертая от Четырех братьев) почти тут же свертываются в одну и снова разделяются на две, причем одна идет к Ганиной яме и выходит на самую первую от Четырех братьев свертку у Ганиной ямы, пройдя от Коптяковской дороги расстояние в 140 шагов до Ганиной ямы. Другая выходит на ту же первую свертку против как раз шахты, идет мимо нее и теряется далее в лесу в северо-западном направлении.

На этой дорожке имеется старая береза, находящаяся от шахты в расстоянии 26 шагов.

Пятая свертка к руднику от Коптяковской дороги идет в юго-западном направлении, проходит мимо Ганиной ямы, пересекает ту дорожку, вблизи которой растет старая береза, и выходит на дорожку, идущую к плотинке.

Верхний фотографический снимок на л. д. 55 передает выход пятой от Четырех братьев свертки с Коптяковской дороги к Ганиной яме. На выходе свертки к Ганиной яме стоит солдат.

Нижний фотографический снимок на л. д. 55 передает пересечение пятой свертки с Коптяковской дороги с той дорожкой, которая, пройдя мимо старой березы, пересекает пятую свертку. Человек в военной форме стоит на этой дорожке, которая прошла мимо березы и выходит на пятую свертку. На пятой свертке ближе к дорожке “на плотинку” стоит человек в штатском.

Верхний фотографический снимок на л. д. 56 передает выход пятой свертки на дорожку к плотинке. Человек в штатском стоит на свертке, человек в военной форме стоит на дорожке к плотинке.

Все пять сверток, яма с бревном на первой из них, шахта, Ганина яма, направление сверток, проходящих по руднику, отмечаются на прилагаемом к чертежу акте.

Шахта, описанная судебным следователем по важнейшим делам Наметкиным в акте его от 17—30 июля 1918 года (л. д. 5 том 1-й), представляет собой идущее под землю в перпендикулярной плоскости к поверхности земли углубление²⁰. Стенки этого углубления ровные. Они выложены срубом из круглых бревешек, толщиной 3—4 вершка, и, кроме того, самое углубление переполнено внутренней стенкой из таких же бревешек идущей также в перпендикулярной

перестроены из треснувших стенок из таких же бревешек, идущих также в перпендикулярной плоскости к поверхности земли, на два отделения. Таким образом, шахта представляет собой два глубоких колодца с деревянными срубами, имеющие одну общую стенку из таких же бревешек, как и три остальные стенки у каждого колодца, причем каждый из колодцев имеет квадратную

форму. Верхние бревешки сруба в обоих колодцах, видимо, положены недавно: они новые в сравнении с нижними бревешками. Кроме того, на стенках срубов лежат доски и бревна, составляющие потолок над шахтой, стоя на котором, можно обозревать состояние шахты. Она также обнесена загородкой из тонких слег.

Размеры обоих колодцев различны: один больше, другой меньше. Большой, находящийся в западном направлении от общей стенки колодца, имеет в квадрате 1 метр 85 сантиметров, меньший, находящийся в восточном направлении от общей стенки, имеет в квадрате 1 метр 23 сантиметра.

Как можно заключить из общего осмотра этой шахты, большой колодец, видимо, служил для спуска людей в шахту и для добывания руды: в боковые его стенки вбиты железные скобы, расположенные одна под другой для спуска в колодец; внизу видна деревянная полка, на которую может вставать человек, спустившийся до известной глубины. Малый же колодец служил, видимо, для постановки в нем машин при откачивании воды из шахты во время работ на ней. Уровень воды в обоих колодцах стоит от поверхности земли на $2\frac{1}{2}$ сажени. Шест, опущенный в большой колодец, идет под водой на 1 аршин и упирается в слой льда; этот слой льда пробивается без особых затруднений, и шест идет дальше снова под водой на глубине 2 сажень 1 фута 9 дюймов. Дальше шест не идет в большом колодце, упираясь во что-то твердое, на ощупь трудно определимое. Опущенный в малый колодец шест идет под водой на глубине 1 аршина и упирается в толстый слой льда, которого он не пробивает. Разрушений на стенках обоих колодцев шахты не замечается никаких. Трудно определить, не откачав воду из шахты, действительно ли стенки ее подверглись действию разрыва гранат.

В непосредственной близости с шахтой в расстоянии от нее не более одного шага, идет насыпанная глиняная площадка, расположенная от шахты в юго-восточном, восточном, северо-восточном, северном и северо-западном направлениях. Площадка эта состоит из глины, насыпанной прямо на дерн площадки. Высота ее над уровнем площадки $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ аршина. Эта площадка давнего происхождения и, видимо, была насыпана при разработке шахты. На этой глиняной площадке в северном от шахты направлении, на самом ее почти гребне, в расстоянии от шахты 8 метров 34 сантиметров и находится то кострище, где был найден крестьянами деревни Коптяков Кульмский крест и другие вещи Августейшей Семьи²¹.

Признаки кострища заметны. Оно имеет почти круглую форму, в диаметре 1 метр. В нем имеются в весьма малом количестве угольки, происхождение коих определить затруднительно. Возможно, что и они имеют сходство с угольками в кострище, что находится у ямы с бревном на первой свертке к руднику от Коптяковской дороги.

Тут же за откосом этой площадки почти в южном направлении имеется старая яма или шурф, покрытая травой, на дне которой валяются трубы от насосов, при помощи которых, видимо, выкачивалась вода из шахты.

Нижний фотографический снимок на л. д. 56 передает вид описанной открытой шахты. На снимке видна настилка над стенками шахты и загородка вокруг колодцев. К лесу идет на снимке полянка (восточное направление), где была казарма рабочих. К этой полянке обращен малый колодец шахты, в противоположную сторону к молодой березке у самой стенки шахты (западное направление) обращен большой колодец. За шахтой видна глиняная площадка, очерченная красными чернилами, и откосы ее, обращенные к колодцам шахты. С правой стороны шахты, как смотрит зритель, виден откос ямы, на дне которой лежат трубы насосов.

Верхний снимок на л. д. 57 передает вид кострища на глиняной площадке вблизи шахты, где был

найден Кульмский крест и другие вещи Августейшей Семьи. С костром как раз граничит заметная на снимке тень человека, сидящего перед костром²².

Описанная выше старая береза, мимо которой идет по руднику дорожка с коптяковских сверток, и есть та береза, где была надпись “Фесенко”. Зарубка, на которой была сделана эта надпись, сохранилась. Надпись же стерта. На этой дорожке в расстоянии 2 шагов от костра на глиняной площадке около шахты находится другой костер, где был найден большой бриллиантовый камень Государыни Императрицы²³ и другие вещи. Признаки этого кострища сохранились и границы его определяются довольно ясно. Это кострище больше того, что находится на глиняной площадке у шахты. Оно круглой формы, занимает площадь, выходящую за колеи дороги, и имеет в диаметре 3 метра. В нем не найдено угольков. Имеются лишь в составе почвы мелкие предметы, как бы напоминающие угольки.

Нижний фотографический снимок на л. д. 57 передает вид березы, около которой расположено это кострище, и самый вид последнего, границы коего определяются с трех сторон фигурами троих стоящих вокруг него людей. Ганина яма отстоит от описанной открытой шахты в 155 шагах. Это небольшое круглое озеро, наполненное водой, с пологими довольно берегами. Ее окружность по берегу (2 ?г) составляет 120 шагов.

Ганина яма отмечается на прилагаемом к акту чертеже.

Верхний снимок на л. д. 58 передает вид ее.

Общее состояние рудника в местности, где находится описанная выше открытая шахта, представляется в таком виде.

Одна группа разработок идет в северо-западном направлении от описанной шахты по направлению к Ганиной яме и кончается у этой ямы. Трудно определить без производства раскопок, что представляют собой эти разработки: поверхностные ли шупы, изыскания руды, или шурфы, или старые, обвалившиеся естественно или заваленные искусственно, обложенные дерном и покрытые (некоторые) хворостом шахты. В этом направлении таких разработок насчитывается около 21.

Другая группа разработок находится по другую сторону дорожки от шахты, каковая дорожка идет первой от Четырех братьев с Коптяковской дороги. Эти разработки идут от шахты в северном, северо-восточном, восточном, юго-восточном направлениях и представляются в таком же виде, как и разработки первого рода. Их насчитывается, приблизительно, около 33.

Нижний и верхний снимки на л. д. 58—59 передают вид двух из разработок второго рода, ближайших к описанной открытой шахте в восточном направлении.

Третью группу разработок представляет разработка описанной открытой шахты и других, идущих за ней. Разработка этой шахты идет на юг и проходит под землей как раз там, где на снимке (нижний фотографический снимок на л. д. 56) около шахты видна молодая сосенка. Потолок разработки имеет обвалы. Их можно насчитать три. Первый в 15 шагах от шахты, второй — в 20 шагах и третий — в 35 шагах.

Нижний снимок на л. д. 59 передает общий вид разработки от открытой шахты.

На расстоянии 69 шагов от шахты по дну разработки идет площадка, имеющая в длину 16 и в ширину 11 шагов. Она очень мало покрыта травой и рыхла. В нее значительно уходит на значительную глубину шест. Как будто бы в этом месте насыпана над чем-то глина.

Верхний снимок на л. д. 60 передает вид разработки и площадку, только что описанную.

Можно предположить, что здесь кончается разработка описанной открытой шахты и дальше идет

можно предположить, что здесь кончается разработка описанной открытой шахты и дальше идет разработка уже от другой шахты, причем эта последняя разработка идет навстречу разработок от описанной открытой шахты.

Бросается в глаза левый берег этой второй (новой) разработки. Он значительно осыпан на протяжении 61 шага, и его обвалы не покрыты глиной.

Нижний фотографический снимок на л. д. 60 передает вид этого обвала.

Вторая разработка кончается у старой обвалившейся или обваленной шахты, от которой валяются и видны некоторые деревянные части ее сооружения.

Верхний фотографический снимок на л. д. 61 передает вид этой шахты.

В расстоянии 3 шагов от этой обвалившейся или обваленной шахты имеется в восточном ее направлении другая, имеющая такой же вид. Обе эти шахты очень близко расположены к дороге, где имеется яма с бревном. Одна из них отстоит в расстоянии 5, другая в расстоянии 8 шагов от этой дорожки.

Далее, в южном направлении идет множество других разработок, занимающих к югу протяжение не менее 250 сажен.

При осмотре описанной местности таковая, по возможности, тщательно исследовалась. При исследовании ее были найдены следующие предметы, обратившие на себя внимание.

а) При исследовании местности в районе Красной казармы были найдены на поляне прибитыми к земле: 1) пара мужских замшевых перчаток и 2) бумажная подкладка для картуза, свернутая в полоску из газеты, каковые предметы были найдены 23 мая*;

б) При исследовании кострищ, находящихся вблизи тропы, идущей от дороги “на плотинку” к березовой стланке, в самих кострищах ничего не найдено. Вблизи же первого из сих костров, изображенного на фотографическом снимке (л. д. 52), 23 мая найдено: 1) вблизи самого костра длинная железная пластинка, представляющая собой или тонкий обруч от бочки, или же железную обшивку от деревянного ящика; 2) также вблизи самого костра замятый в землю осколок от разбитой чашки или тарелочки; 3) также вблизи самого костра верхняя половинка бумажной коробочки от зубного порошка; 4) в расстоянии 5 шагов от кострища в юго-западном направлении дамский шнуровой ботинок, лежавший каблуком вверх и несколько слившийся с поверхностью земли; 5) в том же расстоянии от костра тонкий, длинный кусок какой-то материи, видимо, от женского костюма; 6) в расстоянии 25—40 шагов от кострища ближе к лесу под прошлогодними листьями и травой 4 обрывка советских газет. Из этого кострища взята средняя проба земли для исследования ее.

в) При исследовании кострища около ямы с бревном 23 мая было найдено: 1) около самого кострища небольшая железная пластинка, 2) в расстоянии от кострища 4 шагов вдоль дорожки толстый обрывок веревки, 3) вблизи кострища 5 сосновых палочек, как уже указано выше, 4) в самом кострище несколько кусочков слоев сосновых палочек, напоминающих по цвету слои на пяти указанных палочках.

Из этого кострища взята также средняя проба земли для исследования ее.

От бревна у ямы был отрезан один конец со следами нажимов на нем и полоской на одном из них.

г) При исследовании полянки с пнем, изображенной на фотографическом снимке, находящемся на л. д. 54, 24 мая было найдено: 1) под прошлогодними листьями и травой в двух местах вблизи пня несколько скомканных листиков из какой-то медицинской книжки и один листик из книжки или газеты, 2) под такими же листьями и травой 12 обрывков советских газет, 3) вблизи пня под

или газеты, 2) под такими же листьями и травой 12 обрывков советских газет, 3) вблизи пня под такими же листьями и травой два обрывка газеты на немецком языке, 4) также вблизи пня под такими же листьями и травой большевистская переписка, писанная карандашом, 5) вблизи пня под листьями и травой яичная скорлупа.

д) При исследовании полянки вблизи открытой шахты, изображенной на фотографических снимках, находящихся на л. д. 54—56, найдены примятыми к земле: 1) на дорожке через полянку у шахты (первая свертка от Четырех братьев, идущая к руднику) между полянкой с пнем, где имели место все находения вещей, поименованные в предыдущем пункте, и самой полянкой, где находится открытая шахта, 24 мая кусочек белой материи, видимо, от мужского или женского белья, клочок материи защитного цвета с привязанной к нему тесемочкой серого цвета; на самой полянке вблизи глиняной площадки у открытой шахты 25 мая: 2) обрывок советской газеты, 3) оболочка от четвертки табака фирмы Шапошникова с советской этикеткой, 4) 4 осколка от чайной чашки, 6 осколков от чайного блюдца, 2 полуразбитых чайных стакана и осколки третьего стакана.

е) При исследовании места вокруг костра, находящегося на глиняной площадке, изображенного на снимке на л. д. 57, найдены: 25 мая: 1) в северо-западном направлении от кострища по склону старого шурфа или ямы три кусочка обгорелого сукна или войлока от обуви и одна кость от дамского корсета, 2) на глиняной площадке затоптанными в верхние слои глины кусочки какой-то одежды, сплошь покрытые глиной, так что ни цвета, ни качества их видеть нельзя; 26 мая: 3) на склоне того же шурфа или ямы свыше 30 кусочков какого-то обгорелого предмета с кусочками сохранившейся местами материи и гвоздиками, 4) на склоне того же шурфа или ямы пять обгорелых костей дамского корсета и одна тонкая железная проволока в виде ленты, также обгорелая, 5) на глиняной площадке вблизи костра винтовочный патрон, 6) там же осколки от зеленого флакона, 7) там же 14 осколочков какого-то разбитого глиняного или гипсового предмета, 8) там же 4 осколка толстого стекла, 9) там же 13 обгорелых косточек млекопитающего, 10) там же один осколок аметиста.

Природу костей не представляется возможным определить без научного исследования. Все указанные предметы были найдены втоптаннными в верхние наружные слои на глиняной площадке или же под прошлогодними листьями и травой по склонам шурфа или ямы.

ж) При исследовании кострища у старой березы, изображенного на фотографическом снимке, находящемся на л. д. 57, обнаружено 26 мая: 1) несколько кусочков какой-то обгорелой материи, 2) одна металлическая обгорелая застежка, видимо, от корсетных подвязок, 3) две обгорелые пуговицы, 4) шесть кнопок, 5) одно обгорелое металлическое колечко, 6) обгорелый крючок, 7) несколько кусочков от обгоревших, видимо, корсетных планшетонок и один металлический угольничек от такой планшетки. Все найденные в этом месте предметы были обнаружены в самом кострище.

з) При исследовании глиняной площадки, на которой находится кострище, обозначенное на фотографическом снимке, находящемся на л. д. 57, в верхних слоях глины втоптаннными в площадку найдены следующие предметы: 25 мая: 1) один винтовочный патрон, 2) два патрона от револьвера, 3) оболочка от пули без свинца, 4) девять кусочков свинца, 26 мая: 5) пять топазных бус с двумя осколочками с них, 6) один рубин и рядом с ним два маленьких осколочка белого стекла, 7) семь осколочков, видимо, от белого хрустального флакона, 8) одна пуговица, 9) несколько кусочков рассыпающихся при дотрагивании, видимо, свинцовой бумаги, 10) два зеленых осколка от флакона, на одном из которых уцелели остатки надписи на английском языке, указывающей, видимо, то вещество, которое было во флаконе, 11) три осколочка белого стекла; 27 мая: 12) две револьверных пули, найденные в непосредственной близости одна от другой, причем одна из них сплющена, и, как будто, имеет признаки крови, 13) одна большая петля, видимо, от мужского костюма, 14) три пуговицы, 15) один маленький гвоздик, 16) один осколок толстого стекла желтого цвета, 17) 22 осколка белого стекла и 1 весьма маленький кусочек, как будто бы, слюды; 18) шесть топазных бус, 19) два бриллиантовых камня, 20) тонкая золотая цепочка, видимо, от дамского браслета, 21) 11 жемчужинок круглых, 22) два

топсовая золотая цепочка, видимо, от дамского браслета, 21) 11 жемчужинки круглых, 22) две маленьких, видимо, топазных бусинки, 23) два осколка от жемчужины, 24) два осколка сапфира, 25) один осколок рубина, 26) две части какого-то золотого украшения, 27) 11 осколков изумруда, 28) один кусочек серебра или платины; 28 мая: 29) два небольших гвоздя, 30) два фестона от обуви или корсета, 31) одна петля, 32) одна пуговица, 33) часть какого-то драгоценного украшения, представляющая собой обломок зеленого серебра или платины с 4 бриллиантовыми камнями, 34) два маленьких кусочка белого стекла, 35) два кусочка эмали, 36) один кусочек, видимо, слюды; 1-го июня: 37) два осколочка какой-то кости млекопитающего, сильно обгорелые, 38) одна круглая малая жемчужина, 39) один маленький обрывок тоненькой золотой цепочки, видимо, от дамского браслета, 40) один обломок какого-то золотого украшения, 41) один маленький квадратной формы обгорелый кусочек, видимо, серебра или другого белого металла, 42) два обгорелых кусочка черно-фиолетового цвета, трудно определяемые без специального исследования, 43) один металлический крючок, 44) одна металлическая петелька, 45) семь осколочков белого стекла, 46) шесть осколков зеленого цвета, видимо, от флакона, 47) один осколочек темно-желтого цвета, видимо, от флакона, 48) два обгорелых кусочка какой-то кости млекопитающего, 49) на той же площадке, но в другом месте ее 13 кусочков каких-то костей млекопитающего, видимо, обгорелые; 50) одна обгорелая пуговица от дамского пальто, 51) свыше 10 каких-то обгорелых предметов, видимо, или обуви или же другого какого-либо предмета от костюма, 52) три кусочка материи темно-зеленого цвета, 53) один небольшой гвоздик, 54) один кусочек стекла зеленого цвета, видимо, от флакона, и 55) одна пуговица;

и) 1-го июня в кострище около старой березы были еще найдены следующие предметы: 1) одна обгорелая петля и 2) маленькая кнопочка, видимо, от обуви;

к) При обследовании верхних видимых частей шахты открытой на крепи ее 26 мая найдены 15 кусочков красной парафиновой свечи;

л) При обследовании ямы около открытой шахты, на дне которой лежат трубы насоса, изображенной на фотографическом снимке, находящемся на л. д. 56, на склоне ее 27 мая найдены: 1) золотая оправа от пенсне, стекла которого не имеют оправы (видимо, Боткина), и 2) шнурок, видимо, от пенсне, сильно замазанный глиной;

м) При обследовании местности около самой открытой шахты (между глиняной площадкой и открытой шахтой), в непосредственной близости с шахтой 4-го июня были найдены: 1) пять осколков желтого стекла, 2) два осколочка белого стекла, 3) один кусочек красной парафиновой свечи, 4) две части ручной гранаты;

н) При обследовании дорожек в западном направлении от рудника 5 июня на пересечении пятой свертки от Коптяков к руднику и дорожки на плотинку найден обрывок советской газеты;

о) 5-го июня снова между открытой шахтой и глиняной площадкой было найдено пять осколков тонкого белого стекла;

п) 7-го июня вблизи пересечения пятой свертки с Коптяковской дороги к руднику и дорожки на плотинку в лесу найден обрывок советской газеты;

р) 13 июня вблизи Ганиной ямы найдены 2 части ручной гранаты;

с) 17-го июня в старой яме, на дне которой лежат трубы от насоса вблизи открытой шахты, какова яма изображена на фотографическом снимке, находящемся на л. д. 56, найден флакон с английскими солями, в совершенно исправном виде.

Более никаких предметов в описанном районе при наружном осмотре такого и розысках не усмотрено.

Из кострища около открытой шахты (этот костер изображен на фотографическом снимке,

находящемся на л. д. 57) и около старой березы, на которой была надпись Фесенко (этот костер изображен на фотографическом снимке, находящемся на л. д. 57), взята средняя проба земли для производства исследований.

Общий осмотр всей описанной местности дает основание признать, как наиболее вероятные, при настоящем положении предварительного следствия, следующие обстоятельства:

1) Дорога от города Екатеринбурга до рудника и даже до самой открытой шахты не может встретить никаких препятствий к доставлению сюда трупов, хотя бы и в автомобиле; автомобиль может по этой дороге в дождливое время или тогда, когда лесные ложи несколько сыроваты, вязнуть по ложбинам и должен следовать тихим ходом в некоторых местах дороги, но таковая в общем ее протяжении везде для него проходима.

2) Описанный рудник, где имеется открытая шахта, является наиболее глухим из всех имеющихся в данной местности. В сравнении с ним рудник у Красной казармы и рудник вблизи Коптяковской дороги слишком открыты, так как первый находится на открытой местности, а второй — вблизи большой Коптяковской дороги, с которой он даже видим. Описанный же рудник совершенно исключителен в этом отношении. С одной стороны, он является глухим, т. е. наиболее удаленным от железной дороги, и совершенно закрытым со стороны дорог лесом, а, с другой стороны, к нему близко подходят и сам он покрыт хорошо проезжими дорожками.

3) Его положение и расположение дорожек таково, что он весьма удобно может быть оцеплен заградительными кордонами: со стороны Коптяков и железной дороги по Коптяковской дороге, а со стороны сенокосных мест по тропе, где были усмотрены кострища.

4) Определить возможное местонахождение трупов Августейшей Семьи при наружном осмотре данной местности или частей сих трупов, буде самые трупы расчленились и уничтожались, не представляется возможным²⁴. Таких мест в данной местности слишком много и для правильного разрешения этой задачи необходимо планомерное производство работ по раскрытию старых шурфов, шахт и других мест, внушающих некоторые в сем отношении подозрения.

Волей господина Верховного правителя, лично объявленной 3 июня сего года господином Верховным правителем судебному следователю, производство сих работ возложено на генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса в согласии с данными предварительного следствия.

Судебный следователь Н. Соколов

Генерал-лейтенант Дитерихс

Прокурор Екатеринбургского окружного суда В. Иорданский

Поняты: 1) потомственный дворянин поручик Борис Владимирович Молоствов; 2) личный почетный гражданин Андрей Петрович Куликов

При осмотре присутствовали и вышепоименованные вещи обнаруживали:

Генерал-майор Сергей Алексеевич Домонтович,

Инженер Виктор Янович Пржездзецкий,

Дворянин поручик Павел Яковлевич Начаров,

Великобританский подданный Роберт Альфредович Вильтон

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

Генерал-лейтенант Дитерихс М. К. Письмо Верховному правителю Колчаку А. В., 6 мая 1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 25—26. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Сов(ершенно) секретно

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

М. К. ДИТЕРИХС

6 мая 1919 г.

№ 39

Его высокопревосходительству

Верховному правителю

(А. В. Колчаку)

В настоящее время следствие по делу об убийстве в г. Екатеринбурге б(ывшей) Царской Семьи направляет свои усилия в сторону выяснения обстоятельств вывоза трупов и места, куда трупы были сокрыты. Для установления этих данных предстоит направить работы в двух направлениях: одно, являющееся основным следственным, разыскание и опрос лиц, так или иначе причастных к делу и проживающих в пределах нами занимаемой территории; другое, являющееся побочным, вспомогательным — разведка лиц, причастных к делу, но находящихся в пределах, еще занятых большевиками, и выяснения от них необходимых данных до оставления ими пределов России и работа по методическим археологическим раскопкам в районе, наиболее вероятном, где главари дела могли скрыть трупы.

Работы по второму пути еще не были организованы за отсутствием для этого необходимых средств.

Между тем время не терпит: с приближением наших войск к центру России руководители убийства б(ывшей) Царской Семьи постараются исчезнуть заблаговременно из пределов России, почему необходимо установить за ними надзор уже теперь и агентурным путем постараться выяснить от них необходимые данные.

С другой стороны — земля уже оттаяла и является возможность приступить к необходимым раскопкам.

Вашему высокопревосходительству благоугодно было возложить на меня сбор вещей и документов, принадлежавших б(ывшей) Царской Семье. Не благоугодно ли будет возложить также на меня организацию агентурной разведки и работ по необходимым раскопкам. Обе работы будут вестись в согласии со следственными властями.

Для производства названных работ и разведки необходимо ассигновать в мое распоряжение по пятьдесят тысяч ежемесячно, с представлением денежной отчетности непосредственно Вашему высокопревосходительству.

Генерал-лейтенант Дитерихс

Генерал-лейтенант Дитерихс М. К. Письмо Верховному правителю Колчаку А. В. 28 апреля

...сторона дела придает убийству б(ывшей) Царской Семьи совершенно исключительное по исторической важности значение, а, вместе с тем, побуждает принимать и все зависящие меры в целях обеспечения следствию выяснить все обстоятельства злодеяния, а равно и в целях ограждения уже теперь памятников события для нашего потомства.
1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 24—25. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Сов(ершенно) секретно

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

М. К. ДИТЕРИХС

28 апреля 1919 г.

№ 37

Его высокопревосходительству

А. В. Колчаку

Верховному правителю

Ваше высокопревосходительство Александр Васильевич.

Представляю при сем на Ваше благоусмотрение отношение ко мне судебного следователя Н. А. Соколова, за № 73*.

Убийство членов б(ывшей) Царской Семьи в доме Ипатьева устанавливается следствием безусловно. Мне, лично, на основании изучения всей совокупности обстоятельств: предшествовавших убийству, характера самого убийства и, особенно, сокрытия следов преступления — вполне обрисовывается, что руководство этим злодеянием исходило не из русского ума, не из русской среды.

Эта сторона дела придает убийству б(ывшей) Царской Семьи совершенно исключительное по исторической важности значение, а, вместе с тем, побуждает принимать и все зависящие меры в целях обеспечения следствию выяснить все обстоятельства злодеяния, а равно и в целях ограждения уже теперь памятников события для нашего потомства.

В силу сего позволяю себе просить Ваше высокопревосходительство издать постановления:

- 1) об отчуждении владения г. Ипатьева в собственность государства, с уплатой владельцу стоимости по оценке особой комиссией из представителей города, суда, контроля и Вашего представителя;
- 2) о возложении на городское управление обязанности охраны этого владения, как памятника и
- 3) об избавлении владения от какого-либо постоя и реквизиции военными и гражданскими властями. Это последнее желательно было бы провести теперь же, не дожидаясь разрешения дела по первым двум пунктам.

Приложение: отношение судебного следователя Н. А. Соколова за № 73.

Вашего высокопревосходительства покорный слуга и глубоко Вас уважающий Мих. Дитерихс

Судебный следователь по особо важным делам округа Омского окружного суда Соколов Н. А. Письмо генерал-лейтенанту Дитерихсу М. К., 27 апреля 1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 22—24. — (Российский Архив: История Отечества в

свидетельствах и документах XVIII—XX вв; [Т.] VIII).

Секретно

М. Ю.

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

по

ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ

при

Омском Окружном Суде

Н. А. СОКОЛОВ

27 апреля дня 1919 г.

№ 73

Екатеринбург

Господину генерал-лейтенанту

Дитерихсу

Мной окончен осмотр дома Ипатьева, где пала жертвой неслыханного злодеяния Августейшая Семья.

Вашему превосходительству достаточно известны те обстоятельства, при которых протекали первые следственные действия по этому делу, имевшие место в течение 1918 года, и та совокупность фактов, которая устанавливается следственными действиями в настоящий момент.

Виновные совершенного над Августейшей Семейю злодеяния, как это почти всегда бывает при каждом убийстве, оставили после себя в самом доме многочисленные следы, уже и теперь в значительной степени выясняющие виновность некоторых из них и несомненно заслуживающие самого серьезного к себе отношения со стороны следственной власти в дальнейшем.

Эти, оставленные после себя убийцами “следы”, выражающиеся во вне в надписях, не только указывают определенных лиц, но и создают самый “план” работы следователя в некоторых направлениях, как например, одна из надписей на террасе⁷. Объяснение обвиняемого Филиппа Проскурякова уже теперь обязывает следственную власть оперировать в дальнейшем обязательными допросами подлежащих задержанию в дальнейшем лиц на месте убийства: в доме Ипатьева. (выделено Соколовым — Л. Л.).

В частности, это является необходимым уже по одному тому, что первоначальные следственные действия по осмотру дома Ипатьева нельзя признать исчерпывающими не только все, но даже некоторые существенные обстоятельства. Как Ваше превосходительство и сами могли убедиться на месте осмотра дома Ипатьева, даже такой совершенно необходимый для установления обстоятельств дела факт, как уборка трупов, является, при настоящем положении дела, фактом, вовсе не столь ясным. Я готов был бы признать данное члену суда Сергееву объяснение обвиняемого Павла Медведева⁸ согласным с обстоятельствами дела и, в частности, с объяснением, данным мне по этому вопросу обвиняемым Филиппом Проскуряковым⁹, если бы не существовало другого факта: многочисленных капель и пятен крови на наружной стене дома

не существовало другого факта: многочисленных капель и пятен крови на наружной стене дома, выходящей в сад¹⁰. Между тем, как Вам известно, факт нахождения этих кровавых следов на стене дома даже ни единым словом не отмечен в следственных актах. Здесь Сергеев даже произвел выемку штукатурки стены дома, но в деле нет ни составленного об этом акта, ни анализа крови. Время наложило свою печать на этот факт, и теперь анализ совершенно бесполезен, так как кровь утратила уже свои существенные элементы.

Между тем, при дальнейших допросах это обстоятельство может сыграть большую роль.

Не было усмотрено Сергеевым также и множество кровавых брызг в самой комнате, где произошло убийство Августейшей Семьи. В дальнейшем ходе следствия это обстоятельство также подлежит самому внимательному обследованию при допросах в этой комнате.

Кроме того, отсутствие трупов заставляет следственную власть особо внимательно относиться ко всему, чем устанавливается самый факт преступления. Сохранение в доме Ипатьева, хотя на некоторое время, всего того, что констатировано в нем к настоящему моменту, представляется для дела необходимым. Я считаю излишним касаться значения дома Ипатьева в историческом отношении, так как эта точка зрения должна быть совершенно ясна для каждого человека, не живущего минутой. Но я не могу не коснуться моральной стороны этого дела. Характер “следов”, оставленных после себя убийцами неумолимо жестоко рисует их духовный облик. Сопоставление с этим фактом содержания молитвы, с которой одна из жертв Августейшей Семьи обращалась к Владычице, моля Ее дать Ей достаточно духовных сил, чтобы простить своих “палачей”, также неумолимо ясно характеризует духовный облик жертв злодеяния¹¹.

Вся совокупность приведенных соображений заставляет меня признать, что дом Ипатьева, хотя бы на некоторое время, должен остаться в таком виде, в каком он является хотя бы к настоящему моменту следствия.

Между тем, у меня не только нет уверенности, что он сохранит свой настоящий вид, но, кажется, следует признать, что вряд ли на это можно надеяться в будущем. Дом в настоящий момент занимается одним из учреждений. Он открыт и день и ночь. Ежедневно в дом ходит множество праздных людей, совершенно открыто осматривающих комнаты и исследующих сохранившиеся надписи. Временами появляются рядом со старыми надписями новые, а старые постепенно уничтожаются¹².

Но не могу скрыть, что иногда в этом доме совершается нечто непристойное, для каждого русского человека прискорбное. Я два раза поздно вечером посещал этот дом и оба раза заставал там пленных мадьяр с балалайками, водкой и публичными женщинами. От многих из местных жителей я уже не один раз выслушивал по этому поводу горькие замечания.

Ввиду изложенного и полагая Вас лицом, призванным волей Верховного правителя к охране всего того, что имеет исторический интерес в связи с судьбой злодейски убитой Августейшей Семьи, я полагаю себя обязанным о всем изложенном доложить Вашему превосходительству.

Судебный следователь Н. Соколов

Судебный следователь по особо важным делам округа Омского окружного суда Соколов Н. А. Письмо уполномоченному командующего Сибирской армией генерал-майору Домонтовичу С. А., 7 февраля 1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 19—22. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

М. Ю.

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

по

ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ

при

Омском Окружном Суде

Н. А. СОКОЛОВ

марта 19 дня 1919 года

№ 45

Екатеринбург

Уполномоченному командующего

Сибирской армией

генерал-майору (С. А. Домонтовичу)

По имеющемуся в моем производстве делу об убийстве отрекшегося от престола Государя Императора Николая Александровича и членов Его Семьи в настоящий момент развития предварительного следствия установлена виновность и причастность к этому злодеянию лиц:

- 1) Коменданта дома Ипатьева, где содержался в заключении Государь и Его Семья, еврея Якова Михайлова Юровского
- 2) Делопроизводительницы этой же комиссии и любовницы Никулина Сивелевой
- 3) Начальника отряда латышей, исполняющих обязанности палача при казнях в Екатеринбурге, Шиндера
- 4) Его помощника Прокофия Александрова Никулина
- 5) Председателя Уральского областного совета Белобородова
- 6) Комиссара Петра Лазарева Войкова
- 7) Военного комиссара Голощекина
- 8) Комиссара 1-й Уральской боевой дружины Сергея Васильева Мрачковского
- 9) Военного комиссара Сергея Андреева Анучина
- 10) Комиссара Жилинского
- 11) В. В. Дидковского
- 12) Комиссара Е. Коковина
- 13) Комиссара Сафарова
- 14) Члена Екатеринбургского исполнительного комитета совета депутатов Павла Михайлова Быкова

- 15) Председателя Екатеринбургской Чрезвычайной следственной комиссии Лукоянова
- 16) Председателя этого комитета Чуцкаева
- 17) Товарища председателя этой же комиссии Валентина Сахарова
- 18) Товарища председателя этого комитета Загвоздкина
- 19) Члена этой же комиссии Горина
- 20) Комиссара финансов Сыромолотова
- 21) Члена этой же комиссии Родзинского
- 22) Комиссара здравоохранения Краснова
- 23) Члена этой же комиссии Кайгородова
- 24) Комиссара производства Кузьмина
- 25) Секретаря этой же комиссии Яворского
- 26) Комиссара труда Андреева
- 27) Комиссара юстиции Полякова
- 28) Комиссара земледелия Хотымского
- 29) Комиссара областного управления Тупстула или Тундула
- 30) Начальника военных сообщений полковника Стогова
- 31) Тюремного комиссара Михайла Можевского
- 32) Помощника его Бирона Петра Николаева
- 33) Тюремного комиссара Морозова
- 34) Члена военного совета 3-ей армии латыша Смилга
- 35) Комиссара Зайда
- 36) Помощника командующего 3-й армией еврея Белицкого
- 37) Комиссара Петра Лазарева
- 38) Члена высшего военного совета еврея Лашевича
- 39) Комиссара снабжения фронта Горбунова
- 40) Уполномоченного Облсовета Матвеева
- 41) Комиссара ст. Екатеринбург Гуляева
- 42) Большевика Трифонова
- 43) Комиссара штаба резерва Красной армии Куцера Георгия Панидова

43) Комиссара штаба резерва Красной армии Кучерова Георгия Давидовича

44) Большевика Ременникова Семена Павлова

45) Уездного Екатеринбургского комиссара финансов Чуфарова Николая Кузьмича

46) Командира Интернационального полка Оржеховского

47) Верх-Исетского военного комиссара Ермакова

48) Шофера Ефимова Василия Фадеева

49) Комиссара Леватных Василия Иванова

50) Шофера Лазарева Сергея

51) Видного большевистского партийного деятеля Костоусова Александра Егоровича

52) Шофера Личкова Якова

53) Такого же деятеля Малышкина Сергея Павловича

54) Шофера Крутикова Константина

42) Такого же деятеля Партина Николая Сергеевича

43) Шофера Теплового Павла

44) Его брата Алексея

45) Шофера Руденкова Афанасия Ивановича

46) Такого же деятеля Кривцова Александра Ивановича

47) Шофера Спирика

48) Такого же деятеля Сибрина Ивана

49) Заведующего Екатеринбургским гаражом еврея Штеймана Георгия Николаевича

50) Такого же деятеля Фролова Ивана Федоровича

51) Его помощника Молоткова Ивана Федоровича

52) Комиссара, руководившего действиями на Дутовском фронте, Малышева

53) Комиссара Сысертского завода Сафонова Алексея Яковлевича

54) Верх-Исетского большевистского деятеля Семеновского Василия Ивана

55) Сысертского большевика Алексеева Петра Васильевича

56) Такого же деятеля Петухова Ивана

57) Сысертского большевика Чуркина Николая Ивановича

58) Большевика Броницкого

59) Сысертского большевика Гривина Алексея Аркадьевича

59) Сысертского большевика Грудина Алексея Аркадьевича

60) Большевика Желтова

61) Екатеринбургского уездного комиссара юстиции Маленкина

62) Уполномоченного ЦИКА комиссара Яковлева, увезшего Августейшую Семью из Тобольска

63) Коменданта Екатеринбурга Некрасова

64) Начальника караула, конвоировавшего Августейшую Семью при перевозке ее из Тобольска, Родионова

65) Комиссара здравоохранения (Сакович)

66) Главнокомандующего Северо-Уральским фронтом Берзина

67) Члена Екатеринбургской следственной комиссии Каневцева Константина Васильева

68) Председателя Тобольского Совдепа матроса Хохрякова

69) Комиссара Сысертского завода Старкова Александра Ивановича

70) Большевика из Сысертского завода Дианова Ивана

71) Большевика из Сысертского завода Романова Николая

72) Большевика Моисеевского Степана

73) Авдеева Александра Дмитриевича

74) Военного комиссара Уфимцева

75) Мошкина Александра

76) Красноармейца Садчикова Ивана Степановича

77) Соловьева Александра Федоровича

78) Красноармейца Колотова Ивана

79) Гоншкевича Василия Григорьевича

80) Гущина Ивана Сергеевича

81) Путилова Николая Васильевича

82) Пермякова Ивана Николаевича

Рабочих и красноармейцев,

составляющих караул дома Ипатьева

83) Лиханова Сергея Ивановича (шофер)

84) Шулина Ивана Степановича

85) Петрова Василия Григорьевича

- 86) Никифорова Алексея Никитина
- 87) Петрова Аксентья Ильина
- 88) Добринина Константина Степанова
- 89) Логинова Василия Петрова
- 90) Старкова Ивана Андреева
- 91) Логинова Ивана
- 92) Старкова Андрея Алексеева
- 93) Логинова Владимира
- 94) Стрекотина Андрея Андреева
- 95) Корякина Николая
- 96) Стрекотина Александра Андреева
- 97) Тимофеева Ивана
- 98) Котова Михаила Павлова
- 99) Крашенникова Ивана
- 100) Столова Егора Алексеева
- 101) Сидорова Алексея
- 102) Орлова Александра Григорьева
- 103) Комендантова Алексея
- 104) Подкорытова Николая Иванова
- 105) Украинцева Константина
- 106) Турыгина Семена Михайлова
- 107) Лобашева Леонида (шофер)
- 108) Турыгина Александра
- 109) Мишкевича Николая (матрос)
- 110) Семенова Василия Егорова
- 111) Мишкевича Станислава (матрос)
- 112) Попова Николая Иванова
- 113) Варакушева Александра Семенова

- 114) Галапова Ивана Семенова
- 115) Корзухина Андрея
- 116) Садчикова Николая Степанова
- 117) Хохрякова (матрос)
- 118) Кысарева Григория Александрова
- 119) Клещева
- 120) Зайцева Николая Степанова
- 121) Прохорова
- 122) Сафонова Вениамина Яковлева
- 123) Мостикова
- 124) Шевелева Семена Степанова
- 125) Якимова Анатолия Александрова
- 126) Беломонина Семена Николаева
- 127) Лесникова или Лестникова
- 128) Чуреина Алексея Иванова
- 129) Дерябина
- 130) Алексеева Александра Кронидова
- 131) Лобитова
- 132) Котегорова Ивана Павлова
- 133) Фоминам
- 134) Котегорова Александра
- 135) Зотова
- 136) Вяткина Степана
- 137) Дмитриева
- 138) Теткина Романа
- 139) Скороходова
- 140) Лугового Виктора
- 141) Пелегова
- 142) Щукина

143) Устинова

144) Дроздова

145) Бруслиянина

146) Русакова Николая

147) Осокина

148) Емельянова Федора

149) Мудозвонова

150) Ладейщикова Петра

151) Романова

Задержание указанных выше лиц, оставивших Екатеринбург перед занятием его правительственными войсками, представляется настоятельно необходимым в интересах дела.

В виду изложенного и на основании 270 ст. уст. угол. суд. я прошу Ваше превосходительство дать теперь же по телеграфу срочные указания надлежащим воинским частям, дабы жизнь всех указанных лиц была сохранена, и они по их задержанию были бы препровождены в тыл с уведомлением о том Вас для последующего извещения меня.

Судебный следователь Соколов

Верно.

Подполковник Кононов

Верно.

Заведующий разведкой штаба 1-й Сибирской стрелковой дивизии

подпоручик Сабашников

С подлинным верно.

За полкового адъютанта Ивнов

Начальнику команды конных разведчиков.

Препровождаю для исполнения.

За полкового адъютанта 2-го Барабинского сиб(ирского) стр(елкового) полка прапорщик Ивнов

14 апреля 1919 г. № 614/с. Д. Армия

Верно.

[Соколов Н. А., Дитерихс М. К.] [Протокол о предъявлении судебному следователю по особо важным делам Н. А. Соколову следственного дела об убийстве императорской семьи, 7 февраля 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 17—18. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1919 года февраля 7 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, прибыв лично к бывшему Главнокомандующему Западным фронтом генерал-лейтенанту Дитерихсу, предъявил ему ордер г(осподина) министра юстиции⁵ от 7 сего февраля за № 2437 и просил его выдать находящееся у него дело об убийстве бывшего Императора Николая Александровича и членов Его Семьи.

Генерал-лейтенант Дитерихс предъявил подлинное следственное производство члена Екатеринбургского окружного суда Сергеева, озаглавленное: “Дело об убийстве бывшего Императора Николая II и членов Его Семьи”. В деле этом оказалось двести шестьдесят шесть пронумерованных, прошнурованных, припечатанных сургучной печатью Екатеринбургского окружного суда и скрепленных подписом Сергеева листов⁶. Все листы дела, шнур и печать оказались целыми. В деле, кроме того, оказалось вшитым и пронумерованным отношение начальника Екатеринбургской почтово-телеграфной конторы от 20 января 1919 года за № 374 на имя Сергеева.

На нахождение у себя дела генерал-лейтенант Дитерихс предъявил предписание Верховного правителя от 17 января 1919 года за № 36.

Судебный следователь Н. Соколов

Генерал-лейтенант Дитерихс

[Соколов Н. А.] [Расписка судебного следователя по особо важным делам округа Омского окружного суда Соколова Н. А., 7 февраля 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 16. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

М. Ю.

СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

по

ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ

ОКРУГА

Омского Окружного Суда

Н. А. СОКОЛОВ

7 февраля 1919 г.

№ 41

Гор. Омск

Дело № 20

РАСПИСКА

Выдана мною эта расписка генерал-лейтенанту Дитерихсу в том, что 7 сего февраля мною

получено лично от него дело члена Екатеринбургского окружного суда Сергеева об убийстве бывшего Императора Николая Александровича и членов Его Семьи на двести шестидесяти шести листах, вслед за которыми вшито непронумерованное отношение начальника Екатеринбургской почтово-телеграфной конторы на имя Сергеева от 20 января 1919 года за № 374. Вышеизложенное подписал и печатью удостоверяю.

Судебный следователь по особо важным делам Николай Соколов

Прокурор Екатеринбургского окружного суда Иорданский В. Письмо Главнокомандующему Западным фронтом Дитерихсу М. К., 25 января 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 15—16. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

М. Ю.

ПРОКУРОР

ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО

ОКРУЖНОГО СУДА

января 25 1919 г.

№ 624

Екатеринбург

Господину Главнокомандующему

Западным фронтом

генерал-лейтенанту Дитерихсу

Согласно личного распоряжения Вашего, представляю Вам в копиях те сделанные мною в порядке дознания поручения по делам об убийстве бывшего Государя Императора Николая II и Его Семьи, а также членов бывшего Царского Дома, кои до настоящего времени еще не исполнены.

Кроме того, по делу об убийстве бывшего Государя Николая II мною 28 января 1919 года было передано лично находившемуся в городе Екатеринбурге прокурору Пермского окружного суда⁴ перед отъездом его в Пермь официальное требование мое о принятии мер к розыску и арестованию с учреждением особого строгого караула нижеследующих лиц:

- 1) Сергея Павлова Малышкина,
- 2) Петра Ермакова,
- 3) Николая Сергеева,
- 4) Василия Иванова Леватных,
- 5) Александра Костоусова,
- 6) Павла Спиридонова Медведева,
- 7) Якова Михайлова Юровского,

- 8) Мрачковского,
- 9) Андрея Федорова Стрекотина,
- 10) Люханова,
- 11) Никифорова,
- 12) Константина Васильева Коневцева,
- 13) Ивана Колотова,
- 14) Исая Голощекина,
- 15) Файка Софонова,
- 16) Ивана Котегова,
- 17) Стрекотина,
- 18) Александра Семенова Варакушева,
- 19) Гуляева,
- 20) Кучерова,
- 21) Василия Григорьева Гоникевича,
- 22) Александра Авдеева,
- 23) Александра Мошкина,
- 24) Александра Соловьева,
- 25) Николая Корякина,
- 26) Леонида Лабушева,
- 27) Ивана Степанова Сафикова,
- 28) Ивана Шулина,
- 29) М. Зайда и
- 30) Николая Кузьмина Чуфарова.

(Прокурор В. Иорданский)

[Иорданский В., Дитерихс М. К.] [Протокол осмотра комнаты, в которой было совершено убийство Николая II, 23 января 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 13—14. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года января 23 дня. г. Екатеринбург. Член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев, команд(ир)овавший(ся) для производства предварительного следствия по делу об убийстве бывшего Императора Николая Александровича, составил настоящий протокол в следующем:

Сего числа, прибыв совместно с прокурором суда В. Ф. Иорданским в дом Ипатьева по приглашению уполномоченного на распоряжения по делу повелением Верховного правителя адмирала Колчака, главнокомандующего армиями Западного фронта генерал-лейтенанта Дитерихса для дополнительного осмотра комнаты, в которой было совершено убийство бывшего Государя Императора Николая II-го и Его Семьи, получил от генерала Дитерихса распоряжение о том, чтобы все надписи и изображения на стенах этой комнаты, имеющие порнографический характер, были частью совсем уничтожены, частью же вырезаны и вручены ему при общей сдаче всех относящихся к делу документов.

Во исполнение такового распоряжения генерал-лейтенанта Дитерихса и по его указанию, мною, членом суда Сергеевым, в присутствии прокурора суда Иорданского и понятых: начальника штаба Сибирской армии генерал-майора Богословского и полковника Тюнегова были совершены следующие акты:

- 1) на правой от входа в эту комнату стене был вырезан кусок обоев на пространстве в длину около двух аршин и шириной около четверти, с надписью на нем: “Николай сказал народам вот вам х... не республика”, “Николай он ведь не Романов, а родом чухонец. Род Романовых кончился Петром III тут пошла все чухонская порода”.
- 2) на той же стене под самым подоконником на пространстве длиной в один аршин и шириной около двух четвертей уничтожена надпись “Распутин” и изображенная здесь фигура мужчины с крайне грубыми чертами лица и обнаженной женщины.
- 3) на передней стене, примыкающей к косяку входной двери, были уничтожены начерченные карандашом порнографические изображения, представляющие фигуры мужчин и женщин с обнаженными и преувеличенными половыми органами.
- 4) в углу, противоположном от входной в комнату двери, вырезана часть стены на пространстве длиной 9 вершков и шириной 1 1/2 четверти с изображением головы женщины, а также фигурами ребенка и надписями: “немецкий снаряд и друг”.
- 5) на стене влево от входа были уничтожены около вырезанного уже куска обоев окончания каких-то слов: “тин” и “индра”, “лежа через”.

Член окружного суда Ив. Сергеев

Прокурор суда В. Иорданский

Настоящая копия с подлинным актом верна, что удостоверяю своим подписом и приложением казенной должностной печати.

Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Николай Алексеевич Соколов

Настоящая копия снята с подлинного акта, представленного к следствию генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом и приобщенного к делу об убийстве отрекшегося от престола Государя Императора Николая Александровича и Его Семьи, и выдана девятнадцатого мая тысяча девятьсот девятнадцатого года генерал-лейтенанту Дитерихсу.

Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. Соколов

Главнокомандующий Западным фронтом Дитерихс М. К. Письмо Прокурору Екатеринбургского окружного суда Иорданскому В. и судебному следователю Сергееву, 23 января 1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 12. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).
23 января 1919 г.

Прокурору Иорданскому

Судебному следователю Сергееву

На основании повеления Верховного правителя³ от 17-го января сего года, за № 36, приказываю Вам выдать мне все подлинное следственное производство по делу убийства бывшей Царской Семьи и членов Дома, а равно все документы вещи и материалы, принадлежавшие членам Семьи и состоявшим при них приближенным лицам, также убитым.

Передачу произвести по описи.

Один экземпляр описи, скрепленный подписями г. прокурора, г. следователя и моей, должны быть заготовлены для передачи Верховному правителю.

Настоящая передача мне всего материала и вещей не прекращает продолжения Вами следственного производства, для чего Вы имеете право сохранить у себя копии необходимых документов.

Генерал-лейтенант Дитерихс

Прокурор Екатеринбургского окружного суда Иорданский В. Письмо начальнику уголовного розыска Кирсте А. Ф., 19 января 1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 11—12. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).М

Копия

М. Ю.

ПРОКУРОР

ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО

ОКРУЖНОГО СУДА

19 января 1919 г.

№ 198

Екатеринбург

По делу об убийстве

бывшего Государя Николая II*

Г. начальнику уголовного розыска

(А. Ф. Кирсте)

1) Предварительным следствием по делу об убийстве бывшего Императора Николая II и Его Семьи устанавливается, что большинство охранников дома “особого назначения” были из рабочих Сысертского завода. В числе таковых, например, были Андрей и Алексей Стрекотины, Иван Петров и Иван Иванов Старковы, Николай Садчиков, Егор Столов, Константин Степанов

Добрынин, Николай Зайцев, Сафронов, по прозвищу “Файка”, Иван Таланов, Иван Котегов, Семен Турыгин и другие. По данным следствия многие из числа охранников являются соучастниками по делу, а некоторые из них принимали и весьма видное и деятельное участие в преступлении. Ввиду сего является безусловно необходимым иметь в заводе Сысертском постоянного опытного агента уголовного розыска, который бы имел наблюдение, производя по сему делу розыски в зав(оде) Сысертском.

2) При производстве осмотра дома Ипатьева в одной из комнат его оказались написанными на стенах следующие надписи: “Анучин военный комиссар 967, председатель Чудскаев, Жилинский 626, завед. 704, квар. Голощекин 977, 6 район Р. К. А. 551”, “Тоголев. 38 Шейнбаум” Жилинский 677, 204, Бурдак. 305. 321”. На одной из стен написано: “967, 278, 26, 904, 448, 409”.

Необходимо установить дознанием, что означают эти цифры, и если они являются № телефонов, — то кому таковые принадлежали.

3) Из дознания, препровожденного Вами 5 сентября 1918 года за № 2039 члену суда Сергееву и позднее, видно, что целый ряд свидетелей утверждал о том, что бывший Император Николай II увезен, свидетельствуют, что видели поезд, в котором был увезен бывший Государь по направлению (к) Перми. Так, свидетель, парикмахер на ст. Екатеринбург I Федор Иванов показал, что дня за два или накануне до объявления о расстреле бывшего Государя к нему в парикмахерскую пришел комиссар ст(анции) Гуляев и сказал, что “сегодня отправляем Николая II”.

О том же на другой день он слышал от комиссара 4 штаба резерва Красной армии Кучерова. Далее, кондуктору Омской железной дороги Александру Самойлову красноармеец Александр Варакушев, передавая о решении увезти бывшего Государя Николая II на Пермь, показывал поезд, в котором он, якобы, был уже помещен. Поезд этот, состоявший из вагонов I и II класса, находился на 5 или 6 пути под особой охраной; в одном из вагонов окна были завешаны черной материей¹.

Сообщая об изложенном, предлагаю Вам закончить это дознание дальнейшим расследованием, т. е. путем опроса подлежащих агентов железной дороги, бывших на службе в период времени середины июля месяца, выяснить, действительно ли был такой поезд, проверить полученные сведения по станционным документам и книгам, а в случае, если сведения эти подтвердятся — выяснить маршрут этого поезда.

4) Безотлагательно опросить семью сторожа переездной будки по горнозаводской линии на пути из г. Екатеринбурга к дер. Коптяки. На глазах членов его семьи красноармейцами была оцеплена местность, где впоследствии были найдены около шахты и на дне последней предметы, принадлежащие Царской Семье. На их глазах, по негласным сведениям, проходили грузовые автомобили. Надлежит подробным опросом их выяснить, кто из комиссаров распоряжался в этой местности, что было перевозимо на автомобилях, в какой именно стороне таковые были сосредоточены, не проезжали ли автомобили с бочками бензина и какимилибо баллонами и т. п.²

Прокурор Иорданский. Секретарь Б. Богословский

С подлинным верно.

Секретарь при прокуратуре Екатеринбургского окружного суда

Лыкова Л. А. Предисловие // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 5—8. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Материалы, составившие данный том “Российского Архива”, представляют собой значительную часть следственного дела Н. А. Соколова об убийстве Российского Императора Николая II и его семьи.

19 июля 1918 г. газета “Правда” опубликовала правительственное сообщение о том, что в Екатеринбурге по постановлению Уральского областного совета расстрелян бывший царь Николай Романов. “... Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место”.

25 июля 1918 г. в Екатеринбург вошли части Белой армии и отряды белочехов. Военные власти начали поиск исчезнувшей Царской семьи. Созданная ими комиссия осмотрела шахты заброшенного рудника вблизи д. Коптяки. Здесь, по рассказам местных жителей, накануне объявления о расстреле происходили странные события: оцепление красноармейцами местности, приезд руководителей Уральского облсовета и ЧК, передвижение автомобилей.

Постановлением Екатеринбургского окружного суда от 30 июля следователю по важнейшим делам А. П. Наметкину было поручено вести расследование обстоятельств гибели Царской семьи.

С 12 августа 1918 г. расследование продолжил член Екатеринбургского окружного суда И. А. Сергеев. Он осмотрел дом Ипатьева, в том числе и полуподвальную комнату, где была расстреляна Царская семья, собрал и описал вещественные доказательства, найденные в Доме особого назначения и на руднике.

17 января 1919 г. Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак поручил надзор за расследованием главнокомандующему Западным фронтом генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу. 26 января Дитерихс получил подлинные материалы следствия, проведенного Наметкиным и Сергеевым. Колчак считал важным поднять статус следствия, вынести его за рамки Екатеринбурга, назначить следователя, наделенного широкими полномочиями. Приказом от 6 февраля 1919 г. расследование было поручено Соколову, получившему должность следователя по особо важным делам Омского окружного суда. 7 февраля ему были переданы от Дитерихса подлинное производство и вещественные доказательства по делу об убийстве отрекшегося от престола Императора и других лиц Августейшей семьи.

Находясь в Омске, Соколов “...усиленно занимался производством следственных действий: осмотрами громадного количества вещественных доказательств, полученных... от Дитерихса, совершенно никем не осммотренных и неизученных, имевших для дела громадное значение и требовавших немедленных экспертиз” (РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 3. Л. 27). Следователь отмечал: “...Помимо значения во многих других отношениях, это дело (об убийстве Царской семьи. — Л. Л.) представляет для криминалиста-практика ту особенность, что оно не имеет того, что обыкновенно почти всегда имеется в делах об убийстве и чем доказывается чаще всего самый факт убийства — трупов. Вследствие того, в этом деле самый факт убийства приходилось проверять иными путями. В этом отношении вещественные доказательства и имеют громадный интерес для дела... Конечно, каждое свидетельское показание, до известной степени, носит характер субъективности, что оно ценно тогда, когда оно подкрепляется другими, более объективными доказательствами” (там же. Л. 27).

С 8 марта по 11 июня 1919 г. Соколов проводил следственные действия в Екатеринбурге. Следствию активно помогали военные и гражданские власти: Министерство иностранных дел и Министерство юстиции правительства Колчака, прокурор Казанской судебной палаты Н. И. Миродлюбов. уголовный розыск. милиция. военная контрразведка. Агенты екатеринбургского

уголовного розыска С. И. Алексеев (в феврале и марте 1919 г. задержал в Перми и допросил основных свидетелей П. Медведева и Ф. Проскурякова), И. В. Дузь, А. Ф. Кирста, И. М. Сретенский активно вели разработку следственных действий, находили свидетелей-очевидцев по делу об убийстве Царской семьи.

11 июля 1919 г. Соколов получил приказ Дитерихса выехать из Екатеринбурга и вывезти все акты подлинных следственных производств вместе с вещественными доказательствами. Следуя с отступающей армией Колчака, он не прекращал расследования: находил новых свидетелей, собирал вещественные доказательства. Так, 2 сентября 1919 г. он получил фотографические снимки Царской семьи от П. А. Жильяра, от полковника Е. С. Кобылинского; 7 февраля 1920 г. в Харбине — от П. П. Булыгина.

19 декабря 1919 г. для сохранения подлинного следственного дела и вещественных доказательств Соколов передал их Дитерихсу. Следствие продолжалось по копии, снятой Соколовым*. Семь томов подлинных документов и восьмой в копиях с частью вещественных доказательств были переданы Дитерихсом французскому генералу М. Жанену и вывезены в Европу. У Соколова остались копии семи томов и подлинник восьмого тома, с которым 20 марта 1920 г. он выехал в Европу и 16 июня прибыл в Париж, в предместье которого поселился.

Документы следствия Соколов проверял по приезду в Париж и 18 января 1921 г. передал часть их на хранение бывшему послу Временного правительства в Риме М. Н. Гирсу. Об этом Соколовым была составлена “Справка”; в “Настольном реестре”*** сделана отметка о том, что следствие продолжается по дубликатам документов.

Судя по записям в “Настольном реестре”, “Входящем” и “Исходящем” журналах, материалы “парижского” периода составили три тома — № 9, 10, 11. Возможно, в 10 томе были протоколы допросов М. Ф. Зинотти 11 ноября 1920 г., П. А. Жильяра 27 ноября 1920 г., Д. Н. Дубенского 28 — 29 ноября 1920 г., кн. Ф. Ф. Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона 3—4 января 1921 г.

После смерти Соколова, согласно его завещанию, документы следствия были переданы на хранение кн. В. Орлову. Позже наследники Орлова распродали их на аукционах.

В 1945 г. папки с документами следствия были обнаружены военнослужащими Группы советских оккупационных войск в Германии в подвальном помещении склада г. Бернау в числе других папок с материалами на русском языке.

В архивах России оказалось восемь томов следственного производства. Четыре тома по делу об убийстве Царской семьи, среди которых не имеющий копий том из личного архива Дитерихса, в 1948 г. попали в Главное Управление МГБ СССР; в 1949 г. — в Центральный архив МГБ — КГБ при СМ СССР. По распоряжению ЦК КПСС 15 июня 1964 г. они были переданы Учетно-архивным отделом КГБ Центральному партийному архиву Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне РЦХИДНИ). В ведомственном архиве Генеральной прокуратуры РФ хранятся еще четыре тома — два по делу об убийстве Царской семьи, том Алапаевского дела и том по делу об убийстве Вел. Кн. Михаила Александровича*

Основу настоящей публикации составили пять томов следствия, четыре из которых хранятся в РЦХИДНИ (Ф. 588. Оп. 3. Д. 5, 6, 7, 8), пятый — в ведомственном архиве Генеральной прокуратуры РФ.

Документы следствия подшиты в папки, тома прошнурованы и скреплены сургучными оттисками личной печати следователя. Тексты протоколов и другие материалы следствия публикуются полностью и подобраны так, чтобы максимально соблюсти хронологию расследования. Нумерация документов наша.

Публикацию дополняет Приложение. В него включены описи документов трех томов,

составленные Соколовым; описи и ведомости, составленные 1 марта 1919 г. Дитерихсом для отправки вещей и предметов в Англию на крейсере “Кент”.

В Приложение также включены материалы к биографии Я. М. Юровского (РЦХИДНИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2232) и стенограмма его выступления на секретном совещании уральского отделения

Всесоюзного общества старых большевиков 1 февраля 1934 г. в Свердловске (РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 10).

Составитель выражает признательность прокурору-криминалисту Генеральной прокуратуры РФ В. Н. Соловьеву за предоставленную возможность включить в публикацию документы “парижского” периода с 20 июля по 24 октября 1920 г.; директору Государственного архива РФ С. В. Мироненко за разрешение опубликовать фотографии и историку-архивисту В. М. Хрусталеву за помощь в работе.

Кандидат исторических наук

Л. А. ЛЫКОВА

Сибирь и Дальний Восток. 1919—1920 гг. (документы 34—49)

[Соловьев Б. Н.] [Тетрадь с записями] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 190—201. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ТЕТРАДЬ

с записями Бориса Николаевича Соловьева

Эта тетрадь представляет собой тип тетрадей, известных в продаже под наименованием “общих” тетрадей; она в обложке из коричневой клеенки.

Записи по своему характеру не напоминают дневник. Это изложение “мыслей и размышлений” Соловьева, иногда приуроченное к датам. Она так им и озаглавлена: “Мысли и размышления”. Содержание этих записей не имеет отношения к настоящему делу, но, так как при чтении некоторых мест в записях, возникает подозрение, что автор в условных выражениях, возможно, скрывает свои мысли, то содержание записей приводится целиком и без всяких изменений.

“Глубокой древности, почти 2000 лет тому назад, над миром, потонувшим в суете греховной, мире диявола и его похоти, мира заблуждений, слез, стенаний угнетенных и обездоленных и торжествующих кликов угнетателей тела и духа человечества, — засияла звезда ярким светом, пробившим покров преступлений; светом, указавшим всем обездоленным материально и духовно, путь к правде и светлой истине; звезде любви и всепрощения, родив у человечества веру в светлое будущее; наделив его надеждой, — учение Христа Страдальца о всем мире, кровию Своей омывший души наши от нечистоты греховной, Бог любви и милости — первый произрек: “Возлюби ближнего своего, как самого себя”... “Слава Вышних Богу и на земле мир”... возликовало небо; “и на земле мир”... повторяло с верой горячей и надеждой измученное человечество, обливаясь слезами раскаяния угнетатели — радости угнетенные...

Прошло 2000 лет. Столько изменений претерпело в это время христианство. Из катакомб оно вышло на поверхность земли, перешло в пышные храмы и обители, которые гордо вознесли свои позлащенные главы к вечно-лазурному, и в языческие и христианские времена, — небу.

Служители Спасителя мира Сына Божия Иисуса Христа из глубоких потных одежд в

Служанками Спасителя мира, Сына Божия Иисуса Христа, по грубым похотливым одеждам, в которых ходил Божественный Искушитель, — перерядились в тяжелые златотканые ризы, украшенные драгоценными камнями. Сам Пастырь Добрый уже стал изображаться в Царской одежде со скипетром и державой в руках. Святые Его также потерпели в своих изображениях существенные изменения (некоторые стали грозными, с мечом в руках проповедовали они незлобие, любовь, всепрощение (это уже по существу). Так время меняло формы внешние.

Несомненно, что все эти изменения внешних форм и отчасти изменения внутреннего характера происходили под давлением жизни общественной, она придавала христианству тот или иной оттенок, т. е. получалось то, что не религия повела общество, но наоборот, почти сразу же (лишь она приобрела права гражданства) она пошла вслед общественной жизни, прогрессивно эволюционируя и, конечно, оказывая и сама давление на общественную жизнь. Следуя за общественной жизнью, она становится, до некоторой степени, слугой ее, тогда как место ее — быть господином. Попадая, таким образом, в рабство, она почти сразу же начинает терять свою силу. Так как имея назначение — совершенствование духа, она будучи подчинена ему, не стала авторитетна и действительна.

Только высокие, вечно незыблемые идеалы христианской морали, заключенные в ней, поддерживают ее, распространяют и делают господствующей, а благодаря им удерживаются и принимаются изменения внешних форм религии.

Постепенно сущность отходит назад, давая место внешним формам, что охотно принимается обществом ввиду того, что это дает большую свободу дурным наклонностям, не останавливает человеческий дух в его постепенном, с веками, падением вниз — царство скотски-материальной, сытой, эгоистической жизни.

Исповедование Божественного Учения Христова превращается в соблюдение обрядовой стороны, что постепенно становится невыносимым и нелепым для них же самих, и конец их атеизм, озверелый крик: Нет Бога! Нет религии! Бог — человек, религия — сытая, буржуазная жизнь. Как было говорено мной выше, христианство не только шло за общественной жизнью, но и само влияло на нее, примером чего и может служить появление социализма.

Господи, сколь велика милость Твоя! Не все ли ополчились на меня, и Ты, бесконечно Благий, чудесным образом избавляешь меня “от сети ловче и словесе лукаваго”... О будь благословен во веки веков! Боже мой, и в заключении вижу Милосердие Твое; вот идут друзья ко мне, и недруги и палачи идут ко мне; и все сочувствуют на меня злобы у них.

Тюмень 19 марта

Получил телеграмму от Мары — “выезжай неприятность квартирой”. А что я могу? И никто, как Бог. На Него уповаю и не оставит меня.

Уехал я уже больше месяца из Петрограда, а получил лишь 2 телеграммы: 1-я “... пришли провизии”... и 2-я — насчет квартиры. Первый раз вспомнили обо мне — кушать захотели; второй с квартирой неладно, а если бы все было благополучно, то и мужа не надо, писать ему не след. Вот и здесь вижу Божественный промысел — что она там делала? Только догадываться могу, а Господь через испытание ей, может быть, наше семейное счастье спасает. И так да: Будь благословенно имя Твое во веки! Ты единый все ведаешь и единый спасаешь идущих по пути беззакония. Будь благословенно Имя Твое...

Тюмень 22 марта

Господи, враг одолел меня и грех во мне! Помогни Милостивый, очисти душу мою и мысли греховные отгони. Господи, Ты видишь немощь мою, силен грех и властвует мною. Избави мя от лукаваго... Сыне Божий, спаси мя.

Что же будет? Тучи собираются грозные на востоке, тучи на западе и югозападе...

Хуже того — душе тягостно. Мало что радует, да и что может вообще радовать в тяжкое время, которое мы переживаем.

Получил телеграмму от Бруаре, что выезжает и около 20-го будет в Тюмени; хоть он приедет, а

то хоть помирай, а ни кого из своих не увидишь. Одиночество, или нет, не то — жить без Мары становится мне не по силам. Боже, как тяжело, особенно когда подумаешь о ней, — что она делает в Петрограде. Не все, но многое знаю; все же могу узнать, когда захочу, но почему же я не узнаю это все? — Боязнь, что это “все” может послужить причиной полного разрыва — развода, — а разве я для того женился?

Но то, что я сейчас знаю достаточно, чтобы уже хотеть узнать “все”, и боюсь, что не утерплю и загляну на него, и будет или горе радость. Господи, люди говорят, что предвидеть и знать сокровенное — счастье; так ли это? Конечно, они ошибаются, иначе я почти такой же как и все, т. е. любопытный и т. п., часто глядел бы туда, куда не проникает взор непосвященного, а я — закрываю глаза.

Вот искушение; и еще, имею силу заставить Мару не делать так, заставить даже без ведома ее, но как осмелюсь, зная начало вещей? Неужели природа человеческая победит мой дух?

Я колеблюсь, значит я пал. Не так ли давно, гордо стоял я, ликуя, что дух мой скоро победит мою плоть совсем. И мысли, которые меня теперь волнуют, не имели доступа ко мне? Да, это было недавно, но со времени женитьбы все изменилось, и я с ужасом чувствую, что становлюсь человеком. Боже, дай силы и мужества перенести искушения! В борьбе укрепи дух мой, да не погибнет, побежденный плотью! Я чувствую, что сила Слова и Мысли — оставляет меня словно сосуд с трещиной, вино незаметно исчезает из него.

28 марта

Получил телеграмму: “достаем билеты, жди выезжаю целую”. Первое мгновение я безусловно был обрадован, но потом? Что со мной? Или я слишком пострадал и наступила реакция, апатия и полная безразличность, — едет ли она или нет?

Неужели пришло то, чего я так боялся — любовь перешла и ненависть и превратилась в пошленькое “ничто”? А что же дальше? Сейчас вот мне как будто и неприятен ее приезд, да и злюсь при мысли, что в Петрограде, вероятно, она ничего толком не сделала.

Безрассудность нашей жизни не только возмущает, но и сильно беспокоит меня, со страхом смотрю я в будущее, — мне-то ничего не надо, но Маре, — и комфорт, довольная, достаточная жизнь. Что я ей дам?

Иногда думаю, что лучше будет, если она меня бросит — ответственность будет с меня снята. Глупо это, сознаюсь и бичую себя. Помогли, Владыко Жизни. Ты единственная моя надежда.

12 апреля н. ст.

Опять печаль, мои дорогие уезжают от меня⁷⁵. Господи, что делать, как быть? Научи, вразуми, Милостив Ты, Великий, и нет предела милости Твоей. Боже Сил, Всемогуший Создатель наш, не отвергни мольбы работы Твоих — спаси и сохрани.

Господи, к милосердию Твоему прибегаю, сердцем сокрушаюсь (о) грехах моих, плачу, Господи, о беззаконии моем молитвами Пречистыя Матери Твоея и всех святых Твоих, помилуй и спаси мя. Исцели немощи души моея — яко Благо есть, очисти от скверне мира сего и соблазна помышления мои. Даруй, Бесконечный, чистоту души, тела и мысли; Господи, буди милостив нам грешным, призывающим Пречестное Имя Твое, к Милосердию Твоему прибегающих и на

Тебя единого надеющихся. Господи, спаси, сохрани и помилуй.

Получил сегодня телеграмму от жены, что выезжает в четверг (11 н. ст.) и, говоря откровенно, особенно не возрадовался; вероятно, толком ничего не сделала. Господи, что будет?

Доколь гневом своим будешь наказывать и ярость Свою сменишь милостию? Как растение после суровой и долгой зимы ждет не дождется луча солнечного, так и мы, Господи, ждем щедрот Милосердия Твоего. Прости нам беззакония наша и помилуй. О чем печалюсь и скорблю? О грехах и беззакониях своих или тягости наказания Судии Предвечного?

Как силен грех! И власть его на нас! Вот сокрушаюсь сердцем своим и о чем же? Все суета-сует, а не о беззаконии моем, не о грехе души своей и дурных помыслах. Страшен мне суд Божий, Его же убоюсь, в тягость он мне о том и скорбь. Господи, дай же наказание мне еще более суровое, возложи на меня крест больший, да вразумлюсь чрез то, сокрушусь не наказания, в грехе прославлю Имя Твое Святое! Господи, милостив буди мне грешному! Тебе Единому согреших Тебе Единому раскаишаяся. И слезы пролил о грехах моих. И скорбь души моей Тебе Единому.

И вопль сердечный о помиловании Тебе Единому мольбы мои. Тебе Единому надежда моя. Тебе Единому и жизнь моя!

13 апреля н. ст.

Итак, в середине будущей недели приедет Мара.

Что я ей скажу в приветствие? Были моменты, когда мне хотелось переехать в гостиницу и не принимать ее, не видеть совсем; да и рассуждая справедливо, она своим поведением вполне заслуживала этого.

Итак, что я ей скажу?

Сказать ли, что мне все известно? Но тогда конец, и не будет возврата к прошлому счастью. Но Господи, Ты, Великий Милосердный, прощаешь нам грехи наши, но лишь тогда, когда каемся Тебе с сокрушенными душой и сердцем, исповедаем Тебе добровольно и грехе содеянный и даже помыслы греховные; когда даем обещание исправиться и исправляемся, — сделаю, и я так же, — скажет Мара мне все, не утаивая ни малейшей подробности, я все прошу ей. Если же умолчит о чем-нибудь, то не подам и виду, что знаю, что она утаивает. Но конец будет всему, я уйду от нее сначала душой и сердцем, а потом, как представится случай, уйду и совсем. Она не может понять, что для меня она, как женщина, оставляет желать много лучшего, что я любил, — это душу ее и ее чистоту; с потерей этих качеств потеряна и любовь и счастье, все...

Т. к. если у женщины нет душевных качеств, нет чистоты мысли и тела, то она просто превращается в самку или хуже — проститутку, но если это так, то продолжая жить с ней, надо требовать от нее хоть красивого тела, чем не может похвастаться моя супруга, значит, просто для половых сношений она служить мне не может — есть много лучше и выгоднее.

(Между строк только что приведенной фразы, написано рукой Матрены Григорьевны Соловьевой следующее: “В отсутствии меня ты испытал других, да... интересно посмотреть на лучших и выгодных, т. е. содержанок, но это, милый мой, не выгода для тебя, а ущерб!”).

Господи, сколько велика мудрость Твоя! Отнимешь у человека чистоту души, и не заметно будто бы, и человек уже ничего не стоит и смотреть противно! Страшное наказание! Боже, непусти его на меня. Так буду ждать ее исповеди.

14 апреля н. ст.

И вот новый крест: получил телеграмму, что Мара больна. Господи, Твоя воля Буди ми

милостиве.

Вчера был в театре с р. А. С., отужинали вместе, потом он проводил меня домой и, возвратясь к себе, скончался от разрыва сердца. Вот жизнь человеческая! О ней ли все помышления? И о чем? И так всегда: что блеснит, за то и хватаемся, а не смотрим, надолго ли это? Подобно дитя неразумному. Горе тому, кто смотрит на мир окружающий, видимый глазами тела, а не духовным оком, мир духовный, вечное Царство Истины и Света Христа, Спасителя и Бога нашего.

Вот судьба, рок, а помоему — промысл Божий. Буди милостив мне, Создатель!

17 суток сидел в тюрьме. Нехорошо и неприятно, — но полезно. Многие стало ясным, и мысли явились новые. Слава Промыслителю! Бежал из Тюмени. 17 суток сидел на печи у Василка Куропаткина, т. к. прохвосты решили устроить “фронт”. Вот еду в Тобольск поклониться святыням, помянуть убиенного Ерм(огена) и марш в Омск. Худо, скорей обратно в Тобольск, потом Тюмень, опять Омск и Симбирск. Слава Создателю! Еду в Омск. Остановка в Чишмахе. Опять красноборцы. Омск — Симбирск взяты, где же Мара? Опять вместе. Собираюсь в Дальневосточную экспедицию.

В чем заключается счастливое существование (земное) человека? — в довольстве. Будет ли человек когда-нибудь доволен?

Иркутск и, наконец, Харбин. Живем месяц без малого в Харбине. Жить хорошо, но уехать лучше. Куда же? Шанхай, Владивосток? Дайрен, Иокогамму? Предлагают в Марсель, Константинополь, Италию и т. д. это ген. П(отапов). Познакомился с ксенд. Островским — очень милый иезуит. Все хорошо, кроме денежных дел, — очень плохо. Познакомился с харб. ломбардом! Будет еще хуже ...

На этом кончаются записи Соловьева за 1918 год. Далее следуют записи за 1919 год:

4 февраля

Еду по Забайкальской дороге. Видел удивительный сон. Чтобы не забыть, попробую записать его. Видел, что нахожусь в большом городе, но живу в неважной квартире, снимая комнату. В квартире очень много женщин и несколько бедных старух, которые предлагают мне погадать; я беру у одной из них карту. Перерыв. Я там же и узнаю, что Мара мне изменяет, кляня судьбу, жалуясь хозяйке. Я где-то в ресторане, и вижу как Мара выходит со своим любовником. Перед этим я встретил Хвощинского. Я бросаюсь с шашкой на него, но присутствующие мешают мне, благодаря чему я не могу отпарировать удар, и он слегка ранит мое плечо. Хвощинский заступается по моей просьбе и спасает меня. Мара до этого заявила, что бросает меня и несмотря на мои мольбы требует развода.

Я в часовне, перед иконой Божией Матери аналой, проходит монах высокий, худой, похож на меня, о котором говорят, что он архиерей; он молится, и я молюсь, пав ниц, затем монах оборачивается и с грозным видом благословляет.

По-видимому, я примирился с женой. В столовой вижу дедушку, который приехал из Оренбурга, бросаюсь к нему на шею и безумно рыдаю.

23 февраля

Много прошло времени с тех пор, много и перемен. Вот я и во Владивостоке. Устроился в гост. “Версаль”. Слабо, но знакомлюсь с общественной жизнью города. Интеллигентных людей немного — искать приходится, а единомышленников и не найти. Ген. П. уехал в Японию, к моему великому сожалению.

Тоскую о Маре; что-то с ней? Где, как?

Я чувствую, что двигается что-то большое, тяжкое и нудное.

Своими делами не занимаюсь и не устраиваю их, Господь по милости своей все устроит.

Ах Мара, Мара! Понимаешь ли ты меня? или мои страдания будут чужды и непонятны для твоего сердца?

Обедал в Коммерческом собрании с Воробьев. Арк. Петровым и инж. Федоровым. Мило, ехидно и скучно. Никто из них кроме В. не нравится.

Надо скорее осмотреться, устроить свои дела и приняться за работу. Вечером был в церкви. Чудно пел хор. Мгновениями дух отлетал далеко-далеко. Стены храма раздвигались, и восторг познания Творца переполнял душу. Молился о моей милой жене, к которой одной летят мои сердечные мечты, все честные помысли и слова духовной любви. Боже, благослови ее, сохрани, сохрани ее чистоту и укрепи по бесконечной милости своей. Будь Имя Твое благословенно во веки!

Она навряд ли знает и чувствует те муки, что я терплю всегда вдали от нее. У меня нет слов говорить ей о своей любви. Да и что есть больше? Ничего, — она моя жизнь, радость, солнце. Любовь.

Умер бедняга Вава Беляев. Что будет с его родителями? От Юрия и Миши получил телеграмму с просьбой о денежной помощи. А что я могу, когда сам сижу в долгах и Маре не в состоянии выслать денег на дорогу.

Телеграммы шлет лишь за деньгами. Худо, не любит она меня.

23 Воскрес.

Ездил на автомобиле в госпиталь. Тело Беляева мне выдали, похороны — вторник. Хлопотали об оркестре, полуроте юнкеров, бюро и т. д.

Вечером был у Федорова и потом в ресторане часа 3 беседовал с н(ачальни)ком отдела к(онтр)разведки Ставки Верх(овного) главноком(андующего) кап(итаном) Ген(ерального). Шт(аба). Симонов.

Вторник 25 февраля

Белый глазетовый, очень красивый гроб, катафалка, певчие, музыка, полурота офиц. школы, венки и цветы. Глухо стучит промерзлая земля о крышку гроба. Нет его. Упокой Господи его душу в горних селениях. Мир его праху.

Вчера ужинал с к(апитаном) С(имоновым), который информировал меня относительно Омска. Днем получил телеграмму, что Дети в Омске⁷⁶; Слава Создателю! Со мной была истерика, и я едва успокоился. Господи, если бы это было так! Какое счастье. Я даже боюсь верить.

26 февраля

Узнал ужасную новость — военный контроль взял меня “на мушку” (остроумное выражение). Господи, внуши всем этим господам, что я политикой не занимаюсь, что вины у меня нет никакой.

Когда же оставят меня в покое? Да и что нужно от меня? Хотя я напрасно бью тревогу, — может быть, это лишь недоразумение. Как все скверно, но хуже всего то, что нет моей родной Марочки

и... денег. Придется заняться “коммерцией” и продать что-либо из вещей. Тоже глупо: все думают, что у зятя Г. Распутина деньги — куры не клюют, а я должен по сто руб. — тяжело.

Но Господь не без милости, на Него мои надежды; по доброте Своей сохранит и поможет мне.

Ну и в компанию же ввел меня ген(ералл) П! Что он, совсем что ли спятил? Я только сейчас начинаю разбираться понемногу в своих знакомствах г. Владивостока. “Милые” сначала, начинают казаться весьма подозрительными.

Здоровье с каждым днем все хуже и хуже. Встретил случайно Мягкова Ник. Ал., был очень рад этой встрече.

27 (февраля)

Мучительная ночь. Страшная слабость. Необходимо посоветоваться с доктором.

1 марта

Сегодня дежурили по штабу. Интересная ночь. Ар. 22 од. Господи, кому масленица, а мне уже Великий пост: денег нет, от милой моей женушки никаких известий. Ну что же, значит, так надо. Думает ли лишь она, что мои чувства любви к ней блекнут? Да это и естественно, — ведь она меня вряд ли любит. Молчит. Послал срочную телеграмму 24-го, и ответа все нет. Что же, Господь с нею, — насильно мил не будешь.

2 марта

Получил, наконец, известия из Омска, только не от жены. Главное среди них — ее поведение. Вот ужас! Неужели это правда? Я, кажется, готов сойти с ума. Боже, а я так ее любил, страдал, о ней лишь одной тосковал! Ведь я думал, что она так чиста и невинна как ангел, и вдруг...

Боже, что же это? что мне теперь делать? Чем я ее встречу? О, какое жестокое и несправедливое наказание! Это плата и награда за то, что я оставался чист и честен по отношению к ней. Вот награда мне за мою супружескую верность! Какая пошлость, та, на которую я готов был молиться, отдать за нее жизнь, самым подлым образом предала мои чувства и жестоко оскорбила святое святых моей души. Гадко, низко, нет ей оправдания, прочь от меня и из моего сердца. Как я страдаю! Душа разбивается ужасным горем. Надо послать ей телеграмму, чтобы не утруждала себя приездом и отправлялась, куда хочет, на все четыре стороны, с милой панией.

Как тяжело! Порой кажется, что от души моей оторвали большой кусок, из раны сочится кровь, и мука бесконечная. Что же я буду теперь делать? Ради кого и для чего? Найти другую? Не трудно, их много, но для чего? Для того, чтобы вновь испытать горе? Они ведь все одинаковы, ветреные самки, не умеющие разобраться в душевных чувствах, мешающие божественный дар — любовь с проявлениями скотских страстей. Алтарь любви — постель, а бог — животная грубая страсть. Не все таковы, но надо быть большим счастливцем найти исключение. Не найдешь опять мука; так лучше и не стараться искать.

Но что же я буду делать с ней? Послать телеграмму, чтобы она считала себя свободной, нельзя, так как женщина, позволившая себе такое крайнее легкомыслие, может и способна на все. Она может сказать, что я ее ограбил. Взял мол и деньги и бриллианты. Выкупить я их не могу — нет денег, и те 2 тысячи, которые я ей перевел, стоили мне очень дорого. Я и так в долгах по уши. Что же делать, Господи? Научи и вразуми, чтобы не лишиться не только жены, но и чести, единственного, что у меня осталось. Да, видно правы были те, которые предупреждали меня, не жениться на ней. О, как обидно и больно, что я ошибся, и они правы! Но что же делать?

3 марта

Прошел еще день. Деньги, по-видимому, получены, и беспокоиться, следовательно, не стоит. Зачем все так. Прихожу к тому выводу, что надо подождать ее приезда. Думаю, ей ни слова не говорить. Если она порядочная, то расскажет откровенно все, и если будут обстоятельства, смягчающие ее вину — прощу. Бог с ней, еще погибнет, если выбросить ее вон; она слишком молода, а путь разврата — скользок и опасен. Но скажет ли сама? Хватит ли у нее мужества и

честности? Главное, честности. Если промолчит, сделав вид, что ничего не было, или еще хуже — станет отпираться и оправдываться, то значит она до такой степени пала низко, что нечего с ней и стесняться, пусть живет как хочет, придется хлопотать о разводе. С какой болью в сердце думаешь и пишешь об этом! Но что же поделаешь, видно, не судьба насладиться тихим семейным счастьем. Пусть мое сердце и жизнь будут разбиты, мне будет тяжело без нее, я так ее люблю, но имя мое останется незапятнанным, и раз она не может достойно его носить — пусть будет лишена его. Боже, как это тяжело!

4 марта

Получил телеграмму, что едет. Ну что ж, пусть приезжает. Интересно, какими глазами будет смотреть на меня. Ес(ть) ли (у) нее совесть.

5 марта

Голодно. Денег нет, а очень страшно хочется есть. Плохо. А работы все больше и больше.

6 марта

За горестями я было забыл об еде, но желудок берет свое и хочет помимо булки с чаем чего-либо существенного. Завтра надо послать телеграмму Маре, это мои последние средства. Хотя просуществую еще немного, но паек — 2 булки — придется сократить до одной в день. Табаку осталось тоже дня на два. Скверно. Хорошо бы сейчас покушать мясного чего-нибудь или тарелку супа. Жалко, продать нечего. Ничего, Господь поможет.

27 марта

Жена приехала, и идет со дня приезда ад. Сегодня вмешались и Виткуны, М. А. приходила расписывать, насколько они обе с сестрой хороши. Я, разумеется, поддакивал. Но насколько гадки эти два создания! В каких диких сценах я познал “красоту и доброту их душ”. Но разгадка нетрудна. Матрена онанистка, и этот трюк делает из нее какого-то уродца во многих отношениях. Итак, скоро конец. Мне уже невтерпёж. Скорей, скорей. Я чувствую, что еще немного, и я сойду с ума. Господи, помоги и не допусти, чтобы я лишился рассудка. Продолжение тяжелой страницы моей жизни запис. книжка № 4.

14 апреля 1919 г.

Господи! Кровь и кровь и море крови! Да разве можно так? Ведь благо человечества не в насильственных действиях, не в разрушении существующего порядка, а лишь во внутренней борьбе каждого с самим собой, со своими дурными наклонностями, страстями. Разве можно достигнуть правды и счастья преступными средствами? Немыслимо, ведь каждая капля крови влечет за собой неправду и горе.

27 мая 1919 года

Много прошло времени — еще больше перемен в жизни.

12 июня

Вот когда я вновь открыл своего собеседника. Перемены за этот период времени — не малые. Из

штаба крепости пришлось уйти. Гнусная клевета и сплетни моих врагов и тут не дали мне покоя. Когда же мне удастся, наконец, разделаться с государственной службой и таким образом стать вне зависимости всевозможных авантюристов и просто мерзавцев, наводнивших всевозможные канцелярии и мнящих себя людьми необходимыми для государства и столь целомудренно чистыми, что бросать грязью, лить помой и прикрываться безответственностью переживаемого момента — их право и обязанность перед Родиной.

Жду с нетерпением, болезненно слежу за событиями, которые ведут Деникина в Первопрестольную, а с ним вместе — стремление влить во внутреннюю политическую жизнь многострадальной Родины начала религиозно-национального характера, единственное средство вырвать народ из когтей страшного зверя, сбросить завесу с глаз потонувшей в крови братоубийственной бойни толпы, ослепленной злыми врагами православной Руси.

Вот уже полгода я на Дальнем Востоке. Знакомился с жизнью этого, всегда бывшего для меня заманчивым, края.

Что же представляет из себя эта жизнь? Я не знаю, какова она была раньше, но старожилы уверяют, что ничто не изменилось — все по-прежнему, за исключением разве особенно обнагленной спекуляции и последствий интервенции. Итак, что же может дать и чем порадовать жизнь Д. В. и в частности Влд? Грустно, но должен признаться, что общественную жизнь края можно характеризовать одним словом — спекуляция. Да, наглая спекуляция! Спекулируют жида, союзники-интервенты и наши русские.

Спекулируют чем возможно: иенами, коносаменами, сахаром, спиртом, гвоздями, спасением России, честью, долгом, любовью к Родине, всем-всем, что только может иметь материальную либо моральную ценность, цель одна — мне, мне и больше и больше; жажда наживы и жажда поживиться — вот лозунг и идеал толпы, называемой обществом, носящих лицемерно маску, именуемую “государственностью”. Людей много, людей нет! Вот горе и трагедия правительства адмирала Колчака. И злая ирония судьбы! Ведь нарком Ленина и вся его жидовская клика страдают той же болезнью. Не показатель ли это того, что как один, так и другой несостоятельны в смысле популярности в народе признания их и доверия им?

Все более и более убеждаюсь, что близок час реставрации монархии, и да будет, лишь державной рукой коронованного властителя будет вытащена Русь из той помойной ямы, где барахтается ныне, лишь ею будет насажден порядок и мир внутри страны и величие ее извне “на страх друзьям”.

Русский Остров. 29 июля 1919 г.

Тучи собираются над моей головой, и гроза не сегодня — завтра разразится. Что же, я готов; одним испытанием больше, одним меньше — все равно. Дело не в том; обидно, что каждый осел лягает своим копытом и довольно чувствительно. Все общество, за исключением немногих, действительно или потомки каторжников с наследственными недостатками или отбросы из России “себе на уме с горошком”, при первых грозных событиях, решившие, что борьба с проявлениями революционного духа, углублением революции — обойдется без них, спасавших пока и весьма успешно только свои животы. Что же ждать от них? Кроме развития их интеллектуальных способностей и применения их в области различных спекуляций, не дожидаться ничего. Спасение родины придет не из Сибири, а из самой многострадальной России. Не с помощью варягов, а с Божьей, в пробуждении духа, религиозно-национальном стремлении души народной я вижу залог будущей Великой Российской Империи, пред могуществом коей согнут свои выи все ныне могучие державы. Все будут полны зависти и удивляться счастливой жизни народа, вручившего свою судьбу в Руки Божии и под сиянием православного Креста нашедшего мир и спокойствие. И будет. На многие лета, пока не прогневит вновь Создателя тягчайшими прегрешениями. И накажет Господь народ свой — то и начало конца.

Русский Остров. 30 июля 1919 г.

Пути Господни неисповедимы. Никто не знает, где найдет спасение и когда. Так и мы теперь; гнев Господень обрушился на нас за беззакония наша, тяжка чаша страданий и горька, но милостью Отца нашего Небесного претерпим, “претерпевший же до конца — спасется”. Буди же милостив к нам, Господи, прости согрешения наша.

31 июля 1919 г. Русский Остров.

Вот и 1-ое августа н. ст. Время мчится быстро, быстро, и нет силы остановить его искрометный бег. Да и стоит ли? Наоборот, скорее вперед и вперед!

4 августа

Все тяжелее и тяжелее на моей душе”.

На этом кончаются записи Бориса Николаевича Соловьева.

На одном из предпоследних листов тетради имеются два обозначения, сделанные химическим карандашом. Одно из них изображает крест, а другое символический знак, тот же самый, какой был сделан Государыней Императрицей на косяке одного из окон в комнате дома Ипатьева. Эти обозначения изображены следующим образом: 77.

[Соколов Н. А.] [Справка об освобождении из-под стражи М. Г. Соловьевой] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 190. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

СПРАВКА

Ввиду имеющих у судебного следователя точных сведений об отношении к факту ареста Соловьевых атамана Семенова, угрожающих как самой возможности допроса Соловьева, так и сохранению добытого предварительным следствием материала по настоящему делу, судебный следователь принужден был Матрену Григорьевну Соловьеву из-под стражи освободить, о чем сообщено начальнику Читинской областной тюрьмы 28 декабря 1919 года за № 177.

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол об осмотре записки, полученной от одного из лиц Читинской тюремной администрации, 27 декабря 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 188—189. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года, декабря 27 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Чите, в порядке 315 324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр записки, полученной от одного из лиц Читинской тюремной администрации (л. д. 120, том 8-й).

По осмотру найдено следующее:

Записка эта от Соловьевой к ее мужу написана на восьмушке белой писчей бумаги фиолетового цвета чернилами и имеет следующее содержание:

“Милый Боря меня посадили в тюрьму, ради Бога не волнуйся и все выяснится и меня дня через 2 освободят Наш друг этого не знает. Целую тебя мой родной Храни тебя Господь, мужайся дорогой мой. Твоя Мари”.

Судебный следователь Н. Соколов

Поняты:

- 1) Дворянка Варвара Владимировна Ромадановская
- 2) Личный почетный гражданин Андрей Петрович Куликов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол о получении судебным следователем по особо важным делам округа Омского окружного суда Н. А. Соколовым записки, написанной М. Г. Соловьевой ее мужу Б. Н. Соловьеву, 27 декабря 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 188. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года, декабря 27 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, прибыв в Читинскую областную тюрьму для допроса Матрены Григорьевой Соловьевой, получил от одного из лиц тюремной администрации записку, написанную названной Соловьевой ее мужу Борису Николаевичу Соловьеву и письмо на имя “Марьи Михайловны”.

Из содержания последнего письма видно, что адресатом его является любовница атамана Семенова, известная в Чите под именем “Марьи Михайловны”. В этом письме Соловьева извещает “Марью Михайловну” о заключении под стражу ее и ее мужа и просит ее добиться у атамана Семенова освобождения из тюрьмы ее и ее мужа. Из бесед с некоторыми лицами тюремной администрации судебный следователь осведомился, что из дома атамана Семенова по телефону несколько раз со времени доставления в тюрьму Соловьевых справлялись о факте нахождения их в тюрьме.

После получения сих сведений, приблизительно, около 2 часов дня в комнату, где производился допрос Соловьевой, явилась вышеупомянутая “Марья Михайловна” и обратилась к Соловьевой с приветствием, как к лицу, с которым у нее, видимо, близкие отношения. Затем, совершенно игнорируя судебного следователя, она обратилась непосредственно к Соловьевой и потребовала от нее, чтобы она одевалась и ехала к ней в дом атамана Семенова, так как в тюрьме ей, Соловьевой, “не место”.

В силу фактической необходимости и, будучи осведомлен об отношении атамана Семенова к настоящему делу, судебный следователь был вынужден, удалив Соловьеву, иметь наедине объяснение с названной “Марьей Михайловной”.

Ее требование к судебному следователю объяснить о причине ареста Соловьевых и о немедленном их освобождении было оставлено без ответа. Письмо, написанное ей Соловьевой, было ей передано.

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

Генерал-лейтенант атаман Семенов Г. М. Письмо следователю по особо важным делам генералу Соколову Н. А., 3 января 1920 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 201. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII)

Копия

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

ВСЕМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА,

Иркутского военного округа

и

ПОХОДНЫЙ АТАМАН

Дальневосточных казачьих войск

3 января 1920 г.

№

Гор. Чита.

Следователю

по особо важным делам

генералу Соколову

Приказываю Вам освободить из-под стражи поручика Соловьева, содержащегося в Читинской областной тюрьме, на поруки жены генерал-майора Вериги.

Генерал-лейтенант атаман Семенов

Личный адъютант есаул (подпись неразборчива).

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол допроса М. Г. Соловьевой, 28 декабря 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос.

Архив, 1998. — С. 189. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года, декабря 28 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Чите в порядке 722 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, и она показала:

Матрена Григорьевна Соловьева — сведения о личности см. л. д. 113, том 8-й.

Странник Даниил Печеркин теперь монах на Новом Афоне. Это сушая неправда, что писали в газетах, будто бы мой покойный отец был за что-либо судим. Ничего подобного никогда не было. Правда, дедушка Ефим Яковлевич был однажды арестован за несвоевременный платеж податей, как вообще это делалось в прежние времена с крестьянами. Может быть, по этому поводу и сплели газеты небылицу про отца.

По Вашему требованию представляю Вам из моих вещей⁷⁴:

1. Святое Евангелие, подаренное моему мужу Государыней, когда он доставил Им вещи и деньги в Тобольск;
2. Дневник мой, который я вела с 1 января 1918 года;
3. Дневник моего мужа;
4. Книга, озаглавленная: “Григорий Распутин. Мои мысли и размышления”.

На Евангелии, подаренном мужу, имеются надписи Государыни; под ней написана буква “В”. Эту букву написала моя сестра Варя. К мужу ходили во Владивостоке в гостиницу “Версаль” какой-то Петров, из Петрограда; штатский Федоров, но откуда он, не знаю, по профессии он, кажется, инженер.

Протокол прочитан.

М. Соловьева

Судебный следователь Н. Соколов

Верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол допроса М. Г. Соловьевой, 26—27 декабря 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 179—187. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1919 года, декабря 26—27 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Чите в порядке 722 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, и она показала:

Матрена (я же Мария) Григорьевна Соловьева, 21 года, жена подпоручика, православная, грамотная, под судом не была.

Я — родная дочь Григория Ефимовича Распутина. Мою мать зовут Прасковьей Федоровной. В семье нас трое детей: брат Дмитрий, 23—24 лет, я, а потом сестра Варвара, 18 лет.

До сближения моего отца с Царской Семьей вся наша семья вела самый простой образ жизни крестьянской семьи. Главой в нашей семье был покойный дедушка Ефим Яковлевич. Он вел хозяйство при помощи брата моего Дмитрия и мамы Прасковьи Федоровны. В жизни моего отца, когда я была еще маленькой девочкой, что-то произошло, что изменило совершенно всю его, а впоследствии и нашу жизнь. Раньше отец жил, как все крестьяне, занимаясь хозяйством. Вдруг он оставил семью и ушел странствовать. Должно быть, что-то произошло у него в душе: он перестал пить, курить и есть мясо и ушел из дома. Я думаю, что на него так подействовал известный в наших местах странник Дмитрий Иванович Печеркин, родом из деревни Кулиги (верст 300 от Тобольска). По крайней мере, перед уходом отца Печеркин у нас был, и они ушли тогда вместе с отцом.

Приблизительно это было в 1905 году.

Я помню, что, когда отец вернулся домой, мама не сразу его узнала. С того времени отец бросил крестьянство и стал ходить пешком по всей России, посещая Святые места. Кажется, у него была мысль уйти в монастырь, но потом он эту мысль оставил. Он говорил, что ему не по душе монастырская жизнь, что монахи не блюдают нравственности и что лучше спастись в мире. Ходил он везде, бывая в Иерусалиме, на Афонах, в Киеве, на Белых Горах, в Москве. Кажется, в 1906—1907 годах отец был в Петрограде и как-то молился в церкви на Афонском подворье. Богослужение совершал тогда известный по тому времени епископ Феофан. Он заметил молитву отца и позвал его к себе. Произошло сближение между ними. Феофан полюбил отца. Он, должно быть, проникся уважением к личности отца, потому что в скором времени Феофан представил его Великому Князю Николаю Николаевичу. Великий Князь также полюбил отца и представил его Государю Императору. Отец понравился также и Государю Императору и, вероятно, по Его приказанию он стал бывать в Царской Семье. В одно из первых своих посещений дворца, он, увидев Государя, получил от Него приказания: впредь именоваться фамилией Новых. Это произошло таким образом. Когда отец проходил ко дворцу, его увидел Алексей Николаевич и сказал Государю: “Папа, вот идет новый”, т. е. новый во дворце человек. В связи с этим фактом и была переименована наша фамилия.

Тут же после знакомства с Царской Семьей отец перестал странствовать. У него установились близкие отношения с Царской Семьей, и он стал, по большей части, проживать в Петрограде, имея постоянное общение с Царской Семьей. Я клятвенно могу удостоверить, что причиной сближения отца с Царской Семьей были его личные душевные свойства и как одна из самых главных причин — болезнь Алексея Николаевича. Отец молился о Его выздоровлении и его молитва приносила облегчение Наследнику.

Наше положение стало постепенно изменяться после такой перемены в жизни отца. Государыня пожелала, чтобы мы — я и Варвара получили образование. Мы обе учились с Варей в нашей покровской сельской школе. Меня отдали в Мариинскую гимназию в г. Казани, откуда я в 1910—1911 году была переведена в петроградскую гимназию Стеблин-Каменской. В Казани я обучалась одна, в Петрограде мы учились обе с Варей. Мы жили в пансионе гимназии, бывая накануне праздников и в праздничные дни у отца. Он проживал тогда на Гороховой, 64. Наша квартира состояла из 5 комнат. Роскоши никакой у нас не было. Все это вранье, что писалось тогда в газетах про нас. Комнаты наши и обстановка их были самые простые. В столовой стоял у нас стол, обыкновенные венские стулья и оттоманка, самая роскошная вещь из всей обстановки, подарок какого-то Волынского, освобожденного из тюрьмы по ходатайству отца; в спальне отца — кровать железная, американский стол, в котором хранились у отца под замком многочисленные прошения разных лиц, гардероб и умывальник; в кабинете отца — письменный

многочисленные прошения разных лиц, гардероб и умывальник, в качестве отца — письменный стол, на котором ничего не было, кресло и диван; в приемной были одни стулья. Только одну нашу детскую мы обставили по своему вкусу: у нас были в ней кровать, кушетка, столик, диванчик, кресла, туалет, гардероб. Свою личную жизнь, свои вкусы, свой уклад жизни отец нисколько не изменил после приближения к Царской Семье. Он ходил в русской рубашке, русских шароварах, заправляя их в сапоги, и в поддевках. Мяса он не ел до самой своей смерти. Его обед всегда состоял из одной ухи. Кроме того, он еще употреблял редиску и любил квас с огурцами и луком. Больше этих кушаний он ничего дома не ел. Вставал он всегда рано и шел обязательно к ранней обедне. После этого он приходил домой и пил чай с черными сухарями или кренделями. Тут же после чая приходили просители, и на них уходил целый день отца. Правильного распорядка дня не было. Собственно, весь день уходил у него на просителей, и он принимал всех и всегда. По вечерам он проводил время с нами, если его никуда не вызывали. Мама после сближения отца с Царской Семьей была принимаема во дворце, но она вела прежнюю жизнь, продолжая заниматься в Покровском своим хозяйством. Также нисколько это не отразилось и на положении Дмитрия: его отдали было в Саратов к епископу Гермогену учиться, чтобы он мог получить гимназическое образование, но он тосковал по хозяйству, не стал учиться и уехал домой. Я забыла сказать, что у отца в Петрограде была одна прислуга: или Евдокия Ивановна Печеркина, тетка названного мной странника Дмитрия, или Екатерина Ивановна Печеркина, его сестра. Они заменяли одна другую.

Жизнь отца в Петрограде я наблюдала сама лично. Его отношение к Царской Семье я также наблюдала сама. Я не могу связно рассказать что-либо про жизнь отца. На Ваши вопросы отвечаю следующее. Целый день у отца уходил на приемы разных просителей. К нему обращались очень многие с очень разнообразными просьбами: его просили о местах, о помиловании разных лиц, сидевших в тюрьмах. Вот, главным образом, с такого рода просьбами и обращались к нему. Ему разные лица давали деньги, но очень многие и просили у него денег. Никогда никому в денежных просьбах не отказывал. Он действительно одной рукой брал, а другой раздавал. Обращались к нему и за духовной помощью: просили совета, жаловались на тяжелую душевную жизнь. Он давал советы, старался помочь душевно, как мог.

Он часто беседовал с нами о Боге. Он говорил, что Бог это утешение в жизни, но что нужно уметь молиться для того, чтобы получить это утешение. Чтобы молитва могла дойти до Бога, нужно во время молитвы всецело отдаваться вере в Бога и гнать от себя все другие мысли. Он говорил, что молиться не каждый может и что это трудно. Он часто постился и заставлял поститься нас. В пост он ел одни сухари и строго соблюдал его. Он говорил, что посты установлены вовсе не для здоровья, как говорят ученые люди, а для спасения души.

Никаких приемов гипнотизма отец в действительности не знал. Он, как был простым мужиком от рождения, таким и остался до самой смерти. Но он был от природы очень умный и мог говорить о многих предметах. Его воздействие на людей, вероятно, заключалось в том, что он был чрезвычайно силен духовной энергией и верой в Бога. Он замечательно хорошо говорил о Боге, когда бывал пьяный. Как я уже говорила, уходя странствовать, он бросил пить. Но в Петрограде он снова вернулся к вину и пил много. Больше всего он любил мадеру и красное вино. Пил он дома, но больше в ресторанах и у знакомых. Царская Семья знала, что он пьет, и осуждала его за это. Говорили ему об этом и мы. Всегда для всех у него был один ответ: “Не могу запить того, что будет после”. Мысль его заключалась в том, что он ждал чего-то худого для родины в будущем, и хотел потопить в вине свое горькое чувство от сознания нехорошего будущего.

Пьяный он любил плясать русскую и плясал замечательно хорошо. Вообще вино на него действовало не так, как на других. Он не терял разума, не делался от вина грубым, злым, а делался как бы более одухотворенным. Все, что писалось в газетах в революцию про его разврат, — клевета. Отец не знал никаких женщин, кроме мамы, и любил одну ее.

Мы до его смерти не были с сестрой Варей ни разу во дворце. Мы встречались с Государыней и Великими Князьями в Анны Александровны Вильмовой. Государыня с уважением относилась

Большинство из них утратило Александру Вырубову. Государыня с уважением относилась к отцу, высказывая веру в силу его молитвы.

Отец любил Царскую Семью и был предан Ей. Он всегда хорошо и задушевно отзывался о Них. Но он ставил Государю в недостаток Его доброту и говорил про Государя, что Он “больно добр и прост”. Про Государыню отец говорил, что Она “много тверже Государя”. Он несколько не менял своего обращения с Государем и с Государыней в сравнении с другими людьми. Он называл и Государя и Государыню на “ты”, как и всех вообще людей: слова “Вы” он совсем не знал. Горячий от природы, отец позволял себе иногда и кричать на Государя, а в горячности иногда даже топал на Него ногами. Был один случай, когда отец, накричав на Государя, ушел, не простившись с Ним. Все эти его ссоры с Ними происходили из-за того, что Государь не всегда слушал советов отца. Чаще всего отец расстраивался по той причине, что ему противодействовали министры. Он часто приезжал из дворца расстроенным, и, когда мы его спрашивали, что с ним, он бранил министров за то, что они дурно влияют на Государя. Отец упорно говорил Государю, что Он должен быть как можно ближе к народу, что Царь — отец народа, что народ должен Его видеть как можно чаще, должен любить Царя, как отца, а между тем Государь держит Себя так, что Его народ не видит и лишь боится Его имени; что если бы народ Его видел и знал, что он бы Его не боялся, а любил. Государь говорил отцу, то если отец, то Его убьют мужики. Отец говорил Государю, что мужики никогда не убьют Царя, а убьет Его интеллигент. Сильно ссорился отец с Государем вообще из-за “неправды”. Отец говорил Государю, что Его министры врут Ему на каждом шагу и тем Ему вредят. Например, когда в Петрограде стали появляться “хвосты”, отец страшно возмущался этим и говорил, что прежде всего народу нужен хлеб и что эти хвосты до добра не доведут. Государь возражал отцу, что есть хлеб и никаких хвостов нет; что так Ему докладывают министры. Отец из-за этого и вздорил с Государем. Он, как я думаю, пользовался большим все-таки доверием у Государя во многих делах. В частности, отец был горячим противником войны с Германией. Когда состоялось объявление войны, он, раненный Хионией Гусевой⁷¹, лежал тогда в Тюмени, Государь присылал ему много телеграмм, прося у него совета и указывая, что министры уговаривают Его начать войну. Отец всемерно советовал Государю в своих ответных телеграммах “крепиться” и войны не объявлять. Я была тогда сама около отца и видела, как телеграммы Государя, так и ответные телеграммы отца. Отец тогда говорил, что мы не можем воевать с Германией; что мы не готовы к войне с ней; что с ней, как с сильной державой, нужно дружить, а не воевать. Это его тогда так сильно расстроило, что у него открылось кровотечение раны.

Неправда то, что писали про отца, будто бы он стоял во время войны за мир с Германией. Он говорил нам с сестрой: “Меня тогда не послушались, теперь ничего сделать нельзя”.

Вообще же отец в переписке с Царской Семьей не состоял, т. е. Они не писали ему писем. Государыня только однажды прислала отцу в Покровское письмо. Он его показал, по своей простоте, гостившему тогда у нас Илиодору. Илиодор это письмо у отца тогда же и украл. Я не знаю хорошо, в чем именно было дело, но был в 1916 году, кажется, один случай, когда отец повлиял на Государя. Что-то такое “важно” должно было случиться, Государь должен был быть в каком-то собрании, где Его должны были видеть все министры. Отец уговорил Государя не ездить туда, и Государь его послушался. Но я не могу Вам совершенно рассказать, в чем именно тогда было дело. Об этом случае говорил мне отец. Называл он Государя — “папой”, Государыню — “мамой”. Он это объяснял тем, что Они отец и мать народа.

У отца было много знакомых людей, как мужчин, так и женщин. К нему были близки сначала епископ Гермоген и монах Илиодор, но потом они разошлись. И Гермоген и Илиодор приревновали отца к Царской Семье. Поэтому у них и расстроилась дружба. Искренне преданными ему людьми были: Анна Александровна Вырубова, Любовь Валерьяновна Головина, ее дочь, Мария Евгеньевна, Мария Александровна Виткун, генеральша Александра Егоровна Гущина. Лучше всех к нему относилась Вырубова. Она верила в его молитву. Он ей помог во время большого с ней несчастья. В 1916 году, когда она ехала в поезде, поезд потерпел крушение, и ей переломило ногу. Она была в бесчувственном состоянии и никого не узнавала. Ее мать

надежда илларионовна Ганеева привезла к ней отца. Отец молился до пота, и она после его молитвы пришла в себя. После этого она особенно прониклась добрыми чувствами к отцу.

У отца было много врагов. Его часто бранили в газетах. Мы иногда говорили ему, почему он при его влиянии не заставит их замолчать. Он всегда отвечал: “Я знаю, какой я. И близкие это знают. А с ними сосчитаемся на том свете”. Неоднократно его хотели убить. Я помню, однажды пришла к нему в приемную на Гороховой одна дама. Отец, подойдя к ней, сказал: “Ну, давай, давай, что у тебя в правой руке. Я знаю, что у тебя там”. Дама вынула руку из муфты и подала ему револьвер. Она сказала отцу, что она пришла с целью убить его, но, когда увидела его глаза, поняла свою ошибку. За несколько дней до объявления войны в Покровском отца ранила ножом Хиония Гусева. Всем известно, что ее подослал к отцу для этой цели Илиодор.

Убили папу в ночь на 17 декабря 1916 года. Это сделали Юсупов, Пуришкевич и Дмитрий Павлович. Юсупов познакомился с папой недели за две до его смерти. Его познакомила с папой Муня Головина. Юсупов часто стал к нам ходить, скрывая это от других. Он ходил к нам по черному ходу и просил отца никому не говорить, что он ходит к нам. Он объяснял это тем, что его, Юсупова, старик отец лишит наследства, если узнает, что он ходит к нам. Отец никому этого и не говорил. 16 декабря вечером часов в 8 у нас был министр Протопопов, до того бывший у отца один раз, и предупредил отца, чтобы он никуда в этот вечер не ходил. У нас в квартире с 1916 года стали дежурить сыщики. Их Протопопов в этот день почему-то отпустил. В 12 часов ночи к нам приехал Юсупов. Отец встретил его словами: “Ах, миленький, ты пришел”. Юсупов спросил его: “Посторонних нет?” Отец ответил, что никого нет. Тогда Юсупов сказал ему: “Поедем кутить”. Они уехали, и больше отец не возвращался. Как потом оказалось, Юсупов привез его в свою квартиру, где были Пуришкевич, Дмитрий Павлович и какие-то другие люди. Сначала Юсупов дал отцу выпить в вине какого-то очень сильного яда, но яд не оказал никакого действия на отца. Тогда Юсупов выстрелил в него сзади из револьвера; отец, видимо, растерялся: вместо того чтобы бежать на улицу, он стал одевать шубу и вследствие этого, задержался. Когда он после этого бросился бежать, его Юсупов, Пуришкевич и Дмитрий Павлович добили из револьверов. Об этом сам Дмитрий Павлович рассказал Александру Ериковичу фон-Пистолькорсу, а он — мне. После убийства отца на второй или третий день мы были вызваны во дворец. Там мы видели Государя, Государыню и Княжен. Государь и Княжны плакали, Государыня держалась и утешала нас. После этого мы каждую неделю два раза являлись с Варей во дворец. Царская Семья очень хорошо относилась к нам.

После убийства отца мы не могли учиться: нам было тяжело на душе. Мы ушли из гимназии и жили на Гороховой с мамой. Так мы жили до самой революции. Через несколько дней после переворота мы уехали в Покровское, так как нас искала толпа и хотела убить. В Покровском мы жили до сентября. В сентябре месяце 1917 года мы с Варей поехали в Петроград. Там у нас была знакомая еврейка Татьяна Шаг, впоследствии по мужу Никельбург. Это была наша домашняя учительница. Мы у нее и поселились. До этого еще времени у меня был жених, грузин корнет Пхакадзе. Я его очень любила, но отец хотел, чтобы я вышла замуж за Бориса Николаевича Соловьева. Отец его — Николай Васильевич был приятель отца. (Он был казначеем в Синоде.) Отец говорил неоднократно, что я должна выйти за Соловьева, а не Пхакадзе, потому что Пхакадзе очень ревнив. Из-за ревности ко мне он стрелялся, и отец говорил: “Что же будет, когда он на тебе женится”. Пхакадзе представлялся Государыне и не понравился Ей. Она знала Соловьева и тоже хотела, чтобы я шла за него. (Государыня знала Соловьева не лично, а со слов папы.)

С Соловьевым я познакомилась у них в доме в 1916 году. Он меня полюбил и стал мне предлагать замужество. Я ему отказывала, потому что любила Пхакадзе. Когда я была дома после отъезда в 1917 году из Петрограда, Соловьев писал мне письма, уговаривая меня идти за него. Ввиду изменившегося положения нашего, по совету мамы, а главным образом, помня желание отца и Государыни, я решила выйти за него замуж. В сентябре месяце 1917 года мы с ним повенчались. Свадьба была справлена на средства мужа. Посаженным отцом у нас был упомянутый мною Пистолькорс. Из приглашенных были генеральша Гущина и Мария

Георгиевна Сазонова (я не знаю, кто ее отец, но он какой-то сановник).

Мой муж, как я знаю, был участником этой войны, и, кажется, пошел на войну добровольцем. Я не знаю, какое участие он принимал во власти после переворота, но знаю, что он был адъютантом Гучкова. После ухода Гучкова ушел и он. В момент нашей свадьбы он находился в отпуске. После нашей свадьбы мы поехали в город Симбирск к его бабушке Надежде Александровне Токаревой. У нее мы прожили недели две и уехали в Покровское. Здесь мы прожили у мамы недели две — три и вернулись в Петроград. Здесь мы жили в своей квартире на Сергиевской улице (№ дома не знаю), кажется, на углу ее и Потемкинской. Так мы жили несколько месяцев. Мы жили на свои собственные средства скромно: небольшие деньги были у мужа, и у меня было 3 тысячи рублей из 10 тысяч, оставшихся после смерти папы.

В скором времени после нашего возвращения в Петроград была освобождена Вырубова⁷². Она через какую-то сестру милосердия, служившую ей, получала от Государыни письма. Государыня писала Вырубовой, что жизнь Их в Тобольске — ужасна: что Они нуждаются в продуктах и голодают, что Они ходят в тряпье, так как Их дорогой, когда Они ехали в Тобольск, обокрали. Я эти письма читала сама. Таких писем было много. Государыня писала Вырубовой почти каждую неделю. Письма эти были на русском и на английском языках. Английские письма мне читала Вырубова. Государыня просила помощи деньгами и вещами. Она, зная, что я вышла за Соловьева, о чем Ей писала Вырубова, указывала в письмах, что просимое лучше всего доставит Соловьев. Тогда Вырубова вошла в сношение с банкиром Карлом Иосифовичем Ярошинским и познакомилась с ним мужа. Ярошинский решил помочь Царской Семье. Вырубова накупила нужных вещей. Они были уложены в ящик, и муж повез их в Тобольск. Он поехал туда, кажется, в феврале или марте 1918 года. По какому документу он поехал туда, я не знаю. Сколько денег ему давал Ярошинский, я не знаю. Лично же мужу он платил 40 тысяч в год. В Тобольске муж проживал секретно у священника Васильева. Вещи и деньги он доставил через кого-то по назначению. Государыня писала Вырубовой благодарственное письмо и, уведомляя о получении денег и вещей, писала, что Дети заплакали, получив эти вещи. Государыня писала также, чтобы мы берегли Боря. Это письмо было отправлено почтой Государыней на адрес Вырубовой. Оно было написано на русском языке, и я его сама читала. Пробыв некоторое время в Тобольске, Боря поехал в Покровское. Но здесь его арестовали большевики и отправили в Тюмень в трибунал. Там его подвергли домашнему аресту в квартире Дмитрия Дмитриевича Стряпчева, старого приятеля папы. Муж меня известил об этом телеграммой, и я поехала в Тюмень. Я приехала туда в апреле — мае. Муж был в тюрьме, но я упростила комиссара Немчинова освободить его под залог в 500 рублей.

Тут же пароходом мы отправились в Тобольск и Омск. Нам хотелось побывать в Покровском и повидать своих, а в Тобольске мы хотели отслужить молебен Иоанну Митрополиту. Известив телеграммой своих, мы виделись с ними в Покровском: они выходили к нам к пароходу. Садясь же в Тюмени на пароход, мы мельком видели Царских Детей. Я видела Их в окно Их каюты. Они все были в одной каюте. Здесь же был с Ними и Алексей Николаевич. Но я Их видела издали и мельком. Конечно, мы разговаривать не могли. В Тобольске мы пробыли несколько дней на каком-то постоялом дворе и жили, не прописываясь. Молебен мы служили в соборе по случаю освобождения мужа. Из прислуги Царской Семьи мы видели одну Романову. Но она не жила с Царской Семьей и ничего нам сообщить не могла. Из Тобольска мы поехали в Омск просто прокатиться. В Омске мы жили на пароходе несколько дней и нигде не были. Мы нигде не были. В Омске тогда были еще большевики. Из Омска мы поехали пароходом, не останавливаясь в Тобольске, в Покровское. Мы приехали к маме, но мужа стали искать большевики, и он 17 дней скрывался на печке у крестьянина Василия Куропаткина. Отсюда мы уехали в Симбирск при таких обстоятельствах. На Покровское наступали белогвардейцы. Муж из Покровского пробрался к ним и возвратился вместе с ними в Покровское. Когда очистился путь до Симбирска, мы туда и проехали по железной дороге до Самары чрез Тюмень — Челябинск. Из Самары в Симбирск мы приехали на пароходе. Спустя некоторое время Боря поехал в Омск, а я осталась в Симбирске. Когда красные стали подходить к Симбирску, я уехала к мужу в Омск. Он жил там у доверенного Рябушинского Васильева. Прожили мы в Омске месяца два у Васильева. Он (муж)

ничем в это время не занимался. Чтобы одеться, мы отправились в Харбин, так как в Омске все было очень дорого. У меня был бриллиантовый кулон, который я решила продать. В Харбине мы жили в гостинице “Метрополь”.

Я узнала, что в Харбине находится жена атамана Семенова Мария Михайловна. Боря пошел к ней и продал ей кулон за 50 тысяч рублей. Это было в декабре 1918 года. Перед Рождеством,

купив что нам было нужно, мы поехали в Омск. Пробыв в Омске приблизительно месяца два, Боря уехал в Харбин мобилизоваться. В это время мы жили все у того же Васильева, и муж ничем не занимался. Почему Боря мобилизовался не в Омске, я не знаю. Я прожила в Омске до апреля, и в апреле мы с сестрой Варей, которую я выписала к себе, поехали во Владивосток к Боре, так как он в это время служил в штабе крепости. Во Владивостоке мы жили в гостинице “Версаль”. Летом этого года у мужа с полковником Бутенко вышли неприятности, и он ушел в отряд особого назначения. В скором времени после моего приезда во Владивосток туда приехал с Марией Михайловной атаман Семенов. Он приглашал моего мужа и меня к себе обедать, и мы обедали у него в поезде. Атаман интересовался судьбой Михаила Александровича и приглашал Борю, чтобы узнать от него что-либо об этом. Но Боря ничего не знает про судьбу Михаила Александровича⁷³.

Про судьбу Царской Семьи я ничего ни от кого не слышала. Боря тоже ничего про это не знает. Но я думаю, что Семья, кроме Государя, жива: все говорят, что Ее увезли большевики за границу. В частности, так говорила мне лично Елизавета Александровна Сапожникова, проживающая в Харбине, муж которой — придворный. Знаком ли мой муж с адмиралом Колчаком и представлял ли он ему какие-либо доклады, доказывая факт увоза Царской Семьи за границу, я не знаю. Я писала, находясь в тюрьме, записку мужу. В этой записке нашим другом я называла атамана Семенова, так как я уверена, что он нас защитит.

Я знала, что у мужа в Тюмени были в Государственном банке на текущем счету деньги, значащиеся ошибочно на имя Бориса Павловича Соловьева. Эти деньги Боря положил в банк во время своего проезда из Петрограда в Тобольск. Я раньше Вам показала, что у нас было немного средств, когда мы возвратились после свадебной поездки в Петроград. Какие и чьи деньги лежали у Бори в тюменском банке, не знаю. Боря мне говорил, что эти деньги почти все ушли на Царскую Семью.

При отъезде Бори в Тобольск он получил от Ярошинского какую-то сумму себе лично на дорогу.

Показание мне прочитано и записано правильно.

М. Г. Соловьева

Судебный следователь Н. Соколов

Верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Постановление о помещении М. Г. Соловьевой в Читинскую областную тюрьму, 25 декабря 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 178. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1919 года, декабря 25 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, рассмотрев переписку о подпоручике Борисе Николаевиче Соловьеве, присланную Владивостокским военным контролем, и принимая во внимание:

- 1) что, в виду данных, имеющих в этой переписке, на вышеуказанного Соловьева падает обвинение в преступлении, предусмотренном 108 ст. угол. улож.;
- 2) что Соловьев арестован контролем и содержится под стражей в Читинской областной тюрьме;
- 3) что, в виду данных этой переписки, такое же обвинение падает и на его жену Матрену Григорьевну;
- 4) что в дальнейшем ходе предварительного следствия эти обстоятельства, установленные перепиской, подлежат выделению в порядке 314 ст. уст. угол. суд.;
- 5) что, ввиду важности упдающего на Соловьеву обвинения и связи этого обвинения с предметом настоящего дела, пребывание названной Соловьевой на свободе представляется вредным для дела, на основании 314 ст. уст. угол. суд.,

ПОСТАНОВИЛ: Матрену Григорьевну Соловьеву подвергнуть содержанию в Читинской областной тюрьме.

Судебный следователь Н. Соколов

Исполнено 25 декабря 1919 года № 175.

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Удостоверение подпоручика Б. Н. Соловьева, 14/27 октября 1917 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 177—178. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

КОМИССИЯ

ПРИЕМКИ ОСОБО-ВАЖНЫХ

ЗАКАЗОВ

ОБОРОНЫ ГОСУДАРСТВА.

Отдел: Дальнего Востока.

14/27 Октября 1917 г.

№ 277

УДОСТОВЕРЕНИЕ70

Дано сие подпоручику Борису Николаевичу Соловьеву в том, что он состоит помощником начальника отдела Дальнего Востока, Комиссии по приемке особо-важных заказов обороны государства, почему он имеет право проезда в поездах всех наименований по воинским билетам в вагоне первого класса, а равно и на отдельно следующих паровозах.

Все подаваемые подпоручиком Соловьевым телеграммы, со всех правительственных и

железнодорожных телеграфов должны отправляться вне очереди как воинские и подаются им за наличный расчет.

Все административные лица и учреждения, к коим подпоручик Соловьев будет обращаться за содействием при исполнении своих служебных обязанностей, благоволят оказывать ему таковое. Личность, подпись и фотография подпоручика Б. Н. Соловьева подписью и печатью Комиссии удостоверяется.

Начальник отдела Дальнего Востока,

член Комиссии капитан Ястржемб Козлов

И. д. делопроизводителя Иванов

Слева от текста удостоверения книзу наклеена фотографическая карточка Бориса Николаевича Соловьева, на которой имеется его собственноручная подпись черными чернилами.

Около карточки в двух местах имеется мастичный оттиск печати: “Комиссия приемки особо-важных заказов Госуд. обороны”. Этот текст написан по ободку печати. В середине ее имеется изображение двуглавого орла, но без короны, скипетра и державы, а под ним текст: “Отдел Дальн. Востока”.

На оборотной стороне этого удостоверения имеется другой его текст, также напечатанный на пишущей машине. Содержание его такое же, но все оно — на английском языке. К этому тексту также приложен оттиск такой же печати.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол № 3 допроса подпоручика Б. Н. Соловьева, 9 декабря 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 175—177. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ № 3

1919 года, декабря 9 дня, в г. Владивостоке я, офицер для поручений подпоручик Ливен Владивостокского отделения контрразведки и военного контроля на основании Положения о контрразведывательной и военно-контрольной службе на театре военных действий, — допрашивал нижепоименованного, который показал:

- 1). Зовут меня (фамилия, имя, отчество. Замужние упоминают первоначальную свою фамилию) — подпоручик Соловьев Борис Николаевич.
- 2). От роду имею 27 лет; родился в 1893 году 17 июня;
- 3). Вероисповедание — православное;
- 4). Происхождение — из дворян;
- 5). Народность — русская;
- 6). Подданство — русское;
- 7). Звание, место прописки и место постоянного жительства — подпоручик; уроженец гор.

Симбирска; с 1895 года в г. Петрограде, откуда с января или февраля выехал в командировку в Западную Сибирь (Тюмень, Тобольск, Обская Губа и т. д.) и был арестован около Тюмени и бежал оттуда на Тобольск, Омск, где имел квартиру до выезда во Владивосток;

8). Занятие, где именно, или ремесло, какие средства имеет и вообще чем обеспечивает свое существование и где квартирует (адрес) — адъютант отряда особого назначения в Приморской области, где проживал при штабе отряда, а до этого в гостин. “Версаль” и на Русском Острове, флигель 101-й.

9). Кто (и его адрес) может удостоверить личность — прапорщ. Корепастов из того же отряда, подполковн. Мягков, нач. штаба генер. Романовского; подпоруч. и прапорщ. Тремковские из отряда;

10). Семейное положение. Имя, отчество жены или мужа, имена детей, занятия и место жительства — женат; жена — Мария Григорьевна, урожд. Распутина-Новых; детей нет;

11). Родственные связи. (Родители, братья, сестры, место их жительства и занятия) — отец Николай Васильевич; мать умерла; молочные брат Николай 11 лет и сестра лет 13-и; отец проживает в г. Москве.

12). Место постоянного жительства родителей или заменяющих родственников или опекунов и их экономическое положение — отец был членом училищного совета и казначеем Синода.

13). Отношение к воинской службе (где, когда и в каких частях отбывал) — доброволец в 137-м Нежинском полку в д. арм.; во втором пулеметн. полку, адъютант председателя Военной и Морской комиссий Госуд. Думы в 1917 г. и в 1919 г. пом. адъютанта штаба крепости Владивосток в судн. отделе.

14). Место воспитания, где и на чей счет воспитывался и причина неокончания курса, в случае выхода из заведения, с указанием самого заведения — в Симбирске закончил 6-ть класс. гимназии; ввиду болезн. состояния гимназию не окончил;

15). Был ли за границей, где, по каким делам и когда именно — не был, кроме походов в минувшую войну.

16). Где родился и что делал с октября 1917 года (период большевизма) — с ноября 1917 года поступ. на службу к банкиру Ярошинскому и исполнял его поручения до ареста большев. под Тюменью 1918 г. в феврале и сидел в тюрьме больше полумесяца, а затем, выйдя на поруки жены, бежал в Омск; при большев. в Тобольске я был дня два — три до моего ареста и первая поездка в январе тоже дня три.

17). Привлекался ли ранее к дознаниям или следствиям: когда, где, по какому делу и чем таковое окончилось — не судился.

На предложенные мне вопросы отвечаю: в Тобольске при проживании Императорской Фамилии там я был два раза и оба раза по поручению банкира Ярошинского Карла Иосифовича, а равно и моему желанию. К банкиру Ярошинскому я поступил для того, чтобы улучшить свое материальное положение, которое пошатнулось при большевиках. Обе поездки в Тобольск, первая в январе 1918 г. и вторая в феврале т. г., были совершены для обследования жизненных условий и материального положения Государя. Первую поездку я получил на дорожные расходы 25 000 руб. и которые были переданы мной ввиду необходимости Семье Государя. Во вторую поездку от Ярошинского же получил около четырех — восьми тысяч в счет моего содержания и в Тобольске я передал личных своих денег Государю двадцать тысяч, из которых 10 000-ть чеком с моего текущего счета на имя епископа Гермогена. Оба раза сношения велись через прислугу Царской Семьи Романову Анну Павловну, которая передавала их камердинеру Волкову, имени

которого не знаю, но думаю, что он находится во Владивостоке и которого должны знать члены семьи умершего лейб-медика Боткина. Говорить с Государем я не мог оба раза, равно как и с членами Царской Семьи. С отрядом, охранявшим Государя, я никаких отношений не имел, т. к. не был уверен в их благожелательном отношении к Государю. К показанному добавить ничего не имею. Настоящее мне прочитано и записано правильно. Означенное показание читал.

Борис Соловьев

Допрашивал подпоручик Ливен

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

Подпоручик Мельник К. С. Письмо ротмистру Беккеру, 7 октября 1919 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 174—175. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

Его Высокоблагородию Ротмистру Беккер

Вследствие Вашей, господин ротмистр, словесной просьбы, сообщаю те сведения по поручике Соловьеве, которые мне известны. Считаю долгом предупредить, что с пор. Соловьевым знаком не был и видел его только один раз мельком на улице. Первый раз услышал эту фамилию от подпоручика Аркадия Алексеевича Марковского в г. Тобольске, куда я приехал 7 мая 1918 (ст. ст.). Все, что говорил Марковский о Соловьеве, сводилось к тому, что последний авантюрист и жулик. Подпоручик Марковский обвинял Соловьева в том, что совместно с священником Алексеем Васильевым он присваивает деньги, посылаемые им для организации спасения Царской Семьи. Дальнейшая жизнь моя в Тобольске и возможность видаться с людьми, бывшими ранее в заключении с Их Величествами, дали мне возможность убедиться в нечестности и предательстве Васильева и Соловьева. Мне достоверно известно, что они уверили, как Их Величеств, так и присылаемых от московских и петроградских организаций лиц, в том, что отряд для спасения Царской Семьи сформирован и что нужны только деньги, но мне также достоверно известно, что никакого отряда у них не было. Мне известно, что распускаемые ими (для своего оправдания, очевидно) слухи об офицерском отряде были причиной многих телеграмм от членов местного совдепа в Совет народных комиссаров и, я полагаю, послужили причиной перевоза Царской Семьи в Екатеринбург. Но вопрос о предательстве Царской Семьи я, по некоторым причинам, пока оставляю в стороне.

Очень много слышал я о Соловьеве от моего друга — шт.-ротмистра Крымского конного Ее Императорского Величества полка Николая Яковлевича Седова, хорошо знавшего его по организациям. Шт.-ротмистр Седов, для выполнения некоторых возложенных на него задач провел около 4 месяцев в конце 1917 и начале 18-го г. в Тюмени, где в то время находился и Соловьев. Впоследствии Седов рассказывал, как Соловьев говорил ему, что выдал совдепу двух офицеров, пожелавших проникнуть в Тобольск без разрешения Соловьева. В последних числах сентября 1918 г. Седов приехал ко мне в Тобольск; к этому времени относится и появление там Соловьева, которого я раз видел мельком на улице. Я попросил Седова узнать, для чего Соловьев здесь и почему он не мобилизован. На первый вопрос Соловьев ответил уклончиво, а на второй сказал, что от военной службы уклоняется, скрывая свое офицерское звание. Я просил Седова не терять его из виду. Через дня два или три Седов рассказал, что он был у Соловьева, у которого в номере сидели три незнакомые человека. Соловьев представил им Седова, как своего друга. Подозрительный вид этих лиц и иностранный акцент одного из них заставили Седова насторожиться. Много пили, но Седов был осторожен и внимательно следил за ними. Когда уже

насторожиться. много пили, но Седов был осторожен и внимательно следил за ними. Когда уже было много выпито и Седов вел беседу с Соловьевым, то слышал какие-то странные разговоры остальных гостей между собой. Говорили о какой-то подготовке и о каких-то поездках, но заметив, что обратили на себя внимание Седова, замолчали. Перед уходом Седова Соловьев посоветовал ему поскорее уезжать, т. к. в Тобольске не безопасно. Когда я попросил шт.-рот. Седова выяснить, почему считают пребывание здесь не безопасным, Соловьев представился ничего не помнящим. Мы не обратили на все это должного внимания, но дней через 5—6 в тобольской тюрьме, в которой содержалось больше 20 000 красноармейцев и до 30 красных офицеров, вспыхнуло восстание, чуть не кончившееся разгромом города, т. к. в гарнизоне насчитывалось только до 120 штыков. Аналогичные выступления большевиков были одновременно и в других городах. Поручик Соловьев исчез с горизонта за день или два до восстания. Его приятели, которые, по собранным сведениям, имели какое-то отношение к шведской миссии, состоявшей из немцев (был только один швед, но шведского языка не знал, а говорил только по-немецки), тоже исчезли. Еще до приезда Соловьева в Тобольск мне от многих лиц приходилось слышать, что священник Васильев, поссорившись с Соловьевым, грозил запрятать его в тюрьму как германского шпиона.

Подпоручик Константин Мельник

7 октября 1919 года. г. Владивосток.

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол № 2 допроса поручика К. С. Мельника, 2 ноября 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 172—173. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ № 2

1919 года, ноября 2 дня, в г. Владивостоке я, офицер для поручений при контрразведывательном отделении штаба Приамурского военного округа поручик Поплавский, на основании предписания начальника того же отделения от 24 октября 1919 года за № 03160 производил порученное мне дознание, причем опрошенные по настоящему делу лица показали следующее:

Подпоручик Константин Семенович Мельник, 26 лет, православный, женат.

Подпоручика Соловьева я видел один раз в Тобольске на улице в сентябре месяце 1918 года, но о деятельности Соловьева я слышал от штаб-ротмистра Крымского конного полка Николая Яковлевича Седова, подпоручика Марковского Аркадия Алексеевича, из коих первый уехал в армию генерала Деникина, а второй, по всей вероятности, находится в Омске.

По приезде в Тобольск в мае месяце 1918 года я познакомился с подпоручиком Марковским, местным жителем и человеком, заинтересованным в судьбе Царской Семьи. Марковский рассказывал мне о том, что Соловьев, женатый на дочери Распутина, и священник тобольской Покровской церкви Алексей Васильев, назначенный духовником Царской Семьи, получают от петроградских и московских организаций много денег и ценностей как для улучшения жизни Царской Семьи, так и для организации спасения Ее. Марковский, не стесняясь в эпитетах, ругал Соловьева и Васильева за то, что они, получая деньги, не передают их по назначению, а значительную часть присваивают себе, отдавая немного на указанные выше цели.

Во время пребывания в Тобольске я убедился в том, что там никакой организации для спасения

Царской Семьи не существовало, а от лиц, бывших в заключении вместе с Царской Семьей, я узнал, что только часть вещей и денег доходили до Царской Семьи. Остальное же оставалось неизвестно где.

Мне известно о том, что Государыня передала четырнадцать тысяч денег священнику Васильеву, который просил эти деньги, а для какой цели — неизвестно. Священник Васильев, напиваясь пьяным, рассказывал всем о том, что им организовывается увоз Царской Семьи. В Тобольске усиленно распространялись неизвестно кем слухи о том, что там существует организация в триста человек офицеров, предназначенных для увоза Царской Семьи. Слухи эти нервировали местный “совдеп” и были причиной многих телеграмм “совету народных комиссаров” о том, что дело охраны Царской Семьи в Тобольске не совсем благополучно⁶⁹. Я уверен, что эти слухи были одной из главных причин перевода Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург и исходили от Соловьева и Васильева. О деятельности Соловьева я очень много слышал от штаб-ротмистра Седова, который был послан в Тобольск петроградской организацией, но в Тюмени принужден был прожить более четырех месяцев, где в это же время находился и Соловьев. Только один раз Соловьев разрешил, перед самым увозом большевиками Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург, Седову поездку в Тобольск, но на одни сутки. На мой вопрос, почему Седов так слушался Соловьева, Седов мне сказал, что Соловьев рассказал ему о том, как он выдал двоих офицеров тюменскому “совдепу” за то, что эти офицеры без разрешения Соловьева ездили в Тобольск. Офицеры эти были командированы одной из организаций в Тобольске, о чем Соловьеву не могло быть не известно. Соловьев говорил Седову о том, что всех, едущих в Тобольск офицеров, без его разрешения он выдает “совдепу”. Мне известно о том, и что Соловьев, несмотря на общий призыв офицеров в июне месяце 1918 года, не явился по мобилизации, а скрывая свое офицерское звание, прописывался, как частное лицо, о чем он говорил в первых числах ноября месяца 1918 года штаб-ротмистру Седову.

Более добавить ничего не имею. Статья 940 устава угол. судопр. мне предъявлена.

Подпоручик Мельник

Поручик Поплавский

Спрошенная по настоящему делу жена подпоручика Мельника — Татьяна Евгеньевна, православная, 21 года, заявила, что, кроме изложенного в показаниях ее мужа, добавить ничего не имеет.

Т. Мельник

Поручик Поплавский

[Протокол № 1 допроса поручика Е. К. Логинова, 24 октября 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 170—172. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ № 1

1919 года октября 24 дня я, офицер для поручений при контрразведывательном отделении штаба Приамурского военного округа поручик Поплавский, согласно предписания начальника того же отделения от 22 сего октября за № 03122 опрашивал поручика отряда особого назначения Логинова, причем выяснилось следующее:

Поручик отряда особого назначения Приморской области, исполняющий должность офицера для поручений при управляющем Приморской областью. Евгений Квзьмич Логинов. православный.

23 лет.

Подпоручика пехоты Бориса Николаевича Соловьева, адъютанта отряда особого назначения в Приморской области, 27 лет от роду, православного, я знаю с апреля месяца 1919 года. С первого же дня моего знакомства с Соловьевым, последний показался мне весьма подозрительным в политическом отношении, почему я и решил сойтись с ним поближе с целью доподлинно узнать

этого человека. За весь период со дня моего знакомства с Соловьевым по настоящее время мне удалось установить следующее:

1. Соловьев — секретарь Карла Иосифовича Ярошинского, известного банковского дельца, в руках коего, по сведениям департамента полиции в Петрограде во время войны было сосредоточено до пятисот миллионов рублей германских денег в русской валюте на установление шпионажа в России и будущих после войны торговых отношений между Германией и Россией. Соловьев, по его словам, от Ярошинского получал сорок тысяч жалования в месяц, являясь ходатаем по всем делам Ярошинского перед Распутиным. С последним Соловьев знаком был с 1910 года.

2. 1 марта 1917 года Соловьев привел к Государственной Думе 15 тысяч войск Петроградского гарнизона. Был назначен адъютантом операционного отдела военно-революционного штаба в Петрограде до октября месяца 1917 года.

3. В сентябре месяце 1917 года в церкви Таврического дворца он был обвенчан с Матреной Григорьевной Распутиной.

4. С начала 1918 года Соловьев принял на себя организацию вывоза Императорской Фамилии из Тобольска, вошел в связь с Анной Александровной Вырубовой в Царском Селе и Патриархом Тихоном в Москве, вокруг коих были созданы две офицерские организации с целью оказания всяческой помощи Императору и Его Семье. Соловьев действовал сообща с священником Алексеем Васильевым, состоящим во время пребывания Императорской Семьи в Тобольске духовником Ее и проживающим до сего времени в Тобольске. Они, Соловьев и Васильев, получая деньги от организаций Петрограда и Москвы, от лиц сочувствующих, организаций не создавали. Наоборот, ими делалось все для того, чтобы ни один преданный Императору человек не проник в Тобольск. Соловьев, по показаниям названных мной ниже лиц, предавал офицеров в Тюмени при попытке их проникнуть в Тобольск. Я глубоко убежден, что подпоручик Соловьев, будучи определенным “с. р.”, поддерживающий до сих пор связь с генералом Потаповым и прочими врагами правительства, в отношении Императорской Семьи действовал по указаниям социалистов, видевших в целостности Императора будущую свою угрозу, и мое убеждение совершенно разделяется теми лицами, кои видят в Соловьеве человека, сыгравшего позорную роль в трагической гибели Императора и Его Семьи.

5. Соловьев, проживая периодически в Омске, Тюмени, Иркутске, Харбине, до февраля 1919 года уклонялся от призыва, несмотря на общую мобилизацию офицеров.

6. В июле месяце сего года полковник Бутенко удалил Соловьева из штаба Владивостокской крепости, объясняя это требованием одного лица, фамилии коего он не назвал, которое указало Бутенко на невозможность службы Соловьева в штабе ввиду циркулирующих в Омске вокруг имени Соловьева слухов о предательстве им офицеров из Тюмени и неблагоприятной деятельности его в первые дни революции.

7. В отряд особого назначения Соловьева устроил я с целью удержать Соловьева во Владивостоке, так как он, избегая фронта, стремился скрыться в Монголию, ссылаясь на хорошее отношение к его жене атамана Семенова.

8. Соловьев обладает сильной волей и способностью гипнотизировать. Его жена,

слабохарактерная женщина, всецело ему подчинена и находится под постоянным его влиянием. Она совершенно им обезличена.

9. Свидетели: подпоручик Константин Семенович Мельник, комендантский адъютант гор. Владивостока, его жена Татьяна Евгеньевна — дочь лейб-медика Боткина, убитого вместе с Императорской Семей, — оба проживали в Тобольске во время пребывания там Императорской Фамилии. Жена подпоручика Мельника жила в Тобольске вместе со своим отцом с первого дня прибытия Императорской Семьи в Тобольск. Оба имеют ряд ценных указаний и подробности деятельности Соловьева и священника Васильева в Тюмени и Тобольске.

Секретарь английского консульства во Владивостоке полковник Виктор Сергеевич Боткин, родной брат убитого лейб-медика Боткина, прекрасно знает из нескольких источников о деятельности Соловьева.

Варвара Григорьевна Распутина, находящаяся ныне по сведениям в селе Покровском Тобольской губернии у своей матери, ненавидит Соловьева и несомненно при опытном допросе весьма многое сообщит.

Ротмистр Крымского конного полка Седов, дававший показания генералу Дитерихсу — находится в секретной от Ставки командировке.

Генерал-майор Ловцов, состоящий представителем атамана Семенова во Владивостоке, проживает в гостинице “Версаль”.

Полковник Кобылинский, офицер Стрелкового Императорской Фамилии полка, бывший начальник охраны Императорской Фамилии в Тобольске — одна из светлых личностей, окружавших Императора и Его Семей. По сведениям находится ныне в действующей армии.

Ротмистр Бабич, генерал Вериги и полковник Магомаев.

В настоящее время Соловьев поддерживает тесную связь с “эсерами”, находящимися во Владивостоке и Японии: с Моравским Аркадием Петровым, инженером Федоровым, генералом Потаповым и прочими.

Адрес Соловьева: 2 речка, отряд особого назначения, штаб отряда.

Поручик Евгений Логинов

Поручик Поплавский

По настоящему делу показать ничего не могу.

Ротмистр Бабич

Я по этому делу ничего не знаю и показать не могу ничего.

Войсковой старшина Магомаев

Я по этому делу ничего не знаю и показать ничего не могу.

Генерал-майор Ловцов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

Поручик Поплавский Е. К. 1 Поклад об адъютанта Приморского отряда особого назначения

[поручик Логинов Е. К.] доклад об адъютанте Приморского отряда особого назначения подпоручике Соловьеве] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 165—170. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв; [Т.] VIII).

Копия

Офицер для поручений

при

управляющем Приморской областью

поручик Логинов.

28 августа 1919 года.

г. Владивосток

Начальнику Приморского

областного управления

государственной охраны.

ДОКЛАД

Об адъютанте Приморского отряда особого назначения

подпоручике Соловьеве

За год до революции подпоручик Соловьев прибыл в Петроград в один из запасных пехотных полков.

В силу, быть может, случайностей или каких-либо прочих причин он устроился одним из секретарей банковского и биржевого дельца К. И. Ярошинского на весьма крупное по тому времени содержание.

Карл Ярошинский в указываемое мной время был одной из самых видных фигур в столичных коммерческих сферах. В его руках было сосредоточено свыше 300 миллионов рублей, на большую часть которых указывали, как на деньги германских банков.

Судя по циркулирующим после революционного переворота слухам, он был на счету у охранного отделения именно в силу указываемых выше подозрений.

Вероятно, деятельность К. Ярошинского была бы и прекращена своевременно, но его спасло заступничество той самой темной силы, которая в корне разрушала и подрывала цельность и плодотворность государственной работы и влияние которой, главным образом, и послужило причиной общего революционного переворота.

Известно, кто именно являлся главным действующим лицом этих темных сил; известно, откуда черпалось влияние, поддержка и полная безнаказанность ее.

Карлу Ярошинскому именно отсюда исходила помощь.

Он был знаком с Распутиным, а это могло дать все. Я не берусь точно определить, к чему именно сводилась деятельность Соловьева и Ярошинского, но думаю, что не ошибусь, если скажу, что

сводилась деятельность Соловьева у Ярошинского, но думаю, что не ошибусь, если скажу, что Соловьев был связующим звеном между Ярошинским, с которым он был знаком 5 лет, и Распутиным и что в этом главным образом и заключались его обязанности. Соловьев скоро стал любимцем Распутина и поверенным некоторых его дел. Отношения Соловьева к семье Распутина я обрисую позже.

Начало революции изменило характер деятельности Соловьева. Он в полной мере использовал момент.

В первый день переворота он привел 18 000 войск Петроградского и др. гарнизонов к зданию Государственной Думы и за это был назначен одним из адъютантов операционного отделения формирующегося революционного военного министерства, причем сразу же стал в независимое положение в смысле распоряжений по очистке города и окрестностей от верных “старому” частей полиции.

Его работа в Таврическом дворце продолжалась до сентября. Связь его с Ярошинским продолжалась вплоть до бегства последнего из Петрограда. В начале марта месяца 1917 года Ярошинский сделал свою последнюю крупную операцию, которая достаточно была освещена прессой. Он скупил более 20 000 акций всех крупных банков и предприятий России. Вскоре после этого его роскошный особняк на Морской (б. барона Штиглица) был разгромлен толпой, и он поспешно, бросив дела, скрылся из Петрограда с тем, чтобы много времени спустя выплыть таким же “солидным” дельцом в Америке.

Соловьев в сентябре 17-го года женился на Матрене Распутиной, причем венчание происходило в церкви Таврического дворца в присутствии некоторых революционных министров. Вот на этом я и закончу описание деятельности Соловьева в качестве сотрудника Ярошинского и адъютанта революционного высшего штаба и перейду к другой совершенно противоположной предыдущей, имевшей место, главным образом, в Зап(адной) Сибири.

В конце июля 1917 года Государь Император и Его Семья были перевезены из Александровского дворца (Царское Село) в гор. Тобольск. С Ним выехала горсточка верных Им людей, в числе которых были лейб-медик Е. С. Боткин, графиня Гендрикова, статс-дама Нарышкина, баронесса Буксгевден, Бенкендорф и лейб-медик Деревенко и часть прислуги.

С момента переезда положение Их изменилось резко к худшему. Начались стеснения, неприятности и подчас оскорбления, и вместе с тем пришли упадок духа, тяжелые предчувствия, усталость. Их надежды под влиянием переживаемого невольно обращались в сторону тех, кто был Им верен, кто не покинул Их, и эта вера в тех, кто был с Ними, подкрепляла, успокаивала.

Друзья поняли Их, приняли все средства, чтобы установить связь с Петроградом и Москвой, и это им удалось в полной мере.

Уже вскоре после переезда стал ощущаться недостаток в средствах, так как правительством Императорской Семье отпускался чуть ли не арестантский паек.

Благодаря участию Патриарха Никона* в Москве и А. А. Вырубовой в Петрограде и Царском Селе собирались и отсылались в адрес Семьи некоторые суммы. Я знаю, что были поступления в 75 000, 120 000, 200 000 рублей. Последние 200 000 рублей прибыли уже перед самым отъездом, вернее, увозом Императорской Семьи в Екатеринбург. Вместе с денежными поступлениями стали приходить письма, и Семья вступила в переписку со своими друзьями и знакомыми по частной жизни.

Переписывались Они и с дочерьми гр. Распутина, к которым отношение Государыни и Детей не изменилось, несмотря на все тяжелые испытания прошлого. Их отношение к Распутиным не менялось, и Государыня продолжала называть их своими детьми, а они сохранили обращение не

“Ваше Величество”, а “Мама”.

Между тем дни заключения шли, неся с собой все новые и новые испытания, нужду, обиды, но вера Императорской Семьи в будущее спокойное все же сохранялась и давала силы переносить всю тяжесть заточения и очередных испытаний.

С течением времени в Них укрепилась мысль о необходимости побега из Тобольска, причем план был решен следующий: организовать особый отряд из преданных офицеров, заготовить плавучие средства для того, чтобы спуститься по Иртышу, затем по р. Оби к Ледовитому океану, а там уже, смотря по достигнутым результатам, решить план дальнейшего движения к берегам Англии или Дании. Государь этот план одобрил.

В приведении задуманного принял большое участие священник одной Тобольской церкви Васильев, назначенный духовником Императорской Семьи, так как бывший духовник Александр Васильев (однофамилец упомянутого) отказался сопровождать Семью. Св(ященник) Васильев сумел войти в доверие, понравиться, особенно Государыне и в силу этого был привлечен к частной жизни Семьи как человек, которому можно было довериться.

К этому времени Соловьев уже сделал несколько поездок (здесь описываю рассказ Соловьева) якобы с согласия Государыни, связывая в деловых отношениях Москву и Петроград с Тобольском. Ему, по его словам, лично писала Государыня и, благодаря, вверяла свою судьбу. Жена Соловьева почти до 30 июля (19)18 года жила в Петрограде, часто посещая Вырубову, куда Соловьевым привозилась вся почта из Тобольска.

Вся постепенность привлечения к делу Соловьева была разработана Вырубовой, и Государыня, всегда доверявшая ей и любившая ее, согласилась на это, несмотря на то, что ей известны были отношения Соловьева к революционному движению. Она поверила в честность и порядочность Соловьева.

Последний, бывая в Тобольске, неизменно посещал св. Васильева, и новый духовник, вместе с Соловьевым решили действовать сообща. Когда дело подошло к фактическим шагам, Соловьев поселился в одной из деревень между Тобольском и Тюменью, часто посещая Тюмень и изредка Тобольск.

Связью между духовником и им служил сын духовника.

Соловьев вскоре приступил к организации отряда. Он спешно набрал офицеров, причем отряд пополнялся офицерами Петрограда и Москвы.

На организацию отряда давал средства Государь и частью А. Вырубова. Кроме денег, на организацию отряда давались драгоценные камни и вещи.

Одним словом отряд был сформирован, все было сделано, оставалось только произвести освобождение. Даже больше, стража, охранявшая Семью, предложила будто бы ему взять Семью за исключением Государя, что они будут некоторое время об этом молчать. Все шло хорошо — как вдруг, по доносу будто бы Васильева, его в Тюмени арестовывают большевики и за время, пока он сидел в тюрьме, Семью вывезли в Екатеринбург. Организация будто бы в связи с его арестом сразу же расстроилась. Он дал телеграмму жене, и она, приехав, освободила его под залог в 500 рублей. (Соловьев, обвиняемый в желании спасти Семью, выпускается под залог в 500 рублей ровно через 12 дней после ареста?). У Соловьева есть действительно расписка от большевиков в получении 500 рублей за его освобождение.

Соловьев обвиняет Васильева в том, что тот брал деньги от Государя на организацию спасения, деньги эти частью оставлял у себя, ему давал недостаточно и в конце концов предал его большевикам.

Далее он говорил, что с увозом Семьи в Екатеринбург он невольно должен был прекратить все свои отношения к ним.

На том он и заканчивает свои рассказы.

Теперь я приведу свидетелей того, что он лгал, говоря об организации спасения им Семьи, что он, беря деньги, наоборот, прекращал все попытки что-либо сделать в этом направлении, что он предавал офицеров большевикам, приезжавших из Петрограда и Москвы, что, наконец, он подло спекулировал на жизнях Императорской Семьи.

1) Подпоручик К. С. Мельник, женившийся вскоре после увоза Семьи в Екатеринбург на дочери лейб-медика Боткина, остававшийся жить некоторое время в Тобольске. Мельник — комендантский адъютант г. Владивостока.

2) Штаб-ротмистр Седов, служивший в Омске.

3) Полковник Бутенко, который выгнал Соловьева по приказанию, я думаю, из Омска из штаба крепости, предъявив ему обвинение в приводе 18 000 войск к Таврическому дворцу в 1-й день революции, а также в связи его с Потаповым (Токио), не прекращавшейся и во время большевизма, а также и теперь.

4) Ротмистр Бабич, который проверил часть моих наблюдений.

5) Сестра жены Соловьева — Варвара Распутина, ненавидящая мужа сестры своей и безусловно знающая о Соловьеве много.

6) Генерал-майор Ловцов, имеющий много сведений о Соловьеве.

В дополнение к сведениям, данным Соловьевым о св. Васильеве, могу доложить, что подп. Мельник предъявляет им обоим совершенно одинаковые объяснения.

Для обрисовки взаимоотношений Соловьевых должен сказать следующее: Матрена Распутина до самой смерти своего отца не любила Соловьева и, как она говорит, с ней произошла неожиданная для нее перемена. Она неразвитая, простая, запуганная и безвольная. Он делает с ней все, что хочет, бьет ее.

Он гипнотизирует ее ежедневно, ежечасно, ежеминутно. В его присутствии она ничего не может говорить что-либо нежелательное ему. Я и моя жена были свидетелями, как он усыпил ее на Русском Острове. Перед нами прошла сцена усыпления — ненормальный сон, беспорядок в костюме, бессмысленно раскрывающийся рот, пот и судороги. Истерический смех и крики — она видела падающий и разбивающийся поезд, в котором ехала ее сестра. Он приказал ей забыть о сестре, и она уже не вспоминала ее, не боялась, что она не доедет домой спокойно (Варвара 2 месяца тому назад уехала, по вызову матери, домой в с. Покровское). Когда он смотрит на нее со значением, она не выдерживает его взгляда и жалобным голосом просит на нее не смотреть, нервничает и как-то вся сжимается.

О том, что он гипнотизирует жену, знает и ротмистр Бабич, помощник кап. Жавриды.

Соловьев носит на себе икону Распутина, подаренную Императрицей, его рубашки и белье. У него есть бумажник Распутина, темно-зеленой кожи, в котором он носит, видимо, очень ценные для него документы, потому что когда однажды бумажник затерялся, с ним сделался припадок удушья и он был близок к полному отчаянию. Он заподозрил меня и кричал, смотря на меня, что сейчас убьет кого-нибудь. Но бумажник нашелся, он успокоился, и с тех пор я ни разу этого бумажника не видел у него, тогда как до этого случая он нередко вынимал его из кармана

гимнастерки. Он говорил о продаже им в Омске голубых бриллиантов, которые были оценены в 75 — 100 тысяч рублей.

Вместе с тем, драгоман китайского штаба рус(ский) под(полковник) Борисоглебкий, с которым Соловьев был в одном учебном заведении в г. Симбирске, говорил моей жене, что видел у Соловьева очень много золотых вещей с Императорскими инициалами, но я лично таких вещей не видел.

Мне кажется, что с подробным опросом Соловьева и св. Васильева можно выяснить, почему Императорская Семья, при наличии возможностей спасти Ее, все же погибла при столь трагических и противных русскому духу условиях.

Поручик Логинов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

Руднев В. М. [Правда о русской царской семье и темных силах] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 148—165. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Для Главнокомандующего

Генер(ал) лейт(енанта) Дитерихса

Ген(енерал) м(айора) (Домонтовича)

8.X.19 г. Омск

ПРАВДА

О РУССКОЙ ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ И ТЕМНЫХ СИЛАХ

Составлена командированным по распоряжению бывшего министра юстиции Керенского в чрезвычайную следственную комиссию по расследованию злоупотреблений бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц, товарищем прокурора Екатеринославского окружного суда, Владимиром Михайловичем Рудневым

Состоя товарищем прокурора Екатеринославского окружного суда, 11-го марта 1917 г., орденом министра юстиции Керенского, я был командирован в Петроград, в чрезвычайную следственную комиссию по расследованию злоупотреблений бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц.

В Петрограде, работая в этой Комиссии, я получил специальное поручение обследовать источники “безответственных” влияний при Дворе, причем этому отделу Комиссии было присвоено наименование “Обследование деятельности темных сил”. Занятия Комиссии продолжались до последних чисел августа 1917 г., когда я подал рапорт об отчислении, в виду попыток со стороны председателя Комиссии прис. пов. Муравьева понудить меня на явно пристрастные действия. Мне, как лицу командированному с правами судебного следователя, было предоставлено производство выемок, осмотров, допрос свидетелей и т. д. В целях всестороннего и беспристрастного освещения деятельности всех лиц, относительно которых в периодической печати и обществе составилось представление как о людях, имевших исключительное влияние на направление внутренней и внешней политики, мной были разобраны и осмотрены архивы Зимнего дворца, Царскосельского и Петергофского дворцов, а равно личная переписка Государя Императрицы некоторых Великих Князей, а также переписка отобранная

переписки государя, императрицы, некоторых великих князей, а также переписка, отобранная при обыске у епископа Варнавы, графини Игнатьевой, доктора Бадмаева, В. Н. Воейкова и других прежде высокопоставленных лиц.

При производстве расследования было обращено особое внимание на личность и характер деятельности Распутина и А. А. Вырубовой, также и на отношение Царской Семьи к германской Императорской Фамилии.

Считая, что задача моего обследования имеет громадное значение в смысле освещения событий, предшествовавших и сопровождавших революцию, я снимал копии со всех протоколов осмотров, проходивших через мои руки, документов, а равно и со свидетельских показаний. Уезжая из Петрограда, я захватил с собой все эти копии в Екатеринослав, где они хранились в моей квартире, но теперь, вероятно, разграблены при разгроме моей квартиры большевиками. Если сверх ожидания копии этих документов не уничтожены, и я доживу до того времени, когда получу их в свои руки, то я предполагаю опубликовать их в печати полностью, не делая никаких выводов, ни заключений.

Теперь же я считаю необходимым представить краткий очерк характеристики главных деятелей той области, которая называлась печатью и общественным мнением “областью темных сил”, причем, так как очерк этот составляется мной по памяти, то в нем, конечно, будет упущено много, быть может, интересных подробностей.

Прибыв в Петроград в следственную комиссию, я приступил к исполнению моей задачи с невольным предубеждением относительно причин влияния Распутина, вследствие читанных мной отдельных брошюр, газетных заметок и слухов, циркулировавших в обществе, но тщательное и беспристрастное расследование заставило меня убедиться, насколько эти слухи и газетные сообщения были далеки от истины.

Наиболее интересной личностью, которой приписывалось исключительное влияние на внутреннюю политику, был Григорий Распутин, а потому естественно, что его фигура явилась центральной при выполнении возложенной на меня задачи. Одним из самых ценных материалов для освещения личности Распутина послужил журнал наблюдений негласного надзора, установленного за ним охранным отделением и веденного до самой его смерти. Наблюдение за Распутиным велось двоякое: наружное и внутреннее. Наружное сводилось к тщательной слежке при выездах его из квартиры, а внутреннее осуществлялось при посредстве специальных агентов, исполнявших обязанности охранителей и лакеев. Журнал этих наблюдений велся с поразительной точностью изо дня в день и в нем отмечались даже кратковременные отлучки, хотя бы на два-три часа, причем обозначалось как время выездов и возвращения, так и все встречи в дороге. Что касается внутренней агентуры, то последняя отмечала фамилии лиц, посещавших Распутина, и все посетители аккуратно вносились в журнал: при этом, так как фамилии некоторых из них не были известны агентам, то в этих случаях описывались подробно приметы посетителей. Познакомившись с этими документами, а также допросив ряд свидетелей, фамилии которых в документах упоминались, и сопоставив эти показания, я пришел к заключению, что личность Распутина, в смысле своего душевного склада, не была так проста, как об этом говорили и писали.

Исследуя нравственный облик Распутина, я, естественно, обратил внимание на историческую последовательность тех событий и фактов, которые в конечном итоге открыли для этого человека двери Царского дворца, причем я выяснил, что первым этапом в этом постепенном продвижении вперед было его знакомство с известными глубоко религиозно настроенными и несомненно умными архиепископами Феофаном и Гермогеном. Убедившись на основании тех же документов, что тот же Григорий Распутин сыграл роковую роль в жизни этих столпов Православной Церкви, будучи причиной удаления Гермогена в один из монастырей Саратовской епархии на покой и низведения Феофана на роль провинциального епископа, тогда как эти истинно православные епископы, заметив проснувшиеся в Григории Распутине низменные

инстинкты, открыто вступили с ним в борьбу, — я пришел к заключению, что, несомненно, в жизни Распутина, простого крестьянина Tobольской губернии, имело место какое-то большое и глубокое душевное переживание, совершенно изменившее его психику и заставившее его обратиться ко Христу, так как только наличием этого искреннего Богоискания Распутина в тот период времени и может быть объяснено сближение его с указанными выдающимися пастырями. Это мое предположение, основанное на сопоставлении фактов, нашло себе подтверждение в безграмотно составленных Распутиным воспоминаниях хождений по Святым Местам. От этой книги, написанной Григорием Распутиным, дышит наивной простотой и задушевной искренностью. Опираясь на содействие и авторитет указанных архиепископов, Григорий Распутин был принят во Дворцах Великих Княгинь Анастасии и Милиции Николаевен, а затем через посредство последних знакомится с г. Вырубовой, тогда еще фрейлиной Танеевой и производит на нее, женщину истинно религиозно настроенную, огромное впечатление; наконец, он попадает и в Царский Двор. Здесь, у него, видимо, пробуждаются заглушенные низкие инстинкты, и он превращается в тонкого эксплуататора доверия Высоких Особ к его святости.

При этом надо заметить, что он свою роль выдерживает с удивительно продуманной последовательностью. Как показало обследование переписки по сему поводу, а затем, как подтвердили и свидетели, Распутин категорически отказывался от каких-либо денежных пособий, наград, почестей несмотря на прямые, обращенные предложения со стороны Их Величеств, как бы тем самым подчеркивая свою неподкупность, бессребренность и глубокую преданность Престолу, предупреждая в то же время Царскую Семью, что он единственный предстатель за них пред Престолом Всевышнего, что все завидуют его положению, все интригуют против него, все клеветают на него и что поэтому к таким доносам надо относиться отрицательно. Единственно, что позволял себе Распутин, это оплату его квартиры из средств Собственной Его Величества Канцелярии, а также принимать подарки Собственноручной работы Царской Семьи — рубашки, пояса и пр.

Входил Распутин в Царский Дом всегда с молитвой на устах, обращаясь к Государю и Императрице на “ты” и трижды с ним лобызался, по сибирскому обычаю. Вместе с тем он говорил Государю “моя смерть будет и твоей смертью”, и при этом установлено также, что при Дворе он пользовался репутацией человека, обладавшего даром предсказывать события, облакая свои предсказания в загадочные формы, по примеру древней Пифии.

Источником средств для Распутина служили те прошения разных лиц по поводу перемещений, назначений, помилований, которые составлялись на Высочайшее Имя и передавались во Дворец через его руки. В целях большей авторитетности Распутин поддерживал такие ходатайства при беседе с их Величествами, облакал их в особые формы предсказания, подчеркивая, что удовлетворение этих просьб ниспошлет особые дары и счастье Царской Семье и стране. К сказанному выше необходимо добавить, что Распутин несомненно обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представлявшей род гипноза. Так, между прочим, мной был установлен несомненный факт излечения им припадков пляски св. Витта у сына близкого знакомого Распутина — Симановича, студента Коммерческого института, причем все явления этой болезни исчезли навсегда после двух сеансов, когда Распутин усыплял больного.

Запечатлен мною и другой яркий случай проявления этой особенной психической силы Распутина, когда он был вызван зимой 1914—1915 гг. в будку железнодорожного сторожа Царскосельской дороги, где после крушения поезда лежала в совершенно бессознательном состоянии с раздробленными ногами и с трещинами в черепе Анна Александровна Вырубова.

Около нее в то время находились Государь и Императрица. Распутин, подняв руки кверху, обратился к лежащей Вырубовой со словами: “Аннушка, открой глаза”. И тотчас она открыла глаза и обвела комнату, в которой лежала. Конечно, это произвело сильнейшее впечатление на окружающих, а в частности, на Их Величеств, и естественно содействовало укреплению его авторитета.

Вообще надо сказать, Распутин, несмотря на свою малограмотность, был далеко незаурядным человеком и отличался от природы острым умом, большой находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно метко выражаться, особенно давая характеристики отдельным лицам. Его внешняя грубость и простота обращения, напоминая порой юродивого, были несомненно искусственны, чтобы подчеркнуть свое крестьянское происхождение и свою неинтеллигентность.

Ввиду того, что в периодической прессе уделялось слишком много внимания половой разнузданности Распутина, ставшей синонимом его фамилии, на это обстоятельство при производстве следствия было также обращено надлежащее внимание, а богатейший материал для освещения его личности с этой стороны оказался в данных того самого негласного наблюдения за ним, которое велось охранным отделением; при этом выяснилось, что амурные похождения Распутина не выходят из рамок ночных оргий с девицами легкого поведения и шансонетными певицами, а также иногда и с некоторыми из его просительниц. Что же касается близости его к дамам высшего общества, то в этом отношении никаких положительных материалов наблюдением и следствием добыто не было.

Но имеются указания, что в пьяном виде он старался создать иллюзию своей интимной близости к высшим кругам, в особенности перед теми, с которыми он был в приятельских отношениях и которым он был обязан своим возвышением. Так, например, при обыске у епископа Варнавы была найдена телеграмма Распутина на его имя: “Милый, дорогой, приехать не могу, плачут мои дуры, не пускают”. Ввиду сведений, что Распутин в Сибири мылся в бане вместе с женщинами, родилось предположение о его принадлежности к секте хлыстов.

С целью выяснить этот вопрос Верховной следственной комиссией был приглашен профессор по Кафедре сектантства Московской духовной академии Громогласов. Последний, ознакомившись со всем следственным материалом и считаясь с тем, что совместное мытье мужчин и женщин в банях является в некоторых местах Сибири общепринятым обычаем, не нашел никаких указаний к принадлежности его к хлыстам. Вместе с тем, изучив все написанное Распутиным по религиозным вопросам Громогласов также не установил никаких признаков хлыстовства. Вообще Распутин по природе был человек широкого размаха. Двери его дома были всегда открыты. Там всегда толпилась самая разнообразная публика, кормясь на его счет. В целях создания вокруг себя ореола благотворителя по слову Евангелия: “Рука дающего да не оскудеет”, Распутин, постоянно получая деньги от просителей за удовлетворение их ходатайств, широко раздавал эти деньги нуждающимся и вообще лицам бедных классов, к нему обращавшимся тоже с какими-либо просьбами, даже и не материального характера. Этим он создавал себе популярность благотворителя и бесребреника.

Кроме того, большие суммы Распутин сорил по ресторанам и загородным садам, вследствие чего никаких особенных средств после его смерти семья его, проживавшая в Сибири, не получила.

Следствием был собран многочисленный материал относительно просьб, проводимых Распутиным при Дворе; все эти просьбы касались, как было выше указано, назначений, перемещений, помилований, пожалований, проведения железнодорожных концессий и других дел, но решительно не было добыто никаких указаний о вмешательстве Распутина в политические дела, несмотря на то, что влияние его при Дворе, несомненно, было огромное. Примеры этого влияния очень многочисленны; так, между прочим, при обыске в канцелярии Дворцового коменданта генерала Воейкова, было обнаружено несколько писем на его имя такого содержания: “Генералу Фавееву. Милой, дорогой, устрой ее. Григорий”. На подобных письмах оказались отметки, сделанные рукой Воейкова, сводившиеся к указанию имени, отчества и фамилии просителей, их места жительства, содержание просьбы, отметки об удовлетворении просьбы и об оповещении просителей, тождественного содержания (письма) были обнаружены и у бывшего Председателя министров Штюмерера, а равно и у других высокопоставленных лиц. Но все эти письма касались исключительно просьб об оказании личных протекций по поводу разных дел, связанных с личными интересами, с которыми ходатайствовал Распутин.

случаев в жизни лиц, о которых ходатайствовал Распутин.

Распутин всем лицам, с которыми ему приходилось сталкиваться более или менее часто, давал прозвища, некоторые из них получили права гражданства и при Дворе; так, например, Штюмерера он называл — стариком; архиепископа Варнаву — мотыльком; Государя — папой; Государыню — мамой. Прозвище Варнавы — “мотылек” было обнаружено и в одном из писем Императрицы к Вырубовой.

Признавая на основании всего следственного материала несомненно его большое влияние на Царскую Семью, этот же следственный материал приводит к несомненному же заключению, что источником влияния Распутина при Дворе была наличность высокого религиозного настроения Их Величеств и вместе с тем их искреннего убеждения в святости Распутина, единственного, действительного предстателя и молитвенника за Государя, Его Семью и Россию перед Богом. При чем наличность этой святости усматривалась Царской Семьей в отдельных случаях в исключительном воздействии Распутина на психику приближенных ко Дворцу лиц, как например, о чем указано выше, приведение в сознание г. Вырубовой, затем благотворное влияние на здоровье Наследника и ряд удачных предсказаний, при этом, конечно, указанное воздействие на психику должно быть объяснено наличностью необыкновенной гипнотической силы Распутина, а верность предсказаний — всесторонним знанием им условий придворной жизни и его большим практическим умом.

Этим влиянием Распутина на Царскую Семью старались, конечно, пользоваться ловкие люди, способствуя тем самым развитию в нем низких инстинктов. Особенно ярко это сказалось в деятельности бывшего министра внутренних дел А. Н. Хвостова и директора Департамента полиции Белецкого, которые, чтобы упрочить свое положение при Дворе, вошли в соглашение с Распутиным и предложили ему такие условия: выдавать из секретного фонда Департамента полиции ежемесячно по 3000 рублей в месяц и единовременные пособия в различных суммах по мере надобности за то, чтобы Распутин проводил при Дворе тех кандидатов, которых они будут указывать на желательные для них посты. Распутин согласился и, действительно, первые два-три месяца выполнял принятые на себя обязательства, но затем, убедившись, что такое соглашение для него невыгодно, как значительно сокращавшее круг его “клиентуры”, он, не предупреждая об этом Хвостова и Белецкого, стал действовать самостоятельно на свой риск и страх. Хвостов, удостоверившись в неискренности Распутина и опасаясь, что в конце концов Распутин может начать действовать против него, решил открыто вступить с ним в борьбу, учитывая, с одной стороны, доброе к себе расположение Царской Семьи, а с другой — рассчитывая на содействие Государственной Думы, членом которой он был и которая относилась к Распутину с крайней ненавистью. При создавшемся положении вещей в очень тяжелом положении оказался Белецкий, не веривший в обаяние и мощь Хвостова при Дворе, а наоборот, надлежало расценивавший исключительное обаяние Распутина на Царскую Семью. После недолгого раздумья Белецкий решил изменить своему начальнику и покровителю Хвостову, перейдя всецело на сторону Распутина. Заняв такую позицию, Белецкий, выражаясь языком Распутина, поставил себе целью — “свалить министра Хвостова”. В конечном результате борьбы Распутина и Белецкого против Хвостова и явился так много шумевший в газетах пресловутый заговор на жизнь старца. Инсценировка этого заговора была организована Белецким следующим образом. Он привлек для этой цели совершенно опустившегося в нравственном отношении, “бывшего человека”, инженера Гейне, содержателя игорных притонов в Петрограде, и тайно командировал его в Христианию⁶⁷, также к “бывшему человеку” растриге-монаху, известному Илиодору — Сергею Труфанову, бывшему прежде другом Распутина. Результатом этой поездки была посылка ряда телеграмм из Христиании к Гейне в Петроград за подписью Илиодора, в которых очень прозрачно говорилось о будто бы готовившемся ими покушении на жизнь Распутина. Так, например, в одной из телеграмм Илиодора к Гейне говорилось почти дословно следующее: “Наняты 40 человек, ждут, ропщут, переведите 39999”. Все эти телеграммы, как поступающие из нейтральной страны во время войны, до выдачи их адресатам в копиях сообщались в Департамент полиции, но затем без надлежащего обследования, как то полагалось согласно законам военного времени, прямо вручались инженеру Гейне. Наконец в один прекрасный день Гейне, имея в руках эти

телеграммы, является в виде раскаявшегося грешника в приемную Распутина и представляя доказательства наличия заговора принесенными с собой телеграммами, чистосердечно сознается старцу, что участвовал в заговоре на его жизнь, передает все подробности этого заговора и кончает заявлением, что во главе его стоит министр внутренних дел А. Н. Хвостов.

Все эти данные были сообщены Распутиным Царской Семье и повлекли за собой отставку Хвостова. Как подробность инсценировки этого заговора интересен следующий факт: в

телеграммах, поступавших к Гейне из Христиании, помещался ряд лиц, проживавших в Царицыне и входивших будто бы в сношения с Илиодором и даже приезжавших к нему в Христианию для осуществления заговора. Однако произведенное по сему поводу, по горячим же следам, расследование через жандармскую полицию не только не подтвердило правдивости этих указаний, но с полной очевидностью показало, что поименованные лица из Царицына никуда не уезжали, как о том свидетельствовали акты осмотра домовых книг и других документов.

Следует заметить, что А. Н. Хвостов был лично очень ценим и уважаем Государем, а в особенности Императрицей, которые, по свидетельским показаниям личностей, близко стоявших ко Двору, считали его религиозно-нравственным и в высшей степени преданным Царской Семье и России, однако эпизод показывает, насколько Хвостов прежде всего заботился и оберегал свои личные интересы: однажды он пригласил к себе жандармского генерала Комиссарова и предложил ему немедленно, переодевшись в штатское, поехать к Распутину и привезти его к Митрополиту Питириму, что тот и исполнил. Исполняя поручение Хвостова, Комиссаров вместе с Распутиным прошел в покои Питирима, где в одной из комнат их встретил служка Питирима, который, приняв их, удалился во внутренние покои с докладом к Его Высокопреосвященству. Вскоре после этого в ту же комнату вошел сам Питирим, и здесь, когда ему Распутин представил генерала Комиссарова, последний заметил, как Питириму было неприятно на этот раз появление в его покоях жандармского генерала. Тем не менее Питирим пригласил их следовать за собой и когда они вошли в гостиную, то увидели здесь сидевшего на диване Хвостова. При виде Распутина Хвостов стал нервно смеяться и переговариваться с Питиримом, а затем, пробыв недолгое время, попросил Комиссарова сопровождать себя домой. Комиссаров, оказавшись в крайне неловком положении совершенно не понимал происшедшего. Проезжая в автомобиле, Хвостов спросил Комиссарова: “Вы что-нибудь, генерал, понимаете?” И получив отрицательный ответ, заявил: “Знаем теперь в каких отношениях состоит Питирим с Распутиным, а ведь когда вы с ним приехали в покои Митрополита и служка доложил ему о вашем приезде, то этот человек, не имеющий, по его словам, ничего общего с Распутиным, сказал мне: “Разрешите отлучиться на несколько минут, так как ко мне приехал именитый грузин”, и теперь мы знаем, какие грузины ездят к Вашему Преосвященству”. Этот эпизод мне стал известен из допроса генерала Комиссарова.

Из всех государственных деятелей Хвостов был ближе всех к Распутину, что же касается до столь нашумевших отношений его со Штюмером, то в действительности отношения эти не выходили из области обмена любезностями: Штюмер, считаясь с влиянием Распутина, исполнял его просьбы относительно устройства отдельных лиц, посылал Распутину иногда фрукты, вино и закуски, но данных о влиянии Распутина на направление внешней политики Штюмера следствием не было добыто решительно никаких.

Не больше была связь с Распутиным и у министра внутренних дел Протопопова, которого Распутин почему-то называл “Калинин”, хотя надо сказать, что Распутин относился к Протопопову с большей симпатией и всячески старался защищать его, хвалить и выговаривать пред Государем в тех случаях, когда почему-либо положение Протопопова колебалось. Распутин делал это почти всегда в отсутствие Государя из Царского Села путем предсказаний Императрице, имевших характер изречений Пифии, где сначала говорилось о других и затем уже переходилось к восхвалению личности Протопопова, как преданного и верного Царской Семье человека. Подобное отношение Распутина к Протопопову создавало для последнего и благоприятное отношение со стороны Императрицы. При осмотре бумаг Протопопова было

найденно несколько типичных писем Распутина, начинавшихся словами: “Милый, дорогой”, но всегда говоривших только о каких-либо интересах частных лиц, за которых Распутин хлопотал. Среди бумаг Протопопова, так же как и среди бумаг всех остальных высокопоставленных лиц, не было найдено ни одного документа, указывавшего на влияние Распутина на внешнюю или внутреннюю политику.

Протопопов отличался, можно сказать, удивительной слабостью воли, хотя всю свою длинную карьеру до министра внутренних дел проходил в качестве выборного лица разных общественных групп, вплоть до должности товарища председателя Государственной Думы. Так как периодической печатью Протопопову приписывалась жестокая попытка подавления народных волнений в первые дни революции, — якобы выразившаяся в установке на крышах домов пулеметов для расстрела безоружных толп манифестантов, то на предварительном следствии на это обстоятельство было обращено особое внимание председателем комиссии, присяжным поверенным Муравьевым, поручившим обследование этих событий специальному следователю: Ювжику-Компанейцу, установившему путем допроса нескольких сот лиц и проверкой отобранных войсками пулеметов, найденных на улицах Петрограда в первые дни революции, что все эти пулеметы принадлежали войсковым частям и что ни одного полицейского пулемета не было не только на крышах домов, но и на улицах, причем, вообще, никаких пулеметов на крышах домов не стояло, кроме ограниченного числа пулеметов, поставленных с самого начала войны на некоторых высоких домах для защиты от налета неприятельских воздушных машин. Вообще, нужно сказать, что в критические дни февраля 1917 года Протопопов проявил полную нераспорядительность и с точки зрения действовавшего закона преступную слабость.

Несомненно в прессе и в Петроградском обществе создалось мнение о близких отношениях Распутина к двум политическим авантюристам, — доктору Бадмаеву и князю Андронникову, будто имевшим через него влияние на политику.

Следствие показало полное несоответствие этих слухов действительности, одно можно сказать, что оба эти лица всячески старались быть прихвостнями Распутина, пользуясь крохами, падающими с его стола, и стараясь преувеличить пред своими клиентами свое влияние на Распутина, на которого они такового вовсе не имели, и через то поддержать мнение о своем якобы влиянии через него и при Дворе. Из этих двух лиц наиболее интересным по времени своей деятельности является князь Андронников, так как сколько-нибудь значительные связи Бадмаева с руководящими кругами относятся к царствованию Императора Александра III.

Личность и характер деятельности князя Андронникова на следствии с поразительной яркостью были освещены огромным количеством разных документов, отобранных мной при обыске в его квартире, отнявшем у меня целых два дня в марте 1917 года. Из квартиры Андронникова я вывез в Зимний дворец в помещение комиссии на двух автомобилях колоссальный архив. При этом надо отдать должную справедливость князю Андронникову в том, что канцелярская часть была поставлена у него безукоризненно. Все делопроизводство его разбивалось по папкам на определенные министерства, которые в свою очередь распадались на департаменты. Дела оказались сложены в обложки с соответствующими надписями, подшитыми, занумерованными, и свидетельствовали о тщательном наблюдении со стороны князя Андронникова за их движением. При изучении их выяснилось, что князь Андронников за определенную мзду не гнушался никакими ходатайствами и представительствами. Так, одновременно князь Андронников ходатайствовал о выдаче пенсии какой-либо вдове чиновника, не выслужившего срок на эту пенсию, как равно проводил через Министерства финансов и земледелия весьма сложный проект акционерной компании, в которой, судя по договору, он лично играл одну из видных ролей, об орошении Мургабской степи, насколько помню.

Система, принятая князем Андронниковым, занимавшим скромный пост чиновника особых поручений Святейшего Синода, для проведения своих ходатайств была очень проста. Согласно его признанию, получая сведения о назначении совершенно неизвестного ему лица на должность хотя бы директора департамента в каком-нибудь министерстве он посылал этому лицу

поздравительное письмо, трафаретно его начиная: “Наконец-то воссияло солнце над Россией и высокий ответственный пост отныне вверен Вашему Превосходительству”, после чего следовал ряд самых лестных эпитетов, украшавших это лицо талантами добродетеля и пр., а иногда к такому письму прилагался князем Андронниковым и образец Его Благословения. Естественно, что получение такого письма обязывало данное должностное лицо из чувства деликатности и благодарности ответом, а результатом этого являлся личный визит князя к означенному сановнику в его служебный кабинет в Департамент, чем и завязывалось знакомство. Такие посещения князя административных лиц сравнительно высокого ранга создавали у чиновников, служащих в канцелярии последнего, представление о добрых отношениях князя к их начальникам, а отсюда вытекало и более внимательное отношение ко всем бумагам, поступающим в Департамент через посредство князя. Князь Андронников при стремлении своем увеличить представление об авторитетности своего мнимого влияния при Дворе не гнушался никакими средствами, вплоть до дружбы с гоф-курьерами, которые развозя Высочайшие приказы о пожаловании неукоснительно заезжали к другу-князю, а последний, не стесняясь в угощении их вином и явствами, тем временем осторожно вскрывал пакеты и, узнав таким образом содержание рескрипта о неожиданном высоком пожаловании, задерживал загулявшего гоф-курьера у себя в столовой и спешил по телефону поздравить с высоким отличием не ожидавшего или ожидавшего его сановника, давая ему понять, что ему известно об этом непосредственно из Высочайшего источника и тем, конечно, создавал у сановника, когда к нему действительно приезжал через полчаса курьер с наградой, представление об исключительных связях князя при Дворе.

Угождая петроградским сановникам, князь Андронников, конечно, лез из кожи, чтобы угождать Распутину. Так, известно из показаний прислуги Андронникова, что он предоставлял свою квартиру для секретных свиданий Распутина с Хвостовым и Белецким, а также и с епископом Варнавою. В то же время князь Андронников, желая попасть в тон царившему при Дворе религиозному настроению и создать этим же слух о своей религиозности, в своей спальне за особой ширмой устроил подобие часовни, поставив большое распятие, аналой, столик с чашей для освящения воды, кропило, ряд икон, подсвечников, полное священническое облачение, терновый венец, хранившийся в ящике аналая и пр. Достойно примечания, как это мною лично установлено при осмотре его квартиры и при допросе его прислуги, что князь Андронников в той же самой спальне, по другую сторону ширмы на своей двуспальной постели предавался самому гнусному ... с молодыми людьми, дарившими его ласками за обещания составить протекцию. Последнее обстоятельство нашло свое подтверждение в ряде писем, отобранных мною при обыске у князя Андронникова, от таких обольщенных им молодых людей, которые жаловались в этих письмах на то, что он их обманул в своих обещаниях.

При допросе князь Андронников старался о многом умолчать или извратить фактическую сторону данных обстоятельств, но будучи уличен мною на основании письменных документов заведомо ложным освещением событий, заявил мне: “Вы моя совесть”, давши клятвенное обещание в дальнейшем не погрешить; однако же через несколько минут допроса он был мною вновь изобличен в том же искажении истины. Тогда князь обратился ко мне и просил сообщить мое имя; я исполнил его просьбу и при следующем его допросе князь мне заявил, что спрашивал мое имя для того, “чтобы записать в поминаньеце и молиться как за святого человека”.

Из допроса лиц, близко стоявших ко Двору, как, например, семья Танеевых, Воейкова и других я выяснил, что князь Андронников не только не пользовался каким-либо авторитетом при Дворе в Царской Семье, но отношение Ее к нему было критически-ироническое.

Доктор тибетской медицины Бадмаев водил знакомство с Распутиным, но их личные отношения не выходили из рамок отдельных услуг со стороны Распутина по проведению очень немногочисленных ходатайств Бадмаева, (который) будучи бурятом, составил несколько брошюр о своем крае и по этому поводу имел несколько аудиенций у Государя, но эти аудиенции не выходили из ряда обычных и отнюдь не носили интимного характера.

Хотя Бадмаев и был врачом министра внутренних дел Протопопова, однако, Царская семья, относилась критически к способам его врачевания; Григорий Распутин тоже не был поклонником тибетских медицинских средств Бадмаева, а допросом дворцовой прислуги Царской Семьи было несомненно установлено, что Бадмаев в покоях Царских Детей в качестве врача никогда не появлялся.

Дворцовый комендант Воейков допрашивался мною несколько раз в Петропавловской крепости, где он был заключен. Особым авторитетом и влиянием при Дворе, судя по переписке, найденной у него при обыске, главным образом писем его жены, дочери, министра Двора графа Фредерикса, относящимся к 1914—1915, 1916 годам, он не пользовался, но был ценен как преданный человек, по крайней мере Царская Семья его считала таковым, хотя лично я из целого ряда бесед с ним такого впечатления не вынес. Отношения Воейкова к Распутину, настолько насколько его отношение вылилось в письмах первого к жене, было отрицательным. В некоторых из этих писем Воейков называл его злым гением Императорского Дома и России, находя, что этот человек своей близостью ко Двору дискредитирует трон и дает богатую пищу для всякого рода самых невероятных слухов, толков и разговоров, которые могут всегда быть использованы антиправительственными группами. Вместе с тем и считаясь с несомненным влиянием Распутина на Царскую Семью, Воейков не находил в себе достаточно гражданского мужества отказывать Распутину в удовлетворении отдельных частных просьб о назначениях, повышении, выдаче пособий и т. д. относительно тех лиц, за которых хлопотал Распутин, это видно из пометок Воейкова на вышеупомянутых мною письмах к нему Распутина, найденных при следствии. Вообще Воейков произвел на меня впечатление карьериста, дорожившего своим постом и не способного ценить то внимание и искреннее расположение, которое к нему питали как Государь, так и Императрица. В письмах жены к нему от 1915 года г. Воейкова умоляла его оставить службу ввиду нараставшего революционного движения, причем она предостерегала мужа, что при крушении государственного аппарата его постигнет ужасная участь. Эти письма г-жи Воейковой все проникнуты болезненной ненавистью к Распутину как к несомненному виновнику грядущих, по ее словам, кошмарных событий. Вполне разделяя взгляды жены на этот счет Воейков тем не менее оставался на своем посту, чтобы разоблачить Распутина и выяснить его настоящую физиономию перед Царской Семьей.

Много наслышавшись об исключительном влиянии Вырубовой при Дворе, о ее связи с Распутиным, будучи, можно сказать, насквозь пропитанным теми инсинуациями, которые помещались об этой женщине в нашей прессе и циркулировали в обществе, я шел на допрос к Вырубовой в Петропавловскую крепость, откровенно говоря, настроенный к ней враждебно. Это недружелюбное чувство не оставляло меня и в канцелярии Петропавловской крепости вплоть до момента появления Вырубовой под конвоем двух солдат. Когда же вошла г. Вырубова, то меня сразу поразило особое выражение ее глаз: выражение это было полно неземной кротости. Это первое благоприятное впечатление в дальнейших беседах моих с нею вполне подтвердилось. После первой же недолгой беседы я убедился в том, что она в силу своих индивидуальных качеств не могла иметь абсолютно никакого влияния и не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику государства, с одной стороны, вследствие чисто женского отношения ко всем тем политическим событиям, о которых мне приходилось с ней беседовать, а с другой — вследствие чрезмерной ее словоохотливости и полной неспособности удерживать в секрете даже такие эпизоды, которые после достаточного анализа при поверхностной их оценке, могли бы набрасывать тень на нее самое. В дальнейших беседах я убедился, что просьба, обращенная к г. Вырубовой удержать что-либо в секрете, была равносильна тому, чтобы выйти на площадь и об этом секрете объявить всенародно, так как она, узнав что-либо такое, чему она придавала значение, тотчас же рассказывала об этом не только своим близким, но даже мало знакомым людям. Достаточно ознакомившись за время этих бесед с интеллектуальными особенностями г. Вырубовой, я невольно остановился на двух основных вопросах: 1) о причинах нравственного ее сближения с Распутиным; и 2) о причинах сближения ее с Царской Семьей.

При разрешении первого вопроса я натолкнулся случайно в разговоре с ее родителями г. г. Танеевыми (статс-секретарь Александр Сергеевич Танеев, управляющий собственной Его

Величества канцелярией, женатый на графине Толстой) на один эпизод в жизни их дочери, который, по моему мнению, сыграл роковую роль в подчинении ее воли влиянию Распутина. Оказалось, что г. Вырубова, будучи еще 16-ти летним подростком, заболела брюшным тифом в тяжелой форме. Болезнь эта вскоре осложнилась местным воспалением брюшины, и врачами положение ее было признано почти безнадежным. Тогда г. г. Танеевы, большие почитатели гремевшего в то время на всю Россию протоиерея отца Иоанна Кронштадтского, пригласили его отслужить молебен у постели болящей дочери. После этого молебна в состоянии больной

наступил благоприятный кризис и она стала быстро оправляться. Этот эпизод произвел несомненно огромное впечатление на психику религиозной девушки-подростка, с этой минуты ее религиозное чувство получило преобладающее значение при решении всех тех жизненных вопросов, которые возникали у нее по различным поводам.

С Распутиным г. Вырубова впервые познакомилась в гостинице Великой Княгини Милицы Николаевны, причем знакомство это не носило случайного характера, а Великая Княгиня Милица Николаевна подготавливала к нему Вырубову путем бесед с ней на религиозные темы, снабжая ее в то же время соответствующей французской оккультической литературой, затем однажды Великая Княгиня пригласила Вырубову к себе, предупредив, что в ее доме она встретится с Великим молитвенником земли Русской, обладающим даром прорицания и способностью врачевания. Эта первая встреча г. Вырубовой, тогда еще девицы Танеевой, произвела на нее большое впечатление, в особенности в силу того, что она намеревалась тогда вступить в брак с лейтенантом Вырубовым. При этой первой встрече Распутин много говорил на религиозные темы, а затем на вопрос своей собеседницы — благословляет ли он ее намерение вступить в брак, ответил иносказательно, заметив, что жизненный путь усеян не розами, а терниями, что он очень тяжел, и что в испытаниях и ударах судьбы человек совершенствуется.

Вскоре последовавший брак этот был совершенно неудачным, по словам г. Танеевой, муж ее дочери оказался полным импотентом, но притом с крайне извращенной половой психикой, выражавшейся в различных проявлениях садизма, чем он причинял своей жене неопишуемые нравственные страдания и вызывал чувство полного отвращения. Однако г. Вырубова, памятуя слова Евангелия “Еже Бог сочетав человек не разлучает”, долгое время скрывала свои нравственные переживания ото всех и только после одного случая, когда она была на волосе от смерти на почве садистических половых извращений своего супруга, она решила открыть матери свою ужасную семейную драму. Результатом такого признания г. Вырубовой было расторжение брака в установленной законом форме. При дальнейшем производстве следствия эти объяснения г. Танеевой о болезни супруга ее дочери дали себе полное подтверждение в данных медицинского освидетельствования г. Вырубовой, произведенных в мае 1917 года по распоряжению Чрезвычайной следственной комиссии, данные эти установили с полной несомненностью, что г. Вырубова девственница.

Вследствие неудачно сложившейся семейной жизни религиозное чувство А. А. Вырубовой развивалось все сильнее, и можно сказать, стало принимать характер религиозной мании, при этом предсказание Распутина о терниях жизненного пути для Вырубовой оказались истинным пророчеством. Благодаря этому она стала чистой и самой искренней поклонницей Распутина, который до последних дней своей жизни рисовался ей в виде святого человека, бесребренника и чудотворца.

При разрешении второго из поставленных мною выше вопросов, уяснив себе нравственный облик Вырубовой, а также и детально изучив во время следствия условия жизни Царской Семьи и нравственный облик Императрицы Александры Федоровны, я невольно остановился на признанном психологией положении, что противоположности часто сходятся, и дополняя друг друга, придают этим себе нравственное устойчивое равновесие. Неглубокий ум Вырубовой и чисто философский склад мышления Императрицы были двумя противоположностями, друг друга дополнившими, разбитая семейная жизнь Вырубовой заставила ее искать нравственного удовлетворения в удивительно дружной, можно сказать, идеальной семейной обстановке

Императорской Семьи. Общительная и бескорыстная натура Вырубовой вносила ту искреннюю преданность и ласку извне, которой не хватало в тесно замкнутой Царской Семье со стороны царедворцев, их окружавших. А общее у этих, столь различных, двух женщин нашлось то же — это любовь к музыке. Императрица обладала приятным сопрано, а у Вырубовой было хорошее контральто, и они часто в минуты отдохновения, пели дуэты. Вот те условия, которые у непосвященных в тайны близких отношений между Императрицей и Вырубовой должны были породить слухи о каком-то исключительном влиянии Вырубовой на Царскую Семью. Но как раньше сказано, влиянием при Дворе Вырубова не пользовалась и пользоваться не могла: слишком большой был перевес умственных и волевых данных у Императрицы по сравнению с бесхарактерной и умственно-ограниченной, но беззаветно преданной и горячо любящей сначала фрейлиной Танеевой, а затем сделавшейся домашним человеком в Царской Семье — госпожой Вырубовой. Отношения Императрицы к Вырубовой можно определить отношениями матери к дочери, но не больше того. Дальнейшим связывающим звеном этих двух женщин было одинаково развитое, как у одной, так и у другой, то религиозное чувство, которое привело их к трагическому поклонению личности Распутина.

Мои предположения о нравственных качествах г. Вырубовой, вынесенные из продолжительных бесед с ней в Петропавловской крепости, в арестном помещении, и наконец в Зимнем дворце, куда она являлась по моим вызовам, вполне подтвердились проявлением ею чисто христианского всепрощения в отношении тех, от кого ей много пришлось пережить в стенах Петропавловской крепости. И здесь необходимо отметить, что об этих издевательствах над госпожой Вырубовой со стороны крепостной стражи я узнал не от нее, а от госпожи Танеевой; только лишь после этого г. Вырубова подтвердила все сказанное матерью, с удивительным спокойствием и незлобностью заявила: “они не виноваты, не ведают, бо что творят”. По правде сказать, эти печальные эпизоды издевательства над личностью Вырубовой тюремной стражи, выражавшиеся в форме плеванья в лицо, снятия с нее одежды и белья, сопровождаемого битьем по лицу и по другим частям тела больной, еле двигавшейся на костылях женщины, и угрозами лишить жизни “наложницу Государя и Григория”, побудили следственную комиссию перевести г. Вырубову в арестное помещение при бывшем губернском жандармском управлении.

В смысле освещения интересовавших меня событий г. Вырубова являлась полной противоположностью князя Андронникова: все ее объяснения на допросах в дальнейшем, при проверке их на основании подлежащих документов, всегда находили себе полное подтверждение и дышали правдой и искренностью: единственным недостатком показаний г. Вырубовой являлось чрезвычайное многословие, можно сказать болтливость, и поразительная способность перескакивать с одной мысли на другую, не отдавая себе в этом отчета, т. е. опять-таки такие качества, которые не могли создать из нее политическую фигуру. Г. Вырубова всегда просила за всех, потому к ее просьбам при Дворе и было соответствующее осторожное отношение. Как бы учитывалось ее простодумие и простота.

Нравственный облик Императрицы Александры Федоровны достаточно ярко выяснился для меня из ее переписки с А. А. Вырубовой и с Государем. Эта переписка, веденная на французском и на английском языке, была вся проникнута горячим чувством любви к Мужу и Детям. Воспитанием и образованием своих Детей Императрица заведовала лично сама, почти по всем предметам, кроме узкоспециальных. В помянутой переписке Императрица неоднократно указывала на то, что Детей не надо баловать игрушками и пробуждать у них страсть к роскоши. Вместе с тем, также переписка носила печать глубокой религиозности. Государыня в письмах к Мужу часто описывает свои переживания во время прослушанных ею богослужений и часто говорит о чувстве полного удовлетворения и нравственного покоя, которые она испытывала после горячей молитвы. Вообще надо заметить, что во всей этой обширной переписке почти нет никаких указаний или рассуждений на политическую тему; переписка эта носит чисто интимный, семейный характер. Те места переписки, в которых говорится о Распутине, именуемым в ней “Старцем”, достаточно освещают отношения Императрицы к этому человеку, как к проповеднику Слова Божия, к прорицателю и искреннейшему молитвеннику за Царскую Семью. Во всей этой переписке на протяжении почти десяти лет мне не попалось ни одного письма,

написанного на немецком языке, а допросом приближенных ко Двору лиц я установил, что немецкий язык еще задолго до последней всемирной войны при Дворе не применялся. В связи с упорными слухами об исключительной симпатии Императрицы к немцам и о существовании в Царских Покоях прямого провода на Берлин мною были тщательно произведены осмотры помещений Императорской Фамилии, причем никаких указаний на сношение Императорского Дома с немецким во время войны установлено не было.

При проверке же мною слухов об исключительно благожелательном отношении Императрицы к раненым военнопленным немцам, выяснилось, что отношение ее к раненым немцам было таким же одинаково теплым, как и к раненым русским воинам, причем такое свое отношение к раненым Императрица объясняла выполнением лишь Завета Спасителя, говорившего, что кто посетит больного, тот посетит Его самого.

В силу многих обстоятельств, в том числе и постоянного болезненного состояния Императрицы, вследствие ее болезни сердца Царская Семья вела удивительно замкнутый образ жизни, что естественно способствовало самоуглублению и развитию религиозного чувства, принявшего у Государыни совершенно исключительный, преобладающий характер. На почве этой религиозности Императрица Александра Федоровна вводила монастырский устав Богослужения в некоторых придворных Церквах и с особым наслаждением, несмотря на болезненное состояние, выстаивала до конца длившиеся долгими часами службы. Это исключительное настроение Императрицы Александры Федоровны и послужило единственной причиной преклонения ее перед личностью Григория Распутина, который несомненно, как уже было объяснено, обладая способностью внушения, благотворно действовал в некоторых случаях на состояние здоровья тяжело больного Наследника. При этом, вследствие своей религиозной настроенности, Императрица не могла объективно оценивать источник несомненно поразительного влияния Распутина на состояние здоровья Наследника и искала этот источник не в гипнотической силе, а в тех высших Небесных Силах, которыми был наделен, по ее глубокому убеждению, за свою святую жизнь Распутин.

Года за полтора до переворота 1917 г. известный бывший монах Илиодор Труфанов, о котором было уже выше упомянуто, прислал в Петроград из Христиании свою жену с поручением предложить Царской Семье купить у него в рукописи написанную им книгу, выпущенную под название “Святой Черт”, где он описывает отношения Распутина к Царской Семье, набрасывая на эти отношения тень скабрёзности. Этим вопросом заинтересовался департамент полиции и на свой риск и страх вступил в переговоры с женой Илиодора о приобретении этой книги, за которую Илиодор просил, насколько помню, 60 999 рублей. В конце концов дело это было представлено на усмотрение Императрицы Александры Федоровны, которая с негодованием отвергла гнусное предложение Илиодора, заявив, что “белое не сделаешь черным, а чистого человека не очернишь”.

Считаю нужным обратить внимание, заканчивая этот очерк, что в деле выдвижения Распутина ко Двору принимали в свое время особо горячее участие: Великие Княгини Анастасия и Милица Николаевны, Духовник Их Величеств епископ Феофан и епископ Гермоген. Поэтому отношение Императрицы Александры Федоровны к Распутину было с первых же шагов доверчиво-благожелательным и с течением времени оно только усиливалось вследствие причин, уже нами указанных.

Подлинное подписал: Бывший командированный в чрезвычайную следственную комиссию по расследованию злоупотреблений министров, главно-управляющих и других должностных лиц с правом производства следственных действий, товарищ прокурора Екатеринославского окружного суда Владимир Михайлович Руднев

г. Екатеринодар 28 марта 1919 г.

Настоящим передаю генерал-майору Михаилу Дмитриевичу Нечволодову право на перевод и ..

издание на всех европейских языках рукописи моей об обследовании деятельности “темных сил”, составлено мною на основании данных, полученных во время командирования моего в 1917 году в Чрезвычайную следственную комиссию по рассмотрению злоупотреблений бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц.

Влад. Мих. Руднев

31 марта 1919 г. Екатеринодар

Подпись руки Владимира Михайловича Руднева сим свидетельствую.

Состоящий при управлении иностранных дел Добровольческой армии д. с. с. Михаил Догель

31 марта 1919 г. Екатеринодар

Копию подлинного документа у генерал-майора Нечволодова 10/23 мая 1919 года в Париже читал русской Добровольческой армии лейб-гвардии Петроградского полка капитан Булыгин

5/18 октября 1919 г. Омск.

Подпись рук д. с. с. Михаила Ивановича Догель и капитана Булыгина при снятии копии в штабе главного начальника военно-административных управлений восточного фронта армий сим свидетельствую, обер-офицер для поручений названного управления Александрийского гусарского полка корнета (нрзб.)

5/18 октября 1919 года Омск

Харбин. 1920 г. (документы 50—52)

[Протокол допроса Р. М. Политковского, 12 марта 1920 г.] // Н. А. Соколов.

Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 202—204. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПРОТОКОЛ

1920 года, марта 12 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Харбине в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Ростислав Михайлович Политковский, 28 лет, потомственный дворянин Ковенской губернии, капитан, православный, не судился.

В г. Екатеринбург я прибыл в апреле месяце 1918 года в качестве слушателя Академии Генерального Штаба.

Августейшая Семья прибыла в Екатеринбург, когда я был уже там. Факт перевоза Ее я сам не наблюдал. Перевоз Ее в Екатеринбург вызывал толки: пытались объяснить причину этого события и говорили двояко: одни говорили, что Августейшая Семья перевезена в Екатеринбург потому, что к Ней хорошо относилось население Тобольска, другие говорили, что Ее везли не в Екатеринбург, а в Москву, но уральские большевики, проявив свой сепаратизм вообще, не допустили Ее проезда в Москву и задержали Ее в Екатеринбурге. Говорили, что по этому поводу шел из Москвы на Екатеринбург карательный отряд, но почему-то не дошел до Екатеринбурга.

До меня не доходило никаких сведений об условиях, в которых содержалась Августейшая Семья. Я не слышал, чтобы там существовали какие-либо организации или группы, имевшие целью спасение Ее. Иногда приходилось проходить мимо дома Ипатьева, где содержалась Семья. Дом был закрыт забором. Он производил впечатление тюрьмы. Приблизительно за неделю до взятия Екатеринбурга войсками Сибирской армии распространились по городу слухи об убийстве Государя Императора. Были расклеены объявления по этому поводу. Я читал их. Там, как мне помнится, говорилось о “расстреле” Государя Императора. Смысл объявления был тот именно, что Он расстрелян по “суду”. Про Семью, как мне помнится, ничего не говорилось в

объявлениях⁷⁸. За несколько дней до падения Екатеринбурга я в составе отряда полковника Румши ушел к чехам и вошел в Екатеринбург вместе с ними. В доме Ипатьева после этого я не был и, вообще, никогда в нем не был. Спустя несколько дней я был в штабе гарнизона и познакомился здесь с поручиком Шереметевским. Он рассказывал, что он производил у крестьян д. Коптяков обыск и нашел драгоценный крест и разные обгорелые принадлежности уничтоженной огнем одежды. По его словам, эти вещи были найдены крестьянами где-то в лесу, в районе шахт, в кострищах. Сам я тогда этих вещей не видел. Но все это связывалось определенно с убийством Государя и Его Семьи.

Составилась тогда компания лиц, которая должна была отправиться на это место и осмотреть его. В эту компанию вошел и я. Я помню, что несколько человек офицеров, из которых я могу назвать только капитана Малиновского, капитана Бафталовского, в числе которых был и я, заехали за судебным следователем (фамилии его не знаю)⁷⁹, чтобы и он ехал с нами, так как мы отдавали себе отчет, что без специалиста не можем мы произвести осмотра. К нему входили Малиновский и Бафталовский, а мы долго их ждали. Тогда среди нас было большое возмущение действиями судебного следователя, так как он проявлял упорство и не желал ехать. С нами же тогда ездил доктор Деревенко и камердинер Государя Чемодуров. Мы ехали по железной дороге через Верх-Исетское озеро. Затем мы шли пешком, ехали на лодках по озеру, кажется, затем опять шли пешком до д. Коптяков и дальше ехали на лошадях уже к руднику. Мы ехали версты 3 по большой дороге, затем свернули по какой-то глухой дорожке и выехали к озеру, вблизи которого была шахта. Около этой шахты была глиняная площадка. На ней был один костер, а недалеко от него на лесной дорожке — другой костер. Мы думали сразу легко найти трупы или остатки трупов Августейшей Семьи. Между тем мы видели перед собой одни голые костры, в которых на первый взгляд ничего не было видно. Это нас сразу обескуражило и понизило нашу энергию. Судебный следователь держал себя совершенно инертно. Стали мы копаться в кострах. Были найдены два осколка драгоценных камней: изумруда и еще какого-то камня. Я копался в костре на дорожке. Со мной копался какой-то крестьянин. Он заметил блеск стекла и предупредил меня, чтобы я этим предметом не порезал себе рук. Я ковырнул этот предмет. Это оказался большой бриллиант в серебряной или платиновой оправе⁸⁰. Я нашел его втоптаным в землю.

Это обстоятельство несколько приподняло нашу энергию, но в общем мы тогда не пришли ни к каким выводам и уехали с рудника. Я помню, что в одном кострище еще был найден обгорелый кошелек, кусок полотнища защитного цвета, с кольцом, напоминающий обрывок от палатки.

Старик Чемодуров признал бриллиант принадлежащим к украшениям Императрицы: подвес от колье, а кусок полотнища за обрывок от вещевого мешка Наследника. Я помню хорошо, что обрывок этот тогда пах сильно керосином.

Мы осматривали только один большой колодец шахты. В нем был толстый слой льда, пробитый в одном углу.

Дорогой мы расспрашивали Чемодурова про жизнь Августейшей Семьи в Екатеринбурге. Чемодуров рассказывал, что режим был скверный. Он говорил, например, что Августейшая Семья обедала вместе с прислугой, что во время обеда входили разные “товарищи”, лезли через голову Императора в миску своими ложками и капали при этом или на Государя или на Государыню.

Показание мое, мне прочитанное, записано правильно.

Капитан Ростислав Политковский

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Соколов Н. А.] [Справка об освобождении из-под стражи поручика Б. Н. Соловьева] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 202. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

СПРАВКА

1920 года, января 3 дня, судебный следователь, не имея фактической возможности бороться мерами закона с требованием атамана Семенова об освобождении из-под стражи поручика Бориса Николаевича Соловьева, был вынужден отдать личное распоряжение начальнику Читинской областной тюрьмы об освобождении Соловьева из-под стражи.

Судебный следователь Н. Соколов

Верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Соколов Н. А.] [Справка о местонахождении подлинного следственного производства и вещественных доказательств] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 205—206. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

СПРАВКА

С 19 декабря 1919 года подлинное следственное производство и все вещественные доказательства находились на хранении у генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса.

Следственные действия с этого момента производились по дубликату предварительного следствия, остававшегося у судебного следователя. Эти меры были вызваны тревожным положением общего политического характера в Забайкальской области.

4 января 1920 года судебный следователь выбыл из Читы в г. Верхне-Удинск, где нашел подлинное дело и все вещественные доказательства в полной сохранности у генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса.

21 января судебный следователь с делом, находящимся под охраной американских войск, выбыл в г. Харбин. Следственное производство было помещено на хранение к консулу Великобритании г. Сляй. По приведении в порядок всех актов и вещественных доказательств, семь томов подлинного следственного производства и восьмой том в дубликате с частью вещественных доказательств было передано Главнокомандующему соединенными силами союзников

французскому генералу Жанену для доставления дела в Европу.

Семь томов дубликата и восьмой том подлинного дела со всеми остальными вещественными доказательствами оставлены были судебным следователем у себя.

20 марта 1920 года судебный следователь выбыл из России за границу для следования в Европу.

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Выпись из газеты «Шанхайская жизнь». Суд над казнившими Николая Романова] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 204—205. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ВЫПИСЬ

из газеты “Шанхайская Жизнь”⁸¹

Суд над казнившими Николая Романова.

“Правда” пишет: Партия лев. соц.-рев. существовала до учреждения советского правительства, она была террористической партией, которая своими насильственными действиями против отдельных лиц всегда дискредитировала все творческие революционные порывы.

Приводим подробности этого дела.

Революционный трибунал, под председательством тов. Матвеева после двухдневного разбирательства закончил дело об убийстве бывшего царя Николая Романова, его жены Александры “урожденной принцессы Гессенской”, их дочерей Ольги, Марии и Анастасии и разных окружавших их лиц. Как установлено, всего было убито 11 человек. В качестве обвиняемых привлечены были 38 человек, трое из них — члены екатеринбургского совета — Грузинов, Яхонтов и Малютин, две женщины — Мария Апраксина и Елизавета Миронова и остальные начальники стражи⁸².

После продолжительного допроса свидетелей и обвиняемых выяснилась полная картина этого убийства.

Бывший Царь и остальные были расстреляны, но не были подвергнуты издевательствам. Главный обвиняемый Яхонтов сознался, что убийство бывшей Царской Семьи было организовано им с целью дискредитирования советской власти в интересах партии лев. соц.-рев., к которой он принадлежал. Согласно показаний Яхонтова, убийство Н. Романова проектировалось еще в Тобольске, но зоркая стража расстроила весь план.

В Екатеринбурге, когда ввиду приближения к городу чехословаков среди советских властей происходила сумятица, он, как председатель чрезвычайной комиссии, издал приказ о расстреле бывшей Царской Семьи и всех окружавших Ее.

Яхонтов заявил, что он присутствовал при казни. Он взял всю вину на себя. В ограблении, последовавшем за убийством, он, однако, не признал себя виновным. Другие обвиняемые, включая Грузинова и Малютина, показали, что им неизвестно было о предательстве Яхонтова и что они просто привели в исполнение его приказ. После речей обвинителя и защиты, трибунал

признал виновным в убийстве бывшей Царской Фамилии и проч. одного только Яхонтова и приговорил его к расстрелу.

Грузинов, Малютин, Апраксина, Миронова и девять красногвардейцев были признаны виновными в ограблении жертв, и также приговорены к расстрелу.

Остальные оправданы.

На следующий день приговоры приведены были в исполнение.

С подлинным текстом верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

Париж. 1920—1922 гг. (документы 53—108)

[Протокол осмотра вещественного доказательства, 15 мая 1922 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 346—348. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

осмотра вещественного доказательства

1922 года мая 15 дня в г. Париже судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в порядке 315—325 ст. уст. угол. суд., производил осмотр книги бывшего жандармского генерала А. И. Спиридовича (л. д. 99, том II).

По осмотру найдено следующее:

Из содержания книги видно, что большая часть ее, составляющая ее содержание, основана на материалах, имевшихся в распоряжении русской политической полиции.

В книге приводятся следующие сведения в отношении большевика Свердлова.

На странице 55-й: “Свердлов Яков Мовшевич родился в Нижнем Новгороде, в 1885 году; еврей, из мещан г. Полоцка, Витебской губернии. Учился в Нижегородской гимназии, откуда вышел из 5 класса и поступил в аптекарские ученики.

В 1902 году Свердлов входил в местную социал-демократическую организацию, участвовал в демонстрации при похоронах некоего студента Рюрикова, за что был арестован на две недели в административном порядке. В следующем, 1903 году, Свердлов являлся уже настолько серьезным местным революционным работником, что был арестован и привлечен к формальному дознанию как член местной организации партии и отдан под гласный надзор полиции в Нижнем Новгороде.

Примкнув затем к фракции большевиков, Свердлов в 1907 году был привлечен к дознанию как член Пермского комитета партии и приговором Казанской судебной палаты присужден к 2 годам крепости.

Отбыв наказание, Свердлов немедленно же возобновил революционную деятельность и в декабре 1909 года был вновь арестован в Москве, на собрании местного комитета партии, предназначался к высылке в Сибирь, но ввиду поданой просьбы, по болезни получил разрешение выехать за границу.

Будучи позже вновь арестован, Свердлов 5 мая 1911 года был выслан в Нарымский край на 4 года, откуда бежал в декабре 1912 года, чему способствовал Ленин. После большевистского в 1917 году переворота Свердлов занимал пост председателя Совета народных комиссаров и играл выдающуюся роль в советском правительстве.

Свердлов умер в 1920 году. По слухам, он был убит на одном из московских заводов”.

На странице 252—253, описывая работы “совещания” из членов центрального комитета партии большевиков, собранного Лениным в июле 1913 года в деревне Поронино (в Галиции), автор указывает, что в числе лиц, назначенных для кооптации в центральный комитет, был Свердлов, ожидавшийся из Сибири после бегства оттуда.

На странице 330 автор указывает, что на конференции р.с.-д.р.п., собранной Лениным в Петрограде 7 мая 1917 года, участвовал Свердлов как представитель Урала, вошедший в состав президиума. Он же вошел по окончании работы конференции в состав центрального комитета партии.

На странице 377 значится, что в составе “Военно-Революционного Комитета”, руководившего “боевой частью восстания” (25 октября 1917 года), был Свердлов.

В отношении большевика Голощекина в книге приводятся следующие сведения.

На странице 145: “Голощекин Шая Исаакович, по революционным именам “Филипп”, “Борис Иванович”, “Иванович”, мещанин г. Невеля, Витебской губернии, еврей, родился в 1876 году, окончил Витебскую гимназию и зубоврачебную школу в Риге. В августе и ноябре 1906 года привлекался при СПб. губ. жанд. управлении и при помощнике начальника этого последнего в Царскосельском и Петергофском уездах к двум дозняниям по 126 и по 129 ст. уг. ул. По приговору особого присутствия СПб. судебной палаты, 13 марта 1907 года, был присужден к заключению в крепость на два года с зачетом в срок наказания предварительного заключения с 23 июня 1906 года, когда он был арестован.

В 1909 году Голощекин играл выдающуюся роль в московском комитете партии (большевиков), скрываясь от полиции под именем Аванесова, был арестован 13 декабря и выслан в Нарымский край на три года, откуда скрылся в сентябре 1911 года за границу, где, как видно из текста, играл роль в числе близких Ленину лиц. В феврале 1912 года Голощекин вновь был арестован в Москве и выслан в Тобольскую губернию на четыре года”.

На странице 233—234 значится, что в 1911 году Голощекин как “фанатичный поклонник Ленина”, бежавший из Сибири, работал после этого в Москве, где сумел “в короткий срок направить в Москве разбитую (полицией) партийную работу”.

На странице 235-й значится, что в составе “общепартийной конференции” (большевиков-ленинцев), собранной Лениным 19 января 1912 года в Праге, был Голощекин, как представитель Москвы, вошедший в состав выбранного конференцией центрального комитета.

На странице 238 значится, что на этой конференции Голощекину было поручено доставить нужных делегатов в Россию, сделать в Москве доклад о результатах конференции и наблюдения за докладами других лиц в России.

Судебный следователь Н. Соколов

[Соколов Н. А.] [Справка о приобретении книги А. И. Спиридонова «История большевизма в России», 5 мая 1922 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 346. —

(Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [I.] VIII).

СПРАВКА

5 мая 1922 года в г. Париже судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов приобрел в частной продаже книгу бывшего русского жандармского генерала А. И. Спиридовича (бывшего начальника личной охраны Государя

Императора) “История большевизма в России”.

[Протокол допроса С. Н. Смирнова, 16 марта 1922 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 337—346. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1922 года марта 16 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Фонтенебло (во Франции) допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля в порядке 443 ст. уст. угол. суд., и он показал:

Сергей Николаевич Смирнов, 44 лет, православный, проживаю в настоящее время в Белграде (в Сербии).

До переворота я был управляющим дворцовым городом Павловском и делами Его Высочества Князя Иоанна Константиновича и Ее Королевского Высочества Княгини Елены Петровны Сербской, супруги Князя Иоанна Константиновича.

Ныне я состою секретарем Ее Королевского Высочества.

В марте месяце Их Высочества по распоряжению Урицкого были высланы из Петрограда в Вятку, а затем в Екатеринбург.

Из Екатеринбурга по распоряжению Уральского областного совдепа они были высланы в Алапаевск.

20 июня я выехал из Петрограда в Алапаевск, чтобы видеть Их Высочества для выяснения некоторых дел.

21 июня я прибыл в Вологду, где тогда находились союзные миссии, в том числе и сербская.

Здесь я узнал от жены сербского посланника Сполайковича, бывшего в то время в Москве, что Княгиня Елена Петровна как раз в этот день прислала в посольство телеграмму, прося помочь ей проехать в Петроград к детям. Сама она находилась в то время в Екатеринбурге, откуда ее не выпускал областной совет.

Сполайковичу была тогда же секретарем Ненадичем послана надлежащая телеграмма, а я сам 22 июня выехал обратно в Петроград, куда из Москвы должен был проехать Сполайкович, дабы организовать надлежащим образом, по соглашению с Сполайковичем, поездку Княгини.

В Петроград я прибыл 23 июня.

Сполайкович обратился в Москве к Карахану и добился у него согласия на прибытие Елены Петровны в Петроград. Как говорил Сполайкович, Караханом были посланы соответствующие телеграммы: одна в Петроградскую коммуны, другая в Екатеринбургский областной совет.

28 июня я выехал из Петрограда в Екатеринбург в сопровождении сербского майора Жарко Константиновича Мичича и унтер-офицеров Милана Божиича и Георгия Абрамовича.

4 июля около 7 часов утра мы прибыли в Екатеринбург.

Елена Петровна находилась тогда в номерах Атаманова, куда мы и отправились, имея в то же время в своем распоряжении особый вагон, в коем мы прибыли.

Здесь я узнал, что Елена Петровна еще около 15 мая сделала попытку получить разрешение на поездку в Петроград к детям, оставшимся там у бабушки Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны. Алапаевский совдеп запросил разрешение областного. Тот разрешил Елене Петровне прибыть в Екатеринбург, куда она и приехала за несколько дней до 21 июня. Здесь ей было объявлено, что областной совет запросил Москву, и ей нужно ждать ответа.

Между тем в отсутствие Княгини Августейших Особ в Алапаевске перевели на тюремный режим, удалив от них всю прислугу, кроме Ремеза.

Некоторые из прислуги, проезжая через Екатеринбург, сообщили об этом Елене Петровне, и она решила возвращаться в Алапаевск, дабы разделить судьбу мужа.

Она уже была по этому поводу у Белобородова и выдала ему соответствующую расписку.

Когда все это, по нашем прибытии в Екатеринбург, выяснилось, и Елена Петровна заявила, что она решила возвращаться в Алапаевск, мы должны были выезжать обратно. Необходимо было одному из наших солдат проводить Княгиню до Алапаевска. Мы решили ждать его возвращения.

Конечно, мы должны были явиться в областной совет для предъявления наших документов.

Нужно было также получить разрешение на отъезд Елены Петровны в Алапаевск, так как иначе нельзя было получить билетов.

Нужно было и нам получить соответствующую бумагу от Белобородова, дабы мы могли в нашем вагоне возвращаться обратно.

5 июля я с майором отправился в областной совет. Нас принял секретарь Белобородова Мутных и повел к Белобородову.

Белобородов был с нами внимателен и учтив, именуя заглазно Ее Высочество “Королевой”. Но очень скоро по нашем приходе к нему из соседней комнаты в кабинет Белобородова вошел неизвестный и присутствовал при нашей дальнейшей беседе.

Я сказал Белобородову, что у него должна быть телеграмма Карахана на отъезд Елены Петровны. Он стал говорить, что такой телеграммы у него нет. При этом он сказал, что Елена Петровна отказалась от своей первой просьбы и уже уехала в Алапаевск. Очевидно было, что он лгал.

Когда я ему сказал, что Елена Петровна еще в Екатеринбурге, он удивился этому: “Ах, вот как!..”.

Тут же неизвестный, присутствовавший при этом, написал что-то на бумажке, сунув ее Белобородову. Тот стал значительно суше с нами, официальной.

Я не знаю, кто был этот неизвестный. Но я положительно утверждаю, что это был еврейчик. Это определенно было видно и по наружности и по его еврейскому выговору.

Решено было, что Белобородов запросит Москву, а мы будем ждать ответа.

Госпожа была, но Белобородов заперел Москву, и мы будем ждать ответа.

Тогда же я просил Мутных дать разрешение на поездку Елены Петровны в Алапаевск. Мутных написал разрешение, подписал его и приложил к разрешению отпечаток подписи Белобородова: у него был такой штамп с отпечатком подписи Белобородова.

5 июля я пошел на станцию, чтобы получить для Елены Петровны билеты. Комендант станции нашел удостоверение не в порядке и пошел к военному комиссару станции. Он вышел ко мне и в весьма грубой форме отказался выдать билеты, мотивируя отказ тем, что разрешение не имело подлинной подписи Белобородова.

Я протелефонировал об этом Елене Петровне. Было уже поздно. Она оставалась в номерах Атаманова. Мы оставались в своем вагоне. 6 июля я утром отправился к Елене Петровне и не застал ее. Она в этот день была уведена в чека для допроса. Вернувшись, она рассказала, что чека интересовалась нашим приездом, пытаясь узнать допросом Княгини, для чего именно мы приехали.

В этот же день я получил от Мутных новое разрешение уже с подлинной подписью Белобородова.

Елена Петровна перешла в наш вагон, чтобы удобнее было поехать в Алапаевск.

Елена Петровна пожелала иметь у себя старое разрешение, отобранное у меня станционным военным комиссаром, и я был вынужден пойти по этому поводу к нему. Он отобрал у меня и новое удостоверение и, кроме того, потребовал к себе и Княгиню. Она пошла к нему с майором часов в 7 вечера и вернулась в вагон часа в 2 ночи. Комиссар страшно грубо обращался с Княгиней, кричал и все время держал ее стоя. Новое удостоверение так и осталось у него.

7 июля я пошел опять к Мутным за разрешением и рассказал ему о происшедшем. Мутных был не тот, что прежде. Он не глядел в глаза, отворачивался, что-то мямлил неопределенное, звонил в чека, советовал обратиться там нам к “товарищу Гореву”*, ведущему наше дело, и старался успокоить, что все обойдется.

Так ни с чем я и ушел, не получив никакого нового разрешения.

Около 3 часов вечера 7 июля наш вагон был окружен. К нам вошли какие-то люди и повели нас всех в чека.

Там мы подождали с полчаса в канцелярии, затем нас попросили наверх в комнату и там нас заперли. Мы были арестованы.

С нами же была Елена Петровна.

Скоро ее увели в соседнюю комнату, а в нашу вошла группа чекистов с неизвестным мне лицом во главе, распорядившимся обыском. Это лицо обратило главное внимание на майора и само производило у него личный обыск, обнаружив приемы опытного сыщика. Оно само ломало воротничок майора, осматривало тщательно подошвы его сапог и т. п.

После этого я вышел в коридор, куда также вышла и Елена Петровна. По-французски она сказала мне: “Это постыдно. Меня обыскивали”. (Обыскивала ее женщина.)

Господин этот, который обыскивал майора, сказал Княгине: “Мадам, прошу вас на иностранных языках не говорить”.

Красноармейцы, к которым я обратился за вопросом, сказали мне, что человек этот Юровский, что он комиссар “дома Романова”.

В чека мы просидели до ночи на 20 июля.

В эти дни и я и Княгиня встречали несколько раз в чека Юровского.

Видели мы также Лукоянова, числившегося председателем чека, и коменданта здания Сахарова.

Кроме того, заходили к нам и еще какие-то комиссары. Я не знаю, кто они такие. Помню троих. Это были безусловно евреи и по наружности и по выговору. Они говорили по-английски и сами рассказывали, что они были эмигранты до революции и жили, кажется, в Америке или в Англии.

В ночь на 20 июля, приблизительно, около 3 часов, считая время так, как оно тогда исчислялось большевиками, и как его показывали тогда часы, находившиеся в американской гостинице, где помещалась чека, к Елене Петровне постучался Юровский и сказал ей, чтобы она собиралась в путь.

Собрались и мы.

На рассвете нас повели в вагон. В тот же день к нам в вагон привели графиню Анастасию Васильевну Гендрикову, Екатерину Адольфовну Шнейдер и камердинера Государыни Алексея Андреевича Волкова.

21 нас отправили в Пермь, куда мы прибыли 23 июля.

В тот же день нас поместили в пермскую губернскую тюрьму. Елена Петровна сидела в одной камере с Гендриковой и Шнейдер. С нами сидел Волков.

При нашем прибытии в пермской же тюрьме содержался жандармский полковник Знамеровский, камердинер Великого Князя Михаила Александровича Чельшев и шофер Борунов.

25 августа увели из тюрьмы полковника Знамеровского.

В ночь на 4 сентября — Волкова, Гендрикову и Шнейдер.

Помню я, что в эту же ночь требовали и Чельшева с Боруновым, но Чельшев был болен, и начальнику тюрьмы удалось его отстоять. С ним заодно был оставлен и Борунов.

Приблизительно недели через две после этого я сам видел, что Чельшева увели или, правильнее сказать, унесли на носилках, так как он был болен. Я простился с ним, и он сам не сомневался, что его вызывали на расстрел.

Как уводили Борунова, я не видел, но я положительно не сомневаюсь, что и он был уведен, ибо больше я его не видел в тюрьме.

Положение наше было трагическое. С минуты на минуту мы все ждали смерти.

Удалось нам спастись через двоюродную сестру моей жены Ольгу Иосифовну Палтову, проживавшую в Перми.

Я написал ей о нашем положении через одного из надзирателей. Она, получив мое письмо, кинулась сейчас же в Петроград к секретарю сербского посольства Анастасевичу, остававшемуся в Петрограде для охраны архива посольства. Был отправлен курьер норвежского посольства в Москву к Ленину.

Мы были зачислены за всечека* и 29 октября отправлены в Москву.

Там мы сразу же попали к Петерсу. Елена Петровна была 2 ноября отправлена в заключение в Кремль и была освобождена во второй половине декабря. 13 ноября был освобожден майор Мичич с солдатами. Я был освобожден 28 февраля 1919 года.

На Ваши вопросы по делу могу рассказать следующее.

Я вижу предъявленные мне Вами фотографические карточки трех лиц (предъявлены фотографические карточки Юровского, Сахарова и Голощекина) и могу показать следующее.

Я не могу опознать Юровского на той карточке, где он изображен пьющим чай. Когда я видел его, у него совсем не было такой бороды. У него была небольшая бородка клинышком, но в то же время скорее с раздвоением ее. На другой карточке в белом фартуке он изображен в профиль, а память мне не сохранила такой его позы. На третьей же карточке, где он снят совсем без бороды, я его опознаю, несмотря на то, что я видел его с бородой, а здесь он бритый. Это несомненно он.

Сахарова и Голощекина я также опознаю.

Сахарова я видел, как я уже говорил, в Екатеринбурге в чека.

Голощекина я видел в пермской тюрьме.

Я видел его два раза. В первый раз он был в тюрьме в сопровождении каких-то других комиссаров, обходил камеры, был и в нашей. Я положительно знаю, что в это посещение решался вопрос о том, кто будет расстрелян. Голощекин был главным лицом в этой комиссии.

Во второй раз он был у нас в камере в сопровождении какого-то местного комиссара, и этот местный комиссар делал ему, Голощекину, доклад, какие арестанты и за что сидят.

Как видите, он был главным лицом.

Роль Юровского в областной чека была очевидна. Он был один из главных там.

Совершенно в тени держался Лукоянов.

Роль Белобородова вы сами можете оценить по характеру тех фактов, которые привел я. Его распоряжение было нуль. Его третиговала чека и военные комиссары. Он дает распоряжения. Их отбирают и с ними не считаются. Он разрешает ехать Княгине в Алапаевск. Ее тащат в чека.

Помню я утро 17 июля, когда мы сидели в областной чека. Я прекрасно помню, мы тогда проснулись очень рано утром от шума. Выйдя в коридор, я видел много чекистов, откуда-то возвратившихся. Они были все вооружены более чем обычно, были как-то утомлены или, я даже сказал бы, подавлены чем-то.

Елена Петровна рассказывала мне про Царскую Семью в этот период моего общения с ней следующее.

Будучи в Екатеринбурге до отъезда в Алапаевск, она пыталась навестить Государя и заходила в дом Ипатьева. Ее не пустили к Царской Семье. Это было 20 апреля, когда в доме Ипатьева были Их Величества и Великая Княжна Мария Николаевна. Коменданту она называлась своим именем.

Никаких сведений ей, конечно, сообщено не было.

Считаю должным также отметить, что сербский посланник Сполайкович присылал в это время в Екатеринбург сербского майора Максимовича, который должен был передать Государю 25 000 рублей. Он не был пропущен к Государю.

рулении. Он не был пропущен к Государю.

Будучи в Екатеринбурге в июне месяце, Елена Петровна виделась с доктором Деревенко. Он бывал в доме Ипатьева и говорил ей, что Царской Семье жилось плохо. Был тяжел режим. Наследник болел. Когда Деревенко навещал его, там был какой-то фельдшер, которого приглашали большевики, чтобы Деревенко был не один. Кто был этот фельдшер, я не знаю.

19 июля через одно лицо мы осведомились, что Августейшие Особы были увезены из Алапаевска. Мы тогда приняли это за чистую монету. Елена Петровна была уверена в спасении Князя Иоанна Константиновича. Мы так думали, что их спасли монархисты из Сибири.

Когда мы узнали про увоз Августейших Особ в Алапаевск, Елена Петровна зашла к Лукоянову, чтобы проситься в Алапаевск: она хотела проверить алапаевскую версию. Лукоянов сказал ей, что туда ехать нельзя: "Алапаевск ненадежен". Мы еще более укрепились тогда в нашей вере, что Августейших Особ в Алапаевске спасли.

Я хорошо помню, Волков говорил мне, рассказывая про тобольскую жизнь, что Царской Семье были присланы две суммы денег кем-то, которые обе и прошли через его руки. Он называл их: 25 000 и 10 000 рублей.

Не указывая источника своей осведомительности, Елена Петровна говорила мне, что Государь смотрел на отъезд из Тобольска как на отъезд в Москву. Государь был уверен, что Ему хотели предложить снова власть.

Я думаю, что ей об этом говорил Деревенко.

В пермской тюрьме я беседовал про судьбу Великого Князя Михаила Александровича с Знамеровским и Чельшевым. Я совершенно не могу Вам сказать, что именно каждый в отдельности рассказывал из них.

Сущность рассказа сводилась к тому, что Михаила Александровича увезли несколько человек.

Знамеровский смотрел на его увоз как на спасение. Ничем он не мотивировал такого своего взгляда. В то же время я категорически и совершенно точно удостоверяю факт, что Знамеровский сам абсолютно не был осведомлен о существовании какой бы то ни было организации, которая бы хотела спасти Великого Князя; не участвовал в ней и совсем не знал о существовании такой организации. Он думал, что кто-то увез Михаила Александровича для спасения. Ни на чем фактическом эта вера его основана не была. Я должен Вам сказать следующее по этому поводу.

Я был уверен в спасении Августейших Особ в Алапаевске. Моя вера была основана на том, что нас-то именно в том и обвиняли, что мы прибыли с целью спасения Их и участвовали в заговоре, благодаря которому Они спаслись.

Я так и смотрел на дело Михаила Александровича. Сквозь эту призму я рассматривал то, что говорилось мне Знамеровским и Чельшевым.

Значительно позднее, когда убедился я в убийстве в Алапаевске, когда понял, как они лгали, предъявляя нам обвинения, я понял, что, конечно, убит и Михаил Александрович.

Когда мы сидели в пермской тюрьме, к Елене Петровне явился однажды какой-то местный чекист и спросил ее, знала ли она в лицо членов Царской Семьи и может ли опознать Великих Княжен, если ей покажут одну из них. Елена Петровна, конечно, ответила утвердительно. Этот чекист сказал ей, что поймана одна девушка, обвиняющаяся в воровстве, выдающая себя за дочь Государя Великую Княжну Анастасию Николаевну. В тот день, как говорил чекист, она была избита сильно красноармейцами и предъявлена быть не могла. Позднее ее привели в тюрьму и

посадили в одну камеру с Еленой Петровной. Обман был очевиден и, поэтому, никакого разговора о том, почему она себя называла Великой Княжной, не было. Это была уличная девушка, профессиональная воровка, побывавшая везде в России; была она и в Японии. Она учила Елену Петровну петь тюремные песни и говорила, что ее паспорт весь испещрен тюремными отметками. Когда Елена Петровна сказала ей, чтобы она вернулась к честной жизни, эта воровка и указала ей на свой паспорт: кто же возьмет с таким паспортом.

Я могу еще сказать следующее про Юровского.

Он, как я говорил, обнаружил приемы опытного чекиста. Но при всем этом он был весьма учтив, корректен, выдержан и, так сказать, старался быть галантным.

При встречах с Еленой Петровной он был весьма учтив, галантно снимал шляпу, приветствовал Елену Петровну при встречах и жался всегда к стенке, стараясь дать ей дорогу.

Так он себя держал с ней не на глазах других. При других же он старался сделать вид, что не замечает ее.

Был он учтив и со мной и обнаружил знание им польского языка, пытаясь говорить со мной по-польски; (я выдавал себя за серба). Должен сознаться, что я получил от него хорошее впечатление и даже думал, что это, по крайней мере, не большевик. Должен сознаться, что я даже думал, что не ему ли мы были обязаны тем, что нас не расстреляли в Екатеринбурге, и однажды приветливо пожал ему руку, считая его, так сказать, человеком, более порядочным, чем другие в чека.

Сахаров — это был мальчишка-хулиган. Он заходил к нам часто в номер и хвастался своими новыми костюмами и каждый раз новыми перчатками. Совсем был пустой мальчишка.

Как только Княгиня Елена Петровна узнала, что князь Иоанн Константинович переведен на тюремный режим, она сейчас же решила вернуться к мужу. Дети были у бабушки, как я говорил. Настойчиво желая вернуться к мужу, она тогда же выдала Белобородову расписку следующего содержания: “Я, гражданка Королевства Сербского Елена Петровна, по мужу Романова, желая разделить тюремный режим мужа, добровольно возвращаюсь в Алапаевск, где обязуюсь переносить тот же режим, принимая на себя все расходы по моему содержанию. Я обязуюсь не обращаться к защите иностранных посольств, а если таковые сделают шаги в мою пользу, я отказываюсь воспользоваться результатами этих шагов. Елена Петровна Романова Королевна Сербская”.

Мы вместе с Еленой Петровной были у Петерса.

На вопрос Княгини, почему нас не отпускают, Петерс ответил: “Потому, что один ваш (сербский) батальон находится на Мурмане с союзниками”. Когда Княгиня сказала, что Сербия не станет воевать с Россией, Петерс ответил: “Да, это мы понимаем, что Сербия не нападет на Россию, но она все же и не оставляет наших бывших союзников”.

Показание мое, составленное в трех экземплярах и во всех мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Я даю показание, имея у себя под руками мои записки.

Прошу внести следующие дополнения.

Я опознаю Юровского на одной из карточек. Только у него тогда были более коротко острижены волосы.

Я именовал себя в Екатеринбурге и в Перми секретарем сербского посольства, имея у себя

соответствующий паспорт.

Посылка майора Максимовича имела место ранее прибытия в Екатеринбург Елены Петровны 20 апреля. Это было в апреле — начале мая.

Секретарь Ее Королевского Высочества Княгини Елены Петровны

С. Смирнов

Судебный следователь Н. Соколов

[Соколов Н. А.] [Постановление о признании документов, полученных от доктора Рицлера, вещественными доказательствами по делу, 5 марта 1922 г.] // Н. А. Соколов.

Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 337. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1922 года марта 5 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, принимая во внимание, что описанные в протоколе 3—5 сего марта документы, полученные от доктора Рицлера, имеют существенное значение для дела, на основании 372 ст. уст. угол. суд.

ПОСТАНОВИЛ: документы эти признать вещественными по делу доказательствами.

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол осмотра вещественных доказательств, 3—5 марта 1922 г.] // Н. А. Соколов.

Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 333—337. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

осмотра вещественных доказательств

1922 года марта 3—5 дня в г. Париже судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в порядке 325—333 ст. уст. угол. суд., производил осмотр документов, полученных судебным следователем от доктора Рицлера (л. д. 89, том 11).

По осмотру найдено следующее:

Документы по своему внешнему виду представляют собой копии, писанные на пишущей машине, на немецком языке. Они не заверены, но содержание копий тождественно с теми документами, которые были предъявлены 14 июня 1921 года доктором Рицлером судебному следователю.

В переводе на русский язык документы имеют следующее содержание:

1. Донесение датской миссии в России датскому правительству.

9 июня 1918 года.

...Господин Иоффе высказал барону ф(он) д(ер) Буше уверенность, что никому из Императорской Фамилии не будет причинено вреда и что все члены последней будут достаточно снабжаться всем необходимым для существования.

2. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 21 июня 1918 года.

Я сегодня определенно заявил Чичерину, что я имею основания предполагать, что во время боев у Екатеринбурга пострадала Императорская Фамилия. В случае, если это известие, которое вносит столько возмущения и ожесточения в самые широкие круги, неверно, то я не понимаю, почему большевики в своих личных самых близких интересах не выступят немедленно с решительным опровержением.

Чичерин лишь слабо защищался, утверждал, что имеется столько ложных известий, что не стоит опровергать каждое¹⁴¹.

Вообще в комиссариате продолжают относительно боев с чехословаками держаться прежнего официального оптимизма. Хотя и признают потерю Кузнецка, но зато отрицают потерю Пензы, Тамбова, Козлова и Рязани.

Мирбах

3. Министерство иностранных дел представителю Министерства иностранных дел при Его Величестве, 22 июня 1918 года.

Развитие событий на Урале, к сожалению, дает основания к самым серьезным опасениям за судьбу Царской Семьи. По этому поводу я сегодня говорил с русским представителем Иоффе.

Последний ответил, что он не имеет никаких сведений, но одержим самыми дурными опасениями. Сообщение Екатеринбурга с Москвою прервано находящимися между этими пунктами частями чехословаков. На Кавказе с некоторого времени идет борьба между частью местного населения и чехословаками. Последние открыто заявляют, что они борются за и от имени Царя. Это обстоятельство вызвало сильное ожесточение против Царской Семьи в низших слоях населения. Поэтому он считает очень вероятной катастрофу, особенно в случае победы чехословаков.

Я указал ему на то отвращение, которое подобное событие возбудит во всем цивилизованном мире против настоящего русского правительства.

Русский представитель ответил, что он себе отдает в этом полный отчет и неоднократно указывал в телеграммах, как важно заботиться о безопасности Царской Семьи и содержать Ее соответственным образом. Принципиально уже было принято решение перевезти Ее в Москву, когда перерыв железной дороги чехословаками отрезал сообщение. В настоящее время советская республика не в состоянии что-либо сделать в тех краях.

Кюльман

4. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 26 июня 1918 года.

Сегодня Чичерин передал мне в разговоре, что контрреволюционные попытки в Екатеринбурге подавлены и что правительство ныне имеет сведения, что Царь невредим. Подробности ему неизвестны, так как телеграфное сообщение плохо функционирует. По сведениям из обывательских источников Царь и Царица помещены в железнодорожном поезде вблизи Перми.

Мирбах

5. Товарищ министра иностранных дел графу Мирбаху, 2 июля 1918 года.

Согласно словесному сообщению Иоффе слухи об убийстве Царя и Императорской Семьи оказались неосновательными. Однако, принимая во внимание беспорядки на Урале, положение

Императорской Семьи все-таки небезопасно. Я очень определенно указал ему на то, что общественное мнение всего света сделает советское правительство ответственным за жизнь и безопасность Царя и Его Семьи, а также на то, что безусловно необходимо соответственное размещение и уход за Высочайшими Особами. Иоффе обещал побудить свое правительство сделать все возможное.

Фон Стумм

6. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 19 июля 1918 года.

Во вчерашнем первом заседании центрального исполнительного комитета Свердлов прочитал полученное от областного Уральского совета телеграфное сообщение об расстреле бывшего Царя Николая Романова. В последние дни столица красного Урала Екатеринбург находилась в серьезной опасности вследствие приближения чехословацких банд. Одновременно был обнаружен новый заговор контрреволюционеров, который имел целью вырвать из рук советского правительства коронованного палача. Ввиду этих обстоятельств президиум Уральского областного совета решил расстрелять Николая, что и было исполнено 16 июля. Супруга и сын Николая II перевезены в безопасное место. О дочерях Свердлов ничего не упоминал. Документы относительно обнаруженного заговора посланы в Москву с особым курьером.

После этого сообщения Свердлов напомнил историю перевозки Царя из Тобольска в Екатеринбург, каковая также обнаружила подобную же организацию белогвардейцев с целью содействовать побегу. В последнее время было предположено предать бывшего Царя суду за все его преступления против народа, и лишь совершившиеся ныне события помешали осуществлению этого предположения.

После этого центральный исполнительный комитет в лице своего президиума признал решение Уральского областного совета правильным.

Затем Свердлов сообщил, что в руках центрального исполнительного комитета находятся чрезвычайно важный материал и документы Николая Романова. Его личные дневники, которые Он вел с юншества до последнего времени, дневники Его Супруги и Детей, рисунки Романовых, между прочим, также письма Распутина и т. д. Все эти материалы будут рассмотрены и в ближайшем времени опубликованы¹⁴².

Рицлер

7. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 19 июля 1918 года.

Должно ли быть повторено решительное представление относительно бережного отношения к Царице... как к германской принцессе?

Распространять представление и на Цесаревича было бы опасно, так как большевикам, вероятно, известно, что монархисты склонны выставить на первый план Цесаревича. Недоверие большевиков в отношении германской контрреволюции еще более усилилось вследствие откровенных сообщений генерала Краснова.

8. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 20 июля 1918 года.

Я вчера сказал Радеку и Воровскому, что весь мир самым строгим образом осудит расстрел Царя и что императорский посланник должен решительно предостеречь их от дальнейшего следования по этому пути. Воровский ответил, что Царь был расстрелян лишь потому, что в противном случае Им овладели бы чехословаки. Радек высказал личное мнение, что если мы проявляем особый интерес к дамам Царской Семьи, которые германской крови, то, может быть, можно было бы предоставить им свободный выезд. Может быть, удалось бы освободить Царицу и Цесаревича (последнего как неотделимого от матери) как компенсацию в вопросе батальона с

царевича (последнего как похищенного от матери), как компенсацию в вопросе satisfaction с гуманитарным обоснованием.

Рицлер

9. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 23 июля 1918 года.

Сделал соответствующее представление в пользу Царицы и принцесс германской крови с указанием на влияние царубийства на общественное мнение. Чичерин молча выслушал мои представления.

Рицлер

10. Министерство иностранных дел поверенному в делах в Москве, 20 июля 1918 года.

С представлением в пользу Царской Семьи согласен.

Буше

11. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 24 июля 1918 года.

Чичерин мне вчера сказал на мой запрос, можем ли мы считать обеспеченной жизнь германских принцесс, включая Царицу, что, насколько ему известно, Царица перевезена в Пермь.

Чрезвычайно маловероятно, чтобы Чичерин в этом вопросе говорил правду. Чичерин избегал всяких уверений, но лишь высказал мнение, что если за Ними не будет вины, с Ними ничего не случится. В этом вопросе правительство по отношению к нам более предубеждено, чем ранее. Было бы опасно для принцесс выказывать в этом вопросе больший интерес. Относительно местопребывания Великой Княгини Сергей* ничего неизвестно.

Рицлер

12. Товарищ министра иностранных дел принц Генрих Прусский Киль, 28 июля 1918 года.

Вашему Королевскому Высочеству почтительно докладываю, что на сделанное нашим дипломатическим представителем в Москве представление в пользу Царицы и всех принцесс германского происхождения русское правительство ответило уклончиво. Я сделал также представление господину Иоффе относительно Ее Величества Царицы и Детей. Царица, как утверждается, привезена в Пермь. Однако это известие мало правдоподобно.

Императорский поверенный в делах в Москве, как он доносит, попытается доставить приветы Вашего Королевского Высочества Царице. Путь через посредство советского правительства может быть опасным для Царицы и поэтому должен быть избегнут.

Буше

13. Миссия в Москве Министерству иностранных дел, 31 июля 1918 года.

По сообщению советского правительства Великая Княгиня Сергей находится в Перми.

Гельферих

Судебный следователь Н. Соколов

[Соколов Н. А.] [Справка о невыдаче фотографического отпечатка телеграммы Белобородова, 9 сентября 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 333.

СПРАВКА

9 сентября 1921 года в г. Фонтенбло (во Франции) судебным следователем были получены чрез особое лицо, посланное полковником Э. Г. Фрейбергом, копии документов, предъявлявшихся 14 июня 1921 года в г. Берлине (в Германии) судебному следователю доктором Рицлером.

Ввиду невозбуждения при получении сих документов вопроса о выдаче фотографического отпечатка телеграммы Белобородова от 17 июля 1918 года таковая выдача не имела места.

Судебный следователь Н. Соколов

[Соколов Н. А.] [Постановление о признании вещественным доказательством по делу книги П. А. Жильяра «Трагическая судьба Императора Николая II и Его Семьи», 20 января 1922 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 331—333. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1922 года января 20 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, имея ввиду данные осмотра книги Жильяра, приведенные в протоколе осмотра ее от сего числа, и имея в виду:

- 1) что связь Бориса Николаевича Соловьева с Августейшей Семьей в период тобольского Ее заключения установлена данными следствия;
- 2) что, как видно из сопоставления показаний свидетелей Николая Евгеньевича Маркова, Виктора Павловича Соколова, из показаний Татьяны Евгеньевны Мельник, как они приведены в акте осмотра ее записки, и иных данных предварительного следствия, означенный Соловьев своей деятельностью в пределах Тобольской губернии пресекал попытки лиц, имевших целью спасение жизни Августейшей Семьи, причем заведомо ложно уверял Государыню Императрицу в существовании организации из гг. офицеров, возглавляемой им, Соловьевым, и имевшей в виду спасение Августейшей Семьи;
- 3) что сопоставление только что приведенных данных предварительного следствия с показанием Клавдии Михайловны Битнер и с записью в дневнике свидетеля Жильяра под датой 26 марта 1918 года, как эта запись приведена в его книге, приводит следственную власть к убеждению, что и сведения Императрицы, высказанные ею в этот самый день Жильяру об отряде Демьянова, прибывшем из Омска, имели своим источником деятельность того же Соловьева;
- 4) что записью в своем собственном дневнике под датой 12 апреля 1918 года (нового стиля) Соловьев изобличается в том, что об увозе Августейшей Семьи из Тобольска, обстоятельства коего составляют кардинальный момент следствия, он знал почти за две недели;
- 5) что, таким образом, не представляется оснований для сомнений, что деятельность Бориса Николаевича Соловьева была связана в Тюмени с деятельностью других лиц в Омске, откуда прибыл перед прибытием Яковлева сначала Дуцман, а затем Демьянов и Дегтярев;
- 6) что вся роль Соловьева в целом, как она установлена на следствии, представляется дальнейшим развитием того же явления, в центре которого была личность Распутина;
- 7) что при настоящем положении дела не установлено и отношение Соловьева к самому факту убийства Августейшей Семьи. ибо из сопоставления его показаний и показаний Матрены

Григорьевны Соловьевой с записями в ее дневнике видно, что Соловьев заведомо ложно пытался установить свое алиби в момент самого убийства Августейшей Семьи;

8) что, за силой приведенных обстоятельств, запись в книге Жильяра под датой 26 марта 1918 года приобретает значение особой важности для дела, и поэтому его книга имеет значение для дела, на основании 372 ст. уст. угол. суд.,

ПОСТАНОВИЛ: книгу Петра Андреевича Жильяра “Трагическая судьба Императора Николая II и Его Семьи” признать вещественным по делу доказательством.

Судебный следователь Н. Соколов

[Соколов Н. А.] Постановление о признании записки Т. Е. Мельник вещественным доказательством, 15 января 1922 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 331. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв; [Т.] VIII).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1922 года января 15 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, принимая во внимание, что письменные показания Татьяны Евгеньевны Мельник, осмотренные в протоколе сего числа, имеют существенное значение для настоящего дела, на основании 372 ст. уст. угол. суд.

ПОСТАНОВИЛ: записку Мельник признать вещественным по делу доказательством.

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол осмотра вещественного доказательства, 15 января 1922 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 320—330. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

осмотра вещественного доказательства

1922 года января 15 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции) в порядке 315—324 ст. уст. угол. суд., производил осмотр письменных показаний Татьяны Евгеньевны Боткиной, представленных ею к следствию через гвардии капитана Булыгина (л. д. 74, том II).

По осмотру их найдено следующее:

Эти показания по своему внешнему виду представляют собой брошюру, написанную на пишущей машине. В самом конце ее имеется сделанная зелеными чернилами собственноручная надпись Татьяны Евгеньевны Боткиной, по мужу Мельник, следующего содержания: “Эти “Воспоминания” даны мною капитану Павлу Петровичу Булыгину для передачи следователю по особо важным делам Н. А. Соколову, ведущему расследование об убийстве Царской Семьи”.

Воспоминания в самом конце их имеют подпись, сделанную такими же чернилами, Боткиной: “Татьяна Евгеньевна Мельник (рожденная Боткина). Владивосток 12/25 июня 1920 года”.

Вышеприведенная надпись также имеет подпись: “Татьяна Мельник. Владивосток 12/25 июня 1920 года”.

Показания озаглавлены Боткиной: “Воспоминания о Царской Семье и Ее жизни до и после революции”.

Они пронумерованы по листам и имеют всего девяносто пять (95) страниц.

Из содержания записей видно, что доктор Евгений Сергеевич Боткин состоял в качестве врача при Царской Семье вскоре после окончания Японской войны — (даты Мельник не указывает), — причем выбор его принадлежал Государыне Императрице Александре Федоровне; в 1908 году он получил звание лейб-медика и переселился в Царское Село, где проживала Царская Семья.

Татьяна Евгеньевна Мельник выбыла в Тобольск после отъезда туда Царской Семьи и прибыла в Тобольск 14 сентября 1917 года старого стиля.

Отмечаются следующие места записки:

На странице 4-й: “Мой отец всегда говорил нам, что любит Их Высочеств не меньше нас, своих детей. Рассказывал, что Они трогательно дружны между собой, как в особенности Анастасия Николаевна любит Ольгу Николаевну, всюду ходит за ней и с уважением и нежностью целует у нее руки; как Они просты в своей одежде и в образе жизни, так что Алексей Николаевич донашивал старые ночные рубашки своих сестер”.

На странице 7-й: “Вообще простота и скромность были отличительными чертами Царской Семьи. Великие Княжны говорили: “Если Вам не трудно, то Мама просит Вас придти”. Никогда никто из окружающих не слышал от Их Величеств или от Их Высочеств слова “приказываю”.

На странице 9-й: “Большим было горем для всех, когда осенью 1912 года в Спале Алексей Николаевич захворал и настолько серьезно, что из Петербурга вызвали хирурга Сергея Петровича Федорова. Как мне потом объяснял мой отец, у Алексея Николаевича появилось внутреннее кровоизлияние на почве ушиба живота. Образовавшаяся опухоль давила на нервы и этим вызывались страшные боли и неподвижность ноги”.

На странице 16-й: “В 10 числах августа (1914 года) Их Величества вернулись в Царское Село и еще более упростили и без того простой образ жизни своего двора, посвятив себя исключительно работе. Государь лично потребовал, чтобы ввиду продовольственных затруднений был сокращен стол. Стали подавать только два блюда за завтраком и три за обедом. Ее Величество, в свою очередь, сказала, что ни себе, ни Великим Княжнам Она не сошьет ни одного нового платья, кроме форм сестер милосердия, да и те были заготовлены в таком скромном количестве, что Великие Княжны постоянно ходили в штопанных платьях и стоптанных башмаках, все же личные деньги Их Величеств шли на благотворительность”.

На странице 28-й: “Я утверждаю, что не было ни одной более русской женщины, чем была Ее Величество, и это с особенной яркостью высказалось во время революции. Глубоко православная, Она никогда и не была немкой иначе, как по рождению. Воспитание, полученное Ее Величеством, было чисто английского характера, и все бывшие при дворе знали, как мало общего у Ее Величества с ее немецкими родственниками, которых Она очень редко видела, из которых некоторых, как например, дядю императора Вильгельма, прямо не любила, считая его фальшивым человеком. Не будь Ее Величество такая русская душой, разве смогла бы Она внушить такую горячую любовь ко всему русскому, какую Она вложила в своих Августейших Детей?

После революции особенно сказалось отношение Ее Величества ко всему русскому. Пожелай Они, напомним Они одним словом, и император Вильгельм обеспечил бы Им мирное и тихое существование на родине Ее Величества, но уже будучи в заключении в холодном Тобольске и терпя всякие ограничения и неудобства, Ее Величество говорила: “Я лучше буду полумойкой, но я буду в России”. Это доподлинные слова Ее Величества, сказанные моему отцу. Я думаю, что этого не скажет ни одна русская женщина, так как ни одна из них не обладает той горячей

любовью и верой в русского человека, какими была проникнута Государыня Императрица, несмотря на то, что от нас, русских, Она не видела ничего, кроме насмешек и оскорблений”.

На страницах 37—38: “По улицам (в дни переворота) гарцевали нижние чины конвоя Его Величества, надушенные, напомаженные, с красными бантами, все моментально забывшие то исключительное положение, которое они занимали при дворе, ту ласку и внимание, которое им оказывали Их Величества, и одни из первых перешедшие на сторону революционеров.

Сводно-пехотный полк держался дольше других, так что Государыня лично приказала караулу от этого полка надеть белые повязки, чтобы они не подвергались враждебным выступлениям других полков”.

На странице 39: “2 марта (1917 года старого стиля) мой отец приехал нас навестить... Мой отец рассказал нам, что несколько комнат во дворце заняты большими ящиками, в которые спешно упаковываются вещи, и Ее Величество спросила его, согласен ли он, в случае отъезда Их Величеств за границу, ехать тоже. Конечно, ответ моего отца был удовлетворительный”.

На странице 41: “В Александровский дворец был назначен комендант ротмистр Коцебу, когда-то служивший в Уланском Ее Величества полку и исключенный оттуда за какие-то истории. Мы подумали, что и здесь постарались уколоть Ее Величество, но если действительно таковы были намерения у назначавших Коцебу, то этот план у них не удался, так как Коцебу держал себя с большим тактом и вскоре был сменен по наговорам охраны”.

На странице 42: “Охрану несли стрелки 1, 2 и 4 запасных батальонов, преимущественно с прикомандированными офицерами. Один из этих офицеров, во время прогулки Государя по парку, нарочно наступил Ему на пятку. Государь, не оборачиваясь, в тот же момент с такой силой дал розмах назад своей тросточке, что ни этот, ни другие не пробовали больше таких выходов. Конечно, солдаты продолжали позволять себе разговоры об Их Величествах и Их Высочествах в Их присутствии во время прогулок по парку или работ, в которых даже Ее Величество принимала участие...

Первое время по возвращении в Царское Село Его Величество, по требованию правительства, был отделен от Ее Величества, и им разрешено было видаться только в обеденные часы, когда в столовой присутствовали офицеры и нижние чины охраны. Даже к Детям, еще больным, Они должны были приходить в разные часы”.

На странице 44: “Это (Коровиченко) был человек очень образованный и неглупый, но чрезвычайно нетактичный и грубый. Он позволял себе, получив и прочитав письма, носить их в кармане и не выдавать их адресату, рассказывая в то же время в посторонних разговорах содержание этих писем. Затем, подметив некоторые любимые выражения Их Высочеств, как например, употребление слова “аппетитный” вовсе не для одних съедобных вещей, вдруг говорил которой-нибудь из Великих Княжен: “Какая у Вас аппетитная книга, так и хочется скушать”. Конечно, подобные выходы не могли к нему расположить арестованных”.

На страницах 58—59 значится: “Панкратов был человек безусловно идейный и скорее симпатичный, но чрезвычайно наивный и нерешительный. Имей он больше настойчивости, а главное желания, он мог бы держать в руках “Отрядный комитет”, собственно говоря руководивший всей жизнью в Тобольске и от которого Кобылинский с большим трудом добивался каких-нибудь послаблений.

Никольский — тоже, по-видимому, идейный и яростно боровшийся с местными большевиками, производил довольно неприятное впечатление своим грубым, скуластым лицом, растрепанной головой, манерой вваливаться в комнату, не стучась, в шапке и с папиросой в зубах, и жать руки своими костистыми пальцами, так что можно было кричать от боли. К арестованным он не имел никакого отношения и занимался распропагандированием отряда, солдаты которого жаловались,

что все было хорошо, пока Панкратов и Никольский не пришли с политическими разговорами, а теперь весь отряд разделился на партии и перессорился. Иногда Никольскому вдруг приходило в голову являться с каким-нибудь заявлением к лицам свиты, чаще других к князю Долгорукову, причем от последнего он всегда получал очень внушительные и не очень приятные наставления, заставлявшие его отступать”.

На странице 61: “Проснувшись один раз утром, по обыкновению очень поздно, часов около 10 1/2, я услышала в соседней комнате голос прапорщика Зимы и нескольких солдат, говоривших: “Так и сказал “Их Императорским Величествам”, все же слышали, да сколько народу в церкви было”. Это был какой-то Царский день, помнится, восшествие на Престол. Вся Царская Семья и свита были на утренней обедне, и вдруг за этой обедней во всеуслышание диаконом было провозглашено многолетие Их Императорским Величествам и Их Императорским Высочествам. Это маленькое событие имело очень большие последствия. Отец Алексей был арестован домашним арестом и вместе с диаконом подвергнуты допросу. На этом допросе они оба держали себя самым растерянным образом, ни один не имея мужества взять на себя это несчастное провозглашение и сваливали то друг на друга, то на Панкратова, будто бы это им разрешившего. Для охраны о. Алексей стал очень подозрителен, а в глазах Их Величеств он приобрел славу человека, за Них пострадавшего, и тем Их очень к себе расположил. Часть свиты тоже восхищалась ими, за исключением моего отца, совершенно справедливо находившего, что это была просто неуместная выходка, от которой отец Алексей нисколько не пострадал, т. к. из-под ареста его скоро выпустили, Их же Величествам много повредила. Действительно, после этого случая Их стали пускать в церковь все реже и реже и наконец совсем лишили этого, устроив только маленькую походную церковь в доме. Отца Алексея при Их Величествах сменил о. Владимир Хлынов, и можно глубоко сожалеть о том, что он не занимал этого места с самого начала, так как тогда бы Их Величества не имели случая войти в сношения с Васильевым, бывшим одним из виновников их гибели.

Надо отдать справедливость нашим монархистам, что они, собираясь организовывать дело спасения Их Величеств, вели все это, не узнав даже подробно Тобольской обстановки и географического положения города. Петроградские и московские организации посылали многих своих членов в Тобольск и Тюмень, многие из них там даже жили по несколько месяцев, скрываясь под чужим именем и терпя лишения и нужду, в ужасной обстановке, но все они попадались в одну и ту же ловушку: организацию о. Алексея и его главного руководителя поручика Соловьева, вкравшегося в доверие недалекновидных монархистов, благодаря женитьбе на дочери одного лица, пользовавшегося доверием Их Величеств. Главной целью о. Алексея было, по-видимому, получение денег, затем повернуть дело таким образом, чтобы в случае реставрации явиться в глазах Их Величеств их спасителем, в случае же возвышения другой какой власти, не быть причисленным к монархистам. Соловьев же действовал определенно с целью погубить Их Величеств и для этого занял очень важный пункт — Тюмень, фильтруя всех приезжавших и давая директивы в Петроград и Москву.

В то же время они оба получали большие деньги для Их Величеств, из которых самое большое четвертая часть достигала своего назначения, остальными же Соловьев и Васильев поддерживали свое существование. Уже только после отъезда Их Величеств в Екатеринбург нам пришлось в голову сверить суммы, полученные Их Величествами и доставленные Им Соловьевым и Васильевым, но было уже поздно. Для Их Величеств, не знавших, какая часть доходила до Них, и получивших все-таки несколько десятков тысяч и несколько посылок с вещами, конечно, казалось, что Соловьев и Васильев Их истинные друзья и помощники.

Петроградским и московским организациям Соловьев и Васильев давали все время сведения о сильной организации в Тобольске, состоящей из 300 человек офицеров, не требующей приезда новых лиц, а исключительно только денежного пособия. Всех же, все-таки стремившихся проникнуть к Их Величествам, Соловьев задерживал в Тюмени, пропуская в Тобольск или на одну ночь, или совершенно неспособных к подпольной работе людей. В случае же неповиновения ему он выпалывал офицеров совлепая с которыми был в хороших отношениях Все это мы узнали

ему он выдавал офицеров совдепам, с которыми был в хороших отношениях. Все это мы узнали от одного офицера, в течение четырех месяцев жившего в Тюмени в качестве чернорабочего и имевшего возможность часто видаться с Соловьевым, но не знавшего положения в Тобольске и также слепо ему доверившегося.

Удивительно, что ни один из организаторов не попытался проверить доставляемые им слухи, если не у полковника Кобылинского, то, по крайней мере, у кого-нибудь из лиц свиты, из которых мой отец, например, имел право ездить в качестве врача куда угодно, к которому записываться на прием мог приходиться каждый с улицы, и переписка его никогда не подвергалась цензуре. Один только граф Яков Николаевич Ростовцев догадался прислать своего доверенного человека с деньгами для Их Величеств к моему отцу, и эти деньги в количестве 80 тысяч были тотчас же доставлены и взяты впоследствии князем Долгоруковым для Их Величеств в Екатеринбург.

Еще один конспиратор проник к моему отцу, но он, живя в Тобольске несколько месяцев, все же не познакомился с обстановкой. Мы встречались с ним несколько раз уже после отъезда Их Величеств — это было в семье одного тобольского купца-мясника, пасынок которого тоже мнил себя организатором и был ярким противником отца Алексея. Он очень много говорил о своей организации, состоявшей якобы из офицеров и союза фронтовиков. Когда Их Величеств увезли из Тобольска, мы осведомились о том, почему, собственно говоря, его организация не предприняла что-либо против этого. “Вы знаете”, — сказал он нам, — “мы ведь организовались для спасения Алексея Николаевича”. Подошло время отъезда Великих Князей и Алексея Николаевича, и мы опять обратились с тем же вопросом к организатору. “Помилуйте, ведь не могли же мы себя обнаруживать, ведь нас бы всех красноармейцы переловили”. Когда прошел в Тобольске слух о предполагавшемся большевиками избиении офицеров, организатор так растерялся, что даже не мог вспомнить, куда он засунул свой револьвер, а когда ночь прошла спокойно, прибежал к нам торжествующий в какой-то старой шляпе своей жены и засаленном макинтоше. “Теперь-то они меня не найдут, — радовался он, забыв о своих помощниках и союзе фронтовиков. — Я еду сейчас на рыбалку в такое место, что никто меня не разыщет”.

Однажды мы были в гостях у этого организатора, где кроме нас, его родителей и жены был еще его зять, член совдепа. Вдруг звонок, организатор бежит сам открыть двери, затем возвращается с каким-то растерянным видом и представляет нам г. Н, открывающего в Тобольске кинематограф. При первом взгляде на него мы поняли, что кинематограф здесь не при чем. Это был человек среднего роста, с маленькими холеными руками, с правильными чертами интеллигентного лица, с великолепным английским пробором и тщательно подстриженной и расчесанной бородкой. Его слегка картавое произношение обличало человека, привыкшего говорить на иностранных языках. Мы не знали, кто он, но сразу я догадалась о его петроградском происхождении, он, очевидно, предупрежденный организатором, сел около нас с братом и начал разговор, сначала общий, потом постепенно переходя на рассказы из петроградской жизни: “Моя кузина княжна Урусова... Вы знаете князя Кочубея... Когда мы были на Высочайшем обеде... У нас в первой гвардейской дивизии” и т. д. без конца и без удержу, не замечая ужасных гримас организатора и насторожившегося члена совдепа. При второй встрече повторилось то же самое, так что бывшие у организатора гости предупреждали его: “берегитесь, он не похож на варшавского мещанина”. Понятно, что комиссары все его отлично знали, о чем, к его великому изумлению, ему и говорили, но тем не менее дали беспрепятственно выехать из Тобольска.

Между тем никакой организации в Тобольске не было, и все 300 человек, о которых любил говорить о. Васильев и о которых даже Их Величества знали, были чистым вымыслом.

Несмотря на это, не было ничего легче, как организовать спасение Их Величеств, только стоило обратиться к тому, кого все обходили, благодаря наговорам о. Алексея, кого считали революционером и записали в черную книгу, полковнику Кобылинскому. Он один мог дать точные сведения о настроении в отряде, которое в феврале 1918 года было самое благоприятное. Отряд состоял в большинстве случаев из старых гвардейских унтер-офицеров, георгиевских кавалеров, из которых почти все относились к Их Величествам дружелюбно, а некоторые мучились сознанием своей великой вины перепел Ними. называли себя клятвопреступниками и

му жилось совсем не так, как перед этим, и мы все время старались мелкими услугами, как например, подношением просфоры и цветов Их Величествам как-нибудь выразить свои чувства. Кроме того, целый взвод стрелков Императорской Фамилии во главе со своим командиром поручиком Малышевым передавал полковнику Кобылинскому, что в их дежурство они дадут Их Величествам безопасно уехать. И вот такими-то обстоятельствами у нас не сумели воспользоваться, потому что никто не знал об этом, никто не постарался даже узнать этого, никто не обратился к Кобылинскому потому только, что он вынужден был жать руки комиссарам и быть наружно угрюмым с арестованными. Только Татищев и мой отец поняли его и всячески защищали даже в глазах Царской Семьи, которая тоже вначале относилась к нему недружелюбно, и только уже перед самым отъездом Государь занес в свой дневник “Кобылинский — мой лучший друг”.

“Что он выносит от них, — говорил один старый солдат из охраны, знавший Кобылинского до революции, — как с ним обращаются, ругают прямо, а он все терпит”. И он терпел для того, чтобы удержаться при Их Величествах, хотя поседел и состарился за эту зиму точно за 10 лет”.

На страницах 69 и 72: “Их Высочества, несомненно, очень скучали, так как часто их можно было видеть сидящими на подоконниках в зале и смотрящими по часу или два на пустынные улицы Тобольска. Развлечений было очень немного: сперва устроили они себе ледяную гору и ежедневно катались на ней... Ледяную гору Великих Княжен солдаты разрушили на том основании, что поднимаясь на эту гору, Их Высочества оказывались уже вне забора, на виду у публики, которая собиралась на Них смотреть. Опять охрана начала говорить про возможные покушения, о которых никто и не думал, так как большинство публики было настроено совершенно иначе. Один старенький полковник на следующий день после приезда Их Величеств надел полную парадную форму и в течение получаса стоял, вытянувшись во фронт, под окнами дома Их Величеств. Некоторые ходили гулять специально, чтобы видеть в окно кого-нибудь из Царской Семьи, другие через моего отца, Деревенко и Кобылинского посылали конфеты, сахар, торты или каких-нибудь замечательных копченых рыб. Из женского Ивановского монастыря привозили молочные продукты, квас, присылали просфоры, а в марте искусно испеченных жаворонков, по 50 штук в гнездышке величиной в десертную тарелку... Дни протекали хотя и скучно, но все же довольно мирно, и все мы с содроганием читали об ужасах, происходивших в Петрограде и Москве, уже давно перешедших в руки большевиков. В Тобольске все еще боролись против них, и так как не было еще красноармейцев, то дела шли мирно. Но вдруг однажды мы все были свидетелями появления многих троек с бубенцами, в которых сидели по двое-трое человек солдат. В тот же день страшная для всех весть разнеслась по Тобольску: “красноармейцы”.

Действительно, это был отряд из 50 человек, начальниками их были два молодых офицера, местные жители, хорошо известные в Тобольске: один Демьянов, выгнанный из семинарии, про которого говорили, что он был мальчишкой скверного поведения, другой корнет Дегтярев, появление которого в числе красноармейцев страшно поразило. Дегтярев был сирота, чуть ли не родственник одного из тобольских губернаторов и известный с гимназической скамьи своим крайним монархическим направлением. При поступлении в Петроградский университет он был членом союза Михаила Архангела и вдруг появился в роли красногвардейца. Но по его поведению видно было, что он такой же красногвардеец, какой был и прежде. За все время пребывания в Тобольске этот отряд красногвардейцев не произвел ни одного обыска, не сделал ни одного расстрела, не замешался ни в одну скандальную историю. Когда же приехал какой-то особенно грозный отряд из Тюмени, приступивший к опустошению карманов клубных завсегдатаев и заставивший кормить себя в этом клубе, то Дегтярев со своим отрядом потребовал от них удаления, а так как дегтяревский отряд поддержал отряд особого назначения, то те на другой же день покинули Тобольск. Наш знаменитый организатор говорил, что Дегтярев в их кругу совершенно открыто говорил о своем монархическом направлении, показывая даже какие-то бумаги от омских монархических организаций; по словам того же организатора, был какой-то случай в Тобольске, когда Дегтяреву удалось, благодаря своему положению начальника красногвардейцев, спасти жизнь Царской Семьи. Во всяком случае никто не слышал о таких жестких большевиках, как эти. Единственными пострадавшими от них были Панкратов и

кротких большевиках, как эти. Единственными пострадавшими от них были Папкратов и Никольский, так как они потребовали их удаления... На их местах появился большевистский комиссар латыш Дуцман, высокого роста, с типичным непроницаемым равнодушным лицом и полуприкрытыми веками голубовато-серыми глазами”.*

На страницах 80, 81, 82, 84—87 значится: “Однажды, числа 10 апреля, прибыл в корниловский дом новый комиссар, назначения которого никто не знал, недоумевали, отчего он приехал, на место ли Дуцмана, или будет теперь два комиссара. Приехавшего звали Яковлев, говорили, что он матрос. Он ходил в матросской блузе, тулупе и папахе. Лицо у него было довольно интеллигентное и скорее симпатичное. На второй день его пребывания мой отец сообщил нам важную новость: Яковлев приехал сюда, чтобы повезти, по приказанию Ленина, Их Величества на суд в Москву, и вопрос в том, отпустит ли отряд беспрепятственно. Несмотря на страшное слово “суд”, все приняли это известие скорее с радостью, так как все были убеждены, что это вовсе не суд, а просто отъезд за границу. Наверное, сам Яковлев говорил об этом, так как Кобылинский ходил добрый и веселый и сам сказал мне уже после их отъезда: “Какой там суд, никакого суда не будет, а их прямо из Москвы повезут на Петроград, Финляндию, Швецию и Норвегию”.

12 апреля все утро заседал отрядный комитет в присутствии Яковлева и Кобылинского. Наконец, часов около 3 мой отец пришел нам сказать, что по распоряжению Яковлева его и Деревенко также объявляют арестованными вместе с Их Величествами, неизвестно на сколько времени, может быть, на несколько часов, а может быть, дня на два, на три. Взяв только маленький чемоданчик с лекарствами, сменой белья и умывальными принадлежностями, мой отец надел свое чистое дворцовое платье, т. е. то, в котором он никогда не ездил к больным, перекрестил и поцеловал всех нас, как всегда, и вышел... Мы остались одни, недоумевая, что мог означать этот арест. Часов в 7 вечера к нам прибежала Клавдия Михайловна Битнер. “Я пришла вам сказать по секрету, что сегодня ночью увозят Николая Александровича, Александру Федоровну, и Ваш отец и Долгоруков едут с ними. Так что если хотите что-либо папе послать, то Евгений Степанович пришлет солдата из караула”. Мы от души поблагодарили ее за сообщение и принялись укладывать вещи, а вскоре получили прощальное письмо от отца. Отчасти из письма, отчасти из рассказов Кобылинского и бывшей вместе с графиней Гендриковой ее воспитательницей узнали подробности этого дня и ночи. После объявленного ареста Яковлев явился к Их Величествам и в очень вежливой форме сообщил, что он должен увезти всю Царскую Семью и сделает это сегодня ночью. На это ему сказали, что Алексея Николаевича нельзя везти, так как он еще болен. Яковлев объявил, что в таком случае Его Величеству придется ехать одному. “Я не отпущу Его Величество одного”, сказала Императрица, и Ей Яковлев разрешил тоже ехать, также как одной из дочерей... Было часов пять утра, и на рассвете бледного весеннего дня всех можно было хорошо видеть. Комиссар Яковлев шел около Государя и что-то почтительно говорил ему, часто прикладывая руку к папахе. Стали садиться, укутываться. Вот тронулись... Прошло несколько дней без известий, потом вдруг на Страстной неделе пришла телеграмма от Яковлева не помню Кобылинскому или Дуцману: “Передаю полномочия Екатеринбургскому совдепу, еду в Москву”. Это нас всех страшно удивило. Ясно было, что произошло какоенибудь недоразумение, только не на пользу Их Величествам. С нетерпением ждали последующих известий, которые долго не приходили. Наконец, приехали те восемь человек стрелков отряда особого назначения во главе с Матвеевым, которых Яковлев брал с собой. Они рассказали мало утешительного. По дороге, Екатеринбургский совдеп, несогласный с решением Московского отправить Царскую Семью в Москву, решил их задержать. Узнав это, Яковлев, чтобы обмануть их хоть на время, повернул на Омск, рассчитывая оттуда проскочить на Челябинск. Но к несчастью, может быть, по чьему злому намерению, у них не хватило воды и пришлось ее набирать в нескольких верстах от Екатеринбурга, где их и застigli екатеринбургские красноармейцы, потребовавшие сдачи Царской Семьи. Стрелки отказались это сделать и в течение четырех дней стояли на площадках вагона. Не знаю, почему Яковлев не дал знать в Москву с просьбой поддержки, но стрелки должны были уступить, так как их всего было восемь человек, а екатеринбургские красноармейцы обещались расстрелять весь поезд. После того как стрелки покинули свои посты на площадках вагона, их посадили в какие-то подвалы на хлеб и на воду, а Государя, Государыню,

Великую Княжну Марию Николаевну, моего отца, князя Долгорукова, Чемодурова и Демидову взяли из поезда. Этому предшествовал обыск и у Долгорукова были найдены два револьвера¹ 40 и 80 тысяч денег. Его отделили и отвезли в тюрьму, а остальных на извозчиках в Ипатьевский дом, откуда через некоторое время Их Высочества и мы получили письма от наших родителей...

Мой отец писал, что их поместили в приличном доме в трех комнатах с разрешением пользоваться ванной. В одной комнате поместились Их Величества и Мария Николаевна, в другой Демидова, в столовой на полу мой отец и Чемодуров. Дом окружили двойным забором, из которых один был так высок, что от собора виднелся только золотой крест, но и видеть крест

доставляло много удовольствия заключенным. Обедали они все вместе с прислугой, и на Пасху были куличи, яйца и пасхи, но ни к заутрене пойти не разрешили, ни туда пригласить священника. Все-таки первые дни, по-видимому, еще было более или менее сносно, но уже последнее письмо от моего отца, помеченное 3 мая, т. е. даже до отъезда Их Высочеств из Тобольска, несмотря на всю кротость моего отца и желание его во всем видеть только хорошее, было очень мрачным. Он писал о том, как обидно видеть ничем не заслуженное недоверие и получать резкие отказы со стороны охраны, когда обращаешься к ним как врач с просьбой о послаблениях для заключенных, хотя бы в прогулках по саду.

Если в тоне моего отца проскальзывало недовольство и если он начинал считать охрану резкой, то это значило, что жизнь там уже очень тяжела и охрана начинала издеваться...

Еще на Страстной неделе приехал из Екатеринбурга отряд красной гвардии, который должен был сменить отряд особого назначения и сопровождать Их Высочеств в Екатеринбург, но Деревенко заявил, что еще недели две нельзя везти Алексея Николаевича, и отряд не хотел сдавать своих полномочий, не получив жалованья за последние месяцы. Ни Дуцман, ни особый отряд уже не имели прежней власти. Их места были заняты двумя комиссарами: Хохряковым и Родионовым. Хохряков — кочегар по происхождению, был довольно безобидным и неумным созданием. Он с первых же слов рассказал своему брату, о чем брат передал свите, что по приезде в Екатеринбург вся свита будет арестована отдельно от Их Велиществ, так что им и ехать не стоит. Не таков был Родионов. Он был жандармом в Вержболове, баронесса Буксгевден запомнила его лицо. Татищев тоже видал его раньше, и Родионов не отрицал, что тоже знает Татищева в лицо. Это был человек небольшого роста с отталкивающим выражением довольно благообразного лица. Если он был любезен, то делал это точно издеваясь, если начинал кричать, то становился зверем. Они оба с Хохряковым ежедневно являлись к Их Высочествам, присутствуя при электризации Алексея Николаевича и наблюдая за обедами, чтобы не было вина и лишних блюд. Когда отряд уже сдался, получив свое жалованье, Родионов сделался уже полновластным хозяином положения и стал вводить новые правила. Он запретил Их Высочествам запирать двери их комнат, чтобы, как он говорил: “я каждую минуту мог войти и видеть, что вы делаете”; затем им нельзя было без его разрешения не только выходить гулять, но и спускаться в нижний этаж, и для соблюдения этого правила были поставлены часовые внизу и вверх лестницы... Наконец настал день отъезда. Перед этим Великие Княжны усиленно работали, собирая свои драгоценности. Окружающие советовали Им оставить все у доверенных лиц в Тобольске, но Татьяна Николаевна, которой это дело было поручено Императрицей, настаивала на том, чтобы везти все, так как таково было желание Матери. Еще лично Их Величества, уезжая, передали часть вещей и денег полковнику Кобылинскому и часть вещей отослали в Ивановский монастырь с тем, чтобы оттуда выдали вещи Жильяру, либо Татищеву, теперь же Великие Княжны все решили взять с собой. В Царском Селе перед отъездом в Тобольск они из большей части вещей вынули камни из оправ и отдельно зашили их в маленькие мешочки. Теперь опять усердно зашивали в платье и белье жемчуга и бриллианты”.

Судебный следователь Н. Соколов

Поняты:

¹⁾ потомственный дворянин подполковник князь Иван Георгиевич Кувшинер

8) что при настоящем положении дела представляется чрезвычайно полезным привлечение сведущего лица к принятию мер для охраны фотографических изображений в негативах, каковым следственная власть находит возможным признать подданного Французской республики бывшего заведывающего картографическим отделом 7-й французской армии фотографа г.

Берри, на основании 264 и 325 ст. ст. уст. угол. суд.,

ПОСТАНОВИЛ: для принятия мер к охране фотографических изображений в негативах, имеющихся по делу, привлечь специалиста-фотографа г. Берри.

Настоящее постановление составлено в двух подлинных экземплярах.

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол о передаче следователю по особо важным делам Н. А. Соколову поручиком русской армии князем Н. В. Орловым фотографического изображения Императрицы Александры Федоровны, 29 июня 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 308. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года июня 29 дня в г. Париже судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов получил от поручика русской армии князя Николая Владимировича Орлова фотографическое изображение Государыни Императрицы Александры Федоровны в жемчужных серьгах.

Это изображение было представлено князем Орловым в виде негатива, размером пластинки 13 на 18. Сей акт составлен в двух экземплярах.

Николай Владимирович Орлов

[Протокол осмотра вещественных доказательств, 2—4 апреля 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 276—280. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

осмотра вещественных доказательств

1921 года апреля 2—4 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции) в порядке 325—333 ст. уст. угол. судопр. производил осмотр отпусков писем Петра Сергеевича Боткина к представителям иностранных правительств, представленных им к следствию через гвардии капитана Булыгина 30 марта сего года (л. д. 16, том 11)

По осмотру найдено следующее:

Из содержания этих писем, изложенных на французском языке, видно, что они все исходили от Боткина как посланника в Португалии.

1). Первое письмо было адресовано барону О. д'Беркгейн и имеет дату: Париж, 25 июля 1917 года.

Содержание его, в переводе на русский язык, следующее:

“Дорогой друг, я видел г. Камбони. Как всегда, посол принял меня любезно. Я воспользовался этим свиданием, чтобы затронуть вопрос, которым озабочены в настоящее время очень многие русские: об опасности, грозящей Императору в заключении.

Само собой разумеется, я мог говорить от своего имени, будучи силой обстоятельств отделен от моих соотечественников, которые, как и я, тревожатся за судьбу нашего бывшего Императора.

Последние беспорядки в Петрограде и тот факт, что даже Петропавловская крепость находилась некоторое время в руках бунтовщиков, заставляют меня опасаться, что в том неопределенном положении, в котором мы сейчас находимся, Временное правительство, несмотря на свои лучшие намерения, не сможет предотвратить враждебных действий против Особы Его Величества или Его Семьи.

Хорошо зная те чувства симпатии и преданности, которые правительство республики всегда питало к Его Величеству Императору Николаю II, верному союзнику Франции, я позволил себе в совершенно частном разговоре с послом обратить его внимание на исключительную важность вопроса о сохранении жизни бывшего монарха.

Я полагаю, что можно было бы найти возможность сговориться по этому вопросу с Временным правительством России. Этому последнему, быть может, было бы даже удобнее согласиться на коллективное выступление великих держав, союзниц России, в вопросе, который Временному правительству трудно разрешить по собственной инициативе.

Монарху одной из нейтральных стран, например датскому королю, могло бы быть поручено великими союзными державами в согласии с Временным правительством принять Государя и Его Семью и вывезти Их из страны, которая переживает в настоящий момент один из самых опасных кризисов. Датский крейсер мог бы быть прислан в Финский залив, и посадка могла бы быть легко совершена с Балтийского побережья, например, из Петергофа. Я счел своим долгом поставить Вас в известность о происшедшем. Последние дни Вы были в отсутствии из города, я же уезжаю завтра.

Вопрос этот будет обсуждаться. Г. Камбон, наверное, сообщит Вам об этом, и я, естественно, хотел поставить Вас в известность о моем выступлении по этому вопросу.

Прощаясь с послом, я сказал ему, что я нахожусь в распоряжении французского правительства для выполнения всего того, что могло бы быть признано необходимым, чтобы спасти Императора и избавить историю наших дней от катастрофы, последствия которой были бы весьма губительны”.

2). Второе письмо было адресовано послу Франции генеральному секретарю в Министерстве иностранных дел в Париже г. Жюль Камбони и имеет дату: Гранья, 5 августа 1917 года.

Содержание его следующее:

“Господин посол, я позволяю себе вновь вернуться к вопросу, который такой тяжестью лежит у меня на душе: освобождению Его Величества Императора из заключения. Надеюсь, Ваше Превосходительство простите мне мою настойчивость. Меня толкают на это вполне естественные чувства преданности подданного к своему бывшему Монарху, и в то же время мне кажется, что я выражаю точку зрения искреннего друга Франции, который заботится о сохранении неприкосновенности уз, связывающих наши две страны.

Короче говоря, я смею надеяться быть выслушанным Вами с доверием. Поверьте мне, господин посол, в интересах нашего союза необходимо, чтобы Франция взяла на себя почин в освобождении Императора из Его тюрьмы.

Вспомните, что Франция заключила союз с Царской Россией. Точно так же Император Николай II оставил трон, твердо держа в своих руках знамя нашего союза. Ведь это Императорская армия пошла в Танненберг и, оставшись теперь без своего Верховного Вождя, потеряла свою былую удаль.

Согласитесь, что Царская Россия со времени заключения союза не причиняла Вам столько забот, как новая Россия за время своего короткого существования. Вы поспешили приветствовать русскую революцию, закрыв глаза на прошлое, но это прошлое не умерло и может в один день предстать пред Вами как живой упрек. Вспомните, что русский народ остается перед историей непонятной загадкой, которая готовит нам еще много неожиданностей.

Вы послали выдающихся государственных деятелей для поддержания нового порядка вещей в России, но среди этих многочисленных случаев вмешательства во внутренние дела нашей страны что было сделано для облегчения участи несчастного Монарха, которому Франция все-таки кое-чем обязана?

Можно спасти Императора и необходимо это сделать без промедления.

Нужно освободить Императора из того опасного и унижительного положения, в котором Он находится со времени своего ареста. От Франции я жду этот прекрасный и благородный жест, который будет должным образом оценен историей.

Когда для русского народа пройдет истеричный угар революции, он будет благодарен за это своей союзнице, и великие принципы, которые мы защищаем по праву и справедливости, найдут себе наивысшее применение в освобождении Императора”.

3). Третье письмо было адресовано тому же лицу и имеет дату: Гранья, 27 августа 1917 года.

Содержание его следующее:

“Господин посол, со скорбью и возмущением, полным беспокойства, русские люди, чувства которых не изменились, узнали о ссылке Его Величества в Сибирь.

Итак, Монарх, который всегда думал только о благе своей страны и который, даже отрекаясь от престола, действовал в высшем интересе страны, задержан, затем лишен свободы и, наконец, отправлен в изгнание. Я не буду останавливаться на факте явной несправедливости такого образа действий по отношению к Монарху, сложившему с себя власть.

История произнесет в свое время свой справедливый и неумолимый приговор, но на нас, сознательных свидетелей событий, выпадает неизбежный долг улучшить унижительное и тяжелое положение Его Величества Императора и соединить все наши усилия, чтобы положить этому предел.

Тяжкая ответственность за это выпадает не только на русских, но также и на тех из наших союзников, которые в состоянии оказывать влияние на события в России.

Император и Императорская Семья не могут, не должны оставаться в Тобольске. Заведомо нездоровый климат местности, трудность сообщений в связи с недостатком всех средств подвергают здоровье и жизнь Императора и Императорской Семьи еще большей опасности, чем до сего времени.

Я опять возвращаюсь к мысли, что Франция, великодушные и рыцарские чувства которой никогда не изменяли, должна естественно взять на себя инициативу мер, которые не терпят отлагательства.

Не находите ли Вы возможным в согласии с союзными правительствами обратиться к Временному правительству России с целью добиться перевода Его Величества и Императорской Семьи в другое место, хотя бы и более удаленное, но по крайней мере с здоровым климатом и более благоустроенное. Мне кажется, что было бы еще предпочтительнее, если к тому не

встретится возражений со стороны Его Величества, избрать место ближе к Тихому океану с целью иметь в виду переезд в Северную Америку или Канаду.

Их Величества могли бы временно поселиться на территории наших союзников. Было бы нетрудно избрать местожительство, которое с точки зрения климатических условий и других не представляло бы опасности.

Я считаю, что чрезвычайно важно принять эти меры до зимы, особенно суровой в Тобольской области.

Вышеизложенное является лишь моим личным предположением, которое беру на себя смелость представить Вам, уверенный, что встречу с Вашей стороны внимательный и благожелательный прием.

Благоволите принять, господин посол, с моим глубочайшим почтением уверение в моих преданных чувствах”.

4). Четвертое письмо адресовано министру иностранных дел в Париже г. Стефен Пишон и имеет дату: Гранья, 2 июля 1918 года.

Содержание его следующее:

“Господин министр, Ваше Превосходительство без сомнений поймете, в каком душевном состоянии находится в настоящее время каждый порядочный русский, сохранивший чувства преданности и любви к своему бывшему Монарху.

Противоречивые сведения о судьбе Его Величества Николая II приводят нас в состояние томительной неизвестности, и я надеюсь, что Вы не найдете неуместным с моей стороны при подобных обстоятельствах мое обращение за осведомлением к министру иностранных дел союзной Франции.

Обращение мое к этому источнику соответствует естественному чувству посланника Императорского режима, так как Франция до русской революции оставалась верной союзницей Царской России, также верной союзу.

В природе человека относиться с большим доверием к хорошим известиям, чем к дурным. Поэтому, надеясь, что гнусное покушение на жизнь Императора не имело места, я еще раз ходатайствую перед Вашим Превосходительством о вмешательстве вашего правительства с целью обеспечить дорогое существование несчастного Монарха более надежным образом, чем до сих пор.

Со времени ареста Его Величества революционным правительством я не переставал, как Вам это известно, ходатайствовать перед Французским правительством о том, чтобы Франция предприняла меры для предотвращения всякой опасности Императору и Императорской Семье.

Я действительно убежден, что для того, чтобы узы, нас связывающие, не были окончательно порваны, существенно необходимо, чтобы Франция взяла на себя почин в этом деле, столь же благодарном, как и имеющем коренное политическое значение.

С большим сожалением я должен констатировать, что все мои усилия были тщетны, все мои шаги остались без результата, и в качестве ответов на мои письма я обладаю только расписками курьеров, удостоверяющими, что мои письма дошли по назначению.

Официальное молчание и бездействие Франции в вопросе спасения Императора Николая II, столь давно подверженного возмутительному и бесчеловечному режиму, смущает всех русских, которые не забыли глубокую искренность франко-русской дружбы.

Я не сомневаюсь, что эти чувства разделяются также многими французами. Уже теперь во французской прессе, подверженной цензуре, было произнесено слово об “ответственности союзников” в случае убийства Императора. Надо подумать о ближайшем будущем, не говоря уже об осуждении истории. Обращаясь еще раз к французскому правительству, я не хотел бы казаться докучливым, но затронутый мною вопрос имеет настолько большое значение и столь серьезен по последствиям, что звание бывшего посланника царской России и моя искренняя дружба к Франции возлагают на меня эту обязанность.

Надеюсь получить от вас ответ, прошу Вас, господин министр, принять вместе с глубоким почтением выражение моего высокого уважения”.

Судебный следователь Н. Соколов

Эксперт-переводчик генерал-лейтенант Николай Августович Монкевиц

Понятые:

1) Потомственный дворянин ротмистр князь Иван Георгиевич Кугушев

2) Потомственный дворянин штабс-капитан Дмитрий Владимирович Кологривов

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол о передаче следователю по особо важным делам Н. А. Соколову капитаном П. П. Булыгиным переписки П. С. Боткина с иностранными правительствами по поводу спасения Августейшей Семьи, 30 марта 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 276. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года марта 30 дня в г. Париже (во Франции) мне, судебному следователю по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколову, гвардии капитан П. П. Булыгин представил переписку, которую вел чиновник дипломатического корпуса Петр Сергеевич Боткин с иностранными правительствами по вопросу о спасении Августейшей Семьи, и объяснил, что переписку эту он, Булыгин, получил лично от Боткина в г. Париже для судебного следователя.

(П.) (П.) Булыгин

Судебный следователь Н. Соколов

Примечания // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 371—380. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Председатель Уральского облсовета П. М. Быков утверждал, что поезд готовили для вывоза из Екатеринбурга банковских ценностей (см.: Быков П. М. Последние дни Романовых. Свердловск. 1926. С. 126).

В. И. Ленин (не ранее 3, не позднее 25 июля) заслушивал доклад бывшего военнопленного венгра М. Залки — одного из командиров поезда с грузом платины и золота, направленного из Екатеринбурга в Москву (РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6451).

О таинственном поезде на Екатеринбургском вокзале И. А. Сергееву рассказал 26 ноября 1918 г. А. В. Самойлов. Он сообщил и о том, что охранник Царской семьи А. С. Варакушев говорил, что Царскую семью не расстреляли, а Царя и Царицу в автомобиле Красного Креста привезли на станцию Екатеринбург и посадили в поезд, который находился на седьмом пути и охранялся вооруженными комиссарами (см.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 — февраль 1920). Составитель Николай Росс. Франкфурт-на-Майне. 1987. С. 89, 119—120).

Вопрос о переводе Романовых в Москву решался на заседании Президиума ВЦИК от 1 апреля 1918 г. Из постановления: “...и в случае возможности немедленно перевести арестованных в Москву”. (Настоящее постановление не подлежит оглашению в печати) (ГАРФ. Ф. 1235 (ВЦИК). Оп. 34. Д. 36. Л. 9).

2 Около двух часов утра 17 июля в распоряжение Екатеринбургской ЧК поступили автомобили: три “больших” и два “малых”. Несколько свидетелей показали, что по Коптяковской дороге автомобили везли бочки с бензином. Так, 10 июля 1919 г. Соколов допросил В. Я. Лобухина, который рассказал о движении автомобилей в урочище Четырех братьев. Рассказ подтвердил 18 июля его отец Я. И. Лобухин (см.: Гибель Царской семьи. С. 394—396).

3 А. В. Колчак назначен Верховным правителем Российского государства 18 ноября 1918 г.

4 Прокурором Пермского окружного суда был П. Я. Шамарин. Он был допрошен Н. А. Соколовым 3—5 октября 1919 г. в Чите, где проживал после эвакуации из Перми. Шамарин рассказал, что он перед отъездом в Пермь получил в Екатеринбурге от члена суда И. А. Сергеева и прокурора суда В. Ф. Иорданского сведения о лицах, подлежащих задержанию в связи с делом об убийстве Государя Императора и Его семьи. В его присутствии агент уголовного розыска С. И. Алексеев допрашивал задержанного в Перми П. С. Медведева (см.: Гибель Царской семьи. С. 473—484).

5 Министром юстиции правительства А. В. Колчака был С. С. Старынкевич. Поддерживал И. А. Сергеева.

6 Это дело стало первым томом “Предварительного следствия...”. 14 марта 1919 г. Н. А. Соколов получил второй том следственного производства на 88 листах с вещественными доказательствами.

7 Надписи на террасе (осмотрены Н. А. Соколовым 15—25 апреля 1919 г.) носят циничный характер; имеются подписи охранников, например: “Котеков Иван Павл., Русаков Николай, Закис, Веркаш 1918 VII/15 и Verhas Andras 1918/15-е”. Трудно сказать, какую надпись имеет в виду следователь Соколов.

8 И. А. Сергеев допрашивал П. С. Медведева 21—22 февраля 1919 г. (см.: Гибель Царской семьи. С. 159—164).

9 Н. А. Соколов допрашивал Ф. П. Проскурякова 1—3 апреля 1919 г. (см.: Гибель Царской семьи. С. 270—282).

10 О происхождении пятен крови на наружной стороне дома, под окном, Г. Никулин вспоминал: “...после промывки драгоценностей, снятых с трупов, пошел к окну и стряхнул с рук капли...” (Запись беседы о расстреле семьи Романовых. 1964; РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 13. Л. 21).

11 Среди книг Царской семьи, найденных в доме Ипатьева, была книга “And Mary Sings Magnificat”, принадлежавшая Вел. Кн. Ольге Николаевне. На одном из вложенных листков бумаги ее рукой написано стихотворение “Молитва” (см.: Приложение — “Опись книгам...”).

12 Дом Ипатьева оставался пустым до прихода белых. Следствием дом был предоставлен владельцу, занявшему его частично. В начале октября 1918 г. его занял командующий фронтом Р. Гайда под свой штаб и личную квартиру. Позже он освободил дом, но в 1919 г. в нем еще оставались военные учреждения. В марте дом был арендован Омским правительством. Опечатанная следователем комната нижнего этажа оставалась нетронутой.

13 С 17 мая 1919 г. начальником военного контроля стал штабс-капитан Н. Белоцерковский.

14 Верста — 1,067 км., сажень — 2,13 м., аршин — 0,71 м., вершок — 4,45 см.

15 В тексте сохранена нумерация оригинала. В настоящем издании приведены наиболее ценные для следствия фотографии.

16 Мостик из шпал появился в дни, когда на руднике были чекисты. О том, что его раньше не было, свидетельствуют показания Андр. Шереметевского, отца и сына Лобухиных, проживавших в будке на переезде Тагильской дороги. Они рассказали о том, что автомобиль, который возвращался 18 июля, пошел “временкой”, а не логом и застрял. Чекисты брали шпалы и тес из ограды, чтобы сделать настил (см.: Гибель Царской семьи. С. 395—396).

17 На допросе 29 апреля 1919 г. свидетель П. А. Леонов, подтвердил, что грузовой автомобиль возвратился с рудника с повреждениями, соответствующими описанию ямы с бревном (см.: Гибель Царской семьи. С. 329).

18 Сосновые палочки обожжены серной кислотой, которая была доставлена на рудник в количестве 182 кг.

19 Речь идет об осмотре А. П. Наметкиным места, где крестьянином д. Коптяки М. Д. Алферовым найдены обгорелые остатки разных вещей и Кульмский крест (см.: Гибель Царской семьи. С. 31).

20 На дне этой шахты были обнаружены искусственная челюсть и человеческий палец.

21 Кульмский крест и другие вещи Царской семьи были переданы Андр. Шереметевским. Этот крест в показаниях Шереметевского назван Мальтийским крестом с изумрудами, а крестьянином М. И. Бабиновым — “крестом с зелеными камнями”. Описан в числе других вещей и предметов, найденных на руднике (см. Приложение).

22 На фото — Н. А. Соколов.

23 Большой бриллиант был найден 30 июля 1918 г. А. А. Теглева опознала его как подвес от ожерелья Императрицы, который был зашит в пуговицу кушака одной из Великих Княжен.

24 В составленном для Императрицы Марии Федоровны докладе Н. А. Соколов делает однозначный вывод: “Принимая во внимание данные осмотра этой местности и совокупность обнаруженных здесь находений, следственная власть не питает никаких сомнений и совершенно убеждена в том, что трупы Августейших Особ и всех остальных, погибших вместе с Ними, около одной из шахт сначала расчленили на части, а затем сжигали на кострах при помощи бензина. Трудно поддававшиеся действию огня части разрушались при помощи серной кислоты” (Н. Соколов. Крестный путь Царской Семьи. Журнал Московской Патриархии. 1996. № 7. С. 89).

25 Охрана Коптяковской дороги была снята 19 июля до 8 часов.

26 Удивительно, что Н. А. Соколов не обратил на эту часть показаний должного внимания. Некоторые исследователи до сих пор утверждают, что “мостик” появился позже, в момент “открытия” места захоронения Г. Рябовым и А. Авдониным в 1979 г. (см. Приложение — доклад

Я. М. Юровского).

27 А. П. Наметкин допрашивал Андр. Шереметевского 3 августа 1918 г. (см.: Гибель Царской семьи. С. 34).

28 А. Ф. Кирста проводил собственное расследование. Уже в августе 1918 г. он пришел к выводу, что Царская семья, за исключением Николая II, о расстреле которого большевики объявили официально, спаслась и вывезена в Пермь и далее через Вятку в Москву. Его расследование “пермской версии спасения Царской семьи” основывалось на “вещественных доказательствах” — салфетках с государственным гербом и меткой “Н. II”, найденных в Перми в здании ЧК, а также на показаниях доктора П. И. Уткина (10—11 февраля 1919 г.), который был вызван в ЧК для осмотра девушки, назвавшейся Анастасией.

29 Действительно, Я. М. Юровский был в районе Коптяков (см. также док. 27 и Приложение).

30 22 мая 1919 г. крестьян д. Коптяки — Н. П. Зыкову, П. А. Зубрицкого, Н. В. Папина, Н. М. Швейкина, Н. В. Алферова, А. Г. Зубрицкую, М. И. Бабинова — допросил И. М. Сретенский (см.: Гибель Царской семьи. С. 350, 351).

31 Петров день — 12 июля.

32 Коробок — вид телеги для перевозки отработанной руды и других сыпучих материалов, задняя стенка которой открывалась при помощи специального приспособления.

33 В конце июля и в августе 1918 г. в Коптяки приезжали из Екатеринбурга Д. А. Малиновский, И. А. Бафталовский, Р. Н. Политковский, Ивановский, Е. Н. Сумароков, Демишхон, Мартынов, Андр. Шереметевский, А. П. Наметкин, Т. И. Чемодуров, В. Н. Деревенко.

34 И. А. Сергеев допросил Александра Шереметевского 8 февраля 1919 г. (см.: Гибель Царской семьи. С. 143, 144).

35 Академия Генерального Штаба была переведена из Петрограда в Екатеринбург в апреле 1918 г.; в июле 1918 г. была эвакуирована.

36 Бриллиант в кострище был обнаружен С. И. Бабиновым.

37 Не приводится протокол допроса М. Д. Алферова Н. А. Соколовым 27 июня 1919 г. (см.: Гибель Царской семьи. С. 379—382).

38 Л. Г. Корнилов по приказу Временного правительства арестовал Императрицу 8 марта 1917 г. в Царском Селе. В марте-апреле 1917 г. он был командующим Петроградского военного округа.

39 Речь идет о доме купца Корнилова в Тобольске, где была размещена свита Царской семьи. Здание находилось напротив губернаторского дома, в котором поселили Царскую семью.

40 Императорская семья потеряла и других своих друзей. Так, А. А. Теглева кроме перечисленных назвала генерала К. А. Нарышкина. Граф П. К. Бенкендорф, сославшись на болезнь жены, не поехал в Тобольск.

41 15/28 марта 1918 г. из Екатеринбурга прибыл отряд из 16 рабочих-красногвардейцев завода Злоказова. Через девять дней прибыл новый отряд из Екатеринбурга. Уральские большевики настойчиво требовали “разрешить тобольский вопрос”, хотели заполучить Царскую семью в свои руки. Так, 15 апреля 1918 г. Б. В. Дидковский телеграфировал в Москву (Кремль. Совнарком; три копии — ЦИК, Свердлову; коменданту Кремля и ЦК партии большевиков) о том, что ситуация в Тобольске непредсказуема; что Николая II и его семью необходимо перевезти на Урал и что это может сделать уральский отряд и представители Уралоблсовета в

Тобольске С. С. Заславский, А. Д. Авдеев и П. Д. Хохряков.

42 В. В. Яковлев прибыл в Тобольск 9/22 апреля 1918 г. вместе с кавалерийским отрядом рабочих Симского округа Южного Урала под командованием Зенцова.

43 Е. С. Кобылинский получил телеграмму о том, что с марта Николай Романов и его семья будут переведены на солдатский паек и что каждый из членов семьи будет получать в месяц по 600 рублей, перечисленных из процентов их личного капитала (см.: Жильяр П. Трагическая судьба Русской Императорской фамилии. Воспоминания бывшего воспитателя наследника Цесаревича. Ревель. 1921. С. 194).

44 Николай II так отреагировал на переговоры о Брест-Литовском мире: “12/25 февраля. Сегодня пришли телеграммы, извещающие, что большевики, или, как они себя называют, Совнарком, должны согласиться на мир на унижительных условиях германского правительства, ввиду того, что неприятельские войска движутся вперед и задержать их нечем. Кошмар!” (см. Дневник Императора Николая II. М. 1991. С. 667).

45 20 апреля/3 мая 1918 г. в Тобольск пришла телеграмма. В ней сообщалось, что бывший Император Николай II, Императрица Александра Федоровна, Вел. Кн. Мария и сопровождающие их лица находятся в Екатеринбурге, куда они прибыли 17/30 апреля (см.: Соколов Н. А. Убийство Царской семьи. 1925. С. 50).

46 Царские дети (а с ними И. Л. Татищев, В. Н. Деревенко, П. А. Жильяр, С. И. Гиббс, А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдер, А. А. Теглева, С. К. Буксгевден, Е. Н. Эрсберг, М. Т. Тутельберг, А. В. Волков, К. Т. Нагорный, А. Е. Трупп, И. М. Харитонов, Л. Седнев, и другие — всего 27 человек) 7/20 мая 1918 г. выехали в Тюмень на пароходе “Русь”.

47 Е. А. Шнейдер и А. В. Гендрикову вместе с И. Л. Татищевым арестовали на вокзале в Екатеринбурге.

48 Речь идет о племяннике И. Д. Седнева. Леонида перед расстрелом Царской семьи вызвали из дома под предлогом встречи с дядей. Затем его отправили на родину, в Ярославскую губернию. О том, что он был жив после расстрела Царской семьи, свидетельствовал охранник, который видел его в доме Н. И. Попова после 17 июля.

49 Т. И. Чемодуров поверил официальным объявлениям большевиков о расстреле только Царя.

50 Кольцо с сапфиром подарено Государю Александрой Федоровной в день их помолвки 8 апреля 1894 г. На руднике найдены осколки сапфира и кусочки золотого кольца, на котором Н. А. Соколов обнаружил следы острорежущего предмета.

51 Речь идет о наследственной болезни в роду Гессенских гемофилии, передаваемой по материнской линии сыну.

52 17 ноября 1917 г. Император писал: “...Тошно читать описания в газетах то-того, что произошло две недели назад в Петрограде и в Москве! Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени”. Запись от 15 марта 1918 г.: “...Сколько еще времени будет наша несчастная Родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать? А все-таки никто как Бог! Да будет воля Его Святая!” (Дневник. С. 658, 669).

53 Николай II после отречения вернулся в Царское Село 9/22 марта 1917 г.

54 Дом губернатора Орловского-Танаевского. Во время заточения в нем Царской семьи назывался “Домом Свободы”, так как находился на улице, переименованной после событий 1917 г. в улицу Свободы.

55 На службу в Тобольске Царская семья ходила в Благовещенскую церковь, настоятелем которой был о. Алексей Васильев. В первый день Рождества Христова диакон Евдокимов провозгласил за молебном многолетие Царской семье. Красноармейцы потребовали удалить священника. Архиепископ Гермоген сослал о. Алексея в Абалакский монастырь, находившийся в 26 верстах от Тобольска.

56 Солдатский комитет принял решение снять погоны с офицеров и потребовал через Е. С. Кобылинского, чтобы погоны снял и бывший царь. Николай II по просьбе И. Л. Татищева 5/18 января 1918 г. снял погоны (см.: Соколов Н. А. С. 35; Жильяр П. С. 191, 192).

57 Комиссар Временного правительства В. С. Панкратов и его помощник А. В. Никольский прибыли в Тобольск в сентябре 1917 г.

58 Первый отряд большевиков из Омска прибыл в Тобольск 13/26 марта 1918 г. Комиссаром был В. А. Дуцман.

59 Николай II с Императрицей и Вел. Кн. Марией Николаевной выехали из Тобольска 13/26 апреля 1918 г.

60 Отряд Е. С. Кобылинского был заменен 7/20 мая 1918 г.

61 К. Г. Нагорный и И. Д. Седнев 15/28 мая 1918 г. были арестованы и вскоре расстреляны.

62 Царские дети прибыли в Екатеринбург 10/23 мая 1918 г.

63 В апреле 1918 г. Советское правительство еще не имело намерения казнить бывшего Императора, напротив, была предпринята попытка вывезти его в Москву.

6 апреля 1918 г. на заседании Президиума ВЦИК (присутствовали Покровский, Свердлов, Владимирский, Окулов, Аванесов, Теодорович и Енукидзе) вновь слушался вопрос о бывшем царе Николае Романове. В постановлении сказано, что тов. Свердлову поручено снестись по прямому проводу с Екатеринбургом и Омском об усилении охраны Царской семьи и переводе арестованных на Урал. В Тобольск был направлен В. В. Яковлев, который телеграфировал Свердлову о возможности перевоза Николая II в Москву или какое-либо другое место, напоминая, что "...если багаж (Николай II — Л. Л.) будет отправлен по первому маршруту (в Екатеринбург — Л. Л.), то сомневаюсь, удастся ли Вам его оттуда вытащить..." (ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 11 — 11 об.).

На заседании Пленума ЦК РКП(б) 19 мая 1918 г. (присутствовали Свердлов, Сокольников, Смилга, Ленин, Троцкий, Сталин, Шмидт, Владимирский) в п. 5 рассматривался вопрос о Николае Романове. "Свердлов сообщает, что в президиуме ЦИК стоит вопрос о дальнейшей участи Николая, тот же вопрос ставят и уральцы. Необходимо решить, что делать с Николаем. Принимается решение не предпринимать пока ничего по отношению к Николаю, озаботившись лишь принятием мер предосторожности. Переговорить об этом с уральцами поручается Свердлову" (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1. Л. 16).

64 Императорские яхты.

65 Деревенько в 1917 г. ушел из Царского Села с революционными матросами.

66 В Екатеринбурге Царских детей встречали С. С. Заславский и Я. М. Юровский. Заславский доставил их в дом Ипатьева.

67 Название Осло до 1924 г.

68 Дополнительные показания К. С. Мельника и его жены были получены М. К. Павловым 28

августа 1923 г. и переданы Н. А. Соколову 22 сентября 1923 г.

69 Действительно, в адрес Совнаркома шли телеграммы о том, что Царская семья в Тобольске охраняется плохо. На заседании Президиума ВЦИК 1 апреля 1918 г. (присутствовали Свердлов, Покровский, Владимирский, Спиридонова, Прошьян, Аванесов) было заслушано сообщение об охране бывшего царя. Речь шла о увеличении караула, о пулеметах и гранатах для охраны (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 36. Л. 9).

70 Подлинник удостоверения с фотографией Б. Н. Соловьева в 1991 г. выставлялся среди других документов Н. А. Соколова на аукционе Sotheby's.

71 15 апреля 1914 г. в с. Покровском Х. К. Гусева ранила Г. Распутина ножом в живот.

72 А. А. Вырубова была арестована по приказу А. Ф. Керенского в Александровском дворце и заключена в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Освобождена в конце июля 1917 г.

73 В Сибири распространялись слухи о том, что Вел. Кн. Михаил Александрович жив и скрывается в Омске.

74 Дневник М. Г. Распутиной-Соловьевой будет опубликован в одном из ближайших выпусков “Российского Архива”.

75 Имеется в виду тетрадь Б. Н. Соловьева “Мысли и размышления”.

76 Речь идет о якобы спасшихся Царских детях. В 1918 г. в Омске Н. А. Соколов допрашивал Лжеалексея (РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 8. Л. 45—59).

77 А. П. Наметкин осматривал дом Ипатьева 2, 5, 6, 7 и 8 августа 1918 г. в присутствии В. Н. Деревенко и Т. И. Чемодурова и не обнаружил на косяке окна надписи, которую сделала Императрица Александра Федоровна в день приезда: 17/30-го Апр. 1918 г.

Знак этот Императрица употребляла в своих письмах к А. А. Вырубовой. Скорее всего этот знак означал подлинность письма и был особой приметой в кругу друзей Императрицы. Б. Н. Соловьев также использовал этот знак.

“Сувастика” (suvastica) — знак Солнца в индийской мифологии. Он представляет собой крест с равными частями, концы которых загнуты влево. Он отличается от знака “свастики” (svastica), который представляет собой крест с краями, загнутыми вправо.

78 О семье Императора Николая II сообщалось следующее: “...Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место” (Правда. 1918 г. № 149. 19 июля).

79 Это был судебный следователь А. П. Наметкин, который с группой офицеров прибыл на рудник 30 июля 1918 г.

80 См. прим. 23.

81 Газета от 10 апреля 1920 г. была приобретена Н. А. Соколовым в Шанхае в свободной продаже.

82 В “Правде” за 1918 г. не обнаружено такой информации. В списках Екатеринбургского Совета не встречаются приведенные фамилии.

83 См. прим. 38.

84 Верховная следственная комиссия создана 11 марта 1917 г. по распоряжению Временного правительства (см. док. 34).

85 Вопрос об отъезде Царской семьи в Англию или Данию более подробно изложен в протоколах допросов А. Ф. Керенского и П. Н. Милюкова (см. док. 57, 107). Вероятно, была возможность выезда Царской семьи в Англию, так как Николай II был двоюродным братом английского короля Георга V и близким его другом. Александра Федоровна была внучкой королевы Виктории. В книге “Досье на царя” английские исследователи А. Саммерс и Т. Мэнгольд на основе новых документов сделали вывод, что косвенная вина в гибели Царской семьи лежит на короле George V (Sammers A., Mangold T. The File of the Tsar. N. Y. 1976).

86 Представители Петроградского совета требовали от Временного правительства принять решительные меры, чтобы собрать всех членов дома Романовых в одном месте под надежной охраной революционной армии (ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 53. Л. 6а.). Революционные матросы жаждали заполучить бывшего царя в свои руки; так, на заседании СНК 30 ноября 1917 г. ставился вопрос в п.11 — “о переводе Николая II в Кронштадт” (резолуция Балтийского подводного флота); было принято решение: “Признать перевод преждевременным” (РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5. Л. 29).

87 Тобольск был губернским городом с 22 тысячами жителей. В городе было 25 церквей, самая большая из них — Софийский собор.

88 Князь В. А. Долгорукий был арестован на вокзале в Екатеринбурге 17/30 апреля 1918 г.; 27 июня/10 июля 1918 г. расстрелян.

89 См. прим. 61.

90 Вместе с Императором и Императрицей приехали Вел. Кн. Мария Николаевна и сопровождающие их лица: кн. В. А. Долгорукий, Е. С. Боткин, А. С. Демидова, Т. И. Чемодуров, И. Д. Седнев.

91 Речь идет об одном из трех братьев — Кабанове Михаиле (старшем).

92 Это неверно. Ф. И. Голощекин поддерживал связь с Москвой, со Свердловым. Именно он получил из центра приказ о ликвидации Романовых.

93 Архиепископ Гермоген был арестован П. Д. Хохряковым в Тобольске 28 апреля 1918 г. После ареста увезен в Екатеринбург и заключен в тюрьму.

94 Николай II был Верховным Главнокомандующим с 15 августа 1915 г. до 2 марта 1917 г., отстранив от этой должности Вел. Кн. Николая Николаевича.

95 Так Г. Распутин называл Императора и Императрицу.

96 Речь идет о событиях 3—5 июля 1917 г. в Петрограде, когда организованная большевиками демонстрация была расстреляна по приказу Временного правительства.

97 “Дело...” следователя Петроградского окружного суда П. А. Александрова частично опубликовано (см.: Анисимов Н. Л. Обвиняется Ульянов-Ленин //Военно-исторический журнал. 1989. № 11. С.3—9).

98 Граф Мирбах, посол Германии, открыто диктовал высшему руководству Советской России волю своего правительства по многим вопросам: территориальным, военным, политическим, экономическим.

99 В январе 1916 г. к Николаю II приезжал брат Императрицы Вел. герцог Э. Л. Гессен-Дармштадтский, посланец немцев, с целью склонить его к заключению сепаратного мира. Император отклонил это предложение.

100 Идею суда над Николаем II одно время поддерживал и Ленин. По его поручению выездной суд готовили И. З. Штенберг, министр юстиции, и Л. Д. Троцкий, предполагаемый председательствующий. Сохранились повестки заседаний ВЦИК и СНК. 29 января 1918 г. Правительство постановило: “Поручить Комиссариату юстиции и двум представителям Крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова. Вопрос о переводе Николая Романова отложить до пересмотра этого вопроса в Совете Народных Комиссаров. Место суда не преуказывать пока”. На заседании присутствовали: Ленин, Свердлов, Крыленко, Карелин, Сталин и др.

101 П. Пагануцци предполагает, что дворцовый комендант П. П. Коцебу был заменен военным юристом П. А. Коровиченко по причине усердного служения “узникам, а не революции” (см.: Пагануцци П. Правда об убийстве Царской семьи. Ист.-критич. очерк. М. 1992. С. 32).

102 П. Н. Милюков встречался с английским послом Д. У. Бьюкененом и выразил желание получить от правительства Англии официальное предложение дать убежище Царской семье. В своих воспоминаниях он писал, что уже 10/23 марта сообщил Милюкову о том, что “король Георг, с согласия министров, предлагает Царю и Царице гостеприимство на британской территории...” Позже “английское правительство взяло назад свое согласие” (Милюков П. Н. Воспоминания. М. 1991. С. 488, 489).

103 В РЦХИДНИ (Ф. 588. Д. 6. Оп. 3. Л. 44, 45) хранится запись показаний А. В. Никольского, полученных в ходе следствия.

104 Вел. Кн. Михаил Александрович вскоре был арестован, выслан в Пермь; 13 июня 1918 г. расстрелян вместе со слугой Джонсоном в Мотовилихинском лесу (см. кн. Скорбный путь Михаила Романова. Пермь. 1996).

105 Люди, близкие к Императрице в трагические дни, отмечали ее патриотические настроения (см. док. 32, 33).

106 24 февраля 1919 г. Н. А. Соколов в Омске передал подлинные телеграммы в штаб Верховного главнокомандующего Н. П. Злобину. 3 апреля 1919 г. Соколов получил от Злобина уведомление, что “...до настоящего времени не представилось расшифровать телеграммы, копии коих Вы мне передали”. 31 марта 1919 г. Цифирное отделение Министерства иностранных дел сообщило о невозможности расшифровать представленные Соколовым телеграммы (см.: Гибель Царской семьи. С. 219, 268).

107 С. В. Марков и Б. Н. Соловьев передавали деньги, полученные от А. А. Вырубовой, через горничную А. П. Романову.

108 Имеются в виду октябрьские события 1917 г.

109 Гетманство на Украине было учреждено 29 апреля 1918 г. избранием гетманом П. Скоропадского.

110 Переговоры вели Д. Б. Нейдгарт и А. П. Рогович (см. док. 66, 70).

111 Подлинник телеграммы в сентябре 1997 г. передан России Правящим князем Лихтенштейна Хансом-Адамом II. Телеграмма была передана Н. А. Соколову 23 февраля 1919 г. М. К. Дитерихсом. В верхней части типографским шрифтом напечатано: “Областной исполнительный комитет Советов Урала”. В графе служебных отметок значится, что телеграмма послана из Екатеринбурга 17 июля в 21 час, адресована в Москву. “Москва. Кремль. Секретарю Совнаркома Горбунову с обратной проверкой.

623493413512841343142335145343425

483942372347254228382602302341

4615543843314221132636172128313

335384434274034332834502843294

4262844383334227342628262919

Белобородов”.

На бланке есть надпись “Проверка верно нач. 18/УП 1 — 20” и неразборчивая подпись.

112 “Правый Центр” — монархическая организация, созданная в марте 1918 г. в Москве.

113 В. Н. Штейн приезжал в Тобольск 12/25 марта 1918 г. Это подтверждает запись Николая II: “Из Москвы вторично приехал Влад(имир) Ник(олаевич) Штейн, привезший оттуда изрядную сумму от знакомых нам добрых людей, книги и чай. Он был при мне в Могилеве вторым вице-губернатором. Сегодня видели его проходящим по улице”. (Дневник. С. 670).

114 Судьба Царя и Его семьи была предметом тонкой дипломатической игры Германии и России. После заключения Брестского мира большевистская власть очутилась в политической и экономической зависимости от Германии. Царская семья превращалась в заложников для ведения торгов с немцами. Из показаний кн. А. Н. Долгорукова видно, что немцы были хорошо осведомлены о планах Советского правительства в отношении Царской семьи (см. док. 69).

115 Речь идет о матери Николая II, вдовствующей Императрице Марии Федоровне, жившей в Крыму; она писала сыну в Тобольск в ноябре 1917 г. и позже (ГАРФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 203. Л. 11. От. 12). В Тобольск писала и сестра Императора Вел. Кн. Ольга Александровна (ГАРФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 42. Л. 85—86).

116 Одним из офицеров был И. А. Малиновский, который в своих показаниях Н. А. Соколову высказал мысль, что на руднике, где были найдены вещи, драгоценности и другие предметы, Царская семья не была уничтожена, здесь ее переодели и, инсценировав убийство, увезли в безопасное место (см. док. 26).

117 См. прим. 71.

118 К Николаю II 28 29 октября 1916 г. обращались Вел. Кн. Александр Михайлович, Павел Александрович, Вел. Кн. Мария Павловна (старшая), пытаясь устранить влияние Г. Распутина. Их поддержала вдовствующая Императрица Мария Федоровна. 1 ноября 1916 г. в Ставку приезжал Вел. Кн. Николай Михайлович с письмом, в котором была просьба Великих Князей убрать Г. Распутина. 7 ноября 1916 г. с этой же просьбой в Ставку приезжал Вел. Кн. Николай Николаевич.

119 Имеется в виду Февральская революция.

120 Н. А. Соколов еще в июне 1919 г. обращался с просьбой к М. К. Дитерихсу о содействии в получении фотографий Царской семьи, находящихся у П. А. Жильяра (см. док. 21).

121 27 марта/10 апреля 1918 г. в Тобольск приехали А. Д. Авдеев, П. Д. Хохряков, и С. С. Заславский.

122 Телеграфистом В. В. Яковлева был Галкин. Б. В. Дидковский участвовал в переводе Царской семьи из Тобольска в Екатеринбург. Вместе с А. Г. Белобородовым он подписал

Царской семьи из Тобольска в Екатеринбург. Вместе с А. Г. Белобородовым он подписал телеграмму Ленину и Свердлову о том, что они 30 апреля в 11 часов приняли от В. В. Яковлева бывшего царя Николая II, Александру Федоровну и их дочь Марию (ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 21).

123 Детей из Тобольска увозили П. Д. Хохряков и Я. М. Родионов. В Екатеринбурге Их встретил А. Г. Белобородов.

124 О Б. Н. Соловьеве см. док. 35.

125 О группе генерала Д. И. Аничкова каких-либо документов обнаружить не удалось.

126 Революция в Германии произошла в ноябре 1917 г.

127 19 июля 1918 г. в “Правде” опубликовано сообщение о расстреле Николая II. В Екатеринбурге о расстреле объявили 20 июля на городском митинге, где выступил Ф. И. Голощекин. 23 июля 1918 г. в газете “Уральский рабочий” была помещена передовая статья Г. И. Сафарова о расстреле царя.

128 Эти сведения подтверждаются документами (см.: А. Олано-Эренья. Испанский король и попытки спасения семьи Николая II // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С.152—165).

129 См. док. 63.

130 Письма эти, как явствует из рассказа монахини Августины 9 июля 1919 г., не были переданы Царской семье. Она передала их Н. А. Соколову (см.: Гибель Царской семьи. С. 391).

131 Об И. И. Сидорове рассказывали Н. А. Соколову также монахиня Августина и послушницы Новотихвинского монастыря в Екатеринбурге 9 июля 1919 г. (см.: Гибель Царской семьи. С. 390—392).

132 Монахиня Августина и послушницы А. В. Трикина и М. Л. Крохалова из Новотихвинского монастыря рассказывали Н. А. Соколову 9 июля 1919 г., что они приносили в дом Ипатьева для Царской семьи по распоряжению доктора В. Н. Деревенко разную снедь. 2/15 июля 1918 г., в понедельник, Я. М. Юровский приказал принести на следующий день полсотни яиц и четверть молока и еще велел принести счет. 4/17 июля, в среду, монахини опять принесли провизию, увидели смущенных чем-то часовых, которые ничего не взяли и сказали, чтобы больше не приносили (см.: Гибель Царской семьи. С. 390—394).

133 У И. И. Сидорова была икона мученицы Маргариты, которую он заказал в Новотихвинском монастыре (см.: Гибель Царской семьи. С. 390).

134 П. Н. Переверзеву Н. А. Соколов предъявил три номера газеты “Общее Дело”, которые описаны в протоколе от 11—12 августа 1920 г. (см. док. 56).

135 См. прим. 97.

136 Официальное сообщение Советского правительства о расстреле одного Николая Романова породило множество версий о спасении Августейшей семьи. С. В. Марков также поддерживал эту версию.

137 Советское правительство всю осень 1918 г. дезинформировало германское правительство о якобы спасшейся Царской семье.

138 Н. Я. Седов принимал участие в расследовании гибели Царской семьи, которое вел следователь И. А. Сергеев.

139 Императрица начертила такой знак на косяке окна в день приезда в дом Ипатьева — 30

139 Императрица на первом таком этапе на вокзалы в день приезда в дом Ипатьева 20 апреля 1918 г. (см. прим. 77).

140 Два револьвера В. А. Долгорукова хранятся в запасниках Екатеринбургского краеведческого музея.

141 В июне 1918 г. весьма многочисленными были слухи об убийстве Николая II и “исчезновении” Царской семьи. По поручению Ленина 21 июня 1918 г. Ф. Берзин лично осматривал дом Ипатьева, чтобы убедиться, что Царская семья жива. Не знал о действительном положении бывшего царя даже посол России в Германии А. А. Иоффе. 21 июня 1918 г. он писал Ленину: “... Невозможно работать, если не знать, что происходит в России... что-то делается с б(ывшим) Царем — я ничего не знаю. Кюльман вчера об этом заговорил, и я сказал ему, что не имею никаких сведений, почти не сомневаюсь в том, что его убьют, ибо на Урале германофобское настроение, Царя считают немцем, чехословацкое восстание еще более вызывает германофобство и, кажется, поэтому там не смогут справиться — произойдет подобная расправа. Не доказывая, что это нам страшно навредит, я доказывал, что мы будем невиновны, а вина падет на немцев. Необходимо, чтобы на случай, если действительно что-нибудь произойдет, можно опубликовать вполне убедительный сериал, доказывающий нашу непричастность совершенно необходимо” (РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 18—19).

142 Дневники Императрицы Александры Федоровны хранятся в ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 326.

143 Местонахождение подлинника письма неизвестно.

144 27 апреля А. Н. Жилинский потребовал освободить дом Ипатьева к 29 апреля 1918 г.

145 Мандат В. В. Яковлева, кроме Свердлова, был подписан Лениным и Аванесовым.

[Соколов Н. А.] [Постановление о выделении из настоящего дела (№ 20) об убийстве Царской Семьи и приобщении к делу (№ 21) об убийстве Августейших Особ в г. Алапаевске обстоятельств, относящихся к убийству Августейших Особ в г. Алапаевске, 6 августа 1922 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 357—371. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1922 года августа 6 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, рассмотрев предварительное следствие по настоящему делу об убийстве отречшегося от Престола Государя Императора Николая II и Его Семьи, нашел следующее:

При отношении от 20 января 1919 года за № 374 начальником Екатеринбургской телеграфной конторы были присланы к следствию подлинные телеграммы агентов так называемой “советской власти”, передававшиеся по назначению в 1918 году.

При осмотре сих телеграмм на предварительном следствии 23 февраля 1919 года оказалось, что в числе их имеются две телеграммы, исходившие от председателя Уральского областного совета Белобородова и принятые к отправлению от 18 июля 1918 года в 18 часов 30 минут.

Первая из сих телеграмм адресована в г. Алапаевск председателю Алапаевского совета Абрамову и имеет следующее содержание: “Выезжайте немедленно для доклада”.

Вторая телеграмма адресована Совету народных комиссаров и председателю Цика Свердлову в Москве, Зиновьеву и Урицкому в Петрограде. Содержание ее следующее: “Алапаевский Исполком сообщил нападении утром восемнадцатого неизвестной банды помещение где содержались под стражей бывшие Великие Князья Игорь Константинович Константин

Константинович Иван Константинович Сергей Михайлович Иполей точка Несмотря сопротивление стражи князя были похищены точка Есть жертвы обеих сторон поиски ведутся точка”.

В развитии предварительного следствия по сему делу об убийстве Царской Семьи возбудил внимание вопрос, почему Царская Семья, лишенная свободы Временным правительством и водворенная на жительство в г. Тобольск, была впоследствии привезена в г. Екатеринбург, где и была убита.

При обследовании фактов в сем направлении было установлено показаниями свидетелей Евгения Степановича Кобылинского, Николая Александровича Мунделя, Петра Андреевича Жильяра, Алексея Андреевича Волкова и других и ныне представляется доказанным, что присланный из Москвы для увоза Царской Семьи из г. Тобольска комиссар, именовавшийся членом Цика Василием Васильевичем Яковлевым, имел полномочия на выполнение этого поручения не от Уральского областного совета, а от председателя Цика Якова Мошова Свердловца.

Теми же данными предварительного следствия установлено, что, выполняя это поручение, Яковлев обнаружил в г. Тобольске опасение, что ему будет оказано препятствие в выполнении его поручения и принимал в сем отношении необходимые меры, причем эти его мероприятия были направлены на устранение препятствий к увозу Царской Семьи не только со стороны отряда солдат, составлявших охрану Семьи, но и большевистских элементов в Тобольском совдепе, представлявших интересы именно екатеринбургских большевиков в лице их посланца Заславского.

Яковлев обнаружил при этом чрезвычайную торопливость в выполнении возложенного на него поручения.

Как видно из показаний названных лиц, на него было возложено увезти всю Царскую Семью из г. Тобольска. Факт болезни в момент его прибытия в г. Тобольск Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и невозможность увоза Его из Тобольска повлекли за собой переговоры Яковлева с Москвой, каковые он вел по телеграфу через особого привезенного им с собой телеграфиста. Представляется установленным, что он получил из Москвы соответствующие указания при этих переговорах, и он увез 26 апреля 1918 года из г. Тобольска Государя Императора.

Из показаний вышеназванных свидетелей представляется совершенно очевидным, что из всех Особ Августейшей Семьи Яковлева интересовали лишь личности Государя Императора Николая Александровича и Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Хотя в силу возложенного на него поручения он и был обязан увезти из Тобольска всю Семью, но из вышеприведенных данных представляется очевидным, что, установив факт болезни Наследника Цесаревича и невозможность увоза Его из Тобольска, он имел намерение увезти одного Государя Императора, относясь к вопросу о том, поедет ли с Ним кто-либо из членов Семьи, или нет, совершенно безразлично.

Теми же данными предварительного следствия установлено, что прибыв в Тюмень в 9 часов вечера 27 апреля, Яковлев в особом поезде поехал по направлению к Екатеринбургу. Но дорогой он осведомился, что Екатеринбург его не пропустит далее, и он поехал обратно по направлению к Тюмени. Оттуда он отправился по направлению к Омску, полагая через Омск проехать в Европейскую Россию. Однако омские большевики, предупрежденные из Екатеринбурга, не пропустили поезд в Омск, и Яковлев, после переговоров из Омска, куда ездил один со станции Куломзина, ближайшей к Омску, на каковой оставался состав его поезда, с Москвой, поехал снова на Екатеринбург.

По собственному желанию с Государем Императором выехали из Тобольска Государыня Императрица и Великая Княжна Мария Николаевна. Они все были задержаны в г. Екатеринбурге.

В силу источника самых полномочий Яковлева представляется несомненным, что его переговоры с Москвой из Омска, как и из Екатеринбурга по поводу болезни Наследника Цесаревича, велись с председателем Цика Яковом Мовшевым Свердловым.

Из существа показаний приведенных свидетелей, из показаний свидетельницы Татьяны Евгеньевны Мельник и свидетеля графа Капниста, а также из записи показаний, данных последнему проводником вагона, Чехом, в коем Яковлев вез Августейших Особ, видно, что обращение его с Государем Императором носило характер почтительности, и Государь еще в Тобольске высказался о нем, как о человеке “не плохом, прямом”.

Ввиду всей совокупности приведенных обстоятельств и особенно ввиду того, что Яковлевым была проявлена в Тобольске определенная борьба с Заславским как представителем интересов екатеринбургских большевиков, добивавшимся заключения всей Царской Семьи в тюрьму, следственная власть признала доказанным, что увоз Государя Императора из Тобольска Яковлевым вовсе не имел ввиду простой перевоз Августейших Особ в Екатеринбург, а был попыткой увоза Их за Екатеринбург.

Пытаясь возможно полнее осветить на предварительном следствии поставленный выше вопрос о попытке увоза Государя Императора из Тобольска, следственная власть обратила внимание на освещение этой стороны дела самими большевиками.

29 декабря 1918 года при обыске в г. Екатеринбурге у врача Кенсорина Сергеевича Архипова, близкого к Якову Михайловичу Юровскому, одному из наиболее главных виновников убийства Царской Семьи, начальником уголовного розыска был обнаружен номер газеты, судя по шрифту, большевистской газеты “Уральский Рабочий”. В этой газете напечатана статья центральных большевистских “Известий” под названием “К переводу быв. Царя из Тобольска в Екатеринбург”.

Это сообщение большевиков в их главном органе прессы представляется не соответствующим действительности. Преследуя определенную цель осветить попытку увоза Государя Императора из Тобольска как простой перевод Его из Тобольска в Екатеринбург, сообщение большевиков имеет характер явного и при этом сознательного извращения фактов.

В нем указывается, что Яковлев прибыл в Тобольск, имея целью перевезти Царскую Семью в Екатеринбург, 26 апреля, будучи еще до своего прибытия в Тобольск осведомлен о болезни Наследника Цесаревича; что он отбыл из Тобольска с Августейшими Особами 27 апреля ранним утром и прибыл в Тюмень 28 апреля вечером. Даты же прибытия его в Екатеринбург совсем не указано.

Наконец, в этом сообщении скрывается попытка Яковлева проникнуть в Европейскую Россию через Омск, куда он поехал после того, как получил сведения, что Екатеринбург, через который он первоначально выехал с поездом из Тюмени, его не пропустит, ибо в сообщении лишь значится: “Путь от Тюмени до Екатеринбурга был совершен без каких-либо инцидентов”.

Преследуя указанную цель, большевистское сообщение, дабы скрыть факт продолжительного пребывания Яковлева в Тобольске с 22 апреля, когда именно он прибыл в Тобольск, как это точно установлено следствием, и в период какового времени он проверял факт болезни Наследника Цесаревича, до того не известный как ему, так и Москве, искажило дату его действительного прибытия в Екатеринбург.

Расстояние от Тюмени до Екатеринбурга составляет 304 версты, т. е., требует в специальном поезде приблизительно 10 часов езды. Прибыв в Тюмень из Тобольска в 9 часов вечера 27 апреля, как указывалось выше, Яковлев после его неудачной попытки прорваться в Европейскую Россию через Омск прибыл в Екатеринбург только 30 апреля.

В намерении осветить обстоятельства как простой перевоз Августейших Особ из Тобольска в Екатеринбург, большевистское сообщение, дабы уменьшить количество времени, проведенное Яковлевым в пути от Тобольска до Екатеринбурга, переносит момент отъезда его из Тобольска с 26 апреля на 27 апреля, момент прибытия его в Тюмень с 27 апреля на 28 апреля, совсем не указывая момента его прибытия в Екатеринбург.

И помимо приведенных данных, точно установленных предварительным следствием, большевистское сообщение находится в явном противоречии с некоторыми иными фактами.

Как указано выше, отношение Яковлева к Государю Императору носило характер

почтительности, и в беседе с Государем Императором Яковлев указывал, что за неприкосновенность Его личности он, Яковлев, отвечает своей жизнью. Он не чинил никаких препятствий в выборе Государем Императором тех лиц, которых Он и Государыня Императрица сочли нужными взять с собой при отъезде из Тобольска.

Как из показаний приведенных выше свидетелей, так и из осмотра дневника покойной графини Анастасии Васильевны Гендриковой видно, что никто из лиц, находившихся при Царской Семье в г. Тобольске, не сомневался, что Яковлев с добрыми намерениями увозит Государя Императора из Тобольска. В основе такого всеобщего мнения лежали факты, проявленные в Тобольске всем поведением Яковлева. Ими и обусловлен был выбор тех лиц, которые отправились с Августейшими Особами: князь Василий Александрович Долгоруков, доктор Евгений Сергеевич Боткин, камердинер Государя Терентий Иванович Чемодуров, комнатная девушка Государыни Анна Степановна Демидова и детский лакей Иван Дмитриевич Седнев.

Таким образом, из прислуги были взяты лишь те лица, которые несли обязанности лакеев, и никто не был взят из большого штата поваров, оставшихся в Тобольске.

Этот факт сам по себе свидетельствует, что увоз Яковлевым Августейших Особ вовсе не являлся простой переменной местожительства Семьи, ибо подбор прислуги не был рассчитан на такое предположение, а сообразовался лишь с необходимостью передвижения.

Кроме того, проверка этой же стороны дела на предварительном следствии установила, что в г. Екатеринбурге большевиками не было принято заранее никаких мер для приспособления к их целям дома Ипатьева, куда была помещена впоследствии Царская Семья, и меры эти впервые были приняты только тогда, когда Яковлев был уже в пути¹⁴⁴.

Приняв во внимание совокупность приведенных обстоятельств, следственная власть, считаясь с явно выраженным большевиками намерением скрыть от народа характер фактов, имевших место в связи с попыткой Яковлева увезти из Тобольска Царскую Семью пришла к выводу, что самое поручение, которое выполнял Яковлев, по существу исходило не от центральной советской власти, хотя полномочия Яковлева и имели подписи председателя Цика Якова Мовшевича Свердлова¹⁴⁵.

Пытаясь разрешить этот вопрос, следственная власть не могла игнорировать общих условий, в которых имели место вышеприведенные факты.

В сих целях на предварительном следствии выяснялся вопрос о взаимоотношениях немцев с большевиками с момента отречения Государя Императора от Престола.

Ввиду обстоятельств, установленных показаниями свидетелей Александра Федоровича Керенского, Владимира Львовича Бурцева, Павла Николаевича Переверзева и других, осмотром книги немецкого генерала Людендорфа, в коей помещены его “Воспоминания” о Великой европейской войне, и осмотром представленной свидетелем Бурцевым к следствию сводки по данным предварительного следствия судебного следователя по особо важным делам при Петроградском окружном суде Александрова по обвинению Ульянова и других лиц в

государственной измене, представляется доказанным, что как попытка к свержению власти Временного правительства в июле месяце 1917 года, так и самый переворот 25 октября 1917 года имели в своей основе помощь немцев и их интересы.

Ввиду доказанности этих обстоятельств и принимая во внимание общую политическую обстановку, в коей находилась Россия со времени переворота 25 октября 1917 года, нельзя не признать, что возможность со стороны немецкой власти, представленной в России в 1918 году послом Германии графом Мирбахом, попытки увоза из г. Тобольска Государя Императора путем требования, предъявленного к названному Якову Мовшевичу Свердлову, могла иметь место.

При допросе на следствии в качестве свидетеля вышеупомянутого Бурцева последний представил к следствию запись его беседы с одним из лиц, бывших в составе посольства графа Мирбаха в Москве, причем в ответах этого лица Бурцеву совершенно определенно значится, что граф Мирбах обращался с категорическим требованием к вышеназванному Свердлову о привозе Государя Императора в Петроград.

Принимая во внимание:

а) что в тех же ответах значится, что этому лицу входившему в состав посольства графа Мирбаха, было известно, что Августейшей Семье могут быть передаваемы денежные суммы, что действительно и имело место и, при этом, исключительно в Тобольске, а не в Екатеринбурге,

б) что требование графа Мирбаха состояло именно в том, чтобы Государь Император был увезен из того места, где Он пребывал, что именно и соответствовало действительности в то лишь время, когда Царская Семья находилась в Тобольске, а не в Екатеринбурге,

в) что, как видно из тех же ответов, самое требование графа Мирбаха имело категорически-решительный характер, что именно и соответствовало действиям Яковлева,

— судебный следователь признает абсолютно доказанным, что поручение, возложенное на Яковлева, по существу исходило от немецкого посла в Москве графа Мирбаха.

Обращаясь к выяснению тех мотивов, которые лежали в основе этого требования, судебный следователь останавливается прежде всего на выяснении их в документе, представленном к следствию Бурцевым. В нем значится, что действия графа Мирбаха, имея своей основой желание Германского Императора и Испанской Королевы, обуславливались гуманитарными мотивами, желанием указанных Особ спасти жизнь Царской Семьи.

Обсуждая эти указания мотивов требования графа Мирбаха в связи с данными предварительного следствия, представляется очевидным, что такие указания не соответствуют действительности.

Прежде всего обстановка в г. Тобольске, сама по себе, как таковая, не угрожала благополучию Царской Семьи.

Затем непереносимое желание немецкой власти спасти жизнь Царской Семьи, основанное на гуманитарных началах, неизбежно должно было бы повлечь за собой факты иного рода, а не те, какие имели место в Тобольске в связи с поведением там Яковлева.

Будучи почтителен к Государю Императору и указывая, что за Его благополучие он, Яковлев, сам отвечает своей жизнью, Яковлев, однако, предъявил Государю Императору не просьбу об отъезде, а решительное требование и, не взирая на определенное выражение Государем Императором нежелания уезжать куда-либо из Тобольска, ввиду болезни Наследника Цесаревича, санкционировал свое требование угрозой.

Показание свидетеля Кобылинского, единственного очевидца беседы Государя Императора с

Яковлевым, находит себе полное подтверждение в показаниях свидетелей Александра Васильевича Кривошеина и Дмитрия Борисовича Нейдгарта, удостоверивших, что за несколько дней до отъезда Государя Императора из Тобольска, т. е. во время именно пребывания там Яковлева, Государь Император в условной телеграмме указывал на принуждение Его к отъезду из Тобольска, и названные свидетели, читавшие эту телеграмму и последующую, говорят на предварительном следствии об “угрозах” и “насилии”.

Таким образом, представляется несомненным, что указанная выше мотивировка действий графа Мирбаха никоим образом действительности не соответствовала, и поручение, которое выполнял Яковлев, имело какую-то иную цель.

Пытаясь установить ее данными предварительного следствия, судебный следователь не мог не обратить внимания, прежде всего, на согласованность в этом вопросе действий немецкой и советской власти. Объяснение действий графа Мирбаха гуманитарными началами является по самому существу попыткой обоснования этого явления принципами морали. Объяснение пребывания в Тобольске Яковлева со стороны большевиков также представляется по существу попыткой обоснования этого явления революционными, т. е. условно моральными принципами. Самые способы и тех и других в данном случае одни и те же: сокрытие истины.

В обследовании обстоятельств дела в этом направлении следует иметь в виду, что Государь Император и Государыня Императрица, как это точно устанавливается показаниями вышеприведенных свидетелей, окружавших Семью в Тобольске, в лице Яковлева видели по самому существу явления посланца немцев, а в попытке увоза Государя Императора — положительную политическую цель.

Данными предварительного следствия установлено, что с конца 1917 года в Петрограде и в Москве существовали русские общественные группировки, пытавшиеся в целях свержения советской власти прийти к соглашению с немцами.

Имея в виду найти в этой области разрешение указанного вопроса, следственная власть допросом свидетелей Владимира Иосифовича Гурко, Александра Васильевича Кривошеина, Дмитрия Борисовича Нейдгарта, князя Алексея Александровича Ширинского-Шихматова, Николая Евгеньевича Маркова, Виктора Павловича Соколова, Николая Дмитриевича Тальберга, Александра Федоровича Трепова и других установила:

а) что переговоры русских общественных групп не привели ни к каким результатам и оборвались на вопросах самого общего характера, при обсуждении каких-либо совершенно не затрагивались вопросы, если не о форме государственного устройства в России, то во всяком случае о личности будущего Монарха;

б) что действия русских патриотов, пытавшихся оказать в той или иной форме помощь Царской Семье, были конспиративны и не связаны с действиями немецкой власти;

в) что отношение графа Мирбаха к просьбам групп и отдельных лиц спасти жизнь Царской Семьи было отрицательное, причем свидетель Кривошеин удостоверил, что граф Мирбах в ответ на такие просьбы заявил в конце концов, что обязанностью немецкой власти он считает (не) спасение Царя, которого должен спасать сам русский народ, а “немецких принцесс”, причем из сопоставления показаний свидетелей Кривошеина, Нейдгарта и Трепова определенно видно, что такой ответ последовал уже тогда, когда вся Царская Семья была в Екатеринбурге.

Следствием установлено, что отъезд из Тобольска в Екатеринбург всех остальных лиц Царской Семьи имел место 20 мая 1918 года, причем главная роль в этом принадлежала особому лицу — матросу Павлу Хохрякову, имевшему уполномочия от Цика и Уральского областного совета.

При сопоставлении фактов, связанных с действиями Яковлева, с фактами, связанными с действиями Хохрякова, представляется очевидным, что Хохряков, как и Яковлев, обращал

исключительное внимание на особу Наследника Цесаревича, помимо Особы Государя Императора, уже находившегося в Екатеринбурге; что, как и Яковлев, Хохряков проявлял крайнюю поспешность в увозе Его из Тобольска; что, как и Яковлев, Хохряков постоянно прибегал к тем же приемам: убедиться, действительно ли болен Наследник Цесаревич и можно ли Его увезти.

При этом нельзя не заметить, что если Яковлев имел основания опасаться противодействия солдат охраны к увозу Государя Императора, то Хохряков свою поспешность такими соображениями уже не мог объяснять, ибо самый вопрос о перевозе Детей туда, где были уже Их Родители, представлялся совершенно естественным и такого противодействия встретить не мог.

Также установлено данными следствия, что, увозя из Тобольска Царских Детей, Хохряков взял из губернаторского дома всю обстановку дома, не принадлежавшую Царской Семье.

Принимая во внимание всю совокупность приведенных фактов и имея ввиду:

а) что данными следствия устанавливается, что Хохряков, видимо, был связан с Яковлевым старыми узами,

б) что Царские Дети сопровождались особым отрядом, состоявшим почти исключительно из одних латышей, причем из показания Владимира Иосифовича Гурко видно, что некоторые латышские отряды, находившиеся на службе у большевиков, были в подчинении немецкой власти,

в) что во главе этого отряда стоял Родионов, в коем Илья Леонидович Татищев, состоявший многие годы при германском императоре и проживавший в Берлине, опознал лицо, которое он часто там видел, а графиня Гендрикова или баронесса Буксгевден опознала в нем чина жандармской полиции на пограничной к Германии станции Вержболове,

— следственная власть полагает, что мотивы, побудившие немецкую власть пытаться увезти из Тобольска Государя Императора и Наследника

Цесаревича имели действительно политическую, но не положительную, а отрицательную цель, обуславливавшуюся общей политической обстановкой. Создав для себя через большевиков благоприятное положение в России, немцы, в условиях мировой войны, опасались начинавшегося в Сибири национального движения, направленного к свержению власти большевиков, т. е. выгодного для их положения, и боялись оставления в такой обстановке для своих интересов Государя Императора и Наследника Цесаревича.

Будучи удален большим расстоянием от железной дороги, Тобольск в этом отношении представлял опасность немецким интересам, в ограждение коих Яковлев, выполняя поручение графа Мирбаха, и пытался, видимо, увезти Государя Императора в место, где подобная опасность овладения личностью Государя Императора и Наследника Цесаревича русскими национальными силами не могла бы иметь места.

Как видно из показаний свидетеля князя Георгия Евгеньевича Львова, князь Василий Александрович Долгоруков, находившийся при Государе Императоре до самого момента прибытия Его с Яковлевым в Екатеринбург, указывал князю Львову, что Яковлев вез Государя Императора в Ригу, т. е. в такой пункт, где немецкие интересы в указанном отношении были наиболее гарантированы.

Оставляя в настоящий момент без обсуждения вопросы о причинах задержания Государя Императора в г. Екатеринбурге, последующих фактов и самого факта убийства Царской Семьи, судебный следователь останавливает внимание на событиях, имевшем место в связи с этим

убийством в Москве 18 июля 1918 года.

9 июля 1919 года при предложении прокурора Екатеринбургского окружного суда за № 6196 к судебному следователю поступили две телеграммы “Бюро Печати” за № 6153 и 6154, адресованные из Москвы в Екатеринбург “Председателю областного совдепа” и обнаруженные в г. Екатеринбурге по освобождении его от большевиков 25 июля 1918 года Екатеринбургской военно-следственной комиссией.

Эти телеграммы были осмотрены на предварительном следствии 28 октября 1919 года.

Как видно из их содержания, они воспроизводят содержание того доклада, который был сделан в Москве 18 июля Яковом Мовшевым Свердловым президиуму Цика. В этом докладе названный Свердлов, констатируя факт “расстрела” Государя Императора Николая Александровича, удостоверял, что Государыня Императрица Александра Федоровна и Наследник Цесаревич Алексей Николаевич живы и “отправлены в надежное место”, умолчав о судьбе Великих Княжен.

Как видно из данных предварительного следствия, делая такое сообщение, Свердлов имел у себя в этот момент телеграмму председателя Уральского областного совета Белобородова следующего содержания: “Передайте Свердлову что все семейство постигла та же участь что и главу официально семья погибнет при эвакуации”.

В задачу предварительного следствия, обязанного к принятию мер для раскрытия всех существенных обстоятельств дела, входило и выяснение вопроса, почему именно Свердлов, умалчивая о судьбе Великих Княжен, как бы подчеркивал благополучие Государыни Императрицы и Наследника Цесаревича.

Принимая во внимание, что:

а) ст. 270 уст. угол. суд. возлагает на всех лиц обязанность, содействуя ходу предварительного следствия, представлять следственной власти возможность выполнения лежащих на ней обязанностей в форме исполнения ее законных требований,

б) что, таким образом, по смыслу закона на судебном следователе лежит не только право требования к лицам о представлении к следствию сведений или предметов, имеющих значение для дела, но, по силе 264 и 266 ст. ст. того же устава, подобное его право составляет и его обязанность,

в) что в законах нигде нет запрета судебному следователю личного обращения к лицам, личного получения от них необходимых сведений и предметов,

г) что при этом судебный следователь обязан лишь принять меры к устранению всяких возможностей, которые могли бы обусловить представление к следствию ненадлежащих сведений или предметов в смысле их тождества,

— судебный следователь нашел возможным и, за силой указанных и основанных на разуме закона соображений, необходимым пытаться получить сведения, имеющие значение для дела об убийстве Царской Семьи, от лиц, входивших в состав немецкого посольства графа Мирбаха в Москве.

14 июня 1921 года судебный следователь имел свидание в г. Берлине с доктором Рицлером, входившим в состав названного посольства и заменившим графа Мирбаха после его убийства в Москве.

Того же числа доктором Рицлером были оглашены документы, имевшиеся в распоряжении немецких властей по делу об убийстве Царской Семьи, судебному следователю, и выражена

была готовность, с согласия немецкого правительства, представить к следствию нужные документы.

Таковые были получены в копиях судебным следователем 9 сентября 1921 года.

При осмотре сих документов на предварительном следствии 3—5 марта 1922 года оказалось, что 19 июля 1918 года германская миссия в Москве запрашивала Министерство иностранных дел в Берлине: “Должно ли быть повторено решительное представление относительно бережного отношения к Царице... как к германской принцессе? Распространить представление и на Цесаревича было бы опасно, так как большевикам, вероятно, известно, что монархисты склонны выставить на первый план Цесаревича. Недоверие большевиков в отношении германской контрреволюции еще более усилилось вследствие откровенных сообщений генерала Краснова”.

20 июля 1918 года миссия в Москве доносила Министерству иностранных дел в Берлин: “Я вчера сказал Радеку и Воровскому, что весь мир самым строгим образом осудит расстрел Царя и что императорский посланник должен решительно предостеречь их от дальнейшего следования по этому пути. Воровский ответил, что Царь был расстрелян лишь потому, что в противном случае им овладели бы чехословаки. Радек высказал личное мнение, что если мы проявляем особый интерес к дамам Царской Семьи, которые германской крови, то, может быть, можно было бы предоставить им свободный выезд. Может быть, удалось бы освободить Царицу и Цесаревича (последнего, как неотделимого от матери) как компенсацию в вопросе батальона с гуманитарным обоснованием. Рицлер”.

20 июля 1918 года Министерство иностранных дел в Берлине сообщало поверенному в делах в Москве: “С представлением в пользу Царской Семьи согласен. Буше”.

23 июля 1918 года Миссия в Москве сообщала Министерству иностранных дел в Берлине: “Сделал соответствующее представление в пользу Царицы и принцесс германской крови с указанием на влияние цареубийства на общественное мнение. Чичерин молча выслушал мои представления. Рицлер”.

Обсуждая содержание приведенных документов, представленных к следствию доктором Рицлером, в связи с совокупностью приведенных выше обстоятельств, судебный следователь находит, что особое упоминание Якова Мовшева Свердлова в судьбе Государыни Императрицы и Наследника Цесаревича в его сообщении от 18 июля 1918 года находит именно в этих документах свое обоснование.

Из смысла только что приведенных документов видно, что немецкая власть, согласно с показанием свидетеля Кривошеина, находила для себя возможным указывать в дипломатическом порядке на необходимость ограждения безопасности не Русской Императорской Фамилии, а исключительно “принцесс германской крови”.

Как видно из донесения миссии от 19 июля, этому донесению (запросу) предшествовало уже представление в пользу Царицы. Из него же видно, что у лиц, входивших в состав миссии, существовала уже до 19 июля мысль, не следует ли распространить представление и на Цесаревича, о чем доктор Рицлер того же 19 июля говорил наиболее ответственным агентам так называемой советской власти. Представляется несомненным, что если эта мысль не скрывалась в немецкой миссии, то она была известна большевикам, причем ее осуществление связывалось с отказом миссии от требования ее о вводе в Москву немецкого батальона, каковое требование, как известно, было предъявлено немцами к советской власти после убийства графа Мирбаха.

Делая свое сообщение 18 июля, Яков Мовшев Свердлов удостоверял благополучие Государыни Императрицы и Наследника Цесаревича, т. е. тем самым отнимал всякую возможность поддержания немцами их требования о вводе их немецкого батальона.

Представляется совершенно понятным его умолчание о судьбе Великих Княжен. Так как, с одной стороны, в самом содержании его сообщения лежит идея “казни” Царя по воле народа за Его “преступления” против народа, а с другой стороны, удостоверяется, что Государыня Императрица и Наследник Цесаревич живы, то тем самым удостоверяется и меньшее, т. е. вопрос о благополучии Великих Княжен.

Как видно из настоящего дела, таковое было возбуждено у судебного следователя предложением министра юстиции от 7 февраля 1919 года за № 25/а 2437.

Из содержания этого предложения видно, что сим же предложением у того же судебного

следователя возбуждено производство предварительного следствия об убийстве в г. Алапаевске Великой Княгини Елизаветы Федоровны, Великого Князя Сергея Михайловича, Князей Иоанна Константиновича, Константина Константиновича, Игоря Константиновича, графа Владимира Павловича Палея и лиц, при Них находившихся.

Обращаясь к обсуждению фактов предварительных следствий по сим делам в их общем сопоставлении и принимая во внимание:

а) что Царская Семья была убита в г. Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года, причем Она была заманена из комнат верхнего этажа дома Ипатьева, в коем Она проживала, в подвальную комнату нижнего этажа того же дома, выбранную из всех помещений дома, как это видно из акта осмотра дома Ипатьева, совершенно сознательно, под обманном предлогом необходимости оставления комнат, занимавшихся Царской Семьей;

б) что трупы Царской Семьи были уничтожены при помощи огня и серной кислоты, причем местом, где были сокрыты останки Ее, был выбран рудник, т. е. такое место, где особенно трудно было обнаружить уцелевшие остатки;

в) что большевики прибегли затем к сокрытию истины путем лживого сообщения о жизни Царской Семьи, кроме Государя Императора;

г) что Великая Княгиня Елизавета Федоровна, Великий Князь Сергей Михайлович, Князя Иоанн Константинович, Константин Константинович, Игорь Константинович, граф Владимир Павлович Палей были убиты вблизи г. Алапаевска в ночь на 18 июля 1918 года, т. е. через одни сутки после убийства Царской Семьи,

д) что трупы Их были сокрыты в одной из шахт рудника, т. е. для сей цели было избрано место, однородное с тем, где были сокрыты остатки трупов Царской Семьи;

е) что большевики прибегли к обману при увозе Августейших Особ из г. Алапаевска под предлогом необходимости переезда в Синячихинский завод и в целях сокрытия факта убийства прибегли к ложному сообщению о похищении Августейших Особ,

— следственная власть усматривает в деле убийства Царской Семьи и в деле убийства Августейших Особ в Алапаевске одну волю.

Из приведенного выше текста телеграммы Белобородова от 18 июля видно, что он в своем сообщении о похищении Августейших Особ не упоминает имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны.

Данными предварительного следствия по сему последнему делу установлено, что в 3 часа 15 минут 18 июля участники убийства Абрамов, Перминов и Останин известили Белобородова о похищении Августейших Особ, причем персонально они хотя и никого не указывали, но из смысла телеграммы явствует, что они указывали на похищение всех алапаевских узников.

Предстояло разрешить на предварительном следствии вопрос, является ли умолчание Белобородова об имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны случайностью, или же это умолчание является сознательным действием Белобородова и, буде оно является именно таковым, чем надлежит объяснить поступок Белобородова.

3—5 октября 1919 года при допросе по настоящему делу об убийстве Царской Семьи в качестве свидетеля прокурора Пермского окружного суда Петра Яковлевича Шамарина последним был представлен к следствию 145-й номер официальной газеты большевиков “Известия Пермского губернского исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов”.

При осмотре этой газеты на предварительном следствии 26 октября 1919 года в ней оказалось “объявление” от председателя Уральского областного совета Белобородова, дословно следующего содержания:

“Похищение князей.

Алапаевский Исполком сообщает из Екатеринбурга о нападении утром 18-го июля неизвестной банды на помещение, где содержались под стражей бывшие Великие Князья Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович, Сергей Михайлович и Палей.

Несмотря на сопротивление стражи, князья были похищены. Есть жертвы с обеих сторон. Поиски ведутся. Председ. Областного Совета Белобородов”.

В этом объявлении также отсутствует упоминание имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны.

Принимая во внимание, что: а) дословные тексты телеграммы Белобородова от 18 июля и текста объявления различны, б) телеграмма и объявление отделены промежутком в 8 дней, нельзя представлять, что объявление механически воспроизводило в печати ту же самую телеграмму Белобородова. Таким образом, представляется очевидным, что составление телеграммы 18 июля и текста объявления от 26 июля — два различных деяния Белобородова.

Буде бы и представлялось возможным объяснить отсутствие имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны в телеграмме от 18 июля случайностью, такое объяснение не может быть принято при толковании текста объявления и особенно ввиду того, что, как видно из текста телеграммы Белобородова от 18 июля на имя председателя Алапаевского совета Абрамова, последний вызывался Белобородовым “для доклада”.

Сопоставляя факт умолчания Белобородовым имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны с особым упоминанием Свердловым имени Государыни Императрицы и Наследника Цесаревича, следственная власть усматривает в обоих этих фактах однородное явление, обуславливающееся одним и тем же мотивом и объясняющееся содержанием документов, представленных к следствию доктором Рицлером.

Немцы указывали на необходимость ограждения безопасности принцесс “германской крови”. Свердлов в своем сообщении от 18 июля, Белобородов в своей открытой, нешифрованной телеграмме от того же числа и своем объявлении от 26 июля, в силу их взаимоотношений с немецкой властью, выбрали положение, для них более удобное.

Принимая во внимание:

1) что производство предварительных следствий по делу об убийстве Царской Семьи и по делу об убийстве Августейших Особ в г. Алапаевске, вне взаимного сопоставления фактов по обоим делам, было бы неправильным,

2) что в настоящий момент представляется, однако, желательным раздельное производство следствий по сим делам, на основании 264 ст. уст. угол. суд.,

ПОСТАНОВИЛ: обстоятельства, относящиеся к убийству Августейших Особ в г. Алапаевске, копией сего постановления и иных следственных актов в извлечениях или копиях выделить из настоящего дела (№ 20) об убийстве Царской Семьи и приобщить к делу (№ 21) об убийстве Августейших Особ в г. Алапаевске.

Настоящее постановление — в двух актах.

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса П. Н. Милюкова, 12 июля 1922 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 354—357. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII). М

ПРОТОКОЛ

1922 года июля 12 дня в г. Париже (во Франции) судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, во исполнение постановления своего от сего числа, допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля в порядке 443 ст. уст. угол. суд., и он показал:

Павел Николаевич Милюков — сведения о личности см. л. д. 135, том 9-й.

В дополнение к моим прежним показаниям, на Ваши вопросы показываю следующее.

В первые дни после переворота, когда власть была уже организована в лице Временного правительства, в составе коего я был министром иностранных дел, в числе других документов, была получена телеграмма от английского короля Георга на имя отрекшегося Государя Николая II. Король выражал в этой телеграмме свои личные чувства Царю как главе государства. В ней не было никаких конкретных предложений по поводу судьбы Царя. Просто эта телеграмма носила, так сказать, “комплиментарный” характер. Она была доставлена мне как министру иностранных дел. Так как не существовало уже лица, которому была адресована эта телеграмма (повторяю, она была адресована Императору, в тот момент уже отрекшемуся от Престола), то я и вернул ее послу Англии Бьюкенену. Повторяю, эта телеграмма не заключала в себе никаких конкретных предложений.

Как известно, Временное правительство организовалось еще до отречения Государя от Престола. Я сейчас не могу Вам указать точных дат, определяющих течение событий. Вы их можете найти в моей книге “История второй русской революции”. Но я прекрасно помню, что как только возникла революционная власть в лице Временного правительства, признавшая необходимым отречение Царя Николая II от Престола, был тогда же поднят вопрос о судьбе Его и Его Семьи. Было признано желательным и необходимым, чтобы Николай II покинул с Семьей пределы России и выехал за границу. Я положительно утверждаю, что таково было желание Временного правительства, причем страной, куда были обращены наши взоры, была Англия.

Мне не известно, имели ли место какие-либо письменные сношения по этому вопросу главы Временного правительства с Царем или представителями высшей военной власти (Рузским, Алексеевым), имевшими фактическое общение с Царем, но я думаю, что делегаты Временного правительства Гучков и Шульгин, которые должны были поставить перед Государем вопрос о Его отречении, должны были выяснить Царю точку зрения Временного правительства о необходимости Его отъезда за границу, что они, по всей вероятности, и сделали, насколько об этом можно судить по сообщениям печати, делавшимся в свое время.

Что касается книги, которую я упоминаю, то я сам себя обязываю в ней

что касается лично меня как министра иностранных дел, то я считал себя обязанным, в силу решения Временного правительства, признавшего необходимым отъезд Царя за границу, переговорить по этому вопросу с послом Великобритании Бьюкененом. Бьюкенен на словах мне сказал, что необходимые меры будут приняты. Я припоминаю, что, обсуждая со мной этот вопрос, он говорил о практических шагах, какие могло бы предпринять правительство Англии в этом вопросе, и, в частности, о присылке английского крейсера, на котором могла бы уехать Царская Семья. Я помню, что Бьюкененом сущность сказанного им была после нашего с ним разговора подтверждена письмом, как это обыкновенно было принято при дипломатических сношениях. Однако вопрос этот затянулся.

Я не могу Вам привести никаких фактов, которые бы с точной определенностью выясняли этот вопрос. Но мне кажется, что причиной, вызвавшей, так сказать, выжидательный характер действий английского правительства, были наши внутренние события. Усиливалось давление на правительство “советов” в лице главным образом Керенского как лица, наиболее связанного с ними.

Спустя некоторое время я опять поднял в беседе с Бьюкененом вопрос на отъезде Царской Семьи в Англию. Своим словесным ответом он дал мне определенно понять, что правительство Англии больше “не настаивает” об отъезде Семьи в Англию. Я сознательно употребил термин “настаивает” не в смысле желания моего указать, что от английского правительства шла самая “инициатива” в этом вопросе. Инициатива принадлежала нам, т. е. Временному правительству. Термин же “не настаивает” был употреблен в “дипломатической речи”. Я также не могу Вам привести никаких определенных фактов, которые бы точно определяли причину такого отношения к вопросу со стороны правительства Англии. Мне кажется, что причина этого лежала также в нашем внутреннем положении, о чем я уже говорил, и в оценке его английским общественным мнением и правительством.

Мне абсолютно не сохранила память ничего о том, как, когда состоялось решение вопроса об аресте Царя и Царицы. Я совершенно ничего не помню по этому вопросу. Представляя себе вообще характер событий того времени, мне кажется, что Временное правительство, по всей вероятности, санкционировало известную меру, предложенную ему Керенским. Мне так это представляется. В то время некоторые заседания Правительства происходили секретно, и журнала таких заседаний не велось. Вероятно, в такой же форме состоялось и решение самого вопроса.

Показание мое, мне прочтенное, записано правильно, но я вношу две поправки.

Письменный ответ Бьюкенена, данный им после первого моего к нему обращения, был не подтверждением в письменной форме его ответа мне. Это было не так. Бьюкенен после моей с ним беседы запросил свое правительство. Оно изъявило готовность принять Царскую Семью в Англию, и Бьюкенен, сообщая об этом, уведомлял, что для перевозки Царской Семьи должен прибыть крейсер. Я полагаю, что до сведения Царя об этом, по всей вероятности, было доведено. Однако крейсер не приходил, и отъезда не было. Наступила какая-то, так сказать, заминка. Я вторично заговорил с Бьюкененом по этому вопросу, и он мне сказал, что правительство Англии более “не настаивает” на отъезде Царской Семьи в Англию.

Вы неверно изложили то место моих показаний, где я говорю про давление на Временное правительство со стороны “советов”, упоминая при этом имя Керенского. Не Керенский давил на Временное правительство как таковой, а “через Керенского” шло давление советов.

Кроме того, я не помню, чтобы в письменном сообщении Бьюкенена упоминалось о крейсере. Как я помню, там заключалось принципиальное согласие на принятие Царской Семьи в Англию, а про крейсер, вероятно, мне на словах сказал Бьюкенен.

Я слышу оглашенное мне Вами в части показание Керенского (оглашено в части показание

свидетеля Керенского) и могу по этому поводу сказать следующее.

Вряд ли прав Керенский, приписывая самому себе инициативу мысли об отъезде Царя в Англию, высказанную им 7 марта в Москве. К этому моменту вопрос об отъезде Царя в Англию был уже решен во Временном правительстве.

Имели ли место по этому вопросу какие-либо беседы с Бьюкененом моего заместителя Терещенко, я не знаю, так как в это время я уже ушел от власти, что было 2/15 мая.

Показание мое составлено в двух экземплярах.

Павел Николаевич Милюков

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол осмотра вещественного доказательства, 12 июля 1922 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 353—354. М

ПРОТОКОЛ

осмотра вещественного доказательства

1922 года июля 12 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции), в порядке 315—324 ст. уст. угол. суд., производил осмотр письма Григория Ефимовича Распутина к Государю Императору Николаю II, значащегося в пункте 1-м протокола сего числа (л. д. 133, том II).

По осмотру найдено следующее:

Письмо написано на листе белой писчей бумаги, имеющем размеры 34,6 и 21,6 сантиметра. Бумага — несколько сероватого оттенка, местами грязноватая. У самого края листа — часть сального пятна. В непосредственной близости с текстом — сальное пятно, круглой формы, имеющее в диаметре 2,6 сантиметра.

Этот лист бумаги не является частью, отрезанной от листа. Он имеет цельную форму и, видимо, в таком виде вышел с фабрики. Он сложен вчетверо и имеет изгибы давнего происхождения; в области этих изгибов бумага — грязноватая, шероховатая.

Содержание текста писано чернилами черного цвета. С дословным сохранением текста, орфографии и самого расположения текста содержание письма представляется в следующем виде:

“милой друг есче раз

скажу грозна туча нат

расеей беда горя много

темно и просвету нету, слес

то море и меры нет а крови?

что скажу? слов нету неописуом

мый ужас. знаю все от тебя

войны хотят и верные не
зная что ради гибели. тяжко божье наказание когда ум
отымет тут начало конца.
ты царь отец народа не
пусти безумным торжествовать
и погубить себя и народ
вот германию победят а
рассея? подумать так воистину
не было от веку горшей
страдальцы вся тонет
в крови велика погибель
без конца печаль
Григорий”.

При осмотре этого письма не обнаружено ничего, что указывало бы на его апокрифичность.

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол о передаче следователю по особо важным делам Н. А. Соколову ряда документов князем Н. В. Орловым и Вильямом Астером Чанлером, 12 июля 1922 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 352—353. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1922 года июля 12 дня ко мне, судебному следователю по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколову, в г. Париже (во Франции) явились лично мне известные подданный России князь Николай Владимирович Орлов и подданный Американских Соединенных Штатов мистер Вильям Астор Чанлер, проживающие в г. Париже, и предъявили следующие предметы:

- 1) письмо Григория Ефимовича Распутина к Государю Императору Николаю II, написанное перед объявлением войны в 1914 году¹⁴³;
- 2) письмо его же к Государю Императору Николаю II с поздравлением со днем Ангела;
- 3) записка его же к неизвестному лицу;
- 4) изображение Святителя Софрония епископа Иркутского с надписью на обороте Григория Распутина;
- 5) портрет Григория Распутина.

Представляя сии предметы, означенные лица князь Николай Владимирович Орлов и мистер Вильям Астор Чанлер объяснили мне, судебному следователю, что, интересуясь делом об убийстве Царской Семьи, они через майора американского Красного Креста мистера Бекмана, находящегося в Вене в составе американского Красного Креста, вошли в сношения с проживающей в том же городе Матреной Григорьевной Соловьевой и приобрели у нее перечисленные предметы за сто пятьдесят (150) американских долларов.

При этом означенные лица объяснили, что Матрена Григорьевна Соловьева, продавая им перечисленные предметы, сообщила, что письмо, значащееся в пункте 1-м, было написано ее покойным отцом Григорием Ефимовичем Распутиным перед началом Великой европейской войны 1914 года; что это письмо хранилось Государем Императором у себя и было возвращено Им ее мужу Борису Николаевичу Соловьеву через камердинера Государыни Императрицы Волкова в г. Тобольске, когда там находился Соловьев, доставивший для Семьи некоторые вещи.

По рассмотрении всех представленных предметов, судебным следователем было признано имеющим значение для дела письмо, значащееся в пункте 1-м сего протокола. Названные лица князь Николай Владимирович Орлов и мистер Вильям Астор Чанлер изъявили полную готовность представить этот документ к следствию.

Все остальные предметы, ввиду состоявшегося соглашения между названными лицами, были переданы князю Николаю Владимировичу Орлову.

Настоящий акт составлен в двух экземплярах, причем содержание таковых было сообщено мистеру Чанлеру на английском языке князем Николаем Владимировичем Орловым.

Судебный следователь Н. Соколов

Николай Владимирович Орлов

Вильям Астор Чанлер

[Протокол допроса А. С. Лукомского, 3 июля 1922 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 349—352. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1922 года июля 3 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции) допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля в порядке 443 ст. уст. угол. суд., и он показал:

Александр Сергеевич Лукомский, 52 лет, генерал-лейтенант русской армии, православный, временно проживаю во Франции.

На Ваши вопросы показываю.

Я вижу предъявленные мне Вами два тома периодического журнала под наименованием “Архив Русской Революции” (свидетелю были предъявлены эти два тома, описанные в протоколе 30 июня сего года). Воспоминания — в одном томе и документы — в другом опубликованы мною.

По существу я подтверждаю то, что мною написано в моих воспоминаниях.

Что касается документов, то некоторые из документов, бывшие в Ставке, мне все же удалось спасти, и, составляя мои воспоминания, я этими уцелевшими документами пользовался.

Впоследствии мне представилась возможность получить доступ к документам, какие спас генерал Рузский.

Я подтверждаю содержание телеграмм, которые были получены в Ставке 10, 11 и 12 марта от Беляева, Хабалова, Родзянко и Голицына. Эти все телеграммы я видел сам. В силу занимаемой мною должности генерал-квартирмейстера обыкновенно телеграммы на имя начальника штаба сначала шли ко мне, а затем мною уже докладывались генералу Алексееву.

В частности, в те трагические минуты эти телеграммы представляли слишком громадное значение, так что они не могли не быть мне известны.

Что касается соотношения их с телеграммой генерала Алексеева за № 1813, то в последней приведены только те, какие было признано нужным привести для ориентировки.

О вызове генерала Алексеева Великим Князем Михаилом Александровичем к прямому проводу я узнал своевременно, т. е. до их беседы. Содержание же самой беседы мне было известно лично от генерала Алексеева.

Особый телефон, соединявший Царское Село и кабинет Председателя Совета министров непосредственно со Ставкой, находился в отдельном помещении. Я подтверждаю ту часть моих воспоминаний, в которой я объясняю, почему я думаю, что Государь говорил перед ответом князю Голицыну по телефону с Императрицей. Самый же факт Его беседы по телефону мне положительно был известен. Я думаю, что первая телеграмма от Родзянко, даты которой я не указал в моих воспоминаниях, была получена утром 26 февраля — 11 марта. Во всяком случае, 25 февраля — 10 марта телеграммы от него не было, и 26 впервые была получена от него телеграмма. Я решительно утверждаю, что отношение Государя Императора к вопросу об издании закона об ответственном министерстве до отъезда Его из Ставки 13 марта было отрицательным, и я решительно удостоверяю, что никакого совещания в эти дни по этому вопросу под председательством Государя в Могилеве не было. Разве же могло мне это быть неизвестно? Кроме того, Вы из телеграммы генерала Алексеева за № 1865, телеграммы Государя за № 1223 и записи моего разговора с генералом Даниловым можете увидеть, что этот вопрос был разрешен только в Пскове в ночь на 15 марта.

Телеграмма генерала Алексеева Государю за № 1865 была обусловлена теми сведениями, какие продолжали поступать в Ставку из Петрограда уже после отъезда Государя.

По отречении от Престола Государь возвратился в Могилев под вечер 16 марта.

Генерал Алексеев сейчас же явился к Государю и пробыл у Него долго. Я видел Алексеева после этого, и он мне сказал, что Государь подавлен и что Он намерен несколько дней пробыть в Ставке. В этот же вечер Алексеев вторично был у Государя и сказал мне после этого, что Государь хочет, пока Он будет находиться в Ставке, чтобы Ему делались обычные утренние доклады о положении фронта, как это обычно делалось раньше. Алексеев отдал мне соответствующее приказание.

17 марта утренний доклад Государю состоялся. После доклада Государь долго оставался с Алексеевым наедине.

В этот же день к вечеру Алексеев сказал мне, что больше докладов Государю делаться не будет.

18 марта Алексеев мне сказал, что в Петрограде беспокоятся по поводу пребывания Государя в Ставке, что это нервнрует Временное правительство.

19 марта Алексеев сообщил мне, что Государь намерен ехать в Царское 21 марта и что 20 Он желает попрощаться с чинами Ставки.

20 марта была получена от Временного правительства телеграмма на имя Алексеева, в коей сообщалось, что Временным правительством командированы особые лица для “сопровождения” Государя в Царское. Я утверждаю, что эту телеграмму я видел сам. Мне помнится, что она была от главы правительства князя Львова, причем я самым категорическим образом утверждаю, что в телеграмме не только не сообщалось о факте уже состоявшегося распоряжения со стороны Временного правительства об аресте Государя и Государыни, но и не было об этом ни единого слова. Смысл же ее был тот, что лица, командированные правительством, будут сопровождать Его Величество просто как главу государства, отказавшегося от власти, что это — проявление внимания к Государю.

Мне известно, что прибывшие по поручению правительства лица сказали об аресте Государя Алексееву только тогда, когда Государь уже находился в поезде, чтобы ехать в Царское. Они передали об этом Алексееву, и тот, по их просьбе, передал об этом Государю.

К этим фактам я считаю нужным присовокупить также следующее.

Впоследствии я узнал от генерала Деникина, что, по возвращении из Пскова в Могилев, Государь передал Алексееву телеграмму, в коей Он соглашался передать Престол Сыну. Эту телеграмму Алексей удержал у себя и никому не отправлял. Хорошо зная в продолжение многих лет Алексеева и учитывая все факты, которые я тогда наблюдал, я убежден, что он во время пребывания Государя в Ставке по возвращении Его из Пскова вел сношения с Петроградом, спрятал у себя в бумажнике телеграмму Государя, безусловно придя к такому решению по предварительному обсуждению этого вопроса с Петроградом, и наконец он был в курсе отношения Петрограда к пребыванию Государя в Ставке.

Повторяю, я хорошо знал Алексеева и абсолютно отрицаю, что он мог принять такое решение сам единолично. Телеграмму эту он тогда скрыл от меня.

Повторяю, он мне говорил, что Петроград волнуется по поводу пребывания Государя в Ставке.

Я сообщаю вам только одни точные факты. Выводы для оценки поведения Временного правительства по вопросу об аресте Государя и Государыни, в связи с содержанием указанной выше телеграммы о прибытии лиц для “сопровождения” Государя и их поведением, сделайте сами.

Я совершенно категорически удостоверяю, что до отъезда Государя в Царское Алексей говорил мне, что Временным правительством дано Государю официальное заверение, что Он отбудет с Семей за границу. Я прекрасно помню мою беседу с Алексеевым и категорически это удостоверяю. Наконец генерал Рузский рассказывал мне, как состоялось отречение. Он мне говорил, что Гучков определенно указывал Государю, что Ему необходимо будет уехать за границу. Я слышал, но теперь уже не помню, от кого именно, что Государь до отъезда в Царское писал князю Львову письмо, отдавая Себя и Свою Семью под защиту Временного правительства.

За пребывание мое на Дону и на территории Добровольческой армии мне было известно, что Алексей, посылавший офицеров в Сибирь для организации дела борьбы с большевиками, поручал этим офицерам выяснение положения Царской Семьи и принятие мер к Ее сохранению. Реальных результатов эти посылки не дали и не могли дать в то время (это было в декабре 1917 года и в январе 1918 года) за отсутствием и сил и денежных средств.

Генерал Алексей в период существования Добровольческой армии смотрел на себя, как на лицо, подчиненное “Национальному центру”, будучи с ним в сношениях. Я сам читал один документ от этого Центра на имя Алексеева из Москвы. В нем Центр, сообщая Алексееву свою политическую платформу по вопросу о верховной власти, высказывал свой взгляд о необходимости восстановления по Волге Восточного фронта. Форму правления для будущего

Центр указывал — конституционную монархию. Во главе дела борьбы с большевиками он ставил Алексеева. В этом же документе Центр сообщал о том, что Великий Князь Михаил Александрович спасен и находится в безопасном месте. Документ имел подписи Карташева, Федорова и других лиц.

Летом 1918 года я был одно время в Киеве. Я был тогда приглашен к себе гетманом Скоропадским. За завтраком у него я встретился с неизвестным мне господином в форме немецкого офицера. Мне сказали тогда же, что это — граф Анвельслебен. Мне говорили о нем осведомленные лица, что он вертел всем положением в Киеве, будучи очень властным лицом. Я в этом совершенно убежден.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Прошу внести следующие дополнения.

Факт разговора Государя по телефону мне был известен из доклада дежурного офицера, фамилии которого я не помню.

Идея сообщения Центра была та, что он мыслил будущую Россию монархической и видел Монарха в лице Великого Князя Михаила Александровича.

Александр Сергеевич Лукомский

Судебный следователь Н. Соколов

[Соколов Н. А.] [Постановление о признании книги А. И. Спиридонова «История большевизма в России» вещественным доказательством по делу, 15 мая 1922 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 348—349. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1922 года мая 15 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, принимая во внимание:

- 1) что сведения о Якове Свердлове и Шае Голощекине, как они приведены в протоколе осмотра книги бывшего жандармского генерала А. И. Спиридовича, имеют существенное значение для дела;
- 2) что, в виду обстоятельств, переживаемых Россией, представляется весьма затруднительным собирание подобных сведений о лицах, причастных к убийству Царской Семьи;
- 3) что, ввиду этого и ввиду особого положения автора названной книги, таковая приобретает весьма важное значение для настоящего дела, на основании 372 ст. уст. угол. суд.,

ПОСТАНОВИЛ: книгу бывшего жандармского генерала А. И. Спиридовича “История большевизма в России” признать вещественным доказательством по делу.

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол осмотра вещественных доказательств, 5—8 августа 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 312—320. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

осмотра вещественных доказательств

1921 года августа 5—8 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже, в порядке 315—324 ст. уст. угол. суд., производил осмотр письменных показаний корнета Сергея Владимировича Маркова, представленных к следствию 10 июня сего года гвардии капитаном Булыгиным.

По осмотру найдено следующее:

Показания корнета Сергея Владимировича Маркова изложены в виде протокола допроса его гвардии капитаном Павлом Петровичем Булыгиным. Они были даны Марковым, как значится в заголовках показаний, 18 и 19 апреля 1921 года; записаны два показания на пишущей машине, а одно от руки Булыгиным карандашом, причем первые два показания — в двух экземплярах каждое.

Показания подписаны Марковым, имеют его собственноручные оговорки, отмеченные им самим за его подписом.

Кроме того, они подписаны Булыгиным и скреплены его подписом по листам и его личной печатью.

В этих показаниях, с сохранением орфографии, значится дословно следующее:

“Я пасынок Св(иты) Его Величества генерал-майора Думбадзе, который был ялтинским градоначальником. Жил я в Одессе у отца, летом приезжал к матери в Ливадию. Из 6 класса Николаевского корпуса в 1914 году я ушел добровольцем в Крымский конный полк, пробыл там 9 месяцев, был ранен, получил Георгиевский крест и по Высочайшему повелению, в изъятие из закона, был принят в Елисаветградское кавалер(ийское) училище, окончив кот., вышел в 5 гусарский Александрийский Е. И. В.

Государыни Императрицы Александры Федоровны полк, через полгода, 10 июня 1916 года по Высочайшей воле был переведен в Крымский полк. Первый раз Императрице я представлялся по случаю производства в Царском Селе в Александровском дворце, а 2-й раз по случаю перевода в Крымский полк.

Во время революции был как контуженный в Царском Селе в лазарете Вольтерс № 12. 27 февраля приехал в Петербург, перенес разгром “Астории”, куда попал случайно; в Думу выгнан не был и не был обезоружен. 28 вернулся в Царское Село. Звонил полковнику Цирг (помощник н(ачальника) Царкосельского особого эвакуационного пункта) и просил пропустить во дворец — было отказано. Пошел ко дворцу желая встретить кап. Кологривова (4 стрелкового полка — служил в Сводном п.), не встретил. Около ворот вечером был замечен Императрицей, был вызван Ею, пробыл у Нее около 1 часа, видел Вел. Княжен Марию Николаевну, Анастасию Николаевну и Ю. Ал. Ден.

Ее Величество говорила мало, была потрясена, было полное недоумение по поводу событий и их размаха, вполне владела собой, жалела, что нашего полка нет в Царском Селе. (Недели за три командир полка просил Ее вызвать полк. Она ответила: “Я сама знаю, когда настанет время”, об этом Она сообщала с сожалением). У Нее (я знаю от Ден) была надежда на броневой дивизион, стоящий в Петрограде. Знаю, кажется от Ден, что перед революцией ген. Гурко очень успокаивал Императрицу. В тот раз, когда я видел Ее Величество, Она не знала, где Государь, слуха об отречении не было; просила передать привет полку, спрашивала персонально об офицерах. Соловьева я тогда не знал. 3 марта я провел в лазарете. 4 — в 11 1/2 час. дня я приехал во дворец, вызвал Ден и сказал, что считаю долгом оставаться во дворце и без разрешения

Императрицы вензелей не сниму. Оба мы плакали. Ден ушла к Императрице. Ее Величество сначала хотела, чтобы я оставался при Сводном полку, но так как были перевыборы командира: вместо Ресина выбрали Лазарева. Сводный полк становился плохим, оставаться я с ним не мог. Государыня вечером вызвала меня к себе, приказа(ла) снять вензеля... (в этом месте над строками текста имеется поправка Маркова, разобрать которой не представилось возможным. Н. Соколов)... просила передать привет полку и назначила меня отвезти письмо Государю, кот. я должен был получить через Маргариту Сергеевну Хитрово. В целях поездки Императрица приказа(ла) мне присоединиться к Временному правительству.

5 марта я поехал в Царскосельскую ратушу, где получил удостоверение, что я присоединяюсь к Временному правительству.

7 приехал Государь, и мысль о поездке пропала. Насколько я знаю, (1 — 2 марта) с письмом к Государю от Императрицы ездил Кологривов. Ездил какая-то дама (кто не помню). В это время был во дворце полковник Сыробоярский, пришел во дворец по собственной инициативе. Корнилов приезжал не при мне, но я слышал, что хамил он здорово, как, конечно, и Гучков и Керенский. Коцебу я не видал, но слышал, что он был все же лучше других; Коровиченко — просто сволочь. О Кобылинском тогда сказать что-либо было трудно — держал себя вполне лояльно, через него я пересылал во дворец цветы и получил письмо от Ее Величества. Аксюту не видал, но знаю, что он держал себя скверно; потому у Деникина он был пойман и сидел в тюрьме по подозрению в большевизме. Мне говорил граф Гудович — капитан л.-гвардии I Стрелкового Его Величества п., что Аксюта ему говорил, что им зарыто оружие Государя и что это место знает только Деникин, Аксюта убит в бою с большевиками.

Да, я до сих пор не верю в гибель Царской Семьи; про Государя я не говорю — не знаю. Основания моего убеждения таковы:

- 1). Первое большевистское опубликование гласит так — Телегр. от 18 н. ст. июля 1918 г. из Екатеринбурга: “вчера по приговору Екатеринбургского областного Совдепа расстрелян бывший Царь Николай Романов. Семья его перевезена в надежное место”¹³⁶.
- 2). В период от 18 июля по 15 августа (когда я уехал из Петербурга в Киев) по всем наведенным мною справкам у немцев, которые имели связь тогда с Смольным (чиновник немецкого генерального консульства в Питере Герман Шилль, других не помню), Семья была жива. Постоянно немцы говорили: “да, вероятно, Государь расстрелян, но Семья жива”. Да, я говорил с Шиллем, других с кем я говорил не помню.
- 3). 6 августа 1918 г. я написал из Петербурга через германское ген. консульство письмо Великому герцогу Эрнсту Людвигу Гессенскому (брату Императрицы Александры Федоровны), где я, рассказывая о своей поездке в Тобольск, описывал положение Царской Семьи, что теперь Она где-то в большевистских руках в районе ст. Котельнич около Вятки (немецкие сведения) нет, о районе я не писал. Я умолял спасти Их, говорил, что мы ничего сделать не можем, что я вижу единственный путь к спасению Их — вмешательство Германии дипломатическим путем и вывоз Их куда-нибудь за границу в нейтральную страну или в Крым (оккупированный тогда немцами); в Германию просить вывезти я не был уполномочен, я говорю о полномочиях от Царской Семьи. Нет, полномочий от Царской Семьи у меня никаких не было, но просить обо всех местах, кроме Германии, я считал себя в нравственном праве. 9 сент. 1918 г. в Киеве я получил две телеграммы на немецком языке: 1). *Wolfs gartens chloss* (место резиденции Велик. герцога) 25 — 6 — 18 (мой адрес) “Господин Магенер из Москвы войдет с Вами в связь. Эрнст Людвиг В. герцог Гессенский”. 2). “Дипломатическое представительство (нем.) Москва. 5 — 9 — 18. (Мой адрес). “Господин Магенер надеется быть в Киеве через две недели. Хаусшильд-Магенер”.

Магенер в половине октября приехал в Киев. Оказался чиновником герман. министр. иностранных дел. Лет 53-х. Говорит отлично по-русски, до войны 23 года жил в Одессе, где у него было какое-то коммерческое дело. Перед войной он уехал в Германию. С согласия Вел. герцога и принцессы Ирены (по соглашению) он был послан в Россию после моего письма

принца (по соглашению) он был послан в Россию после моего приезда.

Теперь мне его пребывание неизвестно, может знать только Вел. герцог. Мой отец видел Магенера в Одессе через несколько дней после моей встречи с ним в Киеве. В Одессу же должен был приехать я и Юлия Александровна Ден (она из своего имения где-то в Малороссии), но вследствие петлюровского восстания это не удалось. Отцу моему Магенер говорил, что едет в Москву для того же дела. В Киеве он мне сказал, что цель его приезда ко мне — узнать, что мы сделали для спасения Царской Семьи и соединить наши начинания с его. До нашей встречи он еще не сделал ничего в этом направлении, но наводил справки. Категорически заявил, что Царская Семья жива, но о Государе он ничего не знает, но что во всяком случае Государь не с Семей. Это он знал от германской разведки в Пермской губ. Он говорил с Иоффе и Радеком, они оба категорически сказали, что Царская Семья жива, но Государь убит, где Семья, сказать не могли, говоря, что место постоянно меняется из-за продвижения чехов¹³⁷. Об этом Магенер известил телеграммой принца Генриха и принцессу Ирену (его супругу). Телеграфировал он из Москвы.

В Киеве я познакомился с Безаком Федором Николаевичем, Скаржинским Петром Васильевичем и Катениным (тот, который был раньше по делам печати в комитете), причем на вопрос Магенера, что сделано русскими монархическими организациями юга России для спасения Царской Семьи, Безак ответил, что собственно говоря, ничего не сделано, но что их интересует, что сделала для этого Германия. Они настаивали на том, что это должна сделать Германия. После этого Магенер послал в Германию телеграмму (кому не знаю — адреса он мне не показал, показал только текст) — “круги Маркова (меня) считают, что только Германия может дипломатическим путем настоять на вывозе Царской Семьи”. После этого он уехал в Одессу, где мы, как я уже говорил, должны были съехаться.

3). Первые сведения о гибели Царской Семьи были написаны в “белых” газетах несмотря на опровержение этого советскими газетами. Пример: “Temps” — октябрь 1918 года.

4). В Киеве, после крушения Скоропадского (я был ординарцем у гр. Келлера), в герм. комендатуре, где я переписывал офицеров для отправки в Германию (я был под фамилией Краузе и делал это с ведома генерала Дмитрия Иосифовича Гурко, Порт-Артурского), я познакомился с немецким военным шпионом; фамилии его не помню, но знаю, что он работал два с половиной года во время войны на радио-телеграфах в Москве. Он сказал мне, что его племянник работал в последнее время (осень 1918 г.) в пределах Пермской губернии и говорил ему, что Царская Семья безусловно жива и находится в постоянных передвижениях в Пермской губ. Называл Котельнич. Где Государь не знает.

5). 31 января 1919 года я приехал в Германию, на Пасху был в Дармштадте у Великого герцога Эрнста Людвиг Гессенского, где пробыл Его гостем 9 дней. Он говорил, что у него последние известия о том, что Царская Семья жива, имеются перед германской революцией и что после этого известий нет. Про Государя он не знал ничего. То же мне говорили принц Генрих Прусский и принцесса Ирена, у которой я прожил два дня в июне того же года.

6). В февр. 1920 года состоящий при генерале Людендорфе капитан Шаппер сообщил мне, что у генерала есть сведения, что Императрица Александра Федоровна жива. Откуда и какие сведения сказано не было. От имени Людендорфа капитан Шаппер спрашивал меня, считаю ли я это возможным. Я посоветовал послать офицеров в Россию и в Сибирь для розыска Соловьева, кот., я убежден, знает все. Шаппер говорил, что у генерала есть средства послать двух офицеров. Капповская история помешала всему.

7). Из следствия генерала Гришина-Алмазова, кот(орое) читал лично мой отец, факты убийства Государя Императора и Царской Семьи не подтверждаются ничем и все добыто через вторых лиц.

8). Штаб-ротм(истр) Селов сказал моему отцу, что он в какой не помню комиссии участвовал. и

утверждает, что никаких определенных сведений добыто не было¹³⁸.

9). В германских газетах было опубликовано известие о гибели Государя Императора на 13 дней раньше до предполагаемого факта, т. е. 3 июля н. ст. 1918 года. Это мне говорили немцы, поэтому думающие, что все это подложное.

Адрес Юлии Александровны Ден — 4 The Crescent Surbiton Surrey London.

Это мое показание, составленное в двух экземплярах, с моих слов записано правильно и мне прочитано”.

Второе показание имеет дословно следующее содержание:

“2 марта ст. стилия 1918 года я выехал из Петербурга в Тобольск. Ехал я на деньги Анны Александровны Вырубовой. Поручения были у меня такие: письма от Юлии Александровны Ден, Вырубовой и Эммы Фредерикс (дочери покойного) и карточка Танеева; от себя я вез книги: 4 английских (какие не помню), четыре книги Лейкина, одну книгу (“Огнем и мечом”) Сенкевича и одну (“Отрок — Властелин”) Жданова и “Земная жизнь Иисуса Христа” (кажется Ренан), на ней была надпись карандашом “Анна” (условное имя Вырубовой — Императрице известное), на обложке моя надпись чернилами “С. М. 1918” — мои инициалы. На всех книжках была моя надпись “Почтительнейше просит принять в дар. Маленький М.”.

Денег я не вез. Ехал я под фамилией — бывший военнослужащий 449 пех(отного) Харьковского полка Сергей Соловьев. Передо мной проехал Борис Николаевич Соловьев под именем Карженевского. Вез он чемодан с бельем. Он был руководителем братства Св. Иоанна Тобольского — в Тобольске. Основано оно Соловьевым в августе 1917 года. Было человек 120.

Свои вещи я довез и передал через отца Алексея Васильева 11 утром, книги и письма, 11 вечером свое письмо и 12 (марта) последние книги и получил молитвенник с надписью “Маленькому М. Благословение от Ш.” (Шефа), маленькое письмо от Государыни (осталось у Соловьева), мундштук мамонтовой кости для меня, другой для Ден и карточку личной работы Государыни (красками) — ангелок и надпись: “Господи, пошли благодать Твою в помощь мне, да прославлю имя Твое Святое — А. Ф. 1918” (церковно-слав.) для Вырубовой. О. Алексей передал мне благодарность Царской Семьи и приказание Государыни уехать вечером же из Тобольска, т. к. Императрица боялась, что меня опознает Кобылинский и Битнер, ибо не выяснено было отношение их. Я вечером же уехал в Покровское (туда указала ехать Императрица). В Покровском жил Соловьев. Во время моего третьего свидания с о. Васильевым в Тобольске в алтаре церкви пришел туда камердинер Чемодуров и по приказанию Императрицы провел мимо одного дома... (видимо, в показании ошибка: “оного” написано вместо “оного”). Тогда я видел всю Семью, и Она видела меня. О. Васильева я считал тогда вполне надежным человеком. В убеждениях его я не сомневаюсь и теперь, но считаю, что он потом играл в единственного “спасителя”. Соловьев его считал впоследствии человеком “так себе”. Потом передача была налажена Соловьевым помимо его (о. Васильева) и, конечно, не через Кобылинского. Через кого — не знаю, но Соловьев получал письма от Семьи 2—3 раза в неделю в Тюмень.

Ночью с 12 на 13 по дороге в Покровское я встретил первых красногвардейцев на санях тройками (никаких “спасателей” среди них не было). В Покровском я пришел к Распутиным, но узнал от жены его, что Соловьева увезли красные в Тюмень. Я думал, что он уже расстрелян, тогда для меня это казалось ясным. Я уехал в Тюмень. На вокзале меня узнал тов. по корпусу Коренев и предупредил, что с моим документом (конечный пункт Ишим) ехать опасно, и я приехал в гостиницу Ложкомоева, предъявил свой офицерский документ, поехал к воинскому начальнику, и он дал мне документ на имя бывш. военнослужащего Крымского полка, телеграфировал в организацию Маркова II (матери Соколова), что у меня денег нет — не прислали.

Хржонш (полковник) — демобилизовавший 35 западного стрелкового сибирского полка и начальник гарнизона предложил мне поступить в Красную Армию 2—3 апреля н. ст.

Я встретил Соловьева и по его совету поступил в Кр(асную) арм(ию) и принял эскадрон (Тюменский рев. уланский). Сделал это, т. к. надеялся на присылку офицеров из Петербурга, — обещал Марков П. Соловьев находился под следствием. У Соловьева отобрали чек на 10 тысяч р. на имя епископа Гермогена. Подписан чек Соловьевым. Деньги достал Соловьев у Вырубовой или посредством ее, Сухомлиновой и Распутиных. Гермоген перед этим передал Государю 25 т.р. Соловьев ждал приезда Бруара (инженер, француз) с золотых приисков (где пайщик Соловьев). Бруар потом передал большевикам письмо Соловьева, где упоминалась моя фамилия. Бруар потребовал денег у нас, но когда жена Соловьева ему отказала, пригрозил выдать письмо большевикам. После этого нас арестовали. План Соловьева был такой: выкрасть Царскую Семью и вести на восток на лошадях. План Седова — на моторных лодках до устьев Иртыша. Я должен был ехать за границу просить у англичан судно для вывоза Царской Семьи за границу. Но не было денег. Минимум 21/2 миллиона руб. Когда я сидел в тюрьме, люди моего эскадрона конвоировали Царскую Семью последние 20 верст. (Государь, Государыня и Мария Николаевна). С охраной Царской Семьи у нас была связь, особенно с 4 стр(елковым) полком, кто не помню. Соловьев совершенно моих взглядов. Мы сидели в тюрьме, когда Государь, Императрица и вся Семья были перевезены в Екатеринбург. Об этом нам сообщила жена Соловьева на свидании и комиссар. Соловьев был поражен. 2-й переезд совершился, когда мы были на свободе, но мы ничего не знали. Условный знак нашей организации был . Императрица его знала 139, тоже икона Иоанна Тобольского с условной надписью и тем же знаком. После нашего освобождения кто-то принес Соловьеву большую икону Св. Николая Чудотворца. Коренев вошел в организацию. “Наполеона” не знаю.

Показание с моих слов записано правильно и мне прочитано”.

Третье показание имеет дословно следующее содержание:

“26 марта н. ст. с 1-ми красноармейцами (на санях) из Тюмени ездил Карташев председатель Совнархоза в Тюмени. Ездил он в Тобольск и после в начале апреля (1—3) он делал доклад в Тюмени в прикащичьем клубе. Я был на этом докладе.

Седов говорил мне после моего выпуска из тюрьмы, что он встретил по дороге в Тобольск едущих на лошадях Государя, Императрицу и Вел. Кн. Марию Николаевну. Государыня его узнала и перекрестила. Ехал он в Тобольск на разведку по нашему поручению. Пробыл в Тобольске 2—3 дня и вернулся в Тюмень. На Фоминой неделе он ездил в Петербург с докладом к Маркову П (с заездом в Екатеринбург). Он говорил мне, что Яковлев предлагал В. Княжнам (но не Наследнику) оставаться в Тобольске и после перевоза Наследника в Екатеринбург уезжать куда угодно. Они отказались. Думаю, что Яковлев вез Государя в Екатеринбург, но узнав, что на ст. Поклевской рабочие ждут Государя, чтобы убить Его, он повернул на Омск. Принц Генрих Прусский говорил мне, что он считает, что Германия упустила момент спасти Государя, и теперь поздно. Моментом этим он считает заключение Брестского мира. Поэтому я не думаю, чтобы Яковлев вывозил Ц. С. по приказанию немцев куда-либо. Магнер говорил мне лично в Киеве в октябре 1918 г. “почему вы настаиваете, что только Германия может спасти Вашу Царскую Семью? Ведь нам при дворе давно известно, что Ваша Императрица считает себя настолько русской, что не хочет ехать в Германию”.

План Соловьева был таков. Земский Собор должен был снова призвать Государя на Престол, Государь бы отрекся тотчас же в пользу Наследника, а сам стал Патриархом. Править Россией должен был Регентский (всесловный) Совет. Императрица ушла бы в монастырь. Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна еще в Тобольске с Ее Величеством просились в монастырь. Это я знаю кроме как от Соловьева также и из советских газет. С Патриархом Тихоном у нас были связи. Он о нас знал. К нему ездил сын о. Алексея Васильева и вернулся оттуда 18 апреля н. ст. 1918 г. Он сказал, что Патриарх Тихон, как и все духовенство, не желает никакого участия в делах государства и не хочет иметь ничего общего с большевиками.

н. ст. 1918 г. Он ездил за деньгами, привез, кажется, сорок тысяч рублей и благословение на наше дело. Знал все Марков II — в вину он мне ставит то, что я не сообщал ему ничего, но от Седова в половине мая он знал все положение в Тюмени, Тобольске и Екатеринбурге. Фамилия конспиративная Седова Мусин. Я в день приезда (2-й раз) по телеграфу просил у Маркова II денег, но он их не прислал. В Тобольске о. Алексей Васильев приказывал звонить в колокола каждый раз, когда Государь выходил и уходил из церкви. После того, как о. Алексей провозгласил многолетие, его перестали пускать в дом заключения Ц(арской) С(емьи), но потом запрещение было снято. По-моему, всего этого делать было не надо.

Кто из прислуги Ц(арской) С(емьи) передавал нам письма и вести от Ц. С. — не знаю. Фамилий солдат, с которыми мы были в связи (солдат отряда Кобылинского), тоже.

Бруар был инспектором полиции в Колондойке, во время войны служил на нашем фронте в контрразведке (с нашей стороны) — он француз. Потом он был инженером на приисках у Б. Н. Соловьева (золотые). Там он убил нескольких рабочих и удрал. Соловьев, после того как Бруар выдал нас, написал комиссару Немцову (председатель Тюменского совдепа), что из себя представляет Бруар, и это нас спасло. Выдав нас, Бруар удрал. Должен был Бруар привести нам остаток денег (40 т.р.) с Соловьевских приисков.

Б. Н. Соловьев — дворянин Симбирской губернии. Кончил гимназию и был совсем беден. Оккультизмом давно увлекался и поехал с каким-то испытателем в Индию и пробыл там год. Учился в Адииере, про который он мне много рассказывал в тюрьме. Говорил, что там воспитываются дети как-то особенно, что взрослых принимают только после каких-то испытаний. Безусловно достиг каких-то степеней. Было у него много каких-то знаков; помню, помню крест с воткнутым в его середину кинжалом (нрзб.). Делал он эти знаки часто на стене внезапно, объясняя это, чтобы оградиться от чьего-то невидимого присутствия. У него было какое-то кольцо, по моему, индийского происхождения. Он верит в теорию брака (удачное и неудачное соединение душ в пространстве), говорил о массовом гипнозе, о подчинении воли человека на расстоянии и об убийстве на расстоянии. Для последнего нужна восковая фигура человека, которого хочешь убить, свечка, над фигурой производятся какие-то манипуляции, и когда свечка догорает, нужен сильный ток, который убивает противника и обратный поражает животное, которое должно быть рядом с фигурой. Если делаешь это из корыстных побуждений, то поразит удар тебя.

При мне в тюрьме он выжал из карандаша 3 капли. На квартире (в Тюмени) при Седове он усыпил свою жену, и она рассказывала нам о положении Государя и Семьи в Екатеринбурге, что строят забор, сколько в доме Ипатьева комнат и др. Она, конечно, медиум. Он считает, что брак в оккультном отношении удачный. О теософии и йогох он говорил много.

К йогом он относится хорошо. Распутин он считает самородком, находится между белой и черной магией.

Фамилию Фишера по Тюмени помню, но что, не помню.

Маркаров (ротмистр), начальник конского запаса в Тюмени, был у нас в организации и умер от разрыва сердца.

Б. Н. Соловьев учился одно время в Берлинском, кажется, политехникуме в Шарлоттенбурге.

Показание это с моих слов записано правильно и мне прочитано”.

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса П. Н. Переверзева, 8 июля 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 311—312. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и

документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года июля 8 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр., и он показал:

Павел Николаевич Переверзев, 49 лет, православный, присяжный поверенный округа Петроградской судебной палаты, в настоящее время проживаю в Тунисе.

После февральской революции, приблизительно, с 11 марта 1917 года я был прокурором Петроградской судебной палаты. 5 мая я был назначен министром юстиции, в каковой должности я пребывал до 5 июля. На Ваши вопросы по настоящему делу я могу показать следующее. Как министр юстиции я был в курсе работ той Чрезвычайной комиссии, которая под председательством Муравьева обследовала деятельность министров и других высших лиц старого режима до февральского переворота. Мне было известно, что эта же комиссия выясняла и роль Государя и Государыни и лиц, близких к Ним. Я удостоверяю, что Муравьев несколько раз имел у меня доклады по вопросу о “вине” Царя. Муравьев находил Его вину единственно в том, что Он по докладам Щегловитова иногда прекращал разные дела, на что Он не имел права даже по той конституции, которая существовала в России до революции, т. к. это право не принадлежит монарху даже самодержавному, имеющему право лишь помилования, но не прекращения дел. Большой Его вины не было обнаружено (по крайней мере, в бытность мою министром юстиции) и о Его виновности в “измене” России в смысле готовности заключить сепаратный мир с Германией ни разу не было речи. Я и сам в этом убежден совершенно и по сущей совести удостоверяю это обстоятельство.

Я слышу содержание документов, которые Вы мне сейчас огласили (свидетелю были оглашены документы, описанные в п. 2-м протокола 11—12 августа 1920 года), и могу по поводу их сказать следующее¹³⁴. Эти документы представляют собой сводку тех документальных данных, которые имелись тогда в моем распоряжении как министра юстиции. Еще будучи прокурором палаты, я вел расследование немецкого шпионажа вообще и, в частности, деятельности Ленина. Работа эта производилась подведомственными мне чинами под моим личным наблюдением. Добытыми данными роль Ленина и целого ряда других лиц, как агентов Германии, удостоверялась воочию. Один из документов был мне тогда передан и Керенским как военным министром. Июльское выступление большевиков вынудило меня прибегнуть к опубликованию некоторых данных, добытых нами, что только и было причиной того, что некоторые воинские части, ознакомившись с сообщенными им данными, пришли на помощь Временному правительству. Первая попытка большевиков была подавлена. Возникло предварительное следствие. Его вел судебный следователь по особо важным делам Александров¹³⁵ по моему предложению. Я тут же был вынужден выйти в отставку, так как мое открытое выступление против Ленина повлекло за собой бурю в Петроградском совете рабочих депутатов, оказавшем давление на правительство.

Спустя значительное время, когда я был уже не у власти, я встретил прокурора палаты Карчевского и имел с ним беседу по поводу дальнейшей судьбы дела. Данными следствия истина была подтверждена, и следствие не было прекращено. Оно продолжалось до самого большевистского переворота, попав затем, конечно, в руки большевиков.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано правильно.

Павел Николаевич Переверзев

Судебный следователь Н. Соколов

¹³⁴Протокол допроса П. С. Ткачевой 6 июля 1921 г. 1 // Н. А. Соколов. Предварительное

[протокол допроса З. С. Толстой, 6 июля 1921 г.] // П. А. Соколов. Превосходительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 309—310. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года июля 6 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции) допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы в порядке 443 ст. уст. угол. суд., и она показала:

Зинаида Сергеевна Толстая, 39 лет, православная, дворянка Орловской губернии, в настоящее время проживаю во Франции, в г. Ницце.

Я слышу содержание писем, которые Вы мне сейчас прочли (оглашены письма, описанные в п.п. 2—4, протокол 27 октября 1919 года)¹³⁰. Эти письма были посланы Августейшей Семье моей семьей: мною, моим мужем (Петром Сергеевичем) и моими детьми Сергеем и Натальей. Кроме того, вместе с нашими письмами посылала еще письмо Маргарита Хитрово, а также и генерал Николай Федорович Иванов-Луцевин.

Письма эти возил некто Иван Иванович Сидоров¹³¹. Я познакомилась с ним в 1917 году в Одессе, где он служил в обществе “пароходства и торговли”. Это был честнейший человек, несомненный монархист. Он был послан в Екатеринбург моим мужем 4 мая 1918 года. Главная цель посылки его заключалась в намерении установить связь с Царской Семьей, чтобы чрез эту связь помогать деньгами Ей. В то же время мы послали с ним и письма. Вместе с Сидоровым поехал тогда еще какой-то господин, который раньше служил телеграфистом во дворце, в Царском Селе. Фамилию его я забыла, а имя его Сергей.

28 июня Сидоров вернулся. Он рассказал нам, что проникнуть к Царской Семье лично он не мог: это было абсолютно невозможно. Он видел лишь снаружи дом, в котором Она жила: дом был обнесен забором. Сидоров несколько раз видел доктора Деревенко. Последний рассказал Сидорову, что Царской Семье живется плохо: тяжелый режим, постоянный надзор, плохое питание. Деревенко указывал Сидорову, что режим плохо отражается на состоянии здоровья Наследника, и говорил, что Царскую Семью необходимо увезти из Екатеринбурга, о чем он просил Сидорова передать нам. Сидорову удалось установить связь с монастырем, т. е. добиться того, что монахини получили возможность доставлять Царской Семье продукты¹³². Наши письма и образок, который тогда посылал Иванов-Луцевин, он передал кому-то в монастыре. Там же он передал для доставления Царской Семье и деньги, доставив нам расписку в принятии от него денег. Суммы я сейчас не помню и не помню также имени лица, подписавшего расписку.

В бытность Сидорова в Екатеринбурге он был арестован большевиками и сидел в тюрьме, но его выпустили все же. Он нам рассказывал, что большевики нашли у него при обыске образ, но не отобрали его, хотя, как он говорил, какой-то комиссар и сказал ему при этом, что он, Сидоров, этот образ привез “Николаю”¹³³.

При каких обстоятельствах был арестован Сидоров, как именно это произошло, я положительно не могу Вам рассказать: не помню этого.

Дорогой на обратном пути в поезде у Сидорова и телеграфиста Сергея был произведен обыск (тогда вообще там производили обыски), и Сергей был арестован, так как у него нашли какие-то его заметки про большевиков. Судьбы его я не знаю.

Я получала письма от Царской Семьи, когда Она проживала в Тобольске. Всего наша семья получила от Нее 75 писем. В этих письмах не имеется “жалоб” на жизнь в Тобольске. Тон писем (писала вся Семья, кроме Государя, присылавшего лишь телеграммы) в общем был спокойный, ровный. При этом, однако, что в письмах указывалось, что Их Императорскому Высочеству, что

ровными. припоминаю, впрочем, что в письмах указывалось, что их не пускают в церковь, что Государя принудили снять погоны.

В сентябре 1918 года я познакомилась с Сергеем Марковым, корнетом Крымского полка. Знакомство наше произошло при следующих обстоятельствах. У нас проживала Маргарита Хитрово, которая была знакома с Юлией Александровной Ден, знавшей этого Маркова. Он и пришел к нам, имея в виду Хитрово. Он ничего нам не говорил про судьбу Царской Семьи, но давал понять, что Семья его любила. Я не помню, говорил ли он нам что-либо про Тобольск, про Тюмень, но про Екатеринбург, как мне помнится, он что-то говорил. Я положительно помню и категорически утверждаю, что Марков говорил нам, что он читал наши письма к Царской Семье, как и вообще все письма, которые Ей присылались. Нас это удивило, и кто-то из нас поинтересовался узнать, как же он мог читать их. Марков ответил, что он “служил в цензуре” и таким образом читал письма. Где именно он служил в цензуре, очевидно у большевиков, т. е. в каком городе, я не помню.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Зинаида Сергеевна Толстая

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол о встрече следователя по особо важным делам Н. А. Соколова с доктором Рицлером, 14 июня 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 307. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года июня 14 дня в г. Берлине (в Германии) судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, прибыв совместно с полковником Эрихом Георгиевичем Фрейбергом к доктору Рицлеру, входившему в состав германского посольства в России в 1918 году, просил его сообщить имеющиеся у него сведения по делу об убийстве Государя Императора и Его Семьи.

Доктор Рицлер объяснил, что он прибыл в Москву в конце апреля 1918 года и не может сообщить никаких сведений по вопросу о перевозе Царской Семьи из г. Тобольска в г. Екатеринбург.

После этого он предъявил судебному следователю ряд документов на немецком языке, из содержания которых видно: 1) что между Кюльманом и Рицлером, с одной стороны, Чичериным и Иоффе и иногда Радеком, с другой, велись переговоры, причем германское правительство настаивало на ограждении жизни Царской Семьи; 2) что эти переговоры велись в июне и июле месяцах 1918 года; 3) что они имели место и после 17 июля 1918 года; 4) что большевики после 19 июля признавали перед немецкими представителями факт убийства Государя Императора, объясняя его убийство опасением, что Он будет спасен чехами; 5) что они скрывали перед немецким представительством факт убийства ими остальных Августейших Особ.

Доктор Рицлер выразил согласие выдать судебному следователю копии со всех предъявленных им документов в особо секретном порядке и просил судебного следователя вместо этого выдать ему копию документа, коим бы доказывался факт убийства Августейшей Семьи. Ввиду большого значения документов, предъявленных доктором Рицлером, судебный следователь изъявил согласие выдать доктору Рицлеру фотографический отпечаток шифрованной телеграммы Белобородова от 17 июля с ключом к ней¹²⁹, обусловив содержание таковой пенять в тайне

Доктор Рицлер объяснил, что он о состоявшемся соглашении доложит германскому правительству и, буде последует его согласие, передаст документы полковнику Фрейбергу для судебного следователя.

Судебный следователь выразил согласие передать отпечаток телеграммы тому же Фрейбергу.

Эрик Георгиевич Фрейберг

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол о встрече следователя по особо важным делам Н. А. Соколова с г. Бартельсом, 10 июня 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 306—307. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года июня 10 дня в г. Берлине (в Германии) судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, прибыв в Комиссариат по охранению государственного порядка и спокойствия в Германии, просил состоящего в сем Комиссариате г. Бартельса принять его по делу службы.

Г. Бартельс принял судебного следователя и в беседе с ним, каковая велась в присутствии полковника Эрика Георгиевича Фрейберга (представителя атамана Семенова в Германии), сообщил следующее:

Он, Бартельс, со времени возникновения большевистской власти в России, находился сначала в Петрограде, а потом в Москве в качестве германского консула. Ему положительно известно, что за несколько времени до убийства графа Мирбаха между королем Испании и императором Вильгельмом происходили через специальных курьеров совершенно секретные переговоры, имевшие в виду спасение русского Царя и Его Семьи¹²⁸. В результате этих переговоров через графа Мирбаха последовало требование к Ленину об освобождении Государя Императора и Его Семьи. Ему, Бартельсу, положительно известно, что Лениным было собрано специальное заседание “комиссаров”, в котором большинство комиссаров примкнуло к точке зрения Ленина о возможности освобождения Государя Императора и Его Семьи. Такому решению большинства противилась другая партия во главе с Свердловым, причем г. Бартельс, называя ее, употребил выражение: “еврейская партия”. Ему, Бартельсу, известно, что после того, как состоялось решение комиссаров, враждебная этому решению партия тайно отправила своих людей в Екатеринбург, и там произошло убийство Царя и Его Семьи.

На вопрос судебного следователя, в чем выразилась во вне попытка вышеназванных Августейших Особ спасти Государя Императора и Его Семью и когда таковая имела место, г. Бартельс объяснил, что он не может сообщить этих сведений, так как не помнит фактических обстоятельств, и указал, что более подробные сведения по делу может сообщить доктор Рицлер, входивший в состав германского посольства при графе Мирбахе. На вопрос судебного следователя, известна ли ему, г. Бартельсу, личность г. Соловьева, зятя Распутина, г. Бартельс дал уклончивый ответ.

От дачи формального показания по делу и подписи своих показаний Бартельс отказался.

Эрик Георгиевич Фрейберг

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса П. Н. Попова-Шабельского, 4 июня 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.:

преварительное следствие 1919—1922 гг. [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 304—306. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года июня 4 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в г. Рейхенгалле (в Баварии) допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля в порядке 443 ст. уст. угол. суд., и он показал:

Петр Николаевич Попов-Шабельский, 28 лет, дворянин Харьковской губернии, православный, в настоящее время проживаю в г. Мюнхене (в Баварии).

В 1914 году, оставив Харьковский университет, я пошел добровольцем в армию и был тогда же произведен в прапорщики, а в 1916 году в корнеты (со старшинством с 1916 года). Во все время войны до марта 1917 года я был на фронте. В марте же 1917 года я оставил армию и ушел в тыл. Все время я работал в тайных монархических организациях и в начале большевизма был арестован и судился вместе с Пуришкевичем и другими. Я был приговорен к общественным работам и освобожден от наказания по амнистии 1 мая 1918 года.

В конце июня 1918 года в составе группы офицеров под начальством генерала Дмитрия Ивановича Аничкова я отправился в г. Екатеринбург для спасения Государя Императора и Его Семьи. Ехали мы пачками, и в Екатеринбург прибыл я один, а остальная группа почти вся была арестована в Перми. Прибыл я в Екатеринбург, как мне помнится, 16 июля (по новому стилю). По документам я значился комиссаром флотилии Шабельским. Остановился я в Екатеринбурге в гостинице “Пале-Рояль”.

Я видел дом, где содержалась Царская Семья. Он был закрыт забором. Снаружи стояла стража. Я был у священников Сторожева и Меледина. Ничего особого они мне не сказали. Числа 17 июля я познакомился с матросом 2-го флотского экипажа Сидоровым, проживавшим в той же гостинице “Пале-Рояль”. Он зачем-то был командирован в Екатеринбург из Кронштадта. Если не ошибаюсь, 18 июля было объявлено особыми объявлениями об убийстве Государя и увозе Семьи¹²⁷. Я сам читал такое объявление. Потом Екатеринбург был взят белыми. Через некоторое время была образована комиссия, под председательством Сергеева, в которую входили, кроме других лиц, капитан артиллерии Александр Евгеньевич Сотников, Белозерский или Белоцерковский. К тому времени я познакомился с офицером Соболевым и сошелся с ним. Вместе с Соболевым мы держали связь с Сотниковым и знали, таким образом, что устанавливалось комиссией Сергеева. Вот что было установлено ею.

По дороге на Верхотурье в нескольких верстах от Екатеринбурга есть деревня Коптяки, а рядом с ней имеется рудник Ганина яма, в непосредственной почти близости с деревней. 16 июля (по новому стилю) в 11 часов ночи коптяковские мужики слышали у Ганиной ямы стрельбу. Пули даже залетали в деревню. Потом в деревню въехал отряд мадьяр, и один из них на ломаном русском языке объявил крестьянам, чтобы никто не смел выходить на улицу, иначе будет убит. Потом пошло большое движение автомобилей около Ганиной ямы, и в 4 часа утра 17 июля все стихло. Мужики тотчас же кинулись к Ганиной яме и там нашли пробитый лед в шахте, маленький костер, вероятно, для согревания рук, несколько вещей, среди которых был кулон Императрицы. Потом стали откачивать воду из шахты, привлекли учащуюся молодежь, офицерство и нашли разные вещи, из которых помню: бумажник Государя с отверстием для портрета, уланский значок, крест Государя, серьгу без камней, разные мелкие камни, 6 штук корсетных костей и икону Божией Матери Великодержавной, исколотую штыками, которую Великая Княгиня Елизавета Федоровна через графиню Толстую прислала Государю. Один раз был на работах и я, но память мне не сохранила, что я там видел. Ввиду наступления красных работы одно время прерывались, но потом они были окончены. Были еще найдены: подтяжки Государя и подтяжки какого-то солдата, а еще палец Боткина.

Тут мне удалось узнать, не помню, от кого именно и каким способом, что из Екатеринбурга в Москву была большевиками отправлена телеграмма: “Семью похитили. Что делать?” Ответ был такой: “Скрыть. Инсценировать убийство”. Затем мне удалось узнать, что в доме Ипатьева были найдены волосы Великих Княжен: очевидно, Они были в последнюю минуту острижены.

В Екатеринбурге было почти всеобщее убеждение, что Царскую Семью увезли и для отвода глаз кого-то расстреляли в доме Ипатьева. Увезли Ее несомненно по дороге мимо Коптяков. К этому убеждению пришел и я.

Тогда я решил ехать в совдепию и искать Царскую Семью. Меня отговаривали. Помню, Риза-Кули-Мирза мне говорил без всяких пояснений: “Вы Их там не найдете”. Что он хотел этим сказать, я не знаю.

Я все-таки поехал. В Самаре, которая была в руках чехов, мне чешская контрразведка (не помню, кто именно) говорила: “Царская Семья разделилась, и Они все спаслись, уехав в разные стороны”.

Я проехал в Петроград, был в Москве и отправился в конце концов в Киев, откуда вместе с другими офицерами уехал в Германию и попал в Берлин в феврале 1919 года. В Германии мне удалось узнать следующее.

Артиллерийский офицер Игорь Константинович Оранжереев мне говорил, что Государь проехал через Ярославль. Чтобы помешать Ему спастись, Савинков и поднял тогда восстание в Ярославле.

Один эсер обратился однажды к Троцкому с ходатайством об освобождении каких-то арестованных. Троцкий ему ответил: “Отстаньте! Какие там арестованные? Царя украл”.

Ротмистр Григорий Григоров мне говорил, что Юлия Александровна Ден получила от Великой Княжны Ольги Александровны письмо с датой от 5 ноября 1918 года, в котором Она писала Ден, что все живы.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Кажется, что 19 июля Сидоров мне сказал, что он видел на вокзале Екатеринбург II поезд, усиленно охранявшийся красноармейцами. Сидоров спросил красноармейцев, что это за поезд, и ему было сказано, что в поезде увозят Государя. Я тотчас же отправился на вокзал, но никакого поезда не видел. На мои расспросы мне никто из железнодорожников никакого ответа не дал. Добавляю, что около Ганиной ямы был найден не один костер, а несколько.

Прочитано.

Петр Николаевич Попов-Шабельский

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса В. П. Соколова, 3 июня 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 300—303. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года июня 3 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в г. Рейхенгалле (в Баварии) допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля в порядке 443 ст. уст. угол. суд., и он показал:

Виктор Павлович Соколов, 41 года, горный инженер, православный, в настоящее время проживаю в г. Берлине и временно в г. Рейхенгалле.

Я входил в организацию “Союза Русского Народа” и был в правлении товарищем председателя, каковым состоял известный Марков II-ой (Николай Евгеньевич).

Положение Царской Семьи, заключенной в Царском, озабочивало нас, но мы не могли ничего предпринять в первые месяцы после отречения Государя, в силу общих событий: более, чем кто-либо, гонениям подвергались именно мы, правые монархисты.

К осени 1917 года нам все же удалось кое-что сделать в смысле собирания наших сил. Было решено озаботиться о судьбе Царской Семьи и попытаться выяснить Ее положение, установить известное общение с Ней, дабы, в случае опасности, прийти на помощь к Ней. С нашими кругами имела общение Юлия Александровна Ден, близкое лицо к Государыне Императрице. Когда нами было решено послать определенное лицо в Тобольск, Ден указала двоих офицеров: Седова и Маркова. Седов производил лучшее впечатление в сравнении с Марковым, как человек более серьезный, вдумчивый, основательный; при том же он был и более известен Их Величествам. Организация предпочла послать его, и он уехал, кажется, в сентябре 1917 года. Сначала Седов отправился в свой полк (Крымский), находившийся где-то на Юге, попал там в борьбу с большевиками и потерял в общем месяца два времени. Он должен был сначала отправиться не в Тобольск, а выяснить уцелевшие силы нашей организации в Сибири и объехать для этого некоторые города. Эту задачу он выполнил, и мы получили от известных лиц сведения, что Седов у них был. Если не ошибаюсь, он известил также нас о своем прибытии в Тюмень. Дальше мы сведений о нем никаких не получали и совершенно не знали, где он и что делает.

Это обстоятельство смущало нас, и мы стали обдумывать вопрос о посылке других офицеров в Тобольск. Как раз в это же время, вероятно, от Ден, мы осведомились, что Царская Семья нуждается в средствах и в некоторых предметах жизненного обихода. Тогда состоялась посылка Маркова, о котором я говорил раньше. Я не могу Вам хорошо сказать, на чьи деньги ездил Марков тогда в Тобольск. Николай Евгеньевич Марков, вероятно, знает это лучше меня. Но мне припоминается, что мы тогда делали сбор денег для Царской Семьи, хотя точно установить этого не могу. Уехал Марков приблизительно в январе 1918 года. Ему было поручено отыскать Седова, поставить ему на вид его молчание, но в дальнейшем поступить под его начало и слушаться его.

В то же время мы дали знать в Москву нашим единомышленникам о затруднительном положении Царской Семьи, и оттуда состоялась посылка в Тобольск Штейна.

Я затрудняюсь сказать, когда именно: до посылки Маркова или после его посылки, но только нам дано было знать из кружка Анны Александровны Вырубовой, что мы напрасно посылаем в Тобольск людей, что это не желательно для налаженного уже силами кружка Вырубовой дела спасения Царской Семьи. Кажется, в это же время и было названо нам имя Соловьева как организатора на месте этого дела.

Приблизительно в конце марта или в начале апреля вернулся из поездки Марков. Он начал нам рассказывать что-то “несусветное”. Он говорил, что на месте в Тобольске и вокруг его собраны громадные силы, говорил про целые кавалерийские полки, совершенно готовые для спасения в любую минуту Царской Семьи, занимающие известные пункты, и во главе всего этого дела стоит Соловьев. В то же время выяснилось из рассказа Маркова, что он сам в Тобольске не был и не только не установил связи с Седовым, но, кажется, даже и не видел его. Вместо того, чтобы найти Седова и поступить под его начало, он был в полном подчинении Соловьева, который давал ему вышеуказанные сведения и руководил его действиями. Я, признаться, отнесся с недоверием к рассказам Маркова: как-то не походило на правду все то, что он нам говорил.

Приблизительно в конце апреля приехал Седов. Из его доклада выяснилось, что он ничего абсолютно не выполнил из тех поручений, которые были возложены на него в отношении Царской Семьи; что, прибыв в Тюмень, он каким-то образом сошелся с Соловьевым и всецело руководился его указаниями, а Соловьев отговаривал его ехать в Тобольск и вообще предпринимать что-либо, уверяя, что все им налажено, что он в сношениях с Царской Семьей, что пребывание в Тобольске Седова может только повредить делу. Я не помню, говорил ли Седов об угрозах ему от Соловьева, если он не подчинится его требованиям, но выходило-то так, что Седов слушался не нас, а Соловьева. Седову было указано нами, что он не сделал того, что на него было возложено, и он чувствовал себя сконфуженным. Летом нами была отправлена группа офицеров, приблизительно человек в 20, но она ничего не могла сделать. Эта посылка имела место уже тогда, когда Семья была в Екатеринбурге. В числе этой группы поехал и Седов. Она имела во главе генерала Аничкова. Сделать ей ничего не удалось. Кажется, в составе этой группы был и офицер Попов-Шабельский.

Мне известно, что отдельно от нас делал попытки войти в связь с Тобольском Туган-Барановский, собиравший деньги и имевший намерение посылать в Тобольск своих людей. Он имел связь с Вырубовой. Кто ездил от него, я не знаю.

Посылая Седова и Маркова в Тобольск, мы никакими услугами немцев не пользовались, делая все это своими исключительно силами.

Об отношениях к немцам нашей организации и других групп (мы работали, конечно, строго конспиративно, по системе пятерок) я могу сказать следующее.

Когда свершился большевистский переворот, пал фронт и шло уничтожение организованной возможности продолжения борьбы с немцами со стороны России, нам, имевшим свою разведку, было до крайности очевидно, что большевистская власть первые месяцы после переворота 25 октября была в строгом повиновении у немцев. Наша организация имела документальные доказательства, что, например, суд над Дыбенко состоялся всецело по приказанию немцев: они обратились с прямым требованием к советской власти об этом, когда Дыбенко вздумал “по-серьезному воевать” с ними. Впоследствии по их же настояниям был расстрелян адмирал Щасный за то, что он не выдал, во исполнение Брестского договора, флот им и взорвал некоторые суда. Говоря о “документальных доказательствах”, я имею в виду фотографические снимки с их требований, которые мы получали через своих людей, служивших от нас в большевистских учреждениях. После 25 октября нам было очевидно, что Россия, брошенная союзниками, не могла не считаться с основным фактом: победы над нами Германии. Мы полагали, что императорская Германия, вынужденная в целях борьбы прибегнуть к большевизму как к средству борьбы, не может, ради своих же собственных интересов, терпеть в соседней с ней России опасный для нее самой “порядок”. Поэтому мы думали, что Германия, выведя Россию из ряда бойцов, уничтожит сама же большевиков у нас и поможет нам восстановить порядок. Когда в декабре 1917 года в Петербург прибыли две комиссии во главе с Кейзерлингом и Мирбахом, с ними вели переговоры наши представители. От нас говорили с ними Александр Сергеевич Путилов (начальник или помощник начальника Государственной канцелярии), бывший военный министр Беляев и еще кто-то третий. При одной такой беседе присутствовал и я. Мы находили, что немцы, в общих интересах с нами, не должны были заключать мира с большевиками; что они должны помочь нам своими вооруженными силами уничтожить большевиков и восстановить Императорскую власть в России, разумея при этом и полную безопасность Царской Семьи. Я лично указывал тогда же им, что мир их с большевиками укрепит последних в России и повлечет за собой революцию в самой Германии. Ничего определенного они нам тогда не сказали. На мое же указание последовал “горделивый ответ” о невозможности революции в Германии¹²⁶.

Позднее, когда Брестский мир был заключен и Мирбах уже проживал в Москве в качестве представителя Германии, наша группа в лице Нейдгарта и других говорила с ними по вопросу о спасении Царской Семьи. Ответы их, как я знаю, были также уклончивы: “хорошо, да, конечно, мы сами не можем, мы доложим своему правительству” и т. п.

Я хорошо помню, что во время наших переговоров с немцами ходили среди нас слухи, что император Вильгельм посылал к Государю Императору какое-то лицо, предлагая Его Величеству заключение мира и союза, но Государь якобы отверг это предложение. Откуда шли эти слухи и кто, в частности, мне говорил об этом, я не помню.

Когда мы ничего не достигли в переговорах с немцами в Петрограде и в Москве, мне летом 1918 года поручено было нашей организацией поехать в Киев и войти там в связь с немцами. До нас в это время дошли слухи, что в Киев приехал некто Альвенслебен, лицо, посланное, якобы, императором Вильгельмом, причем на него возложено и спасение Царской Семьи. Я прибыл в Киев в половине июня, имел сношения с немцами и пришел к убеждению, что дошедшие до нас сведения не имели реальных оснований.

Я положительно не могу припомнить, кто именно из кружка Вырубовой передавал нам о нежелании посылок нами наших людей в Тобольск.

При возвращении Седова из первой поездки выяснилось, между прочим, что он страдает каким-то болезненным расстройством, чего ранее за ним мы не замечали. Он страдал по временам душевной апатией, подавленностью воли, забывчивостью, вообще каким-то, вероятно, нервным расстройством.

Больше показать я ничего не могу.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Виктор Павлович Соколов

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса Н. Е. Маркова, 2 июня 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 297—300. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года июня 2 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в г. Рейхенгалле (в Баварии) допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля в порядке 443 ст. уст. угол. суд., и он показал: Николай Евгеньевич Марков, 55 лет, дворянин Курской губернии, православный, в настоящее время проживаю в г. Берлине и временно нахожусь в г. Рейхенгалле.

На Ваши вопросы по настоящему делу могу показать следующее:

В период царскосельского заключения Августейшей Семьи я пытался вступить в общение с Государем Императором. Я хотел что-нибудь делать в целях благополучия Царской Семьи, и в записке, которую я послал при посредстве жены морского офицера Юлии Александровны Ден, очень преданной Государыне Императрице, и одного из дворцовых служителей (кажется, Чемодурова, но хорошо этого не помню) я извещал Государя о желании послужить Царской Семье, сделать все возможное для облегчения Ее участи, прося Государя дать мне знать через Ден, одобряет ли Он мои намерения, условно: посылкой иконы. Государь одобрил мое желание: Он прислал мне через Ден образ Николая Угодника.

В силу общих событий, переживавшихся Россией, обрушивавшихся особенно тягостно на монархические группы и, в частности, на организацию “Союза Русского Народа”¹²⁴, во главе которой я стоял, не было ни малейшей возможности вести монархическую работу. На

которой я стоял, не было ни малейшей возможности вести монархическую работу. Не представилось возможным и установление более или менее прочных связей с Государем Императором, пока Семья пребывала в Царском.

Проживая на конспиративных началах то в Финляндии, то в Петрограде, я собирал наши силы. К осени кое-что удалось сделать, и мы решили послать в Тобольск своего человека для установления связи с Царской Семьей, выяснения обстановки и, буде того потребуют обстоятельства, увоза Ее, если Ей будет угрожать что-либо. Наш выбор пал на офицера Крымского полка, шефом которого была Императрица, Седова. Это был человек искренно и глубоко преданный Их Величествам. Он был лично и хорошо известен Государыне Императрице. Его также знал и Государь. В выборе Седова, мы руководились началом — выбрать человека преданного, надежного и, в то же время, без “громкого имени”. Седов вполне

удовлетворял нашим желаниям. Кроме указанной задачи — установления связи с Царской Семьей, на Седова было возложено также поручение объехать Сибирь, выяснить там, в Сибири, положение членов нашей организации и установить связи с ними.

Седов уехал осенью 1917 года, приблизительно в сентябре. Я удостоверяю, что перед посылкой Седова я пытался ради общей цели установить соглашение с Анной Александровной Вырубовой, но она дала мне понять, что она желает действовать самостоятельно и независимо от нас. Я не помню, называл ли я ей фамилию Седова, но о намерении нашем послать в Тобольск своего человека она знала.

Седов успешно выполнил одну часть своей задачи — установление связи с членами нашей организации в Сибири: он побывал в разных городах Сибири, виделся с нужными людьми, и мы получили об этом письма. Затем мы получили от него письмо, в котором он извещал о своем прибытии в Тюмень. (Он сначала объездил Сибирь и уже после этого поехал в Тюмень.) Но этим все и ограничилось. Больше от Седова не было никаких известий. Спустя некоторое время был решен отъезд в Сибирь офицера Сергея Маркова. Этот Марков был близок с Ден и, вероятно, с Вырубовой. Он ехал в Сибирь на деньги Вырубовой и по ее желанию. А так как наша организация в денежных средствах была весьма стеснена, то я воспользовался отъездом Маркова, дав ему поручение отыскать Седова, войти с ним в сношения и побудить его известить нас о ходе его работы. Пока Седов еще не возвращался, мне из кружка Вырубовой было дано понять, что мы совершенно напрасно пытаемся установить связи с Царской Семьей посылкой наших людей; что там на месте работают люди Вырубовой; что мы напрасно путаемся в это дело и неуместным рвением только компрометируем благое дело. Я совершенно не помню теперь, кто именно из кружка Вырубовой передал мне это. Но факт этот я положительно и точно утверждаю. Кроме того, я положительно утверждаю, что при этом делалась ссылка на волю Ее Величества: что наша работа вызывает опасения Государыни. Если не ошибаюсь, нам было передано, кажется, что Ее Величество в письме к Вырубовой высказывала это. Вам полезно будет по этому поводу допросить товарища председателя нашего Союза Виктора Павловича Соколова, который, вероятно, знает, кто именно передавал нам об этом.

Весной 1918 года в Петроград приехал Марков. Он нам сказал, что в Тюмени (может быть, он говорил еще и про Тобольск) во главе вырубовской организации стоит зять Распутина Соловьев; что дело спасения, если понадобится, Царской Семьи налажено Соловьевым, что нахождение там Седова и вообще кого-либо другого нежелательно.

Никаких подозрений в то время мне не запало в голову. Отсутствие у нас денежных средств наводило меня тогда на мысль: “кружок Вырубовой, вероятно, обладает средствами, и быть может, действительно посылка наших людей может повредить общему делу спасения Царской Семьи”. Только сам Марков, которого я лично знал очень мало и относился к нему, исходя из оценки его, данной мне Ден, после возвращения его из Сибири представился в ином свете: его рассказы внушали мне мало доверия, представлялись мало убедительными, сам он лично производил впечатление молодого человека, излишне смелого и чрезмерно настойчивого и притязательного в денежных вопросах.

Позднее приехал Седов. Из его доклада я увидел, что он абсолютно ничего не сделал для установления связи с Царской Семьей; что он ни разу не побывал в Тобольске, когда там находился Государь Император, и выехал туда уже только тогда, когда Их Величества и Великая Княжна Мария Николаевна ехали из Тобольска. Из его слов было совершенно ясно, что каким-то образом его в Тюмени совершенно “подчинил” себе Соловьев, препятствовавший ему ехать в Тобольск и выпустивший его только тогда, когда Государь уже уезжал из Тобольска. Сам факт подчинения воли Седова воле Соловьева был очевиден: он доказывался поведением Седова; кроме того, он об этом говорил и сам. Какими способами достиг этого Соловьев, я не знаю. Я не помню, говорил ли тогда Седов об “угрозах” ему со стороны Соловьева выдать его большевикам, если он не будет его слушаться, и указывал ли он на подобные случаи, уже имевшие место ранее. Должен сказать, что никогда ранее я не замечал чего-либо ненормального в Седове. Он безусловно человек с большим чувством “жертвенности” в душе за Царя, способный на большие в этом направлении жертвы. Другую часть работы, возложенной на него, он выполнил успешно. Рассказ же его о его поведении в Тюмени в связи с его отношениями с Соловьевым производил какое-то странное впечатление.

После возвращения Седова я решил отправить в Екатеринбург группу надежных офицеров. Таковая была собрана и отправлена под началом генерала Аничкова¹²⁵. (С ней отправился и Седов. Был ли в ее составе Шабельский-Попов, не знаю.) Но она никаких результатов не достигла. Седова же я больше не видел и ничего о нем не слышал.

Я знаю, что московская монархическая группа посылала в Тобольск Штейна. Кроме того, особняком действовал сенатор Туган-Барановский, посылавший в Тобольск своих людей, из которых могу назвать полковника Евреинова.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Николай Евгеньевич Марков

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса Н.Д. Тальберга, 30 мая 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 296—297. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года мая 30 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Рейхенгалле (в Баварии) допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля в порядке 443 ст. уст. угол. суд., и он показал:

Николай Дмитриевич Тальберг, 34 лет, дворянин Киевской губернии, православный, проживаю в г. Берлине, а временно нахожусь в г. Рейхенгалле.

С 1914 года и до самой революции я состоял чиновником особых поручений 5 класса при министре внутренних дел. В 1918 году, после Пасхи, одной монархической организацией, в которую я входил, на меня были возложены некоторые поручения и, между прочим, — войти в сношения с немецким представительством в России об обеспечении безопасности Государя Императора и Его Семьи. Я хорошо помню, что Царская Семья в это время была уже перевезена из Тобольска в Екатеринбург. Никто в нашей организации не мог себе объяснить, какими причинами был вызван ее переезд, но мы знали, что во главе власти в Екатеринбурге был Белобородов, о котором у нас имелись сведения как о “звере”.

Нас беспокоила судьба Царской Семьи, и мы, кроме того, не могли развивать нашей работы, так как мы понимали, что это может грозить гибелью Семье, раз Она находится в руках большевиков. Я и должен был высказать все эти соображения кому следовало из представителей немецкой власти и добиться у них создания такой обстановки для Нее, чтобы Ей не грозило от большевиков никакой опасностью. Я отправился в Москву, где в то время находился граф Мирбах, и числа 5—6 мая по новому стилю я имел свидание с секретарем Мирбаха доктором Янсоном. Я высказал ему наши соображения и просил его доложить Мирбаху о нашей просьбе создать безопасность от большевиков для Царской Семьи. Янсон лично отнесся сочувственно к моей просьбе и просил меня указать ему способ, как создать эту безопасность. Я сказал, что в условиях существующей действительности немцы могли бы это сделать чрез имевшиеся у них организации их военнопленных. Янсон спросил меня, достаточно ли будет для этого 500 человек.

Я сказал ему, что я лично не могу ответить на этот вопрос, что его могут решить они сами. Он обещал мне доложить о нашей просьбе Мирбаху.

Тут же я уехал в Киев и вошел в сношения с немцами и там. Я обращался с нашей просьбой обезопасить от большевиков Царскую Семью к майору Гассе, заведывавшему политическим отделом оккупационных войск на Украине, и даже подал ему об этом докладную записку. Он ответил мне, что удовлетворение нашей просьбы зависит от Мирбаха.

Когда появилось в газетах сообщение большевиков об убийстве Государя, я не поверил этому. Я имел общение в Киеве также с немецкими офицерами главного командования, имевшими связь с Москвой по прямому проводу, обращался к ним за сведениями, но они мне отвечали, что у них никаких сведений нет. После панихиды по Государю я в соборе увидел князя Долгорукова, и он мне сказал, что Альвенслебен заранее предупреждал его о возможности появления важных сведений о судьбе Государя, к которым следует относиться с осторожностью. Это меня еще более укрепило в моем недоверии к большевистскому сообщению о смерти Государя. Больше показать я ничего не имею.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Николай Дмитриевич Тальберг

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса Д. Б. Нейдгарта, 29 мая 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 295—296. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VII).

ПРОТОКОЛ

1921 года, мая 29 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в г. Рейхенгалле (в Баварии) допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля в порядке 443 ст. уст. угол. судопр., и он показал:

Дмитрий Борисович Нейдгарт — сведения о личности см. л. д. 3, том 11-й.

В дополнение к моим прежним показаниям объясняю следующее:

В одно из свиданий с графом Мирбахом в Москве, когда я, в разговоре с ним, сказал ему, что я еду в Петроград, Мирбах передал мне письмо, прося доставить его графу Бенкендорфу. Если не ошибаюсь, это было письмо от сестры Мирбаха к сестре Бенкендорфа. Я обещал доставить его по назначению, и в то же время мне пришла мысль воспользоваться этим обстоятельством и

вести графа Бенкендорфа в круг наших намерений добиться спасения Августейшей Семьи. Полагая, что граф Бенкендорф, в силу соображений простой вежливости, поблагодарит в письменной форме Мирбаха за доставление письма, я и надумал переговорить с ним, чтобы он в этом письме указал, с своей стороны, Мирбаху на необходимость ограждения безопасности Августейшей Семьи. Прибыв в Петроград, я виделся там с Александром Федоровичем Треповым и ввел его в круг моих намерений. Трепов вполне согласился со мной. Мы оба были у Бенкендорфа, обсудили содержание письма и, когда оно было написано, Бенкендорф передал мне его, и я отправился в Москву. Там в то время большевики свирепствовали, и я, в целях осторожности, не заезжая домой, навел предварительно по телефону соответствующие справки. Узнав, что за время моего отсутствия, они арестовали моего сына, я, не заезжая домой, отправился в немецкое посольство и передал там для доставления Мирбаху письмо Бенкендорфа. Спустя несколько часов после этого я был арестован большевиками. Это было 7 или 8 мая по новому стилю.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Дмитрий Борисович Нейдгарт

Судебный следователь Н. Соколов

[Соколов Н. А.] [Постановление о дополнительном допросе Д. Б. Нейдгарта, 29 мая 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 294—295. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1921 года мая 29 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, рассмотрев предварительное следствие по настоящему делу и приняв во внимание:

- 1) что, ввиду данных предварительного следствия, коими выясняется поведение комиссара Яковлева при Августейшей Семье как в Тобольске, так и по отъезде оттуда, нельзя не признать доказанным, что Яковлев отнюдь не перевозил Семью из Тобольска в Екатеринбург, а пытался увезти Ее далее Екатеринбурга, выполняя возложенное на него поручение;
- 2) что ввиду явно выраженной борьбы Яковлева с большевистскими элементами в Тобольске и в Екатеринбурге, с одной стороны, и ввиду самого характера его обращения с Августейшей Семьей, с другой стороны, при том общем положении, которое существовало на территории России в апреле месяце 1918 года, нельзя не признать установленным, что Яковлев мог осуществлять только поручение, имевшее своим источником волю немецкой власти;
- 3) что, выясняя существо этого явления, в виду показаний свидетелей Александра Васильевича Кривошеина и Александра Федоровича Трепова, следственная власть не может не прийти к выводу, что попытка Яковлева, имевшая своей единственной целью увоз Августейшей Семьи из Тобольска, имела в конце концов в виду не благополучие Ее, как таковое, а обслуживание немецких интересов, (касавшихся в предвидении национального движения в Сибири, (нрзб.) к апрелю месяцу направлялись чехословацкие силы, нахождение на этой территории Царя и Его Сына, что особенно выпукло выясняется на следствии самим характером действий Яковлева и действий Хохрякова, проявлявших крайнюю торопливость в увозе Наследника Престола и опасавшихся, видимо (нрзб.) может повлечь за собой оставление Их в (нрзб.) обстановке;
- 4) что такому выводу противоречат показания свидетеля сенатора Дмитрия Борисовича Нейдгарта, который не давая точно времени своих обращений к немецкому послу графу

Мирбаху, он в то же время своими показаниями дает основания полагать, что увоз Августейшей Семьи из Тобольска, имевший в виду спасение жизни Ее, был обещан Мирбахом русским политическим деятелям и явился осуществлением этого обещания;

5) что эта часть показаний свидетеля сенатора Нейдгарта находится в явном противоречии с показаниями Кривошеина и Трепова и, отчасти, князя Ширинского-Шихматова, устанавливающего, что обращение сенатора Нейдгарта к графу Мирбаху и ответ последнего имели место поздней весной или ранним летом 1918 года, т. е. уже тогда, когда Августейшая Семья была в Екатеринбурге, на основании 396 ст. уст. угол. суд.,

ПОСТАНОВИЛ: сенатора Дмитрия Борисовича Нейдгарта в разъяснение обстоятельств обращения его к немецкой власти в Москве с просьбой о спасении Августейшей Семьи

подвергнуть дополнительному допросу.

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса А. А. Ширинского-Шихматова, 29 мая 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 293—294. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года мая 29 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, в г. Рейхенгалле (в Баварии) допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля в порядке 443 ст. уст. угол. судопр., и он показал:

Князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов, 58 лет, православный, в настоящее время проживаю в г. Берлине и временно — в г. Рейхенгалле.

В момент революции я состоял гофмейстером Высочайшего Двора, членом Государственного Совета и сенатором. В апреле месяце 1917 года я переехал из Петрограда в Москву, где и находился до сентября 1918 года.

Озабочиваясь вместе с некоторыми другими лицами положением Государя Императора и Его Семьи, пребывавших в то время в Тобольске, мы решили установить связь с Семьей. С этой целью в г. Тобольск ездил зять Дмитрия Борисовича Нейдгарта бывший вице-губернатор Штейн. Положение Августейшей Семьи, по имевшимся у нас сведениям, в денежном отношении было тяжелое. Нам удалось тогда собрать денежную сумму, приблизительно свыше 200 000 рублей, каковая и была доставлена Штейном, кажется, в два приема. Я хорошо не помню, когда именно имели место поездки Штейна в Тобольск. Могу лишь удостоверить, что это было в 1918 году и, как мне кажется, ранней весной.

Позднее, по мере ухудшения общего положения в стране, наша группа решила, в целях спасения жизни Государя Императора и Его Семьи, добиться воздействия германского посла графа Мирбаха. По этому вопросу к Мирбаху обращался Нейдгарт. Он передал нам, что Мирбах дал обещание оградить благополучие Августейшей Семьи решительными мерами. Мне представляется, что обращение Нейдгарта к Мирбаху и ответ последнего имели место поздней весной или летом. Более точно времени определить не могу.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Алексей Александрович Ширинский-Шихматов

[Протокол допроса П. А. Жильяра, 23 мая 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 292—293. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года мая 23 дня судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда, в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр., и он показал:

Петр Андреевич Жильяр — сведения о личности см. л. д. 88. т. 1

Представляю Вам фотографию с изображением Детей¹²⁰. На руках у Анастасии Николаевны изображена Ее собачка Джемми, которую Она, конечно, взяла с собой при отъезде из Тобольска. Вы видите на фотографии, что Джемми всегда держала язык снаружи рта.

Я хорошо помню, что за некоторое время до прибытия в Тобольск Яковлева там появился отряд под командой какого-то Заславского¹²¹, который и добивался заключения Царской Семьи в тюрьму. Я удостоверяю, что об этом мы знали тогда в Тобольске и беспокоились. Сам я этого Заславского ни разу не видел.

Я положительно удостоверяю, что при Яковлеве находился также какой-то Дидковский. Кто он такой, я не знаю. Мне помнится, что, кажется, он и был тем телеграфистом, который находился при Яковлеве¹²².

Я смотрел в окно вагона, когда увозили Детей в Екатеринбург. Я не могу припомнить, в каком порядке и кто увозил Детей. Я совершенно не представляю себе физиономий лиц, которые Их увозили. Фамилий этих лиц я также не помню¹²³.

Про Чемодурова я могу сказать следующее. После допроса его Сергеевым он приехал ко мне в Тюмень. Он мне рассказывал, что его допрашивал Сергеев. Чемодуров мне говорил, что он не сказал всей правды Сергееву. Он был недоволен не лично Сергеевым, а самим фактом допроса его. У него была вера, что Царская Семья жива, и он мне говорил, что, пока он не убедился в Ее смерти, он не скажет правды при допросе. Со мной он был откровенен. Он называл мне Авдеева как главное лицо в доме Ипатьева. Он говорил, что Авдеев относился к Семье отвратительно.

Я точно и хорошо помню следующие случаи, о которых он рассказывал. Чемодуров говорил, что вместе с Царской Семьей за одним столом обедали и прислуга, и большевистские комиссары, которые находились в доме. Однажды Авдеев, присутствуя за таким обедом, сидел в фуражке, без кителя, куря папиросу. Когда ели битки, он взял свою тарелку и, протиснув руку между Их Величествами, стал брать в свою тарелку битки. Положив их на тарелку, он согнул локоть и “ударил” локтем Государя в лицо. Я передаю Вам точно слова Чемодурова.

Когда Княжны шли в уборную, Их там встречал постовой красноармеец и заводил с Ними “шутливые” разговоры, спрашивая, куда Они идут, зачем и т. д. Затем, когда Они проходили в уборную, часовой, оставаясь наружи, прислонялся спиной к двери уборной и оставался так до тех пор, пока ею пользовались.

Вот эти случаи издевательства над Ними я хорошо помню из рассказов Чемодурова.

Почему он не сказал о них Сергееву? Это понятно. Чемодуров был человек, усвоивший известную психологию за время его службы при Семье. Считая Их живыми, он не считал удобным говорить про все это при допросах.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Петр Андреевич Жильяр

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса В. Б. Похвиснева, 7 мая 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 290—291. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года мая 7 дня судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда, в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд.

Владимир Борисович Похвиснев, 62 лет, православный, в настоящее время проживаю в г. Париже.

На Ваши вопросы могу показать следующее:

Я состоял начальником Главного управления почт и телеграфов с октября 1913 года до дней революции, оставив должность 1 или 2 марта 1917 года.

По установившемуся порядку все телеграммы, подававшиеся на имя Государя или Государыни, представлялись мне в копиях. Поэтому, все телеграммы, которые шли на имя Их Величеств от Распутина, мне в свое время были известны. Их было очень много. Припомнить последовательно содержание их, конечно, нет возможности. По совести могу сказать, что громадное влияние Распутина у Государя и Государыни содержанием телеграмм устанавливалось с полной очевидностью. Часто телеграммы касались вопросов “управления”, преимущественно назначения разных лиц. Я могу указать из телеграмм Распутина следующие.

В телеграммах Распутина Штюрмер назывался “стариком”. Я помню, в одной из них Распутин телеграфировал Государыне: “не тронь старика”, т. е. указывал, что не следует его увольнять.

Я помню, что была также телеграмма, отправленная Государыне и имевшая подпись “зеленый”. В ней говорилось, что если будет уволен кто-то из лиц, входивших в состав “акционерного общества”, то потребуют увольнения и всего правления, что грозит гибелью и главе общества. Я не знаю, от кого исходила эта телеграмма. Она прошла, как мне помнится, в конце 1916 года.

Я помню, что от Распутина исходила одна телеграмма, адресованная Государю или Государыне, относившаяся к Протопопову и указывавшая на связь последнего с Распутиным. Самого ее содержания я не помню.

Я помню одну телеграмму, которая также устанавливала связь с Распутиным генерала Рузского. В ней указывалось на необходимость назначения Рузского главнокомандующим Северным фронтом, и Рузский именовался любимцем солдат: “его солдаты любят, как дети отца”. Я помню, что Рузский и был тогда действительно назначен.

Припоминая телеграмму, адресованную Распутиным последнему тобольскому губернатору Танаевскому: “доспел тебя тобольским губернатором”.

В начале войны я был в отлучке и не знаю, обменивался ли тогда Государь с Распутиным

телеграммами по поводу войны.

Я не помню, чтобы были вообще телеграммы от Их Величеств к Распутину.

Телеграммы Распутина вообще носили характер иносказательный, туманный, оставляя впечатление сумбурного набора слов. Его телеграммы к Государыне носили такой же сумбурный характер, но они, кроме того, всегда заключали в себе элемент религиозный и своей туманностью, каким-то сумбурным хаосом всегда порождали при чтении их тягостное чувство чего-то психо-патологического. В то же время они были вообще затемнены условными выражениями, понятными только адресатам. Обращение его к Государыне было на “ты”.

Проходили телеграммы Распутина и к Вырубовой. Я не помню, чтобы они касались вопросов управления. Они также были затемнены условными выражениями. Государь в них назывался как-то условно, но как именно, я не помню.

Я хорошо помню, в первой половине января 1917 года ко мне являлся жандармский генерал Невражин и потребовал от меня именем министра внутренних дел Протопопова выдачи из наших архивов всех подлинных телеграмм Распутина. Я отказался выполнить это требование как незаконное.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Владимир Борисович Похвиснев

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса П. М. Кауфмана-Туркестанского, 16 апреля 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 287—290. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года, апреля 16 дня, судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда, в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр.

Петр Михайлович Кауфман-Туркестанский, 62 лет, православный, проживаю в настоящее время в г. Париже

На Ваши вопросы могу показать следующее:

В 1906—1907 годах я был министром народного просвещения. С 1906 года я был членом Государственного Совета. В декабре 1915 года я был назначен главноуполномоченным Красного Креста при Верховном главнокомандующем.

Я находился в личном подчинении исключительно одного Государя Императора как Верховного главнокомандующего, что неоднократно указывалось мне самим Государем. Кроме того, отношение Государя ко мне было исключительно милостивое и внимательное. Благодаря этим обстоятельствам и моему личному положению я имел возможность всегда говорить в глаза Государю, что я по совести считал нужным докладывать, не обусловливаясь никакими побочными соображениями.

В 1916 году, посещая многие места фронта, я воочию убедился, что в армии, как в солдатской, так и в офицерской среде, идет сильнейшая пропаганда, уже в значительной степени

деморализовавшая дух ее. Я сам лично убедился, что пропаганда была направлена, между прочим, на дискредитирование личности Царя и Царицы, и средством для этого служила главным образом личность Распутина. Все, что мне приходилось тогда наблюдать самому, создавало в душе чувство сильнейшей тревоги, и я решил сказать все это лично Государю. Я и сделал это. Я доложил Государю без всякой утайки, что я слышал и видел, и прямо высказал Ему, что уже создалась грязная сплетня про отношения Государыни Императрицы к Распутину, что дискредитирует самую идею власти; что необходимо немедленное удаление Распутина. Я высказал при этом мое глубокое

убеждение, что, если этого не будет сделано, Распутин будет убит. Государь выслушал меня. Он не высказал мне никакого своего мнения. Он сказал лишь несколько слов, из которых мне стало ясно, что Государю уже известны обстоятельства, только что мною Ему доложенные¹⁸.

6 декабря 1916 года я был уволен из Ставки, а с 1 января 1917 года — из числа присутствующих членов Государственного Совета. В отношении Протопопова я могу рассказать о следующем факте.

В конце ноября месяца 1916 года “Центром” Государственного Совета мне было поручено довести до сведения Протопопова, что “Центр” считает абсолютно недопустимым нахождение его на посту министра внутренних дел и предлагает ему, ради блага Родины, добровольно уйти в отставку. Я пригласил к себе Протопопова. Это было 2 декабря. Он пришел ко мне около 12 часов ночи и ушел от меня около половины третьего. Я передал ему то, что мне было поручено. Проявив много черт, свойственных болезни “истерии”, Протопопов уверял меня, что его никто не понимает, что он — это несокрушимая мощь и воля; что он преисполнен такими планами, которые принесут благо России. В конце концов, он дал мне слово, что завтра же (3 декабря) он отправится в Царское и подаст прошение об отставке. При этом он просил меня как-нибудь поспособствовать, чтобы ему была дана возможность остаться при Государе, потому что он так полюбил Государя и Государыню, что абсолютно не может жить без Них. В то же время он высказал желание, чтобы ему как-нибудь был устроен чин “генерал-майора”. В самом конце нашей беседы я сказал ему, что возможно, конечно, что отставка его не будет принята Государем; что это, вероятно, изменит и позицию Государственного Совета, если к тому же он окажется таким деятелем, каким он сам себя рисует, но только при одном непременном условии: если он, Протопопов, не ставленник Распутина. В самых энергичных выражениях Протопопов стал меня уверять, что он не имеет связей с Распутиным, что он встречал его раза два: один раз — в лечебнице Бадмаева, где Распутин своими личными свойствами произвел на него огромное впечатление, а где другой раз, — я уже не помню. На этом расстались, как я уже сказал, около половины третьего.

Около 10 часов утра (3 декабря) ко мне пришло одно лицо, назвать которое я не могу, не имея на то его согласия. Оно мне сказала, что у меня минувшей ночью был Протопопов и ушел от меня в третьем часу. Из дальнейшей беседы с этим лицом мне стало ясным, что он в курсе дел. Я должен удостоверить, что мой посетитель действительно был осведомлен в различных явлениях общественно-государственной жизни, что было для него нетрудно благодаря его служебному положению. Я не стал от него скрывать темы моей беседы с Протопоповым. Тогда это лицо сказала мне, что Протопопов прямо от меня отправился в квартиру Распутина на Гороховую, где его уже ждали и откуда была отправлена в Царское телеграмма, такого, приблизительно, содержания: “Не соглашайтесь на увольнение директора-распорядителя. После этой уступки потребуют

увольнения всего правления. Тогда погибнет акционерное общество и главный его акционер”. Подпись под текстом была: “зеленый”. Я еще раз повторяю, что мой собеседник по своему положению мог и должен был знать содержание отправленной телеграммы. Я не помню теперь, кому именно она была адресована, возможно, Государю или Государыне, возможно, и Вырубовой. Содержание этой телеграммы каким-то образом стало известно и некоторым другим, кроме меня, лицам, между прочим, покойному члену Государственного Совета

Владимиру Трепову, который автором телеграммы считал Белецкого, другие — Мануса. Впоследствии в августовском номере журнала “Исторический вестник” за 1917 год я читал рецензию статьи Бинштока, помещенной во французском журнале “Memoire de France”. Из содержания рецензии было видно, что Биншток, указывая на Распутина как на одного из главных виновников, вызвавшего со своей кликой негодование общества, утверждал, что Распутин был орудием тайной политической организации, находившейся в Стокгольме и вдохновлявшейся фон-Люциусом.

Я не делаю сам никаких выводов, излагая Вам лишь одни факты. В связи с изложенным могу указать еще такой факт. В августе месяце 1916 года я представлял в Ставке доклад Государю по вопросу о цинге. После доклада в беседе с Государем я указал Ему на критическое положение продовольственного вопроса в крупных городах, что уже вызывало ропот, недовольство и создавало чувство тревоги. Я старался убедить Государя, что положение, созданное этими явлениями, серьезное, но не безнадежное: хлебных запасов, находящихся в распоряжении интендантства и не нужных войскам, очень много и в крупных центрах, но не удовлетворителен аппарат, который мог бы их использовать. На вопрос Государя я доложил, что, по моему мнению, следовало бы вверить это дело интендантству, прекрасно справляющемуся с ним на фронте. Государь эту мысль одобрил и приказал мне переговорить по этому вопросу с полевым интендантом Егорьевым, что-бы он представил Государю доклад. Я выполнил Высочайшее повеление и в беседе с Егорьевым, имевшим в своем распоряжении точные цифровые данные, убедился в правильности моего взгляда и полной возможности быстро начать снабжение населения хлебом во всех городах Европейской России, что только и требовалось.

На следующий день Егорьев представил доклад, Государь одобрил его и приказал сейчас же ехать в Петроград, переговорить с военным министром Шуваевым и немедленно оформить это дело. Я исполнил и это. Шуваев на другой же день с готовым планом отправился в Ставку, куда отправился вслед за ним и я. Прибыв в Могилев, я встретил Шуваева, когда он уже шел от Государя. Увидев меня, он махнул рукой и сказал, что ничего не вышло. Меня все это крайне поразило. Я пытался расспросить Шуваева, но он спешил уходить и только кинул мне в ответ: “Сами узнаете”.

Во время обеда Государь ничем не дал мне понять, что Он интересуется возложенным Им на меня поручением. Тогда, по окончании обеда, я, как лицо, подчиненное лично Ему, сам попросил приема. Я сказал Государю, что Его повеление мною выполнено. Чувствуя некоторую неловкость, Государь стал мне говорить, что, в сущности, продовольствием населения должно ведать Министерство внутренних дел, имеющее готовый для этого аппарат в лице губернаторов, полиции и других органов; что именно этому министерству надлежит ведать это дело по силе закона (продовольственный устав). Мне стало ясно, что Государя за мое отсутствие успели ввести в заблуждение.

По закону вопрос обстоял вовсе не так, как, очевидно, было доложено Государю. Все, что было тогда у меня в разуме и совести, я тогда же доложил ему, начав свои слова фразой: “Ваше Величество, Вас опять обманывают”. В ответ на мои слова Государь ответил: “Ну, об этом мы еще поговорим”. Однако больше этот вопрос со мною никогда не обсуждался. Когда же я навел справки, кто имел у Государя доклад в мое отсутствие, я узнал, что был Протопопов.

Чем кончился этот вопрос и какие за собой повлек последствия, — достаточно известно¹¹⁹.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Петр Михайлович Кауфман-Туркестанский

Судебный следователь Н. Соколов

протокол допроса Н. С. Резанова, 15 апреля 1921 г., и Н. Н. Соколов. Прессовременное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 282—287. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года, апреля 15 дня, судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда, в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр.

Александр Семенович Резанов, 43 лет, полковник русской армии с 1914 года, православный, не судился, проживаю в г. Париже.

До 1912 года я был помощником военного прокурора Варшавского военно-окружного суда; с 1912 года — Петроградского военно-окружного суда.

В бытность мою в Варшавском округе я специализировался по делам о государственной измене и главным образом по вопросам “шпионства”. В 1910 году мною был представлен в Главное управление Генерального Штаба проект об изменении действующих законов о шпионстве, ставший законом 5 июля 1912 года, причем я же принимал участие в разработке моего проекта в комиссии из чинов Министерства юстиции и в комиссии Государственной Думы 3-го созыва.

Весной 1915 года образовался “северный” фронт. Я тогда же был назначен штаб-офицером при заведывающем военно-судной частью штаба главнокомандующего армиями этого фронта. Фактически я исполнял отдельные поручения по приказанию главнокомандующего фронта. Моя работа за этот период выразилась, главным образом, в производстве расследований о сношениях некоторых наших торговых и, в частности, банковых предприятий с неприятелем.

Зимой того же 1915 года, когда в моем распоряжении уже были громадные материалы по расследованиям и многое было выяснено, со мной вошел в сношения наш союзный французский штаб, работавший по шпионству. Ко мне тогда обращался лейтенант Бенуа, командированный штабом Жоффра для выяснения вопроса об отношении Рубинштейна — Распутина к немцам.

Наконец в мае 1916 года по личному приказанию генерала Алексеева я вошел в состав известной комиссии генерала Батюшина о расследовании виновности того же Рубинштейна в немецком шпионстве.

Как можно видеть из вышеприведенного, моя деятельность дает мне ныне возможность представить Вам, г. судебный следователь, совершенно обоснованные ответы на некоторые Ваши вопросы. Моей комиссией (в моем распоряжении состояло несколько чинов Министерства юстиции) было непреложно точно установлено, что некоторые наши страховые общества в течение большого периода времени работали явно в пользу неприятеля. Это достигалось ими путем так называемой “перестраховки” рисков за границу, что имело целью сообщение неприятелю военных тайн, касающихся деятельности промышленности, работавшей на оборону, состояния боевого флота и движения военных транспортов. В сношениях с неприятелем немцами и австрийцами) находилось очень много наших страховых обществ, поддерживавших с ним сношения чрез посредство перестраховочных контор и своих агентств. Между прочим, нами было установлено, что из числа больших страховых обществ общество “Россия”, захватившее в свои руки преимущественно страхование флота, сообщало неприятелю военные секреты флота. Между прочим, считаю себя обязанным сообщить Вам, что лично мною, в результате расследования, был представлен главнокомандующему Куропаткину доклад, в коем мною были изложены соображения о виновности всего состава правления названного общества. Тогда же мною было доложено генерал-квартирмейстеру штаба генералу Бредову, что в числе виновных в этом деле могут оказаться многие весьма лица, занимающие высокое положение и, в частности, Александр Иванович Гучков. Добытые материалы были направлены в надлежащем порядке, и

предварительное следствие по делу производилось судебным следователем по особо важным делам Гудваловичем. Положительно знаю от самого Гудваловича, что виновность Гучкова была установлена и признана им. Гучков подлежал привлечению к следствию в качестве обвиняемого в государственной измене. Но революция спасла его. На почве моей работы состоялось мое знакомство с Распутиным. Он сам искал его. Я не стал уклоняться от этого, так как, чувствуя много раз во время работы его руку, его заступничество за многих лиц, я должен был ради самого себя, ради самой пользы дела узнать его, чтобы убедить самого себя в многих фактах.

Лично про Распутина я могу сказать следующее. Ничего выдающегося не вижу в этом человеке. Хитрый и неумный “мужичонко”. Коротко скажу: он с первого же раза произвел на меня впечатление: “побитого конокрада”. Поражал своим невежеством. Воли он не имел и не мог иметь: по самой сущности своей натуры. Он, в этом я совершенно убежден, был орудием других, когда это кому-либо было нужно. С большим трудом выражал свои мысли и, благодаря этому, говорил отрывочно и загадочно. Я был свидетелем курьезного в этом отношении случая. Когда Распутин должен был однажды поддерживать одно ходатайство у Государыни, он потребовал, чтобы слово, которое он там должен был повторять, было ему написано на бумажке: иначе он не мог ни припомнить этого слова, ни выговорить его. Для меня было очевидно, что влияние его у Государыни и у Государя было огромно. Чем это объяснялось, я не знаю. Я должен сказать, что сам Распутин избегал говорить что-либо лично о Государе и Государыне и в этом отношении он был очень осторожен. Я никогда не могу допустить, чтобы Распутин мог сам лично сказать про Государыню что-либо такое, что набрасывало бы тень на Ее личность. Это делали другие, кто окружал его. В этом повинно само русское общество, порождавшее грязные сплетни. Для меня в результате моей работы и моего личного знакомства с Распутиным было тогда же ясно, что его квартира — это и есть то место, где немцы через свою агентуру получали нужные им сведения. Но я должен по совести сказать, что я не имею оснований считать его немецким агентом. Он был безусловный германофил. Мне лично пришлось от него слышать в середине 1916 года: “Кабы тогда меня эта стерва не пырнула, не было бы никакой войны: не допустил бы”¹¹⁷. Он откровенно говорил, что войну надо кончать: “Довольно уже проливать кровь-то. Теперь ужо немец не опасен: он ужо ослаб”. Его идея была — скорее мириться с ними. Он плохо говорил про “союзников”, ругал их и не признавал существования “славянского вопроса”. Ясно было, что его идея — принести в жертву ради сближения с Германией интересы славянства. Ни одной минуты не сомневаюсь, что говорил Распутин не свои мысли, т. е. он, по всей вероятности, сочувствовал им, но они ему были напеты, а он искренно повторял их. Я думаю, что платный немецкий агент не стал бы так открыто говорить мне такие вещи, а постарался бы скрывать свои мысли. Затем, я никогда не имел указаний, что Распутин был связан с немцами и их интересами в корыстных расчетах. Он, должен (сказать), не был корыстен. Таким образом, для меня, как юриста, было ясно, что то, что у нас именуется объективной виновностью, было в его поступках налицо, но я по совести не могу сказать, что существовала его и субъективная виновность. Дело это мало, конечно, меняло: результаты все равно были одни — им руководили другие лица в интересах врага.

Самым главным таким лицом, которое было совсем близко с Распутиным и всецело направляло его, куда хотело, был Иван Федорович (Манусевич) Мануйлов. Я его знал еще до войны: с 1912 года. Это был человек очень умный по природе, очень ловкий, прошедший прекрасную школу в политике и журналистике, с большой осведомленностью и громадными знакомствами. В душе это был беспринципный большой авантюрист международной марки. Вот он-то и был руководителем Распутина. Из всей совокупности моих наблюдений я совершенно убежден, что он был в сношениях с немцами. Я положительно знаю, что сношения его с немцами велись в лице их консула в Петрограде Бартельса, с которым он был в самом тесном контакте. По происхождению он был еврей, его отец крестился. В прошлом он был личным секретарем Витте. В 1916 году он был секретарем Штюрмера. Вот отсюда-то, через Манусевича (Мануйлова) и шли ответственные назначения, выгодные врагу, но не русскому народу. Я был свидетелем однажды разговора Манусевича с Распутиным о назначении министра юстиции. Манусевич, как известно, был отдан под суд за взяточничество. Будучи недоволен министром юстиции Макаровым, Манусевич при мне говорил Распутину: “Тони ты его в шею”! (Распутин сказал ему в ответ:

“Укожи кандидата! Папа спросит: кого хошь, сразу надо указать”. Манусевич назвал Добровольского, который и был назначен). Я положительно знаю, что таким же путем получил назначение и Протопопов. О его предстоящем назначении я узнал от Манусевича за несколько дней до Высочайшего Указа. Я положительно удостоверяю, что назначению Протопопова предшествовали весьма секретные свидания Протопопова с Распутиным в присутствии Манусевича.

Кем Манусевич был для Распутина, тем же он был и для Вырубовой. С ней он был в близких отношениях и был о ней самого невысокого мнения: “дура”, “дубина”, — вот были его о ней отзывы.

Немецкая агентура, бывшая в связи с Распутиным, представлялась многими лицами. Одним из главных таких лиц был известный банкир Дмитрий Рубинштейн, еврей. Он был в личных и весьма интимных отношениях с Распутиным. Против него было возбуждено в 1915 году уголовное преследование за государственную измену в пользу Германии, выражавшуюся в том, что он: 1) как директор страхового общества “Якорь”, сообщал немцам сведения о движении наших военных транспортов; 2) как директор банков: Русско-французского и Юнкер-Банка, тормозил и удорожал производство предметов боевого снабжения армии. Между прочим, нами при обыске у него были найдены шифрованные очень интересным ключом письма, ключ к которым был найден в переписке Русско-французского банка: этим ключом оказались зашифрованными те места переписок, где были скрыты военные термины, необходимые врагу. Предварительное следствие о нем производилось судебным следователем по особо важным делам Матвеевым под наблюдением товарища прокурора палаты Жижина. Через Вырубову и Распутина Манусевич добился у Государя аудиенции для жены Рубинштейна Стеллы. После этого дело, по Высочайшему повелению, было прекращено. Распутин обращался и лично ко мне по этому делу, когда оно еще не было направлено мною к судебной власти, и просил меня помочь Рубинштейну, называя его “другом Митей”.

Целую группу немецких агентов, работавших в большом масштабе в пользу Германии и Австрии, составляли евреи сахарозаводчики: Абрам Бабушкин, Израиль Добрый, Айзик Гепнер. Они все были изобличены в государственной измене, но дело о них уже при министре юстиции Добровольском было прекращено по Высочайшему повелению.

Я должен сообщить, что в середине или к концу 1915 года наше Главное управление Генерального Штаба получило об этих именно лицах точные сведения от правительства Соединенных Штатов, что они являются членами шпионской организации, в задачу которой входило создавать дезорганизацию транспорта, спекуляцию с предметами первой необходимости и т. п.

Должен отметить, что Абрам Бабушкин и Израиль Добрый во время оккупации немцами Украины призывались ими в качестве юрисконсультов по экономическим вопросам, а Добрый даже выдвигался ими на пост министра финансов при Скоропадском. С этими лицами были связаны денежными интересами банкир еврей Григорий Лесин и банкир и сахарозаводчик поляк Карл Ярошинский.

К этой же группе немецких агентов принадлежал и банкир крещеный еврей Манус, имевший громадные связи в придворной среде. У него, в частности, были близкие отношения с Протопоповым, Белецким и Саблиным, флигель-адъютантом.

Я совершенно точно употребляю в отношении всех этих названных мною лиц термин “агенты”. Я несколько обособляю связанного с ними промышленника Абрама Львовича Животовского. Был ли он немецким шпионом, я не убежден. Деятельность его была по существу германофильская, хотя я должен сказать, что была установлена его связь с изобличенным немецким шпионом Шпаном (директор Путиловского завода и многих других) высланным в

Сибирь и возвращенным потом при Керенском. Все эти лица были тесно связаны с Распутиным и лично и через Мануйлова. Кроме того, связующим звеном между ними и Распутиным и многими другими лицами, с которыми был связан Распутин, было еще другое лицо: секретарь Распутина еврей Арон Симанович. Это очень хитрый и ловкий человек. На Распутина он имел громадное влияние, и денежные дела обыкновенно проводились через него.

Освобождение упомянутых выше евреев сахарозаводчиков от ответственности и было устроено через Симановича за денежное вознаграждение, в результате чего было возбуждено официальное ходатайство Протопопова и Добровольского. Уже после революции Симанович обратился с письмом к Гепнеру, требуя от него уплаты 200 000 рублей за прекращение дела. Я имею это письмо и, кроме того, имею показание, данное по поводу этого обстоятельства Симановичем судебному следователю одесской контрразведки Добровольческой армии.

Я удостоверяю, что из указанных мною лиц Карл Ярошинский был в весьма близких отношениях с Мануйловым. Он в то время обслуживал немцев. Впоследствии при Временном правительстве он сделался агентом английского правительства. В недавнее время его эта роль была открыта публично в английском суде по поводу одного процесса. Когда он вернулся после этого в Берлин, его немедленно выслали.

Все указанные мною лица, конечно, в целом создавали понятие преступной шпионской организации. Поскольку она группировалась около Распутина, ее главой был Мануйлов. Им руководил Бартельс. Но все дело по работе немцев в России сосредоточивалось и возглавлялось немецким посланником в Швеции бароном фон-Люциусом. До войны он был советником германского посольства в Петрограде и сосредоточивал в своих руках все нити шпионского дела в России. Во время войны он, очевидно, в этих же целях был назначен посланником в Швецию, как страну, ближайшую к России.

Вот отсюда и шли германофильские взгляды Распутина и его желание сепаратного мира. Носила ли эта организация какое-либо специальное название, я не знаю.

Входил ли в ее состав Борис Николаевич Соловьев, не знаю. Я хочу еще отметить роль Протопопова. Как известно, благодаря ему возникла тогда газета "Воля России". Она и должна была проводить германофильские тенденции. Редактором ее был известный Амфитеатров, связанный уже тогда с Рубинштейном. Открыта же была эта работа на средства Международного банка, филиального отделения Дисконт-Гезельшафт, директором

287

когого был еврей Вабур. В результате своего расследования французский штаб сообщил генералу Алексею, что Распутин является лицом, на которое возложено создание известного настроения в придворном и высших сферах к заключению сепаратного мира. Показание мое записано правильно. Представляю Вам копии письма Симановича и его показания и мой доклад, на которые я ссылаюсь в моем показании.

Прочитано.

Александр Семенович Резанов

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса Б. А. Энгельгардта, 12 апреля 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 280—281. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года апреля 12 дня, судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда, в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр.

Борис Александрович Энгельгардт, 43 лет, православный, проживаю в настоящее время в Париже.

Я был членом Государственной Думы 4-го созыва.

Я совершенно точно могу удостоверить следующие обстоятельства, имевшие место в Государственной Думе в первые дни революции.

27 февраля днем Дума собралась на частное совещание и между 3 и 5 часами избрала Временный комитет членов Государственной Думы. К вечеру в тот же день явочным порядком возникла Военная комиссия Временного комитета Государственной Думы, в главе которой также явочным порядком встал профессор Военно-медицинской академии Юрьевич. В тот же день вечером председателем этой комиссии был назначен я. Я пробыл в этом звании день 28 февраля. 1 марта в Думе появился А. И. Гучков. Определенно стали называть его будущим военным министром. Полагая, что при наличии военного министерства существование такой комиссии по самому существу дела является ненужным, я увиделся с Гучковым и высказал ему мое желание, чтобы он сам принял на себя председательствование в ней и постепенно свел бы к нулю ее значение. Гучков согласился со мной, но просил меня временно оставаться председателем комиссии.

Но в тот же день поздним вечером я сложил с себя обязанности председателя. Председателем ее оставался Гучков, но фактически он совершенно не нес этих обязанностей. Я положительно утверждаю, что главная роль в этой комиссии принадлежала генералу Потапову и инженеру Пальчинскому, и утверждаю, что оба они были назначены в составе комиссии Гучковым, причем Потапов был председателем фактическим, значась товарищем председателя комиссии, а Пальчинский или членом или другим товарищем председателя.

Я могу кратко сказать про этих людей следующее. Потапов — офицер Генерального Штаба. Он был человек мало уравновешенный в моральном отношении. Пальчинский — умный, ловкий карьерист. Комиссия эта при ее стремлении расширить свою компетенцию была учреждением, тормозившим правильное функционирование военного министерства. Роль Потапова и Пальчинского в ней мне неизвестна. Она пыталась расширить свою деятельность не только за счет военного министерства, но, например, и за счет командующего войсками Петроградского военного округа. Корнилов, например, просил меня однажды съездить в эту комиссию и повлиять там на кого следовало в этом направлении.

С первых же дней ее возникновения эта комиссия помещалась в той части дворца, где была квартира Остен-Сакена.

Я не помню, был ли в числе адъютантов при этой комиссии офицер Соловьев и видел ли я когда человека, изображенного на предъявленной мне Вами карточке (предъявлена карточка Соловьева).

В составе комиссии был капитан Козловский, офицер военного времени, инженер по профессии, имевший квартиру на Екатерининском канале. Я помню, что у него были какие-то связи с Америкой, куда он и искал одно время назначения.

Показание мое, составленное в двух экземплярах, записано с моих слов правильно.

Я прошу дополнить показание в следующем отношении. Пальчинский еще до Гучкова был уже в

составе комиссии, неся там обязанности секретаря. И учковым он был лишь утвержден в его роли.

Прочитано.

Борис Александрович Энгельгардт

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса А. Ф. Трепова, 16 февраля 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 274—275. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года февраля 16 дня судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр.

Александр Федорович Трепов, 58 лет, православный, проживаю в г. Париже.

По вопросу о действиях московских монархических групп, имевших целью спасение жизни Государя Императора и Августейшей Семьи, я могу показать следующее.

В 1918 году, когда я проживал в Петрограде, ко мне обратился приехавший из Москвы сенатор Дмитрий Борисович Нейдгарт с просьбой обсудить именно указанный вопрос. Я помню, что я принимал тогда Нейдгарта не у себя в квартире, а в помещении “Общества содействия развитию железнодорожного дела в России”, на Литейном, 9. Нейдгарт сообщил мне, что московская группа монархистов, изыскивая способы охранить жизнь Его Величества, нашла нужным обратиться в данном случае к содействию немецкого в Москве представительства, что ею и было сделано. Однако она далеко не удовлетворена отношением как к ней, так и к возбужденному ею вопросу со стороны германского посла. Граф Мирбах, по словам Нейдгарта, сначала вовсе уклонялся от всяких сношений с группой. В конце концов он согласился принять Нейдгарта и, если не ошибаюсь, еще Роговича, но свидания эти были короткие, холодные, не дали ничего определенного и скорее, как говорил Нейдгарт, свидетельствовали об уклончивом отношении графа Мирбаха к указанному вопросу об охране благополучия Государя Императора и Августейшей Семьи.

Поэтому-то, изыскивая способы воздействия на немецкую власть в том или ином смысле, Нейдгарт и прибыл тогда в Петроград и пришел для обсуждения этого вопроса ко мне. Разделяя в душе соображения московских монархистов, я весьма обеспокоился создавшимся положением. Обсудив его совместно с Нейдгартом, я остановился на мысли, что Нейдгарт обратится к обер-гофмаршалу графу Бенкендорфу и предложит ему написать письмо к графу Мирбаху. При этом я категорически определенно высказался, что письмо это, на мой взгляд, во-первых, отнюдь не должно было иметь просительного тона и, во-вторых, оно отнюдь не должно было носить политического характера, ибо в противном случае вопрос о жизни Государя Императора, буде бы Его Величеству угодно было не разделить того или иного нашего политического взгляда, предложения и т. п., высказанных в этом письме, носил бы не абсолютный, а условный характер. Я находил нужным высказать в письме, что по условиям тогдашней русской действительности одни только немцы могли предпринять реальные действия, способные достигнуть желательной цели.

Поэтому, раз они могут спасти жизнь Государя и Его Семьи, то они и должны это сделать по чувству чести. Если они этого не исполнят, они явятся или могут оказаться в роли попустителей тягчайшего преступления, о чем мы в свое время объявим всему миру. Хотя для нас ясно, что они

и сами это отлично понимают, но чтобы не было никаких отговоров, и пишется настоящее письмо, дабы впоследствии они не могли сказать, что не были предупреждены нами о грозящей Царской Семье опасности. Кроме того, я находил нужным непременно поместить в письме, что настаивается на необходимости, чтобы содержание его было доложено императору Вильгельму, который, вследствие этого, и явится главным ответственным лицом в случае несчастья. Вот именно таким должно было быть письмо от графа Бенкендорфа к графу Мирбаху, как я находил, с чем был согласен и Нейдгарт.

Нейдгарт тогда же, как только мы обсудили с ним этот вопрос, отправился немедленно к графу Бенкендорфу, проживавшему в то время на Миллионной в запасном дворце Великого Князя Николая Михайловича. Оттуда, если не ошибаюсь, Нейдгарт мне протелефонировал, что граф Бенкендорф предварительно желает видеться со мной. На следующий день я был у Бенкендорфа в его квартире. Наше свидание имело место в присутствии также его жены и Нейдгарта. Я снова повторил те мысли, которые я уже высказал Нейдгарту и которые я находил нужными поместить в письме.

Граф Бенкендорф вполне со мной согласился и просил меня быть у него на следующий день, обещаясь изготавить к этому времени письмо. Я был на другой день у Бенкендорфа. Составленное им письмо содержало в точности высказанные мною пожелания; кроме них, в письме была лишь ссылка на личные отношения графа Бенкендорфа и графа Мирбаха.

Письмо графа Бенкендорфа было передано Нейдгарту, и он, как мне помнится, на следующий же день уехал в Москву. Приблизительно месяца через полтора после этого он снова приехал в Петроград. Я виделся с ним в этот раз мельком и услышал от него, что после письма Бенкендорфа отношение к ним со стороны немцев резко изменилось к лучшему. Приблизительно в это же время я встретился с Бенкендорфом. Он мне сказал, что он извещен о том, что по письму его все будет сделано, и мы поэтому можем быть совершенно спокойны.

У меня не достаточно сохранилось в памяти, когда именно имели место указанные мои беседы с Нейдгартом и графом Бенкендорфом. Я склонен думать, что они имели место в конце марта или начале апреля. Я исчисляю это время, принимая во внимание мой отъезд тогда 1 июня по новому стилю в Павловск, каковому отъезду указанные беседы с Бенкендорфом и Нейдгартом предшествовали месяца за полтора.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Александр Федорович Трепов

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса А. Н. Кривошеина, 6 февраля 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 271—273. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года февраля 6 дня судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр.

Александр Васильевич Кривошеин, 62 лет, православный, временно проживаю в г. Париже.

С 1908 года я занимал пост министра земледелия, в конце 1915 года оставил эту должность и отправился на театр военных действий в качестве главноуполномоченного Красного Креста

отправился на театр военных действий в качестве главноуполномоченного Красного Креста. После переворота 1917 года я в марте месяце удалился от государственных дел и в начале мая переехал на жительство в Москву, где оставался до августа 1918 года, когда, ввиду предъявленного мне ордера об аресте, вынужден был скрыться на юг России. Там я скитался свыше двух лет и, между прочим, принимал участие в составе правительств генерала Деникина и генерала Врангеля.

В Москве зимой 1917—1918 года до меня стали разными путями доходить тревожные слухи о тяжелых материальных условиях, в которых находилась Царская Семья, перевезенная из Царского Села в Тобольск. В конце зимы 1917 года в столицах начали возникать антибольшевистские группы, вылившиеся впоследствии в определенные политические организации. Я имел косвенное общение, между прочим, с группой членов Государственного Совета, вошедшей впоследствии в “Правый Центр”. Эта группа тогда же признала необходимым

послать в Тобольск верного человека и прийти на помощь Царской Семье. Решено было отправить туда бывшего вице-губернатора Ковенской губернии Штейна, зятя члена Государственного Совета Бориса Дмитриевича Нейдгарта, входившего, в числе других, в указанную мною группу членов Государственного Совета. Штейну было поручено возможно полнее ознакомиться с условиями жизни Царской Семьи, постараться выяснить Ее моральные и материальные нужды, ближайшие перспективы и установить способ общения с Ней на будущее время.

Штейн прекрасно выполнил данное ему поручение, побывал в Тобольске и вполне подтвердил дошедшие до нас сведения о тяжелом положении Царской Семьи. Тогда было собрано около 250 000 рублей, и Штейн был послан в Тобольск вторично для их передачи. Если память мне не изменяет, это было в конце февраля месяца 1918 года. Вернувшись, Штейн сообщил нам о результатах поездки. В Тобольске он видел князя Долгорукого, генерала Татищева и других лиц, находившихся при Царской Семье. Как мне помнится, привезенные им деньги он передал князю Догорукову и генералу Татищеву и получил от них расписку. Нужда в деньгах действительно была весьма велика: не было денег для уплаты жалованья служащим, для самых необходимых расходов, и были уже значительные долги разным поставщикам.

Кроме лиц, находившихся при Царской Семье, Штейн установил еще общение с духовником Ее о. Васильевым, к которому, как говорил Штейн, Семья питала доверие.

Кроме подтверждения слухов о стеснениях в денежном отношении и общем тяжелом душевном состоянии Семьи, Штейн не сообщил нам ничего особо тревожного. Он видел Государя, но издали, не имея непосредственного общения с Ним. По желанию Государя, Штейн прошел мимо дома в условленное время. Государь, находясь или во дворе или в доме у окна, ласково ему поклонился. Государь и Государыня прислали нам через Штейна Их глубокую сердечную благодарность за нашу заботу о Них и подарили нам шейные образки.

Посылая Штейна в Тобольск, мы не преследовали политических целей. Главная задача была обеспечить возможность быть в курсе того, что делается с Царской Семьей, облегчить в той или иной степени и форме условия Ее жизни и, в этих целях, установить способы постоянного общения с Ней на будущее время. Через лиц, находившихся при Семье и, в частности, через священника Васильева Штейн выработал особый условный язык для сношения с Ней нашего кружка.

Эти сношения вскоре выразились в получении двух телеграмм. Они обе были отправлены из Тобольска незадолго до отъезда оттуда Царской Семьи и были получены по условному адресу Штейном.

Совершенно точно, дословно я не могу передать этих телеграмм, но содержание первой из них было приблизительно таково: “Врачи потребовали безотлагательного отъезда на юг, на курорт. Такое требование нас чрезвычайно тревожит. Считаем поездку нежелательной. Просим дать

совет. Положение крайне трудное”. Эту телеграмму я читал сам. Смысл ее был тогда для нас совершенно не ясен, но несомненно тревожен. Наш ответ был примерно такого содержания: “Никаких данных, которые могли бы уяснить причины подобного требования, к сожалению, не имеется. Не зная положения больного и обстоятельств, высказаться определенно крайне трудно, но советуем поездку по возможности отдалить и уступить лишь в крайнем случае только категорическому предписанию врачей”.

После отправления этой телеграммы из Тобольска вскоре была получена тем же способом вторая, приблизительно такого содержания: “Необходимо подчиниться врачам”.

Обе эти телеграммы нас до крайности смутили и встревожили, но в чем именно состояла угроза, которой Государь вынуждался выехать из Тобольска, от кого именно она исходила и какая при этом преследовалась цель, нам в то время было, конечно, не ясно. Ввиду этого тотчас же было решено снова отправить в Тобольск какое-либо доверенное лицо, но не Штейна, ибо мы опасались, что появление его в Тобольске в третий раз может показаться подозрительным и вызвать опасные осложнения не только для него, но и для лиц, соприкасающихся с Царской Семьей, и даже для самой Семьи. Выбор остановился на бывшем Нижегородском вице-губернаторе Мандрыке и Борзенко. Оба они ездили, но результатов никаких не достигли, ибо Царская Семья выехала уже из Тобольска. Мучительно ища выхода и сознавая свое бессилие помочь Царской Семье, мы решили обратиться к той единственной тогда силе, которая могла облегчить положение Семьи и предотвратить опасность, буде она Ей угрожала, — в германское посольство. Мы не преследовали при этом никаких общеполитических целей и исходили из самых элементарных побуждений гуманности и нашей преданности Семье. От нашей группы обращались к графу Мирбаху два или три лица. Я помню сейчас только членов Государственного Совета Нейдгарта и Роговича. Затем, как я случайно знаю, с графом Мирбахом говорил не входивший в группу князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский. Граф Мирбах принимал их весьма сухо, и сказанное им в ответ на просьбу обратить внимание на необходимость принять меры для ограждения безопасности Царской Семьи сводилось приблизительно к следующему: “Все происходящее с Россией есть вполне естественное и неизбежное последствие победы Германии.

Повторяется обычная история — горе побежденным. Если бы победа была на стороне союзников, положение Германии, несомненно, стало бы гораздо худшим, чем положение России теперь. В частности, судьба русского Царя зависит только от русского народа. Если о чем надо подумать, это об ограждении и безопасности находящихся в России немецких принцесс”.

Независимо от изложенных мною попыток выяснить положение Царской Семьи весной 1918 года я лично помог офицеру Булыгину (офицер гвардейского стрелкового полка) организовать поездку с той же целью, если не ошибаюсь, в июне месяце, но как я узнал впоследствии, он приехал в Екатеринбург поздно и ко времени злодеяния был арестован и находился в Екатеринбургской тюрьме. Его последующие объяснения не дали ничего существенного.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Александр Васильевич Кривошеин

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса А. Н. Долгорукова, 5 февраля 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 268—271. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года февраля 5 дня судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр.

Князь Александр Николаевич Долгоруков, 48 лет, православный, временно проживаю в г. Париже, генерал-лейтенант

Я принимал участие в Европейской войне и командовал сначала 3 Донской дивизией, а потом 1 кавалерийским корпусом. В августе месяце 1917 года я был арестован в Ревеле матросами, просидел некоторое время в Петропавловской крепости, а затем, по освобождении, уехал в Киев, куда я прибыл 26 октября в день большевистского переворота.

21 апреля 1918 года на Украине возникло гетманство. Я проживал в Киеве как частное лицо, не участвуя во власти, но интересуясь ходом политических событий и стараясь держаться в курсе их.

19 ноября я был назначен главнокомандующим. 14 декабря Киев пал. Я остался в России, скрываясь некоторое время от большевиков, а затем выбыл в армию Юденича, где до конца принимал участие в борьбе с большевиками.

По настоящему делу об убийстве Государя Императора Николая Александровича я могу показать следующее.

Летом 1918 года в Киеве проживал член Государственного Совета киевский губернский предводитель Федор Николаевич Безак. Мы оба с ним входили в одну и ту же монархическую группу. Я хорошо помню, 5 или 6 июля по новому стилю Безак позвонил мне по телефону и сказал, что сейчас ему звонил граф Альвенслебен и сообщил ему, что сейчас он будет у Безака и передаст ему какое-то важное известие. Этот Альвенслебен — бывший дипломатический чиновник германского министерства иностранных дел. В эпоху гетманства он, будучи призван по мобилизации, состоял при главнокомандующем Эйхгорне, а затем — Кирбахе. Бабушка его была русская, как он сам говорил, кажется, графиня Киселева. Он был вхож в русские круги и считался монархистом и русофилом.

Я отправился к Безаку, куда вскоре приехал Альвенслебен. Разговор наш с ним происходил в присутствии четырех лиц, причем четвертым лицом была жена Безака Елена Николаевна. Альвенслебен сообщил нам, что император Вильгельм желает во что бы ни стало спасти Государя Императора Николая II и принимает к этому меры; что в целях спасения Государя Он куда-то перевозится, но что в настоящий момент немцы потеряли Его след. Альвенслебен предложил нам с Безаком прийти на помощь этому делу спасения Государя в следующей форме. Необходимо было, как он говорил, послать три пары офицеров для обнаружения места пребывания Государя, причем одна пара должна была отправиться в Москву, другая — в Котельнич, третья — в Екатеринбург. Офицеры должны были получить в немецкой комендатуре немецкие паспорта, а мы с Безаком должны были дать им 30 000 рублей. Альвенслебен указывал на Котельнич, как на наиболее вероятный пункт пребывания Государя, и говорил, что дальнейшее следование Его требует денег. Подчеркивая, что деньги на такое дело должны быть исключительно русские, он указал сумму, которая, по его мнению, была необходима: 2 000 000 рублей. Мне чувствовалось что-то странное, мало приятное логически в словах Альвенслебена: для чего нужно было посылать на розыски Государя русских офицеров во враждебную среду, когда немцы имели там свою громадную агентуру, свое официальное представительство в лице графа Мирбаха и свободно могли во всякую минуту иметь самые точные сведения о местопребывании Государя? Но Альвенслебен в разговоре с нами уверял нас, что нам следует вполне положиться на них, немцев, определенно давая нам понять, что император Вильгельм желает спасти Государя и что меры, которые он предлагает, необходимы именно в целях спасения Государя

Во время этого разговора Альвенслебен предупредил нас, что между 16 и 20 июля (по новому стилю) распространится слух или известие об убийстве Государя; что слух этот или известие не должен будет нас беспокоить: как и слух об убийстве Государя, имевший место в июне, он будет ложный, но что он необходим в каких-то целях именно Его спасения. Я хорошо помню, что при нашем разговоре с ним, имевшем место, как я уже говорил, 5 или 6 июля по новому стилю, граф Альвенслебен указывал как предел, когда должно будет распространиться известие об убийстве Государя, 16—20 июля. В то же время он просил нас держать разговор с ним в секрете, делая наружно вид, что мы верим известию о смерти Государя.

Не колеблясь, мы с Безаком решили пойти на помощь посылке офицеров и вдвоем дали на это дело 30 000 рублей. Из числа шести офицеров я знаю фамилии двоих, которые должны были следовать в Екатеринбург. Это были штаб-ротмистр кирасирского Его Величества полка Карангозов и офицер лейб-гвардии 4 стрелкового Императорской Фамилии полка, кажется, в чине капитана, Комаров, впоследствии убитый у Деникина.

Карангозов и Комаров тут же выехали в Екатеринбург. Остальные же две пары не выполнили возложенной на них задачи: одна пара не доехала до Москвы и вернулась, а другая, видимо, прокутила деньги в Киеве же и никуда не ездила.

Мы с Безаком стали совещаться, как собрать указанную Альвенслебеном сумму в 2 000 000 рублей.

Около 15 июля в Киеве начался монархический съезд. Во время работы съезда (он открылся или 11 или 15 июля), вероятно, 18 или 19 июля, — я прекрасно помню, что именно в пределах времени, указанного Альвенслебеном, т. е. между 16 и 20 июля, — я прочел в местных газетах известие, что Государь расстрелян в Екатеринбурге, а Семья куда-то вывезена. Как я помню, в этом сообщении инициатива убийства приписывалась местному уральскому совдепу. Признаться, я был поражен осведомленностью Альвенслебена и, конечно, совершенно не поверил газетному сообщению. Я тут же, прочтя газетное сообщение, отправился на съезд, где встретил и Безака. Было все же решено служить в соборе панихиду. Мне кажется, что многие, может быть, даже большинство не верило или плохо верило в достоверность печального известия. Многие обращались к нам с Безаком с вопросами. Положение наше было затруднительное. Мы не отрицали возможности спасения Государя.

Гетман Скоропадский не был на панихиде в соборе и служил панихиду у себя во дворце, где присутствовал также и Альвенслебен. Очень быстро распространился слух, что Альвенслебен “плакал” во время панихиды. Мы говорили с Безаком между собой: “Как он искусно ведет свою роль”.

В то же время, как я знаю, он встретил на улице князя Виктора Сергеевича Кочубея (Альвенслебен как раз шел с панихиды, а Кочубей прогуливался), и, подойдя к нему, выразил ему как генерал-адъютанту свое сожаление по поводу слуха о смерти Государя и высказал надежду, что в действительности Государь жив.

Предполагавшегося опровержения смерти Государя однако не было. Мне хотелось повидать Альвенслебена, но, как мне тогда казалось, он почему-то стал избегать нас с Безаком. Когда я определенно сделал попытку его видеть, оказалось, что он уехал в Берлин. Возвратился он в августе. Я встретил его на улице и спросил про Государя. Альвенслебен ответил мне, что, к сожалению, ничего не удалось сделать, и Государь, видимо, убит.

Карангозов и Комаров вернулись в Киев, кажется, в августе же. У меня в доме они делали доклад мне и Безаку. Они сначала приехали в Москву и здесь прочли известие об убийстве Государя. По дороге в Екатеринбург они где-то были задержаны в пути, не доехав до него. Но им удалось скрыться и попасть в эшелон, в котором следовали офицеры-слушатели Академии Генерального

Штаба, эвакуировавшейся в то время из Екатеринбурга. Эти офицеры сообщили им, что Государь “расстрелян в Екатеринбурге не был”¹¹⁶. Какого числа происходил у них этот разговор с офицерами-слушателями Академии, я не помню.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Александр Николаевич Долгоруков

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса Д. Б. Нейдгарта, 29 января 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос.

Архив, 1998. — С. 267—268. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года января 29 дня судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр.

Дмитрий Борисович Нейдгарт — сведения о личности см. л. д. 3, том 11.

В дополнение к моим показаниям, которые я Вам дал 27 января, я считаю необходимым показать следующее:

Я вспомнил, что во время двукратного пребывания фон Штейна в Тобольске он установил связь нашей группы с Татищевым и Долгоруким. Я точно не могу сказать, каким именно способом было обусловлено установление этой связи. Она была секретна и условна. Незадолго до отъезда Государя из Тобольска Штейном была получена или от Татищева или от Долгорукова условная телеграмма, в которой указывалось, что предлагают “ехать на курорт”. Кажется, в телеграмме еще было: “сомневаемся, выдержит ли здоровье отца”. Эта телеграмма обсуждалась в нашей группе, и, как мне помнится, ответ был послан предостерегающий. Помнится, были такие выражения: “подчинитесь лишь категорическому требованию врачей”. Затем было прибавлено: “высылаем доктора”. Для выяснения того, что происходит в Тобольске, нами были посланы Мандрыка и Борзенко, а я сам пошел к Мирбаху, который меня успокоил, что опасаться нечего.

Упоминание в телеграмме о “курорте” рождало у нас представления о благополучии для Царской Семьи. Но так как в телеграмме указывалось в то же время о “вынужденности” отъезда, то нами для выяснения того, что происходит в Тобольске, и были отправлены Мандрыка и Борзенко. Кроме того, ввиду того положения, которое тогда занимали в Москве немцы, нами была сделана попытка выяснить этот вопрос у Мирбаха. Он не дал мне прямого, определенного ответа, но в общей форме дал мне совершенно успокаивающие заверения.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Припоминаю еще следующее. Поручая фон Штейну передать нам признательность Его Величества, Государю Императору угодно было сказать нам: “помогите и Матушке. Знаю, что Ей плохо”. Во исполнение этой Высочайшей воли, нам переданной фон Штейном, я немедленно же принялся за сбор тайных пожертвований, причем опять услышал от Кривошеина, что он даст столько же, сколько я соберу. Возник вопрос о способе доставления этих денег Государыне Императрице в Крым, с которым сообщения в то время уже были прерваны¹¹⁵. Я решил воспользоваться отъездом в Алушту, по случаю окончания Поместного Собора, с южными

иерархами Алуштинского протоиерея Сербинова, которого я знал по делам Комитета снабжения больных и раненых воинов одеждой, председателем которого я в то время состоял. Этот Комитет был прежде под председательством Великой Княгини Марии Павловны, и мне удалось продолжить деятельность Комитета и при большевиках, сохранив его автономность благодаря независимости в денежных средствах Комитета, за которыми не пришлось обращаться к большевикам, и благодаря обильным запасам одежды, которая требовалась для снабжения возвращаемых из плена солдат. Протоиерей Сербинов обещал мне переданные ему мною, насколько помнится, тридцать пять тысяч рублей доставить ливадийскому духовнику Ее Величества для передачи Ее Величеству. Скорый отъезд протоиерея Сербинова лишил меня возможности набрать большую сумму.

Прочитано.

Дмитрий Борисович Нейдгарт

Судебный следователь Н. Соколов

[Соколов Н. А.] [Постановление о дополнительном допросе свидетеля Д. Б. Нейдгарта, 28 января 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 266. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1921 года января 28 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов, рассмотрев настоящее дело и приняв во внимание:

- 1) что данными предварительного следствия с достаточной определенностью установлен факт насильственного увоза Государя Императора Николая II из Тобольска;
- 2) что цель такого увоза Его, вопреки Его желанию, как видно из данных следствия, была непосредственно направлена Яковлевым на особу Государя Императора и Наследника Цесаревича Алексея Николаевича;
- 3) что все факты в поведении Яковлева, установленные следствием, определенно свидетельствуют о попытке увоза Государя Императора за Екатеринбург, а вовсе не представляют простую попытку перевоза Его из Тобольска в Екатеринбург;
- 4) что Государь Император усматривал в этой попытке насильственного увоза Его политические цели, осуществлявшиеся немецким правительством;
- 5) что, как ныне видно из показаний свидетеля Александра Васильевича Кривошеина, факт этот, в главной его основе (факт насилия), подтверждается и им в связи с показанием его о содержании условной телеграммы, полученной группой политических деятелей в Москве из Тобольска накануне увоза оттуда Государя Императора;
- 6) что показание свидетеля Дмитрия Борисовича Нейдгарта, также принадлежавшего к этой группе деятелей находится, в этом отношении в противоречии с показанием свидетеля Александра Васильевича Кривошеина;
- 7) что между тем выяснение этого обстоятельства представляется важнейшей задачей предварительного следствия, на основании 396 ст. уст. угол. суд.,

ПОСТАНОВИЛ: свидетеля Дмитрия Борисовича Нейдгарта подвергнуть дополнительному допросу в разъяснение вышеприведенного обстоятельства.

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса Д. Б. Нейдгарта, 27 января 1921 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 264—266. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1921 года, января 27 дня, судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда в г. Париже (во Франции) допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного с соблюдением 443 ст. уст. угол. судопр.

Дмитрий Борисович Нейдгарт, 59 лет, православный, временно проживаю в Париже.

До отречения Государя Императора от Престола я состоял членом Государственного Совета и сенатором.

После большевистского переворота я проживал в Петрограде и в Москве.

В январе месяце 1918 года национально-государственные элементы пытались уже создать организации в целях спасения Родины от постигшей ее государственной разрухи. Я входил в группу членов Государственного Совета, представляющую собой правые течения. Если не ошибаюсь, в январе месяце или, быть может, несколько позднее в Москве уже возникла организация, носившая наименование “Правый Центр”¹¹², куда от нашей группы были делегированы член Государственного Совета Алексей Петрович Рогович и два других лица.

Наша группа беспокоилась о благополучии Царской Семьи и решила узнать, в каких условиях Она пребывала в своем заключении в г. Тобольске. В этих целях я постарался, если не ошибаюсь, в январе месяце видеть в Петрограде обергофмаршала Высочайшего Двора графа Бенкендорфа. Он высказывал беспокойство о судьбе Царской Семьи, но никаких сведений о Ней он мне дать не мог. Тогда наша группа решила послать верного человека в Тобольск, чтобы получить верные и точные сведения о жизни Царской Семьи, о Ее нуждах и т. п. Таким человеком мы избрали Владимира Николаевича Штейна, бывшего воронежского вице-губернатора. Он поехал в Тобольск в первый раз, как мне кажется, в январе месяце и скоро вернулся назад. Ему удалось видаться с князем Долгоруким и Татищевым. Он привез нам сведения безотрадные: часть отряда, находившегося при Царской Семье в Тобольске, была очевидно сильно развращена и отравляла покой Семьи; в денежном отношении Августейшая Семья испытывала недостаток.

Тогда наша группа решила прийти на помощь Царской Семье и послать Ей денежную сумму. Ввиду моих добрых отношений к Александру Васильевичу Кривошеину, возглавлявшему тогда “Правый Центр”, я обратился к нему. Кривошеин довольно скоро после моего разговора с ним вручил мне денежную сумму в 100 000 рублей. Тогда наша группа собрала еще 150 000 рублей, и Штейн снова отправился в Тобольск¹¹³.

Я помню он приехал в Тобольск во второй раз как раз тогда, когда Государь постился. Это было безусловно на первой неделе Великого Поста. Целью поездки Штейна во второй раз было вручение денежной суммы. Больше мы никакой помощи оказать реально не могли.

По своему возвращению Штейн доложил нам о результатах своей поездки. Он виделся с князем Долгоруким и Татищевым и передал им деньги. Он доставил нам за их общей подписью расписку в получении ими денег и представлении их Его Величеству, каковую расписку мы в целях предосторожности тогда же и сожгли.

Мы получили от Ее Величества выражение Ее признательности нам: шейные образки.

Положение личное Царской Семьи продолжало оставаться все таким же, каким его застал Штейн и в первый раз. Общее же положение государства продолжало все более и более ухудшаться. Поэтому мы решили иметь в Тобольске постоянных своих людей, которые бы нас извещали о всем, что происходит в Тобольске по отношению Царской Семьи. Для этой цели от нас были посланы в Тобольск флигель-адъютант Мандрыка и офицер уланского Его Величества полка Борзенко. Скоро мы стали получать от них условные телеграммы, из которых мы могли понять только одно, что Государя и Семью куда-то увозят. Кто увозит и куда увозит, этого нельзя было установить из содержания осторожных телеграмм. Затем мы получили от Мандрыки сведения, что Царская Семья задержана в Екатеринбурге. Ему удалось доехать тогда вслед за Семьей до Екатеринбурга. Он даже доставил нам рогожку, которая была постлана на сиденье в экипаже Императора.

В виду того положения, которое занимали немцы с весны 1918 года в России, наша группа, в целях улучшения положения Царской Семьи, пыталась сделать все возможное в этом отношении через немецкого посла графа Мирбаха. По этому вопросу я сам лично обращался к Мирбаху раза три. В первый раз я был у него еще тогда, когда мы ничего не знали об отъезде Царской Семьи из Тобольска. В общей форме я просил Мирбаха сделать все возможное для улучшения Ее положения. Мирбах обещал мне оказать его содействие в этом направлении и, если не ошибаюсь, он употребил выражение “потребую”. Когда мы узнали об увозе Семьи, я снова был у Мирбаха и говорил с ним об этом. Он успокаивал меня общими фразами. На меня произвело впечатление, что остановка Царской Семьи в Екатеринбурге имела место помимо его воли. Исходило ли от него приказание о самом увозе Семьи из Тобольска куда-либо в целях Ее спасения, я сказать не могу.

Мне не известен факт присылки Долгоруким или еще кем-либо из лиц, находившихся при Семье, телеграммы, в которой бы говорилось о вынужденном отъезде Государя. Такой телеграммы мне Штейн не показывал, и об этом я ничего не знаю.

Обещая мне сделать все возможное для улучшения положения Царской Семьи, граф Мирбах сказал мне приблизительно так: “Я не только от них (большевиков) потребовал, но и сопроводил требование угрозой”. При моих настоятельных просьбах к Мирбаху облегчить судьбу Царской Семьи я, помнится, в разговоре задал ему даже вопрос, что он собой представляет в Москве: диктатора, посла или просто пленника большевиков¹⁴.

266

В состав нашей группы входили, кроме меня, князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов, Алексей Петрович Рогович, Алексей Дмитриевич Самарин, князь Борис Мещерский, исполнявший обязанности московского губернского предводителя, и Александр Александрович Римский-Корсаков. Все эти лица — члены Государственного Совета, кроме Мещерского.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Дмитрий Борисович Нейдгарт

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса П. Н. Милюкова, 23 октября 1920 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 261—263. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1920 года октября 23 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции) в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Павел Николаевич Милюков, 61 года, временно проживаю в Париже, православный.

На Ваши вопросы могу показать следующее.

Я входил в состав Временного правительства в качестве министра иностранных дел и был у власти с первого момента возникновения Временного правительства и, приблизительно, до 2 мая.

Выйдя из состава правительства, я оставался в Петрограде до 25 октября 1917 года. В этот день я уехал в Москву; пробыл там, приблизительно, недели две и уехал в Ростов. В мае месяце 1918 года я выехал в Киев. Поздней осенью 1918 года я был в Яссах, недолго — в Одессе, а затем выехал за границу.

Таким образом, в 1918 году я в Москве сам лично не был. Однако группировка русских общественных сил за это время мне известна. Такая группировка первоначально происходила в Петрограде, но затем центральным пунктом стала Москва. В то время, т. е. в самом конце зимы 1918 года и в начале ранней весны этого года в названных мною центрах существовало две общественных группы, носившие серьезный характер. Это были — “Правый центр” и “Левый центр”. В первую группу входили кадэ и более правые элементы, во вторую — кадэ и более левые элементы. Мне известно и я положительно удостоверяю, что правые элементы “Правого центра”, полагавшие, что в разрухе, постигшей Россию, нельзя обойтись без посторонней иностранной помощи, держались того мнения, что эту помощь могут оказать России только одни немцы, в согласии с которыми и надлежит идти русским национально-государственным силам. Левые элементы “Правого центра” и “Левый центр”, также полагавшие, что в этой разрухе не обойтись без посторонней помощи, не думали однако, что можно и следует рвать прежние связи — союзнические, и боролись, в этом отношении, с первыми элементами. Представители последних вели переговоры с немцами, имевшими тогда официальное представительство в Москве в лице графа Мирбаха. Я помню имя того лица, которое, кажется, чаще всего упоминалось в то время (со стороны немцев). Это доктор Рицлер, входивший в состав немецкого посольства. Мне думается, я не ошибусь, если скажу, что с нашей (русской) стороны решительнее других выступал в этих переговорах Владимир Иосифович Гурко.

Однако из этих переговоров ничего не вышло. Во-первых, русские элементы пошли в разброд. Немецкая ориентация не была воспринята левыми элементами “Правого центра” и в нем произошел, таким образом, по самому основному вопросу раскол. Во-вторых, не принимали и, в конце концов, не приняли русских основных требований и немцы. Русские требования содержали обязательные условия: аннулирование Брест-Литовского договора и единство России. Немцы не пошли на это.

Оба эти фактора, т. е. раскол русских сил и поведение немцев повлекли за собой возникновение двух других групп, заменивших обе названные. Это были “Союз Возрождения”, сменивший “Левый центр”, и “Национальный центр”, сменивший “Правый центр”. Не касаясь их различия друг от друга, я скажу, что обе эти группы были — союзнической ориентации. Был и еще один фактор, способствовавший такой новой группировке. Это — отношение к нам, к России, — союзников, следивших за событиями и принявших известное участие в борьбе с немецкими течениями в русских группах. Образование, так называемого, “восточного фронта” как раз и относилось тогда к этому времени. Средствами союзников и был тогда образован этот фронт, являвшийся по существу явления новым русско-германским фронтом. Конечно, по существу явления борьба на Волге с большевиками была, следовательно, продолжением войны с Германией.

Я лично не разделял тогда тех чаяний, которые существовали у большинства членов моей партии кадэ по этому вопросу. Я был убежден, что создание фронта в таких условиях, как это происходило, не приведет к хорошим результатам. Союзники не обладали тогда на Волге своими собственными реальными силами. Такие силы были только в руках одной Японии. Я был убежден, что Япония достаточных сил для этого на Волгу не даст и, как видите, я не ошибся. Предполагая, что в реальных условиях того времени для нас, быть может, представляется возможным прийти к выгодному соглашению с Германией, я не скрывал тогда этих моих взглядов. В Киеве я имел по этим вопросам суждения с представителями немецкой власти. Таким лицом, которое вело со мной беседы со стороны немцев в Киеве, был Гассе, заведывавший у них разведывательной частью. Я отстаивал те же самые начала в беседах с ним, какие выдвигались и в Москве, т. е. аннулирование Бреста и неделимость России. Но ответ немцев, переданный мне Гассе, был отрицательный. Они не только не шли на отмену Брестского договора, но наоборот клали его в основу наших будущих взаимоотношений. В частности, они требовали и других условий, для блага России неприемлемых, как самостоятельность Украины и разрешение вопроса о Балтийских провинциях, невыгодное для нас.

В самой Германии не было единства по этим основным вопросам. Большинство в рейхстаге не шло навстречу русским требованиям и, защищая их немецкие требования, конечно, тем самым желало опираться на большевиков. Меньшинство, т. е. военная партия смотрело на эти вопросы иначе и, быть может, его точка зрения, в конце концов, могла бы быть соглашена с русской. Но восторжествовала у них первая.

Не может быть ни малейшего сомнения, что те немецкие элементы, которые желали уничтожения большевиков в России, не мыслили будущего правительства в России иным, кроме монархического.

Я не могу Вам сказать ничего по поводу того, что у немцев было определенное лицо, кандидатуру которого они желали бы видеть на русском Престоле. Но в результате всех обсуждений, всех переговоров с ними и в результате бесед моих с Гурко у меня отложилось тогда в памяти, что немцы или желали или даже пытались реально спасти Царя и Наследника, причем я лично усматривал тогда в этом и политическое значение — их нежелание, чтобы какие-либо иные элементы, враждебные им, воспользовались личностью Николая Александровича и Его Сына. Я сам никогда однако об этом ни с кем из немцев бесед не вел. Повторяю, так у меня тогда отложилось в памяти в результате общения моего с известными сферами. Припоминаю, тогда говорилось, что с таким “требованием” обращался к большевикам или должен был обратиться Мирбах. Вам, как я думаю, больше осветит это явление Гурко. Может быть, в этом отношении Вам также может быть полезен Крыжановский.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно. Прошу внести следующие поправки. Крайние правые элементы, которые вели переговоры с немцами, в состав “Национального центра” не вошли.

Слухи о желании Мирбаха спасти Царя и Наследника шли из Москвы. В Киеве же назывались иные имена, как кандидаты на Престол.

Прочитано.

Павел Николаевич Милюков

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса А. И. Гучкова, 15 сентября 1920 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 259—260. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1920 года сентября 15 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции) в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля и он показал:

Александр Иванович Гучков, 56 лет, православный, временно проживаю в г. Париже.

Ввиду событий в России я с лета 1919 года до последнего времени, с небольшими перерывами, проживал в г. Берлине.

Там я встречался с некоторыми лицами, принадлежавшими к числу высших военных начальников в Германии и, между прочим, с генералами Людендорфом, Гофманом и адмиралом Гопманом. Как известно, генерал Людендорф играл у немцев выдающуюся роль как непосредственный помощник главнокомандующего всеми вооруженными силами Германии; генерал Гофман был начальником штаба командующего русским фронтом Леопольда Баварского и главным представителем Германии при заключении Брест-Литовского мира; адмирал Гопман командовал германской эскадрой в Черном море.

В беседах со мной все названные мной лица высказывались, что к весне 1918 года, увидев воочию характер деятельности большевиков в России, они ясно поняли опасность, угрожающую самой Германии, если большевики останутся долее у власти. Они настаивали перед своим правительством на необходимости свержения большевиков германской вооруженной силой и создания в России правительства порядка, не враждебного Германии.

Это они считали необходимым сделать также и в целях возможности воспользоваться экономическими ресурсами России для продолжения своей борьбы на Западе. Однако сопротивление такому плану со стороны деятелей дипломатических и вообще гражданских, пугавших Императора примерами печальной судьбы Карла XII и Наполеона, углубившихся в Россию, и указания на огромную численность потребных для такого плана войск, необходимых в то же время на Западном фронте, перевесило, и план не был приведен в исполнение. Никаких указаний о форме желательного в России образа правления в беседах со мной они не высказывали.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Александр Иванович Гучков

Судебный следователь Н. Соколов

Абаза А. Письмо судебному следователю по особо важным делам Соколову Н. А., 15 сентября 1920 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 258—259. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

15 сентября 1920

№ 307

Лондон

Судебному следователю

по особо важным делам

Н. А. Соколову

Милостивый государь Николай Алексеевич,

Все полученные мною от Вас телеграммы поддаются расшифрованию. Но из них только одна относится к интересующему Вас делу, а именно та самая, которую Вы таковой и считали, т. е. телеграмма от 17 июля¹¹¹.

Все же остальные относятся к военным операциям и к Вашему делу отношения не имеют.

При сем прилагаю текст расшифрованной телеграммы от 17 июля и самый способ расшифрования.

Кроме того, прилагаю тексты трех телеграмм от 26 июня, 2 и 3 июля, не имеющих отношения к Вашему делу.

Примите уверения в совершенном уважении А. Абаза

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол допроса Б. В. Свистунова, 13 сентября 1920 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 255—258. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1920 года сентября 13 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции) в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Борис Владимирович Свистунов, 36 лет, дворянин, временно проживаю в г. Париже, rue des Saints Pe'res, 64.

Я — офицер Генерального Штаба, полковник. Я участвовал в европейской войне, будучи старшим адъютантом штаба 56 дивизии, а затем помощником старшего адъютанта штаба Особой армии.

Приблизительно через месяц после переворота¹⁰⁸ я был эвакуирован с фронта как больной и проживал некоторое время в Саратове. Осенью 1918 года я уехал из Саратова в Москву, а затем в Киев. Во время гетманства¹⁰⁹ я принял назначение помощника начальника миссии Красного Креста и был отправлен в Берлин для устройства русских военнопленных, бывших в Германии. В Берлин я приехал в январе месяце 1919 года и жил там до последнего времени.

Проживая в Берлине, я имел там общение с немецкой военной средой и общественными силами национальных немецких партий. В беседах с немцами, в моих наблюдениях я старался выяснить некоторые вопросы, интересовавшие меня с точки зрения наших русских интересов.

Мое пребывание в Германии не дало мне никаких данных для суждения по вопросу о том, принимали ли немцы какие-либо меры, чтобы вызвать у нас февральскую революцию. Пребывание на фронте давало мне основания думать, что они вообще боролись с нами пропагандой, внушая нашим солдатам пацифистские идеи. В их прокламациях проводились идеи: ни германский, ни русский народы не желают войны. Ее не хочет и Царь. Войны хотят Николай

Николаевич и правительство, поступающее так в угоду Англии.

Но они не пытались скрывать и сами признавали, что они воспользовались нашей революцией в целях уничтожения фронта и развала России как боевой единицы. Преимущественно этих целей они достигали через большевиков, сознательно работавших в таком направлении.

После Брест-Литовского мира, в котором сами немцы вовсе не видели чего-либо постоянного, твердого, определенного, не подлежащего никаким изменениям, они скоро поняли, какую опасность для самой же Германии представляет большевизм как социальное осуществление известных начал. Военные круги, руководившие борьбой с Антантой, стали опасаться, что для продолжения войны на Западе большевизм в России опасен для самих немцев в Германии как социальная зараза, способная обессилить их собственный тыл. Тогда у немцев возник план, имевший сторонников в среде их высших военных чинов. Он предполагал быстрое наступление внутрь России значительными силами, чтобы в короткий срок свергнуть большевиков, помочь возникновению в России нового правительства и заключить с ним в отмену Брестского мир, который бы удовлетворил обе стороны. Они ожидали от такого плана следующих выгод, кроме самого уничтожения большевизма: возникшее при их содействии правительство России заняло бы в их борьбе с державами Согласия благоприятный для них нейтралитет, а это дало бы им возможность взять все их силы с русского фронта, где они все же продолжали держать войска, и бросить их исключительно на Запад; кроме того, это дало бы им возможность получить в России неисчерпаемый источник всяких материальных ресурсов, столь нужных им для продолжения борьбы на Западе. В результате такое положение сулило им если не победу на Западе, то хороший мир с союзниками.

Но план этот не был принят цивильными элементами, стоявшими у власти. Они сумели убедить Императора отвергнуть его, и было принято решение оставить Россию в том виде, в каком она была, и кончать войну на Западе сильным ударом.

Я удостоверяю, что на основании моих наблюдений во время моего пребывания в Германии у меня образовался именно такой определенный взгляд. В этом отношении Вам, быть может, осветит эти обстоятельства Александр Иванович Гучков, видевшийся в Германии с некоторыми весьма ответственными лицами: известным генералом Людендорфом, творцом Брестского мира Гофманом, и адмиралом Гопманом.

План уничтожения большевиков вооруженной силой, как мне кажется, не оставался у немцев только в стадии предположений. Я слышал от многих лиц из их среды, что для похода в Россию у них было готово определенное число дивизий. Этим наступлением должна была открыться летняя кампания 1918 года. Следовательно, обсуждение такого плана, вообще разработка его, вероятно, имела место в конце зимы — начале весны 1918 года.

Я не знаю, каким именно немцы представляли себе будущее правительство России, которое должно было при их помощи заменить большевистскую власть. Но учитывая их психологию того момента, я думаю, что вряд ли они его представляли себе республиканским.

В самой России в конце зимы — начале весны 1918 года соотношение общественных антибольшевистских сил было следующее. В Москве в указанное время существовало две антибольшевистских группы: “Союз возрождения” и “Национальный центр”. С партийной точки зрения, в “Союз” входили кадеты и партии левее их; в “Центре” были некоторые кадеты и группы, стоявшие правее их. Обе группы понимали, что для свержения власти большевиков необходима помощь извне. Но “Союз” стоял на союзнической платформе, а “Центр”, не веривший в эту помощь, стоял на немецкой платформе. Его члены (“Центра”) вели переговоры с немцами, интересы и власть которых представлялись в то время в Москве Мирбахом.

Соглашения с немцами не последовало. Их ответ, записанный кем-то из лиц, ведших с ними переговоры (вероятно, запись была сделана после самого факта переговоров), мотивировался так:

мы не видим гарантий в прочности вашего будущего правительства для наших интересов. Ваше правительство, если мы вам поможем уничтожить большевиков, не будет поддержано интеллигенцией, так как “сливки” вашей интеллигенции — кадеты не желают идти с нами. (Как известно, по этому именно вопросу в среде кадетской партии образовался раскол, и один из вождей партии Милюков коренным образом разошелся тогда с большинством.) Таким образом, переговоры с немцами, которые велись некоторыми из членов “Центра”, ни к чему не привели, и одной из причин этого, как указывали немцы, был раскол в среде кадетов. Были ли при этом немцы искренны, я не знаю. Может быть, конечно, были и другие причины, не могу сказать.

Я также не могу сказать, от кого именно исходил почин переговоров с ними. Но как будто бы чувствуется некоторая связь между переговорами с ними в Москве, с одной стороны, и их собственным планом уничтожения большевиков, с другой.

Я не могу назвать Вам никого из тех лиц, которые вели переговоры с немцами в Москве¹¹⁰. Я не желаю называть также никого из тех лиц, которые входили в указанные мной антибольшевистские группы, так как полагаю, что, ввиду условий времени, это, быть может, пагубно отразится на их благополучии.

Находился ли в какой-либо связи факт переезда Государя из г. Tobольска с планом немцев уничтожения большевиков и с группировкой антибольшевистских групп в Москве, я не знаю и ничего по этому поводу Вам рассказать не могу.

“Национальный центр”, конечно, был группой монархической. Мнения его членов дробились: одни стояли за признание акта отречения, другие его совершенно отрицали, указывая, что акта отречения не существует, третьи признавали отречение Императора, но не признавали Его отречения за Наследника.

Будучи в Берлине, я познакомился там приблизительно в январе — феврале 1919 года с офицером Сергеем Марковым. По имевшимся у меня сведениям, он был корнет Крымского полка, шефом которого была Государыня Императрица. Из себя он был такой: лет 26 на вид, среднего роста, коренастый, темный шатен. Он мне говорил, что он находился с Императором в общении, когда Он находился в заключении в Tobольске или Екатеринбурге; кажется, он что-то упоминал и про Тюмень, но хорошо этого я не помню. Он говорил о том, что везет письмо от Императрицы кому-то из родственников. Марков уверял, что вся Царская Семья жива. Я положительно знаю, что он прибыл в Берлин из Киева. Я положительно знаю, что в Киеве он проживал под именем Краузе. Он был у немцев на привилегированном положении по сравнению с другими русскими офицерами. Впрочем, он, как мне помнится, был у немцев переводчиком. На меня лично Марков произвел впечатление не особенно солидное и поэтому не внушал мне особого доверия. Он себя называл и, вероятно, действительно был монархистом совершенно определенной немецкой ориентации.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Полковник Генерального Штаба Борис Владимирович Свистунов

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса В. А. Маклакова, 10 сентября 1920 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 249—255. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1920 года сентября 10 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном

1920 года сентября 10 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции) в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля и он показал:

Василий Алексеевич Маклаков, 50 лет, российский посол во Франции, проживаю в г. Париже, православный.

В начале ноября 1916 года ко мне обратился князь Юсупов через своего управляющего с просьбой его принять. В назначенный час он приехал. Это было скоро после тех заседаний Государственной Думы, 1—3 ноября 1916 года, в результате которых Штюмер подал в отставку, но до того дня, когда стало известным, что Протопопов в отставку не уйдет; в эти дни слухи об отставке Протопопова были очень упорны и исходили из хорошо осведомленных источников; так, например, мне лично говорил Великий Князь Николай Михайлович о том, что эта отставка решена. Таким образом, Юсупов приехал ко мне в те дни, когда дело Думы,

поставившей своей задачей удалить из правительства Штюмера и Протопопова, казалось выигранным.

Юсупов, после нескольких слов приветствия, начал приблизительно так: “Я читал Вашу речь в Думе — (я был один из тех, который в эти дни говорил в Думе против правительства Штюмера); — вполне Вам сочувствую; вы все, Вы и Ваши друзья, хотите блага России, но не знаете самого главного. Вы идете совершенно ложным путем. Вы торжествуете победу, что ушел в отставку Штюмер и ждете отставки Протопопова. Поверьте, что если Штюмер вышел в отставку, то только потому, что Императрица на четверть часа опоздала приехать в Ставку, — иначе Штюмер бы не ушел. Протопопов же не уйдет, так как все нужные меры приняты, и что бы вы ни говорили и что бы ни делали, он останется на месте. И все это потому, что вы не знаете, какую роль в нашей внутренней политике играет Распутин. Вы ничего не можете добиться у Государя, если этого Распутин не захочет. Вы можете иногда сделать кое-что помимо его, без его ведома, но, если успеют принять меры вовремя, то вы бессильны. Государь до такой степени верит в Распутина и так всецело находится под его влиянием и лично Сам и через Императрицу что, если бы произошло народное восстание, народ шел бы на Царское Село, посланные против него войска разбежались бы или перешли на сторону восставших и все бы требовали отставки того или другого министра, а с Государем остался бы один Распутин и говорил Ему: “не бойся”, то Он бы не уступил. Вот почему все ваши попытки изменить политику помимо него в корне ложны. У вас есть только два выбора: вы или должны приобрести Распутина, иметь его на своей стороне, или же его устранить, т. е. убить. Иного выхода нет”.

На это я, помню, ответил ему несколькими банальными фразами о том, что если бы это была правда, то дело, очевидно, не в Распутине, так как важно не то, что существует Распутин, а что он может иметь такое влияние; словом, что виноват режим, а не личность; что если убьют или уберут Распутина, то появится какой-нибудь Мардарий и т. д. На это Юсупов с большой живостью мне ответил: “Вот в этом-то Вы глубоко ошибаетесь. Вы не занимались оккультизмом, а я им занимаюсь давно и могу Вас уверить, что такие люди, как Распутин, с такой магнетической силой, являются раз в несколько столетий. Императрица — нервная женщина, и часто бывали люди, которые имели на Нее влияние, но никто никогда не имел подобного влияния. Распутин действует даже не только непосредственно на Государя. Сила его такова, что я видел, как Государь, когда Императрица шла от Распутина требовать от Него чего-нибудь, прятался от Нее, так как знал, что не в силах будет отказать. Эта сила обнаружилась не сразу, но теперь она в полном развитии и никто Распутина не сможет заменить; поэтому устранение Распутина будет иметь хорошие последствия. Если Распутин будет убит, Императрицу придется через несколько же дней посадить в дом для душевно больных; Ее душевная жизнь поддерживается только Распутиным; она вся рассыпется, когда его уберут; а если Императрица будет сидеть в больнице и не сможет влиять на Государя, то по своему характеру Он будет очень недурным конституционным Государем”.

Не могу сейчас за давностью времени припомнить всех тех примеров, которые приводил мне

Юсупов в доказательство, что сила Распутина действительно сверхъестественная и что потому никаким влиянием на общественное мнение и убеждением от Государя нельзя добиться того, чего Распутин бы не захотел. В результате, когда Юсупов категорически сказал, что из поставленной им дилеммы он выбор уже сделал и считает необходимым Распутина убить, я, в виде последних возражений, указал ему на опасность, которой он лично подвергается. Юсупов с некоторым недоумением ответил, что не предполагает сделать это убийство сам; если бы он, почти член Императорской фамилии, это сделал, то это в сущности уже революция; но он рассчитывает, что те революционеры, которые не раз жертвовали жизнью для убийства министров, не могут не понять, что ни один министр не причинил России столько вреда, сколько ей принес зла Распутин. Я указал ему, что как раз революционеры не станут трогать Распутина; революционеры — враги самого режима, и Распутин оказывает им, революционерам, несравненную услугу; никто из них не тронет того, кто пошатнул в России обаяние монархии.

Тогда Юсупов сказал, что если на это не пойдут идейные революционеры, то, может быть, можно было бы найти людей, которые бы это сделали за деньги. Я указал ему, что это было бы величайшей неосторожностью и что я, раз он ко мне обратился, могу дать ему один совет — никогда об этом ни с кем не говорить; он, очень может быть, найдет человека, который за деньги согласится убить Распутина, но такой человек очень скоро поймет, что ему выгоднее шантажировать Юсупова, чем убивать Распутина, что этим он отдаст себя всецело в его руки и себя скомпрометирует. На этом у нас довольно скоро разговор закончился. Когда Юсупов уходил от меня, я сказал ему, что поддерживаю свой совет не обращаться к людям, которые бы стали делать это из корысти, но что если он еще хочет когда-либо поговорить со мной на эту тему, я к его услугам.

После этого разговора прошло довольно много дней. В конце ноября или в начале декабря, во всяком случае, после той знаменитой речи Пуришкевича 19 ноября, когда он, обращаясь к министрам, сказал: “Идите к Государю, падите перед Ним на колени и просите Его отстранить Распутина”, — Пуришкевич, встретив меня в зале Государственной Думы, отвел меня в сторону и спросил, видел ли я Юсупова. В дальнейшем разговоре он мне сказал, что убийство Распутина уже решено, назначено на ночь с 17 на 18 декабря, все подробности обдуманы; что он знает, что Юсупов обращался ко мне и что я отнесся к этому отрицательно; что он, Пуришкевич, знает, что это было вызвано, главным образом, отрицательным отношением к идее Юсупова привлечь к этому делу корыстных исполнителей, что он со мной согласен и что теперь дело ставится на иных началах. В заговоре против Распутина участвуют только идейные интеллигентные люди; он их всех пятерых перечислил: это были, как теперь уже известно, кроме их двоих, еще доктор Лазаэрт, служивший в поезде Пуришкевича, Сухотин и Великий Князь Дмитрий Павлович. Пуришкевич спросил меня от имени Юсупова, соглашусь ли я теперь, ввиду исполнения моего предложения, в случае нужды ко мне обратиться, принять Юсупова, чтобы поговорить о некоторых подробностях. Я согласился.

Юсупов приехал ко мне. Он рассказал мне в общих чертах, как он думает организовать это убийство. На это я сказал ему, что становясь на его точку зрения, которую он развивал мне в нашу первую беседу, нельзя устроить так, чтобы Распутин пропал бесследно, как это предполагалось, и чтобы труп его не был найден; необходимо, чтобы смерть его была очевидна; иначе Императрица будет надеяться, что он когда-нибудь разыщется, какие-нибудь его друзья симулируют его бегство и будут продолжать его дело. Поэтому необходимо, чтобы труп был найден. Но, с другой стороны, также необходимо, чтобы виновные имели возможность не быть обнаруженными. Я не считал возможным в состоянии, в котором находилась Россия, поставить процесс об убийстве Распутина. Такой процесс поднял и взволновал бы всю Россию; а с другой стороны, было также невозможно, чтобы убийство человека, хотя бы Распутина, было признано безнаказанным.

Оставалось поэтому одно: устроить так, чтобы следственные и полицейские власти, которые и те и другие были бы в сущности в душе рады смерти Распутина, имели бы возможность убийц не найти. Потому же я настойчиво советовал участникам ни при каких условиях в этом убийстве не

признаваться, какую бы популярность это им ни доставило. Исходя из этой точки зрения, я в нескольких беседах с Юсуповым критиковал те планы, которые он мне предлагал, указывая на то или другое его неудобство.

За несколько дней до предполагаемого убийства Юсупов обратился ко мне с просьбой во время убийства быть у него в доме, чтобы я и тут мог дать ему нужный совет в случае осложнения; у меня уже давно в этот самый день был назначен доклад в Московском юридическом обществе о крестьянском вопросе; я не мог его отложить. Юсупов очень настаивал, говоря о том, что из всех пяти участников, как это ни странно, он самый хладнокровный и предусмотрительный; что остальные часто высказывают такие странные мнения, при которых он не уверен, что они не сделают какого-либо ложного шага. Это действительно было сделано потом Пуришкевичем, который рассказал городовому, кто он и что в доме Юсупова был только что убит Распутин; городской тотчас доложил это в участке. Конечно, не такими приемами можно было облегчить работу следственной власти.

Я обещал Юсупову сделать попытку отложить свой доклад, но через несколько дней Пуришкевич, встретив меня в Государственной Думе, сказал от имени Юсупова, что он не просит меня больше быть там, так как этому воспротивился Великий Князь Дмитрий Павлович; Великий Князь находил, что к этому делу не нужно привлекать из политически левых элементов, что убийство затеяно истинными монархистами для спасения монархии и что участие кадета придало бы ему совершенно иной характер.

Таким образом, я в день убийства читал лекцию в Москве и о подробностях его слышал только после от участников. Они Вам могут это лучше рассказать, но в описании этого убийства меня поразила все-таки необычайная живучесть Распутина. Сначала его пробовали отравить ядом — цианистым калием; он выпил три рюмки вина с примесью раствора этого яда и съел семь пирожков с ядом в виде порошка. Когда яд не подействовал, Юсупов выстрелил в него из револьвера, и Распутин упал замертво. Тогда участники уехали за автомобилем, а на месте остались только Юсупов и Пуришкевич. Приблизительно через час после этого Распутин, лежавший как бы мертвым, встал и выскочил на двор. Пуришкевич догнал его и выстрелил ему в затылок. Он снова упал, был втащен в комнату, и Юсупов в припадке бешенства разможжил ему голову. После этого его обмотали в ковер, отвезли на Невку и бросили в воду. Как мне говорили, несмотря на это, при вскрытии оказалось, что он попал в воду еще живым. Вот эта фантастическая живучесть человека, тем более замечательна, что, кажется, первая пуля задела ему сердце, конечно, не могла меня не поразить.

Таким образом, мотивируя необходимость убить Распутина, Юсупов ничего мне не говорил про связь Распутина с немцами. Но я хорошо припоминаю, как Хвостов, бывший министром внутренних дел, в последние дни своего министерства рассказывал мне, что он учредил наблюдение за Распутиным и что для него было совершенно ясно, что Распутин был окружен лицами, которых подозревали, как немецких агентов. Многие из тех лиц, на которых падало подозрение военной контрразведки как на немецких агентов, совершенно самостоятельно специальной разведкой за Распутиным оказывались в большой от него близости. Это совпадение было настолько разительно, что Хвостов считал своим долгом, по его словам, доложить об этом Государю, и это было причиной его немилости, его опалы

254

и отставки. Считаю однако своим долгом удостоверить, что тот же Хвостов, который в это время считал себя очень обиженным Императорской четой и очень дурно вообще отзывался о личности Государя, ни на минуту не допускал мысли, что Императорская чета могла бы иметь соприкосновение с германской интригой. Напротив, он рядом соображений и фактов это энергично отрицал.

Я не припоминаю, говорил ли мне Пуришкевич о каких-либо подробностях в этом же порядке фактов, но очень хорошо помню, как однажды Пуришкевич при мне, когда обсуждался ход

войны, сказал в Думе, что пока существует Распутин, мы победить не можем.

Протопопова я знал очень давно, так как десять лет был с ним товарищем по Государственной Думе, и считал его всегда человеком очень обходительным и любезным, неглупым, хорошим товарищем; мне никогда в голову не приходило ни того, что он мог бы стать министром, ни еще менее того, чтобы для достижения этого он унился до хлопот у Распутина. Эта сторона дела мне не только не была знакома, но плохо мирилась с моим представлением о Протопопове. Вообще первое движение лиц, знавших Протопопова, когда узнали, что он будет министром, был неудержимый смех, а не негодование, так как всем показалось смешно, что Александр Дмитриевич Протопопов может оказаться когда-нибудь на таком посту. Этому не противоречит и то, что он был избран в товарищи председателя Думы.

Избрание его состоялось при несколько исключительных условиях. Тогда был председательский кризис. Вышел в отставку после одного вотума Думы Коновалов. Никто из оппозиции не хотел занимать этого места; его пришлось отдать октябристам, из которых тоже никто не хотел идти, опасаясь, что думская оппозиция будет мстить этому товарищу председателя. Один Протопопов рискнул поставить свою кандидатуру и был выбран. Он мог сделать это, повторяю, потому, что он отличался всегда большой обходительностью и любезностью и в Думе лично к нему относились хорошо, считая его немного легкомысленным, но очень приятным товарищем.

Все то, что потом произошло с Протопоповым, можно (до) известной степени объяснить и несомненным его болезненным состоянием, признаки коего замечали давно. Так, когда он был выбран товарищем председателя, он, неожиданно для всех, из своего думского кабинета устроил спальню и приходил туда ночевать, хотя имел квартиру; на мой вопрос, зачем он это делает, он мне отвечал, что он очень расстроен нервами и не может спать дома. Припоминаю другую странность, которая показалась близкой уже к ненормальности. Когда он был назначен министром внутренних дел, то в первый раз явился в Думу на заседание бюджетной комиссии. Явился туда в жандармском мундире и прежде чем войти в комнату, где заседала комиссия, просил думских приставов, его встретивших, показать ему здание Думы; обходил вместе с ними все комнаты, не исключая и зала заседаний, которое он знал превосходно.

255

Узнав про это, мы все, члены Думы, смеялись и говорили, что Протопопов сошел с ума. Поэтому мне очень трудно разграничить в поступках Протопопова то, что нужно отнести на счет ненормальности Протопопова, и то, что могло бы быть при других обстоятельствах объяснено тонким расчетом, желанием сознательно использовать ненормальность Императрицы.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

В. Маклаков

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса К. И. Ярошинского, 4 сентября 1920 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 248—249. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1920 года сентября 4 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции) в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Карл Иосифович Ярошинский, 43 лет, потомственный дворянин Подольской губернии, католического вероисповедания, имею дом в Лондоне, чаще нахожусь в Париже.

До революции я, по большей части, проживал в Петрограде. Главным образом я работал над вопросами финансово-экономического восстановления России, имел личное состояние в землях и сахарных заводах.

Во время войны я финансировал лазарет имени Великих Княжен Марии Николаевны и Анастасии Николаевны, находившийся в Царском, и заведовал им. Кроме того, в санитарном поезде Ее Величества Государыни Императрицы я был помощником заведующего (коменданта) поезда. В силу этих обстоятельств я был Государю Императору и Его Семье лично известен.

Когда произошел переворот и Царская Семья находилась в Царском, я не хотел уезжать из Царского, не простившись с Семьей. Я знаю, что никто тогда, даже из самых приближенных к Ней лиц, не хотел идти к Ней, кроме одного священника, который был в составе названного мною санитарного поезда.

Во время пребывания Царской Семьи в Тобольске в Петрограде была группа лиц, которая поставила себе целью помочь Царской Семье в целях облегчения Ее материального положения и спасения Ее, как это удастся на месте. Я не помню, кто именно обратился ко мне от этой группы. Я сам имел общение в ней с членом одного из государственных учреждений Лошкаревым, не знаю, членом Думы или же совета. Я знаю только, что с Лошкаревым была связана и Анна Александровна Вырубова. Я дал этой группе в два раза 75 000 рублей: в первый раз 25 000 и во второй раз 50 000 рублей. Эти обе суммы я передал, как я помню, в квартире Лошкарева в закрытых пакетах двум курьерам. Оба они, вероятно, были офицеры. Фамилий их я не знал и не знаю, знаком с ними я не был. Один из них был среднего роста, блондин, другой — низенький, черноватый. Кроме того, я передал Вырубовой в разное время для этих же целей сумму свыше ста тысяч рублей.

Я заказывал у придворного портного Нольдштерма и костюмы для Императора. Вырубова, как мне известно, заказывала для Семьи дамские вещи. Я имею сведения, что первая из указанных мною сумм была доставлена Царской Семье. О судьбе второй суммы я не осведомлен.

Через тех же, вероятно, курьеров я получил от Вырубовой два письма от Императрицы и одно письмо от Марии Николаевны. Ничего особого в этих письмах не было: они, конечно, могли быть только осторожными. Вырубова передавала мне, что Царская Семья думала, что деньги я сам привез ей: об этом писала Вырубовой в письме Императрица. А деньги курьер передал Им, кажется, через одну из горничных 107. Семья и попросила, чтобы этот курьер прошел с горничной мимо окон дома, Вырубова мне передавала, что Семья была удивлена, увидев не меня. Я не знал лично Распутина. Не знал я и семьи его. Может быть, фамилии офицеров-курьеров, если только это были офицеры, и были Соловьев и Марков; я не знал их лично и фамилий их тогда не знал.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Карл Ярошинский

Судебный следователь Н. Соколов

[Соколов Н. А.] [Постановление о проведении экспертизы шифрованных телеграмм, 25 августа 1920 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 247—248. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Копия

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1920 года августа 25 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов рассмотрев предварительное следствие по настоящему делу и приняв во внимание:

- 1) что в деле имеются семь шифрованных телеграмм, содержание которых приведено в протоколе 23 февраля 1919 года (пункты 2, 3, 5, 7 и 8; л. д. 71 — 75 об., том 2-й) и в протоколе 24 марта 1919 года (пункты 1, 3; л. д. 37, 38, том 3);
- 2) что до сего времени бывшими в распоряжении судебного следователя средствами сих телеграмм раскрыто не было¹⁰⁶;
- 3) что, между тем, представляется настоятельно необходимым раскрытие такового, так как в сих телеграммах могут оказаться сведения, существенные для дела;
- 4) что, ввиду отсутствия в распоряжении судебного следователя ключа к сим телеграммам, раскрытие их смысла может быть произведено лишь специалистами;
- 5) что, по имеющимся у судебного следователя сведениям таковые имеются в распоряжении разведывательного отдела Морского генерального штаба, главный представитель коего старший лейтенант Абаза ныне находится в Париже, на основании 325 ст. уст. угол. суд.,

ПОСТАНОВИЛ: означенным шифрованным телеграммам произвести экспертизу через специалистов названного учреждения, для чего надлежащие выписки текста указанных телеграмм выдать названному Абаза.

Судебный следователь Н. Соколов

СПРАВКА

Выписки содержания указанных телеграмм были 25 августа 1920 года лично выданы г. Абаза.

Верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

[Протокол осмотра судебным следователем по особо важным делам Н. А. Соколовым документа, представленного к следствию Б. М. Капнистом, 24 августа 1920 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 246—247. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1920 года августа 24 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции), в порядке 315—324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр документа, представленного к следствию 21 февраля сего года в г. Харбине свидетелем Борисом Михайловичем Капнистом.

По осмотру его найдено следующее:

Документ этот представляет собой запись показаний, данных Капнисту проводником вагона № 42

Чехом. Запись эта сделана чернилами черного цвета на листе писчей бумаги, две страницы коего разграфлены сине-красными линиями. Она, по своему содержанию, распадается на две части: в одной излагаются обстоятельства перевозки Государя из Тюмени, в другой — излагаются сведения о личности комиссара Яковлева.

Содержание первой части дословно следующее:

“Показание проводника, сопровождавшего поезд, в котором следовал Государь Император с Семей.

27 апреля 1918 года на станцию Тюмень был доставлен Государь, Государыня, Великая Княжна Мария Николаевна и кн. Долгоруков. Их сопровождала стража в составе 250 человек кавалеристов из Уфы и комиссара из Москвы Яковлева. Дорога из Тобольска до Тюмени была сделана на простой телеге; Государыня жаловалась на сильную тряску. В тот же день, в Тюмени, был подан поезд, причем Государю и Семей был отведен вагон I класса Самаро-Златоустской ж(елезной) дороги № 42.

Поезд был отправлен на Екатеринбург, откуда Яковлевым была получена телеграмма о нежелании пропустить Государя в Москву и требованием сдать Государя Екатеринбургскому совету. Ввиду этого Яковлев повернул поезд на Омск, но, по полученным сведениям Яковлевым, красноармейцы поставили пулеметы на станции “Куломзино”, объявив, что Государя не пропустят, а арестуют и задержат в Омске. Тогда Яковлев, решив силой пробраться через Екатеринбург, повернул обратно на Тюмень. По дороге Государь выходил на маленьких станциях на прогулку в сопровождении Великой Княжны Марии Николаевны и кн. Долгорукова. Государь был одет в форму без погон, разговаривал с солдатами и имел бодрый вид. Государыня оставалась в купе и плакала.

Среди стражи, охранявшей вагон, все время держался слух о желании Московского совета дать Государю возможность уехать за границу. По приезде в Екатеринбург Яковлевым были предоставлены документы на проезд дальше, все же местный совет отказался пропустить под угрозой перебить всех. Огромная толпа требовала, чтобы Яковлев показал Императора, но такое желание им выполнено не было, а была расставлена стража.

Комиссар телеграфировал в Москву, спрашивая, как дальше поступить, и получил ответ в дальнейшие пререкания не вступать, а выдать Царскую Семейю Екатеринбургскому совету.

Так было и поступлено, причем в числе прибывшей из Тобольска стражи было арестовано 8 человек под предлогом продажи ими револьвера “Наган” князю Долгорукову; эти люди были заключены в тюрьму.

По высадке были поданы 2 легковых автомобиля и один грузовой: на двух первых поехала Императорская Семейя и кн. Долгоруков; вследствие порчи грузового автомобиля стража осталась, а Государь с Семейей уехали и были помещены в приготовленном для них доме.

Комиссар Яковлев, вернувшись в Москву, угрожал оттуда, что вернется обратно с отрядом и броневиками, чтобы вернуть Государя. Показания эти даны проводником по фамилии Чех, сопровождавшим добровольно поезд Государя, и сняты поручиком гр. Капнистом. 1919 г. 26 ноября Сибирь”.

Вторая часть записи имеет дословно следующее содержание: “Личность комиссара Яковлева по показаниям проводника, сопровождавшего поезд Государя. До германской войны Яковлев служил во флоте. По политическому преступлению был приговорен к каторжным работам. Брат его начал хлопотать и добился прощения, но с разжалованием офицерским чином с увольнением из флота под надзор полиции. После этого Яковлев в компании с другими подготавливали покушение на одно из высоких лиц. Ему удалось бежать на турецком пароходе, и до последних

событий революции находился то в Европе, то в Америке, откуда и прибыл после возвращения эмигрантов в Петроград. Московский совет послал Яковлева в Тобольск за Государем, Яковлев был очень почтителен с Государем — все делал, чтобы сохранить Государя, в дороге часто заходил в купе Государя, где имел долгий разговор.

Солдаты, бывшие с ним, были ему вполне преданы, но число их было мало для оказания сопротивления Екатеринбургскому совету.

Показания проводника по фамилии Чех снял поручик гр. Капнист. 1919 г. 26 ноября Сибирь”.

Настоящий акт составлен в двух экземплярах.

Судебный следователь Н. Соколов

Поняты:

1) подъесаул Артур Персильевич Левиз оф Менар

2) потомственный дворянин Павел Петрович Булыгин

[Протокол допроса А. Ф. Керенского, 14—20 августа 1920 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 230—245. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1920 года августа 14—20 дня. Судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде, Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции) в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Александр Федорович Керенский, 39 лет, православный, проживаю в г. Париже, rue de Presbourg, 4.

На Ваши вопросы по настоящему делу показываю следующее.

В составе Временного правительства, восприявшего верховную власть после отречения Николая II, я был: с момента образования Временного правительства по 2—3 мая министром юстиции, являясь также заместителем председателя совета министров; военным и морским министром со 2—3 мая и председателем совета министров с 7—8 июля.

Сообщение об отречении Николая II, имевшее место в Пскове 2 марта, было сообщено временному комитету Государственной Думы и Временному правительству по прямому проводу в ночь на 3 марта. Отрекаясь от Престола, Царь обратился в то же время к князю Львову с письмом, в коем Он отдавал Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства.

В первые дни революции не было принято решительно никаких мер ни в отношении самого Николая II, ни в отношении Александры Федоровны. Это объяснялось теми настроениями, какие были тогда в отношении Их у Временного правительства. Старый строй рухнул столь решительно, факт этот был столь быстро и общепринят всей страной, без малейшей попытки со стороны кого бы то ни было защищать его, что личность Николая II совершенно не внушала каких-либо опасений Временному правительству. Он настолько был кончен, что Его личность как политическая величина, совершенно не существовала, и Временное правительство не интересовалось Им. Ему было разрешено выехать в Могилев проститься с войсками, как Он

желал.

Но скоро Временное правительство принуждено было изменить в этом вопросе линию своего поведения. Николай II и Александра Федоровна были лишены свободы по постановлению Временного правительства, состоявшемуся 7 марта. Было две категории причин, которые действовали в этом направлении. Крайне возбужденное настроение солдатских тыловых масс и рабочих Петроградского и Московского районов было крайне враждебно Николаю. Вспомните мое выступление 7 марта в пленуме Московского совета. Там раздались требования казни Его, прямо ко мне обращенные. Протестуя от имени правительства против таких требований, я сказал лично про себя, что я никогда не приму на себя роли Марата. Я говорил, что вину Николая перед Россией рассмотрит беспристрастный суд¹⁰⁰. Самая сила злобы рабочих масс лежала глубоко в их настроениях. Я понимал, что здесь дело гораздо больше не в самой личности Николая II, а в идее “царизма”, пробуждавшей злобу и чувство мести. Протестуя, я, за свой страх, вынужден тогда был искать выхода этим чувствам и сказал про Англию: если суд не найдет Его вины,

Временное правительство вышлет Его в Англию, и я сам, если нужно будет, буду сопровождать Его до границы России. Никаких оснований в действительности в то время у меня не было полагать, что этот вопрос будет фактически разрешен в этом смысле, так как к этому времени он еще не поднимался во Временном правительстве и никаких переговоров с правительством Англии в это время не велось. Не полагая, что возможен в этом отношении отказ Англии, я высказал эту мысль, борясь со злобой рабочих масс и не желая допустить пролития крови. Вот первая причина, побудившая Временное правительство лишить свободы Царя и Александру Федоровну. Правительство, лишая Их свободы, создавало этим охрану Их личности. Вторая группа причин лежала в настроениях иных общественных масс. Если рабоче-крестьянские массы были равнодушны к направлению внешней политики Царя и Его правительства, то интеллигентно-буржуазные массы и в частности высшее офицерство определенно усматривали во всей внутренней и внешней политике Царя и в особенности в действиях Александры Федоровны и Ее кружка ярко выраженную тенденцию развала страны, имевшего, в конце концов, целью сепаратный мир и содружество с Германией. Временное правительство было обязано обследовать действия Царя, Александры Федоровны и Ее кружка в этом направлении. Постановлением Временного правительства от 4 марта была учреждена Верховная чрезвычайная следственная комиссия, которая должна была обследовать деятельность носителей высшей власти старого строя и всех вообще лиц, приковывавших к себе внимание общества своими действиями во вред интересам страны. Эта комиссия и должна была обследовать также и роль Николая, Александры Федоровны и Ее кружка. Необходимость такого обследования указывалась в самих мотивах постановления Временного правительства об учреждении комиссии. Для того, чтобы эта комиссия могла выполнить ее обязанности, необходимо было принять известные меры пресечения в отношении Николая и Александры Федоровны. Эта необходимость и была второй причиной лишения Их свободы.

Установление известного режима в отношении Николая II, Его жены и всех вообще лиц, которые пожелали остаться с Ними, было возложено Временным правительством на меня. Мне же принадлежало и наблюдение за выполнением режима.

В первые дни марта месяца я не мог попасть в Царское (Село), будучи занят в эти дни делами исключительной важности. Приведение в исполнение постановления Временного правительства от 7 марта было возложено в отношении Николая II на членов Государственной Думы Бубликова, Вершинина, Грибунина и Калинина, а в отношении Александры Федоровны на генерала Корнилова, командовавшего в то время Петроградским военным округом. Арест Царя названными лицами фактически состоялся в г. Могилеве, где была в то время Ставка, 9 марта и Он тут же был доставлен в Царское. Даты ареста Корниловым Александры Федоровны я не знаю. Никакого режима в Царском Корнилов не устанавливал и никаких инструкций не издавал и не утверждал. Он привел в исполнение постановление Временного правительства и, конечно, установил в порядке экстренности некоторые необходимые меры, главным образом воинского характера.

В первый раз я посетил Царское через несколько дней после доставления туда Царя. Это было в конце первой половины марта месяца, пожалуй, 10—12 числа. Я видел тогда Царя, Александру Федоровну и Детей, познакомился с Ними. Я был принят в одной из комнат детской половины. Свидание в этот раз было коротким. После обычных слов знакомства, я спросил Их, не имеют ли Они сделать мне, как представителю власти, каких-либо заявлений, передал Им приветствие от английской королевской семьи и сказал несколько общих фраз успокоительного характера. В это же свидание я осмотрел помещение дворца, проверил караулы, дал некоторые указания руководящего характера.

Вторично я был в Царском вместе с полковником Коровиченко, которым я заменил коменданта дворца, кажется, Коцебу¹⁰¹.

Согласно воле Временного правительства я выработал инструкцию, которая устанавливала самый режим в Царском, и передал ее для руководства Коровиченко. Инструкция, установленная мною, не касаясь подробностей, вводила:

- а) полную изоляцию Царской Семьи и всех, кто пожелал остаться с Нею, от внешнего мира;
- б) полное запрещение свиданий со всеми заключенными без моего согласия;
- в) цензуру переписки.

Установлена была двойная охрана и наблюдение: внешняя, принадлежавшая начальнику гарнизона полковнику Кобылинскому, и внутренняя, лежавшая на полковнике Коровиченко. Коровиченко, как лицо, назначенное мною, который был уполномочен Временным правительством, являлся уполномоченным от меня. Ему там в мое отсутствие принадлежала полнота власти.

Вводя указанный режим, я установил в то же время, как руководящее начало полное невмешательство во внутренний уклад жизни Семьи. Они в этом отношении были совершенно свободны. Я заявляю, что с того момента, когда Государь отдал Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства, я считал себя по долгу чести обязанным перед Временным правительством оградить неприкосновенность Семьи и гарантировать Ей проявление в обращении с Нею черт джентльменства.

Во время пребывания Семьи в Царском, я был там, приблизительно, 8—10 раз, выполняя мои обязанности, возложенными на меня Временным правительством. В эти посещения я видел Николая иногда одного, иногда вместе с Александрой Федоровной.

Переписка действительно была отобрана у Царя в Царском. Этот факт, мне известный, прошел однако мимо меня. Произошло это таким образом. Когда я прибыл во дворец в первый раз, мне было доложено тогда же кем-то из дворцовой прислуги, что в тот именно промежуток времени, когда Временное правительство не принимало еще никаких мер в отношении Царя и Александры Федоровны, т. е. до ареста последней, Она вместе с Вырубовой сожгла в печах комнат Вырубовой много документов. Это заявление тогда же было проверено и нашло себе в допросах многих дворцовых служителей и в осмотрах печей полное подтверждение. Установив это, я тогда совершенно безразлично отнесся к намерению следственной комиссии произвести у Них выемку бумаг, считая это упущенным и бесцельным. Поэтому, распоряжение об отобрании бумаг, я думаю, исходило непосредственно от председателя следственной комиссии Муравьева и было выполнено там, вероятно, Коровиченко. Во всяком случае, вся отобранная переписка поступила в распоряжение следственной комиссии. Это я утверждаю. Отобрание переписки, как мне помнится, имело место в первые числа марта месяца. Кроме этой меры, была принята еще вторая мера: лишение на некоторое время общения Николая II и Александры Федоровны, разделение Их. Эта мера была принята лично мною, по моей инициативе, после одного из докладов, сделанного мне по Их делу следственной комиссией. Имелся в виду возможный допрос Их

комиссией. В целях беспристрастного расследования я признал необходимым произвести это отделение. Николаю II об этом я объявил сам лично. Александре Федоровне объявлено было об этой мере Коровиченко по моему приказанию. Наблюдение за выполнением этой меры было поручено Коровиченко, причем о ней были предупреждены и другие лица, жившие с Ними в Царском: Бенкендорф, статс-дама Нарышкина. Разделение Их не было абсолютным. Они сходились за столом, но при этом присутствовал Коровиченко, и Они обязались вести только общие разговоры, что в действительности и выполнялось ими. Такой порядок был установлен мною, кажется, в первых числах июня и существовал, приблизительно, с месяц. Затем надобность в нем исчезла и он был отменен.

Причиной, побудившей Временное правительство перевезти Царскую Семью из Царского в Тобольск, была все более и более обострявшаяся борьба с большевиками. Сначала проявлялось большое возбуждение в этом вопросе вообще со стороны солдатско-рабочих масс. Мое упоминание 7 марта в Москве про возможный отъезд Царской Семьи из Царского вызвал

“налет” на Царское со стороны Петроградского совета. Совет тут же отдал распоряжение по линиям не выпускать никаких поездов из Царского, а потом в Царское явился с броневыми машинами член военной секции совета Масловский (левый эсер, библиотекарь Академии Генерального Штаба) и пытался взять Царя. Он не исполнил этого только потому, что в последнюю минуту Масловский растерялся. Царское было для нас, для Временного правительства, самым больным местом. Для большевиков — это было бельмом на глазу.

Кронштадт и Царское: два полюса. Они вели сильнейшую агитацию против Временного правительства и лично против меня, обвиняя нас в контрреволюционности. Они усерднейшим образом вели пропаганду среди солдат, несших охрану в Царском, и разлагали их. Бывая в Царском и узнавая там о разных непорядках, я должен был реагировать на это, иногда прибегая к резким выражениям. Настроение солдат было напряженно-недоверчивое. Из-за того, что дежурный офицер, по старой традиции дворца, получал из царского погреба полбутылки вина, о чем узнали солдаты, вышел большой скандал. Неосторожная езда какого-то шофера, повредившего ограду парка автомобилем, также вызвала среди солдат подозрение и толки, что Царя хотели увезти. Все это создавало дурную атмосферу, мешало Временному правительству продуктивно работать и отнимало у нас реальную силу: Царскосельский гарнизон, настроенный до того лояльно по отношению к Временному правительству, гарнизон, в котором мы видели опору против разложившегося уже Петрограда. Учитывая все эти обстоятельства, Временное правительство решило попытаться выяснить у английского правительства возможность отъезда Царской Семьи в Англию.

Министр иностранных дел (вначале, возможно, Миллюков) стал вести об этом переговоры с Английским послом Бьюкененом¹⁰². В результате Бьюкененом был передан следующий ответ правительства Англии Терещенко, бывшему тогда министром иностранным дел, сообщившему его мне и князю Львову: “Правительство Англии, пока не окончена война, не считает возможным оказать гостеприимство бывшему Царю.” Ответ этот обсуждался Временным правительством в совершенно секретном заседании, без журнала заседания.

Было решено изыскать для переселения Царской Семьи какое-либо другое место и все разрешение этого вопроса целиком было поручено мне. Я стал выяснять эту возможность. Предполагал я увезти Их куда-нибудь в центр России, останавливаясь на имениях Михаила Александровича и Николая Михайловича. Выяснилась абсолютная невозможность сделать это. Просто немыслим был сам факт перевоза Царя в эти места через рабоче-крестьянскую Россию. Немыслимо было увезти Их и на юг. Там уже проживали некоторые из Великих Князей и Мария Федоровна и по этому поводу там уже шли недоразумения. В конце концов, я остановился на Тобольске. Отдаленность Тобольска и его особое географическое положение, ввиду его удаленности от центра, не позволяло думать, что там возможны будут какие-либо стихийные эксцессы. Я, кроме того, знал, что там удобный губернаторский дом. На нем я и остановился. Первоначально, как я припоминаю, я посылал в Тобольск комиссию, в которую, кажется,

входили Вершинин и Макаров, выяснить обстановку в Тобольске. Они привезли хорошие сведения. О необходимости отъезда я предупредил Царя, приблизительно, недели за две или дней за 10. Я не мог Ему в то время указать новое место Их жительства, опасаясь каких-либо эксцессов, если это станет заранее известным, и сказал Ему, что Им не следует по этому поводу беспокоиться. Государь мне ответил: “Я не беспокоюсь. Мы Вам верим. Если Вы говорите, что надо ехать, то, значит, надо. Мы Вам верим.” Дня за 3—4 я предупредил Их, что надо с собой взять побольше теплых вещей. В самый день отъезда я сам лично проводил Их и усадил в поезд. Их сопровождали Вершинин и Макаров. О прибытии в Тобольск ими был составлен протокол, подписанный и Николаем, потом мне представленный. Главным лицом, представлявшим в Тобольске власть Временного правительства, был Панкратов, назначенный мною. Затем по его ходатайству и по его рекомендации ему был назначен помощником Никольский, мне неизвестный.

Царю не делалось никаких стеснений в выборе тех лиц, которых Он хотел видеть около себя в Тобольске. Я хорошо помню, что первое лицо, которое Он выбрал, не пожелало быть с Ним и отказалось. Я положительно это удостоверяю. Кажется, таким лицом был флигель-адъютант Нарышкин. Тогда Царь выбрал Татищева. Татищев согласился. Я нахожу нужным, чтобы было Вами, г. следователь, отмечено следующее: Татищев держал себя вообще с достоинством, вообще, как должно, что тогда в среде бывших придворных было редким исключением.

Панкратов должен был представлять мне из Тобольска донесения. Он прислал, кажется, одно. Я не могу отметить никаких фактов, которые бы в этом отношении заслуживали внимания.

Действительно по поводу приезда в Тобольск Маргариты Хитрово было произведено по моему телеграфному требованию расследование. Вышло это таким образом. Во время московского государственного совещания были получены сведения, что к Царю пытаются проникнуть 10 человек из Пятигорска. Это освещалось, как попытка увезти Царскую Семью. В силу этого и производилось расследование. Однако эти сведения не подтвердились. Ничего серьезного тут не было.

Г. Вырубову я видел лично один или два раза. В первый раз я видел ее во время моего первого посещения Царского. Она тогда значилась больной и приняла меня в постели, сама пожелав, чтобы я пришел к ней. Обстановка, в которой она меня приняла, ее костюм, не свидетельствовали, чтобы у этой женщины была стыдливость и уважение к себе. Она была в скором времени после этого арестована и отправлена в Петропавловскую крепость. Верховная следственная комиссия действительно свидетельствовала ее. Действительно она оказалась девственницей. Эти обстоятельства мне известны из докладов мне следственной комиссии.

Я не имею сведений о посещении Царского Гучковым. Если это было, то очевидно это было до моего первого посещения Царского, так как позднее этого не могло случиться без моего разрешения. Банкира Ярошинского я лично не знаю. Его роль до революции мне не известна. В революцию же он обращался к нам, к Временному правительству, с предложением своих финансовых услуг. Самое больное наше место были финансы. Он и предлагал тогда нам какой-то весьма широкий финансовый проект. Сам он тогда выступал как человек, весьма сочувствующий и преданный идеям Временного правительства, и предлагал к нашим услугам свои личные средства. Но его проект не был принят министром финансов Бернацким, который, быть может, больше Вам расскажет про Ярошинского.

В первые дни революции в Государственной Думе была военная комиссия ее временного комитета. Это был революционный штаб. Действительно, в составе этого штаба был генерал Потапов. Он был заместителем председателя. Мы на него смотрели, как на человека, весьма неуравновешенного, вряд ли вполне нормального. Он был склонен к “демагогическим” приемам. Это замечалось в отношении, какое у него было к образовавшемуся тогда военному министерству во главе с Гучковым.

Фамилии офицера Соловьева, который был бы причастен к этому революционному штабу, я не

замыслил офицера Соловьева, который был бы причастен к этому революционному штабу, я не помню.

Я присутствовал при последнем свидании Государя с Михаилом Александровичем в ночь отъезда из Царского. Это свидание происходило в кабинете Государя. Больше ни с кем я не мог тогда допустить свидания Михаила Александровича, опасаясь возможности каких-либо осложнений при отъезде¹⁰⁴. Я отошел от Них в сторону к окну, когда Они беседовали, не слушая содержания Их разговора. Но я думаю, что ничего особенного не было в Их беседе.

Я знаю содержание документа, оглашенного Бурцевым в его газете “Общее Дело” 10 декабря 1919 года, в номере 62. Этот документ действительно есть официальный документ, представляющий собой ту сводку следственного материала, которую составил, по требованию министра юстиции Переверзева, прокурор Петроградской судебной палаты Карчевский для печати. Вся фактическая сторона, изложенная в этом документе, бесспорна. Я должен по этому вопросу, т. е. по вопросу о роли немцев в попытке произвести переворот в июле месяце 1918 года и в перевороте 25 октября сказать следующее.

Роль Ленина, как человека, связанного в июле и октябре 1917 года с немцами, их планами и их деньгами не подлежит никакому сомнению. Но я должен также признать, что он не агент их в “вульгарном” смысле — он имеет свои цели, отрицая в то же самое время всякое значение морали в вопросе о средствах, ведущих его к цели. Как лицо, которому принадлежала в те дни власть в самом широком ее масштабе и применении, я скажу, что роль немцев не так была проста, как она казалась, может быть, даже судебному следователю Александрову, производившему предварительное следствие о событиях в июле месяце 1917 года. Они работали одновременно и на фронте и в тылу, координируя свои действия. Обратите внимание на фронте наступление (Тарнополь), в тылу — восстание. Я сам тогда был на фронте, был в этом наступлении. Вот что тогда было обнаружено. В Вильне немецкий штаб издавал тогда для наших солдат большевистские газеты на русском языке и распространял их по фронту. Во время наступления, приблизительно, 2—4 июля в газете “Товарищ”, изданной в Вильне немцами и вышедшей, приблизительно, в конце июня, сообщались, как уже случившиеся, такие факты о выступлении большевиков в Петрограде (первое выступление Ленина), которые случились позднее. Так немцы в согласии с большевиками и через них воевали с Россией. Точно так же не так прост и факт переворота 25 октября. Германия сама вынуждена была в ходе войны бороться с Антантой приемами большевизма. Она избрала для этой цели Россию, как соперника, наиболее слабого в этом отношении. В ее союзе было в 1917 году совсем не благополучно. Австрия готова была выйти из союза с Германией и искать сепаратного мира. Германия, поэтому, и спешила совершить у нас переворот осенью 1917 года, стараясь предупредить выход из войны Австрии. Я констатирую Вам следующий факт. 24 октября 1917 года, мы, Временное правительство, получили предложение Австрии о сепаратном мире. 25 октября произошел большевистский переворот. Так немцы “форсировали” ход событий. Конечно, совершая этот переворот, они через большевиков делались в России господами положения.

Вы спрашиваете, что было установлено работой Верховной чрезвычайной следственной комиссии по вопросу о роли Николая II и Александры Федоровны в попытке выйти из состояния войны с Германией путем сепаратного мира с врагом, как их подозревало общество? Я могу сказать по этому вопросу следующее. Верховная следственная комиссия, возникшая по постановлению Временного правительства от 4 марта 1917 года, состояла из пяти или восьми лиц, представлявших собой элементы: государственный и общественный. Рабочий аппарат ее составляли судебные следователи, товарищи прокуроров и адвокаты, имевшие наибольший опыт. Я помню в составе комиссии лишь некоторые имена: председатель ее присяжный поверенный Муравьев, члены — академик Ольденбург, сенатор Иванов. Других не помню. Судебным следователем, производившим расследование о роли Николая, Александры Федоровны и Ее кружка, был Руднев. Я сам его до этого времени лично не знал. Он был привлечен к работе в комиссии как талантливый и энергичный следователь, как его мне рекомендовали члены комиссии, сходившиеся, кажется, все в такой оценке. Рудневу было дано определенное задание:

он должен был обследовать роль Николая II и Царицы по вопросу о наличии в Их действиях 108 ст. уголовного уложения, т. е. государственной измены. В результате работы комиссии в этом направлении мне было доложено, что в действиях Николая II и Александры Федоровны комиссия не нашла этого преступления. Об этом я тогда же докладывал и Временному правительству.

Я сам лично мыслю по этому вопросу таким образом. Я убежден, что Николай II сам лично не стремился к сепаратному миру и ни в чем не проявил наличия у Него такого желания. Я убежден в этом не только в результате работ комиссии, но и в результате вообще моего наблюдения Его за период Его заключения в Царском и в результате моего пребывания у власти, что вообще давало мне большие возможности. Я считаю должным установить в этом отношении следующий факт. Было обнаружено в документах письмо императора Вильгельма к Государю, в котором Вильгельм на немецком языке предлагал Николаю заключение сепаратного мира. Был обнаружен ответ на это письмо, остававшийся в виде отпуска в бумагах. По поручению Николая кем-то (положительно не могу припомнить, кем именно) по-французски было сообщено

Вильгельму, что Государь не желает отвечать на Его письмо. Этот факт, известный и следственной комиссии, я считаю нужным категорически установить. Он имел место в 1916 году, но я теперь не могу припомнить более точно даты и указать, к какому именно месяцу относится эта переписка.

Но я совсем иначе смотрю на этот вопрос относительно Александры Федоровны. Я столь же категорически скажу, что работа следственной комиссии, разрешившей и этот вопрос отрицательно, меня не убедила и не устранила у меня подозрения в отношении Ее.

Прежде всего, я признаю, что самый способ установления истины таким приемом, к которому прибегло Временное правительство, был неправилен. Я это уже потом и сам сознавал. Я говорю про следственную комиссию. Нужно было пользоваться старым в этом отношении аппаратом. Нужно было, чтобы опытный следователь чисто криминальными методами производил предварительное следствие, как это обыкновенно делалось, не будучи связан в проявлении своей единоличной власти-инициативы. Вместо этого был создан сложный, громоздкий аппарат, приводивший прежде всего к проволочке и потере доказательств. Действия комиссии носили научно-анкетный характер, а эти действия должны были носить быстрый, энергичный характер деятельности следователя, как инквизиционного судьи. Но что же можно было сделать в этом отношении? Таковы были обстоятельства. Немыслимо было бы в те дни предлагать какому-нибудь следователю “по особо важным делам” производство такого следствия. Кроме того, мне кажется, что вопрос этот о наличии 108 статьи в действиях Александры Федоровны весьма сложен. Эти преступления вообще трудно устанавливаются документальными данными, так как обычно в таких делах не прибегают к документам или в самих документах затемняют эти вопросы посторонним содержанием. Здесь же этот элемент был особенно труден для его установления, благодаря особому положению Александры Федоровны.

Мне кажется, что выяснение этого вопроса в порядке производства предварительного следствия должно было бы обнимать очень широкие явления, чего, повторяю, не делалось и не могло делаться при научно-анкетном построении самого аппарата.

Мои личные подозрения, повторяю, несколько не устраненные в результате работы верховной комиссии, сводятся в конце концов, вот к чему.

Что Распутин лично был немецкий агент, или, правильнее сказать, что он был тем лицом, около которого работали не только германофилы, но и немецкие агенты, это для меня не подлежит сомнению. Я не сомневаюсь, что все эти Манасевичи-Мануйловы, Рубинштейны, Симановичи и прочие господа, бывшие около него и им руководившие, были агентами немцев.

Пребывая у власти, я имел возможность читать многие документы Департамента полиции и другие документы Министерства внутренних дел особенно эпохи Хвостова в связи с личностью Распутина. Читая эти документы, порождались у меня внутренние духом, из чисто инстинктивных

гаспутина. Читая эти документы, поражаешься их внутренним духом, их чисто шпионским стилем. Что чувствовалось, например, в словах Распутина, когда он настойчиво до самого конца своего в неоднократных документах писал Царю про Протопова: “Калинина не гони, он наш, его поддержи”. Я говорю в данном случае только про самого Распутина и хочу сказать, что его именно роль для меня не подлежит сомнению. Кого видел в нем Пуришкевич, убивший его? Он нисколько не скрывал, что в его лице он убивал, прежде всего, изменника. Вспомните про Хвостова. Я лично не питаю положительных чувств к личности Хвостова. Но он открыто боролся с Распутиным, как центральной фигурой немецкой агентуры. Как ожесточенно с ним боролся Распутин при помощи окружавших его лиц, того же Манасевича-Мануйлова. Так вот, я хочу сказать, что в результате знакомства моего с указанными документами у меня сложилось полное убеждение о личности Распутина, как немецкого агента, и будь я присяжным заседателем, я бы обвинил его с полным убеждением. Вся роль Распутина была именно такова: за немцев и на пользу немцев. Он выступал перед войной “за немцев”. Вспомните ту эпоху. Правительство, как таковое, в частности Сазонов, как определенно утверждал и в Государственной Думе, так сказать, вырывали войну. Говорили, что Великий Князь Николай Николаевич даже увез с собой автомобиль Государя, чтобы получить от Него указ о мобилизации. Я не знаю, правда ли это. Передавалось об этом, как о факте. Но вот факт, как положительно известный, как бывшему главе власти. Царь перед самым объявлением войны посылал Распутину в Тюмень телеграммы, спрашивая его совета по поводу объявления войны. Распутин отвечал Ему, приблизительно, в таких выражениях: “Крепись, войны не объявляй. Плохо будет тебе и Алеше”. Вот была роль Распутина. Перед войной он был за немцев. Я бы хотел знать, говорил ли он, этот полуграмотный мужик, свои мысли. Конечно, он был сам проводником чужой воли и чужих директив.

В войну Распутин работал на немцев. Для кого теперь секрет, что Штюмером и Протопоповым Россия была обязана ему? Теперь многое забыли. Но пусть вспомнят прошлое. Сазонов и известная эпоха. Можно ли себе представить его имя в известной комбинации сепаратического соглашения с немцами? Нашли, вероятно, какую-нибудь его вину и убрали, заменив Штюмером. Этот человек был — создание Распутина и был ему близок. Его можно представить в такой комбинации.

Я больше могу Вам сказать про Протопопова, которого я хорошо знал по Государственной Думе. Это был хитренький человек, приспособляющийся легко ко всякой обстановке, старавшийся быть приятным. Я убежден, что для него все его прохождение по общественно-государственной лестнице было вопросом его личной карьеры. Благодаря своим индивидуальным свойствам он пролез из Симбирских трущоб в Государственную Думу и незаметно для других лез все выше и выше. В этом государственном учреждении он оставался тем же, по существу, “обывателем из Симбирска” и в государственном отношении представлял собой пустое место. Так к нему и относились. Но, благодаря своим указанным свойствам, он приспособился и здесь. Родзянко считал его своим, а для оппозиции он был всегда “наименьшим злом”. Его честолюбие особенно разожгла карьера Хвостова. Через Распутина он попал в министры. Интересно, весной 1916 года он в составе парламентской группы, посланной в союзные страны, и в Стокгольме попался в неосторожных сношениях с немцами. Он оправдывался, но его совершенно детские объяснения никого не убедили. От него отвернулись в дворянских симбирских кругах и забаллотировали в предводители. От него отвернулись в Государственной Думе. Был большой скандал. Но никто не понимал, что все это только и было ему на руку. Чем ниже падал его авторитет, как государственного деятеля, избличенного в сношениях с немцами, тем выше его авторитет делался в глазах немецкого кружка Александры Федоровны. Он был человек этого кружка. Тут он уже не считал нужным и скрывать самого себя. Я — в кабинете Протопопова, уже министра внутренних дел (по старому знакомству я зачем-то зашел к нему тогда). И знаете, что я там видел? Перед ним на столе стояла огромных размеров икона Спасителя. Я не утерпел и посмеялся. Не было уже прежнего, ласковенького, приспособляющегося Протопопова. Он так напыщено ответил мне: “Знаете, Александр Федорович, без Божьей помощи...” Не такой он был там у себя, внутри себя. Это был фокус. Кто он был по своим взглядам на войну? Все положительно знали, что он не принадлежал в этом отношении к группе прогрессивного блока и

не был сторонником его отношения к войне. Он также был “за немцев”.

Вы вдумчиво отнеситесь к быстро летевшим тогда событиям. Вот их ход в ту эпоху. Великий Князь Николай Николаевич был, как это всем было известно, сторонник войны с немцами. Факт, что Распутин боролся с ним отчаянно. Он победил и Великий Князь был убран. Я не Его сторонник, но я понимаю, каким деморализующим образом это подействовало тогда на фронт и тыл. Я вижу полную аналогию, те же самые приемы педантичного немецкого духа, как и в 1917 году. В октябре месяце немцы форсировали события. Так же форсировали они их и здесь. Мало-помалу Николай II отталкивается от управления страной и фактически в 1916 году правительницей делается Александра Федоровна. Сообщаю Вам, как непреложный факт: министры делали доклады уже Ей. Это было установлено нами в эпоху революции осмотрами гоф-курьерских книг.

Между тем усиленная работа, направленная прямо и непосредственно на “развал” страны шла вовсю. Правительство, возглавляемое Александрой Федоровной, преследовало общественные элементы, отталкивало их от участия во власти и в работе на государство. Оно развалило и еще до революции разваливало хозяйственную жизнь и создавало планомерную дезорганизацию продовольствия как в тылу, так и на фронте. В то же время правительство, обрушиваясь и подвергая преследованиям революционные элементы, считавшие необходимым продолжение войны, не преследовало и не прекращало пораженческих течений в революционной среде. Я категорически утверждаю эти обстоятельства, т. к. к революционной среде я был близок.

Таковы были факты общественно-государственной жизни страны. Во главе именно их стояла Александра Федоровна, а они все были направлены на одно: на развал страны. Я хочу сказать несколько слов о Ней лично в этом вопросе. Что они сожгли с Вырубовой? Для чего они это сделали? Другой штрих. Следственная комиссия доложила мне, что состава 108 статьи она не находит в действиях Ее. Но Муравьев выразил при этом желание допросить Ее. При таком положении дела я признал допрос Ее следственной комиссией совершенно не допустимым. Но я попробовал сам поговорить с Ней. И эта попытка не только не разубедила меня в Ее виновности, но наоборот — усилила мои подозрения. Я начал разговор очень издали, ни единым словом даже не обмолвившись о немцах, а сказал только несколько фраз о Ее кружке. Она крайне нервно перебила меня и быстро, быстро заговорила, все больше и больше, с весьма малыми перерывами, впадая в тон обиженной женщины, без всяких с моей стороны поводов — о немцах. Я передам Ее слова Вам довольно точно: “Я знаю... Я понимаю... До Вас дошли слухи, что Я сочувствую (или помогаю) нашим врагам. Это сушая клевета. Вы же должны знать, что я по традициям и по воспитанию англичанка. Я англичанка! Я англичанка”¹⁰⁵. Все больше и больше повышая тон, Она явно шла на “истеричку”. Я прекратил разговор, попросил к Ней Нарышкину и удалился. Вот что Она этим нашим разговором сделала для меня очевидно-ясным: Она знала, что Распутина около Нее русские люди связывали с немцами, и не выдержала своей роли в беседе со мной. Эти минуты для моего понимания Ее личности для меня останутся навеки.

Это люди, более или менее посвященные в дела государства, и чувствовали и понимали. Фактически на фронте Великого Князя сменил Алексеев. Сообщаю Вам, как факт мне положительно известный, что Алексеев в октябре месяце 1916 года должен был “арестовать” Александру Федоровну, как лицо, явно работавшее на развал страны и в пользу врага. Он не успел этого сделать, так как заболел и ушел тогда с фронта. Позднее возник заговор. В него входили члены Государственной Думы, члены Государственного совета, общественные деятели, высшее офицерство. Заговор имел в виду отречение Николая II в пользу Алексея с регентством Михаила. Я хочу сообщением этих фактов указать, что роль Александры Федоровны так именно понималась большинством людей, стоявших тогда около событий. Революционерами стали люди, от которых никак нельзя было ожидать этого.

Подлинные революционные элементы, в среде которых был я, мы знали это. Мы ожидали таких событий и мы решили поддерживать их.

Так мы смотрели на этот вопрос даже 26 февраля, когда у меня было заседание бюро левых фракций.

В чем же, в конце концов, было дело? Чего именно добивалась Александра Федоровна? Она прекрасно понимала состояние страны в конце 1916 года. Я должен признать факт, что в конце 1916 года мы были уже не боеспособны. Транспорт, продовольственное дело столь были разрушены, что мы фактически воевать не могли. Но самое главное — солдатские массы не желали и уже “по духу” не могли воевать. Это было ясно совершенно для меня во время моей работы в 1917 году и как члена Государственной Думы и позднее как главы правительства. Иначе к этому вопросу относились буржуазно-интеллигентные круги и командный состав. Заключение мира было бы охотно признано именно народными массами. Это Она понимала. Это на многие годы сохранило бы династию. Она на это и шла. Какими путями?

Прежде всего, нужно понять Ее и Николая. Что Они представляли собой оба в Их взаимоотношениях? Я видел Их, я наблюдал Их. Вот что это было.

Он был человек, очень ушедший в себя, скрытный, недоверчивый к людям и бесконечно их презиравший; человек ограниченный, не интеллигентный, но с каким-то чутьем жизни и людей. Он не ценил и не любил ничего и никого, кроме сына и, быть может, дочерей. В нем поражало полное равнодушие ко всему внешнему, претворившееся в какой-то болезненный автоматизм. Когда я вгляделся больше в Его лицо, то оно мне стало казаться маской. Из-за этой улыбки, из-за этих чарующих глаз выглядывало что-то мертвящее, безнадежное, какое-то последнее одиночество, последняя опустошенность. Он действительно мог быть и был мистиком. Он искал общения с небом, так как на земле все ему опостылело, было безразлично. Всмотревшись в эту живую маску, понял я, почему так легко выпала власть из его рук: он не хотел бороться за нее. В нем не было воли к власти. Он без всякой драмы в душе ушел в частную жизнь. “Как я рад”, говорил Николай II старухе Нарышкиной, “что больше не надо подписывать этих скучных, противных бумаг. Буду читать, гулять, буду с детьми”. Эти слова не были рисовкой со стороны Николая II, ибо действительно в заключении Николай был большей частью в благодушном настроении, во всяком случае спокоен. Тяжелое бремя власти свалилось с плеч и стало свободнее, легче. Вот и все.

А рядом мучилась, страдала без власти, не могла оторваться от вчерашнего дня, не могла примириться с многим больная, истеричная, такая вся земная, сильная и гордая женщина. Она подавляла всех кругом своим томлением, тоской, ненавистью, непримиримостью. Такие, как Она, никогда ничего не забывают, никогда ничего не прощают.

Такой был Он и такая была Она. Я вхожу впервые к ним. Вдали стоит, сбившись в кучу, как бы испуганная Семья. Ко мне идет нерешительно, как-то робко полковник. Скромная фигура, какая-то неловкая, одетая как будто бы в костюм с чужого плеча. Мы сошлись. Было смущение.

Он не знал, подавать ли мне руку, подам ли руку я. Я протянул ему руку и назвал: “Керенский”. Он сразу вышел из неловкого положения, заулыбался приветливо, повел к Семье.

Там рядом с Ним стояла передо мной женщина, в которой сразу же чувствовался человек, с колоссальным честолюбием, колоссальной волей, очень упрямый, совершенно Его подавлявший своим волевым аппаратом.

Вот каковыми Они представляются оба вместе и в Их отношениях. Он сам, Он один, Он Николай II не был изменником. Он сам не пошел бы на сепаратный мир. Я в этом глубоко уверен. Каждый раз при свидании со мной Он спрашивал меня про фронт: “Что на фронте? Как там дела?” Это было каждый раз. Но я уверен, что, не случись такого конца в феврале, было бы иначе. Александра Федоровна шла к своей цели. Она устранила Его и правила Сама. Ее правительство всей системой своих действий, главным образом, в продовольственном вопросе вызывало “беспорядки”, т. е. провоцировало их. В то же время оно готовилось к подавлению их. Петроград принимал меры, так называемой, военной обороны столицы против не

существовавшего перед столицей внешнего врага. Эти пулеметы, конечно, были не “полицейские”, как признает это Руднев: полицейских пулеметов и не было. Но они предназначались не против немцев, а против своих же. Подавление беспорядков — базис для сепаратного мира. Я не знаю, в какой форме это Она преподнесла бы Николаю, но Она самое главное в этом отношении уже сделала. Я категорически заявляю Вам, что в декабре месяце, уезжая на фронт, Николай оставил подписанный уже Им бланк о роспуске Думы. А ведь все только в этом и заключалось. Только и существовало одно препятствие для сепаратного мира: она, Дума.

Но ошиблись все: ошиблась Александра Федоровна, ошиблись и буржуазные революционеры. Искусственно созданные системой правительства “хвосты” неожиданно для них вылились в бунты. Они очень быстро приняли форму революционной вспышки. Гучков и Шульгин опоздали. Николай сразу понял характер случившегося и, когда они приехали за Манифестом в пользу Алексея, Он не дал им сына. Начавшаяся революция смыла все.

Конечно, Временное правительство принимало на себя содержание самой Царской Семьи и всех, кто разделял с Ней заключение. О том, что Они терпели в Тобольске нужду в деньгах, мне никто не докладывал. Их личные средства по сравнению с тем, как говорили, оказались невелики. У Них оказалось всего в Англии и в Германии не свыше 14 миллионов рублей.

За все время существования Временного правительства никогда не существовало комиссии приемки особо важных заказов обороны государства. Документ, содержание которого Вы мне сейчас прочли (прочтен документ, описанный в пункте II-м протокола 2 января 1920 года), безусловно подложный.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Но я прошу Вас внести некоторые изменения в текст протокола.

Я хотел Вам сказать, что действия Александры Федоровны объективно затрудняли дело борьбы с немцами, но я не хочу вовсе сказать о Ее субъективной виновности и допускаю, что Она таким образом хотела, быть может, спасти династию, не имея никакого общения с какими-либо немецкими комбинациями. Скорее я полагаю, что Она, быть может, инстинктом матери не чувствовала иного выхода из тупика, кроме сепаратного мира.

В число фактов, убеждающих меня, что Распутин вольно или невольно играл роль центра германской агентуры, телеграммы его, удерживавшие Царя от вступления в войну, не входят: Вы меня не так поняли. Этим телеграммам я даю иное объяснение. Добавляю, что во время войны за спиной Распутина, по моему убеждению, стояла какая-то иная фигура, которой, к сожалению, мы не вскрыли.

Необходимо уточнить, для меня лично, Великий Князь Николай Николаевич был явлением сам лично, деморализовавшим армию, но, к сожалению, широкое общественное мнение подлинных фактов не знало и восприняло увольнение Его, как катастрофу. Конечно, мотивы борьбы с Ним Распутина ничего общего со стремлением поднять боеспособность фронта, изъязв из обращения эту дезорганизирующую фигуру, не имели.

Письмо к Львову Царь написал не одновременно с отречением, а после 4 или 5 марта.

В период разлучения Царя с Царицей за столом за Ними наблюдал обыкновенно не Коровиченко, а дежурный офицер.

Я не хотел сказать, что я не видел Ярошинского. Один раз, как я Вам рассказывал, он являлся ко мне, как к министру Председателю с изложением финансового проекта, который сулил правительству чрезвычайные финансовые выгоды. Я направил его с этим проектом к министру

правительству чрезвычайные финансовые выходы. Я направил его с этим проектом к министру финансов. Спустя некоторое время мне было доложено, что этот финансовый проект не заслуживает серьезного внимания. Я принял г. Ярошинского потому, что кто-то из министров (кажется, Терещенко) сообщил мне о желании г. Ярошинского сделать мне личный доклад.

В “Общем Деле” было оглашено особое составленное для печати сообщение по материалам, имевшимся в распоряжении прокурорского надзора. Это сообщение было составлено уже по уходу Переверзева из Временного правительства.

Государь оставил подписанный Им указ о роспуске Государственной Думы без даты не в декабре, а в феврале 1917 года.

В заседании информационного бюро левых партий у меня на квартире вечером 26 февраля о заговорах цензовых элементов и о положительном к ним нашем отношении ничего не говорилось, так как данному бюро, как таковому, ничего об этом известно не было.

Александр Керенский

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол осмотра судебным следователем по особо важным делам Н. А. Соколовым трех номеров газеты «Общее Дело», 11—12 августа 1920 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 225—230. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1920 года августа 11—12 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции), в порядке 315—324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр трех номеров газеты “Общее Дело”, предоставленных к следствию Владимиром Львовичем Бурцевым.

По осмотру найдено следующее:

Три номера газеты “Общее Дело” на русском языке: № 28 от 20 октября 1918 года, № 62 от 10 декабря 1919 года и № 66 от 23 марта 1920 года. Газета издается и редактируется Бурцевым в Париже.

1) № 28 газеты от 20 октября 1918 года.

В этом номере имеется за подписью Бурцева на французском языке статья, имеющая заголовок “Вильгельм II — убийца Николая II”. Содержание этой статьи вполне соответствует содержанию, описанному в протоколе 25 октября 1919 года.

2) № 62 той же газеты от 10 декабря 1919 года.

В этом номере под заголовком “Обвинение Ленина, Зиновьева и других в государственной измене” напечатано, как значится в газете, “в сокращенном виде официальное сообщение прокурора Петроградской судебной палаты”, дословно следующего содержания:

“В настоящее время могут быть сообщены без нарушения тайны предварительного следствия лишь некоторые данные, установленные свидетелями и документами, послужившие основанием для привлечения Ульянова (Ленина), Апфельбаума (Зиновьева), Коллонтай, Гельфанда (Парвуса), Фюрстенберга (Ганецкого), Козловского, Суменсон, прапорщиков Семашко и Сахарова, мичмана Ильина (Раскольников) и Рошала в качестве обвиняемых по 51, 100 и 108 ст. ст. угол. влож. в измене и организации вооруженного восстания”.

Расследование фактов вооруженного восстания, имевшего место 3 и 5 июля в Петрограде, с целью свержения Временного правительства, и обстоятельств, при которых это восстание произошло, показало, что оно возникло и протекало по указанию р. с.-д. р. партии.

Все руководящие указания исходили из дома Кшесинской, называемого свидетелями “штабом Ленина”, где и помещался главный комитет.

В доме Кшесинской были обнаружены бланки военной организации при центральном комитете р.с.-д.р. партии. На таких же именно бланках отдавались в воинские части письменные распоряжения о вооруженном выступлении.

В ночь с 4-го на 5-ое июля в военную петроградскую автомобильную мастерскую на таком же бланке было прислано предложение названной мастерской привести в боевую готовность броневые машины с пулеметами, шоферами и опытными пулеметчиками и предоставить их в распоряжение военной организации. На таком же бланке был написан приказ о присылке в Кронштадт крейсеров.

Кроме того там же найдены: 1) Заметки о распределении воинских частей и “вооруженных рабочих” по районам, о распределении между отдельными лицами обязанностей по заведыванию вооруженными силами, по разведке и внешнему караулу, по сношению с частями, по Петропавловской крепости и сведения о воинских частях, входящих в группу Выборгской и Петроградской стороны и Марсова поля и об установлении связи с различными полками. 2) Резолюция, принятая на заседании общегородской конференции р.с.-д.р.п. и делегатов воинских частей 3 июля в 11 час. 40 мин. вечера. В резолюции этой рекомендуется: немедленное выступление рабочих и солдат на улицу для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли. Резолюцию эту подтвердили: Центральный Комитет и В. (военная) О. (организация). 3) Телеграмма из Стокгольма от 20 апреля на имя Ульянова (Ленина) за подписью Ганецкого (Фюрстенберга): “Штейнберг будет хлопотать субсидию для нашего общества. Обязательно прошу контролировать его деятельность, ибо совершенно отсутствует общественный контакт”. 4) Литература “Союза русского народа” и большое количество открытых писем издания журнала “Паук” с изображением ритуального убийства в Венгрии 1882 года.

Помимо документальных данных, связь вооруженного восстания с деятельностью Центрального комитета р.с.-д.р.п., при котором была образована военная организация, устанавливается также тем фактом, что выступившие вооруженные части, как петроградского гарнизона, так и прибывшего из Кронштадта, направились к дому Кшесинской, где и получили указания от Ульянова (Ленина) и других лиц. Оттуда же исходили предложения в воинские части о приведении в боевую готовность броневых машин и пулеметов, и, наконец, там же собирались вооруженные пулеметами грузовики и автомобили.

Усиленная пропаганда мятежа, которая велась среди войск и населения в течение нескольких месяцев, повлекшая за собой восстание 3—5 июля, была произведена с целью благоприятствовать неприятелю в его враждебных против России действиях и, как показали последующие события, действительно оказала существенное содействие неприятелю, внося разложение в некоторых частях на фронте.

По этому поводу следствием добыты данные, которые указывают, что в России имеется большая организация шпионажа в пользу Германии.

Не имея возможности по самому характеру этого преступного деяния (измены) и в интересах следствия сообщить более подробные сведения по этому обвинению, приходится по необходимости ограничиваться в настоящее время сообщением лишь следующих данных.

Ряд допрошенных по делу свидетелей удостоверил, что в начале 1917 года Германия дошла до

крайнего предела напряжения и ей был необходим самый скорый мир, что Ленин, проживая в немецкой Швейцарии, состоял в общении с Парвусом (он же Гельфанд), имеющим определенную репутацию немецкого агента, что Ленин посещал лагерь, в которых находились пленные украинцы, где и вел пропаганду об отделении Украины от России. В связи с его приездом в Германии не стесняясь открыто говорили: “Ленин — это посол Вильгельма, подождите и увидите, что сделают наши деньги”.

В данных предварительного следствия имеются прямые указания на Ленина как германского агента, и указывается, что, войдя с германским правительством в соглашение по поводу тех действий, которые должны способствовать успеху Германии в ее войне с Россией, он прибыл в Петроград, где при денежной поддержке со стороны Германии и стал проявлять деятельность, направленную к достижению этой цели.

Сношения с Германией через Стокгольм, который является крупным центром германского шпионажа и агитации в пользу сепаратного мира России с Германией. В апреле этого года из Стокгольма была сделана попытка издавать вне Петрограда газету с целью агитации против Англии и Франции. У германских агентов в Копенгагене и Стокгольме в первые дни революции появились крупные деньги и началась широкая вербовка агентов для России среди наших дезертиров и некоторых эмигрантов. При этом переводились крупные суммы (800 000, 250 000 и др.) в Россию из Стокгольма через один из банков, который получал на это ордера из Германии.

Выяснилось также, что Ленин и Зиновьев, проживая в октябре 1914 года в Австрии близ Кракова, были арестованы австрийскими властями как русские подданные, но вскоре освобождены с правом свободного выезда в Швейцарию, где и стали издавать журнал “Социал-демократ”, в котором распространяли идею о необходимости поражения России в настоящей войне. В одном из номеров этого журнала содержался призыв к русским гражданам фактически содействовать поражению России.

В освобождении Ленина и Зиновьева большую роль сыграл Ганецкий, который по словам, сказанным одному из свидетелей, “прервал” допрос Ленина и Зиновьева, производившийся австрийскими властями. Впоследствии выяснилось, что Ленин и Зиновьев были освобождены из-под австрийского ареста по личному предписанию графа Штрюка — австрийского премьера.

Следствием установлено, что Ганецкий-Фюрстенберг Яков (уменьшительное Куба), проживая во время войны в Копенгагене, был очень близок и связан денежными делами с Парвусом — агентом германского правительства.

В апреле 1917 года в швейцарской социал-демократической газете, издающейся на немецком языке в Сан-Галене, а немного позже и в других журналах, появились разоблачающие деятельность Парвуса сведения, сообщенные доктором Яковом Фридманом из Базеля и бывшим членом Государственной Думы Алексинским.

Деятельность Парвуса как германского и австрийского агента была направлена к поражению России и отделению от нее Украины. Следствием установлено, что Козловский ездил в Копенгаген, где называл себя юрисконсул(ьт)ом крупного капиталиста. Парвус (Гельфанд) предлагал субсидировать одно крупное предприятие России.

По наведенным представителями пароходного предприятия справкам в одном из банков в Копенгагене в распоряжении Гельфанда находилось свыше миллиона рублей.

Ввиду того, что для представителей пароходного общества стало ясно, что коммерческая деятельность Гельфанда (Парвуса) служит лишь прикрытием его деятельности в пользу Германии, всякие переговоры с ним были прерваны.

Попутно с этим выяснилось, что Гельфанд (Парвус) приехал летом 1915 года из Швейцарии в

Копенгаген через Берлин при содействии Фюрстенберга, что вместе с Фюрстенбергом и Козловским он совершил поездки из Копенгагена в Берлин и обратно; что во время пребывания Гельфанда-Парвуса в Копенгагене к нему приезжали из Берлина некоторые лица, посещая также и Козловского с Фюрстенбергом.

Из имеющейся в распоряжении судебных властей многочисленной телеграфной корреспонденции усматривается, что между проживавшими в Петрограде Суменсон, Ульяновым (Лениным), Коллонтай и Козловским с одной стороны, и Фюрстенбергом (Ганецким) и Гельфандом (Парвусом) с другой, существовала постоянная и обширная переписка. Хотя переписка эта и имеет указания на коммерческие сделки, высылку разных товаров и денежные операции, тем не менее представляется достаточно оснований заключить, что эта переписка прикрывает собою сношения шпионского характера. Тем более, что это один из обычных способов сокрытия истинного характера переписки, имеющей шпионский характер.

По имеющимся в деле данным видно, что некоторые русские банки получали из скандинавских банков крупные суммы, выплаченные разным лицам; причем в течение только полугода Суменсон со своего текущего счета сняла 750 000 руб., внесенных на ее счет разными лицами, и на ее счету в настоящее время числится остаток в 180 000 рублей.

При расследовании настоящего дела следственная власть руководствуется материалами добытыми только следственным путем. И материал этот дает вполне достаточно оснований для суждения как о наличности преступного деяния, так и для установления многих лиц, принимавших участие в его совершении.

Предстоящие же многочисленные допросы свидетелей, осмотры найденных при обысках вещественных доказательств, детальные обследования денежных операций — вся эта сложная работа будущего должна дать еще больший материал для раскрытия преступной организации шпионажа и его участников.

На основании изложенных данных, а равно данных, не подлежащих пока оглашению, Владимир Ульянов (Ленин), Овсей Гейш Аронов Апфельбаум (Зиновьев), Александра Михайловна Коллонтай, Мечислав Юльевич Козловский, Евгения Маврикиевна Суменсон, Гельфанд (Парвус), Яков Фюрстенберг (Куба Ганецкий), мичман Ильин (Раскольников), прапорщики Семашко и Рошаль обвиняются в том, что в 1917 году, являясь русскими гражданами, по предварительному между собой уговору в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против них действиях, вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности армии, для чего на полученные от этих государств денежные средства организовали пропаганду среди населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных против неприятеля действий, а также в тех же целях в период времени с 3-го по 5-е июля организовали в Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти, сопровождавшееся целым рядом убийств и насилий и попытками к аресту некоторых членов правительства, последствием каковых действий явился отказ некоторых воинских частей от исполнения приказаний командного состава и самовольные оставления позиций, чем способствовали успеху неприятельских армий. Июль 1917 г.”

В номере газеты впереди только что приведенного текста имеется заметка Бурцева, в которой он обвиняет Керенского в пособничестве большевикам и требует от него объяснения его действий.

3) № 66 той же газеты от 23 марта 1920 года.

В этом номере и имеется объяснение Керенского по поводу заметки Бурцева и самого содержания вышеописанного документа. Объяснение Керенского изложено в виде его письма к редактору газеты “Общее Дело”.

По поводу описанного текста Керенский пишет в своем письме: “Статья эта состоит из сокращенного изложения официального сообщения прокурора С. П. Б. судебной палаты, опубликованного с моего ведома около 10—12 июля 1917 года...”

Из текста объяснения Керенского видно: а) что в распоряжении Временного правительства имелся более обширный материал по обвинению Ленина и других лиц в шпионаже и измене, и вышеприведенные данные есть лишь часть этого материала, собранного, главным образом, Керенским и Терещенко; б) что Ленин успел тогда скрыться в самый момент принятия против него мер к его аресту.

Остальные места письма не отмечаются, как имеющие отношение лично к Керенскому и не имеющие значения для настоящего дела. Настоящий акт составлен в двух экземплярах.

Судебный следователь Н. Соколов

Понятые:

1) Генерал-лейтенант Сергей Николаевич Розанов

2) Подъесаул Артур Персильевич Левиз оф Менар

[Протокол допроса В. Л. Бурцева, 11 августа 1920 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 221—225. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1920 года августа 11 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции) в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля и он показал:

Владимир Львович Бурцев, 57 лет, дворянин Уфимской губернии, православный, проживаю в г. Париже, 49, Boulevard Saint-Michel.

Многие годы тому назад я был вынужден эмигрировать из России и жить вне ее пределов, с небольшими перерывами. Причиной, побудившей меня уехать из России, является борьба, которую я вел за благо нашей Родины в сфере ее государственно-политической жизни. При царском режиме я боролся с идеей самодержавия и личностью Императора Николая II. При большевиках я боролся прежде всего за целостность самой Родины, считая систему их действий по осуществлению власти прежде всего предательством России.

Средством моей борьбы, которую я вел и веду уже многие годы, всегда было публичное, открытое печатное слово.

Таким образом, принадлежа в продолжение многих лет существования царской власти к революционной среде, я хорошо изучил ее. Но в этом отношении я несколько специализировал мою деятельность. Основная идея моей деятельности заставила меня вести борьбу и в самой революционной среде с теми ее элементами, которые являются в ней предателями в отношении самой идеи — борьбы за благо Родины. Выясняя такие элементы путем моих наблюдений, при помощи имеющихся у меня больших связей, я беспощадно разоблачал их печатным словом. Эта сторона моей деятельности известна достаточно всему миру.

Я готов по настоящему делу дать Вам ответы на все Ваши вопросы, но в некоторых отношениях я принужден ограничиться лишь констатированием фактов, так как, в силу самого существа моей работы, я не должен был и не могу не

работы, я не всегда могу идти дальше этого.

На Ваш вопрос о сущности явления, именуемого у нас большевизмом, в действиях отдельных лиц, игравших в нем наиболее видную роль, я могу сказать следующее.

Совершенно определенно заявляю Вам, что самый переворот 25 октября 1917 года, свергнувший власть Временного правительства и установивший власть Советов, был совершен немцами через их агентов, на их деньги и по их указаниям. Собственная позиция немцев в этом вопросе совершенно ясна. Не боясь сами развития у себя “русского большевизма” благодаря их высокому общему культурному уровню, немцы прибегли в 1917 году к этому средству, как к способу развала России, выводя ее из рядов борющихся с ними врагов. Такова была в тот момент их ближайшая задача. Существовали, конечно, у них при этом и другие цели, но уже более отдаленные: прежде всего, захват территории России, богатой материальными и природными ресурсами, для возможности продолжения борьбы с Западом. Констатируя этот факт совершения ими переворота 25 октября, я не считаю возможным сказать более этого по данному

вопросу. Я не могу этого сделать в настоящий момент потому, что меня интересует в этом отношении роль некоторых наиболее ответственных за судьбу Родины лиц, в каком направлении я и работаю в настоящий момент.

Совершенно определенно заявляю Вам, что главой немецкой агентуры был Ленин. Его окончательное соглашение с немцами произошло еще в 1916 году в г. Берне. Тогда он получил от немцев крупные деньги и окончательно “нанялся” к ним, согласившись работать по их указаниям. Я считаю нужным сказать несколько слов лично о нем как о человеке. Хотят видеть в нем самом особую, так сказать, сущность; стараются найти в его деятельности со времени переворота 25 октября самодовлеющую цель, обособленную от деятельности немцев в России или от деятельности их агентуры на них. Я говорю в данном случае не об этой “самодовлеющей сущности”, т. к. это не его сущность: не Ленин породил учение “социализма” и, во всяком случае, он не создал в этой области, как теоретик, ничего нового. Я говорю о нем лично, как о человеке, и хочу отметить эту индивидуальную сущность. Ленин в полном смысле “циник духа”. Это нечто большее, чем иезуитизм. Там требуется наличность цели, и только превосходство ее оправдывает средства. У него раз навсегда решен этот вопрос: все средства хороши, все дозволено. В результате теряется все: и общечеловеческая мораль и простое сострадание к человеку и самое ощущение Родины. От него и его адептов исходит духом “палачества”.

Прибыв в Россию в 1917 году с целым сонмом наемных агентов, в чем ему открыто помогли немцы, он повел энергичную борьбу на развал России в самом широком масштабе. Первая его попытка к организованному, открытому выступлению, как известно, имела место в июле месяце 1917 года⁹⁶. Она окончилась неудачей. Благодаря этому правительственная власть получила возможность обследовать ее. Это было сделано путем назначения предварительного следствия, которое тогда производил судебный следователь по особо важным делам при Петроградском окружном суде Александров⁹⁷. Я тогда был в курсе этого дела. Меня допрашивал Александров как свидетеля по делу. Я был в курсе этого дела, благодаря моим отношениям также и к министру юстиции Переверзеву. По этому делу я получил очень ценный материал: копию рапорта прокурора судебной палаты Карчевского на имя министра юстиции, представляющую собой сводку материалов, установленных предварительным следствием. Но так как роль собственно Ленина в этом деле меня нимало не интересовала, потому что его роль как немецкого ответственного агента для меня давно была известна, а интересовала роль Керенского, в действиях которого я усматривал пособничество большевикам, то я и воспользовался этим документом значительно позднее, имея в виду вызвать на объяснения Керенского. Для этой цели я опубликовал некоторые места рапорта Карчевского. Керенский обратился после этого с письмом ко мне как к редактору газеты “Общее Дело”. Я опубликовал и его письмо. Из сопоставления обоих этих документов Вы увидите, таким образом, что юридическое значение рапорта Карчевского признает сам Керенский. Представляю Вам номера названной газеты 62 и 66, в которой опубликованы оба названные документа (свидетелем были представлены эти номера газеты “Общее Дело”).

В октябре месяце немецкий план осуществился, и немцы мало-по-малу захватили Россию, установив повсюду власть Советов. В сущности — это их способ борьбы с Антантой, глубоко продуманный план. Вы его увидите, может быть, более ясно, если посмотрите на это дело с другой стороны: с точки зрения той борьбы, которая велась и сейчас ведется лучшими сынами России с так называемыми большевиками. Именно об этом на весь мир закричал Корнилов, когда пошел против Временного правительства: "Русские люди! Великая Родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевистского большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба..." Совершенно такой же характер борьбы с немцами носила и вся последующая борьба с большевиками, организованная в Сибири и на юге России. В Москве было ничем уже неприкрытое содружество с немцами, имевшими там свое официальное представительство⁹⁸. В Сибири и на юге России — было содружество национальных элементов с союзниками.

Зимой 1918 или 1919 года здесь в Париже я получил сведения, что к покойному Императору Николаю II, за некоторое время до Его убийства, был послан немцами один генерал, чтобы склонить его на переговоры с ними, но Николай II не принял посланца и вообще отклонил немецкие предложения. Я не могу Вам в настоящее время назвать этот источник, но он безусловно достоверен. Понимая, в чьих руках в действительности была власть над той территорией, где находился Николай II; отдавая себе отчет в самом характере этого дела, жертвой которого стал бывший глава государства, я не мог тогда же обойти молчанием этого факта и назвал убийцей Императора Николая II императора Вильгельма II как главу немецкого народа. Я хотел сказать этим, что если действительно поступок Николая II имел место, то ответственным за него является Вильгельм II, в конце концов, официальный источник того зла, которое затопило Россию. К сожалению, я не знал тогда самой обстановки, при которой погиб Николай II, и поэтому я не мог выяснить тогда всех обстоятельств, о которых мне было сообщено. Я не настаиваю на достоверности деталей моего сообщения по этому вопросу, как я его тогда сделал в номере 28-м газеты "Общее Дело", выпущенном 20 октября 1918 года (представляю Вам этот номер на французском языке; конечно, сведения эти я получил не в 1919 году, а в 1918 году и не зимой, а, вероятно, поздней осенью). Возможно, что к Николаю II обращался и не генерал, а какое-либо другое лицо в образе большевистского посланца. Я не выяснял, был ли принят этот посланец Николаем или же нет. Возможно, может быть, мне было сообщено об этом и в иной форме, т. е., может быть, посланец и был принят Николаем, но Он отказался принять немецкие предложения. Не могу также сказать, когда именно это было и где именно. Возможно, что обращение к Нему имело место и не за месяц до Его смерти, а значительно ранее. Я только констатирую самый факт такого обращения к Нему и отказа Его от предложения врага⁹⁹. Я лично всю мою жизнь боролся с идеей самодержавия в России и с личностью Императора Николая II. За это меня и преследовали в России. Но я не мог не отметить в моем сообщении, что этот поступок Императора Николая II простит много Его прегрешений за Его царствование.

Я знаю хорошо Якова Свердлова. Это величина большая у большевиков и немцев. Еще в 1910 году он был членом ЦИК партии большевиков. В своей партии он "адепт" Ленина, его последователь. К этому, ввиду вышеприведенной характеристики самого Ленина, я более ничего не могу прибавить. Он не только немецкий агент по его положению в партии, но и агент их личный. Совершенно определенно заявляю Вам, что Свердлов был агентом немцев еще до самого переворота 25 октября, получая от них деньги и директивы.

Я знаю Голощекина и узнаю его на предъявленной мне Вами фотографической карточке (была предъявлена фотографическая карточка Исаея Голощекина). Это тоже типичный ленинец. В прошлом он организатор многих большевистских кружков и участник всевозможных экспроприаций. Это человек, которого "кровь" не остановит. Эта черта особенно заметна в его натуре: палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации.

И Свердлова и Голощекина я знаю лично. Между собой они в близких отношениях и на “ты”.

Я не знаю лично ни Сафарова, ни Войкова. Но знаю их по их положению. Оба — видные члены партии большевиков. Оба они прибыли как агенты Ленина, а, следовательно, немцев, в 1917 году в зампломбированных вагонах через Германию. Я имею списки всех лиц, прибывших тогда с Лениным. В этих списках Войков значится под номером 11-м, а Сафаров — под номером 5-м. Эти списки я получил в свое время из официальных источников.

В настоящий момент я ничего не могу Вам сказать про Юровского и про Василия Васильевича Яковлева. Имя Юровского я слышал. Он — большевик; если не ошибаюсь, был где-то за границей, потом где-то на юге России. Больше о нем ничего сказать не могу. Яковлевых я многих знаю, но ничего в настоящий момент не могу сообщить про Василия Васильевича Яковлева. Если мне удастся собрать сведения об обоих названных мною лицах, я их Вам сообщу.

Я знал банкира Карла Иосифовича Ярошинского. Познакомился я с ним с лета 1917 года. На меня он произвел впечатление человека мало уравновешенного, весьма самомнительного, с большим размахом. Больше о нем я ничего сказать не могу. Его связей и его общественного положения до революции я не знаю. В 1917 году я встретился с ним однажды у Ивана Федоровича Манасевича-Мануйлова. Помню хорошо, Ярошинский сказал тогда, что он послал Царю в Тобольск 35 000 рублей. Сказано им это было как-то так, что вышло это как будто бы в “порядке хвастовства”. Он этим, как заметно было, хотел похвалиться. Вышеприведенную же цифру я хорошо помню.

Опубликованная мною версия об убийстве Распутина в номерах 34, 35, 37, 40 и 43 моей газеты “Общее Дело” есть выдержки из дневника покойного члена Государственной Думы Владимира Митрофановича Пуришкевича. Я имел в своем распоряжении весь его дневник, и опубликованные данные есть часть его дневника, вышедшего на юге России в очень ограниченном количестве экземпляров.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

С кем именно и каким вообще способом Ярошинский посылал Царю деньги в Тобольске, я не знаю. Он этого, как мне помнится, не говорил. Фамилии при этом Соловьева, Вырубовой он не называл.

Прочитано.

Владимир Львович Бурцев

Судебный следователь Н. Соколов

[Протокол допроса В. И. Барковой, 6 августа 1920 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 216—220. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1920 года августа 6 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции) в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, и она показала:

Вера Ивановна Баркова, 25 лет, дворянка, сейчас проживаю в г. Берлине, а временно нахожусь в настоящий момент в г. Париже, православная.

Я — дочь Ивана Федоровича Манасевича-Мануйлова. На Ваши вопросы, по настоящему делу, показываю следующее.

Отец мой, как я себя помню, имея хорошее состояние, в продолжение многих лет занимался газетной деятельностью: сотрудничал в газетах “Новостях” и “Петроградском Листке”. Потом он стал служить в Департаменте духовных дел и, по этой службе, проживал, кажется, довольно долго в Париже, занимаясь и здесь в то же время сотрудничеством в газетах. Перед первой революцией он возвратился в Россию и состоял при графе Витте в качестве, кажется, чиновника особых поручений. С уходом Витте ушел и он и стал сотрудничать в “Новом Времени”.

Несколько лет он не состоял на государственной службе и был далек от политической деятельности. С назначением Штюрмера Председателем Совета министров отец снова получил назначение и состоял при нем: со Штюрмером отец был связан старыми узами добрых самых отношений. В это время случилась следующая история. Однажды во дворе дома, где жил известный Распутин, передохли чуть ли ни все кошки. Все увидели в этом неудавшуюся попытку

отравить Распутина. Штюрмер поручил папе произвести расследование этого случая. Отец произвел и установил своим расследованием, что действительно попытка отравить Распутина имела место, и виновником ее был министр внутренних дел Хвостов, боровшийся с Распутиным. Повинную в этом принес агент этого министерства Ржевский. Об этом Штюрмером было доложено Государю, и Хвостов получил отставку. После этого он стал мстить отцу, и произошла такая история. У Хвостова был племянник Иван Хвостов, женатый на дочери графа Татищева, директора Соединенного банка. Этот Татищев хотел добиться поста министра финансов и советовался по этому вопросу с папой. Отец ему сказал, что в подобных случаях обыкновенно прибегают к содействию французской прессы как наиболее заинтересованной в наших финансах и обещал ему посодействовать в этом отношении в газете “Матэн” через ее петроградского сотрудника Рэве. Для напечатания известной статьи в “Матэн” нужно было, конечно, заплатить известную сумму. Сумма была определена в 25 000 рублей. Самим Татищевым была составлена нужная ему статья, прислана отцу, исправлена им, возвращена Татищеву и т. д. Словом, с этой статьей была целая история: писалась, исправлялась, ходила в Париже, возвращалась и т. д. Сам отец во всей этой истории был несколько не заинтересован денежно. Кончилось дело тем, что Иван Хвостов принес отцу указанную сумму в 25 000 рублей, каковую он и должен был передать по назначению, будучи, повторяю, сам в деньгах несколько не заинтересован. Когда отец принял эти деньги, у него тотчас же был произведен обыск, и деньги эти были обнаружены: они оказались краплеными. Возникло дело по обвинению отца в вымогательстве, и он был арестован. Это случилось 16 августа 1916 года.

Я лично к этому моменту была вот в каком положении. Я еще была ребенком, когда моя мать сошлась с моим учителем и уехала с ним в Сибирь. Отец жил в это время с другой женщиной. Я было уехала с матерью, но ей было не до меня, и я вернулась к отцу. Однако я не могла жить с мачехой: я была совершенно одинока и была не нужна никому. После одного большого оскорбления, нанесенного мне мачехой, я ушла из дома и стала жить самостоятельно, терпя большие лишения. В конце концов я попала в революционный кружок и сначала сошлась, а потом повенчалась с неким Николаем Петровичем Барковым, эсером. Брак был неудачный, муж оказался пустым человеком, и я принуждена была сама бороться за жизнь. В 1911 году я поступила на службу в техническую контору в Москве фон-Денфера, где прослужила до 1913 года. В этом году, оставаясь в конторе, я поступила на акушерские курсы, кончила их, была акушеркой в воспитательном доме, а в войну я работала как фельдшерица в разных госпиталях.

Когда папу посадили в тюрьму (посадил его судебный следователь по особо важным делам Середа), мы с мачехой решили спасти его: вырвать его из тюрьмы. Для этого мы решили воспользоваться Распутиным, так как у него с отцом были хорошие отношения, а влияние Распутина при дворе было всем известно. Распутина в это время в Петрограде не было; он находился в это время у себя в Сибири. Мы отправились с мачехой к митрополиту Питириму. Но Питирим, как мы узнали, еще до нашего к нему обращения, в силу своих отношений с моим

отцом, дал уже Распутину телеграмму, вызывая его в Петербург и дав в осторожных выражениях ему понять, в чем именно было дело. Распутин приехал на неделю тогда раньше, чем предполагалось его возвращение. Когда он приехал, мы пошли с мачехой к нему. В какой это было день, не помню. Повел нас к нему папин секретарь по “Новому Времени” Снарский. Мы прошли в кабинет. К нам сюда вышел Распутин, которого я тогда в первый раз и увидела. Вышел он в рубашке, в туфлях, всклокоченный. Обратился он сначала к Снарскому: “Что же, подружек привел?” Тот ему говорит: “Нет, отец. Какие подружки! Это я привел жену и дочь Ивана Федоровича”. Он сел против нас и говорит: “Сделаю, что могу. Папа и Мама⁹⁵ добрые и не допустят, чтобы безвинный человек зря пропадал”. На мачеху после этого он совсем перестал обращать внимание, посмотрел на меня и сказал мне: “Много ты на свете горя вынесла. Душа у тебя в глазах плачет”. С тем мы и ушли.

Собственно говоря, целью нашей тогда было добиться освобождения отца на поруки или под залог. Вот об этом мы тогда и говорили с Распутиным. Этого мы и добивались. Но ничего не выходило. Чтобы добиться своего, я тогда в течение 11/2 месяца буквально каждый день бывала

у Распутина, проводя у него почти весь день и даже ночуя довольно часто у него. Что делалось в это время в квартире Распутина, я за это время нагляделась.

Ежедневно у Распутина бывало в среднем 300 — 400 человек народа. Один раз, как мне помнится, было насчитано до 700 человек. Кто бывал? Я видела генералов в полной форме, с орденами, приезжавших к нему на поклон. Бывали студенты, курсистки, просившие денежной помощи. Шли офицерские, чиновничьи жены, просившие по разным поводам за своих мужей. Вся эта публика была сплошь столичная, провинциальной не было. Он всех принимал и всем обещал. В деньгах он никому не отказывал: вынимал из кармана и давал.

Сам он вел образ жизни простой: стол у него был совсем скромный. Но пил он очень много, и часто за это время я видела его пьяным. Окружен он был группой его поклонниц, с которыми он находился в связи. Прodelывал он свое дело с ними совершенно открыто, нимало не стеснясь. Он “щупал” их и вообще всех женщин, которые допускались до его столовой или кабинета, и когда он или они этого хотели, вел их при всех тут же к себе в кабинет и делал свое дело. Пьяный он чаще сам приставал к ним, когда он был трезв, чаще инициатива исходила от них. Иногда он отказывал им в их притязаниях на него и определено заявлял: “Не хочу”. Однажды после приставаний к нему какой-то его любовницы с ним случилась истерика. Часто я слышала его рассуждения, представлявшие какую-то смесь религиозной темы и разврата: он сидел и поучал своих поклонниц: “Ты думаешь, я тебя оскверняю? Я тебя не оскверняю, а очищаю”. Вот это и была его идея. Он упоминал еще слово “благодать”, т. е. высказывал ту идею, что сношением с ним женщина получает благодать. Он был человек весьма умный, весьма проницательный. Человека, который в известной момент был перед ним, он очень быстро схватывал, скоро понимал. Бывало, слышишь фразы: “Ты чего смеешься? Самой плакать хочется, а ты смеешься?” Вместе с тем он был самый настоящий мужик, грубый, неотесанный, неряшливый, весьма некрасивый, прямо урод. Самое выдающееся его качество — его речь: простая, но образная мужичья речь.

Из группы его постоянных сожительниц я знаю личность только одной — Ольги Николаевны Ковалевской, жены, кажется, капитана. Помню прозвище еще другой — “красавица”. Так называлась у него жена какого-то, кажется, чиновника.

Вырубова бывала у Распутина. Я видела ее несколько раз у него за эти полтора месяца. Обыкновенно она предупреждала его накануне о своем приезде. Только одну ее он принимал в спальне. Что он там с ней делал, я доподлинно не знаю. Но я уверена, что он не имел сношений с ней. Как я поняла его дочь Мару (Матрену), он говорил с Вырубовой только о делах и передавал ей в это время разные прошения, которые она, вероятно, должна была доставить во дворец. Однажды я и сама видела, как она, выходя из спальни, прятала какие-то бумаги к себе в сумочку.

Очень часто, когда я бывала у Распутина, он разговаривал по телефону с Государыней. Из его

Очень часто, когда я бывала у Распутина, он разговаривал по телефону с Государыней. Из его фраз можно было понять, что он Ее успокаивал, утешал, упоминая всегда имя Бога, или же говорил Ей, когда он к Ней придет.

На тему о войне я слышала его речи. Он был против войны, но не против войны с Германией, а против войны как войны: грех. Про возможность заключения мира он говорил: “Ты что думаешь? Корову купить ты пойдешь, и то не скоро купишь. Сначала посмотришь какая она: черная, пегая, молочная ли, дня два подумаешь, а потом и купишь. А мир заключить — это не корову купить, а устал народ воевать. Ах, как устал”.

Как я ни хлопотала перед Распутиным за отца, однако вопрос об освобождении его не подвигался. Только когда отца в тюрьме хватил паралич, Середа его отпустил. Дело было назначено к слушанию. Распутин

220

бывал у нас в доме. Говорил с отцом по этому поводу. Распутин обещал свою помощь. Однажды он повез меня к Анне Александровне Вырубовой, где я сама должна была просить об этом Государыню. Я поехала с ним. Государыня была уже там. Распутин был в комнате с Вырубовой. Ко мне пришла Государыня. Я встала на колени и заплакала. Она положила мне руку на голову и говорила по-французски: “Успокойтесь, дитя мое. Все хорошо будет. Ваш отец безвинно страдает. Я сделала все, чтобы его освободить”. Я стала Ее благодарить. Она мне сказала: “Не Меня благодарите, а отца”, т. е. Распутина. Свидание продолжалось несколько минут. Государыня произвела на меня впечатление несколько странное в это свидание. Глаза Ее были устремлены куда-то ввысь. Она говорила о Распутине, называя его отцом, с каким-то благоговением, как о святом.

В день слушания дела об отце на имя Председателя Совета министров была получена от Государя телеграмма с приказанием дело об отце прекратить. Однако суд не прекратил дела, а отложил лишь его слушание. В феврале месяце отец был осужден в арестанские роты. В первые же дни революции толпа освободила его, но Керенский после некоторого промежутка времени посадил его в Петропавловскую крепость. Я пять месяцев хлопотала за отца, проживая в Петербурге. Съездивши затем в Ташкент к матери, я вернулась в Москву. В августе месяце я поступила в Чрезвычайную следственную комиссию Муравьева на службу: из-за заработка. Там я прослужила до того самого времени, пока большевики не разгромили ее. После этого я поступила на службу в комиссариат юстиции в Москве, будучи в то же время стенографисткой ВЦИК, когда он переехал в Москву. В 1919 году я убежала от большевиков в Германию и поселилась в Берлине. Служа в комиссии Муравьева, я сама своими глазами видела акты освидетельствования Вырубовой. В актах значилось (не помню, какими врачами она освидетельствовалась), что Вырубова — девственница.

После революции я бывала у Вырубовой, с которой, как я говорила, я познакомилась до революции у Распутина. Я ее тут и узнала как следует. Это — мечтательная мистичка, глупая как пень, по-бабьи суеверная. В 1918 году она состояла в сношениях с Царской Семьей, которая в это время была в Тобольске. Вырубова говорила мне, что она получила от Них посылку. Через кого она сносила с Царской Семьей, я не знаю.

Я знала давно банкира Карла Иосифовича Ярошинского. Он был известный банкир, богатый человек. Он был хорош с моим отцом. Также в 1918 году в доме у отца он говорил, что послал Царской Семье 30—35 тысяч рублей. Нет, впрочем, он называл сумму 35 000 рублей. Я это помню, он посылал эти деньги через какого-то офицера, но я не знаю через кого именно.

За все время моего знакомства с Распутиным я ни разу не слышала там фамилии Соловьева и офицера Соловьева не знала и не знаю.

[Протокол допроса князя Г.Е. Львова, 6 — 30 июля 1920 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 206—216. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ПРОТОКОЛ

1920 года июля 6—30 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Париже (во Франции) в порядке 443 ст. уст. угол. суд. допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Князь Георгий Евгеньевич Львов, 59 лет, православный, проживаю в настоящее время в г. Париже, Avenue Elisee Reclus, 3.

На Ваши вопросы показываю следующее.

В составе Временного правительства, восприявшего верховную власть в России после отречения Императора Николая II от Престола, я был Председателем Совета министров.

В самый момент революционного переворота в Петрограде, принятого в ближайшие к этому событию дни во всей России, Император, как известно, был в Ставке. Семья Его в это время была в Царском. Временное правительство не могло, конечно, не принять некоторых мер в отношении главы государства, только что потерявшего власть. Эта мера, принятая в отношении Императора и Его супруги по постановлению Временного правительства, состояла в лишении Их свободы. Я бы сказал, что принятие ее в тот момент было психологически неизбежным, вызываясь всем ходом событий. Нужно было оградить бывшего носителя верховной власти от возможных эксцессов первого революционного потока.

Доставление Царя из Ставки в Царское было поручено члену Государственной Думы Вершинину. Установление же самого режима в отношении Царской Семьи, наблюдение за ним и вообще разрешение многих иных вопросов, вытекавших из самого факта лишения свободы, принадлежало министру юстиции Керенскому, на которого была возложена правительством вся сторона этого дела.

Я сам лично не осведомлен о роли, которую играл Корнилов в Царском, и ничего не могу Вам сказать, бывал ли он в Царском, когда и для чего⁸³. Могу лишь сказать, что Корнилов в то время был командующим войсками Петроградского округа и мог, конечно, принимать то или иное участие в установлении известных распоряжков в Царском, вероятно, по соглашению с Керенским. Время от времени Керенский представлял доклады Временному правительству о тех или иных мерах, принимавшихся в Царском.

Были приняты некоторые ограничения для Царской Семьи, сводившиеся, в конце концов, к пресечению для Нее возможности сношения с внешним миром без ведома правительственных агентов. Эти меры вовсе не были направлены на создание ненужных стеснений для Царской Семьи и не создавали для Нее состояния “ареста”, так как власть во внутренний уклад жизни Царской Семьи совершенно не вмешивалась. Царская Семья у себя дома жила так же, как Она жила и раньше. Внутренних, например, постов совершенно не было.

Кроме этой задачи — установления известного режима в отношении Царской Семьи — перед правительством была еще другая цель. Временное правительство было обязано, ввиду определенного общественного мнения, тщательно и беспристрастно обследовать поступки бывшего Царя и Царицы, в которых общественное мнение видело вред национальным интересам страны, как с точки зрения интересов внутренних, так и внешних, ввиду войны с Германией, в этих целях т. е. для обследования деятельности всех вообще высших лиц, игравших роль в жизни

этих целей, т. е. для исследования деятельности всех вообще высших лиц, игравших роль в жизни государства, поскольку их деятельность привлекала к себе внимание общества и возбуждала его недовольство, была создана Верховная следственная комиссия⁸⁴. В организации ее главная роль принадлежала Керенскому, как министру юстиции. Председателем этой комиссии был назначен присяжный поверенный Муравьев. Керенским тогда было принято в отношении Императора две меры: во-первых, Он в ближайшее после прибытия из Ставки время был отделен на какой-то, как мне помнится, очень короткий промежуток времени от своей супруги, а во-вторых, у Него была взята Его переписка. Эти меры принимались Керенским, как министром юстиции, чтобы верховная следственная комиссия могла разрешить возложенную на нее задачу. В свое время Керенский о принятии этих мер представлял доклады Временному правительству.

Работы следственной комиссии не были закончены. Но один из самых главных вопросов, волновавший общество и заключавшийся в том подозрении, а может быть, даже убеждении у многих, что Царь, под влиянием своей супруги, немки по крови, готов был и делал попытки к сепаратному соглашению с врагом, Германией, был разрешен. Керенский делал доклады правительству и совершенно определенно, с полным убеждением утверждал, что невиновность Царя и Царицы в этом отношении установлена.

Разрешался также вопрос о средствах, принадлежавших Царской Семье. Семья, конечно, должна была жить на свои личные средства. Правительство должно было нести лишь те расходы, которые вызывались его собственными мероприятиями по адресу Семьи. Их личные средства были выяснены. Они оказались небольшими. В одном из заграничных банков, считая все средства Семьи, оказалось 14 миллионов рублей. Больше ничего у Них не было.

Из всех лиц в составе правительства бывал в Царском и имел общение с Царской Семьей только один Керенский. Поскольку я мог наблюдать Керенского во время его докладов правительству о его поездках в Царское и во время вообще беседы с ним по вопросам о Царской Семье, я убежден, что их отношения с Царем были с первых же дней корректны, а впоследствии были безусловно окрашены тоном взаимного доброжелательства.

Я помню, что только один раз, кажется, кроме Керенского, выезжал в Царское Гучков. Он ездил туда, как военный министр. Делал ли он тогда доклад по поводу своей поездки, я не помню; с кем он там имел общение, я не знаю.

Я удостоверяю, что между лицами, входившими в состав правительства, были тогда разговоры по поводу отъезда Царской Семьи за границу. Оценивая положение в стране к лету 1917 года, находили, что Ей лучше будет уехать из России. Называли тогда Англию и Данию⁸⁵. Доклада по этому вопросу не было. Но министр иностранных дел Миллюков, кажется, выяснял эту возможность, причем, как мне помнится, самая инициатива в этом вопросе принадлежала некоторым из Великих Князей и, в частности, Николаю Михайловичу и Михаилу Александровичу. Почему из этого ничего не вышло, я сказать не могу.

Летом в первой половине июля правительство пришло к убеждению, что нахождение Царской Семьи около Петрограда стало абсолютно невозможным. Страна явно шла под уклон. Нажим на правительство со стороны советов делался все сильнее. Я удостоверяю, что он был со стороны Петроградского совета и в отношении Царской Семьи. Я совершенно не помню, как это было, но я помню, что именно отсюда исходило желание заключить Царя в Петропавловскую крепость⁸⁶. Делались ли в этом отношении какие-либо реальные попытки, я положительно не помню и про полковника Масловского я ничего не слышал. Ясно было, что Царскую Семью для Ее благополучия нужно было куда-то увезти из Царского. Обсуждение всех вопросов, связанных с этой необходимостью, было поручено Керенскому. Он делал тогда доклад правительству. Было решено перевезти Ее в Тобольск. Сибирь тогда была покойна, удалена от борьбы политических страстей, и условия жизни в Тобольске были хорошие: там удобный, хороший губернаторский дом⁸⁷. Юг не мог быть тогда таким местом: там уже шла борьба. Решение вопроса о перевозке Семьи в Тобольск состоялось при мне. Но самый Ее отъезд имел место уже после моего ухода из

состава правительства, что произошло в конце первой половины июля месяца по старому стилю. Поэтому о самом перевозе Царской Семьи в Тобольск я ничего Вам рассказать не могу.

Выйдя из состава правительства, я некоторое время пробыл в санатории, был в Оптиной пустыни, а затем в августе месяце я приехал в Москву. В сентябре месяце я уехал в Крым, откуда вернулся снова в Москву 25 октября. В ноябре месяце оставаться в Москве мне стало рискованным, и я уехал в Сибирь, поселившись в Тюмени. В самых последних числах февраля месяца 1918 года я был арестован карательным отрядом латыша Запкуса, присланного в Сибирь для карательной деятельности из Центра. Меня повезли в Екатеринбург и в марте месяце заключили в уголовную тюрьму. Заподозрив мои сношения с волей, меня перевезли в апреле месяце в земскую тюрьму.

Я был схвачен большевиками просто за то, что я — князь Львов, глава бывшего правительства. Они, конечно, старались обосновать мою вину, “создать” ее и, поэтому, во время допросов меня комиссией, они говорили мне, что у них имеются различные материалы, изобличающие меня как контрреволюционера. Я в глаза говорил им, что это — неправда, что у них таких материалов нет и быть не может, что они не имеют права держать меня в тюрьме, и требовал свободы как для себя, так и для заключенных вместе со мною Николая Сергеевича Лопухина и Александра Владимировича Голицина, работавших в Земском союзе, во главе которого я стоял. После долгих усилий нам удалось, кажется, в первых числах июля месяца по старому стилю выбраться из тюрьмы. Тут же я уехал из Тюмени и вернулся туда уже после освобождения ее от большевиков.

Меня допрашивала, как я уже сказал, комиссия. Я имел с ней дело раз 5—6. В первый раз в ее состав входили комиссары: юстиции Поляков, просвещения Чуцкаев и военный Голощекин. Во второй и последующие разы были Поляков и Чуцкаев. В последний раз были те же Поляков, Чуцкаев и комиссар снабжения Войков. Я с полным убеждением утверждаю, что в составе этой комиссии Поляков и Чуцкаев были пешками. Никакой роли они не играли и власти, видимо, не имели. Самыми главными в ней лицами были Голощекин и Войков. Так впрочем, про них и говорили и тюремная администрация, и красноармейцы. Как говорили, Голощекин вообще был в Екатеринбурге самое властное лицо. Про Войкова говорили, что он связан какими-то личными отношениями (чуть ли даже не родства) с самим Лениным. Я не знаю национальности Войкова. Голощекин же — безусловный еврей. Мне тогда казалось, что Голощекин как будто бы в то время был в отсутствии, и Войков заменял его: был призван окончательно решить вопрос о нашей судьбе.

В апреле месяце, когда я уже сидел в земской тюрьме, разнесся по тюрьме слух, что в тюрьму доставлен Великий Князь. Называли имя Михаила Александровича. Это был в действительности князь Долгоруков, состоявший при Царской Семье⁸⁸. Я видел сам в окно, когда он шел в тюрьму. Числа его заключения я не помню, а было это часов в 12 дня. Спустя приблизительно недели две, в нашу тюрьму были доставлены лакей Царской Семьи Седнев и дядька Наследника Нагорный⁸⁹.

Я встречался с ними постоянно в тюрьме во время прогулок, во время работ в огороде. Лично от них у меня осталось такое впечатление. Долгоруков — человек, видимо, недалекий от природы; был сильно потрясен всем случившимся с ним; Царской Семье предан. Седнев и Нагорный — прекрасные ребята, неглупые, отдающие себе отчет во многом, здоровые и телом и духом; были весьма преданы Семье. Естественно, я расспрашивал Долгорукова, Седнева и Нагорного про положение Царской Семьи. Вот к чему сводились их рассказы.

В Тобольске Царской Семье жилось хорошо. Недостатка ни в чем у Нее не было, жилось спокойно, никто Их не трогал, ничем не докучал. Царь занимался физическим трудом: пилил дрова и много работал в саду и в огороде, развел образцовый огород. В апреле месяце вдруг приехал из Москвы какой-то комиссар (уже потом я от Жильяра услышал его фамилию: Яковлев) и крайне спешно потребовал: уезжать немедленно без всяких отговорок. Требование

немедленного отъезда “во что бы то ни стало” произвело в Тобольске на всех впечатление совершенно ошеломляющее. Но комиссар требовал настойчиво и не дал даже времени собрать все вещи, какие нужно было. До Тюмени ехали на лошадях. Была самая распутица. Но комиссар не обращал внимания, гнал, невзирая ни на что, без всяких остановок. Кажется, только и была одна остановка, на которой он позволил напиться чаю. Я помню, что Седнев удивлялся и говорил: “И как только Государыня вытерпела?” Из Тюмени Их повезли поездом, но совершенно нельзя было понять, куда же Их везут. Они сами не знали этого и, благодаря обстановке, не могли об этом ни у кого спросить. Между тем они видели, что возят Их в обратные стороны: то на восток, то на запад. Долгоруков говорил мне, что у Царской Семьи было предположение, что Их увозят в Германию либо в какой-нибудь русский город, близкий к Германии. Определенно передавая мне такое мнение Царской Семьи, Долгоруков не говорил мне, у кого именно из Царской Семьи было такое мнение. Я сам должен сказать, что ввиду состояния Долгорукова от него трудно было добиться чего-либо путного. В конце концов Их привезли в Екатеринбург. Как я понял Долгорукова и Седнева, Их привезли или ночью или рано утром. Поезд несколько часов стоял на станции, пока Семью не перевезли в дом Ипатьева, а Долгорукова от дома Ипатьева прямо доставили в тюрьму. Как они говорили, шторы в окнах вагона были опущены. Я не знал тогда хорошо, кого именно из Семьи, кроме Царя и Царицы, привезли в Екатеринбург. Мне кажется, я в то время думал, что привезли всю Семью⁹⁰.

Про екатеринбургский режим Седнев и Нагорный говорили в мрачных красках. По их словам, сначала охрана состояла из латышей. Латыши хорошо относились к заключенным. (Я не помню, может быть, об этом факте говорили они и не оба, а который-нибудь один из них.) Латышей заменили русскими, и русские стали проявлять себя худо. Они начали воровать первым делом. Сначала воровали золото, серебро. Потом стали таскать белье, обувь. Царь не вытерпел и вспылил: сделал замечание. Ему в грубой форме ответили, что Он — арестант и распоряжаться больше не может. Самое обращение с Ними вообще было грубым. И Седнев и Нагорный называли режим в доме Ипатьева “ужасным”. Становилось, по их словам, постепенно все хуже и хуже. Сначала, например, на прогулки давали 20 минут времени, а потом стали все уменьшать это время и дошли до 5 минут. Физическим трудом совсем не позволялось заниматься. Наследник был болен. К Нему просили пропустить доктора Деревенко, но просьба уважена не была. (Я помню, Нагорный рассказывал, что Деревенко не жил с Ними в Тобольске и его часто заменял Нагорный, привыкший ухаживать за Наследником.) В частности, дурно обращались с Князнями. Они не смели без позволения сходить в уборную. Когда Они шли туда, Их до уборной провожал обязательно красноармеец. По вечерам Княжен заставляли играть на пианино. Стол у Них был общий с прислугой. Седнев удивлялся, чем была жива Императрица, питавшаяся исключительно одними макаронами. Седнев и Нагорный ссорились (с охранниками — Л. Л.) в доме Ипатьева из-за царских вещей: как преданные Семье люди, они защищали Ее интересы. В результате они попали в тюрьму.

Их рассказы подтверждали и красноармейцы, которые караулили нашу тюрьму. Эти красноармейцы по очереди караулили то у нас, то в доме Ипатьева. Они со мной разговаривали. Их рассказы во всем сходились с рассказами Седнева и Нагорного. Они — я это помню — подтверждали, что Княжен заставляли играть на пианино, и вообще говорили, что с Семьей обращаются худо. Фамилий этих красноармейцев я не помню. Помню, что среди них был, вероятно, насильно мобилизованный сын директора народных училищ в Екатеринбурге, по фамилии мне не известный. Он говорил то же, что и остальные красноармейцы.

Из разговоров о Царской Семье у меня осталось в памяти, что дом Ипатьева посещали председатель областного совета Белобородов и какой-то комиссар Юровский. Фамилии Дидковского при этом я не слышал. Какую там роль играли Юровский и Белобородов, я не знаю. Насколько вообще был властен у большевиков Белобородов, я не могу сказать. Но я знаю, что его большевики сажали в тюрьму за кражу, кажется, 30 000 рублей, выпустили, и он после этого снова был председателем областного совета. Князь Долгоруков, сидя в тюрьме, сильно убивался по поводу отобрания у него комиссаром нашей тюрьмы царских денег в сумме 78 или 87 тысяч рублей. В отобрании у него этих сумм ему была выдана комиссаром (кажется, фамилия его была

Самохвалов, низенький, рябой, уволенный, как говорили, за кражу каких-то денег) безграмотная расписка. Долгоруков писал, как я знаю, Полякову, хотел писать даже Царю. Ничего, конечно, из его писаний не выходило. Как мы себе представляли в тюрьме, была возможность добиться какого-нибудь улучшения положения Царской Семьи у консула Великобритании г. Престона. Получая от жены Голицина газеты, мы возвращали ей эти газеты, ставя над известными буквами точки, так что в результате можно было прочесть, что мы хотели сказать. Вот об этом мы тогда и хлопотали. Голицина обращалась к Престону, но из этого также ничего не вышло.

После Самохвалова, если только я не ошибаюсь в его наименовании, комиссаром нашей тюрьмы был Кабанов, лет 40, среднего роста и питания, черноватый, с маленькими усиками, бритый, лицо красное, разговорчивый⁹¹.

Я совершенно не могу Вам сказать, существовали ли весной — летом 1918 года где-либо в России и, в частности, в Москве политические организации или группы, конечно, конспиративные, которые бы имели целью свержение власти большевиков и установление монархии и в связи с этим имели бы целью увоз Царя из Тобольска. Что означал увоз Его из Тобольска, куда именно Его везли, я совершенно не знаю. Словам Долгорукова ввиду его душевного состояния я, признаться, в то время не придавал значения. Также не могу Вам объяснить, почему, если только Царя действительно везли дальше Екатеринбурга, Екатеринбург не пропустил Его. Но в связи с этим обстоятельством я могу сказать следующее. Когда большевики арестовали меня и указанных мною лиц и доставили в Екатеринбург, мы решили требовать, чтобы нас отправили в Москву, рассчитывая, что там мы скорее добьемся свободы. При первом же допросе меня комиссией, я и заявил об этом. Я прекрасно помню ответ мне Голощекина: “У нас своя республика. Мы Москве не подчиняемся”⁹².

Находясь в Тюмени до моего ареста, я слышал по молве, что существует офицерская организация, имеющая целью увоз Царя из Тобольска. Говорили, что офицеры, в целях разведки, находятся и в Тобольске, и в Тюмени, и в Омске, и в Троицке, и в Челябинске, являвшемся, будто бы, центральным пунктом организации. Кто именно говорил мне об этом, я положительно не помню. Сколько серьезно все это было, я сказать не могу. В связи с этими слухами фамилии офицера Соловьева я не слышал.

В апреле месяце в нашу тюрьму был доставлен офицер Мидэ. Он был лет 19—20, низенький, плотный, шатен, с небольшими усиками. Мидэ притворялся глупеньким, и большевики ничего не могли от него добиться. Со мной он имел разговор. Он мне сознался, что притворяется, и рассказал, что в Харбине имеется какая-то организация, имеющая целью спасение Царской Семьи. Эта организация послала его вести разведку в Тобольск. Там, когда он высматривал расположение дома и двора и был около загороди, он был схвачен и доставлен в Екатеринбург. Кто именно его поймал, он не говорил. Фамилии Соловьева он не называл. Также я не помню, кто именно входил в состав харбинской организации. Впоследствии Мидэ, безусловно, был расстрелян. Одновременно со мною содержался в нашей же тюрьме и епископ Гермоген⁹³. Я также имел общение с ним. Он мне говорил, что его арестовали по подозрению в связи с Царем; что для обнаружения этой связи у него, как он говорил, отобрали всю переписку. Гермоген при разговорах со мною отрицал всякую свою связь с Царем, и, в частности, про передачу Царю денег он не говорил ни слова. Сам он мне не рассказывал ни про какого офицера Соловьева. Я же сам его об этом не спрашивал, так как вообще о существовании такого лица не знал. Однако я должен сказать, что все рассказы Гермогена не производили на меня впечатления его искренности. Он говорил, что его арестовал матрос Хохряков. Впоследствии, как я слышал, из тюрьмы он был выдан тому же Хохрякову и был потоплен последним в Тавде.

Мне, как общественному деятелю, приходилось иметь общение с Императором, беседовать с Ним, делать Ему доклады. Учитывая мои личные впечатления в результате этого общения на протяжении многих лет и события жизни государства, я так представляю себе Его личность. Он был человек неглупый, даже, быть может, более в этом отношении одаренный, чем многие другие люди, безусловно хитрый, весьма скрытный, в высшей степени сдержанный и

молчаливый, не без лукавства в “византийском духе”. По духу это был безусловный самодержец, питавший, вероятно, в глубине этой мысли идею мистицизма. У Него были прекрасные глаза, приятный голос, мягкие манеры. Многих людей Он очаровывал. Самый крупный Его недостаток заключался в Его бесхарактерности. Он не имел своей воли. Для Него такой волей была воля Императрицы. Ее над Ним преобладание обуславливалось, видимо, всем соотношением Их личных индивидуальных свойств. И существовало оно давно. Я могу Вам указать в этом отношении факт из области далекого прошлого. Я лично хорошо знал князя Святополк-Мирского. С именем этого человека, как известно, связывается целая эпоха: попытки русских патриотов, ясно видевших назревшую необходимость замены абсолютизма конституционным строем, дать возможность русскому обществу высказать свободно свое мнение. Это была эпоха общественного подъема, расцвет надежд, когда общественные деятели верили, что власть попытается сблизиться с обществом. Мирский работал тогда над этим вопросом с ведома и согласия Императора и, наконец, приготовил указ Сенату, в коем, кроме установления известных принципиальных начал, предписывалось Сенату приступить к целому ряду чисто реальных заданий: созыва съезда земских и городских деятелей и указания самой организации работы. Эти

конкретно-реальные меры составляли в указе Мирского последний пункт. После неоднократных бесед с Императором Мирский получил Его согласие на обнародование указа. Он сказал свое “да”, но не решился дать подпись без воли Императрицы. Она тогда же пришла к ним. Она выслушала указ, одобрила его, все трое расцеловались, крестились. Император был рад. Он взял указ к себе. Указ вышел на следующий, кажется, день, но ... без последнего пункта. Вся работа Мирского пропала. Указ ничего не разрешал, никаких определенных мер не предписывал, никого ни к чему не обязывал. Этот факт я знаю со слов самого Мирского.

Если Вы обратитесь к изучению многих таких актов Императора Николая II, которые предшествовали созванию первой Думы, Вы увидите в них одну и ту же черту: недоговоренности. Они о чем-то трактуют, рассуждают, но ничего реального, осязаемого не устанавливают. Безвольный человек Николай II, будь Он окружен иной обстановкой, может быть, под влиянием такой обстановки и пошел в своем царствовании иными путями. Но около Него была иная, более сильная воля Его жены, самодержицы по своим взглядам. Если Она действительно была религиозна, как об этом говорили, и при том же мистична, Она, конечно, эту идею самодержавия еще более в Нем укрепляла. Вот отсюда все и шло: слова и, как будто, какие-то проблески, питавшие надежды, но на деле — ничего.

В 1916 году я встречался с Императором как председатель комитета Земского союза. В то время различные общественные организации силой вещей принуждены были взять на себя осуществление таких задач, которые были настоятельно необходимы Родине в условиях войны, но с которыми не могло справиться правительство. А так как с возникновением Государственной Думы по существу старый порядок управления страной не изменился: по-прежнему на одном полюсе стояла верховная власть, считавшая себя самодержавной, и на другом — общество, то эти общественные организации, в сознании неисчислимых бед, коими грозил такой порядок стране в дни величайшего напряжения ее сил, пытались сблизиться с верховной властью, найти один общий язык для одной цели: спасения Родины. Я помню, мы устраивали выставку работ земского и городского союза, военно-промышленного комитета и других организаций. Выставку (это было в Москве) посетил Император. Я публично делал Ему доклад, показывал наши работы. По поводу одной какой-то работы я сослался в чем-то на Шуваева, главного интенданта, присутствовавшего тут же. При этом мне пришлось упомянуть что-то о совместной работе Земского союза с интендантством. Николай II поразил тогда многих своей феноменальной памятью. Он сейчас же вспомнил соответствующий нашей теме разговора доклад Шуваева (интендантства), год издания доклада и обнаружил явное знакомство с содержанием доклада. Это многих поразило, и Он своими манерами держаться с нами многих очаровал. После этого мы устраивали в Москве выставку работ на поле битвы одного из наших отрядов. Выставка привлекла внимание населения. Император также посетил ее. Положительно всех очаровал, даже лиц, враждебно к Нему настроенных. Казалось, глядя на Него, что Он всей своей душой сочувствует нам, ценит нашу работу, совершенно готов идти с нами, с обществом. В одно из

таких свиданий с Ним я, оставшись с Ним наедине, в кратких словах выразил Ему свою радость по поводу наших общих переживаний и надежд. Он горячо жал мне руку, благодарил меня, говорил мои же мысли, совершенно обнадеживал. В результате — ничего. Очевидно, Он в последние годы совсем не жил своей волей, совсем не принадлежал себе и, усвоив манеру наружно соглашаться, говорил совсем не то, что в действительности думал. У Него в этом отношении выработалась определенная манера “поддакивания”. Он соглашался, говорил “да”, но в глубине у Него была иная мысль: не знаю, как поступлю.

Я не знаю, где лежали причины влияния Распутина на Императрицу и имел ли влияние Распутин только на Нее, или же и на самого Николая II, но самый факт его большого у Них веса вряд ли можно отрицать. Когда оба явления: влияние Императрицы на Императора и влияние Распутина на Императрицу соединились в одно целое, крах стал неизбежным. Это понимали к концу 1916 года уже все: не одни только общественные учреждения, но и такие, как Государственный Совет, совет объединенного дворянства. Просьбы стали уже переходить в предупреждения, носившие по существу характер требований. Однако все оставалось по-старому. Верховная власть не шла ни

на какие уступки. Но мало этого: она стала облекать некоторые свои действия уже оболочкой явного криводушия. Я говорю о последних назначениях ответственных лиц на министерские посты — Хвостова, Протопопова. Несомненно тут была идея — мы идем навстречу обществу, мы берем наших министров из рядов избранников народа. Всем было, конечно, понятно, что в действительности это было совсем не так, потому что оба названных мною лица вовсе не пользовались в самой Думе таким положением, чтобы она могла бы от себя послать их на такие ответственные посты. В частности, Протопопов, очевидно, был больной человек. Я не знаю, чем он был болен, но факт болезненного его состояния, в результате чего с ним в Думе серьезно не считались, не вызывал ни у кого сомнений. Говорили, впрочем, что у него прогрессивный паралич.

Я не могу сказать, что именно побудило Царя взять на Себя верховное командование⁹⁴. Априорно можно, конечно, думать, зная Его отношения с Императрицей, что, вероятно, это была Ее воля. Несомненно же в этом отношении то, что после такого акта управление страной совсем оказалось в Ее руках. Горемыкин, Протопопов и Штюмер (последние двое определенно в думских кругах считались ставленниками Распутина, что мне, в частности, подтверждал и Родзянко) стали уже делать доклады Императрице как правительнице, на что ни Она, ни они не имели ни малейшего права.

В Ставке Царь жил с Наследником. Но Императрица постоянно там бывала и довлела повсюду. Я знаю вот какой факт.

Генерал Алексеев тщательно, долго, около, кажется, полгода разрабатывал законопроект об устройстве Польши и об установлении ее отношений к России. Ясно, какое колоссальное значение имел этот проект, затрагивая не только наши интересы, но и интересы наших союзников. Царь одобрил проект. Осталось только его подписать. Но вот приехала Императрица в ставку, познакомилась с проектом и решительно его отвергла. Характерны Ее слова Алексею: “В какое положение Вы ставите Наследника? Вы не подумали о Нем?” Мне об этом рассказывал в 1917 году незадолго до революции Алексеев. Много тогда Алексеев приводил фактов такого же рода. Он рассказывал, что в Ставке Царь не решает совсем никаких вопросов без Нее; даже решенный уже вопрос, даже после подписи Императора, перерешался часто в диаметрально противоположном принятому решению смысле, раз Она так хотела. Рассказы Алексева представляли жалобы, что дальше нельзя работать, что Императрица совсем поработила Императора и, не будучи способной к управлению страной, губит все.

Показание мое, составленное в двух экземплярах и в обоих мне прочтенное, записано с моих слов правильно.

Князь Георгий Евгеньевич Львов

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

Любительские фотографии Царской семьи

Тютюнник Л. И. Любительские фотографии Императорской семьи // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 383—384. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

В ГАРФ находятся личные фонды Императора Николая II, Императрицы Александры

Федоровны и их детей. Помимо рукописей, здесь собраны фотопортреты Императорской семьи, сделанные знаменитыми русскими мастерами Левицким, Ганом и др., а также многочисленные альбомы с любительскими снимками.

В конце 40-х — начале 50-х годов в ГАРФ проводилось научное описание личных фондов. Тогда же были обработаны поступившие из Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ныне РГАДА) императорские альбомы.

Семья Императора разделила увлечение любительской фотографией, охватившее в начале XX в. Европу и Америку. Развитие фототехники сделало искусство съемки более доступным для непрофессионалов, дало возможность снимать не только в фотоателье, но и во дворце, в парке, на берегу реки, в купе поезда или на палубе императорской яхты.

Вооружившись “Кодаком”, лучшим фотоаппаратом того времени, Семья последнего русского Императора и ее ближайшее окружение — Пьер Жильяр, Сидней Гиббс, А. А. Вырубова и другие, часто снимали сами или с удовольствием позировали для снимков... Постепенно их альбомы превращались в своеобразные “дневники в фотографиях”. В них запечатлевались сценки повседневной жизни семьи, а многочисленность снимков, их неофициальный характер позволяет заглянуть во внутренний мир, подметить характерные особенности снимавшихся, их меняющуюся с течением времени внешность. Как правило, Император и его дочери сами наклеивали фотографии в альбомы. Николай II, Ольга и Татьяна делали записи о дате и месте съемки, а Мария и Анастасия подкрашивали фотографии в своих альбомах акварелью, украшали страницы рисунками цветов.

В составлении фотоальбомов (съемка, наклеивание фотографий, надписи) часто принимала участие вся семья. Примером может служить альбом, фотографии из которого публикуются.

Альбом в серо-голубом матерчатом переплете (40 ? 30 ? 4) хранится в фонде Вел. Кн. Анастасии Николаевны (ГАРФ. Ф. 683. Оп. 1. Д. 125). В верхнем левом углу альбома — тисненая золотом монограмма “А. Н.” с Императорской короной. На некоторых страницах имеются записи, сделанные Николаем II. На 25 листах (с оборотами) альбома наклеено 452 фотографии за период с весны 1916 г. до июня (включительно) 1917 г.

В фотоальбоме Вел. Кн. Анастасии запечатлено последнее посещение Императорской семьей юга России, любимого ими Крыма, а также пребывание Императора в Ставке в Могилеве.

Находясь в Ставке, Император совершал почти ежедневные прогулки с сыном на автомобиле в окрестностях города или на “быстроходном моторе” (катере) по Днепру. На реке у них были любимые места для отдыха и купанья. Весной и летом в Могилев часто приезжали Императрица

и Великие Княжны. В публикации представлено несколько фотографий, относящихся к июлю — августу 1916 г.

Во время приездов Императрицы с дочерьми этот порядок не нарушался. Правда, прогулки становились более шумными и веселыми. В развлечениях принимали участие и офицеры Свиты, бывали Великий Князь Дмитрий Павлович и князь Игорь Константинович.

На последних листах альбома — 73 фотографии, относящиеся ко времени царскосельского заточения Императорской семьи до отъезда в Тобольск. Они не сопровождаются какими-либо комментариями.

Узнать время и место съемки удалось по копийным фотографиям этой серии, сохранившимся в личном фонде учителя словесности Царских детей П. В. Петрова.

На обороте некоторых царскосельских фотографий Пьер Жильяр написал по-французски о времени и месте съемки, кто изображен на снимках, кто снимал (ГАРФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 102).

Все снимки сделаны в парке у Александровского дворца.

Кандидат исторических наук

Л. И. ТЮТЮННИК

[Фотографии Императорской семьи] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — Между с. 384—385. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Составление списка, публикация в электронной форме: ФЭБ, 2006.

Иллюстрации

Могилев. 1916 г.

1. Императрица Александра Федоровна и Император Николай II во время прогулки на катере по Днепру.
2. Императрица Александра Федоровна во время посещения Ставки.
3. Императорская семья в царском поезде.
4. В кабинете Императора.
5. Наследник Цесаревич и П. Жильяр.
6. Вел. Кн. Мария, Император Николай II, Вел. Кн. Анастасия, Ольга и офицер Свиты на берегу Днепра.
7. Император Николай II и Наследник Цесаревич на берегу Днепра.
8. Вел. Кн. Мария, Вел. Кн. Дмитрий Павлович, Вел. Кн. Татьяна, Император Николай II, граф М. Н. Граббе и Вел. Кн. Ольга.
9. Императрица Александра Федоровна и Наследник Цесаревич на берегу Днепра.
10. Император Николай II, Великие Княжны, Наследник Цесаревич и В. Н. Воейков.

11. императрица Александра Федоровна и вел. кн. дмитрии павлович.

12. Вел. Кн. Татьяна Николаевна.

Царское Село. 1917 г.

13. Вел. Кн. Мария и Анастасия у Детского острова. Фотография Вел. Кн. Татьяны Николаевны.

14. Вел. Кн. Ольга Николаевна в Александровском дворце. Фотография Вел. Кн. Марии Николаевны.

15. Вел. Кн. Татьяна Николаевна на пруду у Детского острова.

16. Наследник Цесаревич и П. Жильяр на Детском острове. Фотография Вел. Кн. Марии Николаевны.

17. Вел. Кн. Татьяна, Мария, В. Н. Деревенко и А. Ф. Гендрикова.

18. Работа на огороде в Александровском парке.

19. Вел. Кн. Татьяна и Анастасия “возят воду на огород”. Фотография Вел. Кн. Марии Николаевны.

20. Вел. Кн. Татьяна и Анастасия.

21. Император Николай II во время заготовки дров.

22. Император Николай II.

23. В. А. Долгорукий, П. Жильяр, А. В. Гендрикова, С. К. Буксгевден, Е. Д. Бенкендорф, Е. А. Шнейдер (сидит), П. К. Бенкендорф и В. Н. Деревенко в саду у Александровского дворца.

24. ”Императрица за вышивкой, в то время как все заняты работой на огороде”. Фотография.

25. Вел. Кн. Татьяна и Мария с офицерами охраны. Фотография Вел. Кн. Анастасии Николаевны.

26. Император Николай II с солдатами охраны.

27. Вел. Кн. Ольга, Мария, Анастасия и Наследник Цесаревич.

28. В Александровском парке. Фотография Вел. Кн. Татьяны Николаевны.

29. Вел. Кн. Татьяна, Император Николай II и К. Г. Нагорный (?).

30. Вел. Кн. Татьяна, Наследник Цесаревич и солдат охраны на огороде

31. Наследник Цесаревич “подражает солдатам охраны”.

32. Вел. Кн. Ольга и Наследник Цесаревич на Детском острове. Фотография П. Жильяра.

33. Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. Фотография Вел. Кн. Татьяны Николаевны.

34. С. К. Буксгевден и А. В. Гендрикова. Фотография П. Жильяра.

35. Император Николай II, Вел. Кн. Анастасия и В. А. Долгорукий с солдатами охраны.

36. Наследник Цесаревич со спаниелем Джоем на пруду у Детского острова. Фотография П. Жильяра.

милльера.

37. Вел. Кн. Анастасия Николаевна в Александровском парке.

Фотография Вел. Кн. Марии Николаевны.

38. Вел. Кн. Татьяна и Анастасия с офицерами охраны.

39. Император Николай II, Вел. Кн. Анастасия и Татьяна.

40. Вел. Кн. Татьяна и Анастасия с офицером охраны.

41. Вел. Кн. Татьяна (с французским бульдогом Ортино) и Анастасия.

Фотография Вел. Кн. Марии Николаевны.

42. Наследник Цесаревич и Вел. Кн. Анастасия
у Александровского дворца.

43. Вел. Кн. Татьяна, Анастасия и Ольга.

44. Наследник Цесаревич и солдат охраны.

45. Императрица Александра Федоровна и Вел. Кн. Татьяна Николаевна
в Александровском парке.

46. Наследник Цесаревич Алексей Николаевич.

Описи документов и вещественных доказательств

Дитерихс М. К. Опись вещам, отобранным у жены бывшего начальника караула в «доме особого назначения» — Павла Медведева и принадлежавшим доктору Боткину и великим князьям // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 414. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ОПИСЬ

ВЕЩАМ, ОТОБРАННЫМ У ЖЕНЫ БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА КАРАУЛА
В “ДОМЕ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ” — ПАВЛА МЕДВЕДЕВА
И ПРИНАДЛЕЖАВШИМ ДОКТОРУ БОТКИНУ И ВЕЛИКИМ КНЯЗЬЯМ

Саквояж желтой кожи с металлическим замком, внутри оклеен красным сафьяном.

Маленький, красный сафьянный бумажник, на две створки, с застежкой-кнопкой. Внутри четыре отделения для денег и два для марок. В бумажнике — одна копеечная марка.

Две золотых запонки: одна овальная, другая круглая. Обе представляют сигарные этикетки под стеклом. На обороте запонок, на каждой, дата: “27 Июля 1914 г.”, каждая запонка пристегнута, раздвижным кольцом, к золотой палочке с одним растянутым звеном цепи.

Марлевый бинт, широкий.

Медный, среднего размера, обыкновенный циркуль.

Стальные, прямые, узкие ножницы.

Три мельхиоровых вилки: одна столовая, с виньеткой на ручке и соскобленной монограммой; две другие — десертные и тоже со скобленными на ручках монограммами.

Серебряное колечко, покрытое темно-синей эмалью, на нем надпись: “Св. Пр. Мати Ксения моли Бога о нас”.

Серебряное колечко, покрытое черной эмалью и в середине, расширяясь, образует щиток, позолоченный с рисунком. По черной эмали надпись: “Пресвятая Богородица спаси нас”.

Генерал-лейтенант (Дитерихс)

Дитерихс М. К. Опись книгам, найденным мною в ящике с № 622 и не занесенным ни в одной из описей, хотя некоторые книги упоминаются в протоколе осмотра дома Ипатьева // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 409—413. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ОПИСЬ

КНИГАМ, НАЙДЕННЫМ МНОЮ В ЯЩИКЕ С № 622

И НЕ ЗАНЕСЕННЫМ НИ В ОДНОЙ ИЗ ОПИСЕЙ,

ХОТЯ НЕКОТОРЫЕ КНИГИ УПОМИНАЮТСЯ В ПРОТОКОЛЕ ОСМОТРА

ДОМА ИПАТЬЕВА

Книги, принадлежащие Великой Княжне Ольге Николаевне

Английская книга “And Mary Sings Magnifikat” в бумажной обложке. На обложке аккомпанируют два ангела. На первом, твердом листе, рукой Государыни Императрицы, под знаком написаны по-английски стихи. На оборотной стороне надпись В. К. Ольга, год 1917, подпись “Мама” и “Тобольск”. Тут же вложены: нарисованные и вырезанные из бумаги: Церковь Спаса Преображения в г. Новгороде, Церковь Покрова на Нерле Владимирской губ. Три листика бумажки: на одном записано стихотворение “Разбитая ваза” Сюлли Прюдома. На двух других рукой Великой Княжны Ольги Николаевны написаны стихотворения:

“ПРЕД ИКОНОЙ БОГОМАТЕРИ”

Царица неба и земли,

Скорбящих утешенье.

Молитве грешников внемли —

В Тебе — надежда и спасенье.

Погрязли мы во зле страстей,

Блуждаем в тьме порока,

Но... наша Родина. О, к ней

Склони всевидящее Око.

Святая Русь, твой светлый дом

Почти что погибает...

К Тебе, Заступница, зовем —

Иной никто из нас не знает.

О, не оставь своих детей,

Скорбящих упование.

Не отвори Своих очей

От нашей скорби и страдания.

На другом листке:

“МОЛИТВА”

Пошли нам, Господи, терпенье

В годину буйных мрачных дней

Сносить народное гоненье

И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,

Злодейство ближнего прощать

И крест, тяжелый и кровавый,

С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,

Когда ограбят нас враги,

Терпеть позор и оскорбленье,

Христос Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог вселенной,

Благослови молитвой нас

И дай покой душе смиренной

В невыносимый страшный час.

И у преддверия могилы

Вдохни в уста Твоих рабов

Царько-вещные силы

Молиться кротко за врагов.

Французская книжка, в красном тисненном золотом переплете. Ростан, Орленок. На третьем внутреннем листе написано французскими буквами: “В. К. О. Н. от П. Ж., Спала 3.XII.1912”.

Английская книга, в зеленом тисненном переплете. “The princess and The goblin”. На второй странице по-английски написано: “For darling Olga. From Amity Irene. X mas 1903”.

Французская книга, в красном, тисненном золотом, переплете: “Франция во все века”. На обороте первого обложного листа написано рукой Государя: “Елка 1911 — 24-го декабря. Царское Село. От Мама и Папа”, а сбоку — “Ольга Н.”.

Книги Великой Княжны Татьяны Николаевны

“Правило молитвенное готовящимся ко Святому Причащению”, книга в голубом, тисненном переплете. На первой странице, рукой Государыни, написано: “Моей маленькой Татьяне от Мама. 9-го Фев. 1912 г. Царское Село”. Книга печатана по-славянски. На стр. 14 — закладка, изображающая “Моление о Чаше”. На стр. 31 — закладка Образ Пресв(ятой) Богородицы, именуемой “Живоносный Источник”. На стр. 44 — закладка образ Божьей Матери Холмской. На стр. 60 — закладка образ Св. Иоанна Воина, на оборотной стороне написано: “В. К. Т. Н. 1918 г.”. На стр. 63 — закладка голубая, шелковая лента, на одной стороне наклеен золотой Императорский герб, а на другой бумажка, на которой в виде буквы Н написано “спаси и сохрани” и нарисованы месяц и звезда. На 74 стр. находится один конец, а на 153 стр. другой конец закладки белой, шелковой ленточки; на одном конце ленточки, на колечке, одет золотой образок Вмц. Варвары и серебр. образок Св. Пантелеймона и Вмц. Варвары; на другом конце ленточки серебр. образок Божьей Матери Избавительницы и эмалевый образок Божьей Матери Владимирской. На ленточку одето золотое колечко с вырезанной на нем надписью в память 800-летия Киевского монастыря Св. Варвары. На 92 стр. закладка икона Богоматери “В скорбех и печалех Утешение”. На 110 стр. закладка икона Св. Симеона Верхотурского.

“Благодеяния Богоматери”, книга в красной обложке. На внутренней белой обложке, наверху, под начертанным знаком рукой Государыни написано (по-английски): “For my darling Tatiana fr. her loving old Мама. Тобольск. Янв. 12. 1918”.

Часослов, в коричневом, твердом переплете. На первой странице, рукой Государыни, написано: “Т. Н. Тобольск. 1917. 30-го сентября”. На стр. 113 красная лента-закладка; на ленте наклеено с одной стороны щиток с изображением меча и венка, а вокруг надпись “За Веру, Царя и Отечество”. На другой стороне бумажка с надписью “спаси и сохрани. 1906”.

Письма о Христианской жизни. В черном матерчатом переплете. На оборотной стороне переплета, рукой Государыни, написано: “Татьяне. 1917. Ц. С. 12 июля”.

“О терпении скорбей”, книжка в серой обложке. В углу обложки, рукой Государыни, написано: “Т. Н. 1917”.

“Житие и чудеса Св. Прав. Симеона Верхотурского”. В серой обложке. В углу обложки, рукой Государыни, написано: “Т. Н. Тобольск. 1918 г.”.

“Житие Преподобного Отца нашего Серафима Саровского” в серой обложке. В углу обложки, рукой Государыни, написано: “Т. Н. Тобольск. 1918 г.”.

Акафист Богородице. В белой обложке, запачканной маслом. На обложке, рукой Государыни, написано: “Т. Н. 27-го Февр. 1913 г. Ц. С.”. На внутренней обложке, рукой В. К. Татьяны Николаевны, написано: “Празднование образу Пресв. Богородицы всех скорбящих радости (с

1688 г.) 24-го октября”.

“Двенадцать Евангелий”, в серой обложке. На внутренней обложке, рукой Государыни, написано: “Дорогой Татьяне от Мама. 1905”.

“Моя жизнь во Христе” в коричневом, твердом переплете. На первом листе, рукой Государыни, написано: “Т. Н. 1915”.

Английская книга *Leaves for Quist Hours*, в малиновом, твердом переплете. На первой странице, по-английски, рукой Государыни, написано: “For darling Tania fr. A. Фев. 15-го Ц. С.” На 158 стр. вложен толстый лист почтовой бумаги, в котором засушен букетик полевых анютиных глазок.

Английская книга *The wider life*, в светло-голубом переплете с белым с золотом корешке. На обороте первой страницы, рукой Государыни, по-английски, написано: “For darling Tania от А. 1909”. На стр. 72 вложена английская памятка: (...) на первой страничке которой к отпечатанным словам: (...) добавлено рукой Государыни: (...).

Английская книга “*The beauty of self-control*” в светло-голубом переплете, с белым с золотом корешком. На обороте первой страницы, рукой Государыни, по-английски, написано: «... Александра, 1912».

Английская книга “*Life’s open door*”, в светло-голубом переплете, с белым с золотом корешке. На обороте первой страницы, по-английски, рукой Государыни, написано: (...) “Александра” и знак . На стр. 150 засушен цветок полевого репейника.

“Утешение в смерти близких сердцу”, в светло-зеленой обертке. В углу обертки, рукой Государыни, написано: “Т. Н. 1917”.

“Смелая жизнь” Чарской, в твердом переплете с картиной на крышке. На обороте обложного листа, по-английски, рукой Государыни, написано: “Дорогой Татьяне от Папа и Мама. Янв. 1908”. На стр. 9 — маленькая закладка из клетчатой бумажки.

“Сборник благоговейных чтений” Валуева. В светло-лиловом, тисненном переплете. На стр. 259, 271, 307, 351, 417 вложены засушенные цветы.

“Беседы о Страданиях” Филарета, в голубом, тисненном переплете.

История Петра Великого, Чистякова. В сине-зеленом, тисненном переплете.

Канон Великий Андрея Критского. Без переплета. На заглавной странице написано: “Татьяне. Ц. С. 10-го февраля 1909. От С. Тютчевой”.

Сборник служб, молитв, песнопений. В малиновом тисненном переплете. На обложном листе написано: “Милой Татьяне. От любящей ЕЕ С. Тютчевой. 1908. 25-го Ноября”. На оборотной стороне этого листа карандашом рукой В. К. Т. Н., написано: “Все тропари и кондаки и гласы”. На стр. 133 закладка в виде красной, муаровой ленты; на одной стороне ее нарисован круг и в нем Мальтийский крест, а над кругом написано: “Т. Н. 1905”. На обратной стороне ленты карандашом написано: “Татьяна”. На стр. 191 закладка — иконка Св. Муч. Татьяны, на обороте которой написано: “Да хранит Тебя Господь”. На стр. 277 закладка — засушенная ромашка. На последней обложной странице, рукой В. К. Т. Н., написано: “Заключительное “Господи помилуй” № 79 Знаменского распева”.

Английская книга “Король Момбо” с посвящением от автора Павла дю-Шалю.

Английская книга, того же автора, “*My spring Kingdom*” с посвящением от автора. Светло-зеленый, тисненый переплет.

Английская книга, того же автора, “The county of the Dwarx” с посвящением от автора. Светло-зеленый, тисненый переплет.

Английская книга “Рассказы Шекспира”, в коричневом с картинкой переплете. На обороте первого обложного листа, по-английски, написано: (...).

Французская книжечка “Басни Лафонтена”, в желтом твердом переплете. На обороте лицевого переплета, детской рукой написано: “Ольга. Татьяна. 1905. Петергоф”.

Французская книжка “Антология детства” Фредерика Баталья, в желтом, твердом переплете. На оборотной стороне лицевого переплета написано: “Ольга. Татьяна. 1906 г.”.

Два альбома, один с коричневой, другой с цветной бristolской бумагой для рисования. В альбоме с фиолетовой обложкой вложено: 7 маленьких, бумажных закладок с отметками страниц и параграфов. Листик почтовой бумаги, с карандашными набросками силуэтов совы; листик вошеной бумаги с нарисованными двумя трафаретами сов; листик черной бумаги с вырезанным трафаретом одной из сов; листик красной бумаги, полоска малиновой и ленточка оранжевой бумажек.

Книги Великой Княжны Марии Николаевны

“На Париж” Авенариуса. На оборотной стороне обложного листа написано: “М. Н. Елка. 1913. от П. В. П.”.

Книжка наглядного обучения иностранным языкам, в синей, бумажной обертке. На заглавной стороне обертки написано: “Marie”.

Английская книжка “The roses and the ring” в зеленом, с картинкой, переплете. На оборотной стороне обложного листа написано по-английски: (...). На стр. 35 закладка — голубая шелковая ленточка. На стр. 81 заложено сложенным листиком папиросной бумаги.

“Отблески”, Попова, в простом, ученическом переплете. На оберточном листе написано: “М. Н. 1910” и карандашом, другой рукой, “Прочсть №№ 13, 27, 31, 34, 49, 72 и 77”.

“Война и мир” Л. Толстого, в темно-зеленом коленкоровом переплете. В книге вложено: фотографическая карточка Великой Княжны Марии Николаевны и запачканная визитная карточка доктора Е. С. Боткина.

Книги Великой Княжны Анастасии Николаевны

Четыре книги сочинения И. И. Лажечникова, тт. 1 — 12, в цветных переплетах, корешки и уголки обтянуты кожей оливкового цвета.

Книги Наследника Цесаревича

“Школа игры на балалайке”, в голубом переплете с вензелем “А” и короной на лицевой стороне.

Ученическая тетрадка, в желтой обложке. На обложке ярлычок писчебумажного магазина А. С. Суханова в Тобольске. На ярлыке, рукой Наследника, написано по-французски “Тетрадь для французского. Алексис. Тобольск. 20/2 апреля. 1918 г. № 14”. В тетради заполнено, рукой Наследника, упражнениями во французских переводах пять страниц.

Тетрадь в синей оберточной бумаге, на ней отпечатаны гербы: Тобольской губ., царства Сибирского и Тобольского уезда. Наверху напечатано: “1916 г. На память”. Внутри — виды г. Тобольска.

“Памятная книжка на 1917 год” в картонном футляре. Книжка переплетена в деревянный переплет с медной застежкой и медными, накладными цифрами года 1917. Корешок коричневой кожи и с оттиснутым годом. Запись в книжке начинается 1/14 январем и заканчивается февралем того же 1917 года. Запись вели по очереди Жильяр и Гиббс. Записывалось время препровождения и состояние здоровья Наследника Цесаревича.

Книги Государыни Императрицы

“Великое в малом” С. Нилуса.

Фразцузская книга.

“Синее с золотом” Аверченко.

“Рассказы для выздоравливающих” Аверченко.

А. П. Чехов, тт.: II, VII и XIII.

Генерал-лейтенант (Дитерихс)

Дитерихс М. К. Опись иконам, найденным при осмотре дома Ипатьева // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 405—408. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ОПИСЬ

ИКОНАМ, НАЙДЕННЫМ ПРИ ОСМОТРЕ ДОМА ИПАТЬЕВА

Образ Спаса Нерукотворного, большого размера, по краю иконы — коричневая кайма, обратная сторона доски крыта серой краской, на ней нарисован крестик и под ним надпись: “Спаси и Сохрани. 25 Мая 1913 г. Москва. от А. В.”.

Образ Спаса Нерукотворного, большого размера, по краю иконы светло-коричневая кайма, обратная сторона доски крыта серой краской, на ней, в левом верхнем углу карандашом написано: “П. С. Анастасья. 1914 г. 5 июня”.

Образ Спаса Нерукотворного, среднего размера, по краю иконы коричневая кайма, обратная сторона доски крыта коричневой краской. В верхнем правом углу карандашом поставлен год: “1913 г.”, по середине карандашом написано: “Спаси и сохрани. От А...”.

Образ Спаса Нерукотворного, среднего размера, по краю иконы серая кайма, обратная сторона доски крыта серой краской.

Иконка Спаса Нерукотворного, малого размера, в коричневой, деревянной рамке с черно-золотым багетом вокруг самой иконы. Рамка задвигалась крышкой, но ее нет.

Иконка Спаса Нерукотворного, маленькая, деревянная, на обратной стороне, по-английски, карандашом написано: “You blessed padest you on y[our]s journey, bring you safely bash again to those who love you. May. 10. 1904”.

На верхнем краю написано: From A. to Tanja.

Иконка Спаса Нерукотворного, очень маленькая, в металлической рамочке. На оборотной стороне выгравировано: “Страдающий плотью перестает грешить. Как умножаются в нас

страдания, умножается Христом и утешение наше для спасения, которое совершается перенесением страданий”.

Икона Спасителя, малого размера, вытесненная и раскрашенная в жестяной пластинке, набитой на дереве. На обороте следы надписи: “Этот образ принадлежал нашей двоюродной сестре когда она умерла...”.

Образ Божьей Матери Почаевской, большой, чеканенный на гипсе в красках и как бы в ризе. Обратная сторона обтянута синим бархатом.

Образ Божьей Матери, большого размера, на дереве, старинного письма, на красном фоне черной краской. Вверху — Бог Саваоф.

Образ Божьей Матери Тобольской, большого размера, кругом иконы черная с синим кайма. Обратная сторона крашена голубой краской, на ней, рукой Государыни Императрицы, начертан крестик и под ним написано: “Спаси и Сохрани. Елка 1917 г. Тобольск. Аликс”.

Иконка Божьей Матери Тобольской, малого размера, чеканенная на гипсе с деревянным основанием, в красках и как бы в ризе. Обратная сторона крыта голубой краской.

Образ Пресв(ятой) Богородицы Абалакской, внизу, справа Св. Мария Египетская, а слева — Св. Никола Чуд(отворец) среднего размера, чеканен в гипсе, на деревянном основании, в красках и как бы золотой ризе. Обратная сторона крашена голубой краской и на ней, рукой Государыни начертан крестик, а под ним написано: “Дорогой Татьяне благословение на 12-е янв. Тобольск. Папа и Мама”.

Икона Божьей Матери Всех скорбящих радость, малого размера, чеканенная в гипсе с деревянным основанием, в красках и как бы в ризе. На обратной стороне, рукой Государыни, поставлен крестик и написано: “Т. Н. 27-го февр. 1913 г. Ц. С. от Мама”.

Образ Божьей Матери Коломенской, большого размера, на дереве, крашеном коричневой краской. Вверху — Бог Саваоф.

Иконка Знамение Пресвятой Богородицы, маленького размера, чеканенная на гипсе, и деревянное основание, в красках и как бы в ризе. На обороте написано: “от Ани. 1916. Т. Н.”.

Иконка Знамение Пресвятой Богородицы, маленького размера, чеканенная на гипсе и на деревянном основании, в красках и как бы в ризе. На обороте, рукой Государыни, написано: “Дорогой нашей Ольге благословение. Папа и Мама. Спала. 3-го Ноября, 1912 г.”.

Иконка Пресвят(ятой) Богородицы Абалакской, маленького размера, чеканенная на гипсе и на деревянном основании, в красках и как бы в золотой ризе. На обороте, рукой Государыни, поставлен крестик и написано: “Т. Спаси и Сохрани. Мама. Елка 1917 г. Тобольск”.

Такая же иконка. На обороте, рукой Государыни, начертан крестик и написано: “А. Спаси и Сохрани. Мама. Елка 1917 г. Тобольск”.

Иконка Пресв(ятой)Богородицы Скоропослушницы, маленькая, писанная на дереве, с лиловой каемкой вокруг. На обороте написано: “от Ани. 9 Сент. 1915. Н.”.

Иконка Пресв(ятой)Богородицы Скоропослушницы, совсем маленькая, писанная на дереве, с темной каемкой вокруг.

Изображение иконы Пресв(ятой)Богородицы Скоропослушницы на полотне, синей краской.

Образ Божьей Матери Утоли мои печали, среднего размера, чеканенный на гипсе, с деревянным

основанием, в красках и как бы в ризе. На обороте начертан крестик и написано: “А. Ф. Окт. 1908 г.”.

Икона Божьей Матери Владимирской, малого размера, писана на дереве с коричневой каймой по краям. На обороте написано: “Тобольск (Святая икона) Сент. 3-го 1917. от Настеньки”. Вся надпись по-английски.

Иконка Божьей Матери Благодатное небо, маленькая чеканенная на гипсе с деревянным основанием, в красках и как бы в ризе. На обороте написано: “от Ани 1916 г.”.

Иконка Божьей Матери Умягчение злых сердец, маленькая, чеканенная на гипсе с деревянным основанием, в красках и как бы в ризе. На обороте внизу написано: “От сестры милосердия О. Шевчук”.

Образ Св. Николая Чудот(ворца), среднего размера, чеканенный на гипсе с деревянным основанием, в красках и как бы в ризе. На обороте отпечатан штемпель: “Благословение русского Свято-Андреевского скита что на Святой Афонской горе”.

Образ Св. Николая Чудот(ворца), малого размера, чеканенный на гипсе с деревянным основанием, в красках и как бы в ризе. На обороте, карандашом две буквы: “А. В.” и отпечатан штемпель: “сия икона освящена на Мощах Святого Праведного Симеона Верхотурского Чудотворца. 12 Июня 1914 года”.

Иконка Св. Николая Чудотв(орца), совсем маленькая, в серебряной-позолоченной рамочке, обратная сторона обтянута малиновым бархатом.

Образ Св. Серафима Саровского, малого размера, писанный на дереве, без рамы. На обороте штемпель: “сия икона освящена на Мощах Преподобного Серафима Саровского Чудотворца”. И другой “работа сестер Серафимо-Дивеевского монастыря”.

Образ Св. Серафима Саровского, малого размера, в металлической рамке под стеклом.

Образ Св. Георгия Победоносца, старинного письма и отделки в яйцеобразной формы металлической, тисненной рамке, подвешенной на цепочке. На обороте, рукой Государыни, написано: “Х. В. Марии от Папа и Мама. 1913 г.”.

Образ Св. Симеона Верхотурского, малого размера, чеканенный на гипсе с деревянным основанием, в красках и как бы в золотой раме. На обороте написано: “Дорогой Татьяне от Ани. 1916”.

Финифтевый образок Св. Симеона Верхотурского, маленький, в металлической рамочке, на обороте обтянут малиновым бархатом.

Иконка Св. Муч. Антония, Иоанна, Евстафия, маленькая писанная на дереве, без надписи на обороте.

Такая же иконка, но с ввинченным сзади колечком.

Такая же иконка, но на обороте нарисован крестик и под ним написано: “А. Тобольск”.

Такая же иконка, но колечко ввинчено наверху. На обороте, рукой В. К. Татьяны Николаевны, написано: “Тобольск. 1917. 22 Дек. Т. Н.”.

Такой же образок, колечко ввернуто сзади, а на обороте написано: “Дек. 1917 г. Тобольск. Празднов(ание) 14-го Апр.”.

Иконка Св. Муч. Параскевы Пятницы, маленького образца, писана на дереве. На обороте

надпись: “от старицы Марии Михайловны. Новгород. 11-го Декабря 1916 г.”.

Образ Св. Сергея Радонежского, среднего размера, писанный на дереве. На обороте сначала чернилами поставлен крестик и под ним написано: “Болящей рабе Божией Марии в благословение от Епископа Паисия. 1916.

Дек. 2”, а затем зачеркнуто карандашом и написано: “А. Ф. от старицы Марии Михайловны. Новгород. 11.XII. 1916 г.”.

Образок Св. Козьмы и Демьяна, малого размера, писан на жести, в красках и набит на дерево. Сзади надпись: “22 Мая. 1916 г.”.

Образок Св. Пророка Ильи, маленького размера, писанный на металле, красками, с разрисованной кругом каймой и набит на дерево. На обороте надпись: “Т. 22-го Мая. 1914 г.”.

Икона Св. Иоанна Тобольского, малого размера, чеканена на гипсе с деревянным основанием, в красках и как бы в ризе. На обороте штемпель об освящении иконы 23 апреля 1918 года и надпись “В благословение от Святителя Иоанна, Митрополита Тобольского и Сибирского”.

Такая же иконка, но штемпель об освящении иконки от 5 мая 1918 года. Надпись та же.

Такая же икона и с тем же штемпелем, но рукой В. К. Татьяны Николаевны, написано: “Т. Н. Тобольск” и поставлен крестик.

Икона Св. Иоанна Тобольского еще меньшего размера, в заднюю стенку ввинчено колечко и написано: “Тобольск. 11-го авг. 1917 г. от Настеньки”.

Такая же икона и так же с колечком, но написано только: “Тобольск. 11 Авг. 1917 г.”.

Икона Св. Иоанна Тобольского совсем маленькая, сорт тот же, что и у предыдущих, но ни колечка, ни надписи нет.

Лампадка, темно-зеленого стекла, в виде рюмки без ножки.

Лампадка, малинового стекла, в виде маленькой мисочки.

Лампадка, малинового цвета, в виде маленького стаканчика, с фарфоровой горелкой и кусочком фитиля.

Наполовину сгоревшая стеариновая свеча.

18 церковных свечей, из них одна наполовину сгоревшая и одна — обломанная сверху.

Образ Св. Иоанна Тобольского, большого размера, чеканенный на гипсе с деревянным основанием, лицевая сторона с левого края — поцарапана. Сзади образ обит малиновым бархатом и ввинчено кольцо.

Кусок дерева, обточенный на две трети в тонкий штифт, рукоятка оставлена квадратной.

Образ Св. Иоанна Тобольского, найденный на кладбище Сысертского завода, рабочие с которого составляли охранную команду при “доме особого назначения”. Образ чеканен на гипсе с деревянным основанием. На месте изображения локтя, преступниками вырезан ковчежец, где, вероятно, хранились мощи Св. Иоанна. Сзади образа не достает одной планки. Доску от сырости на кладбище — покорило, края иконы побиты, краска потерта. На обратной стороне ясно видны следы стирания бывшей здесь надписи, но, однако, довольно ясно заметны и остатки этой надписи; надпись была написана вдоль иконы, если ее положить колечком влево.

Брошюрка изд. Посредника “О воздержании”.

Брошюрка изд. Посредника “О познании себя”.

Генерал-лейтенант (Дитерихс)

Дитерихс М. К. Опись. Фотографические снимки дома Ипатьева в городе Екатеринбурге, где был заключен б. Государь Император Николай II и его семья и где было совершено убийство их // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 401—405. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ОПИСЬ

ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ СНИМКИ

ДОМА ИПАТЬЕВА В ГОРОДЕ ЕКАТЕРИНБУРГЕ,

ГДЕ БЫЛ ЗАКЛЮЧЕН Б. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ЕГО СЕМЬЯ

И ГДЕ БЫЛО СОВЕРШЕНО УБИЙСТВО ИХ

Общий вид дома Ипатьева во время пребывания в нем в заключении Царской Семьи, с наружной бревенчатой оградой. Дом снят с переднего фасада, выходящего на Вознесенский проспект. Левый боковой фасад выходит на Вознесенский переулок. Окно комнаты, где было произведено убийство всей Царской Семьи, находится в подвальном этаже левого фасада дома. Над ней, в верхнем этаже, находилась спальня Великих Княжен. Левая угловая комната верхнего этажа (два левых окна переднего фасада и первых два окна левого фасада) была спальней Государя Императора, Государыни Императрицы и Наследника Цесаревича. Следующие четыре окна переднего фасада (по направлению к крыльцу) были зала и гостиная. Ближайшее к парадному крыльцу окно — комната коменданта “дома особого назначения”, коим в период убийства состоял еврей Юровский. Перед левым углом дома, между двумя часовыми, видна часовня Спасителя.

Комната коменданта “дома особого назначения”. После убийства Царской Семьи, в этой комнате, повидимому, “главари” производили разборку, сортировку и укладку Царских вещей. Вещи, как представляется, вываливались на оттоманку и здесь разбирались; поэтому некоторые предметы были найдены под оттоманкой и завалившимися за нее. На кровати лежит чехол от спинки кровати с красными на нем пятнами.

Зала и гостиная, соединенные аркой; зритель смотрит от стены, отделявшей залу от комнаты коменданта. По правую руку от зрителя будет входная дверь из передней; напротив этой двери — дверь, ведущая в столовую. В стене залы, параллельной стене с окнами — дверь в проходную комнату. Гостиная глухая, дверей не имела.

Правее арки, за висящей картиной, была найдена открытка с изображением Государыни Императрицы. С левой стороны от зрителя (на фотографии не видно), в зале, находится маленький дамский письменный стол, на котором найдены обрывки бумажек (по описи №№ 250, 251). Прямо перед зрителем большой мужской письменный стол с креслом около него (стол из Ипатьевского дома). У правой стены гостиной видна плетеная кушетка, привезенная из Царского Села из комнаты Ее Величества (по описи № 21)

Столовая. Посередине снимка видна дверь, ведущая в спальню Великих Княжен. С правой стороны снимка — кресло на колесах Наследника Цесаревича. Правее кресла есть дверь, ведущая в комнату доктора Боткина (на фотографии не вышла). Зритель смотрит из угла у окна.

ведущая в комнату доктора Боткина (на фотографии не вышла). Зритель смотрит из угла, у окна, левее его, в стене, параллельной стене с камином, дверь — ведущая в проходную комнату; еще левее, по этой же стене, около видного на фотографии стула, дверь из залы.

Спальня Великих Княжен, зритель стоит у двери, ведущей в спальню Их Величеств. Справа от зрителя, в стене, где печь, — дверь, ведущая в столовую. На полу пепел, вынутый при первоначальном осмотре дома, из печей.

Спальня Государя Императора, Государыни Императрицы и Наследника Цесаревича. Зритель стоит в двери, ведущей из спальни Великих Княжен. Комната имеет четыре окна: два прямо перед зрителем и два в правой стене. На левом косяке правого видимого окна, рукой Государыни, нарисован карандашом крест и под ним написано: 17/30 апреля (дата прибытия Их Величеств в дома Ипатьева). Все мелкие предметы, флаконы, пузырьки, видимые на столах и полках, принадлежат Их Величествам.

Анфилада комнат. Зритель находится в комнате доктора Боткина; первая за ней — столовая, следующая — проходная; последняя — комната, откуда лестница ведет в нижний этаж. В эту же комнату выходят двери из уборной и из ванной.

Комната нижнего этажа, где было совершено убийство Государя Императора, Государыни Императрицы, Наследника Цесаревича, Великих Княжен Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии Николаевен, доктора Е. С. Боткина, Анны Демидовой, камерлакея Седнева и повара Харитонов. Зритель стоит в дверях, ведущих из прихожей нижнего этажа, откуда тройная дверь выводит на крыльцо в Вознесенский переулок и через которую выносили трупы во двор. Прямо напротив зрителя дверь в кладовую, где сложены вещи Ипатьева; дверь эта была запечатана при приеме дома советской властью от Ипатьева и в эту кладовую никто не ходил.

Левее двери в кладовую видны на стене выемки, произведенные следователем Сергеевым при судебном осмотре комнаты; вынуты части стены с пулевыми каналами, застрявшими в дереве пулями и со следами крови. Такие же выемки произведены и из пола, где, кроме того, были и следы от штыковых ударов. Пол в комнате сильно замыв; замывалась, видимо, и часть стены, где сделаны выемки; замывка производилась с землей или глиной. Такая же замывка видна и в прихожей; через которую проносили трупы; в выходной двери, на полу, между второй и наружной дверями, видно кровавое пятно (эта часть пола вынута и находится при следственном деле).

Для расстрела вся Царская Семья и состоявшие при Них лица были поставлены, все вместе, у видимой стены, левее двери в кладовую. Расстрел производился почти в упор, из револьверов, а штыками и прикладами докалывали и добивали. По словам одного из участников, картина убийства была настолько ужасна, что он несколько раз выходил во двор, чтобы “освежиться”.

На основании детального ознакомления со следственными материалами и посещения места преступления, обстоятельства убийства Царской Семьи представляются мне следующими:

Около 2-х часов ночи с 16 на 17 июля 1918 г. в Ипатьевский дом прибыли пять “главных” комиссаров Областного Уральского Совета (комиссарами Совета вообще состояли: Белобородов — Председатель; Сафаров — еврей — член президиума, Голощекин — еврей — военный, Войков — еврей — сообщения, Поляков — еврей — юстиции, Сыромолотов — еврей — финансов, Сакович — друг Юровского — здравоохранения, Андреев — труда, Кузьмин — производства, Хотымский — земледелия, Меньшиков — транспорта, Юровский — еврей — комендантом и комиссаром “дома особого назначения”). (Из упомянутых комиссаров — Сафаров и Войков принадлежат к числу тех “Тридцати”, которые вместе с Лениным и Троцким были привезены в Петроград в запломбированных вагонах).

В 2 часа ночи Члены Царской Семьи были разбужены и Им объявили, что их сейчас повезут. Члены Царской Семьи встали, оделись, спешно. В 2 часа ночи Их величеств вместе с ними и

Члены царской Семьи встали, умылись, оделись. В 5 часа ночи их свели всех вместе вниз и привели в указанную выше комнату. Здесь всех сгруппировали к указанной стене: Государь стоял посередине, перед ним Наследник, рядом Государыня, по сторонам Великие Княжны; в левом углу — доктор Боткин, еще левее, Анна Демидова; по правую сторону — лакей Седнев и повар Харитонов; всего 11 человек.

Против них выстроились: в центре — Юровский с двумя своими помощниками (из коих один был еврейского типа), по сторонам его — “главные”, по сторонах их — десять латышей (составлявших за последнюю неделю внутреннюю охрану и нанятых для сего Юровским), из коих фамилия одного — Пашка Берзин. К ним присоединился начальник охранной команды Павел Медведев (из рабочих Сысертского завода). Сзади, в дверях и в прихожей — охранники караульной команды, бывшие в эту ночь на дежурстве.

Юровский прочел постановление Областного Совета со смертным приговором и добавил: “таким образом ваша жизнь покончена”.

На это Государь ответил: “Я готов”, Государыня и В. К. Ольга Николаевна перекрестились, перекрестился также и доктор Боткин. Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны лишились чувств. Наследник Цесаревич был “как в столбняке”. Анна Демидова “заметалась, защищаясь подушкой”.

Вслед за ответом Государя, Юровский выстрелил в упор в Государя и убил наповал. Одним выстрелом был убит и Наследник Цесаревич. За Юровским открыли револьверную стрельбу латыши и Павел Медведев. Стреляли много, торопясь.

Когда все оказались упавшими, то стрельбу прекратили и стали осматривать кто мертв, а кто еще жив. Живых добивали штыками и прикладами. В. К. Анастасия Николаевна оказалась не тронутой пулями, когда к Ней прикоснулись, то Она страшно закричала; тогда, ударом приклада, Ее оглушили и докололи штыками. Долго не могли также убить Анну Демидову, которая металась вдоль левой стены; поэтому следы пуль видны в разных местах этой стены и даже в косяке входной двери.

Когда, наконец, все мученически погибли, то трупы вынесли во двор, сложили на грузовой автомобиль и увезли, верст за 14 в лес, где имеется до 60 старых, заброшенных шахт. Там все были раздеты, обысканы и всю одежду с бельем сожгли на нескольких кострах, дабы, если трупы удалось найти, то, по одним костякам, без одежды трудно утвердительно опознать, кому именно принадлежит скелет. Тела, по-видимому, были брошены в шахты.

После совершения преступления, советские власти в течение 17, 18, 19, 20 и 21-го усиленно заматали и уничтожали следы этого ужасного, кошмарного, нечеловеческого убийства. Было сделано все возможное, чтобы симулировать увоз Членов Царской Семьи на Пермь, кроме Государя Императора, об убийстве которого “ввиду приближения контрреволюционеров и открытия заговора белогвардейцев”, было объявлено комиссаром Голощекиным на специальном митинге 17 июля. На следующий день советские власти опубликовали об убийстве Царя в печати.

Генерал-лейтенант (Дитерихс)

Опись (ящик № 1) ценных вещей, найденных в камере Волжско-Камского банка (где помещался областной совет) при золотосплавочной // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 399—401. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ОПИСЬ

(ящик № 1)

ЦЕННЫХ ВЕЩЕЙ, НАЙДЕННЫХ В КАМЕРЕ ВОЛЖСКО-КАМСКОГО БАНКА
(ГДЕ ПОМЕЩАЛСЯ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ) ПРИ ЗОЛОТОСПЛАВОЧНОЙ

Карандашик сиреневой эмали, 56 пробы, с вензелем А. Ф., на обороте дата “1915” (найден при обыске на квартире сторожа банка Лылова).

Фрейлинский бриллиантовый знак с монограммой “М. А.” и короной, усыпанной бриллиантами.

Браслет золотой панцырный с круглым кольцом, в середине которого римская цифра X из бриллиантовой осыпи.

Браслет из узких цепочек цветного золота, соединенных одной большой и четырьмя маленькими, овальными камнями.

Браслет панцырный золотой, с тремя овальными, гладкими сапфирами. На застежке дата “1896”.

Браслет панцырный золотой, с одним овальным, гладким сапфиром.

Браслет, образуемый 10 светлыми камнями, соединенными двумя тоненькими, платиновыми цепочками.

Булавка золотая с 5 сапфирами и тремя розочками.

Булавка с круглой золотой головкой.

Булавка с головкой из круглой жемчужинки.

То же.

То же.

Брошь золотая с большим граненым сапфиром, осыпанная кругом 8 мелкими бриллиантиками и 8 розочками.

Брошь золотая в виде узкой, длинной палочки из граненых сапфиров.

Брошь золотая круглая, в виде розетки с овальными изумрудами, в середине — один — покрупнее. Одного изумрудика нет.

Брошь золотая в виде сердца, составленного из мелких бриллиантиков попеременно с жемчужинами.

Брошь золотая в виде белого эмалевого сердца, кругом эмалевый зеленый ободок, а в середине овальный рубин.

Брошь золотая, большая, овальная, с семью лунными камнями в середине попеременно с мелкими бриллиантами, кругом осыпана мелкими бриллиантиками.

Брошь золотая, покрытая белой эмалью, овальная, в середине монограмма Государыни Императрицы Александры Федоровны и золотая корона.

Брошь золотая, круглая, покрытая белой эмалью, ободок из мелкой бриллиантовой осыпи. В середине красный крест из пяти квадратных рубинов.

Брошь золотая, в виде английской булавки, со звездой из бриллиантов.

Брошь золотая, продолговатая, с двумя светлыми, круглыми камнями на концах. Брошь усыпана мелкими бриллиантиками, посередине — один — покрупнее.

Брошь золотая, в виде бантика, к которому подвешено сердце. Бантик и сердце усыпаны мелкими бриллиантиками. На обратной стороне сердца вставлено выпуклое стекло.

Брошь золотая в виде сердца, осыпанного розочками, по сторонам его два белых камня, также кругом осыпанные розочками.

Брошь золотая в виде колеса, одна из спиц которого имеет начертание в виде буквы “Р”.

Золотая дамская шляпная булавка, головка из белой эмали с золотыми полосками и тремя золотыми кольцами, осыпанными розочками.

Медалион золотой, круглый, плоский, покрытый розовой эмалью с одним в середине маленьким бриллиантиком. Медалион на золотой цепочке.

Брелок золотой в виде большого, сердцеобразного опала, кругом его сердцеобразный ободок, осыпанный розочками и соединенный наверху большим бриллиантиком. Сердце как бы подвешено к бантику, осыпанному розочками.

Медалион — стекло овальное, в золотой оправе.

Нагрудный серебряный знак в память 300-летия Дома Романовых, с датами 1613—1913.

Бронзовый знак склада Е. И. В. Г. Императрицы с вензелем А. Ф. посередине и короной наверху.

Кольцеобразная, золотая пряжка, переплетенная по лицевому фасу и с жемчужиной посередине.

Брелок — яичко, на передней стороне — сетчатый на белой эмали и в середине бриллиантик.

Брелок — яичко, разделенное на апельсиновые доли, белой и красной эмали, с бриллиантиками на красных и рубинами на белых долях.

Брелок — опаловое яйцо в золоченной, грушевидной оправе и брелок — стеклянный цыпленок в яичной скорлупе зеленого цвета.

Брелок — костяная, яйцеобразная пластинка с прорезанными буквами Х. В.

Брелок — серебряный кинжальчик с надписью Кавказ.

Кольцо золотое с жемчужиной, осыпанной кругом бриллиантами и по сторонам еще по одному бриллианту.

Кольцо золотое с тремя сапфирами и двумя бриллиантами между ними.

Кольцо золотое с одним рубином.

Запонка золотая, манжетная, в виде двух больших овальных аметистов в золотой оправе, соединенных цепочкой.

То же.

Часы дамские, золотые, закрытые, № 242085, фирмы Дюбуа-Пессе. Стеклышко отсутствует. Часы гладкие.

часы золотые, дамские, полуоткрытые, с двумя циферолатами, фирмы Павла Буре, № 2838 / .
Золотая цепочка из плоских овальных филигранных долей.

Часы золотые, дамские, полуоткрытые, с двумя циферблатами. Фирма не обозначена. № 25814.
На обратной крышке часов монограмма из букв Е. Н.

Маленькая, зеленой эмали, пудреница.

Маленький серебряный перочинный ножичек, с двумя лезвиями. На обеих сторонах ручки — рисунок на темно-зеленом эмалевом поле.

Запонка от манжета, медная, с фальшивым камнем.

Запонка от манжета, медная с перламутровой шапкой, прорезанной двумя эмалевыми полосками.

Обручальное кольцо 94 пробы, внутри вырезано “Г. А. С. Ф. 1865 г.”

Головка от дамской шляпной булавки, металл простой, покрыт лиловой эмалью, в середине пустое отверстие от бывшего в нем камня.

Брелок — череп, с двумя перекрещенными под ним костями.

Брелок круглый, металлический, с изображением на нем Мадонны.

Брелок круглый, витой, с подвешенными к нему четырьмя маленькими бляшками, на коих буквы Р. О. М. А.

Брелок — веер, медный.

Брелок — Божья коровка.

Рамочка, светло-зеленая, с фотографической карточкой дамы, в летнем белом платье, сидящей на террасе в плетеном пляжном кресле. Дама собирается закурить.

Рамочка от фотографической карточки, светло-голубой эмали, с нарисованной на ней гирляндой роз.

Рамочка от фотографической карточки, бронзовая, продолговатая, наверху лавровый венок.

Серебряный рубль 1886 года.

Серебряный рубль 1896 года.

Серебряный рубль 1887 года.

Серебряный рубль 1887 года.

Серебряный рубль 1901 года.

Серебряная Итальянская монета в 5 лир, 1870 г.

Маленькая металлическая рамочка овальной формы.

То же.

Металлический амурчик.

Саше сиреневое, полстежечное

Саше сиреневое, подтеженное.

Красный футляр из-под часов.

Металлическая круглая коробочка.

Дитерихс М. К. Опись особых предметов, подлежащих хранению в запечатанном порядке // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 398. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ОПИСЬ

ОСОБЫХ ПРЕДМЕТОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ХРАНЕНИЮ

В ЗАПЕЧАТАННОМ ПОРЯДКЕ

1. Образок нерукотворного Спаса, написанный на деревянной дощечке. На обороте чернилами написано: “Здесь получили утешение и благословение от Григорий и Анны”. В углу карандашом поставлен год 1908 г.
2. Образ Благовещения Пресвятой Богородицы, писанный на дереве. На обороте чернилами написано (орфография сохраняется): “бох радует иутешает каксее событие взнак извечает дает цвет”. Карандашом поставлен крестик и дата: “Дек. 1910”.
3. Образ Св. Иоанна Воина, писанный на дереве. На обороте, чернилами, надпись: “богнас на то и благословил етот угодник помошник раслучей”.
4. Образ Божьей Матери “Достойно есть”, писанный на дереве. На обороте, чернилами, написано: “благословенье отдостойны именинице Татьяне на большую любовь христианстве вдухе а не форьме”. Карандашом поставлена дата “12-го Января 1913 г.”
5. Доска с обоями, вырезанная из стены, где было совершено убийство всей Царской Семьи. Рисунки и надписи порнографические. Наверху следы надписи: “пост № 8”, внизу: “Стоял на посту с 2-х до 4-х, с 8 до 10 и с 2 до 4, 8 р.”
6. Доска с обоями из той же комнаты, на обоях надпись карандашом, из коей можно разобрать первую строчку: “Кто рисовал тому бутылку пива, а кто...”
7. Кусок обоев из той же комнаты, на котором сохранились остатки слов: “ин”, “андра”, “10 V 18 г.”, “с 2 час ночи до 4 х”.
8. Кусок обоев из той же комнаты, с фразой, начинающейся словами: “Николай сказал народам...”
9. Кусок обоев из той же комнаты, с фразой, начинающейся словами: “Никола он ведь не...”
10. Кусок обоев из той же комнаты, составляющий продолжение № 9.
11. Кусок обоев, составляющий продолжение № 10.

24/II 19 г.

Генерал-лейтенант Дитерихс

Дитерихс М. К. Опись вещам, найденным при осмотре разными лицами шахты и района, прилегающего к шахтам // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб.

материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 397—398. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ОПИСЬ

ВЕЩАМ, НАЙДЕННЫМ ПРИ ОСМОТРЕ РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ

ШАХТЫ И РАЙОНА, ПРИЛЕГАЮЩЕГО К ШАХТАМ

1. Жемчужная серьга с маленьким бриллиантом, принадлежавшая, по-видимому, Государыне Императрице.
 2. Три части жемчужины (по-видимому, от парной серьги, указанной в п. 1), части другого украшения с двумя камнями, три разломанных части украшений, топазная буса, осколок от топазной бусы, три тоненьких пружинки от запирающего ювелирного механизма.
 3. Человеческий палец и два кусочка человеческой кожи с части руки. (Следователю)*
 4. Большой бриллиантовый подвес от бриллиантового или иного драгоценного украшения. (Принадлежал Гос(ударыне) Имп(ератрице))
 5. Кульмский крест с очертаниями из бриллиантов и серединой, заполненной изумрудами. В углах сохранились шпильки, на которых были нанизаны жемчужины (одна обгоревшая — еще держится). На трех лопастях креста остатки подвесков. (Принадлежал одной из Вел(иких) Княжен)
 6. Фотографический снимок с Государыни Императрицы, сделанный Жильяром в Ливадии в 1913 году. На Государыне надеты жемчужные серьги. Рядом, на стуле, Наследник Цесаревич. (Получено от г. Жильяра)
 7. Искусственная челюсть. (Д(октора) Боткина)
 8. Застежка от сумочки, пряжка от дамской (нрзб.), украшения с тремя бриллиантиками и маленький шарик.
 9. Карманная складная рамочка для портрета.
 10. Разломанная икона Спасителя.
- Разломанная икона Гурия, Самсона и Авива.
- Разломанная икона Николая Чудотворца.
11. 21 обломок от железных предметов, гвозди, тонкий гвоздик, винтик, кольцо ручной гранаты, застежка галстука.
 12. Две обгорелых пуговицы и металлический осколок. (В синей шкатулке)
 13. Осколки от нарезной бомбы. (В синей шкатулке)
 14. Предохранительная железка от каблука. (В синей шкатулке)
- Осколки от зеленого флакона с пробкой-коронкой. (В синей шкатулке)
- Две пуговицы. (В синей шкатулке)

15. 28 кусков эмали от разбитой иконы, кусок мастичной массы, 2 крючка, часть жемчуга, 22 фестоны, 10 кнопок, 9 петель, 9 крючков, 2 пуговицы, 4 винтика, 2 гвоздика, пряжка, черная атласная лента, 13 фестонов, 4 кнопки, 5 петель, 7 крючков, застежка. (В синей шкатулке)

16. 4 птичьих кости. (В синей шкатулке)

17. Белая коробочка, в ней: кусочек ваты, запонка, 2 осколка от стекла и три обрывка от фотографической карточки. (В синей шкатулке)

Генерал-лейтенант (Дитерихс)

Дитерихс М. К. Опись бумаг, относящихся к розыску об убийстве царской семьи // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 395—397. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ОПИСЬ

БУМАГ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РОЗЫСКУ ОБ УБИЙСТВЕ

ЦАРСКОЙ СЕМЬИ*

1. Предписание мне Верховного правителя от 17 января 1919 г. № 36.
2. Предписание прокурору Екатеринбургского окружного суда от 23 января за № 118.
3. Ему же за № 119.
4. Предписание судебному следователю от 23 января за № 120.
5. Протокол изъятия надписей на стенах комнаты, где было совершено убийство.
6. Опись особых предметов, подлежащих хранению в запечатанном порядке.
7. Отношение прокурора Екатеринбургского окружного суда от 24 января за № 66.
8. Отношение прокурора Екат. окр. суда от 25/1 за № 624.
9. Надпись его же от 25 января (без номера) с перепиской о розыске собаки Наследника Цесаревича.
10. Телеграмма министра юстиции за № 153.
11. Представление члена Екатер. окр. суда Сергеева от 1 февраля за № 106.
12. Записка управляющего делами Совмина профессора Георгия Тельберга от 6 февраля без номера.
13. Предписание Верховного правителя от 8 февраля за № 86.
14. Расписка судебного следователя Н. А. Соколова от 7 февраля за № 41.
15. Протокол судебного следователя Н. А. Соколова от 7 февраля.
16. Протокол судебного следователя Н. А. Соколова от 9 февраля.

17. Предписание Верховного правителя от 10 апреля за № 111.
18. Письмо А. В. Колчаку от 28 апреля № 37, на которое не последовало никакого ответа.
19. Протокол от 9 мая об опознании трупов Гендриковой и Шнейдер.
20. Доклад Верховному правителю от 8 мая за № 39 (было отпущено на 2 месяца).
21. Доклад Верховному правителю от 10 мая за № 40 (ничего не отпущено).
22. Отношение нач. штаба 1-го Сиб. корпуса от 17 мая за № 42 (получил один фрейлин. шифр).
23. Письмо А. В. Колчаку от 17 мая за № 43.
24. Отношение прокурора Екатеринбургского окружного суда от 27 мая за № 68.
25. Протокол аренды дома Ипатьева.
26. Отношение судебного следователя Н. Соколова от 27 июня за № 99.
27. Записка, писанная рукой В. К. Татьяны Николаевны.
28. Записка, писанная рукой В. К. Ольги Николаевны.
29. Мои карандашные заметки о предметах при ознакомлении с делом у следователя Сергеева.
30. Письмо д-ра Котона от 2 ноября 1919 года, приезжавшего явно выведать от меня, что известно по делу об исчезновении В. К. Михаила Александровича.
31. Рапорт судебного следователя Н. Соколова от 10 декабря за № 168.
32. Показание подпоручика Никольского.
33. Отношение прокурору Екатеринбургского окружного суда от 31 мая за № 47.
34. Отношение судебного следователя Н. Соколова от 30 июня за № 210.
35. Показания Евдокимова.
36. Протокол перепогребения Гендриковой и Шнейдер.
37. Три открытки Гендриковой.
38. Дополнительные показания Теглевой.
39. Доклад В. М. Руднева.
40. Переводы писем Государыни к А. В. Гендриковой.
41. Выдержки из дневника А. В. Гендриковой.
42. Документы по убийству в Алапаевске Великих Князей с письмом Князя Иоанна Константиновича к супруге.
43. Подлинные описи и ведомости найденным Царским вещам, составленные мною, и отправленные в Англию на крейсере "Кент".

44. Описи, полученные мною от суд. Следователя Сергеева.

Генерал-лейтенант Дитерихс

29 декабря 1919 года

Соколов Н. А. Опись документам, имеющимся в деле. Том 11 // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 392—395. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Протоколы допроса свидетелей:

1. 17 января — 6 февраля 1921 года Александра Васильевича Кривошеина.
2. 27 января 1921 года Дмитрия Борисовича Нейдгарта.
3. Постановление от 28 января 1921 года о дополнительном его допросе.
4. 29 января 1921 года Дмитрия Борисовича Нейдгарта.
5. 5 февраля 1921 года князя Александра Николаевича Долгорукова.
6. Сообщение судебного следователя по особо важным делам В. Г. Орлова от 2 января 1921 года за № 1 с перепиской по делу.
7. Протокол допроса 16 февраля 1921 года свидетеля Александра Федоровича Трепова.
8. Протокол предъявления к следствию 30 марта 1921 года Петром Сергеевичем Боткиным отпусков его писем.
9. Протокол осмотра их 2—4 апреля 1921 года.
10. Постановление от 4 апреля 1921 года о признании их вещественными доказательствами.
11. 12 апреля 1921 года Бориса Александровича Энгельгардта.
12. 15 апреля 1921 года Александра Семеновича Резанова.
13. Справка о приобщении к следствию документов, представленных при допросе свидетелем Резановым, с сими документами.
14. 16 апреля 1921 года Петра Михайловича Кауфмана-Туркестанского.
15. 7 мая 1921 года Владимира Борисовича Похвиснева.
16. 23 (мая 1921 года) Петра Андреевича Жильяра.
17. 29 (мая 1921 года) князя Алексея Александровича Ширинского-Шихматова.
18. Постановление от 29 мая 1921 года о дополнительном допросе свидетеля Дмитрия Борисовича Нейдгарта.
19. 29 мая 1921 года Дмитрия Борисовича Нейдгарта.
20. 30 мая 1921 года Николая Дмитриевича Тальберга.
21. 2 июня (1921 года) Николая Евгениевича Маркова.

22. 3 июня (1921 года) Виктора Павловича Соколова.
23. 4 июня (1921 года) Петра Николаевича Попова-Шабельского.
24. Протокол представления к следствию 10 июня 1921 года письменных показаний Сергея Владимировича Маркова.
25. 10 июня 1921 года с г. Бартельсом.
26. 14 июня 1921 года с г. Рицлером.
27. Протокол представления к следствию 29 июня 1921 года князем Николаем Владимировичем Орловым фотографического изображения Государыни Императрицы Александры Федоровны в сергах.
28. Протокол фотографирования 29 июня 1921 года вещественных доказательств.
29. Постановление от 3 июля 1921 года о привлечении к следствию эксперта г. Берри для принятия мер по охранению фотографических изображений по делу.
30. Протокол принятия сих мер 5—20 июля 1921 года.
31. 6 июля 1921 года Зинаиды Сергеевны Толстой.
32. 8 (июля 1921 года) Павла Николаевича Переверзева.
33. Протокол осмотра 5—8 августа 1921 года письменных показаний Сергея Владимировича Маркова.
34. Постановление от 8 августа 1921 года о признании их вещественными доказательствами.
35. Справка о представлении к следствию 30 сентября 1921 года письменных показаний Татьяны Евгениевны Мельник.
36. Протокол осмотра 15 января 1922 года сих показаний.
37. Постановление от 15 января 1922 года о признании их вещественными доказательствами.
38. Справка о приобретении для дела книги Жильера “Трагическая кончина Императора Николая II”.
39. Протокол осмотра сей книги 20 января 1922 года.
40. Постановление от 20 января 1922 года о признании ее вещественным по делу доказательством.
41. Справка о приобретении для дела книги немецкого генерала Людендорфа “Воспоминания о войне 1914—1918 гг.”.
42. Протокол осмотра 10 февраля 1922 года сей книги.
43. Постановление 10 февраля 1922 года о признании ее вещественным по делу доказательством.
44. Справка о представлении к следствию 9 сентября 1922 года документов от доктора Рицлера.
45. Протокол осмотра 3—5 марта 1922 года сих документов.

46. Постановление 5 марта 1922 года о признании их вещественными по делу доказательствами.
47. Протокол допроса 16 марта 1922 года свидетеля Сергея Николаевича Смирнова.
48. Справка о приобретении для дела книги генерала Спиридовича “История большевизма в России”.
49. Протокол осмотра ее 15 мая 1923 года.
50. Постановление 15 мая 1922 года о признании ее вещественным доказательством.
51. Справка о приобретении для дела книги “Рабочая революция на Урале”.
52. Протокол осмотра ее 2—4 июня 1922 года.
53. Постановление 4 июня 1922 года о признании ее вещественным по делу доказательством.
54. Постановление от 10 июня 1922 года о выделении обстоятельств, относящихся к убийству Великого Князя Михаила Александровича.
55. Отношение председателя Высшего монархического совета от 26 мая/8 июня 1922 года с перепиской за № 1207.
56. Справка о приобретении для дела 2 и 3 томов журнала “Архив Русской Революции”.
57. Протокол осмотра их 30 июня 1922 года.
58. Справка о приобретении для дела книги генерала А. И. Деникина “Очерки русской смуты”.
59. Протокол осмотра ее 1 июня 1922 года.
60. Постановление 1 июля 1922 года о признании ее вещественным по делу доказательством.
61. Протокол допроса 3 июля 1922 года свидетеля Александра Сергеевича Лукомского.
62. Протокол представления к следствию 12 июля 1922 года князем Николаем Владимировичем Орловым и подданным Американских Соединенных Штатов Вильямом Астором Чанлером письма Григория Распутина к Государю Императору.
63. Протокол осмотра сего письма 12 июля 1922 года.
64. Протокол допроса 12 июля 1922 года свидетеля Павла Николаевича Милюкова.
65. Справка о приобретении для дела книги Милюкова “История второй русской революции” и тома 1-го журнала “Архив Русской Революции”.
66. Протокол осмотра сих книг 15 июля 1922 года.
67. Справка о смерти Набокова.
68. Постановление от 15 июля 1922 года о признании описанных в протоколе 15 июля 1922 года книг вещественными доказательствами.
69. Постановление от 6 августа 1922 года о выделении обстоятельств, относящихся к убийству в г. Алапаевске Августейших Особ.

70. Постановление к убийству Великого Князя Михаила Александровича.

71. Справка о выделении из личного архива генерала Дитерихса переписки об обнаружении собаки Наследника Цесаревича Алексея Николаевича по кличке “Джой” с сей перепиской.

72. Протокол фотографирования письма Григория Распутина к Государю Императору от 10 сентября 1922 года.

73. Постановление от 10 сентября 1922 года о признании этого письма вещественным доказательством.

Всего 157 листов.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

Соколов Н. А. Опись документам, имеющимся в деле. Том 8 // Н. А. Соколов.

Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 389—392. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ОПИСЬ

ДОКУМЕНТАМ, ИМЕЮЩИМСЯ В ДЕЛЕ*

1. Справка о посылке требований по обстоятельствам дела.

2. Протокол допроса 5 ноября 1919 года свидетелей Эле Мейера Хаимова Юровского, Леи-Двейры Мошковой Юровской, Лейбы Хаимова Юровского, Хаи Мошковой Фридман, Акулины Николаевны Ропот и Юзефа Юзефова Бауц.

3. Постановление об освобождении их из-под стражи.

4. Протокол фотографирования писем Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

5. Протокол осмотра сих писем.

6. Фотографические отпечатки сих писем.

7. Постановление о дополнительном осмотре двух кусочков изумруда.

8. Протокол осмотра их.

9. Справка о выделении трех гвоздиков и винтика.

10. Постановление о дополнительном осмотре кусков флакона.

11. Протокол осмотра их.

12. Постановление о дополнительном осмотре кусочков эмали.

13. Протокол осмотра их.

14. Постановление о дополнительном осмотре кусочков жемчуга.

15. Протокол осмотра их.

16. Постановление о дополнительном осмотре блочков, крючков, петель, пуговиц, кнопок,

гвоздей, гвоздиков и винтиков.

17. Протокол осмотра их.

18. Постановление о дополнительном осмотре кусков обуви.

19. Протокол дополнительного осмотра их.

20. Протокол осмотра кусков обоев с надписями.

21. Протокол осмотра документов самозванца Алексея Федорова Пуцято.

22. Протокол допроса свидетелей Парфения Титова Самохвалова, Алексея Федорова Пуцято.

23. Протокол допроса свидетелей Алексея Федорова Пуцято, Якова Иванова Зяблицкого и Агафьи Ивановой Абраменко.

24. Протокол фотографирования Алексея Федорова Пуцято.

25. Постановление о передаче переписки о Парфении Титове Самохвалове на распоряжение начальнику штаба Читинского военного округа.

26. Отношение прокурора Иркутской судебной палаты от 12 ноября 1919 года № 239 с сообщением об арестанте Комендантове.

27. Его же от 12 того же ноября № 241 с сообщением об арестанте Иване Морозове, Гаврииле Морозове, Василии Семенове Семенове, Василии Петрове Семенове, Чумаке и Василии Дуракове.

28. Прокурора Казанской судебной палаты от 18 октября 1919 года № 566 с перепиской о Пуцято.

29. Протокол фотографирования вещественных доказательств.

30. (Протокол фотографирования) расписки Белобородова и Дидковского.

31. Протокол явки к допросу свидетеля Романа Михайлова Нахтмана.

32. Протокол допроса его от 11 декабря 1919 года.

33. (Протокол допроса его от) 12 (декабря 1919 года).

34. (Протокол) фотографирования его.

Протоколы фотографирования вещественных доказательств:

35. 12 декабря 1919 года.

36. 13 (декабря 1919 года).

37. 14 (декабря 1919 года).

38. 15 (декабря 1919 года).

39. Протокол допроса свидетеля Евгения Христофорова Кристофо.

40. Протокол фотографирования вещественных доказательств 16 декабря 1919 года.

41. Протокол производства каллиграфической экспертизы.
42. (Протокол производства) фотографирования вещественных доказательств.
- Протокол производства экспертизы:
43. 18 декабря 1919 года драгоценностей.
44. 18 (декабря 1919 года) обуви.
45. Переписка с записью показаний солдата Григория Евдокимова.
46. Переписка о смерти обвиняемого Анатолия Александрова Якимова с метриками и дознанием о смерти его.
47. Отношение начальника Военного контроля Владивостокского района от 12 декабря 1919 года № 10845 с дознанием о подпоручике Борисе Николаеве Соловьеве.
48. Постановление о заключении под стражу Матрены Григорьевой Соловьевой.
49. Протокол допроса ее от 26—27 декабря 1919 года.
50. (Протокол допроса ее) об обстоятельствах, сопровождавших допрос ее.
51. Протокол осмотра записки Соловьевой к мужу ее Борису Николаеву Соловьеву.
52. Протокол допроса Матрены Григорьевой Соловьевой от 28 декабря 1919 года.
53. Справка об освобождении ее из-под стражи.
54. Протокол допроса свидетеля Бориса Николаева Соловьева от 29 декабря 1919 года.
55. То же от 30 декабря 1919 года.
56. (То же от) 31 (декабря 1919 года).
57. (То же от) 1 января 1920 года.
58. Протокол осмотра документов Соловьева.
59. Требование атамана Семенова об освобождении Соловьева.
60. Протокол допроса Матрены Григорьевой Соловьевой от 3 января 1920 года.
61. Протокол допроса Бориса Николаева Соловьева от 3 января 1920 года.
62. Справка об освобождении Бориса Николаева Соловьева.
63. Отношение начальника Военного округа Владивостокского района от 27 декабря 1919 года № 11035 с дознанием по делу Бориса Николаева Соловьева.
64. Протокол допроса свидетеля Ивана Матвеевича Сретенского.
65. Протокол предъявления снимков Павлом Булыгиным.
66. Протокол фотографирования с отпечатками.

67. (Протокол) предъявления тем же Булыгиным записки Руднева.
68. Протокол фотографирования записки Государыни Императрицы Александры Феодоровны к графине Гендриковой.
69. Протокол допроса свидетеля Бориса Михайлова Капниста.
70. Справка.
71. Ростислава Михайлова Политковского 12 марта.
72. Петра Андреева Жильяра 14 марта.
73. (Петра Андреева Жильяра) 14 марта.
74. Алексея Андреева Волкова 15 марта.
75. Елизаветы Николаевны Эрсберг 16 марта.
76. Справка о положении дела с 19 декабря 1919 года по 19 марта 1920 года о выбытии судебного следователя в Европу.
77. Справка о приобщении к делу газеты “Шанхайская Жизнь” с сей последней.
78. Справка о прибытии судебного следователя в Европу.
79. (Справка о) представлении к следствию Владимиром Львовичем Бурцевым газеты “Общее Дело” с дневником Владимира Митрофановича Пуришкевича об убийстве Григория Ефимовича Распутина.
80. Протокол осмотра сей газеты.

Всего 212 листов.

Судебный следователь Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

Соколов Н. А. Опись документам, имеющимся в деле. Том 5 // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 387—389. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ОПИСЬ

ДОКУМЕНТАМ, ИМЕЮЩИМСЯ В ДЕЛЕ*

1. Отношение прокурора Омской судебной палаты от 10 июня 1919 года № 49 с перепиской и актами научного исследования вещественных доказательств.
2. Протокол осмотра 23 мая — 17 июня 1919 года рудника и окружающей его местности с чертежами и фотографическими снимками.
3. (Протокол) 9 июня 1919 года Андрея Андреева Шереметевского.
4. (Протокол) 10 (июня 1919 года) Николая Михайлова Швейкина — Николая Васильевича Папина

4. (Протокол) 10 (июня 1919 года) Николая Михайлова Шверкина, Николая Васильевича Шакина.

5. (Протокол) 13 (июня 1919 года) Александра Андреева Шереметевского.

6. Отношение генерал-лейтенанта Дитерихса от 14 июня 1919 года с письмом к нему товарища прокурора Тихомирова и конвертом.

7. 14—15 июня 1919 года Павла Иванова Уткина.

8. 17 (июня 1919 года) Георгия Владимировича Ярцова, Дмитрия Аполлоновича Малиновского.

9. 18 (июня 1919 года) Его же.

10. 19 (июня 1919 года) Николая Иванова Симбирцева.

11. 21 (июня 1919 года) Михаила Александровича Волокитина.

12. Протокол осмотра 19—22 июня 1919 года предметов, обнаруженных при осмотре рудника и окружающей его местности.

13. Протокол обнаружения 25 июня 1919 года трупа собаки “Джемми” и предъявления его Марии Густавовне Тутельберг с фотографическим снимком трупа.

14. Протокол осмотра 25 июня 1919 года трупа “Джемми” чрез врача Н. Я. Бардукова.

15. Переписка о задержании Александра Семенова Стрежнева.

16. Протокол осмотра 26 июня 1919 года документов Стрежнева.

17. Постановление о них.

18. Сообщение милиции от 25 июня 1919 года № 3025.

19. Переписка о чехе Машталирже.

20. Протокол предъявления трупа собаки “Джемми” Александре Александровне Теглевой, Елизавете Николаевне Эрсберг и Сиднею Ивановичу Гиббсу.

21. Протокол вскрытия 27 июня 1919 года трупа собаки “Джемми” чрез врача Н. Я. Бардукова с мнением его.

22. 27 июня 1919 года Сиднея Ивановича Гиббса.

23. (27 июня 1919 года) Настасьи Павловой Зыковой.

24. (27 июня 1919 года) Михаила Дмитриева Алферова, Михаила Игнатьева Бабинова, Павла Филаретова Алферова и Петра Алексеева Зубрицкого.

25. 28 (июня 1919 года) Гавриила Егорова Алферова, Веры Федоровны Зворыгиной, Михаила Васильева Бабинова, Федора Палладиева Зворыгина и Степана Иванова Бабинова.

26. Отношение начальника Военного контроля г. Перми от 25 июня 1919 года № 8529 с делом о Вере Николаевне Карнауковой-Лукояновой.

27. Протокол осмотра 29 июня 1919 года этого дела.

28. Постановление о нем от того же числа.

29. Протокол допроса 29 июня 1919 года свидетеля Николая Степановича Зыкова

27. Протокол допроса 27 июля 1919 года свидетеля Николая Степанова Сыкова.

30. Справка о местонахождении охранника Алексея Никитина Комендантова.

31. 1 июля 1919 года Сиднея Ивановича Гиббса.

32. (1 июля 1919 года) Веры Николаевой Карнауховой.

33. Постановление 2 июля 1919 года об освобождении из-под стражи Александра Семенова Стрежнева.

34. Протокол допроса 2 июля 1919 года сего свидетеля.

35. Переписка о местонахождении Алексея Никитина Комендантова.

36. 5—6 июля 1919 года Александры Александровы Телглевой.

37. 6 (июля 1919 года) Елизаветы Николаевы Эрсберг.

38. Дознание агента уголовного розыска Сретенского.

39. Протокол предъявления 5 июля 1919 года объявления об убийстве Государя Императора с чертежом полковником Белоцерковским.

40. Переписка с протоколами допросов чинами Военного контроля большевиков.

41. Переписка о большевике Каллистрате Соломенникове.

42. Протокол осмотра 23 июля 1919 года отображенных у него документов.

43. Постановление о них от того же числа.

44. Переписка об отобрании броши у Борисова.

45. Справка о приобщении к делу газеты “Современная Пермь” с сей последней.

Всего 207 листов.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

С подлинным верно.

Судебный следователь по особо важным делам Н. Соколов

Материалы к биографии Я. М. Юровского

Из стенограммы совещания старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале, 1 февраля 1934 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 419—435. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Строго секретно

ИЗ СТЕНОГРАММЫ

СОВЕШАНИЯ СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ

ПО ВОПРОСУ ПРЕБЫВАНИЯ РОМАНОВЫХ НА УРАЛЕ

1/II — (19)34 г.

Т. МОИСЕЕВ. Основная задача заключается в том, чтобы выяснить некоторые моменты, связанные с пребыванием здесь Николая Романова. Поскольку т. Юровский был близко связан с этим делом и знает все обстоятельства этого периода, то особенно важно бы было выяснить вопрос о попытках семьи Романовых к побегу, о связи их с близкими им элементами в городе, о наличии в это время белогвардейской организации, пытавшейся освободить Николая Романова. А затем также важно выяснить правдоподобность изложения этих исторических событий в книгах Соколова и Быкова, а также на опыте того, что здесь показывает Музей Революции, что известно из обмена мнений, которые мы делали, насколько правильно освещают эти события здесь.

Т. Юровский должен внести коррективы, если то, что мы имеем, не соответствует действительному положению.

Т. ЮРОВСКИЙ. Предварительно несколько замечаний. То, что я здесь расскажу, увидит свет через много лет. Я могу в материалах, которые даю для Уральского Истпарта подробно остановиться на моментах, которые немногим известны, о которых никто не рассказал или не расскажет и рассказать не может потому, что одни умерли физически, другие политически.

То, что я буду говорить, поскольку это исходит от меня, как от бывшего коменданта дома особого назначения (в период 4—19 июля 1918 г.) получает силу документа.

До революции в ряде стран Европы оглашение этого прямо или косвенно ничего кроме вреда принести не может.

Ведь все то, что известно из белогвардейских источников и в ссылках на эти источники, как скажем в книге Павла Быкова, это одно, совсем другое — мой рассказ.

Не менее вредно, кстати сказать, рассказы, которые до последнего времени давались в Музее революции и которые лишь в конце 1933 года прекращены (как об этом рассказывал мне директор музея, в настоящее время, т. Чевардин). А как об этом рассказывалось в музее, мне говорили товарищи, приезжавшие на Урал из Москвы и побывавшие в Музее революции г. Свердловска. Причем рассказывали не только для своих граждан, но и для иностранцев. Результатом такой работы было распространение скорее контрреволюции вместо революции.

1) Политическая необходимость уничтожения всей семьи (а не “зверская кровожадность”, как это рисуют враги), была не всем понятна и не всеми понята еще и теперь. Не только за границей, но и у нас. “Для чего дескать убивать семью, разве они виноваты, разве они опасны”. Обыватель и обывательски настроенные люди именно так склонны рассуждать.

Вот почему я считаю совершенно необходимым предупредить всех участников данного нарочито узкосозванного собрания запомнить, что все это ТОЛЬКО ДЛЯ ИСТОРИИ. И без ведома ЦК этот материал использован быть не может, и никому не по секрету, не архисекрету, не рассказывать, а выйдя отсюда сейчас же забыть о нем.

2) По части подготовки к побегу, здесь можно сказать, что попытки производились во все время пребывания царской семьи и в Тобольске, и в Екатеринбурге. Наряду с организацией к побегу, была и другая своего рода опасность, а именно настроения немедленного расстрела бывшего царя Николая среди эсеров, входивших тогда в состав Облисполкома. Но что хуже, такие настроения были и среди отдельных ответственных коммунистов, многие из которых позже были, а другие еще и теперь в разных “левых” и др. оппозициях.

Так как этот акт был актом сугубо политической важности, то все это дело было поручено пользовавшемуся особым доверием ЦК тов. Филиппу Голощекину, на которого и была возложена ответственность за согласованное решение этого вопроса, т. к. сторонников сепаратного решения этого вопроса в Уральской областной организации было немало, в самый начальный период пребывания бывшего царя Николая в Екатеринбурге. Причем речь, разумеется, шла о принципиально политическом, а не только и не столько о практическом разрешении этого вопроса.

Политическая обстановка была очень сложна и если бы не близость фронта, вероятно, с ликвидацией бы не спешили, причем в отношении семьи, в особенности. Ведь не случайно же о ликвидации семьи, когда, где и как она ликвидирована нами, нигде не сказано. Не говорим мы об этом еще и теперь. А что это так, можно, например, видеть из передовой “Правды” конца 1933 г., относящейся к открытию Уралмаша. Там сказано, примерно так: “Завод построен на пустыре, вблизи Екатеринбурга, где был расстрелян бывший царь Николай” и все. О семье ничего, т. е. по случаю открытия Уралмаша, сказано то же, что и в (19)18 году, только о Николае.

В связи с тем, что бывший царь Николай и его семья были, так сказать, доверены тов. Филиппу Голощекину и персонально и как военному комиссару, мне вспоминается следующее. В день, когда стало известно, что вместо того, чтобы везти Николая и часть ехавшей с ним семьи в г. Екатеринбург (Яковлев, уполномоченный ВЦИК по замене охраны Николая, состоявшей из приверженцев Временного правительства Керенского, нашей советской охраной, а затем и вывоза семьи и Николая из Тобольска на Урал, повернул на Омск, а куда он в действительности собирался ее везти и до сих пор, пожалуй, никому не известно, а известно, что этот Яковлев в скором сравнительно времени, том же (19)18 году в Уфе перешел к белым), собрался актив Облисполкома, было это на углу Главного и Вознесенского проспекта в Коммерческом собрании. На этом активе, где обсуждали вышеуказанное сообщение и изыскивались меры к задержанию поезда с Николаем, ввиду того, что Яковлев был уполномоченный ВЦИК, велись переговоры с Центром, чтобы понудить Яковлева повернуть поезд с Николаем обратно на Екатеринбург, т. к. Яковлев спекулировал на том, что “Николаяде” уральцы стремятся заполучить, чтобы немедленно его расстрелять. А было такое положение, что начальники уральских отрядов, не доверяя Яковлеву еще в пути от Тобольска до Тюмени, боясь измены или каких-либо случайных нападений отбить Николая, вероятно, и несомненно были готовы живым его никому не отдавать. Там ведь были такие товарищи, как Заславский, Хохряков, Авдеев и т. д.

Наряду с разговорами по прямому проводу с Центром было направлено сообщение по линии Сибирской ж(елезной) д(ороги), и главным образом, Сиб(ирскому) З(ападному) Совдепу, находившемуся тогда в Омске. Товарищи, как позже стало известно, крепко приготовились к встрече, но Яковлев “перехитрил”, узнав о встрече, оставил поезд, не доезжая Омска, а сам на паровозе отправился в Омск. Напряженность в связи с случившимся довольно высокая, охватила всех и, так как сказано было выше, обязанность за сохранность и целостность Николая была возложена на Филиппа, то ему стали задаваться в угрожающих тонах вопросы: “А ну-ка, пусть нам расскажет военный комиссар, как это так случилось, что Николая у него из-под носа увезли” и т. д. Наиболее резко и наступательно вели себя товарищи — Сафаров, Войков и др.

Нужно сказать, что атмосфера настолько была накалена, что тов. Филиппу было крепко жарко. Тут хотя прямо и не говорили, но чувствовалось, что и по отношению к нему проявлялось “недоверие”, недоверие в том смысле, что не за одно ли он с Яковлевым и что не содействует ли он тому, чтобы Николая увезти в Центр и тем самым, как бы шел против уральской организации. А если принять во внимание, что Яковлев пользуясь доверием Центра, так информировал Центр, что в результате Центром, как-будто, был санкционирован привоз Николая в Москву, а так как Филипп тоже доверенное лицо Центра, как партиец и как военный комиссар, то в свете этих фактов станет понятным выступление против Филиппа в той резкой форме, как это имело место и ругачка его “верноподданным” все время и до этого к нему отношения людей настроенных сепаратистско-местнически к нему центровику государственнику, сказались с особой силой на

этом активе, по весьма и весьма тогда актуальному вопросу.

3) Мое непосредственное отношение к дому особого назначения, где содержался бывший царь Николай с семьей, начинается 4-го июля 19-года, вернее, даже 16-го уже кончается, т. к. 16-го вечером, точнее ночью, Николай, семья, а также оставшаяся при них челядь были расстреляны.

Мое назначение комендантом в дом особого назначения было вызвано, как я думаю, во-первых, разложением коменданта, ближайших помощников, что не могло не сказаться и сказалось на охране внешней и внутренней, в особенности. Проявилось разложение в пьянстве, растаскивании вещей и т. д., а отсюда — ослабление нужной бдительности.

Одним из важнейших моментов надо полагать, это все больше и больше утверждавшееся мнение руководства и команды: “что дескать тянуть канитель, надо расстрелять и все”. Авдеев и другие были арестованы и преданы суду, потом решили, чтобы люди искупили вину на фронте рядовыми бойцами (кара ожидалась вначале очень суровая в отношении их).

Авдеев позже был на ответственных военных постах и, судя по многому, что мне позже стало известно, очевидно по-хорошему выправился и временные свои, хотя и очень крупные промахи, искупил.

Вступив в исполнение обязанности коменданта, я обнаружил следующее: кругом настроение полной распушенности и расхлябанности. Насколько разложение дошло далеко, показывает следующий случай: Авдеев обращаясь к Николаю, называет его — Николай Александрович. Тот ему предлагает папиросу, Авдеев берет, оба закуривают и это сразу показало мне установившуюся “простоту нравов”. Нужно, кстати, сказать, что этот факт я как-то особенно ясно теперь впервые вспомнил. Приношения монашек, которые были обильными, перестали, очевидно, уже к этому периоду играть роль предназначенную им при разрешении, и приняли характер просто приношений, которые распределялись между бывшей царской семьей и комендатурой, что уже тоже могло служить некоторым источником для разложения. Имевшаяся звонковая сигнализация-связь бездействовала, пулеметы неисправны, для действия непригодны. Дисциплина отсутствовала. Люди жили за двумя заборами и наружной охраной и зажили, так сказать, успокоенной жизнью.

Не помню, по поручению или по собственной инициативе, я повел следствие и оно обнаружило два разных мира охраны: внутренняя “привилегированная” часть, наружная охрана, совсем другая. Комендатура, как всегда это в таких случаях бывает, думала, что никто ничего не видит, не замечает, а оказалось, что и видели, и знали, и ждали, когда об этом можно будет сказать. Одни по-честному, другие, очевидно, из зависти. Очевидно, что похищенные частично вещи, о которых говорит следствие белых, относятся к указанному выше периоду. Я имею все основания думать, что в мой период никаких вещей ни откуда никто брать не мог, потому что по приходе я все закрыл и поручил это такому товарищу, что от него уж ничто никому попасть не могло. Это я говорю о всяких ношенных вещах, отобранных белыми (следствие Соколова). Что касается ценностей, в виде бриллиантов и др. ценных вещей: жемчуг, драгоценные камни — это ими, наверное, найдено на месте похорон. Вещи эти, очевидно, бывшие зашитые в разном ношеном платье в виде пуговиц и т. д. На этом я подробнее остановлюсь ниже.

Указанное выше состояние в деле охраны бывшего царя Николая с семьей в условиях наличия организаций, пытавшихся освободить бывшего царя и семью (хотя частью, вероятнее всего, не все главари были арестованы). Наличие указанных настроений левых эсеров, настроение внешней охраны, наличие чехословацкого фронта в 35—40 верстах от Екатеринбурга — все это требовало принятия серьезных мер охраны, коренного изменения всего. К этому я и приступил.

Прежде всего я взял себе помощника из Обл(астного) ЧК, товарища Григория Петровича Никулина (до революции по профессии — каменщик, в настоящее время — зам. уполномоченного по Московской области, член Исполнительного комитета Московской

области и, кстати сказать, очень хороший партиец и не менее хороший товарищ, в лучшем смысле понимания этого слова). Потом я сменил всю внутреннюю охрану. Ряд товарищей я взял также из Обл(астного) ЧК, из них несколько латышей, фамилии их я, к сожалению, не помню. (Было их человек 5 или 6.) Некоторые из них оказались очень хорошими товарищами и мне очень жаль, что даже лучших из них я не могу назвать и не знаю, где они, и ни одного из них я больше не встречал нигде. Дело в том, что списки зарплаты охраны, как и др. документы, должны были быть отправлены в Областной архив в период эвакуации, где весь архив, мне неизвестно. (Петр Захарович Ермаков сообщает, что баул, примерно пудов 16 весом, он сдал в (19)18 году в Москве в Комиссариат вн(утренних) дел по записке комиссара вн(утренних) дел, тогда тов. Владимирского.) Имен состава охраны, за исключением отдельных лиц, попавших в руки белым, я не встречал в их следственных материалах. Списки охраны, какие имеются у Соколова, относятся к раннему периоду. Попали к нему: начальник наружной охраны, бывш(ий) сысертский рабочий Павел Медведев, разводящий Якимов, и др. Нескольких товарищей для внутренней охраны я получил, точно не помню, как будто непосредственно из партийного комитета или из ЧОНа. Одного из них я встретил в Москве, примерно в (19)31 году (тогда он, очевидно, был комсомольцем, в настоящее время не знаю, вернее не помню, партийный ли он), это Нетребин Николай Викторович, в настоящее время кончил или кончает один из техникумов, как будто транспортный и, кроме того, товарищ Черняк, это товарищ из внешней охраны, кончающий Промакадемию, и кроме того я видел т. Стрекотина, пулеметчик внизу дома. Еще двух товарищей мне называли из внутренней охраны, живущих в настоящее время в Москве, но видеть мне их не довелось. Весь отряд, как внешней, так и внутренней охраны, за исключением, вероятно, отдельных товарищей, оставленных для охранения и вывоза имущества из дома особого назначения, были отправлены на фронт.

Набрав нужный штат внутренней охраны, мы приступили к действительной подготовке охраны, организовали нужную сигнализацию, связь с постами, комендатурой и т. д., добыли пулеметы и др. оружие, организовали соответственным образом посты, дежурство и т. д. Я приступил к работе с внешней охраной. Я собирал ее вместе с лучшими товарищами внутренней охраны и этим самым, во-первых, удалось приблизить внешнюю охрану к внутренней. Нужно сказать, что по существу мы были на своеобразном военном фронте, причем на ответственном тогда участке и, если принять во внимание грозившие нам опасности с разных сторон, то те отношения, которые установили между руководством внутренней охраны, с одной стороны, и внешней — с другой (до моего прихода), были совершенно нетерпимы, т. к. не обеспечивали абсолютной необходимой надежной и дружной работы этой единой по существу охраны.

Проведенная работа среди охраны дала нам, как показало дальнейшее, нужные для дела результаты. За все время (пусть это очень короткий промежуток, но он был так насыщен событиями) я не помню случая, чтобы пришлось прибегнуть к репрессивным мерам. Были отдельные случаи, но это уже в последний момент и, к сожалению, в среде отдельных товарищей внутренней охраны, но об этом ниже.

Итак, несмотря на то, что у нас при наличии близости фронта, т. е. почти на носу, работа велась вплоть до 16-го ночи так, как будто мы никуда не собирались.

4) Как содержался бывший царь Николай и семья, каков был режим, распорядок, питание и т. д.

Нужно прежде всего прямо сказать, что когда будет в свое время описана правда (а не брехня белогвардейцев), будущий читатель увидит, что великий класс, пришедший на смену царизму и буржуазии, даже в отношении своих злейших врагов руководствовался только мерами, которых требовали интересы защиты революции. Разве можно найти в истории дореволюционной и, особенно, после первой победившей пролетарской революции, подобные факты содержания арестованного врага в условиях, какие не снились в так называемой свободной жизни представителям победившего класса. Особняк в несколько комнат с необходимой обстановкой, полная свобода в помещении, обслуживающий персонал, постоянный врач, ежедневная прогулка и т. д. и т. п. Чего большего могли желать люди, на что большее могли претендовать арестанты,

выпившие за свою жизнь моря человеческой крови. Может возникнуть вопрос, зачем же такое великодушие, откуда оно? В том то и дело, что победивший великий класс, руководствуется не мстостью, а только революционной необходимостью.

По части питания. Они, во-первых, получали обед, ужин из советской столовой, т. е. из столовой Горсовета, во-вторых, значительный период они много получали всяких продуктов из женского монастыря, это последнее, надо полагать, им было разрешено в целях обнаружения связи с организациями, принимавших меры к их освобождению, что и подтвердилось впоследствии. Правда, не все приносимое им передавалось, но все же немало и им перепало. В-третьих, у них, очевидно, немало было всяких запасов, привезенных из Тобольска. Там, как известно, они имели массу денег и жили почти по-царски. Надо, кстати сказать, что после расстрела, было обнаружено, например, большое количество великолепнейших папирос, которыми, насколько помню, я наделил значительным количеством всю охрану. Были всякие другие запасы. Были, надо сказать, некоторые излишества, совершенно ничем себя не оправдывавшие. Например, на руках у них, когда я пришел, оказалось много ценностей. Увидев это, я внес предложение вышестоящим товарищам сделать общий обыск их вещей, но почему-то с этим не согласились, тогда я собрал только то, что было на руках. Все отобранное я сложил в их же шкатулку, опечатал и оставил Николаю на хранение. Ежедневно на утренней проверке он был обязан эту шкатулку предъявлять. С производством обыска, вероятно, не согласились потому, во-первых, что таковой был произведен раньше, а, во-вторых, потому, что дело близилось к развязке. Однако эта неосторожность могла многого стоить, а по ликвидации их это доставило немало хлопот. Очень много хлопот это создало и в момент ликвидации. Дочери и сама А. Ф. были в панцирях из бриллиантовых вещей. Подробнее об этом я скажу ниже.

Утренней проверкой, которую я установил, как обязательную, А. Ф. была очень недовольна, т. к. она обычно в это время находилась еще в постели. Ходатаем по всяким вопросам выступал доктор Боткин. Так и в данном случае, он явился и просил — нельзя ли утреннюю проверку приурочить к ее вставанию. Я, разумеется, предложил передать ей, что или ей придется мириться с установленным временем независимо от того, что она в постели, или нет, или вовремя вставать. И, кроме того, сказать ей, что они как арестанты могут быть проверяемы в любое время дня и ночи.

Особое неудовольствие вызвало со стороны Александры Федоровны, когда в одно из окон, выходящее на Вознесенский проспект, вставили железную решетку (в другие окна решетки не успели приготовить или вставить, точно не помню, но было это уже при мне) и по этому поводу ко мне приходил доктор Боткин. Единственный раз, насколько помню, Николай просил разрешения придти в комендатуру (там был шкаф с книгами, выбрать себе какую-то книгу).

Пользовались они ежедневно прогулкой. А. Ф. не всегда ею пользовалась. Гуляли они по 1 1/2 часа, сравнительно в большом саду, прилегавшем к дому. Однако все прогулки они ждали с нетерпением. Обычно прогулка, насколько помню, происходила после обеда от 2 1/2 до 4 часов, и если это почему-то задерживалось, кто-либо из дочерей прибегали спросить: “А что, скоро на прогулку?” и убегали с радостью и кричали в дверь, что скоро идем гулять. Отправлялись они на прогулку, обычно так: Алексей, как известно, был больной, он страдал гемофилией, в этот период у него болела нога, Николай его выносил на руках, а кто-либо из дочерей везли коляску. Там Алексей играл с поваренком и, кроме того, он развлекался с маленькой собачкой. Выходили они все гулять в том, в чем ходили дома, а А. Ф., если выходила гулять, то более или менее наряжалась и обязательно в шляпе. Нужно сказать, что она не в пример остальным, при всех своих “выходах” старалась сохранить всю свою важность и прежнее достоинство, конечно, настолько, насколько это ей позволяло положение арестованной. На прогулке, кроме охраны рядовой, так сказать, бывал всегда Павел Медведев. Вели они себя на прогулках довольно оживленно, гуляли, девицы иногда даже бегали. Гуляли дочери вдвоем или с Николаем. В присутствии матери они себя чувствовали, по-видимому, менее свободно.

Лично мне их наблюдать пришлось очень мало, во-первых — короткий промежуток пребывания,

во-вторых, постоянная занятость, почти всегда все время дня и ночи или я, или Никулин были обязательно на месте, отлучались, то один, то другой, лишь в случаях крайней необходимости. Но раза два, вероятно, я на прогулке их наблюдал. В помещении — постоянно, но тут разумеется, многого не увидишь в качестве начальства.

Общее впечатление от их жизни такое: обыкновенная, я бы сказал мещанская семья, за исключением А. Ф. и, пожалуй, Татьяны, — жалкое. Сколько-нибудь долгое пребывание с ними, люди слабой настороженности, могли быстро потерять бдительность. Сам Николай выглядел как захудалый офицеришка, пропойца. Всякий увидев его, не зная, кем он был, никто бы не сказал, что этот человек был много лет царем такой огромной страны. В царское время ходил такой анекдот: “По улице в Петрограде шли двое и вели между собой какой-то разговор, один из них крикнул:

— Дурак!

Тут вмиг подскочил какой-то полицейский чин и придрался.

— Вы кого это дураком ругаете.

Тот отвечает:

— Да мы тут между собой разговариваем.

— Да, знаем вас, между собой, мы знаем, кого вы ругаете, ведь у нас в стране один дурак, следуйте за мной”.

И вот, если б в семье Николая было произнесено слово “дурак”, то никто не усомнился бы, что это относится именно к нему, а не к кому другому. Потому, что ни про детей, ни про А. Ф., этого сказать нельзя. Несмотря на колоссальное наличие всяческих вещей: платья, обуви, белья и т. д., Николай, например, носил чиненные сапоги, Алексей и девицы были все время очень просто одеты, девицы почти постоянно что-нибудь чинили, штопали и т. д. И причем порою это делали в коридоре, точнее в прихожей или приемной комнате, причем тут вели чинку, то одна, то другая из дочерей.

Надо думать, что все это делалось неспроста, все это, вероятно, имело своим назначением, попытки расположить своей простотой людей охраны.

Если мы вспомним, что разложение имело место, что Боткин ходил ко мне с разными жалобами на ухудшившееся к арестованным отношение, на строгость режима и т. д., то цель расположения к себе простотой имела известный успех. Почему они выходили со своим штопаньем в приемную комнату? Дело в том, что местом постоянного пребывания были отведенные им комнаты, которые замыкались приемной и рядом расположенным помещением коменданта, а уборная находилась в коридоре, тут же и ванная комната.

Людям охраны, кроме коменданта, в комнаты входить не разрешалось и они туда не входили, следовательно, образ жизни арестованных внутри помещения они видеть не могли. Не могли также с ними сталкиваться. В коридоре и приемной стояли часовые и, следовательно, это было единственное место, где они могли, так сказать, встречаться с охраной.

Но тут они должны были проходить не задерживаясь, поэтому единственная возможность (а это надо отнести к нашему недосмотру) показать, так сказать, в домашнем обиходе. Это выйти в приемную, латать и этим обратить на себя внимание.

Мне известен единственный случай, о котором мне рассказал один товарищ из внутренней охраны — латыш. На прогулке в саду к нему обратилась, кажется, Ольга:

Вы нас видите, люди охраны?

— бы нас видели, знали раньше :

Он ответил:

— Да, я вас видел там-то, на таком-то параде, я служил в таком-то гренадерском полку.

Тогда Ольга обратилась к Николаю и крикнула:

— Папа, вот это наш гренадер.

На этом разговор оборвался. Причину обрыва разговора не помню. Так что попытки разговаривать, несомненно, были. Но случаев и возможностей для этого было мало. И поскольку делать этого не разрешалось, то думаю, что это выполнялось в мой период, т. к. народ внутренней охраны был подобран и, кроме того, я и помощник всякий разговор в приемной и в коридоре могли всегда услышать.

Декрет о свободе вероисповедания был к ним в целости применен, они могли сколько им было угодно молиться сами и даже с помощью попов. Однажды через того же Боткина они обратились ко мне с просьбой разрешить им отслужить “обедницу”. Я обратился в Облисполком, мне сказали, что это уже практиковалось и что можно и на этот раз разрешить, было это за несколько дней до казни.

Приехали, точнее привезли попа, дьякона со всей амуницией, они в помещении комендатуры начали облачаться и т. д. Я им говорю, что вот мол нужно отслужить обедницу, но что никаких разговоров лишних и без лишнего растягивания дела. Дьякон ответил: “Мы это живо обкрутим, нам это привычно”. И действительно, они это сравнительно быстро проделали. И мне, грешным делом, пришлось быть участником этой обедницы до конца. Не обижены они были и по части культуры. Мы им давали, насколько помню, газету “Уральский Рабочий”. Какие-то были преинтересные моменты в связи с читкой этой газеты, но что именно, я никак восстановить в памяти не могу.

5) Казнь Николая и семьи и всех приближенных, которые неотлучно оставались с ними.

Предполагалось, что если бы время позволило, был бы организован суд над ними. Но как выше уже было сказано, что фронт с начала июля приближался все ближе и ближе, и наконец, уже находился в 35—40 верстах, это неизбежно приближало и развязку.

Постольку, поскольку это являлось тогда вопросом большой политической важности и без разрешения центра не мог быть разрешен, а т. к. и положение фронта также зависело не только от Урала, а от возможностей центра (ведь к этому времени централизация Красной армии все больше и больше концентрировалась). Связь и разговоры по этому вопросу с центром не прекращались. Примерно числа 10 июля уже было решение на тот случай, что если б оставление Екатеринбурга стало неизбежным. Ведь только этим и можно объяснить, что казнь без суда была дотянута до 16 июля, а Екатеринбург был окончательно оставлен 25—26 июля, причем эвакуация Екатеринбурга была проведена в полном, так сказать, порядке и своевременно. Примерно того же 10, 11 июля мне Филипп сказал, что Николая нужно будет ликвидировать, что к этому надо готовиться.

По части методов ликвидации мы ведь опыта таких дел не имели, т. к. такими делами до этого не занимались и поэтому, немудрено, что тут было немало и смешного в проведении этого дела, особенно еще и потому, конечно, что всякие опасности и близость фронта, усугубляли дело. Он мне сказал: “Отдельные товарищи думают, чтоб провести это более надежно и бесшумно, надо проделать это ночью, прямо в постелях, когда они спят”. Мне показалось это неудобным, и сказал, что мы подумаем, как это сделать и приготовимся.

15 июля утром приехал Филипп и сказал, что завтра надо дело ликвидировать. Поваренка

Седнева (мальчик лет 13) убрать и отправить его на бывшую родину или вообще в центр РСФСР. Также было сказано, что Николая мы казним и официально объявим, а что касается семьи, тут, может быть, будет объявлено, но как, когда и каким порядком, об этом пока никто не знает. Значит все требовало сугубой осторожности, возможно меньше людей, причем абсолютно надежных.

15 (июля) же я приступил к подготовке, т. к. надо было это сделать все быстро. Я решил взять столько же людей, сколько было расстреливаемых, всех и собрал, сказав в чем дело, что надо всем к этому подготовиться, что как только получим окончательные указания, нужно будет умело все провести. Нужно ведь сказать, что заниматься расстрелами людей, ведь дело вовсе не такое легкое, как некоторым это может казаться. Это ведь не на фронте происходит, а так сказать, в “мирной” обстановке. Тут ведь были не просто кровожадные люди, а люди, выполнявшие тяжелый долг революции. Вот почему не случайно произошло такое обстоятельство, что в последний момент двое из латышей отказались — не выдержали характера.

16 (июля) утром я отправил под предлогом свидания с приехавшим в Свердловск дядей мальчика, поваренка Седнева. Это вызвало беспокойство арестованных. Неизменный посредник Боткин, а потом и кто-то из дочерей справлялись, куда и зачем, надолго увели Седнева. Алексею за ним скучает. Получив объяснение, они уходили как бы успокоенные. Приготовил 12 наганов, распределил кто кого будет расстреливать. Тов. Филипп предупредил меня, что в 12 часов ночи приедет грузовик, приехавшие скажут пароль, их пропустить и им сдать трупы, которые ими будут увезены, чтоб похоронить. Часов в 11 вечера 16 (июля) я собрал снова людей, раздал наганы и объявил, что скоро мы должны приступить к ликвидации арестованных. Павла Медведева предупредил о тщательной проверке караула снаружи и внутри, о том, чтобы он и разводящий все время наблюдали сами в районе дома и дома, где помещалась наружная охрана, и чтобы держали связь со мной. И что уже только в последний момент, когда все будет готово к расстрелу, предупредить, как часовых всех, так и остальную часть команды, что если из дома будут слышны выстрелы, чтобы не беспокоились и не выходили из помещения и что уж если что особенно будет беспокоить, то дать знать мне через установленную связь.

Только в половине второго явился грузовик, время лишнего ожидания не могло уж не содействовать некоторой тревожности, ожидание вообще, а главное, ночи-то короткие. Только по прибытии или после телефонных звонков, что выехали, я пошел будить арестованных.

Боткин спал в ближайшей от входа комнате, он вышел, спросил, в чем дело, я ему сказал, что нужно сейчас же разбудить всех, т. к. в городе тревожно и им оставаться здесь вверху опасно и что я их переведу в другое место. Сборы заняли много времени, примерно минут 40. Когда семья оделась, я повел их в заранее намеченную комнату внизу дома. Этот план мы очевидно продумали с тов. Никулиным. Тут надо сказать, что не подумали своевременно о том, что окна шум пропустят и второе — что стенка, у которой будут поставлены расстреливаемые — каменная и, наконец, третье — чего нельзя было предусмотреть, это то, что стрельба примет беспорядочный характер. Этого последнего не должно было быть потому, что каждый будет расстреливать одного человека, и что все, следовательно, будет в порядке. Причины последнего, т. е. безалаберной стрельбы, выяснились позже. Хотя я их предупредил через Боткина, что им с собой брать ничего не надо, они, однако, набрали какую-то разную мелочь, подушки, сумочки и т. д. и, кажется, маленькую собачку.

Спустившись в комнату (тут при входе в комнату справа очень широкое, чуть не во всю стену окно), я им предложил встать по стенке. Очевидно, они еще в этот момент ничего себе не представляли, что их ожидает. А. Ф. сказала: “Здесь даже стульев нет”. Алексея нес на руках Николай. Он с ним так и стоял в комнате. Тогда я велел принести пару стульев, на одном из которых по правой стороне от входа к окну, почти в угол села Александра Федоровна. Рядом с ней, по направлению к левой стороне от входа, встали дочери и Демидова. Тут посадили рядом на кресле Алексея, за ним шли доктор Боткин, повар и другие, а Николай остался стоять против Алексея. Одновременно я распорядился, чтобы спустились люди и велел, чтобы все были готовы.

и что каждый, когда будет подана команда, был на своем месте. Николай, посадив Алексея, встал так, что собой его загородил. Сидел Алексей в левом от входа углу комнаты, и я тут же, насколько помню, сказал Николаю примерно следующее, что его царственные родственники и близкие как в стране, так и за границей, пытались его освободить, а что Совет рабочих депутатов постановил их расстрелять. Он спросил: “ЧТО?” и повернулся лицом к Алексею, я в это время в него выстрелил и убил наповал. Он так и не успел повернуться лицом к нам, чтобы получить ответ. Тут вместо порядка, началась беспорядочная стрельба. Комната, хотя и очень маленькая, все однако могли бы войти в комнату и провести расстрел в порядке. Но многие, очевидно стреляли через порог, т. к. стенка каменная, то пули стали лететь рикошетом, причем пальба усилилась, когда поднялся крик расстреливаемых. Мне с большим трудом удалось стрельбу приостановить. Пуля кого-то из стрелявших сзади прожужжала мимо моей головы, а одному, не помню, не то в руку, ладонь, не то палец задела и прострелила. Когда стрельбу приостановили, то оказалось, что дочери, Александра Федоровна и, кажется, фрейлина Демидова, а также Алексей, были живы. Я подумал, что они попадали от страха или, может быть, намеренно и потому еще живы. Тогда приступили достреливать (чтобы было поменьше крови, я заранее предложил стрелять в область сердца). Алексей так и остался сидеть окаменевши, я его пристрелил. А дочерей стреляли, но ничего не выходило, тогда Ермаков пустил в ход штык, и это не помогло, тогда их пристрелили стреляя в голову. Причину того, что расстрел дочерей и А. Ф. был затруднен, я выяснил уже только в лесу.

Покончив с расстрелом, нужно было переносить трупы, а путь сравнительно длинный, а как переносить? Тут кто-то догадался о носилках (вовремя не догадались), взяли из саней оглобли и натянули, кажется, простыню. Проверив, все ли мертвы, приступили к переноске. Тут обнаружилось, что будут везде следы крови. Я тут же велел взять имевшееся солдатское сукно, положили кусок в носилки, а затем выстелили сукном грузовик. Принимать трупы я поручил Михаилу Медведеву. Это бывший чекист и в настоящее время работник ГПУ. Это он вместе с Ермаковым Петром Захаровичем должны были принять и увезти трупы. Когда унесли первые трупы, то мне, точно не помню кто, сказал, что кто-то присвоил себе какие-то ценности. Тогда я понял, что, очевидно, в вещах, ими принесенных, имелись ценности. Я сейчас же приостановил переноску, собрал людей и потребовал сдать взятые ценности. После некоторого запирательства двое, взявших их, ценности вернули. Пригрозив расстрелом тем, кто будет мародерствовать, этих двоих отстранил, и сопровождать переноску трупов поручил, насколько помню, тов. Никулину, предупредив о наличии у расстрелянных ценностей. Собрав предварительно все, что оказалось в тех или иных вещах, которые были ими захвачены, а также и сами вещи, отправил в комендатуру. Тов. Филипп, очевидно, щадя меня (т. к. я здоровьем не отличался), предупредил меня, чтоб не ездил на “похороны”, но меня очень беспокоило, как хорошо будут скрыты трупы. Поэтому я решил поехать сам и, как оказалось, хорошо сделал, иначе все трупы были бы непременно в руках белых. Легко понять, какую спекуляцию они развели бы вокруг этого дела.

Распорядившись все замкнуть и зачистить, мы примерно около 3 часов, или даже несколько позже, отправились. Я захватил с собой несколько человек из внутренней охраны. Где предполагалось схоронить трупы, я не знал, это дело, как я говорил выше, поручено было, очевидно, Филиппом тов. Ермакову (кстати сказать, т. Филипп, как мне в ту же ночь сказал, кажется, Медведев Павел, он его увидел, когда бегал в команду, ходил все время вблизи дома, немало, вероятно, беспокоившись, как тут все пройдет), который и повез нас куда-то в В(ерх)-Исетский завод. Я в этих местах не бывал и не знал их. Примерно в двух — трех верстах, а может быть больше от Верх-Исетского завода, нас встретил целый эскорт верхом и в пролетках людей. Я спросил Ермакова, что это за люди, зачем они здесь, он мне ответил, что это им приготовленные люди. Зачем их было столько, я и до сих пор не знаю, я услышал только отдельные выкрики:

“Мы думали, что нам их сюда живыми дадут, а тут оказывается мертвые”. Еще, кажется, версты через три — четыре, мы застряли с грузовиком среди двух деревьев. Тут некоторые из людей Ермакова на остановке стали расстегивать кофточки девиц и снова обнаружилось, что имеются ценности и что их начинают присваивать. Тогда я распорядился приставить людей чтобы никого

ценности, и то на них никто не поворачивал. Тогда я распорядился представить людей, чтобы никто к грузовику не подпускать. Застрявший грузовик не двигался с места. Спрашиваю Ермакова: “А что ж, далеко место им избранное?” Он говорит: “Недалеко, за плотным железной дороги”. А тут, кроме того, что зацепились за деревья, еще и место болотистое. Куда не идем, все топкие места. Думаю, пригнал столько людей, лошадей, хотя бы телеги были, а то пролетки. Однако, делать нечего, нужно разгружать, облегчать грузовик, но и это не помогло. Тогда я велел грузить на пролетки, так как ждать дольше время не позволяло, уже светало. Только, когда уже рассветало, мы подъехали к знаменитому “урочищу”. В нескольких десятках шагов, от намеченной шахты для погребения, сидели у костра крестьяне, очевидно, ночевавшие на сенокосе. В пути на расстоянии также встречались одиночки, стало совершенно невозможно продолжать работу на виду у людей. Нужно сказать, положение становилось тяжелым, и все может пойти насмарку. Я еще в это время не знал, что и шахта-то ни к черту не годится для нашей цели, а тут еще эти проклятые ценности, что их достаточно много, я еще в этот момент не знал, да и народ для такого дела Ермаковым был набран никак не подходящий, да еще так много. Я решил, что народ надо рассосать. Тут же я узнал, что отъехали мы от города верст примерно 15 — 16, а подъехали к деревне Коптяки в двух-трех верстах от нее. Нужно было на определенном расстоянии оцепить место, что я и сделал. Выделил людей и поручил им охватить определенный район и, кроме того, послал в деревню, чтобы никто не выезжал с объяснением

того, что вблизи чехословаки. Что сюда двинуты наши части, что показываться тут опасно, затем, чтобы всех встречных заворачивали в деревню, а упорно непослушных расстреливать, если ничего не поможет. Другую группу людей я отправил в город как бы за ненадобностью. Прodelав это, я велел загружать трупы, снимать платье, чтобы сжечь его, т. е. на случай уничтожить вещи все без остатка и тем как бы убрать лишние наводящие доказательства, если трупы почему-либо будут обнаружены. Велел разложить костры; когда стали раздевать, то обнаружилось, что на дочерях и А. Ф., на последней я точно не помню, что было, тоже как на дочерях, или просто зашитые вещи. На дочерях же были лифы, так хорошо сделаны из сплошных бриллиантовых и др. ценных камней, представлявших из себя не только вместилища для ценностей, но и вместе с тем и защитные панцири. Вот почему ни пули, ни штык не давали результатов при стрельбе и ударах штыка. В этих их предсмертных муках, кстати сказать, кроме их самих, никто неповинен. Ценностей этих оказалось всего около полу-пуда. Жадность была так велика, что на Александре Федоровне, между прочим, был просто огромный кусок круглой золотой проволоки, загнутой в виде браслета весом около фунта. Ценности все были тут же выпороты, чтобы не таскать с собой окровавленное тряпье. Те части ценностей, которые белые при раскопках обнаружили, относились, несомненно, к зашитым отдельно вещам и при сжигании остались в золе костров. Несколько бриллиантов мне на следующий день передали товарищи, нашедшие их там. Как они не досмотрели за другими остатками ценностей, времени у них для этого было достаточно, вероятнее всего, просто не догадались. Надо, между прочим, думать, что кое-какие ценности возвращаются нам через Торгсин, т. к., вероятно, их там подбирали после нашего отъезда крестьяне дер. Коптяки.

Ценности собрали, вещи сожгли, а трупы совершенно голые побросали в шахту. Вот тут-то и началась новая морока. Вода-то чуть покрыла тела, что тут делать? Надумали взорвать шахты бомбами, чтобы завалить. Но из этого, разумеется, ничего не вышло. Я увидел, что никаких результатов мы не достигли с похоронами, что так оставлять нельзя, и что все надо начинать сначала. А что делать? Куда девать? Часа примерно в два дня я решил поехать в город, т. к. было ясно, что трупы надо извлекать из шахты и куда-то перевозить в другое место, так как, кроме того что и слепой бы их обнаружил, место было провалено, ведь люди-то видели, что что-то здесь творилось. У заставы оставил охрану на месте, взял ценности и уехал.

Поехал в Облисполком и доложил по начальству, сколь все неблагополучно. Т. Сафаров, и не помню, кто еще, послушали, да и так ничего не сказали. Тогда я разыскал Филиппа, указал ему на необходимость переброски трупов в другое место. Когда он согласился, я предложил, что-бы сейчас же отправить людей вытаскивать трупы. Я займусь поиском нового места. Филипп вызвал Ермакова. Крепко отругал его и отправил извлекать трупы. Одновременно я поручил ему

отвести хлеба, босед, так как там люди почти сутки без сна, голодные, измучены. Там они должны были ждать, когда я приеду. Достать и вытащить трупы оказалось не так просто и с этим немало помучились. Очевидно, всю ночь возились, т. к. поздно поехали. Я пошел в Горисполком к Сергею Егоровичу Чуцкаеву, тогда предгорисполкома, посоветоваться, быть может, он знает такое место. Он мне посоветовал на Московском тракте очень глубокие заброшенные шахты. Я добыл машину, взял с собой кого-то из Обл(астного) ЧК, кажется, Полушина, и еще кого-то и поехали, недоехав версту или полторы до указанного места, машина испортилась, мы оставили шофера чинить ее, а сами отправились пешком, осмотрели место, и нашли, что хорошо, все дело только в том, чтобы не было лишних глаз. Вблизи здесь жил какой-то народ, мы решили, что приедем, заберем его, отправим в город, а по окончании операции отпустим, на том и порешили. Вернулись к машине, а она сама нуждается, чтобы ее тащить. Решил ждать случайно проезжающей. Через некоторое время кто-то катит на паре, остановил, ребята, оказалось, меня знают, спешат к себе на завод. С большой, конечно, неохотой, но пришлось лошадей отдать. Пока мы ездили, возник другой план — сжечь трупы, но как это сделать никто не знает. Полушкин, кажется, сказал, что он знает, ну и ладно, так как никто толком не знал, как это выйдет, а все же имел в виду шахты Московского тракта, и, следовательно, перевозку, решил добыть телеги и, кроме того, у меня возник план в случае какой-либо неудачи, похоронить их группами в разных местах на проезжей дороге.

Дорога, ведущая в Коптяки, около урочища, глинистая, так что если б здесь без посторонних глаз похоронить, ни один бы черт не догадался, зарыть и обозом проехать, получится мешанина и все. Итак три плана. Не на чем ехать, нет машины. Направился я в гараж начальника военных перевозок, нет ли каких машин, оказалась машина, но только начальника, забыл я его фамилию, который, как потом оказалось, был прохвостом и его в Перми, кажется, расстреляли. Начальником гаража или заместителем начальника военных перевозок, точно не помню, был товарищ Павел Петрович Горбунов, в настоящее время зам. Госбанка. Я сказал ему, что мне срочно нужна машина. Он — “А (я) знаю для чего”. И дал мне машину начальника. Я поехал к начальнику снабжения Урала Войкову добывать бензин или керосин, а также серной кислоты, это на случай, чтобы изуродовать лица и, кроме того, лопаты. Все это я добыл. В качестве товарища комиссара юстиции Уральской области я распорядился взять из тюрьмы десять подвод без кучеров. Погрузили все и поехали. Туда же направили грузовик. Сам же я остался ждать где-то запропавшего Полушина, “спеца” по сжиганию. Но прождав до 11 часов вечера, так его и не дождался. Потом мне сообщили, что он поехал ко мне верхом на лошади, я его ждал у Войкова, и что он с лошади свалился и повредил себе ногу, и что поехать не может. Имея в виду, что на машине можно снова засесть, уже часов в 12 ночи, я верхом, не помню, с каким товарищем, я отправился к месту нахождения трупов. Меня тоже постигла беда, лошадь запнулась, встала на колени и как-то неловко припала на бок и отдала мне ногу, я с час или больше пролежал, пока снова смог сесть на лошадь.

Приехали мы поздно ночью, шли работы по извлечению. Я решил несколько трупов похоронить на дороге. Приступили копать яму. Она к рассвету почти была готова. Ко мне подошел один из товарищей и заявил мне, что несмотря на запрет никого близко не подпускать, откуда-то явился человек, знакомый Ермакова, которого он допустил на расстояние, с которого было видно, что тут что-то роют, так как лежали кучи глины. Хотя Ермаков и уверял, что тот ничего видеть не мог, тогда и другие товарищи, кроме сказавшего мне, стали иллюстрировать, то есть показывать, где тот был и что он несомненно не мог не видеть, так был провален и этот план. Яму решено было реставрировать. Дождавшись вечера, мы погрузились на телегу, грузовик же ждал в таком месте, где он как будто был гарантирован от опасности застрять (шофер был Злоказовский рабочий — Люханов). Держали мы курс на Сибирский тракт, переехав полотно железной дороги, мы перегрузили снова трупы в грузовик и снова засели вскоре, пробившись часа два, мы приближались уже к полуночи, тогда я решил, что надо хоронить то тут, так как нас в этот поздний час вечера действительно никто здесь видеть не мог, единственно кто мог видеть нескольких человек — это был железнодорожный сторож разъезда, так как я послал натаскать шпал, чтобы покрыть ими место, где будут сложены трупы, имея в виду, что единственной догадкой нахождения здесь шпал, будет то, что шпалы уложены для того, чтобы провезти

грузовик. Я забыл сказать, что в этот вечер, точнее, в ночь мы два раза застряли. Сгрузив все, вылезли, а второй раз уже безнадежно застряли. Месяца два тому назад, я, перелистывая книгу следователя по чрезвычайно важным делам при Колчаке Соколова, видел снимок этих уложенных шпал, там так и указано, что вот место, уложенное шпалами, для пропуска грузовика. Так что перекопав целый район, они не догадались заглянуть под шпалы. Нужно сказать, что все так дьявольски устали, что уж не хотели копать новой могилы, но как всегда в таких случаях бывает, двое-трое взялись за дело, потом приступили другие. Тут же развели костер и пока готовилась могила, мы сожгли два трупа: Алексея и по ошибке, вместо Александры Федоровны, сожгли, очевидно, Демидову. На месте сжигания, вырыли яму, сложили кости, заровняли, снова зажгли большой костер и золой скрыли всякие следы. Прежде чем сложить в яму остальные трупы, мы облили их серной кислотой, потом спустили в яму, снова залили их серной кислотой, яму завалили, шпалами закрыли, грузовик пустой проехал, несколько утрамбовали шпалы и поставили точку. В 5—6 часов утра, собрав всех и изложив им важность сделанных дел, предупредив, что все должны о виденном забыть и ни с кем никогда об этом не разговаривать, мы отправились в город. Потеряв нас, когда мы уже все кончили, приехали ребята из Обл(астной) ЧК товарищи Исай Родзинский, Горин и еще кто-то.

19 (июля) вечером я уехал в Москву с докладом. Ценности я передал тогда члену Ревсовета III

армии Трифонову, их, кажется, Белобородов, Новоселов и еще кто-то сохранили в подвале в земле какого-то домика рабочего в Лысьве и в (19)19 году, когда ехала на Урал комиссия ЦК для организации советской власти на освобожденном Урале, я тогда тоже ехал сюда на работу, ценности тот же Новоселов, не помню с кем извлекли, а Н. Н. Крестинский, возвращаясь в Москву, увез их туда. Когда в (19)21—23 году я работал в Гохране Республики, приводя в порядок ценности, я помню, что одна из жемчужных ниток Александры Федоровны, была оценена в 600 тысяч золотых рублей.

В Перми, где я проводил разборку бывших царских вещей, было снова обнаружено масса ценностей, которые были попрятаны в вещах, до черного белья включительно, а добра всякого было не один вагон.

7/II — (19)34 г.

г. Свердловск

Я. М. Юровский

Герцман М. Рекомендация Я. М. Юровского // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 418—419. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

РЕКОМЕНДАЦИЯ

Т. Юровского Якова Михайловича я знаю с 1910 года по г. Томску. В то время я знал его, как большевика-участника революции 1905 г. Познакомился я с ним через т. Сорокина, активного участника вооруженного восстания в Камышине, проживающего в Томске нелегально. По своим взглядам т. Юровский был определенный большевик. В 1912 году он был арестован и выслан в г. Екатеринбург (Свердловск).

Вторично я встретился с т. Юровским в Екатеринбурге в марте 1917 года, где он принимал активное участие в качестве члена местной большевистской организации: часто выступал на массовых собраниях, вел организационную работу, занимая все время непримиримую большевистскую позицию.

При переходе власти к Советам т. Юровскому, как активному и крепкому большевику давались

всегда наиболее ответственные поручения чекистского характера, которые он выполнял твердо и решительно.

Кроме того я хорошо знаю т. Юровского по работе в (...).

Зная т. Юровского в течение 24 лет как хорошего, преданного большевика, имеющего перед партией и революцией определенные заслуги, я рекомендую его в члены Общества старых большевиков.

Член О-ва ст. больш. с 1923 г. М. Герцман

бил. № 282

Москва. 28/II 1934 г.

Юровский Я. М. Автобиография члена партии с 1905 года Я. М. Юровского // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 417—418. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

АВТОБИОГРАФИЯ

ЧЛЕНА ПАРТИИ С 1905 ГОДА Я. М. ЮРОВСКОГО

Партбилет Московской организации Сокольнического района № 0077219.

Родился в Сибири, в городе Томске в 1878 году. Отец мой был стекольщик, мать — домашняя швея. Учился в первоначальной еврейской-русской школе, второе отделение не закончил. На 8-м году я работал на дрожжевом заводе, потом у портного. На 11-м году меня отдали по контракту в часовой магазин, где проучился до 13-и лет. С 13 до 17 лет продолжал учение в гор. Тюмени у часового мастера. Затем работал подмастерьем в Тобольске, Томске и Екатеринодаре. В отдельные периоды работал кустарем. В 1897 году я начал борьбу за фактическое проведение в жизнь 12-ти часового рабочего дня среди часовщиков. В 1904 году я стал посещать кружки и массовки в городе Екатеринодаре. В августе 1905 года, работая в г. Томске, оформил свою принадлежность к РСДРП (организация была (нрзб.)). В качестве рядового члена партии выполнял технические работы: хранение, распространение нелегальной литературы, изготовление паспортов, печати для паспортов и для организаций, приискание квартир. Имел явочную квартиру у себя. Вел профессиональную и пропагандистскую работу среди ремесленников-рабочих. В 12 году 4 апреля был арестован, в середине мая был выслан этапным порядком, в порядке пункта 4 статьи 16 об усиленной охране в гор. Екатеринбург на все время последней, с запретом селиться в 64 пунктах России и Сибири. В 1915 году было предписание о высылке меня в Чердынский уезд Пермской губернии, но не было приведено в исполнение, так как я в это время был на военной службе. Февральская революция застала меня в Екатеринбурге на военной службе. С первых дней марта я вел агитационно-организационную работу советскую и партийную. После Октября член Военного отдела, Председатель Следственной комиссии уральского областного ревтрибунала, товарищем комиссара юстиции Уральской области, членом Коллегии областной Чрезвычайной комиссии, Заведующим охраной города, комендант дома особого назначения, где содержался бывший царь Николай с семьей и провел выполнение приговора над ними по постановлению областного Исполнительного комитета Урала. С конца 1918 года организатор и заведующий районными чрезвычайными комиссиями города Москвы при ВЧК. Затем член Коллегии МЧК. Позже заместитель заведующего административного отдела Московского совета. В середине 1919 года командирован ЦК на Урал, где был председателем губернской Чрезвычайной комиссии и заведующим Губсобесом до конца 1920 года. После этого работал управляющим организационно-инструкторского отдела НК РКИ. В 1921 году направлен ЦК в Государственное хранилище республики при НКФ, где работал в качестве заведующего золотым отделом, затем председатель отдела по реализации ценностей до конца 1922 года. Затем до 1924 г. заместителем директора завода «Боратин». С 1924 по 1926 г.

конца 1925 года. Затем до 1924 г. заместитель директора завода Богатырь . С 1924 по (19)26 г. заведующий отделом по улучшению госаппарата и зам. зав. Экономсекцией в МКК-РКИ. С конца 1926 г. по конец 1927 г. член правления треста точной механики, с 1927 по конец 1928 г. секретарь партячейки Русаковского трамвайного парка. С 1928 по конец 30 г. член правления, а затем директор Государственного политехнического музея.

Выборные должности:

Избирался членом Совета Екатеринбургского городского и губернского и членом Исполкома (19)17—18—19 гг. Членом бюро городского к-та ВКП(б) в Екатеринбурге. Член Московской контрольной комиссии (19)24—25—27 и (19)28 гг. Член Сокольнического районного комитета ВКП(б) и кандидат в члены бюро. Член бюро ячейки ВКП(б) Государственного политехнического музея — последнее место работы.

Я. Юровский

Москва декаб(рь) 33 г.

Юровский Я. М. Анкета для вступления в Общество старых большевиков // Н. А. Соколов.

Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 415—416. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ

АНКЕТА

ДЛЯ ВСТУПЛЕНИЯ В ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА

Фамилия Юровский

Имя и отчество Яков Михайлович

1. Год рождения 1878

2. Национальность еврей

3. Социальное положение до революции (рабочий, крестьянин, служащий)

4. Основная профессия и специальность до революции часовщик

5. Образование (какую школу окончил):

общее Не законч. 2-го отд. начальн. шк.

специальное (технич. и пр.) политическое

6. Родной язык. Какие языки еще знаете (читаете, пишете, говорите) язык русск.

7. Когда, в какой организации начали революционную работу в г. Екатеринодаре

8. Партстаж (по партбилету) 1905

9. № партбилета 0077219

10. Какое участие принимали в февральской и октябрьской революции Вел агитац. организац. раб. — Советско-партийную Военно-массов. и организац. Работал в Ревтриб. и органах Ч. К.,

юстиции

11. Был ли на фронте во время гражданской войны. Какую выполняли там работу Непоср. в боях не участвовал
12. Какую партийную работу выполняете в настоящее время Парт. прикреплен к партгруппе т. Короткова парткол. ЦКК
13. Были ли перерывы в партработе, по какой причине, с какого по какое время (указать подробно причины перерыва) Работал по столько по сколько был использован организац. Профессионалом я не был, был рядовым чл. парт. В Екатеринбург. до февраля с организ. связаться не удалось. Идеино никогда не отходил. Кустарно-агитационной раб. не оставл., вел ее и в армии
14. Привлекались ли к суду за революционную работу, какому, где, когда, какой приговор Нет
15. Были ли в тюрьме, где, с какого по какое время В г. Томске с 4 апреля по 4 мая 12 и с 5-го по 15-е мая того же года
16. Были ли в ссылке, где, с какого по какое время выслан в г. Екатеринбург с июня 1912 г. до февр. революции
17. Каким еще подвергались репрессиям, где, когда В (19)16 г. было предписание о высылке меня в Чердынский уезд. Не приведено в исполнение по случаю нахождения на военн. службе
18. Были ли в эмиграции, где, с какого по какое время. Причины эмиграции. С какой организацией были связаны за границей Нет
19. Не состояли ли членом других партий, каких, с какого по какое время, какую выполняли работу Нет
20. Отношение к империалистической войне, работа во время нее Пораженческое, агитац. раб. в этом направлении
21. Не привлекались ли к советскому суду, когда, за что, какой приговор Нет
22. Были ли партвызыскания, когда, за что, какие именно. Как прошла последняя партчистка Ни как
23. Семейное положение
 - а) общее число чл. семьи Трое
 - б) число чл. семьи, имеющих самостоят. заработок Все
 - в) число иждивенцев Нет
24. Основной источник средств существования (служба, пенсия и т. д.)
25. Место работы в настоящее время (название и местонахождение учреждения или предприятия, должность или род работы) По состоян. здоровья постоянной работы не несу
26. Домашний адрес (город, улица, № дома, № квартиры, № телефона) Москва 9, Моховая 7. 4 д. ВЦИК кв. 1 т. 2-45-93

Время заполнения анкеты Декаб. 33 г.

Подпись заполнявшего Я Юновский

Юровский Я. М. Заявление в Президиум О(бщест)ва стар(ых) большевиков // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 415. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

В ПРЕЗИДИУМ О(БЩЕСТ)ВА СТАР(ЫХ) БОЛЬШЕВИКОВ

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прилагая:

1. Автобиографию и анкету в двух экземплярах
2. Справки о партстаже и рекомендации тт.: Б. Гольдберга чл. парт. с 1902 г., М. Герцмана... 1903 г. М. Сорокина (политкаторжанин), т. Н. Н. Крестинского чл. парт. 1903 г. Чл. общ.
3. Копию заглавного листка, партбилета
4. Фотографическую карточку

Прошу рассмотреть вопрос о приеме меня в члены О(бщест)ва чл(енов)партии с 1905 г.
партбилет № 0077219

Я. М. Юровский

Москва, Моховая 7. кв. I. 4 д. ВЦИК тел. № 2-45-93.

Указатель имен

(Концевая страница) // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. [464]. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Р 76

«Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.)». Выпуск VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие. 1919—1922 гг. М.: Студия «ТРИТЭ» — «Российский Архив». 1998. — 464 с.; ил.

ISSN 0869—2009

ISBN 5—86—566—018—7

В этом выпуске впервые публикуются материалы из “Предварительного следствия, произведенного судебным следователем по особо важным делам Н. А. Соколовым по делу об убийстве... Императора Николая Александровича, Государыни Императрицы, их детей...” Особую ценность представляют документы 1920—1922 гг., связанные с продолжением следствия за границей.

Для историков, архивистов и всех интересующихся отечественной историей.

ББК 63.3 (2) 612

РОССИЙСКИЙ АРХИВЪ

История Отечества

в свидетельствах и документах

XVIII—XX вв.

Выпуск восьмой

Н. А. СОКОЛОВ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

Студия «ТРИТЭ»

Никиты Михалкова

Редакторы В. В. Шibaева, О. Ю. Щербакова

Художественный редактор И. А. Захарова

Корректор Н. А. Несмеева

Изд. лицензия ЛР № 064800 от 21.10.1996 г.

Подписано к печати 26.12.97. Формат 70 × 100/16.

Гарнитура «QuantAntiquaC». Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,41 + альбом=39,99.

Тираж 3000 экз. Изд. № 18. Заказ № 2405

Издательский отдел «Российский Архив» ООО Студия «ТРИТЭ»

103001, Москва, Мал., Козихинский пер., 11

Чеховский полиграфический комбинат

142300, г. Чехов, Московская область, ул. Полиграфистов, 1

Принятые сокращения // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 462. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Принятые сокращения

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории

ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области

М. Ю. — Министерство юстиции

Д. — дело

Док. — документ

Д.с.с. — действительный статский советник

Ед. хр. — единица хранения

Л. — лист

Об. — оборот листа

Оп. — опись

П. — пункт

Ст. — статья

Т. — том

Уст. угол. суд. — установленное уголовное судопроизводство

Ф. — фонд

(Титульные листы) // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 1—4. — (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.; [Т.] VIII).

Два чувства дивно близки нам —

В них обретае сердце пищу:

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам...

А. С. Пушкин

РОССИЙСКИЙ

АРХИВЪ

История Отечества

в свидетельствах и документах

XVIII—XX вв.

— — — — —

VIII

Н. А. Соколов

Предварительное следствие

1919—1922 гг.

Составитель Л. А. Лыкова

Студия

«ТРИТЭ»

НИКИТЫ МИХАЛКОВА

«РОССИЙСКИЙ АРХИВ»

РЦХИДНИ

Москва

1998

4

ББК 63.3(2)

Р 76

Редакционная

коллегия

А. Д. Зайцев

Н. С. Михалков

А. Л. Налепин (главный редактор)

Т. Е. Павлова

Т. В. Померанская

В. И. Сахаров

В. В. Шibaева

О. Ю. Щербакова

Серийное оформление В. М. Мельникова

Макет И. А. Захаровой

В подготовке издания

принимали участие

А. Н. Дорошенко, А. Н. Козлов, А. Н. Кузнецова, И. В. Пискарев

Компьютерная верстка В. А. Нестерова

Ответственность за археографическую подготовку текста

несет автор публикации

Издание осуществлено при финансовой поддержке

РОССИЙСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ

в рамках направления

“Культура и издательская деятельность”

ISSN 08692009

ISBN 5865660187

© РЦХИДНИ, 1998

© Л. А. Лыкова (составление, предисловие и примечания), 1998

© Студия «ТРИТЭ», РИО «Российский Архив», 1998